РИЧАРД СТАЙТС

ЖЕНСКОЕ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

Феминизм, нигилизм и большевизм 1860 – 1930

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНОЙ И ГЕНДЕРНОЙ ПОЛИТИКИ

RICHARD STITES

THE WOMEN'S LIBERATION MOVEMENT IN RUSSIA

Feminism, Nihilism, and Bolshevism 1860 – 1930

PRINCETON UNIVERSITY PRESS
PRINCETON, NEW JERSEY
1991

РИЧАРД СТАЙТС

ЖЕНСКОЕ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

Феминизм, нигилизм и большевизм 1860 – 1930

Москва
РОССПЭН
2004

ББК 63.3(2)
С 75

Издание осуществлено при поддержке благотворительной организации Институт «Открытое общество» (Фонд Сороса) в рамках Женской Сетевой программы

Книжная серия «Гендерная коллекция» инициирована Женской Сетевой программой Института «Открытое общество» (Фонд Сороса)

Научные редакторы:
доктор исторических наук Б.Н.Миронов,
кандидат исторических наук О.В.Шнырова,
кандидат социологических наук И.И.Юкина

Перевод с английского И.А.Школьникова, к.и.н. О.В.Шныровой

Стайтс Р.

С 75 **Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм и большевизм, 1860–1930** / Пер. с англ. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 616 с.

Впервые эта книга была опубликована в 1978 г., а в 1991 г. вышло в свет пересмотренное и дополненное ее издание. Данная работа касается главным образом истории XIX – начала XX в., однако сам автор считает, что ее следует рассматривать как исследование общего характера, которое должно способствовать дальнейшему изучению того, что принято называть «женским вопросом».

ISBN 5 - 8243 - 0387 - 8

Моей жене Тане

Предисловие редакторов

Книга Ричарда Стайтса «Женское освободительное движение в России: феминизм, нигилизм и большевизм, 1860–1930 годы» хорошо известна в западной исторической литературе и давно признана классикой темы и жанра. Сегодня ни один исследователь, занимающийся историей женского движения России, не может пройти мимо этой работы. Она презентует тему русского женского движения и русского феминизма в мировой историографии. Впервые эта монография вышла в свет в издательстве Принстонского университета (США) в 1978 г., а в 1991 г. состоялось ее второе издание. Но на русском языке книга выходит только сейчас.

Профессор истории Джорджтаунского университета Ричард Стайтс является одним из ведущих зарубежных специалистов по русской истории и культуре XIX–XX вв. Он автор еще двух известных монографий, посвященных истории русской культуры и общественной мысли XX в.: «Мечты о революции: Утопия и социальное экспериментирование» и «Русская народная культура: Развлечения и общество с 1900 года». Стайтс, по его собственным словам, предназначает свои исторические исследования тем, кто хочет понять жизнь русских людей – мужчин и женщин, молодежи и стариков, через их образ жизни, юмор и национальную культуру. Сам автор хорошо знает и любит русскую культуру, многократно бывал в Советском Союзе и в современной России (более 50 раз), прекрасно владеет русским языком.

И, тем не менее, его книга «Женское освободительное движение в России», по нашим прогнозам, вызовет у российского читателя неоднозначную реакцию. В первую очередь потому, что гендерный поворот в любой теме любой отрасли общественных наук воспринимается неоднозначно и вызывает достаточно острую реакцию. К тому же монография посвящена практически не исследованной в российской историографии теме, обобщает малоизвестный исторический материал и неожиданна своей новизной в постановке исследовательской задачи.

Монография Ричарда Стайтса – это взгляд со стороны, взгляд непредвзятый и доброжелательный, не отягощенный нашими

собственными представлениями о самих себе и идеологическими клише, сформировавшимися еще под влиянием советской пропаганды и усвоенными с детства. Безусловно, это взгляд носителя западной культуры, который в соответствии со своими установками и представлениями о роли общественной мысли, общественного движения в развитии общества, исследовал и описал женское движение России и русский феминизм.

Собственно, книга уже вызвала неоднозначную реакцию коллег-историков, которые принимали участие в подготовке данного издания своими консультациями и комментариями. Через эту книгу мы все с интересом и удивлением, смешанным с недоумением, посмотрели на себя со стороны и не узнали себя.

С одной стороны, благодаря этому исследованию Р.Стайтса российский читатель откроет неизвестные страницы отечественной истории. С другой стороны, немного грустно, что такая замечательная работа написана зарубежным исследователем – пророка в своем Отечестве опять не нашлось, и написана давно, в 1970-е гг., а мы только сегодня знакомимся с ней. Также грустно, что российские историки до сих пор не сделали исследования подобного масштаба на тему женского движения и женского политического участия.

Тема истории женского движения связана с таким негативно окрашенным в отечественной культуре понятием как «феминизм». И первый вопрос, который возникнет у читателей – разве мог быть феминизм в России? Уже одно это может вызывать критическое отношение к исследованию и к оценке книги.

В советское время феминизм рассматривался только как «буржуазное женское движение, стремящееся к обособленной борьбе женщин за их равноправие с мужчинами при сохранении основ капиталистического строя» и оценивался со значительной долей негативизма. В силу такой идеологической постановки проблемы российский феминизм не изучался, история русского феминизма, его достижения и традиции были успешно вычеркнуты из отечественной историографии. Женский вопрос в СССР считался успешно решенным, а женщина-труженица и мать, воздвигнута на фальшивый пьедестал, который только скрывал острые гендерные проблемы, существовавшие в советском обществе.

С началом перестройки в России вновь зазвучало слово «феминизм» и обнаружилось, что в нашей стране у него тоже есть своя история, и что она уже исследована рядом зарубежных авторов. Однако теперь «палку должно много перегнуть в другую сторону», как писал Н.Г.Чернышевский, а за ним Р.Стайтс и в новых исследованиях о положении женщин в Советском Союзе

больше внимания уделяется проблемам дискриминации женщин, патерналистской политике государства, двойной нагрузке женщин, отсутствию реального равенства, нежели освещению достижений в области решения женского вопроса.

Поэтому можно предположить, что некоторые выводы Р.Стайтса вызовут возражения как у тех, кто стоит на позиции позитивной оценки советского прошлого, так и, возможно, у некоторых исследователей женского движения феминистской ориентации. С одной стороны, автор критически оценивает политику большевиков в отношении женщин, но, с другой стороны, в заключительной главе он большое внимание уделяет тем реальным позитивным достижениям в области гендерного равенства, которые, с его точки зрения, ставили советскую женщину в более выгодное положение, чем женщину в западном обществе.

Впрочем, не следует забывать, что книга создавалась в конце 1970-х гг., когда под влиянием феминистского движения второй волны западные правительства только еще начали делать первые шаги по устранению гендерной дискриминации в области трудового законодательства и в политической сфере. Однако и во втором издании 1991 г., отмечая в послесловии изменения, происходящие в России, Р.Стайтс не счел необходимым пересматривать свои оценки предшествующего советского периода.

Возражения читателей может вызвать также подход к анализу биографий участниц женского движения, написанных в незнакомой российскому читателю психоаналитической манере, но, с другой стороны, автору никогда не изменяет чувство меры. Так, анализ деятельности и взглядов Александры Коллонтай вполне можно поставить в пример в качестве образца объективности и корректности авторам вышедших в последние годы ее биографий, в которых, прежде всего, смакуются подробности ее личной жизни. Историкам, специализирующимся в области дореволюционной отечественной истории, могут показаться упрощенными некоторые оценки политики царского правительства. Как было отмечено некоторыми нашими коллегами, Р.Стайтс непропорционально много внимания уделил страданиям народа и репрессиям правительства, и в то же время ничего не сказал о том, что российское общество исследуемого периода переживало этап модернизации, в силу которого многие трудности, в том числе и правительственная политика, носили объективный характер. Возможно, знакомство с новейшими исследованиями в российской истории изменило бы позицию автора по некоторым вопросам, но с другой стороны перед ним стояла задача проследить эволюцию российского женского движения, что он

и сделал, опираясь на большой корпус разнообразных исторических источников, подтверждающих его выводы. Рабочая группа, готовящая книгу к изданию, со своей стороны, уточнила некоторые термины и позиции автора, которые могли быть непонятны отечественному читателю.

Как бы то ни было, но появление русского издания книги Р.Стайтса «Женское освободительное движение в России» – несомненно, значимое событие для профессиональных историков и для широкого круга любителей и знатоков российской истории. Книга представляет безусловный интерес для всех категорий читателей, так как является очень удачным сочетанием добросовестного научного исследования и увлекательной исторической публицистики.

Кроме того, мы надеемся, что появление на русском языке такой фундаментальной работы, широко освещающей российское женское движение, будет способствовать возрастанию интереса российских историков к женской и гендерной истории и что в скором времени в отечественной историографии появятся не менее интересные работы в этой новой отрасли исторического знания, в том числе и на тему русского женского движения и русского феминизма.

Предисловие автора к русскому изданию

Первое издание этой книги вышло в свет в 1978 г., а пересмотренное и исправленное в 1991 г., оба – в советский период истории. Для последнего издания я написал Послесловие (см. с. 566–581 настоящего издания), в котором объяснил, как я пришел к написанию данной книги, и попытался подвести итог научным исследованиям женской истории, вышедшим после 1978 г. В то время это было довольно рискованным занятием, так как появилось огромное количество книг по данной тематике, написанных на разных языках. Здесь я не буду пытаться сделать то же самое в отношении последнего десятилетия (1990–2000), а постараюсь обозначить новейшие направления в научной мысли.

В первую очередь – это политика и современная жизнь. Несмотря на то, что было написано несколько достаточно интересных книг и статей на русском и других языках, значительная часть серьезных новейших дискуссий по женским и гендерным проблемам проводится сейчас в Интернете. На десятке сайтов содержится практически ежедневно обновляемая информация по различным проблемам: от деятельности политических партий, женской экономической и общественной деятельности до проявлений сексизма в отношении женщин на работе (в настоящее время – весьма насущный вопрос). Что касается последнего издания книги, то, когда я писал послесловие к его изданию в 1990 г., самым насущным и дискутируемым вопросом была проституция. Сейчас общественный интерес к проблеме отчасти спал, хотя само явление не исчезло. Неравенство между мужчинами и женщинами, которое это явление олицетворяет, до сих пор сохраняется в повседневной жизни. К примеру, для читателей не будет новостью узнать, что русские работодатели по уже заведенному порядку ищут секретарш, которые должны быть молоды, симпатичны, «с длинными ногами» и готовы отправиться со своим начальником в «деловую поездку». Таким образом, отвратительная практика дореволюционных публичных домов и незаконных, но в то же время доступных, рынков «валютных» девушек в советское время уступила место еще более доступной,

сверхмодной и отвратительной практике секса в офисе (или в деловой поездке). Все это без сомнения основывается на системе неравной заработной платы женщин, а также образе «мачо», присущем русским мужчинам, в особенности обуржуазившемуся классу «новых русских».

Данная книга касается главным образом истории XIX – начала XX в. Однако в последнее время, в основном под влиянием постмодернизма, произошло удивительное смещение акцентов в женских исследованиях, что проявилось в междисциплинарных исследованиях литературы, антропологии, психоанализа, истории. Появилось несколько превосходных работ о сексуальности, сексуальной культуре, а также ряд прекрасных сборников на английском языке, рассматривающих такие увлекательные предметы, как женские костюмы, театральное представление и гендер, литературные образы, поэзия, автобиографии, литературные посвящения и множество других. В будущем фактически невозможно будет писать о театре, музыке, опере, балете, художественной литературе, живописи и кинематографе независимо от использования в них гендерных категорий анализа. Больше не будет традиционного исследования канонических текстов. Нынешний стиль состоит в том, чтобы соотнести искусство с повседневной жизнью и наоборот, а также в интертекстуальном изучении культурных мифологий. Историки учатся проводить параллели и даже переплетать традиционное изложение фактов, взятых из общепринятых источников (мемуаров, законодательных актов, документов и т.п.), с тем что было создано искусством и воспринято обществом. На мой взгляд, это может стать прекрасным интеллектуальным упражнением, поскольку субъективные размышления не отражают в достаточной степени «реальный» опыт, создаваемый документами, логическим анализом и здравым смыслом.

Я рад отметить, что разрыв между западными и советскими учеными (о котором я писал в 1990 г.) в настоящее время исчезает благодаря российским исследователям. Они сочетают лучшее из европейской и американской методологий (без слепого их копирования) с глубоким погружением в первичные российские источники. Например, весьма впечатляет работа, проделанная преподавателями Европейского университета Санкт-Петербурга в области истории и социологии, а также их эрудиция и оригинальные подходы к изучению общества в прошлом и настоящем. Они написали прекрасные работы, поражающие широтой охвата: от изучения истории нескольких дворянских семей на протяжении ряда поколений до стратегий выживания женщин высшего

сословия в первые десятилетия советской власти. Им свойственна редкая беспристрастность и объективность, лишенная как однозначных толкований, присущих старой советской историографии, так и тенденциозных подходов, содержащихся в работах западных авторов времен «холодной войны».

Книгу, которую вы держите в руках, следует рассматривать как исследование общего характера, которое, я надеюсь, будет способствовать дальнейшему изучению того, что принято называть «женским вопросом». Я бы хотел считать свою книгу еще одним символом или напоминанием о том, что даже в мрачные дни «холодной войны» ученые с разных сторон океана восторгались героической русской историей. Я же восхищался необычным опытом и вкладом женщин в эту историю. Надеюсь, что российские исследователи русской женской истории будут продолжать писать ее, исходя из своего собственного видения. И я желаю им в этом удачи.

Ричард Стайтс
Джорджтаун, 2000.

Предисловие к первому изданию

Вкратце об этой книге можно сказать то, что она посвящена не истории русского феминизма как такового, а скорее истории российского женского движения, частью которого и был феминизм. Поскольку данное движение можно рассматривать в двух различных исторических контекстах – в контексте европейского феминизма XIX в. и в контексте коммунизма XX в., то вначале было бы целесообразно остановиться именно на них. Европейский феминизм нового времени, начало которому положили И. Фон Гиппель и М.Уоллстонкрафт, женщины французской революции 1789 г., довольно быстро умер из-за отсутствия поддержки в обществе. Когда же в 30–40 годах XIX в. он вновь вернулся к жизни, то, как и раньше, стал развиваться одновременно с более «существенными» и привлекающими большее внимание событиями (революция, национальные волнения, эмансипация других угнетенных социальных слоев), переплетаясь с проблемами экономических и социальных изменений в интересах женщин среднего класса, которые и стояли у истоков этого движения. Кучки образованных женщин, обладавших как свободным временем, так и осознанием своего подчиненного положения, перешли от абстрактных дискуссий о «женском вопросе» к организованной деятельности. Первоначально она заключалась в основном в благотворительности и попытках улучшить образовательный, профессиональный и юридический статус женщин, нежели в стремлении добиться права голоса, хотя суфражизм уже заявил о себе во Франции в 1848 г. и в Великобритании в 1860-х гг. В начале следующего столетия «политический» феминизм был возрожден и выдвинут на первое место феминистской борьбы. Почти одновременно с этим, в ответ на насущные потребности растущего класса работниц, придерживавшиеся социалистических взглядов женщины попытались создать «пролетарское женское движение», политические цели которого носили демократический характер, но зачастую находились в конфликте с целями так называемого «буржуазного» феминизма. Свое отражение эти три периода развития феминизма нашли в трех крупнейших

международных женских организациях: Международном женском совете, созданном в 1888 г. для координации международной благотворительной деятельности феминисток; Международной суфражистской ассоциации (1904 г.); и международном женском социалистическом движении, возникшем в 1907 г. Близко к этой схеме развивалось и русское женское движение.

Если же эмансипацию женщин в России рассматривать преимущественно с точки зрения современных коммунистических революций (в Китае, Вьетнаме, Югославии или на Кубе), то здесь также становятся видны некоторые общие черты. Во всех этих обществах феминистки и социалистки были вынуждены бороться с глубоко укоренившимися антифеминистскими ценностями. Здесь так же, как и в Европе, феминистское движение, возникнув на волне крупных политических потрясений и социальных кризисов, рано или поздно разделилось на радикалок и убежденных феминисток, хотя это разделение не всегда было четким и определенным. Как и в России, женщины, принадлежавшие к немарксистскому радикальному крылу, играли интересную с точки зрения истории роль, принимая участие в борьбе либо с собственными режимами, либо с иностранным правлением. И хотя память об их подвигах и революционной деятельности обычно связывалась с образами женщин-марксисток, эти женщины отличались от марксистов тем, что не стремились или же не могли установить связи с работницами. С другой стороны, марксистки в Китае, Вьетнаме и, частично, в Югославии, уделяя значительное внимание организации сельских, а не городских, женщин, отличались тем самым от своих русских и европейских соратниц. Как и в большевистской России, женские объединения в этих странах столкнулись с трудной постреволюционной задачей воспитания и пробуждения политического сознания в умах в основной своей массе пассивных и неграмотных (за исключением Кубы) женщин. Результаты, хотя и разноречивые, были впечатляющими, если их рассматривать в историческом контексте, но по своему характеру они существенно отличались от результатов, достигнутых феминистким движением на Западе.

В конечном итоге, классический феминизм (вполне оправданный термин, несмотря на разнообразие входивших в него движений) сконцентрировался на праве голоса для женщин, рассматривая его как краеугольный камень женской эмансипации на Западе. Вместе с тем, это не означает, что предоставление политических прав считалось окончанием феминисткой борьбы. Очевидно, что для большинства феминисток политическое равноправие было всего лишь средством, продолжением процесса

эмансипации, но уже на более высоком уровне: женщины-избирательницы станут выбирать женщин; женщины будут оказывать влияние на проведение реформ, которые отвечают интересам не только их пола (право на развод, образование и т.д.), но также (апелляция к женской чуткости, что иногда противоречило основному направлению феминистской риторики) будут способствовать национальному возрождению и уничтожат такие пороки как алкоголизм, проституция и война. Однако достижения феминисток в этих областях, после того как право голоса было ими завоевано, также оказались весьма разноречивыми. Действительно, тот контекст, в котором осуществлялись два совершенно разных подхода к проблеме женской эмансипации (западный и коммунистический), был, и остается, настолько различным, что сравнивать их довольно-таки трудно, зачастую неверно, а иногда даже и неуместно.

Цель данной книги – проследить с исторической точки зрения истоки разнообразия коммунистического освобождения женщин в России. В первой и второй частях рассматривается положение образованных женщин в русском обществе, появление в нем «женского вопроса» и основные реакции на него. В третьей главе, посвященной первым феминисткам, основное внимание уделяется их благотворительной деятельности и их достижениям в деле допуска женщин на университетские курсы. Так называемый нигилистский взгляд на женщин анализируется отдельно (Глава IV), поскольку он отличался как от феминизма, так и от радикализма, тем, что основной акцент делался на личное освобождение, сексуальную свободу, интеллектуальное совершенствование и на экспериментирование с образом жизни. Глава о радикальном отклике (Глава V) исследует революционные движения и роль в них женщин, а также описывает то отношение к сексу, феминизму и политике, которое побудило некоторых женщин подчинить дело своей эмансипации всеобъемлющей миссии социальной революции. Данная фаза женского радикализма закончилась в 80-х годах XIX в. с распадом «Народной воли» и была отмечена в 1881 г. казнью первой женщины как политической преступницы.

В третьей части (1881–1920 гг.) изучается влияние процессов индустриализации и урбанизации на женщин и на формирование женских проблем и движений, возникших в начале XX в. В Главе VI описывается наплыв крестьянок в города, что привело к увеличению «женского пролетариата», росту уровня проституции и формированию нового профессионального женского класса, из которого вышли как феминистские, так и радикальные

лидеры. В Главе VII рассматривается смещение интересов феминисток от благотворительности и образовательной деятельности к женским избирательным правам и прослеживается развитие суфражистского движения. Ядро Главы VIII составляет анализ марксистской теории женского вопроса и основанного на ней пролетарского женского движения, представлений социалистов о будущем семьи и секса, новых ролей женщин в условиях радикальных и террористических движений. Глава IX посвящена исследованию феминистской и большевистской реакции на войну 1914 г., революцию 1917 г. и Гражданскую войну.

Так как с моей точки зрения четкое понимание социальной истории осложняется традиционным реверансом в сторону 1917 г. как водораздела, то в четвертой части книги я рассматриваю освобождение женщин и решение женского вопроса в советское время в неразрывной связи с дореволюционными стремлениями, достижениями и неудачами женщин, а также в свете яростной полемики между феминистками и марксистками. Данная часть определяет пределы равноправия, которого русские женщины достигли к 1930 г., а также устанавливает связь «сексуальной революции» 20-х годов и ее результатов с более широким вопросом о роли женщины в советском обществе. В Главе XII предпринимается попытка соединить существующие на Западе и в СССР представления о положении женщин в советском обществе с некоторыми личными наблюдениями, сделанными во время многочисленных визитов в Советский Союз в течение последнего десятилетия.

Данное исследование не выдвигает какого-либо единого утверждения или положения. Сомнительно, что это было бы возможно при серьезном анализе столь сложного движения. В этой работе довольно много от «интеллектуальной истории», но это не *Ideengeschichte*[1] в смысле генеалогии идей. В большей степени представленная работа – этическая история или же история этоса, нежели история идеи, как ее понимают в формальном отношении «интеллектуальные» историки; это попытка показать влияние идеалов и ценностей на определенные социальные группы. Опять же, хотя предметом изучения является часть общества, подход к проблеме не является в строгом смысле «социальной историей», по крайней мере, в том отношении, как данный термин понимается в настоящее время. Это в большей степени изучение малых групп, биографий, персоналий и личных взаимоотношений, нежели строгий социологический и статистический

[1] История идей (*нем.*). – *Прим. пер.*

анализ широких слоев населения. Описательное изложение фактов уравновешено биографическими характеристиками, без которых история социальных движений кажется мне безжизненной и нереальной, и постоянным анализом.

Поскольку людей, которых необходимо поблагодарить за их роль в создании этой книги (и не несущих ответственность за ее недостатки) слишком много, чтобы всех их перечислить здесь, я хотел бы выразить свою признательность следующим лицам: Хилари Конрой и Ричарду Барлоу, которые стимулировали мой интерес к истории в университете Пенсильвании, Родерику Дэвисону, который делал то же самое в университете Джорджа Вашингтона; Ричарду Пайпсу, научному руководителю моей диссертации в Гарварде, который поощрял изучение мною темы, не совсем актуальной в то время; Роберту Вулфу, чьи суровые, но в тоже время добродушно-критические стилистические замечания я всегда помнил; а также персоналу Публичной библиотеки Нью-Йорка, Библиотеки Конгресса и Библиотеки Уайденер в Гарварде, где в 1964–1967 гг. я писал диссертацию (в чем-то схожую с первой и второй частями этой книги).

Исследование проводилось в основном в Европе с 1967 по 1973 г. За возможность работать в советских архивах, а также за достопамятный семестр, проведенный в Ленинграде, я хотел бы поблагодарить Межуниверситетский комитет грантов на поездки (ныне IREX) и моего консультанта, профессора Наума Григорьевича Сладкевича. В последующие годы мой материал существенно увеличился благодаря работе с богатейшими коллекциями библиотек Ленинградского университета, Академии наук и Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, а также благодаря любезной и компетентной помощи их персонала, в особенности Анатолия Терентьевича Быстрова и Натальи Сергеевны Баталовой из Публичной библиотеки. В 1968 г. благодаря щедрым грантам от Национального Фонда Гуманитарных Наук и Американского Философского Общества, я получил возможность работать с архивными и опубликованными материалами в Международном институте социальной истории в Амстердаме и прибегнуть к помощи Бориса Моисеевича Сапир, Лиан Кист и Лео ван Россум. Грант, полученный в 1969 г. от колледжа Ликаминг, позволил мне провести четыре месяца, работая с великолепной Славянской коллекцией в библиотеке университета Хельсинки, где моим изысканиям содействовала ныне покойная Мария Виднас с ее огромными познаниями в библиографии. Я также хотел бы выразить свою благодарность Нуду Расмуссену и Эйгил Стеффансен из Славянского Института Копенгагена,

персоналу Королевской библиотеки Копенгагена, в особенности Кэрол Голд и Чарльзу Бенoффу, персоналу библиотеки Британского музея и библиотеки Милисент Фосетт в Лондоне.

После возвращения из Европы, я обязан ряду организаций, групп и отдельным лицам: Русскому исследовательскому центру в Гарварде за возможность работать в 1974–1975 гг. со Смоленскими архивами и проверить мои записи; историческому факультету Брауновского университета за возможность апробации содержания данной книги на семинаре в 1974 г.; Дороти Аткинсон и Александру Даллину из Стэнфорда и Гейл Лапидус из Беркли за конференцию «Женщины в России», проведенную в 1975 г., и обогатившую меня; декану Артуру Адамсу, профессору Марвину Захнисеру и Джеймсу Биддлу из государственного университета Огайо за моральную и финансовую поддержку на последнем этапе; Джуди МакБрайд и Катрин Бигелоу из того же университета за профессиональный набор огромной и трудной рукописи; Роберту Дэниелсу из университета Вермонта, Кааре Хэйг из университета Осло и Хенрику Ленчик из университета Упсалы за предоставление библиографических и иных сведений о Коллонтай; Барбаре Клементс из университета Эйкрона, Роберту Драмму из Колумбийского университета, Рут Даджеон из университета Джорджа Вашингтона, Вере Данхэм из Королевского Университета, Барбаре Энгел из университета Колорадо, Беатрис Фарнсворт из Колледжа Уэллм, Ксении Гасиоровски из университета Висконсина, Сьюзан Хьюман из Колумбийского университета, Бернис Мэдисон из Сан-Франциско, Роберту Маннинг из Бостонского колледжа, Чарльзу Шлэксу из университета Питсбурга, а также Реджинальду Зелкину из университета Беркли за комментарии и обсуждения предмета этой книги.

Большую помощь в объяснении некоторых русских понятий, фигурирующих в первых главах книги, оказал профессор Лео Уинстон из колледжа Ликаминга. Главы II и X в той или иной форме были опубликованы в журналах «Канадско-Американские славянские исследования» и «Русская история», редакторов и издателей которых я также хотел бы поблагодарить. Отдельные части рукописи были прочитаны Розой Гликман, работающей в настоящее время в Ленинградском университете, Рошель Ратшильд из Школы Кембридж-Годдард, Норалин Ньюмарк из университета Сиднея, Кэрол Юбэнк из университета Беркли и Эми Найт из Лондонского университета. Полностью работа была прочитана Эбботт Глизон из Брауновского университета, Сирел Блэк из университета Принстона, Шейлой Фитцпатрик из Колумбийского университета и Дэвидом Йоравски из университета

Нортвестерна. Каковы бы ни были достоинства этой книги, они обязаны конструктивным замечаниям и советам всех перечисленных моих друзей и коллег. Я также обязан тем людям из издательства Принстонского университета, чья заинтересованность превратила рукопись в книгу: Кэрол Орр за обработку текста; Льюису Батеману за профессиональную редактуру; и особенно Памеле Лонг, которая верила в ее успех. Огромную долю личной благодарности заслуживают мои старинные друзья и болельщики: Томас МакМэйхон и Джозеф Вагнер из Филадельфии; Эббот Глизон, который мне всегда помогал, моя тетушка, Флоренс Стайст, которая много сделала для меня в начале моей карьеры; мой отец; и, превыше всего, моя жена Таня, которая наравне со мной является автором этой книги.

Ленинград
Сентябрь 1976 г.

Часть первая

НАКАНУНЕ

Глава I
ЖЕНЩИНЫ И РУССКАЯ ТРАДИЦИЯ

Курица не птица, женщина не человек.

Русская поговорка

1. Женщина-дворянка и ее мир

В России, как и в Европе, женский вопрос не мог возникнуть в среде работниц и крестьянок. Женщины, находящиеся внизу социальной лестницы не играли почти никакой роли в женском движении вплоть до начала XX в., за исключением тех случаев, когда они становились объектом внимания русских революционеров. Стремление к эмансипации возникло в России в среде образованных женщин-дворянок – только им до 1860-х гг. было доступно образование, хотя и ограниченное. Поэтому дворянки численно преобладали и были наиболее влиятельны как в легальном феминистском движении, так и среди участниц возникшего одновременно с ним революционного подпольного движения. В обоих случаях это преобладание сохранилось практически без изменений вплоть до революции 1917 г. Далее даюся краткие характеристики образовательного, правового и семейного статуса женщины-дворянки, определявшего ее образ жизни, а также различных представлений о ней, бытовавших в общественном мнении, вплоть до неожиданного пробуждения ее сознания в середине XIX века.

Как это обычно и бывает в традиционных обществах, образование в России начала XIX в. было статусно-ориентированным. Для женщин это означало, в соответствии с взглядами, глубоко укоренившимися в европейской культуре, получение образования «подходящего» для их будущих социальных ролей и общественного положения. Свое классическое обоснование данная точка зрения получила в XVII в. в трудах Фенелона, считавшего, что пол как категория должен быть решающим фактором того, какое

образование получает человек и что девочек необходимо готовить к роли благопристойной жены, матери и домашней хозяйки. Очевидным следствием этого было, во-первых, то, что лишь незначительная часть женщин была образованной; и, во-вторых, это образование служило только для «профессиональной» подготовки матерей, жен и домохозяек привилегированного класса. Данная идея, сформулированная для сословного общества, оказалась одним из наиболее устойчивых принципов социального консерватизма.

Вплоть до 1870-х гг. в Российской империи не существовало ни высшего, ни профессионального образования для женщин. До конца 1850-х гг. не было даже среднего образования для девочек всех сословий. В период между 1764 и 1858 гг. существовало очень немного учебных заведений, дающих среднее образование, – так называемых *институтов*, обучение в них было доступно лишь девочкам-дворянкам и немногим мещанкам. Домашнее обучение, которому отдавали предпочтение большинство дворянских семей, было более дорогим. Из институтов наиболее элитными были те, которые поддерживались царской фамилией. Их появление относится к 1764 г., когда Екатерина II основала Воспитательное общество благородных девиц, которое находилось в селе Смольном, примыкавшем в то время к окраине столицы. Созданное при этом Обществе учебное заведение было известно как Смольный монастырь или Смольный институт – по иронии судьбы ставший в 1917 г. штаб-квартирой большевиков, а впоследствии – местонахождением Ленинградского обкома партии. Около 20 подобных институтов возникли во всех губернских городах Российской империи. В XIX в. эти «приюты» для русских аристократок находились не в ведении Министерства просвещения, а являлись частью императорского благотворительного комплекса подразделения Императорской канцелярии – Ведомство учреждений императрицы Марии Федоровны.

Доступ к обучению в этих институтах имели дочери высших военных и гражданских чинов, а одним из основных критериев отбора являлось наличие у их семей заслуг перед Отечеством. Во всех институтах предпочтение отдавалось той девушке, чей отец погиб на поле боя, и, конечно же, при условии, что погибший герой был знатного происхождения и занимал высокое положение в обществе. Однако достаточно часто право на обучение приобреталось благодаря влиянию и связям семьи: практика весьма характерная для России того времени. Купцы и непотомственные дворяне также могли отдать своих дочерей в желаемый институт,

однако они должны были заплатить за эту привилегию. Прием был ограниченным и избирательным. В течение первого века своего существования Смольный, самый знаменитый среди институтов, ежегодно выпускал около 70 девушек. Кроме того, существовали частные женские пансионы, созданные по образцу французского *pension* или *pensionnat*[1]. Большинство подобных пансионов, стремившихся конкурировать с престижными государственными институтами, были собственностью женщин-иностранок и возглавлялись ими[2].

Образование, предоставляемое в обоих видах учебных заведений, было оторванным от жизни. Гоголь, хорошо знавший это, был вполне серьезен, когда писал в «Мертвых душах»: «Хорошее воспитание, как известно, получается в пансионах. А в пансионах, как известно, три главные предмета составляют основу человеческих добродетелей: французский язык, необходимый для счастия семейственной жизни; фортепьяно, для доставления приятных минут супругу, и, наконец, собственно хозяйственная часть: вязание кошельков и других сюрпризов». Двадцать лет спустя одна из выпускниц института жаловалась на то, что со времен Гоголя не произошло никаких ощутимых изменений. Похожие больше на монастыри, чем на учебные заведения, институты и пансионы практически не давали возможности своим подопечным контактировать с внешним миром, кроме как под строжайшим надзором. Они представляли собой «закрытые институты», которые «старались сделать из своих учениц настоящих «дам», незнакомых с жизненными реалиями и серьезным научным знанием». Именно их исчезновение и оплакивал старый адвокат Давыдов в 1906 году в работе «Женщина перед уголовным судом»[3].

В своих мемуарах, написанных в 1860-е гг., бывшая институтка вспоминает, что процесс обучения был скучным и сухим,

---

[1] pension (*фр.*) – содержание. Пансионами во Франции назывались закрытые женские школы при монастырях, дававшие традиционное образование, преимущественно девушкам-дворянкам в возрасте от 10–11 до 17–18 лет. – *Прим. ред.*

[2] См.: *Овцин В.* Развитие женского образования. СПб., 1887; *Лядов В.Н.* Исторический очерк столетней жизни Императорского Воспитательного общества благородных девиц. СПб., 1864; *Семенов Д.* Столетие Смольного монастыря // Отечественные записки. 1864. № 5. С. 288–409; а также статьи «Женское образование» и «Институты женские» в Энциклопедическом словаре Брокгауза–Ефрона, XII (XIA) С. 867; XXV (XIII) С. 245.

[3] *Гоголь Н. В.* Мертвые души. М., 1967. С. 34–35; *Дестунис Н.* Чему мы женщины учились? // Русская беседа. 1859. № 3. С. 21–50, 27; *Давыдов Н. В.* Женщина перед уголовным судом. М., 1906. С. 5.

враждебным любой инициативе или «чрезмерной любознательности», и не давал какой бы то ни было значимой подготовки к будущей жизни, даже в ее простейших проявлениях. Основной акцент делался на послушание, строгое следование учебному плану и предписаниям начальства. Наказанием за нарушение правил, которые регламентировали все, вплоть до того какую прическу должна носить ученица, было лишение ее возможности увидеться в воскресенье со своими родителями. Как отмечала автор мемуаров, при таком режиме молодая девушка по достижении зрелости не только теряла связи с семьей, но и оказывалась совершенно не готовой к жизни. На искреннее стремление к получению знаний смотрели неодобрительно. «В конце концов, это привело к тому, – писала она, – что ученицы не просто стали ленивыми, но еще и гордились этим, выставляя напоказ свое безделье и беззаботность». Одной из обучавшихся позднее воспитанниц института учительница как-то сказала, что «помимо всего прочего, образованная девушка должна иметь хорошие манеры и безупречно говорить по-французски; что это *sine qua non*[1] ее будущего счастья». Мораль, убеждала она, заключается в безоговорочном послушании и гладкой прическе[2].От девушек, которых воспитывали в таких условиях, вряд ли можно было ожидать страстного стремления к интеллектуальному самосовершенствованию и саморазвитию. Название «институтка» в русском обществе превратилось в прозвище, которое неизменно вызывало иронию, а само слово стало синонимом легкомысленной и крайне наивной женщины. Елена Кольцова-Масальская, далматская княгиня русского происхождения, писавшая под псевдонимом Доры д'Истриа, отмечала, что единственное стремление русских дам высшего света заключалось в том, чтобы быть как можно ближе к императорскому окружению. Подобное наблюдение сделал и Петр Кропоткин, который часть детства провел при дворе. Таковы были ценности «лучших» дам; что же касается уровня сознания их провинциальных кузин, то он хорошо известен. Дора д'Истриа так описывает свое десятидневное пребывание в доме провинциальной подруги – ужасная тоска

---

[1] sine qua non (*лат.*) – обязательное условие. – *Прим. пер.*

[2] *Долгомостева М.* Институтка // Эпоха. 1864. Окт. С. 1–40. *Луконина А.Л.* Из детства и школьных лет // Северный Вестник. 1886. Февр. С. 65–96; 1886. Март. С. 94–129; 1886. Апр. С. 87–144. О похожих случаях см.: Рассвет. 1860. VII. С. 21–31; *Добролюбов Н.А.* Собрание сочинений: В 9 т. М., 1961–1964. Т. II. С. 363–365; а также рецензию М.Вовчка на статью Долгомостевой «Институтки» (Рассвет. 1860. Июнь. VI. С. 15–23)

от «женского» бездеятельного существования: вышивание, карты, прогулка, чай, сон[1].

Но образование, в конце концов, – относительная вещь. Несмотря на строгости режима и зубрежку, некоторые выпускницы Смольного смогли преодолеть ограниченность данного им образования, что, безусловно, было уникальным явлением, и для России, и для всей эпохи в целом[2]. Так, например, Дора д'Истриа сумела «выжить» в удушающей атмосфере институтской жизни и стала известной писательницей. И она не была единственной. Институтки, по меньшей мере, приобретали знание языков, что позволяло им, если они того желали, знакомиться с плодами западной культуры, в том числе и с учением о правах женщин. Однако лишь немногие читали лучшие образцы публицистической и художественной литературы, в которой они обнаружили, подобно их братьям, ужасающее несоответствие между тем, что есть, и тем, что должно быть.

Как и во всей Европе, в России начала XIX в. женщина знатного происхождения выходила замуж за мужчину, принадлежащего к ее кругу, при одобрении, если не по непосредственному выбору родителей. «Мы не выходим замуж, а нас отдают замуж», – говорила Ольга, героиня романа И.А.Гончарова «Обломов» Впрочем, это высказывание не совсем соответствовало законодательству. Хотя дочери не позволялось выходить замуж без согласия родителей, ее не могли принудить к замужеству против ее воли. Но в реальной жизни далеко не все женщины пользовались этим правом или даже знали о нем. Брачная церемония являлась таинством православной церкви, которое связывало мужчину и женщину узами брака перед лицом Бога, семьи и друзей. Выйдя замуж, женщина должна была заботиться о муже, вести домашние дела, и что наиболее важно, растить детей. «Обязанностью граждан является воспитание детей», – писал в начале века

---

[1] *Dora d'Istria* [Елена Кольцова-Масальская] Les Femmes en Orient: In 2 vols. Zurich, 1859–1860. Vol. II (La Russie). P. 94–95, 107–109; *Kropotkin P.* Memoirs of a Revolutionist. N. Y., 1962. P. 113.

[2] Для сравнения можно привести, например, атмосферу, царившую в школе для девочек, описанную в романе Шарлотты Бронте «Джейн Эйр»: «Если сведения Бесси о школьной дисциплине... несколько отпугивали меня, то ее рассказы о различных познаниях, приобретенных там теми же молодыми особами, казались мне, с другой стороны, весьма заманчивыми. Она восхищалась тем, как хорошо они рисовали всякие красивые пейзажи и цветы, как пели и играли на фортепьяно, какие прелестные кошельки они вязали и как бойко читали французские книжки» (*Бронте Ш.* Джейн Эйр. М., 1992. С. 22).

Н.Карамзин. Причем «воспитание достойных сынов своей Отчизны» почиталось долгом обоих родителей и в особенности матери. Этот взгляд нашел свое отражение в наставлении новобрачным 1827 г., в котором подчеркивалась роль женщины-матери и ее обязанность воспитывать здоровых, верующих и преданных долгу патриотов[1].

«Жена обязана повиноваться мужу своему, как главе семейства, пребывать к нему в любви, почтении и неограниченном послушании, оказывать ему всякое угождение и привязанность как хозяйка дома» – это положение российского законодательства 1836 г., звучащее как основополагающий закон абсолютной монархии, заложило юридическую основу для подчинения женщин своим мужьям. До тех пор пока супруги живут под одной крышей, жена обязана подчиняться желаниям своего мужа, выполнять свой супружеский долг, а также следовать за ним всюду, куда бы он ни поехал. Единственное исключение делалось в том случае, если муж признавался преступником, лишенным гражданских прав, и ссылался в Сибирь; только тогда жена имела право отказаться следовать за ним[2]. Замужняя женщина не была полноценным гражданином – без разрешения мужа она не могла работать, учиться, заниматься торговлей или путешествовать. Нет необходимости говорить о том, что «благородный» муж имел свой собственный паспорт и поэтому не испытывал подобных затруднений. До замужества жизнь девушки точно также контролировалась родителями, особенно отцом[3]. Во многих случаях положение жены или до-

---

[1] Свод законов Российской империи / Под ред. И.Д.Мордухай-Болконского: В 16 т. СПб., 1912. Т. X; О правах женщин в более раннем законодательстве см.: Женское право. СПб., 1873. С. 98–108. Карамзина цитирую по Стоюнину. См. Вестник Европы. 1884. Янв. С. 67; Наставление новобрачным: *Васильев И.* Фемида. М., 1827.

[2] С 1723 г. в число законных оснований для развода входило: 1) прелюбодеяние, 2) неизвестное долгое отсутствие одного из супругов или ссылка и тюремное заключение, 3) уход в монастырь, 4) близкое родство, 5) вступление в брак при жизни супруга. Несогласие между супругами, физические недостатки, тяжелые болезни, побои не служили основанием для развода. В 1850 г. было разрешено разводиться также и в случае «физической неспособности к брачному сожитию», что было равносильно признанию тяжелой болезни в качестве основания для развода (*Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 2000. Т. 1. С. 174–175. – *Прим. ред.*).

[3] Женское право. СПб., 1873. С. 110–111; *Орович Я.* Женщина в праве. СПб., 1895. С. 92.

чери под властью мужа или отца ничем не отличалось от положения крепостной крестьянки.

Другим способом расторгнуть брак, помимо смерти или ареста мужа, был развод. Начиная со времен Петра Великого церковь постепенно усиливала свое влияние в семейных делах и укрепляла священные узы брака. Основаниями для расторжения брака были только лишь трехгодичное половое бессилие, доказанная измена, необоснованное отсутствие супруга в течение пяти лет, а также лишение его гражданских прав. Для большинства русских людей, даже принадлежавших к высшему классу, публичный и медленный бракоразводный процесс был слишком тяжелым испытанием, чтобы согласиться на него, а для женщин – и просто невозможным[1].

Если мы посмотрим на положение русских женщин с другой позиции, то поймем, что отсутствие прав и возможности передвижения не было чем-то исключительным. Европейские своды законов, большинство из которых создавалось под влиянием Кодекса Наполеона, предполагали осуществление подобного контроля, как над замужними, так и над одинокими женщинами. Но жизнь безусловно вносила свои коррективы. Быстрое экономическое развитие, социальная мобильность, размывание классовых различий в европейских странах привели к тому, что законодательные ограничения женской занятости и свободы передвижения в Западной Европе перестали действовать и это произошло раньше, чем в России. Это не означало отмену этих ограничительных законов, к которым можно было вернуться в любое время. Юридический статус русских женщин в отношении собственности и права наследования был значительно выше статуса их европейских сестер. Жена могла владеть собственностью и наследовать одну седьмую часть недвижимого и одну четвертую часть движимого имущества своего мужа. Право наследования наряду с сыновьями имели и дочери, хотя и на разных условиях. Подобные положения российского законодательства резко контрастировали с законами европейских стран, по которым права женщин на владение собственностью были либо минимальными, либо вовсе отсутствовали. Поэтому противники женской эмансипации в России зачастую ссылались на эти законы, как на «дока-

---

[1] Свод законов Российской империи. Т. 10. Ст. 45–60. О разводе см.: *Способин А.Д.* О разводе в России. М., 1881; *Филиппов М.А.* Взгляд на русские гражданские законы // Современник. 1861. Февр. XV. С. 523–562; 1861. Март. С. 217–266; *Загурский Л.Н.* Речи. Харьков, 1904. С. 159–204.

зательство» того, что русские женщины не нуждаются в освобождении[1].

Далее мы время от времени будем касаться случаев «домашнего деспотизма», который имел место в русских семьях. Подобного рода деспотизм встречался в семьях как помещиков, так и крупных чиновников, которые тиранили своих домочадцев и слуг. Примерами могут служить семьи деда Сергея Аксакова и генерала Перовского (отца Софьи Перовской). Между тем, взгляд на типичную дворянскую семью как на тюрьму, где отец обладает неограниченной властью, не вполне соответствует действительности. В русской литературе и мемуарах достаточно часто упоминаются семьи, во главе которых стояли вполне добропорядочные и образованные отцы: например, Кирсанов в романе «Отцы и дети», благожелательно относившийся к своим слугам и родственникам. Можно вспомнить множество случаев, когда властные жены полностью подчиняли себе своих мужей. Многочисленные примеры семейного деспотизма мы встречаем в пьесах Александра Островского, сюжеты для которых он черпал из своей жизни в московской купеческой среде. Такой деспотизм имел юридические основания и потенциально был возможен, однако не носил всеобщего характера. Семейный деспотизм особенно проявился в 1860-х гг., когда желание жен и дочерей работать и получать образование натолкнулось на сопротивление со стороны мужей и отцов. С этого момента мы можем наблюдать, как смиренные подданные берут верх над всемогущими деспотами.

Скажем несколько слов о незамужних женщинах-дворянках. Что бы мы сегодня не думали о кошмарном существовании женщины в браке при столь неравных условиях, описанных выше, мы должны признать, что участь «старой девы», с общепринятой точки зрения, была намного хуже. «Не женат – не человек» – гласит русская поговорка. И хотя это изречение относится к холостяцкой жизни, искреннюю жалость в русском обществе вызывал не холостой мужчина, а незамужняя женщина. Незамужняя

---

[1] Женское право. СПб., 1873. С. 168–181; *Орович Я.* Женщина в праве. СПб., 1895. С. 102; *Синайский В.И.* Личное и имущественное положение замужней женщины. Дерпт, 1910. С. 42; *Blum J.* Lord and Peasant in Russia from the Ninth to the Nineteenth Century. N. Y., 1964. P. 41, 378. О неправоспособности замужних женщин в Европе и Америке владеть собственностью см.: *Орович Я.* Женщина в праве. СПб., 1895. С. 29–31; а также: The Woman Question in Europe / Ed. by T.Stanton, N. Y., 1884. Примером, который любили приводить самодовольные русские антифеминисты, была Англия, где жены абсолютно не имели права владеть собственностью вплоть до принятия в 1882 г. Акта о собственности замужних женщин.

«тетушка» была привычной фигурой для тогдашнего общества, свидетельством чему является частое описание их эксцентричного поведения в литературе того времени. Д.М.Уоллас, английский исследователь русской истории, повествует о незамужней тетушке старой закалки, которая бесцельно проводила время за раскладыванием пасьянса, гадая на жениха или скорую свадьбу. Известный математик Софья Ковалевская, описывала с горькой иронией отъезд своей пожилой английской гувернантки с «батареей маленьких коробочек, корзиночек, чемоданчиков и сверточков, без которых ни одна старая дева не отправлялась в дорогу». Однако большинство русских с редко встречающимся в то время пониманием относилось к причудам старых дев, объясняя их отсутствием сексуальной жизни. Но, несмотря на это снисходительное отношение, незамужние женщины были активно вовлечены в жизнь семьи и, как правило, хорошо обеспечивались своими семьями[1].

Детство девочки-дворянки было беззаботным. Она играла в куклы, каталась на коньках и санях зимой, ходила по грибы летом и иногда участвовала в играх братьев в «казаков-разбойников». Русский язык она учила у своей крепостной няньки, французский – у гувернантки, которая к тому же обучала ее шить, петь и наигрывать на пианино песенки Шуберта. Ее миром было отцовское поместье, столицей этого мира – дворянская усадьба. Его правителем, одновременно и добрым, и строгим, был далекий и загадочный человек, которого она редко видела. С матерью у нее были более близкие отношения, хотя и не настолько, чтобы девочка могла узнать об интимных сторонах жизни. Долли Облонская, золовка Анны Карениной, с сарказмом вспоминала о своем собственном опыте: «Я с воспитанием maman не только была невинна, но я была глупа. Я ничего не знала»[2].

Одним из психологических последствий недостатка общения между дочерью и родителями могло быть развитие у многих молодых девушек чувства «инаковости». Под этим подразумевается не просто изоляция или отчуждение от семейного круга, но и обращение к другим за поддержкой и дружбой. В крупных и средних дворянских поместьях эту роль зачастую играли кормилицы, няньки и другие слуги. Из-за отсутствия или недостатка внимания со стороны родителей и учителей

---

[1] *Wallace D.M.* Russia on the Eve of War and Revolution. N. Y., 1961. P. 124–125; *Ковалевская С.В.* Воспоминания детства и автобиографические очерки. М., 1945. С. 74.

[2] *Толстой Л.Н.* Анна Каренина. М., 1956. С. 80.

многие дети искали необходимые им тепло и ласку у других домочадцев – у своих любимых слуг. Об этом без конца упоминается в воспоминаниях о детстве у русских женщин. В ответ на эту доброту, ребенок часто вставал на сторону слуг, когда они вызывали недовольство родителей. Как мы увидим впоследствии, многие русские женщины, воспитанные в помещичьих усадьбах, испытали возвышенные и в то же время мучительные порывы альтруизма в результате свойственного определенной части общества «социального фантазирования» – мечтаний, в которых девушки-дворянки приходят на помощь угнетенным, защищая их от общего врага: холодной и бездушной власти. Это «социальное фантазирование» было многообразным и имело различную направленность, причем не только радикальную; более того, само его существование ставило на повестку дня вопрос о взаимоотношениях между системой воспитания и государством[1].

Помимо домашнего обучения, девочка-дворянка восемь наиболее важных лет в своей жизни (с 10 до 18 лет) проводила в институте или другом учебном заведении. Здесь она изучала азы арифметики, Закон Божий, приобретала некоторые навыки ведения домашнего хозяйства, совершенствовала свой французский, а также знакомилась с представлениями высшего света о моде, танцах и правилах поведения в обществе. Девическая потребность любить и быть любимой у ребенка оторванного от своих родителей, выливалась в трогательные «увлечения» своими учителями и более старшими ученицами. По достижении девушкой восемнадцатилетнего возраста ее «подготовка для высшего общества» завершалась. Поступив в институт ребенком, она возвращалась в свое имение *барышней* или, как шутя могли бы ее назвать в то время, «кисейной барышней». Более всего она походила на красавиц американского Юга – такая же нежная, беспомощная, непосредственная как ребенок, в пышном кринолине – она ожидала своего первого бала, первого танца, первого знакомства с жизнью.

Между выпуском из института и замужеством жизнь девушки была по-прежнему наполнена мечтаниями; она жила меж двух миров, одинаково незнакомых ей: внизу был мир слуг и

---

[1] Размышления на эту тему см.: *Dunn P.P.* That Enemy is the Baby: Childhood in Imperial Russia // The History of Childhood / Ed. by Lloyd de Mause. N. Y., 1975. P. 383–406; детские воспоминания, например, Веры Засулич, Софьи Ковалевской, Екатерины Брешковской, Анжелики Балабановой и Александры Коллонтай приводятся в последующих главах.

крепостных, близкий, но в то же время непонятный; вверху – мир мужчин, войн, «серьезных дел». Эти миры были выше ее понимания. Таким образом, находясь между девичеством и зрелостью в подвешенном состоянии, она была переполнена чувством ожидания чего-то большего. Она была готова к жизни. Только позже такие же девушки как она, постоянно видя вокруг себя страдания и проявления неравенства, начнут более серьезно задумываться о будущем, занимаясь «социальным фантазированием». Однако в это, более спокойное время только мужчина мог рассеять очарование ее радужных представлений о будущей жизни. Обычно им был один из тех лихих молодых офицеров, которому случалось оказаться в гостиной ее родителей. «Граф с графиней, – писала Ковалевская, рисуя вымышленный портрет одной из дворянских семей, – понимали, что в один прекрасный момент, через два или три года, на сцене неминуемо возникнет какой-нибудь гусар или драгун, который заберет с собой Лену; затем, спустя некоторое время, другой гусар заберет Лизу. После этого наступит очередь Веры»[1]. Именно так все и происходило. Если же запас офицеров у родителей девушки был невелик, то тогда наступала очередь местных помещиков, студенческих приятелей ее брата или же таких столичных болтунов как, например, Рудин. В конце концов, она выходила замуж: редко за кого-нибудь ниже ее по положению и еще реже за того, кем была увлечена в юности.

В первый год своего замужества девушка полностью отдавалась супружеской жизни, наслаждаясь чувством независимости от родителей и осознанием своей власти как хозяйки домашней «империи», какой бы скромной она ни была. Затем у нее регулярно рождались дети, а семейная жизнь превращалась в надоедливый круг повседневных занятий: следить за воспитанием детей и развлекать друзей мужа. По достижении тридцатилетнего возраста она, вероятнее всего, начинала испытывать пока еще неуловимое чувство тоски по своей первой юношеской любви. Если же позволяли обстоятельства и доходы семьи, то компенсировать это чувство она могла тем, что становилась «светской дамой»: «О чем она думает? Она думает, что Лядов хорошо играет на скрипке, что розовый цвет ей к лицу, что в такой-то лавке получены такие-то наряды, что у такой-то дамы прекрасные брильянты, что тот волочился, другой волочился, а третий будет за ней волочиться. Иногда смущают ее скучные домашние заботы. Но о

---

[1] *Ковалевская С.В.* Воспоминания детства и автобиографические очерки. М., 1945; *Она же.* Нигилистка. М., 1960. С. 146.

2 Заказ 5510

них она не думает, думать не хочет. Дом ее ей чужой. У нее нет дома. Ее дом, ее жизнь – это свет, неугомонный, разряженный, болтливый, танцующий, играющий, тщеславный, взволнованный и ничтожный. Вот ее сфера, вот для чего она родилась!»[1]

За пределами Петербурга и Москвы лишь немногие русские женщины могли стать «светскими дамами», так как такого яркого общества как в столицах не было даже в губернских городах. Жизнь этих женщин в значительной степени ограничивалась домом, приемом гостей и нанесением по праздничным дням визитов своим соседям. В действительности же, мир *барыни* не намного расширился с тех пор, когда она, будучи еще *барышней*, мечтала о будущем. В большинстве случаев ее томные юношеские грезы уступали место горьковато-сладкой ностальгии и терзающему ее душу пониманию того, что она что-то в этой жизни пропустила. Это «что-то» позднее ее дочери и внучки определят как жизнь, работа, деятельность, знания и свобода. Однако, несмотря на то, что женщина-дворянка дореформенной России зачастую обладала решительным характером и сильной волей, она все же не была еще готова к тому, чтобы выразить свои чувства, поставив перед обществом вопрос, который знаменовал собой начало пробуждения женского самосознания: «Что еще необходимо для жизни?»

2. Меняющиеся образы

В середине XVII в. положение русской женщины, вне зависимости от ее социального статуса, было абсолютно противоположным тому, к достижению которого стремились сторонники женского освобождения два века спустя. И хотя существуют свидетельства того, что в период докиевской и Киевской Руси многие русские женщины обладали определенным престижем, властью и даже наравне с мужчинами принимали участие в военных походах, все это они утратили с образованием Московского государства. Исторические источники точно не говорят о том, каким образом, почему и когда произошел этот важный сдвиг. Историки в большинстве своем полагают, что данная тенденция возникла в XIII в. и окончательно утвердилась в XVI. Причина этой перемены, по их мнению, заключается в распространении византийской церковной традиции и «милитаризации» Московского государства в результате татаро-монгольского ига. Как явствует из большинства источников, к концу этого

[1] *Соллогуб В.А.* Жизнь светской женщины. Цит. по: *Добролюбов Н.А.* Собрание сочинений: В 9 т. М., 1961–1964. Т. 1. С. 535.

периода наиболее распространенным взглядом мужчины на женщину был тот, что она нечиста по своей природе, является источником постоянного греховного искушения и во всех отношениях несовершеннее мужчины; что ее следует держать в изоляции от внешнего мира в подчинении отцу или мужу; что ее основной функцией является удовлетворение физиологических потребностей мужчины и рождение детей[1].

Учение о греховной природе женщины, характерное для византийской церкви и было принесено в Россию после принятия христианства. Основанное на византийской традиции, православное вероучение считало половой акт грехом и поэтому предписывало занавешивать иконы во время него и совершать омовение после. И не вызывало сомнений, что в большей степени нечистыми являются женские половые органы. Поэтому женщине не позволялось посещать церковь сразу после родов или во время менструации. В соответствии со средневековым мировоззрением, русские боялись, презирали и в то же время испытывали сильную тягу к женскому лону[2].

Естественным, хотя едва ли логичным, следствием представления о женской нечистоте было всеобщее убеждение в том, что женщина должна быть подчинена мужчине. В далекое прошлое ушли те времена, когда амазонки, а затем славянки отправлялись в поход против степняков. Отныне вся жизнь представительниц высших слоев русского общества ограничивалась семьей, в которой они занимали самое незначительное положение. Люби свою жену, но не давай ей власти над собой – эта рекомендация Владимира Мономаха, правившего в Киеве в XII в., – трансформировалась в совет на страницах «Домостроя» бить жену и не давать ей никакой власти. Утверждение из появившегося на Руси в XII в. женоненавистнического византийского сборника «Пчела», что «плохой мужчина

---

[1] Анализ соответствующих источников, относительно Московского периода (Герберштейн, Флетчер, Котошихин и т. д.), см.: *Костомаров Н.И.* Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XIV и XVII столетиях. СПб., 1860. См. также: *Стоюнин В.* // Вестник Европы. 1884. XIX. Янв; *Забелин И.Е.* Женщина по понятиям старинных книжников // Русский Вестник. 1857. IX. С. 5–47; *Щапов А.* Положение женщин в России по допетровскому воззрению // Сочинения: В 3 т. СПб., 1906–1908. Т. II. С. 105–153; *Atkinson D.* Society and the Sexes in the Russian Past // Woman in Russia / Ed. by D.Atkinson, A.Dallin, G.Lapidus. Stanford, 1977.

[2] О влиянии византийской христианской традиции на русские социальные и религиозные обычаи см.: *Fedotov G.P.* The Russian Religious Mind: Kievan Christianity, the 10th to the 13th Centuries. N. Y., 1960.

всегда лучше хорошей женщины» стало широко распространенной русской поговоркой[1].

Социальным институтом, воплощающим все эти идеи, был Терем – женская половина в домах знати. Это своеобразное архитектурное доказательство приниженного и изолированного положения женщины было не по средствам простому крестьянину, и поэтому он был вынужден доказывать свою правоту тем, что время от времени бил свою жену палкой и выбивал ей кулаком зубы. Но для того, кто мог себе это позволить, терем служил средством держать женщину подальше от тлетворных влияний, а очень часто и от самого мужа; кроме того, он был местом ссылки или заточения женщины в случае необходимости. После принятия христианства женщины молились в церквях отдельно от мужчин, что не было характерно для язычества. Позднее, вероятно в XII в., практика разделения на мужскую и женскую сферы была распространена и на домашний быт. Однако она не была, как иногда утверждается, заимствована у татаро-монголов, которые будучи мусульманами, также изолировали женщин. Из византийского обычая строгой изоляции женщин, принадлежавших к высшему обществу возникло и само понятие «терем», имевшее греческое происхождение. Греческое слово *teremnon* означало дом или строение; на Руси же оно приобрело двоякое значение: «тюрьма» и «терем». Под понятием *«женский терем»* изначально подразумевалась женская половина дома, которая служила как для защиты женщин от разнузданного поведения мужчин в семье, так и для того, чтобы отгородить морально неустойчивых представительниц слабого пола от внешнего мира[2].

Все это служило основанием для всеобщего убеждения, что в отличие от мужчины женщина должна меньше делать, занимать более низкое положение и получать меньше (например, по наследству). Поэтому бояре, купцы и крестьяне относились к сво-

---

[1] *Шульгин В.* О состоянии женщин в России до Петра Великого: Историческое исследование. Киев, 1850. С. 4–7; *Щепкина Е.Н.* Из истории женской личности в России. СПб., 1914. С. 17–27; *Claus C.* Die Stellung der russischen Frau von der Einfьhring des Christentums bei den Russen bis zu den Reformen Peter des Grossen. Munich, 1959. S. 53–54; *Grimal P.* Histoire mondiale de la femme: In 4 vols. Paris, 1965–1967. Vol. III. Ch. 2 (Gieysztor A. 'La femme dans la civilisation des peuples slaves'). P. 11–43.

[2] О «тереме» см.: The Cambridge Medieval History, IV., The Byzantine Empire, pt. II. P. 88–91; *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка, 3-е изд. Т. 4. СПб., 1903–1909. С. 751–752; *Ушаков Д.Н.* Толковый словарь русского языка: В 4 т. М., 1934–1940. Т. 4. С. 688.

им женам не иначе как к производительницам потомства или *самкам*, которые должны удовлетворять их сексуальные потребности в любое время. И не удивительно, что женщины, поставленные в такие условия, начинали вести себя так же распущенно, как и мужчины.

Было бы неверно датировать возникновение «женского вопроса» временем Петровских реформ, но несомненно, что его появление стало бы невозможным без заложенной ими социальной базы. Во многом это было заимствованием из европейской культуры и традиций, каким бы поверхностным и эклектичным не было это заимствование, и какой бы узкой не была его социальная база, состоящая из тонкой прослойки образованных и культурных русских мужчин и женщин. Последующее развитие женского самосознания и мужского представления о женщине напрямую было связано с характером и масштабом заимствованной европейской «культуры». Менее чем за сто лет забитая затворница, считавшаяся всего лишь движимым имуществом, превратилась в коммуникабельную, хорошо воспитанную, уважаемую и благородную русскую даму; а еще через полвека подверглось пересмотру само представление о несовершенстве женщины во всем, кроме морали.

Петровские преобразования были нацелены на то, чтобы сгладить явные различия между русским и западноевропейским домашним бытом. В 1700 г., вскоре после возвращения из Европы, Петр I впервые устроил для представителей знати обоих полов ассамблею. Свою попытку, на сей раз путем издания указа, он повторил через восемнадцать, заполненных сражениями лет (Указ об ассамблеях от 1718 г.). 2 декабря этого же года «Messieurs et Mesdames» – как причудливо отныне назывались дюжие бояре и их жены – были приглашены в петровскую резиденцию, в которой они танцевали и пытались непринужденно болтать до одиннадцати часов вечера. Затем последовали другие мероприятия подобного же рода. Привычка общаться на публике с представителями противоположного пола прививалась достаточно медленно и болезненно. Петр I сумел вырвать женщину из изолированного круга общения, но большего он сделать не смог, как ни пытался. Указ от 1702 г. предусматривал шестинедельный период личного общения будущей невесты со своим женихом, а в 1714 г. был издан другой указ, который запрещал родителям выбор супруга без одобрения его или ее кандидатуры со стороны жениха или невесты. И хотя Петр Великий не открыл специальных школ для девочек, он, тем не менее, посылал молодых людей для обучения за

границей (что впоследствии стало практиковаться в некоторых дворянских семьях). Единственным, прочно закрепившимся нововведением Петра I в образовательной сфере, стала традиция приглашать в семьи дворян иностранных гувернанток и домашних учителей для воспитания их дочерей[1].

С этого момента русские женщины, принадлежавшие к уже вполне сформировавшемуся классу дворянства, стали разделять мнения и общественные ценности своих европеизированных мужей. Они быстро переняли утонченные манеры и модные платья, которые носили в высших кругах Европы. С середины XVIII в. русские дамы в еще большей степени усвоили европейский стиль общения, открыв для себя салоны с их вольномыслием и легкий флирт, как это тогда называлось – *женскую интригу*. К этому времени Франция становится основным поставщиком предметов роскоши, а кавалеры и придворные дамы Версаля – образцом для подражания российского дворянства. В свою очередь, это привело к глубокому изменению «официального» отношения мужчин к женщинам. Если раньше их просто швыряли на кровать в порыве похоти, то теперь они превратились в приз, который доставался победителю в результате хитроумных интриг и «опасных связей». Многие добропорядочные русские, такие как князь Щербатов, полагали, что статус русских женщин существенно понизился[2].

История стремительно развивавшейся в XVIII в. России насыщена нехарактерными для той эпохи социальными феноменами. Одним из них было большое количество высокообразованных европеизированных женщин. В эпоху императрицы Елизаветы и, особенно, в царствование Екатерины II в обеих столицах России появилось множество начитанных, остроумных, литературно одаренных, владеющих несколькими языками дам, которые успешно конкурировали с российскими кавалерами, стремившимися быть более французами, чем сами французы. Екатерина Великая, немка по происхождению, стала примером для многих женщин, стремившихся к вершинам европейской культуры и образования, хотя зачастую это стремление носило поверхностный характер и было, скорее, необходимым антуражем светской дамы, чем основой для творческой деятель-

---

[1] *Либрович З.* Петр Великий и женщины. СПб., 1904. С. 100–113; статья Стоюнина в журнале «Вестник Европы» за 1884 год.

[2] *Кузнецов М.* Проституция и сифилис в России. СПб., 1871. С. 54–55; *Мордовцев Д.* Русские женщины нового времени: В 3 т. СПб., 1874. Т. 1. С. xii–xiii; *Либрович З.* Петр Великий и женщины. СПб., 1904. С. 115–118; *Щапов А.П.* Сочинения: В 3 т. СПб., 1906–1908. Т. 3. С. 590.

ности. Княгиня Дашкова, которую императрица назначила президентом Академии наук в 1782 г., была, пожадуй, самой выдающейся и высокопоставленной фигурой в этой яркой плеяде образованных женщин. Их образованность стала настолько известной, что иностранцы, посещавшие Россию в конце века, констатировали, что представительницы высшего российского общества стремились быть более начитанными и эрудированными, чем мужчины.

Однако, как и многое другое в эпоху российского просвещения, все эти достижения носили поверхностный, обманчивый характер. И Екатерина, и Дашкова были самоучками, в то время как большинство блестящих хозяек салонов получили домашнее образование с помощью дорогих выписанных из-за границы учителей. И хотя присутствие этих высокообразованных женщин бросалось в глаза тем, кто был вхож в российский *haut monde*[1], их было очень мало, даже среди дворянок. Согласно фундаментальному исследованию Елены Лихачевой, российское общество не проявляло интереса к женскому образованию ни в начале, ни в конце царствования Екатерины Великой. Институты, чье число продолжало возрастать, по-прежнему выпускали наивных кисейных барышень, обучавшихся в них с единственной целью приобретения «*savoir vivre*»[2] в самом аристократическом его значении. Более того, с распространением в 90-х годах восемнадцатого века, благодаря романам Карамзина, сентиментализма в русской литературе, за которым последовало возрождение консервативной, религиозной, национальной идеи, сам феномен поверхностно образованной и остроумной дамы стал восприниматься ревнителями новой общественной морали как нечто отвратительное. Идеальная женщина, говорил в 1802 г. Н.Карамзин, «никого не ослепит с первого взгляда. Ум ее не столько блестящ, сколько тонок и основателен; однакож довольно жив, приятен и способен к острым ответам; но все это покрыто безпримерною скромностью». Остроумные светские красавицы и даже женщины-писательницы продолжали украшать дворянские гостиные, но при этом они не должны были забывать свое место. В России, как и во всей Европе, эротизм и интеллектуальность женщины – превозносившиеся до недавнего времени – отныне должны были быть подчинены ее «естественному» предназначению[3].

---

[1] haut monde (*фр.*) – высший свет. – *Прим. пер.*

[2] savoir vivre (*фр.*) – искусство жизни. – *Прим. пер.*

[3] *Лихачева Е.* Материалы для истории женского образования в России: Т. 1 – (1086–1796). СПб., 1890; Т. 2 – (1796–1828). СПб., 1893. С. 267.

В начале XIX в. в России начался процесс сознательного отторжения «французских» ценностей. С этим отвержением пришла и романтическая идеализация русской женщины, как воплощения Добродетели и Материнства. Ее отличительным признаком становится верность, а не склонность к интриге. В качестве классического примера этого идеала литературными критиками часто приводилась пушкинская Татьяна. «Но я другому отдана, / и буду век ему верна» – таковы ее последние слова в ответ на запоздалое признание Онегина, которого она все еще любит. Достоевский назвал Татьяну высшим воплощением долга и постоянства. Иным аспектом женского образа была «мать-гражданка», рождающая и воспитывающая сыновей-патриотов. Как говорилось в популярном издании английского религиозного трактата, женское влияние заключается в том, что она воспитывает детей и воздействует на мужчину своей скромностью и благопристойностью. Гордясь высокой добродетельностью современных ему женщин, историк Шульгин писал, что «женщины являются представительницами нравственности, любви, стыдливости и постоянства», в то время как мужчины воплощают собой «закон, честь и мысль»[1].

Официальные восхваления женской чистоты были глубоко восприняты отдельными представителями зарождающейся российской интеллигенции, которые придали этому понятию метафизический смысл. К этому времени на русскую мысль преобладающее влияние стали оказывать немецкий идеализм и романтизм. Увлечение сначала органической философией права и принципом историзма в социальных науках, затем богемностью Э.Т.А.Гофмана и «прекрасной душой» Шиллера в литературе, привело к тому, что немецкая мысль проникла во все поры российского образованного общества. Гетевское «родство душ», шиллеровская «прекрасная душа» и метафизическая концепция любви Фихте, разработанная в «Наставление к блаженной жизни» («Die Anweisung zum seligen Leben», 1806), были среди основных течений философского идеализма, искренней религиозности и поэтического романтизма, которые появились в России к концу первой трети XIX в. Свое развитие немецкая идея «абсолюта» нашла у тонкого мистика Николая Станкевича и его московского кружка. Стремление вписать весь жизненный опыт в рамки «абсолюта» привело Станкевича и его наиболее экзальтированного и эмоционального последователя Михаила Баку-

---

[1] *Достоевский Ф.М.* Пушкин. СПб., 1899. С. 9; Призвание женщины / Пер. с англ. СПб., 1840. С. 67; *Шульгин В.* О состоянии женщин в России до Петра Великого. Киев, 1850. С. iii–v.

нина к рассмотрению любви мужчины и женщины как слияния с коллективным сознанием «абсолюта»[1].

На практике это означало, что интимная сторона любви стала почему-то отождествляться с атомизмом и эгоизмом, присущими традиции рационализма, которую русские в это время отвергали. Подлинная любовь должна быть выше простых удовольствий взаимоотношений мужчин и женщин, и для доказательства полноты и чистоты любви ее необходимо подвергнуть педантичному анализу с точки зрения метафизики любви. Результатом такого максималистского подхода к индивидуальной любви и личным отношениям – едва ли подходящим для любопытных глаз – был ряд трагикомических и изначально обреченных на неудачу любовных связей, сбивающих с толку своею запутанностью и причиняющих боль своей тщетностью. Станкевич, для которого любовь «прежде всего, мировая сила, давшая жизнь миру и всему, что в нем живо», не смог ужиться с окружавшими его реальными воплощениями «прекрасных призраков в душе» и покинул страну. С тем же разрушительным энтузиазмом, с которым впоследствии Бакунин во имя анархизма стремился уничтожить Бога, государство, церковь и частную собственность он, вероятно, не способный к нормальной сексуальной жизни, во имя абсолюта испортил не только свою личную жизнь, но и отношения своей сестры со Станкевичем. Для него любовь была «наградой за объективную деятельность мужчины»; и «любовь вне объективного содержания» неизбежно должна была «превратиться в погоню за призраками – тяжелую безрезультатную борьбу неудовлетворенной страсти»[2].

Возвышенное понимание любви (равно как и «абсолюта») как способа метафизического слияния всех людей не имело ничего общего с самой идеей эмансипации женщин. И хотя можно утверждать, что учение кружка Станкевича подразумевало полное равенство мужчин и женщин в самых высших его проявлениях (например, в сфере религиозных чувств), пропагандируемая ими философии бездействия едва ли способствовала каким-либо практическим достижениям. Обожествление женщины и преклонение перед ее душой имели мало общего с ее обыденными социальными и сексуальными потребностями, не говоря уже о более амбициозной программе самореализации личности. Говоря словами

[1] *Гершензон М.* История молодой России. М., 1923. С. 182–209.

[2] Подробности личной жизни см.: *Carr E.H.* Michael Bakunin. N. Y., 1961. P. 20–61. *Милюков П.* Из истории русской интеллигенции. СПб., 1902. С. 76; *Hepner B.-P.* Bakounine et le panslavisme révolutionaire. Paris, 1950. P. 113.

Нестора Котляревского, суммировавшего мужские представления о женщине в русской литературе того времени, женщина была погружена в состояние «романтической неподвижности»: «Говорила она мало, даже не говорила, а скорее шептала или пела. Смысл ее речи и ее песен был неясен, но в них было много печали. О чем она грустила? Кто разгадает? Во всяком случае, не об отсутствии равноправия. Ее печаль была неземная, и она как будто томилась по горней отчизне. К земным делам, кроме подвига любви, она была равнодушна; она готова была на все жертвы, но никогда не брала ни в чем на себя инициативы; она шла, куда ее вели, покорно; и, наконец, она любила умирать так рано; она торопилась обменять земную жизнь на небесную и в полном цвете сил уже намекала на скорую разлуку...»[1].

Несмотря на то, что немецкий идеализм еще некоторое время продолжал учинять в российских умах «метафизические погромы», в 40-х годах XIX в. наблюдается постепенное возвращение французского интеллектуального влияния. В это время французская мысль была активно увлечена «социальным вопросом». Нашедшая свое отражение как в проектах социалистов-утопистов по использованию достижений промышленности для установления социальной справедливости, так и в критических антибуржуазных романах О. де Бальзака, В.Гюго и Ж.Санд, либо же просто выраженная в безумных попытках наполнить старые меха католицизма новыми элементами социально-политического сознания. Французская «идеология» стала усиленно разгонять клубившиеся над значительной частью Европы тяжелые облака немецкой философии, вдохновляя представителей общественной мысли на всем континенте.

Французские писатели этого периода значительное внимание уделяли проблеме женской эмансипации. Помимо причудливых и порой фантастических идей, предлагаемых социальными фантазерами того времени, на первый план были выдвинуты две основные проблемы: «реабилитация плоти» и «реабилитация сердца». Последняя ассоциировалась с так называемыми сенсимонистами, последователями умершего Клода-Анри де Сен-Симона, основавшего в первые годы Июльской монархии хорошо организованный и высоко эффективный пропагандистский кружок. Лидером сенсимонистов был достаточно состоятельный и образо-

---

[1] *Котляревский Н.* Женщина шестидесятых годов // Сборник памяти Анны Павловны Философовой: В 2 т. Пг., 1915. Т. 2. С. 77. О социальной несостоятельности мировоззрения Станкевича см.: *Веселовский А.* Западное влияние в новой русской литературе. 5-е изд. М., 1916. С. 224.

ванный молодой человек, носивший бороду в подражание Христу, и называвший себя отцом Анфантеном. В эпоху безудержной конкуренции Анфантен проповедовал религиозный коллективизм, выступая за равенство между полами и честность, как противовес классическому буржуазному лицемерию. Основываясь на воззрениях Сен-Симона, Анфантен разработал своеобразную форму мистического социализма, необычную для тех времен смесь социального экспериментаторства и псевдорелигиозности.

Основная идея Анфантена заключалась в «реабилитации плоти», то есть в необходимости заново утвердить природу человека как плотского создания, а также в отрицании аскетической модели, которую христианство, начиная с Блаженного Августина, пыталось навязать своим верующим. Критикуя «буржуазный» брак как лицемерный фарс, в котором одна половина доминирует над другой, Анфантен предлагал взамен полное равенство между полами. Неверно полагать, говорил он, что мужчины по своей сути сластолюбцы, которые нуждаются в разнообразной сексуальной жизни, в отличие от абсолютно моногамной природы женщин. Скорее всего, человечество делится на два психосексуальных типа – Отелло и Дон Жуана – которые встречаются как у мужчин, так и у женщин. Отелло хранит верность единственному партнеру, в то время как Дон Жуан постоянно нуждается в новых связях. Тогда, почему, спрашивает Анфантен, новый социальный порядок не должен учитывать основополагающую потребность человечества: в полноценной сексуальной жизни в гармонии с индивидуальной природой каждой личности? Отелло после правильного подбора пары, вероятнее всего, сам позаботится о себе. Что касается донжуанских типов, то их Анфантен рассматривал как первосвященническую пару, как своего рода сексуального помощника для мужчин и женщин, который «регулировал, освящал и смягчал бы взаимоотношения между полами, делая распущенность приличной». Вместе с тем, Анфантен категорически отказался дать более определенный ответ на вопрос, какое место должен занимать брак в обществе, а также и на другие вопросы, вытекающие из его идей. Эти проблемы могли разрешиться только лишь с появлением второй половины Анфантена, так сказать «женщины-мессии», которая сама ответила бы на все насущные вопросы[1].

---

[1] *Enfantin B.P., De Rouvroy C.H., count de Saint-Simon.* Oeuvres: In 47 vols. Paris, 1865–1878. Vol. 14. P. 23, 26–29, 39, 42, 148–152, 154–162. Более ранняя, классическая работа о сенсимонистах: *Charléty S.* Histoire du Saint-Simonisme (1825–1864), 2 ed. Paris, 1931.

Европейцам трудно было удержаться от смеха, глядя на Анфантена и его странно одетых учеников, которые по очереди мыли полы в своей коммуне в Менильмонтане и выполняли неоязыческие ритуалы. Начало распаду коммуны положил основной соперник Анфантена, Базар, который нарушил программу взаимоотношений между полами и вслед за этим вышел из секты. Остальное за него сделали полиция и насмешки парижских жителей. В России учение Анфантена вызывало неприязнь не только у таких ярых консерваторов, как, например, Фадей Булгарин, но и у симпатизировавшего ему Александра Герцена. Поэтому в формирующейся в это время среде российской интеллигенции у Анфантена не было своих последователей[1].Однако отголоски его плотского мистицизма, после их основательной переработки Ницше, можно было встретить в конце XIX в. в трудах таких мистических сенсуалистов как Розанов и другие. Наиболее важным является то обстоятельство, что конфликт между Анфантеном и Базаром – которые объявили себя сторонниками женского освобождения – нашел свое отражение в отношении русского радикализма к сексуальной жизни и ее связи с эмансипацией. Как мы увидим в следующих главах, фактическим, причем наиболее верным, хранителем традиций Базара являлся Ленин. И хотя мы не можем в полной мере назвать Александру Коллонтай современным воплощением второй половины Анфантена, тем не менее, она была одной из тех немногих женщин в европейской истории, которая удовлетворяла его требованиям, предъявляемым к «женщине-мессии».

Наиболее непосредственное воздействие на российское общество оказала идея «реабилитации сердца» или свободы в любви, которая была еще неясно и романтически сформулирована в романах Жорж Санд. Для Анфантена первостепенную роль играла плотская страсть, в то время как страсть сердца – любовь, привязанность, взаимные обязательства – должны были развиваться сами по себе. Для Жорж Санд все было наоборот: первейшая необходимость, по ее мнению, заключалась в свободном выражении своих чувств – в духовном и физическом влечении, которое мы так неуклюже пытаемся определить как любовь. Что касается секса, то он являлся естественной и необходимой кульминацией этого влечения, вне зависимости от того имела она место до брака, после или вне его. И несмотря на то

[1] О коммуне в Менильмонтане см.: Rétraite de Ménilmontant (1832) // *Enfantin B.P., De Rouvroy C.H., count de Saint-Simon.* Op. cit. Vol. 7. P. 94–133. Мнение Булгарина см.: Библиотека для чтения. 1834. VI. С. 88–99.

что говорили о Жорж Санд критики того времени, в ее учении не было места для беспорядочных половых связей, не основанных на любви[1].

Ее представления о сексе, а также искренние, хотя и бессистемные социалистические взгляды, были выражены в серии незаурядных романов и статей в газете *Revue independante*, которую она издавала вместе с социалистом Пьером Леру. Начиная с 1836 г., ее романы поистине наводнили Россию, и концу правления Николая I были знакомы всем читателям «толстых журналов», являвшихся в то время основными проводниками новых идей. Достоевский впоследствии вспоминал, как в шестнадцатилетнем возрасте по прочтении романа «Ускок» его лихорадило всю ночь. Характерно то, что он был потрясен по преимуществу теми романами, которые рисовали женщин в цвете «возвышенной нравственной чистоты», долга, целомудренной гордости, ненависти к компромиссам, готовности к самопожертвованию, то есть наделяли именно теми чертами, которые русская интеллигенция стала почитать в женщине. Владимир Печёрин восхищался религиозностью Санд, ее добродетельным стоическим характером, признавая, что именно она оказала «решающее влияние» на его полемику с католицизмом. В.Белинский, А.Герцен и М.Бакунин, принадлежавшие к «западникам», стали почитать Ж.Санд как нового, своего рода социалистического, Спасителя, а их друг Боткин назвал Санд женским Христом[2].

Многих русских писателей, принадлежавших к поколению Жорж Санд, очаровали отнюдь не ее сентиментальный популизм или нравственная свежесть. Причина, скорее всего, заключалась в ее бесстрашном противоборстве с вечной и, по-видимому, неразрешимой проблемой любовного треугольника. Герой романа «Жак» (1843) приносит в жертву свою любовь, кончая жизнь самоубийством, чтобы освободить в сердце любимой им женщины место для ее возлюбленного. Сюжет романа лег в основу множества любовных треугольников, как реальных, так и

---

[1] Биографию Ж.Санд см.: *Wladimire Karénine* (Варвара Комарова). George Sand: In 4 vols. Paris, 1899–1924; русский оригинал: *Каренин В.* Жорж Санд. СПб., 1899–1924. О ее влиянии в России см.: *Скальковский К.* Жорж Санд // Расцвет. 1861. XI. С. 353–380; *Веселовский А.* Западное влияние в новой русской литературе. 5-е изд. М., 1916. С. 225; *Венкстерн Н.* Жорж Санд. М., 1923.

[2] *Dostoevsky F.M.* Diary of a Writer: In 2 vols. / Пер. с рус. Б.Брэзола. N. Y., 1949. Vol. 1. С. 344–349; *Печёрин В.С.* Замогильные записки. М., 1932. С. 107 – 113; *Carr E.H.* The Romantic Exiles. Middlesex. 1949. P. 74; *Анненков П.В.* Литературные воспоминания. М., 1960. С. 9.

вымышленных, к которым русские мужчины и женщины так или иначе пытались приспособиться. Так, замужняя героиня произведения Дружинина «Полинька Сакс» влюбляется в того, кого любила прежде. Но, когда бескорыстный Сакс предоставил ей свободу, она вновь полюбила его, но только для того, чтобы умереть от чахотки, осознав какую «ошибку» она совершила. Подобное развитие темы наблюдается и в романе Авдеева «Подводный камень». Наиболее известными вариантами решения дилеммы Жака явились романы Чернышевского «Что делать?» и Слепцова «Шаг за шагом». Безусловно русских писателей и читателей впечатлило отнюдь не решение проблемы любовного треугольника, которое предложила Жорж Санд. Причина этому в непреклонном стремлении героинь ее романов к тому, чтобы быть счастливыми и честными в выражении своих чувств. В каждом произведении Ж.Санд подразумевалась идея о том, что женщина имеет полное право на романтическое единение со своим возлюбленным, несмотря на общественное мнение и условности.

Какова была реакция русского общества в 1830–1840-х гг. на идеи Жорж Санд? Первой и не вполне определенной реакцией было неодобрение со стороны консерваторов. Еще до выхода в свет первого романа Жорж Санд на русском языке, ярые поборники нравственности, Булгарин и Греч, настраивали против нее читающую публику. Другой «подхалим», Сенковский, назвал ее мисс Егор Занд или госпожа Спередка (каламбур, основанный на ее настоящей фамилии Дюдеван, что означает «спереди»). Он подробно описывал все грязные слухи, которые распространялись о ее образе жизни, о том, как она носила брюки и курила сигары. (Восемьдесят лет спустя западные журналисты будут использовать эти же средства для того, чтобы высмеять и опозорить большевичку Александру Коллонтай, которую очень часто сравнивали с Жорж Санд как ее враги, так и сторонники.) С этого времени насмешки стали наиболее удобным оружием всех русских антифеминистов, для которых все идеи женской эмансипации были одинаково плохи[1].

Иную точку зрения мы находим в работах Белинского и Герцена, которые выражали мнение ранней русской интеллигенции. Из всех социальных критиков, входивших в небольшой, но блестящий московский кружок, только два этих автора, писавших об освобождении женщин, заслуживают внимания. Висса-

---

[1] О кампании против Жорж Санд см.: *Шашков С.С.* Собрание сочинений: В 2 т. СПб., 1898. Т. 1. С. 484; *Скальковский К.* Жорж Санд // Рассвет. 1861. XI.

рион Белинский, находясь на одной из ступеней своих мучительных философских поисков, был ревностным поклонником «абсолюта», считая, что разумный порядок существует в окружающей реальности. Однако в начале 40-х годов XIX в. он внезапно меняет свои взгляды и начинает заниматься философскими и, следовательно, социальными вопросами. Эта смена позиций нашла отражение в изменившемся отношении к Жорж Санд и проблемам любви и брака. В конце 1840-х гг. он в презрительной манере суммировал свои взгляды на «социальные учения сенсимонистов», извлеченные из романов Жорж Санд: «должно уничтожить всякое различие между полами, разрешив женщине пуститься во вся тяжкая и допустив ее, наравне с мужчиною, к отправлению гражданских должностей, а главное – предоставив ей завидное право менять мужей по состоянию своего здоровья. Необходимый результат этих глубоких и превосходных идей есть уничтожение священных уз брака, родства, семейственности, словом, совершенное превращение государства сперва в животную и бесчинную оргию, а потом – в призрак, построенный из слов на воздухе»[1].

«Продажная пресса» едва ли могла состязаться с этими усилиями Белинского свалить в одну кучу Анфантена и Санд и уподобить их обоих жителям Содома и Гоморры.

Однако в течение года Белинский вновь вернулся к прежним взглядам. «И какая человечность дышит в каждой строке, в каждом слове этой гениальной женщины», – говорил он о Жорж Санд в 1841 г. Он восхищался «ее негодованием к грубой лжи, оправдываемой невежеством, ее живой симпатией к угнетенной предрассудками истине». «Жорж Занд есть адвокат женщины, как Шиллер был адвокат человечества». Отныне для Белинского, Жорж Санд, бывшая куртизанка, стала обвинителем и совестью французского общества. Белинский даже стал добавлять к своим пророчествам, разбросанным по всем его произведениям, идеи сенсимонизма: «Когда люди станут более человечными и христианскими, когда общество, наконец, сделает возможным совершенное развитие, тогда больше не будет никаких браков. Долой эти ужасные оковы. Дайте нам жизнь, свободу». До тех пор, по его мнению, брачные союзы должны основываться на взаимном уважении и равенстве, что означает наделение женщин

---

[1] *Белинский В.Г.* Полное собрание сочинений: В 13 т. М., 1953–1959. Т. 3. С. 398. Однако в другой рецензии, относящейся к этому же году, Белинский по-прежнему придерживался мнения о том, что женщины предназначены для того, чтобы быть женами и матерями, и выступал против равенства полов (Там же. С. 493–494).

такой же сексуальной свободой, которой обладают мужчины. Белинский прямо заявлял о том, что любящие друг друга мужчина и женщина не могут жить врозь, и что женщина заслуживает больших прав, чем те, которые она имеет в спальне и на кухне. Однако более подробно об этих правах и их достижении у Белинского ничего не сказано[1].

Незаконнорожденный Герцен более глубоко и пространно, чем Белинский, размышлял о любви и взаимоотношениях между полами. Он был одним из первых в России, кто вразумительно высказался об идее реабилитации плоти у Анфантена. «Эти великие слова, – писал он, – содержат в себе целый мир новых отношений между людьми – мир здоровый, мир духа и красоты, мир, который нравственен по своей природе и поэтому нравственно чист. Было высказано много насмешливого о свободных женщинах, о признании их чувственных требований – насмешки, которые только загрязняют значения этих слов; наше ханжеское воображение боится женской плоти и самих женщин». Однако поведение сенсимонистов в Менильмонтане вызывало у Герцена неприязнь, и поэтому в 30-х годах XIX в. он погружается в идеальный мир немецких романтиков, в особенности в «прекраснодушие» Шиллера с его возвеличиванием женщин. В результате этого возникла необычная, в духе шиллеровского романтизма, эмоциональная связь между Герценом и Огаревым. После того, как она прервалась, Герцен, разочаровавшись в немецком идеализме, открывает для себя Жорж Санд и, по меткому выражению М.Малиа, «любовный реализм»[2].

Основным литературным результатом этого знакомства был роман Герцена «Кто виноват?» (1846), сюжет которого частично был заимствован из романов Ж.Санд «Орас» (1842) и «Жак» (1843). Речь в нем опять шла о возникшем в провинциальной России любовном треугольнике, в котором «романтический» любовник умирает, а муж с женой продолжают жить в тоске и печали. Критика супружества, которая читается между строк романа, дополняется и дневниковой записью Герцена от 30 июня 1843 г.: «Брак не есть истинный результат любви, а христианский ре-

---

[1] *Белинский В.Г.* Полное собрание сочинений: В 13 т. М., 1953–1959. Т. 5. С. 175–176; Т. 7. С. 649; *Malia M.* Alexander Herzen and the Birth of Russian Socialism. Cambridge, 1961. P. 259 (слова Белинского о браке); *Шашков С.С.* Собрание сочинений: В 2 т. СПб., 1898. Т. 1. С. 851. Взгляды Белинского о женском образовании см.: *Константинов Н.А.* История педагогики. 2-е изд. М., 1959. С. 87–93.

[2] *Герцен А.И.* Сочинения: В 9 т. М., 1955–1958. Т. 6. С. 164; *Malia M.* Op. cit. P. 257–312; *Carr E.H.* The Romantic Exiles. Middlesex, 1949.

зультат ее, он обрушивает страшную ответственность воспитания детей, семейной жизни, etc., etc... В будущую эпоху нет брака, жена освободится от рабства, да и что за слово жена? Женщина до того унижена, что, как животное, называется именем хозяина. Свободное отношение полов, публичное воспитание и организация собственности, нравственность, совесть, а не полиция, общественное мнение определяют подробности отношений».

В дневниках, относящихся к следующему году, Герцен уводит женщину еще дальше от традиционных семейных забот. В новом обществе «женщина в еще большей степени будет вовлечена в общественные дела; с помощью образования она нравственно укрепится и не будет больше односторонне привязана к семье»[1].

В этих высказываниях мы находим все, или почти все, что впоследствии встретим у Маркса, Бебеля и их русских последователей вплоть до 1930-х гг. Причем речь идет не только о программных утверждениях: свобода в сексуальной жизни, равенство во взаимоотношениях мужчин и женщин, включая право женщины после замужества оставлять свою фамилию, общественное воспитание детей, равная роль женщины в общественной работе; но также и о скрытых противоречиях: упразднение замужества и в то же время суждения о семье, отсутствие каких-либо ясных идей о том, какова будет роль женщины в новом обществе, и каким образом она сможет ее принять. Дневниковые записи Герцена ничего не добавили к общественной дискуссии об освобождении женщин. Но вместе с тем, идеи, высказанные им, получили широкое распространение и разделялись несколькими поколениями русской интеллигенции. Некоторые из этих идей, показавшие насколько губительны противоречия, выявленные Герценом, и которые возродились с неотвратимой неизбежностью, когда пришло время строить новое общество.

Весьма разнообразная реакция на Жорж Санд наблюдалась со стороны самих женщин. Наиболее смелым ее проявлением была так называемая «*жоржзандчина*»: серия женских подвигов, совершаемых во имя индивидуализма и «свободного чувства» – эвфемизма адюльтера. Русские женщины, неудовлетворенные деспотичным домашним режимом, и воспитанные, подобно Эмме

---

[1] *Герцен А.И.* Кто виноват? 2-е изд. Лондон. 1959. Дневниковые записи Герцена см.: *Malia M.* Op. cit. P . 268, 274–275. Более подробно о Санд и любовных треугольниках в русской литературе см.: *Елизарова М.* Жорж Санд в русской литературе // Учен. зап. Моск. гос. пед. ин. им. В.И.Ленина. 1941. XXXI. 5. С. 41–63. (Кафедра западной литературы).

Бовари, на романтических сказках о любви «в шотландских коттеджах и швейцарских шале», очертя голову бросались в руки первых попавшихся обольстителей. Такие женщины, вооруженные наполовину усвоенными идеями Жорж Санд, находили модным срывать лицемерные маски и разрушать оковы домашней «тирании» только для того, чтобы хоть немного потворствовать своим желаниям, покуда их считали стильными и передовыми женщинами. Александра Смирнова, жена калужского губернатора, жаловалась в своих мемуарах на то, что дамы знатного происхождения, начитавшись романов Жорж Санд, колесили по всей Европе с итальянскими любовниками, а затем возвращались в Россию, надев маску благопристойности. Слухи об этом мы встречаем и в воспоминаниях Прасковьи Татлиной, чья дочь «оказалась зараженная так называемыми жоржзандистскими идеями». Эти идеи, также как и сами романы, проникали сквозь стены даже такого оплота невинности как Смольный институт, и, если верить сплетнице Смирновой, они были причиной скандалов и разводов у выпускниц Смольного, когда те пытались претворить их в жизнь[1].

Однако вскоре комический тип «жоржзандистки» исчез, не оставив заметного следа в общественном сознании. Действительное значение романов Жорж Санд заключалось в том, что ее идеи способствовали лучшей осведомленности женщин в социальных и сексуальных вопросах. Одним из таких примеров была Надежда Стасова, вспоминавшая, как она была очарована романами Ж.Санд: «Я помню, как мы с сестрой ночи напролет читали одна другой вслух ее романы и говорили и спорили о ней до рассвета. Когда одна уставала читать, читала другая, только чтобы не прерывать романа или статьи на половине. Мы воспитывались на ее сочинениях». Также как и мужчины-интеллигенты, она была потрясена не только морализаторским тоном писательницы, но и ее наивным разрешением сексуальных проблем. И чуждая идеи беспорядочных сексуальных связей, Стасова впоследствии оказалась одной из основательниц и убежденной сторонницей российского феминизма[2].

---

[1] *Шашков С.С.* Собрание сочинений: В 2 т. СПб., 1898. Т. 1. С. 849–850; Записки Александры Осиповны Смирновой // Русский архив. 1895 Т. II. № 5. С. 17–27; 1895. Т. III. № 9. С. 77–90; *Татлина П.Н.* Воспоминания // Там же. 1899. Т. III. № 10. С. 190–224; *Боцяновский В.Ф.* Жорж Санд в России // Новый журнал иностранной литературы, искусства и науки. 1899. Т. II. № 4. С. 2–11.

[2] *Каренин В.* (Комарова В.) Указ. соч. Т. 1. С. 16. В действительности автор не называет имя женщины, испытавшей такое сильное влияние Жорж Санд, но ее описание ясно указывает на ее тетю – Н.В.Стасову.

Светская дама и писательница, Елена Ган была одной из образованных женщин, сумевших выйти за узкие рамки традиционного женского кругозора, круг которых был шире, чем принято думать (Бакунины, Пассек, Павлова, Ростопчина и другие). «Странными экзотическими цветками, – писал славянофил Иван Киреевский, росли эти мыслящие женщины среди семейного деспотизма, городского веселья, в деревнях среди массовой дикости и тупости, рядом с помещичьей жестокостью и развратом». Что касается Елены Ган – дочери княгини Долгорукой, сестры известного панслависта Ростислава Фадеева и матери основательницы теософии Елены Блаватской – то она получила исключительно хорошее домашнее образование. Вплоть до своей безвременной смерти в двадцативосьмилетнем возрасте, она никогда не переставала учиться. «Бездействие сводит меня с ума», – говорила она. И все же она вышла замуж за человека вдвое старше ее, и с которым у нее было мало общего. «Положение мужчины с высшим умом нестерпимо в провинции; но положение женщины, которую сама природа поставила выше толпы, истинно ужасно», – однажды написала она, описывая серые будни одной из своих героинь, очень похожей на нее[1].

Чтобы вырваться из обыденности и рутины провинциальной жизни, она писала романы. И так как все они о любви и написаны с женской точки зрения, то ее часто сравнивали с Жорж Санд. Однако это сравнение носило поверхностный характер, так как большинство из ее героинь были однолюбками. Она отвергала сенсимонистскую идею о равенстве полов. Женщина, по ее мнению, имеет свое особое предназначение как жена, мать, воспитательница детей, «сыновей с сильным и твердым духом», и дочерей – будущих жен и матерей. Для Ган равенство в сфере сексуальных отношений не было решением проблемы женской никчемности. Между тем, она признавала ее существование и объективно отражала ее в романах, изображая своих героинь-однолюбок несчастливыми, хотя и верными, женами. Таким образом, она выражала болезненную истину: одной любви недостаточно для того, чтобы наполнить жизнь смыслом.

Что же тогда было упущено? Ответ на этот вопрос она дала в небольшом отрывке из романа «Идеал», написанном в 1837 г.,

---

[1] Мнение Киреевского см.: *Щепкина Е.Н.* Из истории женской личности в России. СПб., 1914. С. 253; О Елене Ган см.: *Хитрово Т.* Наши бабушки // Женское дело. 1913. Янв. 1. С. 17–21; слова Ган: Там же. С. 18; *Ган Е.А.* Полное собрание сочинений. СПб., 1905. С. 4.

за двадцать лет до того, как российское общество само на него ответило. «Право, иногда кажется, будто мир Божий создан для одних мужчин; им открыта вселенная со всеми таинствами, для них и слава, и искусства, и познания; для них свобода и все радости жизни. Женщину от колыбели сковывают цепями приличий, опутывают ужасным «что скажет свет» – и если ее надежды на семейное счастье не сбудутся, что остается ей вне себя? Ее бедное, ограниченное воспитание не позволяет ей даже посвятить себя важным занятиям, и она поневоле должна броситься в омут света, или до могилы влачить свое бесцветное существование!»[1]

Последующие дискуссии о женском «бедном, ограниченном воспитании» приведут непосредственно к возникновению более широкой дискуссии, которую назовут «женским вопросом». Споры о женском образовании едва ли были новыми для России – они начались еще в XVIII в. Однако в то время споры шли в основном об относительной важности образования для ведения домашнего хозяйства, любви и общественного успеха. Как и весь педагогический дискурс, дискуссия о женском образовании была циклической, без конца повторяющейся, скучной и по большей части бесполезной, так как она игнорировала очевидную истину, заключающуюся в том, что школьная система является порождением окружающего ее общества, а не тех людей, которые ее создают. Подобного рода дискуссии не могут сдвинуться с мертвой точки до тех пор, пока в стране не начнутся широкие социальные изменения. Решающее значение дебатов о женском образовании после Крымской войны состояло не столько в их широкомасштабности и задействованных в них силах, сколько в их своевременности, так как они совпали с глобальной социально-экономической и идеологической трансформацией, которую претерпевала Россия в это время. В автократической России Николая I изоляция и ограниченное образование женщин-дворянок, в совокупности с их бесправием и отсутствием свободы передвижения, означало, что голоса, подобные голосу Елены Ган, были всего лишь слабым эхом в социальном вакууме.

---

[1] *Ган Е.А.* Полное собрание сочинений. С. xiv–xv. См. также: *Ган Е.А.* Идеал. СПб., 1905. С. 22.

Часть вторая

ЖЕНСКИЙ ВОПРОС
(1855 – 1881)

Глава II
РОЖДЕНИЕ ЖЕНСКОГО ВОПРОСА

Женщины вряд ли смогут решить проблему своей эмансипации, до тех пор пока к ним не присоединится значительное число мужчин, готовых к этому.

Джон Стюарт Милль

1. Вопрос жизни

Женский вопрос возник в России в решающее и поворотное для ее новой истории время – в первые пять лет после окончания Крымской войны. Унизительное поражение России в этой войне разрушило то, что Иван Аксаков называл «фасадностью» Российской империи и вскрыло все основные недостатки архаичной социально-политической системы, которые до этого времени затушевывались внешне эффективным бюрократическим правлением. Поражение в войне и смерть Николая I вскрыли перед лицом общественности то, что русская интеллигенция называла «социальными язвами». Елена Штакеншнейдер, яркая молодая женщина того времени, в 1856 г. записала в своем дневнике: «Слава Богу, что о войне больше не говорят, что это ужасное время прошло. Все раны заживают, кроме ран, которые война только открыла, но не нанесла сама». В русском обществе было широко распространено убеждение в том, что унизительное поражение пойдет на пользу. «Враг найдет в Севастополе одни окровавленные руины, – писал несколько лет спустя либерально настроенный юрист Анатолий Кони, – но Россия нашла в нем зерно своего воскрешения»[1]. Находившийся на другом идеологическом полюсе Николай Добролюбов писал в 1857 г.: «Два года тому назад нас расшевелила война, заставивши убедиться в могуществе

[1] Цитата из депеши князя Горчакова о взятии Севастополя, приведенная в воспоминаниях Кони А.Ф.: *Кони А.Ф.* На жизненном пути. Ревель–Берлин, 1922–1923. Т. 4. С. 298. – *Прим. ред.*

европейского образования и в наших слабостях. Мы как будто после сна очнулись, раскрыли глаза на свой домашний и общественный быт и догадались, что нам кое-чего не достает. Едва эта догадка озарила наш ум, как мы с редкой добросовестностью и искренностью принялись раскрывать «наши общественные раны». «Отрадно было то время, – продолжает он, – время всеобщего увлечения и горячности... Как-то открытее была душа каждого ко всему доброму, как-то светлее смотрело все окружающее. Точно теплым дыханием весны повеяло на мерзлую, окоченелую землю, и всякое живое существо с радостью принялось вдыхать в себя весенний воздух, всякая грудь дышала широко, и всякая речь понеслась звучно и плавно, точно река, освобожденная ото льда. Славное было время!»[1]

Ослабление жесткой цензуры, введенной в конце правления Николая I , привело к возникновению дискуссий по широкому кругу проблем, касавшихся и недавней катастрофы, и крайней необходимости реформ, а также о возможных путях развития России. Из этих дискуссий родились и «жгучие вопросы» (как их называли русские интеллигенты) или, как писал Гейне, «проклятые вопросы», решение которых колебалось от ограниченных реформ, предлагаемых либералами, до фундаментальной социальной реорганизации, выдвигаемой радикалами. Первоначально женский вопрос заключался в частичном исследовании проблемы женского образования и улучшении его, и лишь позднее развился во всеобъемлющую антропологическую[2] дискуссию об индивидуальной одаренности и особенной судьбе женщины.

Дебаты о женском образовании были инициированы знаменитым хирургом и педагогом Николаем Пироговым (1810–1881). В ходе своей педагогической и медицинской деятельности он обнаружил, с одной стороны, явную несостоятельность концепции профессионального медицинского образования, которая основной упор делала на подготовку к карьере, а не на развитие индивидуальных способностей; с другой – острую нехватку людей, обладающих медицинскими навыками. В начале Крымской войны великая княгиня Елена Павловна, невестка царя, поинте-

[1] *Штакеншнейдер Е.* Дневник и записки. М., 1934. С. 136; *Кони А.Ф.* Указ. соч. Т. 4. С. 298; *Добролюбов Н.А.* Собрание сочинений: В 9 т. М., 1961–1964. Т. 2. С. 120, 123.

[2] Антропология – «учение о человеке». В исследованиях по социальной, физической, исторической, философской антропологии всегда учитывается опыт человека как живого телесного существа, т.е. антропология исследует конкретные формы человеческого существования. – *Прим. ред.*

ресовалась у Пирогова, есть ли возможность направить на фронт медицинских сестер. Будучи придворной «либералкой» и сторонницей реформ, Елена Павловна, формируя медицинский женский корпус, преследовала ряд целей: подготовить столь необходимый в России медицинский персонал, привлечь внимание к потенциальным возможностям женщин и доказать возможность более активного участия представительниц своего пола в общественной жизни. Она предложила Пирогову возглавить подразделение сестер милосердия, мотивируя это тем, что хотя женщины вполне компетентны, дело продвигается лучше, когда ими руководит мужчины. «Это, – отвечал Пирогов, – справедливо только до тех пор, пока женщины будут воспитаны по-нынешнему и с ними будут обращаться по той же устарелой и бессмысленной методе. Но это следует изменить и женщины должны занять место в обществе более отвечающее их человеческому достоинству и их умственным способностям». Это случайное замечание содержало в себе зерна тех аргументов, которые через несколько лет он развил в статье «Вопросы жизни»[1].

Убежденный в том, что женщины способны работать во фронтовых условиях, Пирогов приступил к организации и обучению группы волонтерок – «Сестер милосердия Крестовоздвиженской Общины». Из 163 ее членов около 110 принадлежали к привилегированным слоям общества (жены, вдовы, дочери чиновников и помещиков), около 25 были представительницами мещанства, 5 – духовенства; кроме того, было пять монашек. Одна из сестер милосердия, Александра Крупская, оставила яркое свидетельство первой реакции женщин на звук артиллерийской канонады, заставившей их забыть обо всех перипетиях и неудобствах поездки, поселив страх в сердца одних и стоицизм в сердца других. По другую сторону Черного моря Флоренс Найтингейл (Florence Nightingale) и ее английские сестры по-прежнему работали в опорном госпитале в Скутари. Пирогов[2] направил русских медицинских сестер в перевязочные пункты и полевые госпитали, расположенные в непосредственной близости от боевых действий. По свидетельству Крупской, солдаты были весьма довольны их работой, высоко оценивая теплоту женской заботы после холодного обращения с ними мужского медицинского персонала. В своих «Севастопольских рассказах» Толстой описывал как «сест-

---

[1] О Елене Павловне см.: *Корнилов А.* Общественное движение при Александре II. Париж, 1905. С. 28; *Лихачева Е.* Материалы для истории женского образования: В 2 т. СПб., 1899 – 1901. Т. 2. С. 1–2.

[2] В 1855 г. – *Прим. ред.*

ры, с спокойными лицами и с выражением не того пустого женского болезненно-слезного сострадания, а деятельного практического участия, то там, то сям, шагая через раненых, с лекарством, с водой, бинтами, корпией, мелькали между окровавленными шинелями и рубахами». Царь и высокопоставленные чиновники открыто признали их заслуги. Некоторые сестры милосердия добровольно отправлялись на самые опасные участки фронта и две из них умерли от тифа. Апогеем фронтового ужаса, по воспоминаниям Крупской, была оборона Михайловского редута, окруженного горами искалеченных трупов и множеством раненых[1].

Однако в самом начале войны присутствие женщин на фронте одобрялось далеко не всеми. Один из армейских докторов, шокированный в начале этой идеей, изменил свою точку зрения, став свидетелем их героизма. Некоторые старшие офицеры возражали против деятельности Общины из соображений морали: по их мнению, присутствие женщин в армии вело только лишь к «интрижкам» и вследствие этого к распространению сифилиса. Более серьезной была институализированная оппозиция профессиональных медиков – непреодолимое сочетание традиционного военного бюрократизма и профессиональной ревности. Однако Пирогов и его медсестры так же, как и их коллеги в Скутари, смогли пережить обрушившийся на них град насмешек и оскорблений. После того как сестры милосердия, выполнив свой гражданский долг, вернулись домой, они были встречены с почестями и награждены за доблесть. По окончании службы Крупская, выражая чувства многих своих коллег, отмечала, что те женщины, которые видели страдания и войну и активно помогали облегчить чужую боль, «жили полной жизнью, любили и страдали»[2].

Великая княгиня Елена Павловна была приятно удивлена успехом своей идеи, хотя впоследствии она не играла никакой роли в продвижении женского вопроса. Более того, по свидетельству баронессы фон Раден, Елена Павловна была глубоко уязвлена тем оборотом, который несколько лет спустя приняла борьба за женскую эмансипацию. Однако сам Пирогов был чрезвычайно

---

[1] Воспоминания Пирогова см.: Исторический Вестник. 1886. Ноябрь. С. 249–280 и были переизданы в: *Пирогов Н.* Сочинения: В 2 т. СПб., 1900. Т. 1. С. 496–525; *Он же.* Севастопольские письма и воспоминания. М., 1950. С. 621– 623; *Крупская А.* Воспоминания сестры Крестовоздвиженской Общины // Военный сборник. 1861. Авг. С. 417–448; *Curtiss J.S.* Russian Sisters of Mercy in the Crimea, 1854–1855 // Slavic Review. 1966. March. P. 84–100; *Толстой Л.Н.* Собрание сочинений: В 11 т. М., 1958. Т. 2. С. 125.

[2] *Крупская А.* Указ. соч. С. 424, 448; *Пирогов Н.* Собрание сочинений: В 8 т. М., 1957–1960. Т. 6. С. 391; *Кони А.Ф.* Указ. соч. Т. 4. С. 287.

удовлетворен блестящими успехами своих подопечных. Он с радостью рассказывал об их нежности, способности стойко переносить страдания, а также об их «сверхчеловеческих трудах». Он был убежден, что Россия «полностью игнорирует чудные дарования наших женщин», и что «если женщина получит надлежащее образование и воспитание, то она сможет также хорошо устроить свою научную, художественную и общественную культурность, как и мужчина». В конце войны Пирогов опубликовал широко обсуждавшуюся статью «Вопросы жизни», в которой поднимались такие проблемы, как смысл жизни, суть образования и его роль для общества[1].

Вот как, используя яркие метафоры, Пирогов оценивал современное ему образование женщины высших слоев: «Но зато воспитание ее обыкновенно превращает ее в куклу. Воспитание, наряжая ее, выставляя напоказ для зевак, обставляет кулисами и заставляет ее действовать на пружинах, так как ему хочется. Ржавчина съедает эти пружины, а через щели истертых и изорванных от времени кулис она начинает высматривать то, что от нее так бережно скрывали». До этого времени те, кто претендовал на роль реформаторов женского образования, ставили перед собой лишь одну цель – наделить женщину тем количеством знаний, которое было бы достаточным для того, чтобы поддерживать разговор с мужем и следить за воспитанием детей. Наиболее свежая версия этого взгляда была выражена в появившейся незадолго до статьи Пирогова работе медицинского и этического характера «Физиология женщины», написанной также русским врачом В.В.Дерикером. Автор полагал, что женщине для успешного выполнения функций жены, матери, домохозяйки (другого предназначения она не имела) необходимы хорошие базовые знания, но не более того. Даже Пирогов ограничивал стремление женщин к образованию: «<...> не всякий врач. Не всякий должен без нужды смотреть на язвы общества, <...> в помойных ямах рыться»[2].

Однако Пирогов признавал, что женщинам необходимо хорошее образование. Они нуждаются в развитии способности к независимым суждениям для того, чтобы помогать мужчинам в их борьбе (а не просто для дилетантских увлечений агрономией

---

[1] Исторический Вестник. 1886. Ноябрь. С. 276; *Лихачева Е.* Указ. соч. Т. 2. С. 2–3; *Пирогов Н.* Вопросы жизни // *Пирогов Н.* Сочинения. Т. 1. С. 1–44.

[2] *Пирогов Н.* Вопросы жизни. Т. 1. С. 42; *Дерикер В.В.* Физиология женщины. СПб., 1854; сходную позицию см.: О воспитании // Морской сборник. 1856. Янв. С. 1–68.

или коллекционирования бабочек). «Не положение женщины в обществе, но воспитание ее, – в котором заключается воспитание всего человечества – вот что требует перемены. Пусть мысль воспитать себя для этой цели, жить для неизбежной борьбы и жертвований проникнет все нравственное существование женщины, пусть вдохновение осенит ее волю, – и она узнает, где она должна искать своей эмансипации». Пирогов предполагал, что роль и предназначение женщины вскоре станут более социально значимыми, чем прозаические заботы семейной жизни. В будущем, считал он, некоторые русские женщины услышат призыв свыше к свершению величественного подвига самопожертвования. Таких женщин он призывал ответить на этот призыв: «Да, я готова»[1].

С сегодняшней точки зрения, стиль Пирогова кажется помпезным и напыщенным, а его предположения о женских способностях – слишком умеренными и аморфными. Однако читатели того времени были поражены постановкой вопроса, который до этого не привлекал к себе серьезного внимания, и благородной и прогрессивной позицией русского интеллигента. Не вызывает сомнения, что многие женщины были заинтригованы призывом к «борьбе и жертвованиям». По свидетельству Елены Штакеншнейдер, статья вызвала настоящий фурор среди женщин; а одна из первых феминисток, Надежда Белозерская, даже утверждала, что именно после публикации работы Пирогова женский вопрос в России получил всеобщую и немедленную поддержку в обществе и литературе. С этого момента и далее, проблема женского образования стала одной из «жгучих» тем в российской прессе[2].

Весной 1857 г. на страницах только что основанного студентами Санкт-Петербургского университета журнала появилось анонимное письмо молодой женщины, описывавшей свои впечатления по поводу создания студенческой организации и выражавшей желание подискутировать с основателями этого журнала. Подобно либерально настроенным женщинам Европы, которые с чувством горького разочарования наблюдали, как их мужья отстаивают свои политические права, она одновременно испытывала симпатию к молодым людям и чувствовала себя обделенной. Тоном, исполненным жалости к себе и в то же время сердитым, она настоятельно советовала редакторам уделить хотя бы

[1] *Пирогов Н.* Вопросы жизни. Т. 1. С. 44.

[2] *Лихачева Е.* Указ. соч. Т. 2. С. 17; *Штакеншнейдер Е.* Указ. соч. С. 136; *Стасов В.В.* Надежда Васильевна Стасова. СПб., 1899. С. 48.

немного внимания судьбе женщины, ее страданиям, недостатку образованности и самоуважения; рассказать читателям, что женщина должна быть «воспитательницей человечества, кроме того, матерью-гражданкой, а не модной куклой» и что наступило время действий, а не слов. Ее голос был слабым, зависимым, нерешительным, но это был первый голос пробуждающегося женского сознания, публично обращающийся к мужчинам[1].

С этого момента заметки, письма и статьи, написанные женщинами, потекли в журналы. В 1858 г. на страницах ведущего радикального журнала «Современник» появилась публикация «Жалоба женщины». Скорбя о бесполезности получаемого девушками в частных пансионах образования, которое совершенно не готовило их к жизни и которое не менялось от поколения к поколению, автор предлагала матерям более реалистично подходить к образованию детей обоего пола. Она утверждала, что это никоим образом не ослабит мужественность будущих мужчин и не разрушит женственность будущих женщин, а только сделает их мудрей. Вскоре в этом же журнале был опубликован «Отголосок на "Жалобу женщины"». Автор, женщина-дворянка, находившаяся в стесненных обстоятельствах, рассказывала грустную историю о том, как она одна без какой-либо помощи воспитывала своих детей. В результате ее семья стала более сплоченной и «реалистичной» – ее дочери читали Гоголя, Аксакова, Тургенева и Толстого и были в курсе того, как появляются на свет дети. «По моему мнению, – писала она, – бедные девочки должны рано узнать, что есть и горе, и страдания, что на свете живут не одни хорошие люди, но и смешные и дурные»; что они должны усвоить эти вещи. «Помогите нам, – взывала она тем же знакомым зависимым тоном, – кто чем может, и пусть мои плохо выраженные мысли подвинут чей-то светлый ум на решение одного из самых важных вопросов жизни – воспитание женщины!»[2]

Вокруг данной проблемы возникла краткая дискуссия между малоизвестным публицистом Г.Я.Аппельротом и ведущим писателем-радикалом Дмитрием Писаревым. Первый, рассматривая идею совершенствования женского образования, исходил из бытовавшего мнения, что целью женского образования должно

---

[1] *Лихачева Е.* Указ. соч. Т. 2. С. 467.

[2] *Лихачева Е.* Указ. соч. Т. 2. С. 456–457; *В-ва.* Отголосок на «Жалобу женщины» // Современник. 1858. Фев. С. 372, 374; о других жалобах и ответах на них см.: *Тур Е.* Парижские письма // Русский Вестник. 1859. XVII. С. 5–75; *Лихачева Е.* Указ. соч. Т. 2. С. 460.

быть улучшение общей атмосферы домашней жизни, и потому образование женщин должно приблизительно соответствовать (но отнюдь не быть идентичным) мужскому. Равенство в получении знаний не было для Аппельрота частью общей проблемы равноправия полов: «Женщины вообще более способны чувствовать сердцем, чем рассуждать; в них более развито воображение, чем сознание, и верование более, чем убеждение». Решительно отвергнув подобные предположения, Писарев первый в России открыто заявил, что цель образования – «развить физические, умственные и нравственные способности и потом предоставить полную свободу естественному влечению; всякое ограничение в воспитании, всякое направление к известной, узкой цели ведет за собою горестные последствия, особенно если одна исключительная цель назначается половине человеческого рода». И, если женщина кажется менее развитой, то это результат не ее «природной» неполноценности, а недостаточного развития, проистекающего от ее бездеятельности[1].

Надежда Дестунис, женщина-публицист, представительница профессии, которая становилась популярной по мере того, как рос общественный интерес к женскому вопросу, связала дискуссию о женском образовании непосредственно с самой атмосферой реформаторства: «Может ли такое быть, когда повсеместно, во всем российском обществе, наблюдается такая активность, такое кипение, такое стремление вперед – может ли быть, что только русские женщины остаются пассивными наблюдателями этой активности, не принимая в ней никакого участия? Можно ли отыскать хоть какую-нибудь роль для нее в этом всеобщем стремлении?» Какова должна быть ее новая роль? Этот вопрос оставался без ответа. Феминистка Надежда Стасова была права, кратко характеризуя «новую» русскую женщину: «Она желает не луны, а солнца»[2].

Как бы там ни было, но над Россией по-прежнему светила луна. Проблемы любви, секса, брака, семьи, которые существовали как бы в вакууме во времена литературного господства Жорж Санд, отныне увязывались с более общей темой женской природы. Наиболее известными в тот момент и лучше всех запомнившимися были суждения Николая Добролюбова о семье, нашедшие отражение в работе «Темное царство» (рецензии на

---

[1] *Аппельрот Г.Я.* Образование женщин среднего и высшего состояния // Отечественные записки. 1858. Фев. С. 670; Рассвет. 1859. Янв. С. 26–35.

[2] *Дестунис Н.* Чему мы, женщины, учились // Русская беседа. 1859. Март. С. 49; *Стасов В.В.* Указ. соч. С. 45.

пьесу Островского). К тому времени Добролюбов уже подал свой голос в поддержку женского образования. Однако наиболее действенным средством социальной критики по-прежнему была литература, и в пьесах Островского Добролюбов обнаружил целый мир того общественного зла, который ждал своего разоблачения. В особенности – суровая домашняя жизнь и подчиненное положение женщин в купеческих семьях – темное царство, в котором домашняя жестокость была чертой повседневной жизни. В глазах критика, это было царство, в котором не было места любви, где родительская тирания, ненависть поколений друг к другу, невежество и жестокость процветали во тьме. Добролюбов исследовал все пороки, присущие купечеству, включая проституцию, и семейное неравенство, в особенности гипертрофированную власть отца и практически полную экономическую зависимость от него женщин. То, что Добролюбов, казалось, описал в весьма преувеличенной форме, нашло поддержку у Павла Бурышкина – представителя купечества того времени, отчетливо отразившего настроения этого сословия. Для многих поколений интеллигенции определение русской семьи (купеческой, дворянской или крестьянской) как «темного царства» стало расхожим социальным клише[1].

Впервые идея женской экономической независимости была полностью сформулирована Марией Вернадской (в девичестве Шигаевой, 1831–1860). Получив домашнее образование при поддержке отца, и, изучив политическую экономию (которую она называла «жизненным Евангелием»), с помощью своего мужа И.В.Вернадского, Мария стала первой в России женщиной-экономистом. Вместе с мужем она издавала журнал «Экономический указатель» – главный в России печатный орган либерализма манчестерской школы. Вернадские были страстными сторонниками свободной торговли, концепции невмешательства государства в экономику (*laissez-faire*), свободной рабочей силы, и поэтому выступали в поддержку освобождения крепостных крестьян без наделения их землей, с тем, чтобы высвободить огромную массу трудоспособных людей, которых можно использовать на благо ускорения процесса индустриализации.

---

[1] *Добролюбов Н.А.* Собрание сочинений: В 9 т. М., 1961–1964. Т. 1. С. 493–514; Т. 2. С. 360–373, 428–456; Т. 3. С. 217–224; Т. 5. С. 7–139; *Бурышкин П.А.* Москва купеческая. Н.-Й., 1954. С. 28. Об ином прочтении Островского см.: Филиппов Т. // Русская беседа. 1856. Янв. С. 70–100; *Хомяков А.С.* Письмо к Т.И.Филиппову // Русская беседа. 1856. Апр.; *Хомяков А.С.* Полное собрание сочинений: В 8 т. М., 1900. Т. 3. С. 243–259; см. также рецензию А.Савельева на кн.: *Janet Paul.* La famille. 1855 // Русское слово. 1859. Ноябрь. С. 23–49.

Они надеялись на то, что произойдет увеличение количества женщин-работниц, труд которых, был значительно дешевле мужского, и которых можно было бы эффективно использовать на фабриках. Обращаясь к женщинам, Вернадская избегала подобной аргументации, вместо этого она заостряла внимание на тех возможностях, которые работа предоставляет для их освобождения. Страстная мольба Вернадской дать женщинам работу содержится в ряде статей, написанных в последние два года ее жизни[1].

Разделение труда и свободная торговля, писала она, в конечном итоге решат большинство экономических проблем, а свободный выбор работы (в противовес наследуемому назначению на должность) является *sine qua non* экономического развития. Женщины вынуждены будут отказаться от исполнения исключительно только ролей матерей и жен, высвободив, таким образом, скрытые экономические силы общества. Но, до тех пор, пока муж зарабатывает на жизнь и несет финансовую ответственность за свою семью, он в праве рассчитывать на послушание тех, кого содержит. Будучи реалистом, Вернадская отмечала, что некоторые русские женщины смотрят на труд как на постыдное занятие. «Человек может унизить какое-нибудь занятие, – писала она, – но ни один честный труд не может унизить человека». Ее доводы схожи с теми, какими европейская буржуазия защищала торговлю и критиковала праздных землевладельцев в начале промышленной революции. Вернадская отказывалась принять отговорки матерей, не желавших отрываться от своих детей, и особенно тех женщин, которые вели праздный образ жизни, растрачивающих время на прогулки по Петербургу, сплетни и балы. «Mesdames! Перестаньте быть детьми, попробуйте стать на свои собственные ноги, жить своим умом, работать своими руками, учитесь, думайте, *трудитесь*, как мужчины, – и вы будете также независимы, или, по крайней мере, в меньшей зависимости от своих тиранов, чем теперь».

С уверенностью, в которой было больше оптимизма, нежели реализма, Вернадская убеждала своих читателей, что существует более чем достаточно возможностей для женщин проявить себя в экономической жизни – не на военной или государственной службе, но в торговле, на фабрике, в сельском хозяйстве, литературе, науке, преподавании и медицине. Поскольку женщина лучше знает женскую и детскую природу, а также потребности

[1] *Серополко С.О.* Вернадская М. // Женское дело. 1910. Окт. С. 3–4; *Стасов В.В.* Указ. соч. С. 30; *Шелгунов Н.В.* Сочинения: В 3 т. СПб., 1904. Т. 2. С. 690.

семьи, занятие медициной гораздо в большей степени подходит ей, нежели мужчине. В основном суждения Вернадской были абстрактными и ориентированными на будущее. Она не могла предвидеть тех многочисленных битв, которые разыграются, прежде, чем женщина получит доступ на рынок квалифицированной рабочей силы. Она понимала, что женщины будут получать заработную плату ниже, чем заработная плата мужчин, по крайней мере, до тех пор, пока они не смогут преодолеть отношение к ним как к дилетанткам и не улучшат свое образование. Вернадская не сомневалась в способности женщин выполнять работу, традиционно считавшуюся мужской. Кратко суммируя один из аргументов европейского феминизма, апеллировавшего к достижениям цивилизации и технического прогресса, она утверждала, что женщина с револьвером может убить мужчину с топором, а женщина в экипаже может задавить мужчину, идущего пешком. Касаясь вопросов брака, Вернадская предполагала, что, если женщины получат возможность сами зарабатывать на жизнь, то мало, кто из них будет торопиться заключить поспешные супружеские союзы, которые зачастую приносят только несчастье и приводят к личным трагедиям. Те же, кто не выйдут замуж, не будут больше полагаться на милость и сочувствие опекающих их родственников, подобно современным старым девам[1].

Отвечая на незаданный вопрос о целях женского образования, Вернадская пошла дальше Пирогова, связав проблему женской самостоятельности и независимости с образованием. К моменту ее безвременной смерти в двадцатидевятилетнем возрасте, идея достижения экономической независимости при помощи работы и образования получила справедливое признание в качестве основного пути эмансипации женщин. Даже один из авторов консервативного журнала «Библиотека для чтения» признавал, что само по себе улучшение образования не является достаточным. Он утверждал, что круг женских занятий может быть весьма многообразным, и задавал логичный вопрос: не является ли стремление запретить женщинам занятия, которые выше их способностей, такой же бессмыслицей, как запрещение мужчинам кормить детей грудью[2].

В литературе периода реформ беспокойство за судьбу какого-либо класса зачастую маскировалось озабоченностью судь-

[1] *Вернадская М.Н.* Собрание сочинений. СПб., 1858–1862. Т. 1. С. 110, 114–115.

[2] *Славинский П.Г.* Обзор различных учений об отношениях женщин и мужчин // Библиотека для чтения. 1860. Апр. С. 1–62; см. также: Сын Отечества. 1859. Март. 15. С. 293–294.

3 Заказ 5510

бой всего общества. Решительная апология нового экономического этоса[1] Вернадской могла также отражать еще не осознанное до конца беспокойство тех тысяч женщин-дворянок, чья экономическая безопасность и привычный образ жизни находились под угрозой из-за реформы по отмене крепостного права.

В эпоху, когда «толстые журналы» играли огромную роль в распространении идей и способствовали росту общественного сознания, вполне закономерным событием стало появление журнала, преследующего своей целью формирование взглядов женщин. С одной стороны, идея учреждения журнала для женщин отрицала основополагающие принципы теории равенства полов, провозглашающей, что женщины равны мужчинам во всем, что касается интеллектуального развития, в том числе навыков чтения и вкусов. С другой стороны, на этом раннем этапе существовало искреннее стремление к созданию промежуточного издания, которое соединило бы в себе привлекательность «дамских журналов» с более обширными материалами «толстых журналов». Последние практически ничего не предлагали для удовлетворения специфических женских интересов, а старые издания для женщин представляли собой журналы мод, снабженные романтическими рассказами. К ним относились: «Дамский журнал» (1823–1833), «Журнал Мод» (1840-е гг.), а также приторные и тривиальные журналы для девушек «Звездочка» (1845–1863) и «Луч» (1850–1860). Отмечавшийся в российской прессе успех английских женских журналов, выходивших в 1850-х гг., и в особенности «Журнала английской женщины» («*English Woman's Journal*»), свидетельствовал о необходимости выпуска более серьезного женского издания. Эту роль взял на себя учрежденный в 1859 г. журнал «Рассвет; журнал наук, искусств и литературы для взрослых девиц»[2].

Основателем журнала был Валериан Кремпин, бывший офицер артиллерии, который смог привлечь к сотрудничеству и радикалов, и либералов, а также нескольких неизвестных, но многообещающих писательниц. В первом выпуске «Рассвета», обложка которого изображала спящую девушку, которую будит

---

[1] Этос (*греч. ethos*) – термин античной философии, обозначающий характер, дух, установки, «правила игры» какого-либо лица или явления. – *Прим. ред*

[2] В 1867 г. Писарев писал: «Большинство публики читает журналы; это очевидный факт для каждого, кто жил в провинции и переехал в какой-либо губернский город» (*Писарев Д.И.* Сочинения: В 6 т. СПб., 1894. Т. 1. С. 97); Об «альманахах» см.: Отечественные записки. 1858. Сент. С. 35–36.

женщина, олицетворяющая «Знание», редактор писал, что русские женщины, как и остальная часть общества, пробуждаются от глубокого сна. Целью «Рассвета» было «возбудить сочувствие молодых читательниц к направлению, которое получило наше общество в последнее время, доказать им, что современные идеи вполне согласуются с духом христианского учения». В предисловии педагог Алексей Разин развивал ставшую уже банальной тему о роли женщин в гармонизации мира при помощи любви и материнства. За два с половиной года своего существования «Рассвет» успешно оставался верным своим благочестивым целям. По словам Писарева, это было «приторно, но правильно»[1].

«Рассвет» стремился рассказать своим читательницам о том, что в своих размышлениях о будущем своего пола они не одиноки. Некоторые статьи, как, например, биография известной американской женщины-врача Элизабет Блэквелл демонстрировали западные модели поведения, которые часто играли решающую роль в выборе русскими женщинами (равно как и мужчинами) своего пути. Однако большинство материалов были откровенно посредственными и поучающими. Они были полны тривиальностей, и даже «серьезные» статьи по истории, географии и науке были довольно низкого уровня. Не вызывает сомнений, что «Рассвет» пошел дальше некоторых женских журналов старого толка и представлял животрепещущие идеи по женскому вопросу в России и Европе. Однако, как впоследствии отмечал один из его авторов, подрастающее поколение к 1862 г. намного опередило юношескую ориентацию «Рассвета» и предпочитало скорее серьезную классику и чтение «толстых журналов». Между тем были и такие, кто все более и более увлекался «женским вопросом»[2].

2. М.Л.Михайлов и женский вопрос

Впервые в России серьезная дискуссия по женскому вопросу была инициирована мужчиной, поэтом и радикальным публицистом М.Л.Михайловым[3]. Благодаря ряду статей, написан-

---

[1] *Скабичевский М.А.* Литературные воспоминания. М., 1928. С. 132; Рассвет. 1859. Янв. С. i–iv, 1–10; *Писарев Д.И.* Сочинения. Т. 2. С. 175–176. Журнал был рекомендован правительством как «нравственно полезное чтение для воспитанниц женских учебных заведений» (Лихачева Е. Указ. соч. Т. 2. С. 457).

[2] Например, см.: Рассвет. 1859. Март. С. 437–450; 1859. Май. С. 311–326; 1860. Март. С. 475–478; 1862. Март. С. 301–310, 311–312; 1860. Сент. С. 457–461.

[3] Более подробно см.: *Stites R.* Mikhailov M.L. and the Emergence of the Woman Question // Canadian Slavic Studies. Summer 1969. P. 178–199.

ных Михайловым в период с 1859 г. до его смерти в 1865 г., данная проблема утвердилась как основная в умах русской интеллигенции. И хотя Михайлов не был ни оригинальным мыслителем, ни первым, кто заговорил об этих вопросах открыто, ему принадлежит первенство в комплексном рассмотрении различных аспектов этой проблемы (работа, образование, любовь) с антропологических позиций. Подобно Дж.С.Миллю, Михайлов обладал способностью структурировать факты, анализировать, опровергать мнения оппонентов и ясно, убедительно и аргументировано излагать свои заключения. Как публицист он был апологетом женской эмансипации. К 1862 г. – времени его ареста за радикальную деятельность – благодаря Михайлову прежде случайные споры о женском освобождении стали неотъемлемой частью российской интеллектуальной жизни.

Воззрения Михайлова на женский вопрос были порождены антифеминистскими работами либерального националиста Жюля Мишле и социалиста П.-Ж.Прудона. Мишле, крайне обеспокоенный быстрым распадом семьи и падением рождаемости, то есть тем, что он рассматривал как падение нравов во французском обществе, написал социологический этюд «Любовь» (1858), в котором изложил свои взгляды на женщин, любовь и брак. Рассматривая женщину как биологически несовершенное и слабое существо, он говорил о «физическом фатализме, присущем женщине от природы», а также о ее слабости по сравнению с мужчиной, слабости, которая вытекает из «болезни материнства» и «извечной раны» – менструации. Если же она избавляется от этих природных недостатков в результате тяжелого физического труда, одновременно исчезает ее сексуальность. С точки зрения Мишле, женщина исключена из образования и работы самой природой. Супруг «учит и облагораживает ее при помощи благочестия и святости». Никакое серьезное занятие не может быть доступно тем, кто зависит от таких расслабляющих и отвлекающих внимание вещей, как менструальный цикл и беременность. Что же тогда делать женщине? Любить и служить своему мужу, растить его детей и быть для всех источником любви, отвечал Мишле. Франции не хватает любви и воскрешения сердца (но не свободы) – новой мистической связи, которая соединит вместе то, что было разрозненно атомистическим эгоизмом урбанизации и промышленного капитализма. То, что другие искали в религиозных обрядах, социализме, в *palingénésie sociale*[1] Мишле нашел в

[1] palingénésie sociale (*фр.*) – социальное происхождение. – *Прим. пер.*

любви – романтической и всем привычной. Носительница этой любви – женщина[1].

Другим значительным произведением, которое отстаивало традиционное положение женщины, была работа Прудона «О справедливости в революции и церкви» (1858). Его взгляды на женщин концентрируются вокруг вопросов о владении личной собственностью, сохранения домашнего очага, супружеского домохозяйства и веры в мужское превосходство. Однако он был более ярым прямолинейным антифеминистом, чем Мишле, чью работу он назвал эротической и неприлично болтливой. Прудон указывал на физическую слабость женщины и на ее пассивность в половом акте, как на доказательство ее более слабой природы; на ее широкие бедра, таз и грудь, как на доказательство того, что ее единственным предназначением является вынашивание детей; и на относительно меньший размер женского мозга (неоспоримый, хотя и не относящийся к делу факт) как на доказательство ее интеллектуальной неполноценности. Используя курьезную систему количественных измерений, которую он применял к обоим полам, Прудон заявлял, что поскольку физическое соотношение между мужчиной и женщиной составляет 3:2 (его собственные расчеты), то разум должен быть выше у того, кто более инициативен, обучаем, активен и так далее. Мужчина – господин и женщина должна ему повиноваться: *dura lex, sed lex*[2]. «Гениальность, – провозглашал он, – это мужество духа и сопровождающая его способность к абстракции, обобщению, созиданию и пониманию; ребенок, евнух и женщина не имеют этих дарований в равной мере». И нападая на сентиментальную болтовню Мишле, Прудон оспаривал женскую способность к любви, определяя ее как идолопоклонничество и «эротический идеализм»[3].

Подобные догматичные и ненаучные взгляды на женщин были неоднозначно восприняты феминистками, так как они принадлежали не реакционерам, которые, безусловно, разделяли их, а так называемым «прогрессивным элементам». В Париже обе работы вызвали шумиху. В социал-феминистских кругах (например, в группе неосенсимонистов, сложившейся вокруг газеты *Revue philisophique*) некоторое время Прудона ненавидели так же как и

[1] *Michelet J.* Pages choisies: In 2 vols. / Ed. by H.Chabot. Paris, 1935. Vol. 1. P. 67; *Idem.* Oeuvres comletes (edition definitive): In 40 vols. Paris, 1829 – 1899. Vol. 34. P. 32–33, 44, 18, 334–335.

[2] ddura lex, sed lex (*лат.*) – закон суров, но это закон. – *Прим. пер.*

[3] *Proudon P.* Oeuvres complates / Ed. by C.Bouglé: 12 vols. Paris, 1923–1946. Vol. VIII, P. 4, 183–185, 197, 47, 201–15.

Наполеона III. Из этого кружка вышла и отважная феминистка, первая в Европе женщина-врач, Эжени (Женни) д'Эрикур, защищавшая права женщин от нападок, как клеветников, так и лживых поклонников. В своей работе «*La femme anffranchie*» (1860) она назвала произведение Мишле «благоуханной похотью», предупреждая, что его физиологические теоретизирования более изощренны, нежели грубые и вульгарные нападки на женщин, предпринятые Прудоном. Последний, писала она, рассматривал женщину как «извечного инвалида, которого необходимо запереть». Именно против него д'Эрикур обратила свои доводы, без труда показав полное отсутствие у Прудона логики и интуиции, что делало его доказательства, так же как и доказательства Мишле, абсолютно несостоятельными. В качестве примера того, чего может достичь женщина, если ей не будут мешать архаичные традиции, ограничения и всякого рода общественные предрассудки, она указывала на свою собственную карьеру врача[1].

До появления статей Михайлова полемика по данной проблематике не пользовалась в России особой популярностью. В 1859 г. в Санкт-Петербурге был опубликован анонимный и довольно странный сборник статей под названием «Мужчина и женщина вместе и врозь в различные эпохи их жизни». Его содержание практически полностью было заимствовано из последних работ Мишле и Прудона, точно так же, как и вынесенный женской судьбе приговор: «В детстве она любит свою куклу; выйдя замуж она любит своих детей и мужа; состарившись, он посвящает себя Богу». Однако прогрессивные журналы были на стороне д'Эрикур. «Отечественные записки» не были согласны с мнением Прудона о том, что женщина может быть либо женой, либо проституткой. «Любовь» Мишле была рецензирована в «Русском вестнике» выдающейся деятельницей периода «интеллигентских салонов» Евгенией Тур, которая, признавая, что женщины зачастую нелогичны и ниже мужчин в умственном отношении, обвинила Мишле в отсутствии вообще какой-либо логики. Мишле, отмечала она, способен называть женщину царицей земли и мириться с тем, что муж ее бьет. Тур никогда не была феминисткой и, тем не менее, она смогла уловить абсолютную ошибочность концепции любви Мишле. Пользуясь понятиями, ставшими вскоре всем привычными, она описывала любовь

---

[1] О д'Эрикур и ее кружке см.: *Шелгунов Н.В., Шелгунова Л.П., Михайлов М.Л.* Воспоминания: В 2 т. М., 1967. Т. 1. С. 82, 119–120; Т. 2. С. 75. Работа д'Эрикур была переведена на английский язык как: A Woman's Philosophy of Woman. N. Y., 1864. P. 17.

как активную жизненную силу, придающую жизни энергию и способную изгнать старость и смерть[1].

Д'Эрикур встретилась с Михайловым и другими русскими в Париже в 1850-х гг. и поддержала полемику в русской печати, запланировав даже прочитать в Санкт-Петербурге ряд лекций об эмансипации женщин, хотя так никогда и не сделала этого. В 1861 г. в «Рассвете» была опубликована одна из ее статей о женском образовании. Во Франции голос д'Эрикур, голос последней феминистки этого периода, уже не был слышен, заглушенный другими проблемами и интересами. Однако ее друг, Михайлов, вернувшись в Россию, на длительное время превратил ее давнюю борьбу с Мишле и Прудоном в «жгучий вопрос» современности.

Михаил Ларионович Михайлов (1829–1865) был сыном чиновника, (отец которого был крепостным в оренбургском поместье семьи Аксаковых), сумевшего продвинуться по служебной лестнице и стать дворянином. Михаил Ларионович прошел путь, характерный для большинства представителей российской интеллигенции 60-х годов XIX в.: учеба в Петербургском университете, короткий период государственной службы, разочарование в российской действительности и судьбоносное путешествие по Западной Европе. Прочитав Белинского и Герцена, он написал несколько своих собственных рассказов, в которых вопрос о положении женщин не занимал сколь-нибудь значительного места. В то время Михайлов еще не проявлял особого интереса к женскому вопросу. В 1853 г. он встретил Николая Васильевича Шелгунова и сразу же страстно влюбился в его жену Людмилу Петровну (урожденную Михаэлис). Когда их взаимоотношения приобрели интимный характер, Шелгунов принял это и остался близким другом и политическим соратником Михайлова вплоть до их ареста в 1862 г.; точно так же он остался верным другом и поклонником Людмилы Петровны. Попав в ситуацию любовного треугольника, Михайлов впервые задумался о практической значимости женской свободы. У супругов Шелгуновых он позаимствовал и некоторые идеи, которые развил впоследствии[2].

---

[1] Мужчина и женщина врозь и вместе в различные эпохи их жизни. СПб., 1859. С. 85; Отечественные записки. 1857. Май; *Тур Е.* Женщина и любовь по понятиям г. Мишле // Русский вестник. 1859. Июнь. С. 461–500.

[2] См. объективную, хотя и скучную биографию: *Фатеев П.С.* Михаил Михайлов: Революционер, писатель, публицист. М., 1969. Краткий очерк М.Дикмана и Я.Левина см.: *Михайлов М.Л.* Сочинения: В 3 т. М., 1958. Т. 1. С. 5–47. О треугольнике см.: *Панаева А.* Воспоминания. М., 1956. С. 197; *Богданович Т.* Любовь людей шестидесятых годов. Л., 1929.

Людмила Шелгунова, отец которой также был чиновником, получила прекрасное образование в петербургском частном пансионе. Однако основное воспитание ей дала мать, талантливая и независимая женщина, которая постоянно говорила о «правах женщин» и необходимости финансовой независимости. Не испытывая особой нужды, она давала уроки и занималась переводами, чему научила и Людмилу. Поэтому Людмила, когда за ней стал ухаживать ее кузен Шелгунов, прямо предупредила его о том, что ожидает, по крайней мере, полного равенства между ними во всех делах. Ее поклонник, выходец из бедной дворянской семьи, учившийся в Лесном институте, поначалу был весьма обеспокоен идеями своей невесты. «Идея равенства была несвойственна создателю», – писал он в 1849 г.; однако впоследствии смягчился и согласился предоставить своей жене свободу. После свадьбы они провели нескольких тоскливых лет в провинции, а затем поселились в Петербурге, где познакомились с Михайловым и где обещание Шелгунова было подвергнуто испытанию. Когда в 1858 г. они появились в парижском Hôtel Molière – штаб-квартире Женни д'Эрикур – все трое уже были страстными приверженцами женского вопроса. Шелгуновы познакомились с д'Эрикур во время их предыдущего визита в Париж. Теперь ее сторонником стал Михайлов, проведший с ней несколько долгих вечеров за взволнованным обсуждением работы Прудона «О справедливости в революции и церкви». Шелгунова, вдохновленная примером д'Эрикур, мечтала стать врачом; Михайлов, уединившись в Трувиле, начал работу над своими статьями, а Шелгунов давал ему советы по вопросам экономики[1].

Работа Михайлова «Женщины: Их воспитание и значение в семье и обществе» представляет собой частично опровержение Мишле и Прудона, частично программу реформ. Его, редко когда оригинальные доводы, в основном были заимствованы из европейских работ по антропологии, медицине и феминизму[2]. Он считал, что поднявшаяся в Европе волна антифеминизма является своего рода «реакцией на реакцию». Французские социальные реформаторы и моралисты, в ответ на буржуазное ханжество в

---

[1] *Шелгунов Н.В., Шелгунова Л.П., Михайлов М.Л.* Воспоминания: В 2 т. М., 1967. Т. 1. С. 82; Т. 2. С. 17, 35, 41–43, 97, 70; *Щепкина Е.Н.* Из истории женской личности в России. СПб., 1914. С. 267–278; *Фатеев П.С.* Михаил Михайлов: Революционер, писатель, публицист. М., 1969. С. 168–198. Работы Михайлова о положении женщин см.: *Михайлов М.Л.* Женщины: Их воспитание и значение в семье и обществе. СПб., 1903.

[2] Ссылки на конкретные страницы см. в статье, упомянутой в предыдущей сноске.

вопросах секса, предложили продолжить социальные преобразования, развивать новые формы женской свободы, перестроить семью. Подобные искренние намерения оценивались как непристойные крайности теми, кто понимал их только наполовину. Михайлов говорил о Жорж Санд как о «несчастном, хотя и вызывающем сочувствие феномене переходного характера тех времен». Это привело к тому, что Мишле и Прудон пытались дискредитировать любую реформу настоящего, используя грехи феминисток прошлого. Однако большинство их доводов, как правильно отмечал Михайлов, опирались на аналогию с доцивилизованными обществами, что было модным среди эссеистов того времени. Он признавал, что в таких «естественных» обществах женщины всегда были подчинены мужчинам. Далее Михайлов допускает, что это было присуще тем обществам, для которых были характерны насилие и грубая сила. Между тем консерваторы отказываются признать, что «естественное» состояние уже в прошлом, что мужчины стали более цивилизованными. Грубая сила больше не является добродетелью. Тем не менее, женщины по-прежнему находятся в подчинении и рабстве. Почему?

На доводы Прудона о слабости женского организма Михайлов возражал, что наука сделала силу ненужной; что чтение книги или настройка телескопа требуют меньших затрат энергии, чем один тур вальса. Домашнее хозяйство и «общественные» заботы требуют от жены, принадлежащей к высшему классу, большей активности, нежели при обучении или выполнении рутинной кабинетной работы. Физическая слабость отныне не является недостатком в «современном» мире. По сути, это был все тот же аргумент, апеллировавший к достижениям цивилизации – женщина с пистолетом может убить мужчину с топором... Аргумент Мишле о «биологической немощи» – ранняя версия фрейдовской «анатомия – это судьба» – был более серьезен и до сегодняшних дней преследует феминисток. С некоторой интеллектуальной непоследовательностью, Михайлов предположил, что «цивилизация» (понятие, которому в данном случае он придавал отрицательное значение) ответственна за слабость и тем самым за болезненность менструирующей и беременной женщины. Гинекологические заболевания были не причиной женской пассивности, а ее результатом. Доводы в пользу природной неполноценности женщин все те же, писал он, что использовались американскими плантаторами и апологетами расизма от науки, утверждавшими расовую неполноценность негров. Однако, продолжал он, если беременная женщина и негр кажутся

неспособными соревноваться одна с мужчиной, другой – с белым мужчиной, то это лишь потому, что никто им не позволял этого делать[1].

Является ли женщина в интеллектуальном отношении ниже мужчины от природы? Утвердительно на этот вопрос отвечали многие выдающиеся женщины-писательницы XIX в. (Вклад Прудона в это мнение состоял в его утверждении, что, пока женщина любит, она не способна мыслить, а когда она беременна или когда у нее менструация, у нее нет даже своей воли). Где женщины гомеры, шекспиры или донателло? На этот довод Михайлов отвечал, что творческий гений нуждается в жизненном опыте и наблюдении за окружающим миром. Женщины же были прикованы к дому, изолированы от общества и им было отказано в развитии их творческих возможностей. Мужчины лишили их зрения, слуха, свободы и исключили их из интеллектуальной деятельности, пичкая вместо этого дамскими романами и сентиментальной чепухой. Критики женщин, утверждал он, перепутали причину со следствием.

Голословное утверждение моральной несостоятельности женщин отличало Прудона от других антифеминистов. В своих доказательствах он ссылался на сексуальную распущенность эмансипированных женщин времен Июльской монархии; на кокетство как на отвратительный, специфически женский порок; а также на проституцию как на институализированную демонстрацию испорченной женской природы. Все это, утверждал Прудон, вытекает из женского «вечного зуда» и атавистического стремления к рождению детей. Полемизируя с Прудоном, Михайлов подошел к этим обвинениям с иной стороны. Являлись ли герои любовных романов Поля де Кока и их реальные прототипы в нравственном отношении выше парижских кокоток? Изобретателем кокетства, заявил он, был мужчина, а не женщина. Чего еще можно ожидать от мужского мира, в котором женщина не имеет иной функции, кроме как загонять в ловушку мужа или любовника, и где мужское тщеславие стимулирует женские хитрости? А проституция? Ее богатая история доказывает лишь то, что *мужчина* всегда готов купить то, что ему могут продать *немногие женщины*. И именно *мужчина* тот, кому присущ «вечный зуд» и именно *мужчина*

---

[1] В эти годы аналогия с рабовладельцами была очень популярна среди феминисток всего западного мира. См., например, отрывки из работы Фанни Левальд: Die Geschichte der Frauenbewegung in den Kulturländern / Ed. by H.Lange and G.Bäumer. Berlin, 1901. P. 42.

является тем, кто постоянно ищет удовлетворения своих развратных потребностей.

Михайлов рассматривал образование как основную проблему в России. Женские институты и пансионы, выпускницей одного из которых была его возлюбленная Л.Шелгунова, являлись питательной средой наивности и препятствием на пути развития общественного сознания и полового воспитания. Подобного рода образовательные учреждения также были ответственны за женскую «неполноценность». Все проблемы женщин, по мнению Михайлова, коренились в отсутствии реалистичного и здравого образования. Оторванное от жизни воспитание и образование девушек в душной, невыносимой обстановке школы и семьи побуждало их стремиться к свободе, что часто выражалось в замужестве с первым встречным, последующим за этим разочарованием и «бальзаковской семейной жизни». Необходимость в образовании равном мужскому на всех уровнях была очевидна Михайлову. Муж не мог дать своей жене образование, как утверждал Мишле, к тому времени, когда они уже создали семью, это было слишком поздно. Совместное образование девочек и мальчиков было необходимо для того, чтобы в раннем возрасте познакомить девочку с представителями противоположного пола и избавить ее от несостоятельных фантазий о любви. В конечном итоге, женское образование должно было быть широким и либеральным, а не узко нацеленным. По мнению Михайлова, готовить девочек к роли жены и матери абсурдно в такой же мере, в какой абсурден предварительный отбор врачей и инженеров из еще не родившихся детей.

Критика семьи также тесно связывалась Михайловым с проблемой образования. Именно недостаток образованности приводил к созданию двумя неподходящими друг другу людьми ненадежной семьи и воспитанию плохо образованных детей. На утверждение Прудона о том, что женщина не имеет никакой другой функции, кроме домашней, Михайлов отвечал, что из-за скудного образования женщина не способна даже к ведению хозяйства. Михайлов был поборником семьи, но лишь той, которая была основана на взаимном уважении и равенстве, а не на одной лишь сексуальной связи. Он выступал против не только тех союзов, в которых жена была вынуждена хитрить, но и против промискуитета, либертизма и разложения семьи. Михайлов рисовал в своем воображении браки и союзы (по соображениям цензуры, он мог употреблять только слово «брак»), состоящие из подходящих друг другу супругов, обладающих равным образованием и равным положением. Только они смогли бы объединить мужчин

и женщин в их общих делах и интересах. Он считал, что развод будет редким явлением в браке, который будет представлять собой прекрасный образец для грядущих поколений.

В силу российских условий Михайлов не касался темы политических прав женщин. Избирательное право для обоих полов в России отсутствовало вплоть до 1864 г. на местном и до 1905 г. на национальном уровнях. Однако Михайлов все-таки осторожно поднял вопрос о женских политических правах, сделав перевод статьи Джона Стюарта Милля и Гарриет Тейлор «Предоставление избирательных прав женщинам». За выполнение этого перевода Михайлов взялся в 1858 г., решив представить эту статью российской читающей публике как пример бесстрастного и логического подхода к проблеме. Гарриет Тейлор, на которой Милль впоследствии женился, была выдающейся женщиной, сыгравшей примерно такую же роль в привлечении внимания Милля к женскому вопросу, как и Людмила Шелгунова в случае с Михайловым. Статья Милля и Тейлор, основанная главным образом на ее идеях, но написанная Миллем, появилась в 1851 г. В ней содержался призыв предоставить женщинам право голоса на основе древнего английского закона, в соответствии с которым представительство в парламенте имеют лишь те, кто платит налоги. Статья не имела прямого отношения к российской действительности, за исключением того, что она лишь несколько преувеличила возможности женского движения и увязала проблему женской эмансипации с общим стремлением к расширению прав и с отменой старых привилегий монархии, аристократии и церкви[1].

В России на работы Михайлова последовал немедленный отклик. Писарев искренне рекомендовал его статьи всем учителям и матерям: «С этими идеями должно вырасти молодое поколение». Педагог В.Стоюнин видел в идеях Пирогова, Михайлова и Милля начало новой эпохи равенства и свободного развития женщин. Столичные дамы искали портреты Михайлова. По воспоминаниям Шелгунова, его статьи «произвели землетрясение в российских умах». Однако среди радикалов основной причи-

---

[1] По российскому законодательству, женщина-собственник земли могла передать свой голос на местных дворянских выборах. *Packe Michael. St.John.* The Life of John Stuart Mill. London, 1954. P. 63, 87–90, 124, 137–138, 313, 370; *Mill J.S.* Autobiography of John Stuart Mill. N.Y., 1960. Ch. vii; о роли Гарриет Тейлор в написании статьи, которая впервые появилась в «The Westminster Review» и была переиздана: *Mill J.S.* Dissertations and Discussions: In 4 vols., Boston, 1865–1868. Vol. 3. P. 93–101. Перевод и послесловие Михайлова см.: Об эмансипации женщин // Современник. 1860. Ноябрь. С. 221–250.

ной его славы и уважения было его революционное мученичество. Вместе с Шелгуновым и, возможно при некоторой помощи Шелгуновой, он сочинил антиправительственное обращение «К молодому поколению» и был арестован во время кампании по борьбе с «эрой прокламаций» в 1861–1862 гг. Взяв всю вину на себя, Михайлов, был осужден и отправлен в ссылку. Однако в Сибирь за ним последовала и его слава – по прибытию в Иркутск местный священник предупредил его, что Бог накажет его за желание «освободить женщин». Каторгу Михайлова скрашивала группа молодых женщин, которые, прочитав его статьи, навещали его и искали у него совета по романтическим, матримониальным и политическим вопросам. После нескольких лет болезни, Михайлов умер в 1865 г.[1]

Аргументы Михайлова были не только убедительными, но в основной своей массе и верными. Даже в свете знаний того времени, его утверждения о женских способностях были более логичными, нежели субъективные, сделанные *a priory* наблюдения Мишле и Прудона. Дальнейшее развитие женской эмансипации превратило его выводы в трюизмы, в особенности те, что касались способности женщин учиться и работать на ответственных должностях. После революции 1917 г. равное образование и равные экономические возможности для обоих полов стали государственной задачей. Михайлов в своих статьях в «Современнике» впервые подошел к проблеме с искренностью, тактом и логикой – отныне в них не было места для замалчивания и косвенных намеков. Ранние призывы к реформированию женского образования, еще неопределенная критика «семейного деспотизма», экономические доводы в пользу женской рабочей силы – все это было синтезировано Михайловым в одном вопросе: каково же значение женщины в семье и обществе? Подобная всеохватывающая формулировка вопроса была характерна для российской интеллигенции.

Заслуживают внимания взгляды Михайлова на любовь и брак. Его связь с женой своего друга и создание ситуации треугольника могут показаться противоречащими его уверенному

---

[1] Об этих и других откликах см.: Рассвет. 1859. Ноябрь. С. 48–53; 1860. Июль. С. 11–19; 1860. Сен. С. 1–15; Отечественные записки. 1861. Апр; *Шелгунов Н.В., Шелгунова Л.Р., Михайлов М.Л.* Указ. соч. Т. 1. С. 121. О его судьбе см. предисловие Е.Виленской и Л.Ройтберга в: *Шелгунов Н.В., Шелгунова Л.Р., Михайлов М.Л.* Указ. соч. Т. 1. С. 5–46; *Михайлов М.Л.* Сочинения: В 3 т. М., 1958. Т. 3. С. 601; *Лемке М.* Политические процессы в России в 1860-х годах. М., 1923. С. 144; *Фатеев П.С.* Михаил Михайлов: Революционер, писатель, публицист. М., 1969. С. 158–369.

отторжению идей Жорж Санд и так называемой свободной любви. Но Михайлов отвергал лишь прямолинейное, упрощенное решение жизненных проблем особенно женских. Простой ли это адюльтер или же «следование сердцу» – вот тот обычный выбор, в риторике которого принималось решение последователями Жорж Санд. Без сомнения Михайлов не испытывал никакого уважения к формальностям брака, священным или каким-либо другим, хотя на деле и на словах он продемонстрировал свою приверженность к единобрачию, предпочтя бесконечным битвам на сексуальном поле брани жизнь в телесном и духовном союзе с женщиной, которую он выбрал. Союз или, как он писал, брачный договор, должен быть равноправным и обеспечивающим взаимное уважение и товарищество на протяжении всей жизни, а также совместное решение жизненных задач. Этот взгляд содержал в себе зерно будущей идеи «революционной дружбы», возникшей в 1870-х гг., или «товарищеского брака», присущего ранней советской эпохе. Михайлов предполагал, что объединение гуманно настроенных мужчин и женщин обеспечит, а не разрушит, стабильность семьи. Таким образом, у Михайлова так же, как прежде и у Герцена, мы находим зачатки двух мнений относительно брака, которые впоследствии неизбежно столкнутся в душах русских людей в своем резком противоречии друг другу. Во-первых, это идея свободных брачных союзов между двумя товарищами, которые заключаются и расторгаются только лишь перед судом своей совести; во-вторых, это продолжительный союз равноправных партнеров, взявших на себя взаимные обязательства. И только после смены трех поколений противоречия между этими концепциями стали ярко выраженными и трагически очевидными.

Михайлов не стремился к тому, чтобы превратить женский вопрос в единственный «жгучий вопрос» русской интеллигенции. Писатели, принадлежавшие к радикальному лагерю, всегда рассматривали женский вопрос исключительно как часть более общей социальной проблемы. В те дни их первейшей заботой было грядущее освобождение крепостных крестьян. Хорошо известно замечание «Прочь от этих любовных вопросов!», принадлежавшее Н.Чернышевскому, который практически полностью игнорировал их, вплоть до своего ареста в 1863 г. Вклад Писарева и Добролюбова в данную проблему был незначительным и не был предметом их основных интересов. Подобное отношение к теме разделяли и Михайлов с Шелгуновым. Приоритеты Михайлова ясно видны в тексте прокламации «К молодому поколению», в котором женщины вообще не упоминаются, а основной акцент делается на политических и революционных задачах

нового поколения[1]. В прокламации Михайлов предсказывал появление целого поколения революционеров, которые на следующий же день после революции поставят в повестку дня «женский вопрос». Тем не менее, непосредственное влияние Михайлова на женское сознание было велико. Он создал новый образ женщины: «В ней не будет ничего женственного, кроме ее пола. Все остальные черты должны быть не мужскими или женскими, а чисто человеческими». Подобные взгляды будут разделять и появившиеся вскоре на российской сцене нигилисты и радикалы.

Насколько же далеко продвинулась проблема женской эмансипации с того времени, когда Михайлов поставил ее? Если верить самому Михайлову, то не так уж далеко. Он отмечал, что Россия по-прежнему колебалась между старыми и традиционными взглядами на этот вопрос и заманчивыми новациями Запада. Михайлов признавал, что всего лишь несколько лучших умов разделяли здравые воззрения относительно женщин, и пророчески предсказывал, что пройдет не менее семидесяти лет, прежде чем эти воззрения проникнут в народные массы. Однако с другой стороны, когда Михайлов писал эти слова (1861), в России уже появились феминизм и нигилизм, а также политический радикализм, который в грядущие десятилетия вовлек в свою орбиту тысячи женщин. И хотя Михайлов не предложил какого-либо определенного теоретического решения женского вопроса, он, без сомнения, вписал в сознание нового поколения образ Женщины, который еще не знала русская история.

Время с 1860 по 1861 г. было поворотным: пришел конец словам, и начался период действий. Каким образом развивалось женское сознание в этот критический момент российской истории? Наиболее активное женское меньшинство оставило нам богатый материал, который мы и будем изучать. К тому же в русской литературе мы видим далекие, но хорошо различимые предзнаменования грядущих изменений. Так называемая сильная женщина русской художественной литературы претерпела духовные перемены. Пушкинская Татьяна («Евгений Онегин») и тургеневская Наташа («Рудин») уже создали тип решительной женщины как контраст лишнему человеку – мужчине. Три героини романов, появившихся в конце 1850-х гг., продолжили эту традицию и демонстрировали ту стадию развития самосознания, которая не была присуща их предшественницам – это Ольга в романе Гончарова «Обломов», тургеневская Елена в «Накануне»

---

[1] «К молодому поколению» см.: *Шелгунов Н.В., Шелгунова Л.П., Михайлов М.Л.* Указ. соч. Т. 1. С. 332–350.

и Лёленька в произведении Крестовского «Пансионерка». Из этих трех вымышленных женщин наименее развитым персонажем была постоянно стремившаяся к чему-то неопределенному Ольга. Между тем критики отмечали, что она была более яркой и развитой личностью не только по сравнению с Обломовым, являвшемся квинтэссенцией ненужного антигероя, но и по сравнению с энергичным Штольцем, за которого она, в конце концов, вышла замуж, разуверившись в том, что можно расшевелить безучастного ко всему Обломова. Добролюбов восхищался Ольгой как «живой личностью, которую, однако, мы пока еще не встречали» и предположил, что если такого рода женщина разочаруется в своем втором избраннике, то она с таким же успехом покинет и его[1].

Более четким и определенным персонажем являлась тургеневская Елена. Ее ранние метания, так любовно описанные автором, в значительной степени отражали переживания реальных женщин-революционерок 1860–1870-х гг.: «...Чтение одно ее не удовлетворяло: она с детства жаждала деятельности, деятельного добра». Уже в детстве она сочувствовала всем страдающим и, в особенности, животным. «Кто отдался своему делу, своей мечте, – говорила она, – тому горя мало, тот уж ни за что не отвечает. Не *я* хочу: *то* хочет». Как бы там ни было, но до встречи с болгарским патриотом Инсаровым, Елена еще не нашла своего дела. «Чего мне хочется? Отчего у меня так тяжело на сердце, так томно? Отчего я с завистью гляжу на пролетающих птиц? Кажется, полетела бы с ними, полетела – куда, не знаю, только далеко, далеко отсюда... Какая-то рука лежит на мне и давит меня. Точно я в тюрьме, и вот-вот сейчас на меня повалятся стены». В своей знаменитой рецензии «Когда же придет настоящий день?» Добролюбов высказал мнение, что стремление Елены к подлинной деятельности, было присуще лучшим людям русского общества. В постановке «вопроса», в разрыве с русскими традициями («А вернуться в Россию, – писала она матери, – зачем? Что делать в России?») Елена опередила свое время (1859). Подобно большинству персонажей художественной литературы, она являла собой образец для подражания («идеал женщины-гражданки» как назвал ее Шашков), но в тоже время она была и представительницей своего поколения. Между тем ее порывы и опасения, ощущение того, что ее посте-

---

[1] *Добролюбов Н.А.* Собрание сочинений: В 9 т. М., 1961–1964. Т. 4. С. 307–343; см. также менее лесные замечания Писарева: *Писарев Д.И.* Сочинения: В 6 т. СПб., 1894. Т. 1..С. 231–273 (в особенности С. 242–248).

пенно загоняют в ловушку, ее страстное желание летать, подобно птице, представляют собой точную копию тех чувств, которые бушевали внутри бесчисленного количества образованных женщин на протяжении всех этих лет[1].

В 1860 г. Надеждой Дмитриевной Хвощинской (1824–1889) была написана повесть «Пансионерка». Это был краткий и впечатляющий рассказ о наивной провинциальной девушке Лёленьке, которая встретила многословного интеллектуала Веретицина, человека рудинского толка (недаром его имя – это производное от слова «вертеться», то есть постоянно менять свои взгляды), и была им очарована. Он без конца твердил о необходимости прогресса и о науке, огульно ругал все русские традиции. Под впечатлением его речей Лёленька порывает со своей семьей и отправляется в столицу, где находит работу и независимое существование. И когда Веретицын вновь встретился с ней, он ужаснулся тому, насколько серьезно она восприняла его поверхностные идеи. Упрекнув ее в этом, он привел ей в пример их общую знакомую Софью, которая вышла замуж по любви, и с тех пор живет скучной, но спокойной семейной жизнью. Лёленька отвергает как брак, так и любовь, и в своей финальной речи впервые в русской литературе провозглашает философию «новой женщины»: «Я поклялась, что не дам больше никому власти над собою, что не буду служить этому варварскому старому закону ни примером, ни словом... Напротив, я говорю всем: делайте как я, освобождайтесь все, у кого есть руки и твердая воля! Живите одни – вот жизнь: работа, знание и свобода»[2].

Одной из характерных черт рассматриваемого периода, которую, безусловно, заметил каждый читатель, является то, что вся пропаганда женской эмансипации велась исключительно мужчинами. Пирогов, Михайлов, Писарев и многие другие, так же как и передовые мужчины западного мира середины XIX в., вкладывавшие, подобно Миллю, Леону Ришару, Фредерику Баеру, Карлу Альмквисту, свой талант и свою душу в дело, ко-

---

[1] *Тургенев И.С.* Собрание сочинений: В 10 т. М., 1961. Т. 3. С. 25, 61, 59, 121. *Добролюбов Н.А.* Когда же придет настоящий день? // Современник.. 1860. Март; см. также: *Добролюбов Н.А.* Собрание сочинений. Т. 6. С. 96–140. Иные отклики см.: Рассвет. 1860. Март. С. 42–45; *Писарев Д.И.* Сочинения. Т. 1. С. 239–241; Русская женщина Елена Николаевна Стахова // Наше время. 1860. Вып. 13. С. 207–210 цит. по: *Лихачева Е.* Указ. соч. Т. 2. С. 460; *Шашков С.С.* Собрание сочинений: В 2 т. СПб., 1898. Т. 1. С. 856.

[2] *Хвощинская Н.Д.* (Крестовский В.). Повести и рассказы. М., 1963. С. 186.

торое, они полагали, выходит за рамки одних лишь сексуальных проблем. Их стремление было сродни тому, которое присуще аболиционистам или социалистам-интеллектуалам буржуазного происхождения. И если русские феминисты были более многочисленны, более активны и более радикальны, то это объясняется тем, что российская интеллигенция с самого начала поставила во главу угла необходимость жить той жизнью, которая соответствовала ее идеям.

Журналистика и литература по-прежнему были мужским миром. «В эти годы, – с небольшой долей преувеличения писал Котляревский, – она [русская девушка] доверчиво и стремительно следует за молодым мужским поколением, пугаясь мысли о том, что она отстает, и подбодряя себя сознанием, – что ей надо во что бы то ни стало поскорей догнать опередивших»[1]. Однако все менялось. Женщины больше не желали сидеть за спиной у благонамеренных мужчин и читать их статьи об устройстве своей судьбы. В 1860 г. пожелавшая остаться неизвестной женщина иронично, но с обнадеживающей перспективой прокомментировала одну покровительственную статью, написанную мужчиной. «В то время, когда блестящий, саркастический мужской ум, увлекаясь одною отрицательной стороной протеста, негодует, гонит, преследует, ломает старое и еще не решается ничего созидать, быть может, в тайной глубине женской души, посреди пробудившихся сомнений, тихо зреют светлые убеждения, восстает чистый строгий идеал, готовится новая деятельность». Ответ, конечно же, был «да». И далее она предвидит появление нового поколения женщин, не высшего света, но тех, которые будут достаточно образованы и возвышенны для того, чтобы наполнить свою жизнь убеждениями, идеями и действиями[2].

2. Размах проблемы

Освобождение крестьян в 1861 г. означало наступление новой эры в жизни российского общества. Само по себе это общественное событие не могло удовлетворить радикально настроенную молодежь и вновь вскрыло затянувшуюся было рану, нанесенную поражением в Крымской войне. Ту рану, боль которой сплачивала образованную часть русских людей. Для женщин привилегированного сословия освобождение кресть-

---

[1] *Котляревский Н.* Канун освобождения. 1805–1861. Из жизни, идей и настроений в радикальных кругах того времени. Пг., 1916. С. 415.

[2] *А.Р.* Письмо к редактору // Русский вестник. 1860. Июль. С. 185.

ян имело двоякие последствия: с одной стороны, возникла опасность разрушения традиционного семейного уклада, основанного на крепостном праве, побудившая многих искать оплачиваемую работу; с другой стороны, у них появилась вера в то, что российское общество претерпевает всеобъемлющие и быстрые изменения, и что их стремление к достижению значимой роли в жизни найдет свое применение в ближайшем будущем. Поэтому быстрому распространению новых идей в образованных слоях общества второй фактор способствовал больше, нежели первый. Женщины, обеспокоенные своим положением, сразу же сопоставили освобождение пяти миллионов необразованных крепостных крестьян (а два года спустя освобождение четырех миллионов чернокожих рабов в Соединенных Штатах) с отсутствием своей собственной свободы. Е.Водовозова, внимательный наблюдатель, вспоминала о настроениях той эпохи: «Никогда не встречала я позже такого разудалого веселья, не слыхала такого звонкого смеха! И это было весьма естественно: вслед за падением крепостного права продолжались и дальнейшие преобразования, вселявшие великие надежды на лучшее будущее. Все, казалось, ясно говорило, что и у нас наступила, наконец, совершенно новая, не изведанная еще нами гражданская и общественная жизнь, когда каждый, искренно того желающий, может отдать с пользою свои силы на служение родине»[1].

По прочтении Герцена молодая институтка записала в своем дневнике (1861): «Я не знала, что в России так много зла. Как бы я желала когда-нибудь и чем-нибудь содействовать общественному благу». Энтузиазм, царивший среди молодежи, был заразительным и самонадеянным. Молодые люди и те, кто был их ненамного старше, не вопрошали «можно ли что-нибудь сделать?», а спрашивали «что делать?», «какой путь мне избрать?» и «какой путь верный?» Широко распространенной была вера в то, что существует всего лишь *одно* верное решение всех жизненных проблем, всеобъемлющее решение, которое (если только кто-нибудь его найдет) обеспечит разрешение всех современных насущных вопросов. Когда приятельнице Водовозовой, молодой девушке, ее старомодная тетушка сказала, что невозможно изменить положение женщины, та сердито ей ответила: «Если природа женщины так суетна и ничтожна, если ее помыслы преимущественно

[1] *Водовозова Е.Н.* На заре жизни и другие воспоминания: В 2 т. М.–Л., 1934. Т. 2. С. 44; см. также: *Михайлов М.Л.* Женщины: Их воспитание и значение в семье и обществе. СПб., 1903. С. 80.

направлены на пустоту, эту природу нужно стараться изменить к лучшему»[1].

Дискуссия о том, стоит ли улучшать женское образование, вскоре на страницах прессы сменилась вопросом насколько стоит его менять. Мнения по этому поводу отныне приняли форму реакции на конкретные события и реформы. Первой из них была реформа среднего образования для девочек. Официальные круги России не обошли вниманием волнение общества по этому вопросу, возникшее в конце Крымской войны. Новый министр просвещения Авраам Норов, хотя и не был либералом был, тем не менее, обеспокоен бедственной ситуацией в женских институтах. В своем меморандуме, представленном Александру II, он упомянул о тепличной атмосфере, царившей в институтах, и предложил открыть общедоступные училища для приходящих учениц из разных социальных слоев[2]. После того как царь согласился с его предложением, Норов провел подготовительную инспекцию чиновников и педагогов с тем, чтобы выяснить каким образом такие учебные заведения могут быть организованы, укомплектованы учительским составом и обеспечены финансированием. Отклики на подобные мероприятия могут послужить небольшим уроком тем историкам, которые измеряют глубину общественного мнения по обсуждаемому вопросу исключительно по тем откликам, которые оно получило в прессе. Если «лучшие люди» России апеллировали к аргументам Пирогова и Михайлова, то национальная образовательная система, а также родители, чьи взгляды она отражала, демонстрировали практическую осмотрительность, которая всегда не доверяет «новой» идее.

Сопротивление, с которым столкнулся Норов, было не просто демонстрацией бюрократической «обломовщины». Оно являло собой местный пример общественной реакции на всеобщее образование, характерной для Европы XIX в. в целом. Представители привилегированных слоев негодовали на то, что к образованию допускался простой народ; а налогоплательщики – на расходы, которые за этим последуют. Некоторые русские чиновники, после того как они полностью усвоили смысл плана Норова, высказали опасение, что родители

[1] *Константинов Н.А.* Очерки по истории средней школы. М., 1947. С. 16; *Водовозова Е.Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 40; дух времени отражен также и в: *Юнге Е.* Из моих воспоминаний, 1843–1860 // Вестник Европы. 1905. Май. С. 256–291.

[2] Полное собрание законов Российской империи.. 1857. XXX. С. 266–267; *Лихачева Е.* Указ. соч. Т. 2. С. 4–5.

откажут в финансовой поддержке тем учебным заведениям, в которых предполагается смешать учениц из разных слоев общества, и предложили создать училища для разных сословий по старому образцу. Директор одной из одесских гимназий искренне считал, что нельзя позволить маленьким девочкам посещать дневные учебные заведения, так как зимы в Одессе очень холодные, а улицы грязные. Он полагал, что родители будут возражать против того, чтобы подвергать детей таким опасностям внешнего мира и «предпочтут сохранение чистой нравственности окончательному воспитанию своих дочерей и дальнейшему их умственному развитию». Другой педагог в порыве откровенности заявил, что «современные девочки слишком много учатся»[1]. Завершающим возражением были финансовые соображения: министр внутренних дел Ланской, который все считал своим делом, заявил, что Империя не может себе этого позволить.

Надо отдать должное реформаторскому рвению Норова в преодолении этого сопротивления. Законами 1858 и 1860 гг. были основаны училища для девушек всех сословий, хотя в документах их называли «городскими жителями со средним достатком». Женские училища должны были финансироваться из общественных и частных фондов. Они были двух уровней: так называемый I разряд (впоследствии – гимназия) с шестилетним обучением; и II разряд – с трехлетним обучением (прогимназия). Не было сделано никаких уступок концепции равенства полов: цель этих училищ заключалась в том, чтобы предоставить ученицам «религиозное, нравственное и умственное образование, которое требуется каждой женщине, в особенности будущей матери». Между тем, учебный план для тех времен был достаточно насыщенным и серьезным: религия, русский язык, арифметика, геометрия, физика, география, естественная история, история, рисование, шитье, современные иностранные языки на выбор, музыка и танцы. К 1870 г. таких училищ было открыто около 150, с общим количеством учениц 10 000. Свои собственные средние учебные заведения для девочек («мариинские гимназии») открыло и осуществлявшее около века контроль над женскими институтами «четвертое отделение» – Ведомство учреждений Императрицы Марии, которое также реформировало шесть своих институтов. Даже

[1] Сравните замечание матери викторианской эпохи: «Вы не можете отправить девочку в гостиную повторять таблицу умножения» (*Strachey R.* Struggle. N.Y., 1930. P. 125). *Лихачева Е.* Указ. соч. Т. 2. С. 8, 14.

Смольный, последний оплот девичьей аристократии, почувствовал на себе веяния реформ[1].

Открытие сети общедоступных училищ для девочек оказалось весьма успешным нововведением. К середине 1870-х гг. их посещали около 27 000 девочек[2]. Однако в этой общей картине были и свои недостатки. Может показаться банальным утверждение, что практически всегда эти училища находились в бедственном финансовом положении, и потому всегда страдали от недостатка учителей – в какой школьной системе, в какой эпохе и культуре мы не встретим подобных жалоб? Между тем, как официальные, так и частные лица продолжали выражать свое недовольство по поводу женских гимназий на протяжении всей имперской эпохи. И хотя старые пансионы исчезли и вместо них появились новые образовательные учреждения, основанные на более здравых принципах, все равно вплоть до революции в них господствовало лишенное всякого воображения обучение и бессмысленно жесткая дисциплина. Для честолюбивых учениц подобного рода школы означали крушение всех надежд. Что же касается университетского образования, то оно по-прежнему было закрыто для женщин[3].

Со времени создания в начале века Александром I системы университетов, женщинам не разрешалось в них поступать. Жесткие предписания, изданные в правление Николая I, касавшиеся профессоров и студентов, в еще большей степени затруднили женщинам доступ в университеты. Однако с воцаре-

---

[1] О более ранних попытках реформирования женских институтов см.: *Satina S.* Education of Women in Pre-revolutionary Russia. N. Y., 1966. P . 39; *Константинов Н.А.* Очерки по истории средней школы. М., 1947. С. 14, 25; История педагогики. М., 1959. С. 296. Училища были переименованы в 1870 г.: *Hans N.* History of Russian Educational Policy. London, 1931. P. 127–128. О «мариинских гимназиях» см.: *Чумиков А.* К вопросу об основании женских гимназий в России, 1856–1858 // Русская старина. 1888. Апр. С. 277–280; см. также: *Лихачева Е.* Указ. соч. Т. 2. С. 42–95; о реформе Смольного см.: *Водовозова Е.Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 407–434.

[2] *Милюков П.* Очерки по истории русской культуры: В 3 т. Париж, 1931. Т. 2. С. 813.

[3] Реформирование среднего образования для девочек в XIX в. протекало медленно во всей Европе. Но в Англии учебный план с самого начала был ориентирован на университетскую подготовку, что было связано с возможностью университетов открыть свои двери перед выпускницами женских школ. Подобные «университетские» стандарты не практиковались в российских средних учебных заведениях для девочек, поэтому, когда они получили возможность посещать университетские курсы, пробел в их знаниях стал болезненно ощутим. *Stanton T.* The Woman's Question in Europe: a Series of Original Essays. N.Y., 1884. P. 390–423; *Strachery R.* Struggle. N.Y. 1930. P. 138–140.

нием Александра II и наступившей вслед за этим более либеральной атмосферы, многие из этих деспотических мер были отменены или же просто игнорировались. После смены министра просвещения – когда на место ретроградa Ширинского-Шихматова пришел Норов – были назначены новые университетские кураторы, а студенты получили возможность издавать свои журналы, возобновилась и старая практика публичных лекций. Среди постоянных посетителей лекционных аудиторий появились молодые девушки. Первой из них была дочь архитектора Наталья Корсини, желавшая послушать знаменитого юриста Константина Кавелина. После того как она получила разрешение, ректор Плетнев лично проводил ее в аудиторию и сказал перед студентами несколько благосклонных слов о женщинах, посещающих университетские курсы. Скромно одеваясь, Корсини продолжала посещать лекции, не привлекая к себе особого внимания. Вслед за ней последовали и другие, и вскоре женщины-слушательницы стали обычным явлением в университетских аудиториях. Как много их было неизвестно, но один из студентов вспоминал, что в 1860–1861 гг. на некоторых курсах студенток было столько же, сколько и студентов[1].

Мнения профессоров по этому поводу разделились: одни приветствовали нововведения, другие же были против. Михайлов вспоминал, как один профессор «с циничной ухмылкой» на одной из своих лекций преуспел в том, чтобы смутить молодых девушек, детально описывая деликатные аспекты естествознания. Однако студенты, за редким исключением, принимали женщин дружески. Так весьма тепло была встречена Елизавета Юнге, пришедшая послушать своего кумира Костомарова. Чернышевский утверждал, что студентки оказывали здоровое влияние на студентов, которые до этого были знакомы только с проститутками. «Молодые женщины и девушки чувствуют потребность в учебе, – писал Писарев, суммируя мнения студентов и интеллигенции, – внутри них просыпается умственная деятельность. Вопрос в том дать или не дать в их руки книги и пустить их в университеты. Этим мы, мужчины, в действительности ничего не

[1] О Корсини см.: Женское дело. 1910. Май 25. С. 17–18; *Щепкина Е.Н.* Из истории женской личности в России. СПб., 1914. С. 287. Другие свидетельства см.: *Шелгунов Н.В., Шелгунова Л.П., Михайлов М.Л.* Указ. соч. Т. 2. С. 663; *Писарев Д.И.* Избранные педагогические сочинения. М., 1951. С. 127; *Чернышевский Н.Г.* Полное собрание сочинений: В 15 т. М., 1939–1950. Т. 11. С. 718; *Ашевский С.* Русское студенчество в эпоху шестидесятых годов (1855–1863) // Современный мир. 1907. Авг. С. 19–36.

делаем. Мы просто ослабляем свое влияние на них и снимаем с себя ответственность. Не делая этого, мы грубо посягаем на чью-то еще свободу. Скажите мне: в каком образованном обществе подобный вопрос вообще возможен? Это похоже на то, как во всеуслышание спросить: «Может ли кто-нибудь бить женщин кулаком или нет?»[1]

Однако медовый месяц университетов и власти был непродолжительным. Новые идеи и настроения студенчества неуклонно вели его к политической активности. Разочарование в манифесте, освободившем крестьян, а также кровавые события в Бездне[2] и в далекой Польше вылились в демонстрации и новые требования. Это был протест против новых правил и ограничений. Женщины, посещавшие курсы, также были быстро втянуты в предшествующие актам протеста дискуссии. А так как многие из них открыто симпатизировали и поддерживали студентов, нарушавших порядок, то тем самым они скомпрометировали себя в глазах чиновников, причем не только реакционеров. К примеру, Дмитрий Милютин (известный в консервативных кругах как Мирабо или даже «красный») описал этих девушек как «революционерок в кринолинах, наиболее фанатичных из всех»[3]. Поэтому, когда была назначена комиссия по разработке нового университетского устава, то с самого начала ее работы вопрос о допуске женщин в университеты находился под угрозой.

Комиссия, состоявшая из таких либералов как Кавелин, Савич, Стасюлевич и Голстунский, поддержала право женщин посещать лекции не просто как вольнослушательниц, но уже в качестве студенток. В ответ на широко использовавшийся аргумент антифеминистов, что «никто еще не допускал этого», они отвечали, что западные университеты находятся во власти предрассудков и традиций, и что нет никакого «основания исключать женщин». На тот

---

[1] Об отношении профессоров см.: *Лихачева Е.* Материалы для истории женского образования: В 2 т. СПб., 1899–1901. Т. 2. С. 471; *Козьмин Б.П.* Из истории революционной мысли в России. М., 1961. С. 145. Об отношениях студентов см.: *Корнилов А.* Общественное движение при Александре II. Париж, 1905. С. 123; *Юнге Е.* Из моих воспоминаний, 1843–1860 // Вестник Европы. 1905 Май. С. 258; *Ашевский С.* Русское студенчество в эпоху шестидесятых годов (1855–1863) // Современный мир. 1907. Авг. С. 20; замечание Чернышевского цит. по: *Kulczycki L.* Geschichte der russischen Revolution: In 2 vols. Gotha, 1910. P. 346. Замечание Писарева см.: *Писарев Д.И.* Сочинения: В 6 т. СПб., 1894. Т. 1. С. 105.

[2] Расстрел крестьян в селе Бездна произошел 16 апреля 1861 г. – *Прим. ред.*

[3] Цитата из письма Милютина см.: *Wallace D.M.* Russia on the Eve of War and Revolution / Ed. by C.Black. N.Y., 1961. P. 453. Детали этих событий будут рассмотрены в Главе V.

аргумент, что некоторые лекции не предназначены для женских ушей, они отвечали, что в любом случае большинство лекций публикуется. Основываясь на опыте предыдущих лет, комиссия заключила, что женщины не только серьезно относились к учебе, но также способствовали поддержанию правил приличия в студенческой среде. Совету университетов была дана рекомендация вынести этот вопрос на обсуждение университетских советов. Московский университет проголосовал против женщин (23 голоса против 2), за ним последовал и Дерптский университет. Остальные же поддержали выводы комиссии. Таким образом, в 1863 г. университетская система в целом поддержала идею полного университетского образования для женщин. Однако министр просвещения Головнин, являвшийся без сомнения, реакционером, занял сторону меньшинства, выступавшего против допуска женщин в университеты. Когда новый устав опубликовали, выяснилось, что женщинам запрещено поступать в университеты и просто посещать лекции. В столице женщины посещали публичные лекции, читаемые профессорами в большом зале городской Думы. Однако университетские двери для них закрылись[1].

Это был горький урок. Не менее горьким было и известие о том, что отныне женщины, изучающие медицину, могли быть только акушерками, но не врачами. Между тем, медицина стала одним из любимых предметов изучения для многих «передовых» женщин, как, например, для сестры Софьи Ковалевской, которая выписывала из-за границы огромное количество книг по медицине и заполняла свою комнату прыгающими лягушками и слепыми кротами. Это было своего рода преклонение перед наукой. Другие же полагали врачебную практику идеальным средством реализовать свое стремление «помочь обществу», которому всегда не хватало врачей, особенно в провинции и среди малоимущих. Кроме того, женщины-врачи, как считала Элизабет Блэквелл, могли проявить большую заботу и чуткость – качеств, которых, по ее мнению, были лишены доктора-мужчины. И хотя, казалось бы, идея женского образования уже давно и прочно вошла в общественное сознание – дебаты вспыхнули вновь[2].

---

[1] *Лихачева Е.* Указ. соч. Т. 2. С. 472–478; доклад комиссии см.: *Джаншиев Г.А.* Эпоха великих реформ. М., 1896. С. 257–258. Кавелин предпринял поездку в Западную Европу с тем, чтобы изучить там университетскую жизнь и правила.

[2] *Шабанова А.Н.* Женские врачебные курсы // Вестник Европы. 1886. Янв. С. 345–357; *Stepniak* [Sergei Kravchinsky]. Russia under the Tzars / tr. W.Westall. N.Y. 1885. P. 255–256; О сестре Софьи Ковалевской, Анне Корвин-Крюковской см.: *Книжник-Ветров И.С.* Русские деятельницы Первого Интернационала и Парижской Коммуны. М., 1964. С. 143.

Остряки-консерваторы рисовали в своем воображении дам, танцующих со скелетами и пьющими чай из черепов, или же их поклонников, которые приходя к своим возлюбленным, находили их с руками погруженными в окровавленный труп. Однако эти «прелестные» образы не могли скрыть то обстоятельство, что женщины, по свидетельству студентов-медиков, вполне справлялись с оцепенением, охватывавшим всех в анатомическом зале, тогда как некоторых мужчин, впервые увидевшим труп, становилось дурно, после чего они переводились на другие факультеты. Более серьезные возражения против того, чтобы женщины становились врачами, высказал некий доктор Онацевич на страницах «Петербургских ведомостей». Сможет ли женщина-врач выезжать по вызовам в любое время дня и года? Способна ли она физически проделать на лошади или санях долгий путь по грязи и снегу? Выдержит ли она напряженную умственную работу и долгие утомительные часы дежурства? Ответ Онацевича был – нет. К тому же врач «должен быть хладнокровен, как полковник перед битвой», а женщина слишком нежна и жалостлива. Один из авторов «Рассвета» высказал иное мнение – что избыток женского сочувствия послужит явному изменению индифферентности и торгашеского духа докторов-мужчин, и что «падение нравов» женщины-врача вряд ли может быть серьезней бахусовских развлечений мужчины-врача. Для некоторых врачей, заключал он, с уничижительным презрением цитируя слова Онацевича, наука, работа, святость долга в действительности означают хорошее положение в обществе, обширную практику и значительные гонорары. Вежливым тоном оппонент доктора утверждал, что «медицина должна быть внесена в жизнь всех людей, а не быть просто делом некоторых»[1].

Тем временем молодые девушки уже заполнили залы и лаборатории самого престижного в России медицинского института Санкт-Петербургской Медико-хирургической академии. Среди них были Надежда Суслова, первая русская женщина-врач, а также Мария Бокова, послужившая прототипом для Веры Павловны в романе Чернышевского «Что делать?» В лице таких профессоров, как Грубер и Сеченов, а позднее – Лесгафт и Бородин, они нашли себе доброжелательно настроенных преподавателей. Комиссия при университетском совете также относилась к ним благосклонно и отвечала, что ответ на вопрос о способности женщин

[1] *Кауфман А.Е.* Пионерки. // Солнце России. 1913. Фев. С. 6–7; Женщины и анатомия // Северная пчела – переиздана в: Рассвет. 1861. Ноябрь. С. 461–462; *Шишкин И.* По поводу вопроса о том, допускать ли женщин к научной медицине // Рассвет. 1862. Фев; *Лихачева Е.* Указ. соч. Т. 2. С. 472–473.

изучать медицину таков: «*Ab posse ad esse consequentia non valet*»[1] – так как тот факт, что женщины *не имеют* практики еще не означает, что они *не могут* ее иметь и что женщины-пациентки только выиграют от того, что их будет лечить женщина-врач. Однако это мнение не оказало никакого воздействия – указ, закрывший для женщин доступ в университеты, закрыл для них и медицинские академии. Доступными были только акушерские курсы, существовавшие при больницах и медицинских училищах. И хотя они не давали никакого диплома, на них все равно стекались стремившиеся к науке девушки. Одна из них много лет спустя вспоминала без тени иронии, как с утра до ночи она и ее подруги, несмотря на усталость и голод, вскрывали в анатомическом театре трупы[2].

Столкнувшись с трудностями на пути получения медицинского образования в России и желая получить диплом и полноценную научную степень, некоторые русские женщины решили воспользоваться возможностью изучать медицину в Швейцарии. Первой из них была Надежда Прокофьевна Суслова, дочь одного из крепостных крестьян графа Шереметева. После того как ее отец стал владельцем фабрики, она смогла получить образование в лучших учебных заведениях Москвы и Петербурга. В 1860 г. Суслова стала вольнослушательницей Санкт-Петербургского университета, а в 1861 г. – Медицинской академии. После того как был издан новый университетский устав, Суслова отправилась в Цюрих, где получила степень доктора медицины, хирургии и акушерства. Избрав медицинскую карьеру, Суслова пророчески провозгласила: «Я была первой, но не последней. После меня придут тысячи других». По ее возвращению в Россию, авторитетные медицинские светила, после некоторой дискуссии, подтвердили ее степень. После этого в швейцарские университеты устремился постоянный поток русских женщин[3].

---

[1] Ab posse ad esse consequentia non valet (*лат.*) – по возможному еще не следует заключать о действительном. – *Прим. пер.*

[2] Доклад комиссии см.: *Джаншиев Г.А.* Эпоха великих реформ. М., 1896. С. 260–263; о сестрах-акушерках см.: *Некрасова Е.* Женские врачебные курсы в Петербурге: Из воспоминаний и переписки первых студенток // Вестник Европы. 1882. Дек. С. 807–845.

[3] *Герцен А.И.* Собрание сочинений: В 30 т. М., 1954. Т. 20. С. 325. О Сусловой см.: *Панаева А.Я.* Воспоминания. М., 1956. С. 333; Первая русская женщина-медик // Женский вестник. 1867. Окт. С. 80–84; *Смирнов А.* Первая русская женщина-врач. М., 1960; *Meijer J.M.* Knowledge and Revolution: the Russian Colony at Zuerich (1870–1873). Assen, 1955. P. 25–26; *Богданович Т.А.* Любовь людей шестидесятых годов. Л., 1929. С. 424–425. Суслова цит. по: *Neumark N.* The Consciousness of Russian Women, 1860–1914. Ph. D. Thesis, University of Sydney, 1975. P. 74.

Менее значительным, хотя также заслуживающим внимания, был успех студентки-акушерки Медико-хирургической академии Варвары Кашеваровой-Рудневой. Начальник башкирского казачьего войска согласился оплатить ее обучение на том условии, что Кашеварова будет специализироваться на венерических болезнях, чтобы применить свои знания для лечения зараженных башкирских женщин, так как последние, будучи мусульманками, не позволяли лечить себя врачам-мужчинам. Согласившись с этим, Кашеварова закончила обучение в медицинской академии, и если не номинально, то фактически, стала первой женщиной-врачом, получившей образование в России[1]. Однако все эти случаи были исключениями. Двери медицинских академий по-прежнему оставались закрытыми для женщин еще на протяжении десяти лет после принятия устава 1863 года.

Экономические трудности были привычны для большинства русских женщин и до освобождения крестьян и после. Экономический статус молодых женщин-дворянок также претерпел изменения в связи с их семейными финансовыми проблемами, последовавшими за освобождением крестьян. «Действительно, она [судьба] сыграла с ними злую шутку», – писала Ковалевская о вымышленной дворянской семье, застигнутой таким удручающим поворотом судьбы. «Что сталось со всеми их блестящими надеждами? Все их детство, все их воспитание было, так сказать, только приготовлением к тому счастливому дню, когда наденут на них длинное платье и выпустят в свет. И вот пришел этот день и, кроме скуки, ничего не принес». Отныне множество старых «дворянских гнезд», служивших приютом для больших семей с их многочисленными родственниками, в том числе и незамужними женщинами, слугами, перестали быть экономически жизнеспособными. Для женщин – членов таких семей это повлекло значительные изменения всего образа жизни. Вместо мужей кормильцами семьи стали женщины. Дочери, не имевшие больше финансовой поддержки, вынуждены были до замужества искать работу. Это был способ освобождения от опеки и давления родителей и средство получения независимости. Те же из них, кто не собирался выходить замуж, пришли к пониманию, что прежний зависимый образ жизни старой девы уходит в прошлое[2].

---

[1] Женский вопрос // Всемирная иллюстрация. 1871. V. Фев. 20. С. 122–123; Март. 6. С. 158–159; Март. 13. С. 171–174.

[2] *Ковалевская С.В.* Воспоминания детства. Нигилистка. М., 1960. С. 156; *Шашков С.С.* Собрание сочинений: В 2 т. СПб., 1898. Т. 1. С. 858; *Водовозова Е.Н.* Указ.

Таких женщин было немного, но проблема не становилась от этого менее острой, так как, несмотря на относительно небольшое их число, количество рабочих мест было еще меньше. Те женщины, которые покинули свои дома, стремились осесть в крупных городах. В 1858 г. в Петербурге насчитывалось около 204 527 женщин, а 12 лет спустя их было уже 320 832. Все наблюдатели отмечали, что число нуждающихся в работе женщин постоянно растет. Появляется, как отметил один из них, «новый женский пролетариат», состоящий из тетушек и сестер, старых дев, разведенных и вдов, которые, порвав со своей патриархальной семьей, пытались устроиться самостоятельно. Женщины оказались в ножницах протоиндустриальной эпохи. С одной стороны, отсутствовал быстрый процесс индустриализации, который вовлек бы их в экономику, а с другой стороны, вследствие ухудшившегося экономического положения дворянства рабочих мест гувернантки – традиционного занятия бедных, но благородных дам во всей Европе было мало. Что же делать?[1]

Ответы на этот вопрос варьировались от призыва к всеобъемлющей капиталистической индустриализации до полного отрицания капитализма. Но, несмотря на многообразие ответов, вывод был один – женщина должна работать, пути назад, к старой зависимости, уже нет. Классическая «индустриальная» точка зрения была сформулирована уже в 1850-е гг. четой Вернадских и другими. Однако в 60-х годах XIX в. их оптимизм был

соч. Т. 2. С. 326; *Щеголов В.Н.* Женщина-телеграфист в России и за границей. СПб., 1894. С. 8. Профессор Роберта Мэннинг (Roberta Manning), тщательно изучившая русское дворянство, предлагает альтернативную и менее прямолинейную объяснительную схему – освобождение лишило некоторых дворян государственной службы и вернуло их в свои поместья; а это, в свою очередь, породило новое отношение к женщинам-дворянкам в доме и в тоже время ослабило их традиционную роль в домашнем хозяйстве (Comments at a Panel of the American Assoc. For the Advancement of Slavic Studies Conference. Atlanta, Georgia. October 1975).

[1] Постоянный рост женского населения Петербурга можно проследить по следующим работам: Статистические таблицы Российской империи: выпуск второй. Наличное население империи за 1858 год. СПб., 1863. С. 15. Между 1858 г. и 1863 г. ежегодный прирост женщин-дворянок в столице составил в среднем 3 833 – см.: *Корелин А.П.* Дворянство в пореформенной России (1861–1904 гг.) // Исторические записки. 1971. С. 87, 91–173 (118, 130, таблицы 1 и 3). Для получения больших цифровых данных и доказательства экономических трудностей образованных женщин-дворянок см.: *Карнович Е.* О развитии женского труда в Петербурге. СПб., 1865. С. 64–67. Наблюдения современников см.: *Стасов В.В.* Надежда Васильевна Стасова: Воспоминания и очерки. СПб., 1899. С. 215; *Шашков С.С.* Исторические судьбы женщины: Детоубийство и проституция. СПб., 1871. С. 312–313.

подвергнут сомнению новым «трудовым» взглядом на проблему – по духу враждебным капиталистической индустриализации, но условно ее принимающим. Европейскими выразителями этого взгляда в русской прессе были Жюль Симон и Элизе Реклю, а русским представителем – Н.Шелгунов. В своей рецензии на работу Симона «Работница» Реклю подробно останавливается на том вредном воздействии, которое фабричная система оказывает на женщин и их семью: продолжительный рабочий день, более низкая заработная плата по сравнению с мужской (которая также невысока), сексуальная эксплуатация работодателями и старшими рабочими, антисанитария, отрыв от детей. Более пылкий характер носила серия работ Шелгунова, опиравшаяся в основном на сочинение Ф.Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» (1845). Совместными усилиями Реклю и Шелгунов нарисовали мрачную картину жизни женщины-работницы в Западной Европе середины XIX в., и косвенно – будущее российской женской рабочей силы. И тот, и другой отвергали оптимистическую веру в то, что «больше работы» – это ответ на женскую проблему – помимо этого требовалась реформа всей фабричной системы. При этом они оба соглашались с «капиталистической школой» в том, что работа не только неизбежна для женщин, в особенности одиноких, но и полезна. Работа, но не «романтизм», как решительно заявил Шелгунов, приведет к женскому освобождению[1].

Впервые в России марксистская теория была применена к женскому вопросу в статье, написанной в 1863 г. экономистом Юлием Жуковским. Основываясь на довольно упрощенной материалистической интерпретации социальных феноменов, он отмахнулся от потрясавших российское общество дискуссий о браке, образовании и общественном долге. «Все они хороши для обсуждения на досуге, – говорил Жуковский, – а женский вопрос в основе своей является чисто экономическим». «Я сомневаюсь еще теперь, чтобы в мыслях большинства читательниц, – писал он, – вопрос о своем положении не отождествлялся с решением вопроса о браке, позволением женщине надеть мужской костюм, закурить сигару на улице или сесть в парламенте». Жуковский

---

[1] *Simon J.* L'ouvrière. Paris, 1861. Pt. I. Ch. 1–3. Pt. II. Ch. 3 (на русский язык эта работа переведена как «Работница в Европе». СПб., 1874). Рецензия на Реклю см. в: Русский вестник. 1861. Май. С. 28–37; *Шелгунов Н.В.* Рабочий пролетариат в Англии и во Франции // Современник. 1861. Сент. С. 131–173; 1861. Окт. С. 485–518; 1861. Ноябрь. С. 205–270; *Он же.* Женское безделье // Русский вестник. 1865. Май, Июнь, Август (была переиздана в: *Шелгунов Н.В., Шелгунова Л.П., Михайлов М.Л.* Указ. соч. Т. 2. С. 217–260).

был одним из тех радикалов, которые любили слегка осадить женщин и в то же время покровительственным тоном давать им советы по поводу их проблем. «Почва, – продолжал он, – в которую он [женский вопрос] врос, и из которой сосет свои ядовитые соки – почва эта экономическая. Нужно изменить элементарные условия этой почвы, обеспечить материально женщину». Однако, как только дело дошло до практических рекомендаций, он оказался настолько же далек от реальности, как и те женщины, которые якобы хотели курить на улице сигары и заседать в парламенте. Отрицая нерегулируемую индустриализацию с вытекающими из нее негативными последствиями, он поддержал идею немецкого социалиста Фердинанда Лассаля о создании кооперативных обществ, финансируемых правительством[1].

Значительно дальше неопределенного лассальянства Жуковского пошел Петр Ткачев. По его мнению, капиталистическая индустриализация является абсолютным злом и не может быть реформирована или модифицирована при помощи кооперативных обществ. В исследовании влияния, которое оказывает «экономический прогресс» на положение женщин, он также отбросил аргументы в пользу женского равноправия, как не имеющие отношения к делу трюизмы. Главная задача для Европы, заключается в том, чтобы уберечь женщин от безработицы, что, по его мнению, намного хуже, чем рабский труд на фабрике. Машинное производство, объяснял он, отняло у женщин их традиционную домашнюю работу и, ослабило семью. Отныне женщины «не притязали на независимое существование, так как в наше время право на жизнь практически синонимично праву на работу. Единственный путь к независимости и самореализации – это работа». Ужасы фабричной системы не служили оправданием тем женщинам, которые отказывались зарабатывать себе на жизнь. Обречены ли женщины навечно на рабский труд на мрачных сатанинских мельницах? Нет, отвечал Ткачев, но нельзя надеяться на частичную реформу этой системы или же на небольшие кооперативы как средство остановить зло. Эксплуатации мужчин, так же как и женщин, можно положить конец только уничтожив капитализм и частную собственность на средства производства. На критические замечания о том, что он исключает женский вопрос из сферы «влияния на интеллектуальное развитие человечества», Ткачев отвечал: «Я считаю, что все явления

[1] *Жуковский Ю.Г.* Затруднения женского дела // Современник. 1863. Дек. С. 279, 288. Впоследствии Жуковский стал придерживаться либеральных антимарксистских взглядов на экономику.

политического, нравственного и интеллектуального мира в последнем анализе сводятся к явлениям экономического мира и "экономической структуре" общества, как выражался Маркс»[1].

За десятилетие, прошедшее с того момента, когда Вернадская высказала идею о свободном капиталистическом рынке труда и до настойчивого утверждения Ткачевым, что только уничтожение капитализма по-настоящему освободит женщину, достаточно быстро развилась теория «женского пролетариата». За всеми этими суждениями стояла вера в то, что сущность проблемы заключается в экономическом статусе женщины и что брак, любовь и образование – это всего лишь элементы надстройки, которая будет соответствующим образом реорганизована, после того как будет изменена экономическая база . Хотя тезисы Ткачева и имели радикальный, устремленный в будущее подтекст, они едва ли могли обеспечить кардинальное социалистическое решение проблемы в то время. В целом он не подходил к женскому вопросу с марксистских позиций. Им не были даны ответы на вопросы: как изменит положение женщин уничтожение капитализма или как это улучшит тяжелые условия семейного быта? Ответы на них впоследствии дадут Ф.Энгельс, А.Бебель, Н.Крупская и А.Коллонтай. Однако на то время Ткачев был единственным в России, кто связал освобождение женщин с упразднением капитализма. Его размышления, как мы увидим позднее, полностью совпадали с воззрениями радикальной интеллигенции на эту проблему.

Реальная ситуация с женской занятостью того времени показывает насколько далекими от действительности были эти дискуссии. Найти работу было тяжело. Последовавший вслед за освобождением крестьян наплыв образованных людей в крупные города, особенно в Петербург, способствовал еще большему увеличению числа безработных женщин. Работодатели с трудом воспринимали идею о найме женщин высшего и среднего классов. Нанятые на работу, как правило, на службу или в торговлю, женщины зачастую страдали от агрессивного поведения и злословия со стороны мужчин, возмущавшихся женской конкуренцией и презиравших работающих женщин. Друзья и родственники не понимали как можно «унижать себя» работой и своим

[1] *Ткачев П.Н.* Влияние экономического прогресса на положение женщины и семьи // Женский вестник. 1866. Сент. С. 61–114; см. также предисловие Ткачева к *Daul A.* Die Frauenarbeit oder der Kreis ihrer Erwerbsfahigkeit. Altona, 1867 – *Дауль А.* Женский труд. СПб., 1869. С. XLI, XLV; *Ткачев П.Н.* Избранные произведения на социально-политические темы: В 7 т. М., 1932–1937. Т. 1. С. 445. Влияние марксизма на женский вопрос будет рассмотрено в Главе VIII.

критицизмом еще больше усугубляли ситуацию. Вскоре женщины обнаружили, что если им и удавалось найти работу, им платят меньше, чем мужчинам за тот же самый труд, а квартирная плата была настолько высока, что практически было невозможно найти подходящее жилье вблизи от места работы.

Что же касается низкооплачиваемой работы на фабрике, то для большинства образованных женщин по вполне понятным причинам она была абсолютно неприемлема. Лишь в 70-е годы XIX в., когда уровень их политического сознания вырос, они забыли о своем происхождении и влились в ряды работниц, но тогда этими женщинами двигали уже не экономические, а идейные мотивы. Однако вышивание, изготовление перчаток, шляпок, одежды были не намного лучше фабричной работы. Но и эти «изящные» занятия вытеснялись мощной конкуренцией машинного производства[1]. По-прежнему наиболее подходящим занятием для молодых образованных женщин было преподавание. Однако, как и во всей Европе, эта профессия имела свои недостатки – нехватка рабочих мест, низкая и неравная с мужской оплата труда, двусмысленное, хотя и с долей уважения положение в обществе, ограничения для вступления в брак, а также недостаточная возможность реализовать свое образование.

Единственная надежда была на то, что даже медленная и поверхностная модернизация когда-нибудь закрепит за женщинами новые профессии. Прецедент был создан в 1860-х гг., когда русское правительство стало нанимать женщин на телеграфную службу. Лучше всего женщины работали на телеграфе по системе Гюге. В 1865 г. на работу было дозволено поступать женам, дочерям и вдовам телеграфистов, так как они считались более ответственными (читай: более зависимыми), нежели обычные замужние женщины. Образовательные требования были минимальными: русский язык, арифметика и хороший почерк. В среднем в этом ведомстве в период с 1865 по 1881 год ежегодно находилось на службе порядка 56 женщин (интересно отметить, что после подъема, в 1866–1867 гг. наступил резкий спад и количество телеграфисток сократилось с 90 до 53 человек, что может служить отражением «антинигилистского» отношения, «работавшего» в те годы против женщин). Коллективный портрет телеграфистки петербургского отделения дает нам представления о ней – это была дворянка, выпускница гимназии, а не института. В России использование женщин в этой сфере шло практически параллельно Западу.

---

[1] К вопросу о женском труде (размышления по поводу одного Дома трудолюбия) // Отечественные записки. 1863. № 11. С. 122–143; № 12.

4 Заказ 5510

В Америке телеграфистки появились в 1850-х гг., в Европе – в 1860-х (Норвегия – 1858 г.; Швеция – 1863 г.; Баден – 1864 г.)[1]. Тем не менее, процесс создания новых рабочих мест для женщин шел медленно. Работа в канцелярии, ведение учета или стенография, как в государственных, так и в коммерческих учреждениях, не отвечали потребностям русских женщин.

Вопрос о проституции, как юридической, медицинской, социальной и экономической проблеме впервые был поставлен в 1860-х гг. после публикации серии медицинских отчетов о венерических заболеваниях и нескольких трудов по истории проституции. Проституция была стара, как сама Россия, но никогда не рассматривалась как общественная проблема. В 1843 г. Николай I создал Врачебно-полицейский комитет, предназначенный по большей части не для контроля над проституцией, а с целью уменьшить ее последствия, связанные с венерическими заболеваниями. Согласно «Архиву судебной медицины» в период с 1853 по 1867 г. количество зарегистрированных проституток в Петербурге увеличилось на 20%, в то время как население возросло всего лишь на 6%. Между тем в это число не входили женщины, работавшие без лицензии; учитывались лишь те, кто ее имел. И если зараженными были три четверти зарегистрированных проституток, то вполне вероятно, что среди незарегистрированных таковых было еще больше. Среди венерических болезней в петербургских больницах лидировал сифилис. По количеству «официальных» проституток Петербург и Москва (в каждом из этих городов было примерно по 2000 проституток) отставали от Лондона, Нью-Йорка, Парижа, Ливерпуля, но опережали Глазго, Марсель, Лион, Брюссель и Берлин[2].

Кем же они были? Исследование проституции в Петербурге свидетельствует о том, что они происходили из четырех общественных групп: жены и дочери мещан, солдат и крестьян; выходцев из дворянской среды было довольно мало. В каждой группе в

---

[1] *Щеголев В.Н.* Женщина-телеграфист в России и за границей. СПб., 1894.

[2] *Кузнецов М.* Проституция и сифилис в России: Историко-статистическое исследование. СПб., 1871; *Шашков С.С.* Очерк истории русской женщины. СПб., 1872. С. 245–275; *Бабиков К.И.* Продажные женщины. М., 1871 – не более чем плагиат у Шашкова. См. также: *Шашков С.С.* Исторические судьбы женщины: Детоубийство и проституция. Цифровые данные взяты у: *Кузнецов М.* Проституция и сифилис в России: Историко-статистические исследование. СПб., 1871. С. 90, 92, 99–103, 115–116, 125–126; *Шашков С.С.* Очерк истории русской женщины. С. 267–268, 270; Отечественные записки. 1869. Июль. С. 187–208. Данные по Европе см.: *Шашков С.С.* Исторические судьбы женщины: Детоубийство и проституция. С. 584.

1868 г. проституток было соответственно 508, 492, 658 и 55. Иностранных проституток было немного, в основном – немки. Возрастные рамки были чрезвычайно широки – начиная с девочек, не достигших еще половой зрелости. В Москве даже среди зарегистрированных проституток были одиннадцатилетние, двенадцатилетние и тринадцатилетние девочки.

Как и везде, в России проститутки работали либо в специально созданных публичных домах, либо действовали как независимые одиночки. В столице существовало около 150 подобных домов, в значительной степени отличавшихся друг от друга как интерьером, так и человеческим товаром. В роскошные заведения, обслуживающие дворян, чиновников и всех тех, кто мог себе это позволить, нанимали наиболее привлекательных женщин. Однако из-за возрастных изменений и пагубных последствий их профессии, снижавших товарную ценность женщин, они, как правило, вынуждены были выходить на улицы или опускались до борделей низшего сорта, условия работы в которых были ужасными. Одно из таких заведений, московский трактир «Крым» имел свой подвальный публичный дом (известный в народе как «Ад»), в котором торговля женщинами была низведена до «скотского безобразия». Одиночки, отказавшиеся работать в публичных домах, разгуливали по главным городским улицам (Невский проспект в Петербурге, Крещатик в Киеве, портовые районы в Одессе) и были значительно свободнее тех, кто работал в борделях, имея большую возможность распоряжаться своим доходом. Однако едва ли они сильно выигрывали в финансовом отношении. Большинство из них печально заканчивали свой путь как состарившиеся, размалеванные проститутки, занимавшиеся своим ремеслом в утренние часы за горсть копеек во внутренних двориках домов, на лестничных клетках или под мостами[1].

Проституция вряд ли была секретом для тех русских людей, которые когда-либо решались пройти по Лиговке в Петербурге, Хитровке в Москве или же по им подобным местам в своих городах[2]. Огромное число проституток, грязные подробности их ремесла, распостранение венерических болезней, – все это заставило

---

[1] *Шашков С.С.* Очерк истории русской женщины. СПб., 1872. С. 258–267; *Он же.* Исторические судьбы женщины: детоубийство и проституция. С. 587; Отечественные записки. 1869. Сент. С. 139–141.

[2] Лиговка (Лиговский проспект) проходит к югу от Николаевского (сегодня – Московского) вокзала и являлся основной улицей красных фонарей. Хитровка (Хитровский рынок) – топографическая и нравственная низина в Москве, в которой обитало бесчисленное количество воров, попрошаек, бездомных и проституток. – *Прим. авт.*

изменить отношение к проституции и признать ее «социальным бедствием». Отношение правительства к этому вопросу, равно как и отношение царской власти к проблемам целомудрия и адюльтера, было двояким. До 1843 г. полиция практически не контролировала проституцию, вмешиваясь только в случаях жестокого обращения с проститутками и вымогательства. После 1843 г. к этим полицейским функциям добавилась еще работа в системе полицейского и медицинского контроля – регистрация и обследование проституток специально назначенными врачами. Зарегистрированным проституткам выдавался хорошо известный «желтый билет» как символ их профессии и знак контроля за их деятельностью. Женщины, работавшие в публичных домах, подвергались регулярному медицинскому обследованию (чего не скажешь об их клиентах), а одиночки, если они хотели сохранить лицензию, должны были периодически посещать специальный медицинский пункт для освидетельствования. Таким образом, царская администрация, выступая против проституции по религиозным и нравственным соображениям и объявив ее вне закона, оказалась одновременно органом, и выдававшим проституткам лицензии, и инспектирующим их, и боровшимся с торговлей женщинами[1].

Что же можно было сделать? Время от времени, тот или иной чиновник предлагал свой план по уменьшению количества проституток. В 1868 г. поступило предложение всех проституток изолировать, перерегистрировать и обложить налогом. Однако и этот, и другие подобные планы, нацеленные на устранение порока, были уже испробованы во всем мире и привели лишь к постоянно возрастающей статистике инфекционных заболеваний. «Общественное мнение» едва ли могло помочь. В 1859 г. Добролюбов писал, что порок можно остановить лишь усилением нравственной стороны женского образования и устранением семейной тирании. В том же благочестивом духе звучало предложение журнала «Время» о гражданском воспитании «истинного человеческого достоинства» женщин. Даже такой практичный человек как Николай Михайловский, занимавший консервативную

---

[1] О легальном статусе проституции см.: Женское право. СПб., 1873. С. 320. Впервые государственное регулирование проституции было разработано и введено в наполеоновской Франции. Этот закон, равно как и свойственный ему язык (carte, dispensaire, visit forsee), распространились по всей Европе, достигнув в 1843 г. России. В 1864 г. в Великобритании законы о государственном регулировании проституции сразу натолкнулась на аболиционистскую кампанию феминисток, требовавших как их отмены, так и отмены их легального основания – Актов о венерических заболеваниях. *Stanton T.* The Woman's Question in Europe: A Series of Original Essays. N.Y., 1884; *Strachey R.* Struggle. N.Y. 1930. P. 194.

позицию в этом вопросе, не мог предложить ничего лучше, кроме установления тотального и монопольного контроля со стороны правительства. Поскольку секс и нищета, порождающие проституцию, не могут быть устранены в скором времени, говорил он, то контролируемые государством публичные дома, «так сказать, отдушина для безнравственности», должны быть сохранены для того чтобы остановить деградацию и распространение болезней[1].

К концу 1860-х гг. экономический фактор стал основным, хотя и не единственным, способствовавшим росту проституции. Известная феминистка Надежда Стасова была шокирована жестокой логикой матерей, посылавших своих дочерей продавать себя: «В прошлую ночь моя дочь принесла домой пять копеек». Кузнецов и Шашков, писатели, которые в большей степени, нежели другие, привлекли внимание общественности к этой проблеме, полагали нищету основной причиной проституции; и что наиболее важно, они оба пытались увязать проблему проституции с ее социальной основой, то есть со статусом женщины в обществе. «Корень зла лежит в основах социального быта.., – писал Шашков, – существование проституции и ее неразлучного спутника – сифилиса прямо ведет к категорической постановке вопросов о основных социальных переменах и, прежде всего, к вопросу о свободе и равноправности женщины». Кузнецов выразил это более полно: «Нет сомнения в том, что с образованием женщины и расширением сфер ее деятельности, как тайная, так и публичная проституция постепенно исчезнут»[2]. На рубеже десятилетий публичное обсуждение проблемы проституции, несомненно помогло делу борьбы за женские права, так как драматизировало женский вопрос, который уже порядком всем наскучил. Связав конкретное общественное зло с масштабными социальными и экономическими причинами, Кузнецов, Шашков и другие сформулировали мнение о природе подобной проблемы, разделяемое тремя поколениями русских радикалов. Кроме того, они, способствовали установлению идеологической границы, которая разделила тех, кто хотел помочь жертвам этого социального зла, и тех, кто желал искоренить проституцию как явление. Это разделение четко проявилось в истории трех основных откликов на женский вопрос: в феминизме, нигилизме и радикализме.

---

[1] Отечественные записки. 1868. Апр. С. 252; *Добролюбов Н.А.* Собрание сочинений. Т. 5. С. 113; Время. 1862. Авг. С. 60–80; *Михайловский Н.К.* О мерах противодействия проституции // Отечественные записки. 1869. Июль. С. 187–208.

[2] *Стасов В. В.* Надежда Васильевна Стасова... С. 79; *Шашков С.С.* Очерк истории русской женщины. С. 275.

Глава III
ФЕМИНИСТСКИЙ ОТКЛИК

Дабы сделать человечество более добродетельным и счастливым, оба пола должны исходить в своей деятельности из одних и тех же принципов. Но как этого достичь, если только одному полу позволено видеть всю очевидность этого? Кроме того, чтобы заключить по-настоящему справедливый общественный договор и распространить просветительские принципы, которые улучшат жизнь человека, женщины должны знать, что их сила – это знания, которые вряд ли будут им доступны до тех пор, пока их не будут воспитывать так же как и мужчин.

М.Уоллстонкрафт

1. Феминистки

Из трех основных ответов на женский вопрос, возникших в правление Александра II (феминизм, нигилизм, радикализм), именно феминизм первый четко сформулировал свою философию и предпринял конкретные действия. Феминистки, искавшие решение проблемы в рамках российской социальной системы, принимали ее в целом, и хотя желали изменить тот или иной ее аспект, все же воздерживались от того, чтобы предложить полное обновление и модернизацию. Их взгляды носили либеральный, умеренный характер, а цель заключалась в постепенном и мирном реформировании статуса женщины, в особенности в вопросе ее экономического положения и образования. Вопросы секса, брака и семьи играли незначительную роль в их публичных дискуссиях и деятельности. На протяжении всего XIX в. русские феминистки по большей части разделяли основные цели

и тактику своих европейских и американских сестер. Этим они разительно отличались от нигилистов и революционеров[1].

Каковы же были их основные идеологические позиции? Воспользовавшись идеями Клары Бальфур и других английских феминисток, эти женщины считали, улучшение женской участи – в первую очередь должно быть делом рук самих женщин, а не мужчин. Также они разделяли идею Бальфур, о том, что им необходимо разработать «систему самопомощи». Это означало помощь одних женщин другим; заботу о несчастных людях со стороны «более удачливых». Эта постановка вопроса пришла из протестантской, англосаксонской филантропической традиции, которая трансформировала *noblesse oblige*[2] в современный городской вариант «гражданского долга». В значительной степени раннее феминистское движение на Западе строилось на том психологическом принципе, который позволял людям, практикующим его, пользоваться плодами системы, успокаивая свою совесть жестами благотворительности. Акты доброты по отношению к несчастным женщинам на первых порах не отличались от подобных поступков в отношении чернокожих рабов, нищих, дикарей, «язычников», боксеров-профессионалов, сумасшедших, моряков, сирот и алкоголиков. Потребовалось некоторое время, прежде чем женщин убрали из этой компании. Но, когда просвещенные женщины осознали то, чем они собственно занимаются на ниве благотворительности, они поняли, что это единственно доступная для них форма деятельности, которой они могут нравственно оправдать свое существование здесь, на земле, или, по крайней мере, сделать его более светлым, – а также помочь своим сестрам[3].

Как и в других странах, русская «благотворительность» традиционно возглавлялась и «украшалась» супругами императоров, вдовствующими императрицами и княгинями. Однако их деятельность была, как правило, ограниченной, изысканной,

---

[1] В данном случае историческое употребление понятия «феминизм» имеет мало общего с тем содержанием, которое приписывают ему современные неофеминистки или «радикальные феминистки» женского освободительного движения в США, за исключением лишь того, что «феминизм» означает деятельность женщин во имя женщин. Современные феминистки отличаются от своих предшественниц, по крайней мере, в двух случаях: во-первых, они отрицают кооптацию мужских доминирующих иерархий; во-вторых, они рассматривают сексуальный аспект проблемы не только как важный, но как центральный.

[2] nobeesse oblige (*лат.*) – положение обязывает. – *Прим. ред.*

[3] *Balfour C.L.* Working Women of the Last Half-Century. London, 1856; отрывочно была издана в: Рассвет. 1860. Март. С. 447–478; *Strachey R.* Struggle. N.Y., 1930. P. 219.

обезличенной, невольно хочется сказать, ритуальной. В 1860-х гг. феминистки внесли в благотворительность элемент искреннего энтузиазма. Они хотели помогать себе, оказывая помощь другим. В.В.Стасов, брат и биограф одной из таких женщин, противопоставлял их побуждения мотивации придворных дам из «Общества посещения бедных». «Принадлежать к нему было чем-то очень комильфотным. Grandes dames со страдательной улыбкой говорили: «мои бедные», «надо мне ехать посещать моих бедных», «ах, пожертвуйте на моих несчастненьких». Отношение феминисток было совсем иным. Причиной являлось «непритворное уважение к тем личностям, кого посещали, и кому помогали, искреннее участие в их физическом и интеллектуальном положении»[1]. По иронии судьбы нигилисты впоследствии будут обвинять феминисток именно в том же, в чем последние обвиняли придворных дам, – в самодовольстве и лицемерии.

Женщины, о которых говорится в данной главе, сами не употребляли термин «феминистка», однако он характеризует их наиболее точно. Понятия «женщина умеренных взглядов» или «либералка» неадекватны, так как, во-первых, они неточно обозначают цели деятельности феминисток; во-вторых, они подразумевают под собой политический подтекст, которого не было до 1905 г. Феминистки были «либералками» в том же смысле, что и критически настроенная часть интеллигенции, но в своей деятельности они были аполитичны. Ярлык «прогрессивной» женщины использовался консерваторами без разбора, они одинаково применяли его как к нигилисткам, так и феминисткам. Зачастую трудно провести границу между двумя этими лагерями, так как в начале 1860-х гг. она была размыта, а их представительницы принимали участие в одних и тех же акциях, а иногда и выглядели одинаково. Нигилистки использовали понятие «аристократка» в отношении более элегантных лидеров феминисток, однако извратили его значение, применив это понятие к тем нигилисткам, которые сохраняли на себе отпечаток своего изнеженного прошлого. Убийственная ирония этого семантического смешения заключалась еще в том, что эти «пережитки» аристократизма стали позднее презрительно называть еще и «буржуазными». Понятие «феминизм» подразумевало деятельность женщин для женщин, если избегать широкомасштабных антропологических и политических оценок, присущих нигилизму и радикализму. Образ жизни феминисток, обусловленный

[1] *Стасов В.В.* Надежда Васильевна Стасова... С. 73.

их темпераментом и социальным происхождением, вполне естественно привел их к занятиям благотворительностью, а не философией[1].

Руководительницы российского женского движения, бывшие в начале своей деятельности довольно молодыми женщинами, являлись высокообразованными представительницами привилегированных слоев. Этим можно объяснить их осторожность и отказ от полного разрыва со своим прошлым, а также с традициями и семьей, что были готовы сделать нигилистки. Некоторые из наиболее выдающихся нигилисток и революционерок также были выходцами из очень богатых и высокопоставленных семей, другие же, к началу нового этапа их жизни, уже находились длительное время в браке и были матерями. И хотя некоторые феминистки страдали от эмоциональной неустойчивости, нельзя сказать, что сам по себе феминизм был обязан своим существованием комплексу неполноценности его основательниц. То обстоятельство, что из трех главных лидеров движения – Философовой, Трубниковой и Стасовой – одна была счастлива в браке, другая – несчастна, а третья была незамужней, не подтверждает теорию сексуальной фрустрации, как импульса к возникновению феминизма.

Первой появившейся на сцене и первой же, ее покинувшей, была Мария Васильевна Трубникова (1835–1897). Дочь ссыльного декабриста В.П.Ивашёва и его возлюбленной Камиллы Ледантю родилась в Чите и воспитывалась в атмосфере благочестивого поклонения потерпевшим поражение мятежникам. В доме своей тети она получила великолепное образование, включавшее в себя изучение европейских языков, литературы, истории и русской культуры. Когда ей было девятнадцать лет, она вышла замуж за К.В.Трубникова, впоследствии издателя «Биржевых новостей», который покорил ее сердце чтением отрывков из Герцена. Начиная с 1855 г., ее салон в Петербурге стал местом встреч либералов и радикалов. «Прирожденный общественный работник», как охарактеризовал ее один из ее современников, прежде чем стать пылкой защитницей женских прав, она направила свои первые усилия на помощь бедным. Во время поездки в 1861 г. в Европу

[1] Для примера, сравните русские слова «человеколюбие» (филантропия) и «всечеловечность» (термин не переводимый одним словом и обозначающий тенденцию по отношению к миру с гуманистических, универсалистских позиций или гуманизм человечества). Кто-то избегал этой анахроничной практики, а, например, Коллонтай определяла деятельность этих первых феминисток как «буржуазное женское движение». См.: *Коллонтай А.М.* Положение женщины в эволюции хозяйства. М., 1922. С. 115.

ей в руки попали книги Женни д'Эрикур. Трубниковой не удалось встретиться с ней, но она переписывалась с д'Эрикур и та помогла ей установить контакты с известными европейскими феминистками – Жозефиной Батлер и Марией Гегг. Трудно не заметить, что влияние, которое д'Эрикур оказала на Трубникову, с одной стороны, и на Михайлова и семью Шелгуновых, с другой, было различным. При поддержке Стасовой и Философовой, в 1860-х гг. Трубникова стала первым инициатором феминистских социальных начинаний, воздерживаясь от любых радикальных решений тех проблем, которые вставали перед ней[1].

Семья Стасовых едва ли нуждается в представлении. Ее наиболее известным представителем был В.В.Стасов – ведущий музыкальный критик в России XIX в. Одна из его племянниц, писавшая под псевдонимом Владимир Каренин, была биографом Жорж Санд, другая – Елена Стасова – стала большевичкой. Его сестра, Надежда Васильевна Стасова, являлась вторым членом так называемого «триумвирата» русского феминизма. Будучи старше двух других своих коллег (родилась в 1822 г.), она воспитывалась в утонченной атмосфере Царского Села. Ее отец был придворным архитектором. Молодой девушкой она пережила тяжелое эмоциональное потрясение, когда ее жених женился на другой. Удар был настолько силен, что она была вынуждена лечиться при помощи гипноза. Позднее она пережила еще одно сильное потрясение, когда ее сестра потеряла единственного ребенка, а сама оказалась неизлечимо больной. Надежда Васильевна ухаживала за своей сестрой вплоть до ее смерти за границей в 1858 г. После этого она вернулась в Россию, приняв решение «помогать другим». Ее страдания, альтруизм, умение всегда оставаться в тени, как и увлечение в юности Байроном, Гейне, Карамзиным, Жорж Санд, Руссо, физическая непривлекательность, природная чувствительность и романтизм, – все это вместе, бесспорно, привело ее к принятию твердого решения посвятить свою жизнь делу всего человечества. Она осознала, что «любовь к кому-либо одному больше невозможна». «Для меня исчезло очарование семьи собственной и я почувствовала любовь к всемирной семье. Это стало моим делом». Ее встреча с Трубниковой на этом этапе жизненного пути

---

[1] *Стасов В. В.* Надежда Васильевна Стасова... С. 61–64; Сборник памяти Анны Павловны Философовой: В 2 т. Пг., 1915. С. 1; *Тыркова А.В.* Анна Павловна Философова и ее время. С. 111–118; *Черкесова В.* Мария Васильевна Трубникова // Женское дело. 1899. Дек. С. 15–37; *Satina S.* Education of Women in Pre-Revolutionary Russia. N.Y., 1966. P. 95.

превратила аморфное понятие «всемирной семьи» в «женский вопрос»[1].

Семья «Ноночки» Дягилевой, которая впоследствии стала Анной Павловной Философовой, была не менее известной, нежели семья Стасовых. Из ее членов след в истории оставили не только она сама, выдающийся лидер феминисток на протяжении двух поколений, но также ее сын и племянник – Митя и Сережа – которые на исходе века произвели коренную ломку русской культуры в качестве Дмитрия Философова и Сергея Дягилева. Подобно своей современнице, Шелгуновой, она получила прекрасное образование в просторном доме на Васильевском острове в Петербурге. Но в отличие от Шелгуновой, вся ее сексуальная жизнь ограничивалась отношениями с мужем – высокопоставленным чиновником В.Д.Философовым, за которого она вышла замуж в 1855 г. В первые годы своего замужества она думала «только о балах и нарядах», но вынужденное временное пребывание в русской деревне быстро открыло ей глаза на то, как разнится ее жизнь и жизнь крестьян. Позднее, когда ее салон стал «либеральным» центром, она стала свидетелем жарких споров о надвигающемся освобождении крестьян. Однако только после встречи с Трубниковой она начала изучать, то, что она называла «азбукой самосознания». На протяжении 1860-х – 1870-х гг. Философова работала бок о бок со Стасовой и Трубниковой. В письме к русскому юристу Кони она объясняла свою цель тех лет как «предоставление женщине возможности самостоятельного пути к работе и морально и материально независимому положению». Из этого триумвирата в XX в. в живых осталась только одна Философова[2].

Другие члены феминистских организаций той поры: Анна Энгельгардт (1835–1903) – выпускница Московского института, жена химика Александра Энгельгардта, придерживавшегося радикальных взглядов; графиня Ростовцева – жена царского генерал-адъютанта; Мария Цебрикова – ведущий автор «Отечественных записок» то принимали участие в феминистской деятельности, то отходили от нее. Только последней суждено было

---

[1] *Стасов В.В.* Надежда Васильевна Стасова... С. 1–60; *Тыркова А.В.* Указ. соч. С. 118–120. Жозефина Батлер – известная английская общественная деятельница, включилась в женское движение после того, как на ее глазах была случайно убита ее маленькая дочь. После этого ее снедало жгучие желание обнаружить боль еще острее, чем ее собственная. *Strachey R.* Struggle. N.Y., 1930. P. 193.

[2] *Тыркова А.В.* Указ. соч. С. 1–118; *Чехова М.* Анна Павловна Философова // Сборник памяти Анны Павловны Философовой: В 2 т. Пг., 1915. Т. 2. С. 145; *Кони А.Ф.* На жизненном пути: В 5 т. Ревель, 1914–1929. Т. 4. С. 322–334.

достичь известности вне феминистских кругов. Помимо этих женщин, триумвират мог положиться еще на 25–30 своих постоянных сторонниц, а для более значительных действий мог заручиться поддержкой сотни человек. Феминистские организации существовали легально и на протяжении долгого времени состояли исключительно из женщин. Правление организации было выборным, а решения принимались большинством голосов. В клубах и группах взаимопомощи выбирались вновь и вновь те, кто был естественным «лидером» – обладал общественной известностью, энтузиазмом, умением говорить или же был просто приятной личностью.

Феминистки начали свою деятельность с благотворительности, используя таланты некоторых женщин для того, чтобы помочь огромному количеству нуждающихся обоих полов. Это мало чем способствовало женскому движению, но это дало феминисткам опыт лидерства, воспитало чувство самоуважения и пробудило осознание способности женщин принимать участие в общественной жизни. И что наиболее важно – эта деятельность поставила женщин среднего и высшего классов в новые условия, непохожие на условия салонов и сформировала другие социальные отношения. Благотворительность достаточно легко влилась в феминизм, и через короткий промежуток времени усилия феминисток оказались направленными на то, чтобы помогать женщинам жить, учиться и работать.

Первоначально феминистки не имели иных целей, кроме как создание более демократической (нежели салоны) организации женщин, что явилось, вероятно, первой реакцией на женские письма, появившиеся в толстых журналах. Вологодский женский клуб был основан «для соединения образованных женщин без различия состояний и сословий в одно общество для недорогого препроведения времени». Выбиралось несколько членов правления, и клуб считался созданным. И хотя взнос для участия в нем составлял 5 рублей в год, и в качестве условия выдвигалась лишь простота в одежде, ориентация клуба на «образованных женщин» и решение проводить свои заседания в зале Дворянского собрания оставляли мало надежды на привлечение женщин других «сословий и положений». В соответствии с данными «Рассвета», в том же духе было организовано и «Общество ситцевых платьев», члены которого договорились не носить шелк и другие дорогие ткани[1].

[1] *Лихачева Е.* Указ. соч. Т. 2. С. 468; Рассвет. 1861. Авг. С. 325.

Первой феминистской организацией явилось «Общество дешевых квартир»[1], основанное Трубниковой, Стасовой и Философовой в Санкт-Петербурге осенью 1861 г. Его целью было обеспечить нуждающиеся семьи, в особенности те, в которых не было кормильца, приличным, чистым и недорогим жильем. К тому же они старались поддерживать приемлемый уровень жизни тех, кто обращался к ним. Члены общества разделились по вопросу о том, насколько далеко должно заходить их попечение над бедными. Так называемая немецкая фракция (включавшая ряд баронесс немецкого и балтийского происхождения) выступала за установление строгого контроля над теми, кто получает их помощь, в то время как русская фракция, включавшая и основательниц общества, придерживалась менее жесткой позиции. В конце концов «немки» вышли из организации и основали свое собственное общество. После двухлетнего периода разработки планов и экспериментаторства общество «Дешевых квартир» было формально признано. Вскоре его участницы были привлечены к работе на мрачной Выборгской стороне – беднейшем столичном квартале, впоследствии ставшем огромной пролетарской зоной, из которой большевистское женское движение черпало себе сторонников в 1917 г. Здесь феминистки основали мастерские по пошиву одежды, общественные кухни, а также школу для работающих матерей, в которой в основном преподавали члены общества[2].

Члены этой же группы в начале 1863 г. основали «Женскую издательскую артель», призванную обеспечить образованных женщин интересной и полезной работой, более соответствующей их интеллектуальным способностям (литературный труд, копирование, редактирование, перевод или переплетные работы) и в то же время выпускать «хорошее чтение для молодого поколения». Последнее включало в себя «Происхождение видов» Дарвина, некоторые поучительные сказки Г.Х.Андерсена, а также работу Дауля «Женский труд» с предисловием издания Ткачева. Около 40 членов объединили свои деньги в общий фонд, издавали и продавали книги, распределяли прибыль или вновь вкладывали свой капитал в дело. Артель имела огромный успех, так как предложила образованным женщинам – слишком осторожным, чтобы стать нигилистками, и слишком серьезным, чтобы довольствоваться лишь жестами благотворительности, –

---

[1] Полное название организации «Общество дешевых квартир и других пособий нуждающимся жителям Петербурга», по нашим данным основано в 1859 г. – *Прим. ред.*

[2] *Стасов В.В.* Указ. соч. С. 67.

не только приемлемую интеллектуальную работу, но и дала возможность почувствовать свою сопричастность с общим делом. Кроме того, эта деятельность по словам Стасовой способствовала росту самосознания женщин, так как напрямую связывалось с «идеей поднять положение женщины в глазах общества (и в своих собственных) на надлежащую высоту»[1].

Одним из наиболее амбициозных феминистских проектов в 60-х годах XIX в. было учреждение «Общества женского труда». И хотя на деле оно оказалось мертворожденным, исследование причин его возникновения и широких целей им поставленных, представляет некоторый интерес. Идея его основания возникла в небольшом кружке мужчин, в который входили Энгельгардт и Лавров, исповедовавшие в то время умеренные взгляды, которые были близки активистскам российского феминизма. Лавров составил устав общества, а остальные мужчины убедили феминисток принять его. В черновом варианте устава упоминался практический вред, наносимый недостаточной занятостью женщин, приводящей к нерациональным потерям «нравственных и умственных сил», растратой мужских сил на неподходящих работах, бременем, которое несет государство, поддерживая праздных женщин, а также вред наносимый проституцией. Общество должно было действовать как агентство по трудоустройству женщин, а при помощи кооперативов и частных предприятий оно должно было создавать для них рабочие места, обучать их новым профессиям и оказывать поддержку безработным. Финансирование должно было осуществляться за счет сборов и вкладов членов общества, взимание платы с клиентов, ссуд и доходов с предприятий самого общества. Все члены, как мужчины, так и женщины, имели право на занятие постов в правлении, которое определяло политику и руководило делами общества между общими собраниями организации, созывавшихся раз в три года[2].

Устав был типичен для неправительственных общественных организаций России XIX в., и все последующие феминистские проекты имели с ним сходство. Лидеры феминисток сразу же приняли устав Лаврова, а в 1865 г. его одобрило и правительство. По поводу выборов членов правления нового общества Философова созвала в своем доме собрание. С самого начала возник раскол между «нигилистками» и «аристократками» (по определению

---

[1] *Стасов В.В.* Указ. соч. С. 129.

[2] Проект устава Общества Женского Труда // Русское слово. 1864. Апр. С. 57–62; о роли Лаврова см.: *Лавров П.Л.* Избранные сочинения: В 8 т. М., 1934–1935. Т. 1. С. 34–35, 80.

свидетельницы происходившего – Штакеншнейдер). Стасова и другие авторитетные феминистки поддерживали кандидатуру графини Ростовцевой на пост президента. Нигилистки, включая Жуковскую, о которой речь пойдет ниже, выступали против Ростовцевой на том основании, что ее муж в 1825 г. был осведомителем в среде декабристов. Ее фамилия вызывала у них негативные ассоциации, и поэтому они требовали, чтобы президентом стала девушка из рабочей среды. Штакеншнейдер отмечала явное отличие холеных и модных аристократок от коротко стриженных нигилисток, одетых в простые шерстяные платья черного цвета. Попытки положить конец ссоре оказались напрасными, и Общество распалось. Разрыв, предвещавший соперничество между радикалками и феминистками в XX в., был все же не настолько серьезен в XIX в., чтобы помешать феминисткам Петербурга создавать организации для работниц и женские клубы, как, например, «Общество для пособия бедным женщинам в Петербурге» или «Общество распространения полезного чтения» и «Общество поощрения женского труда» в Москве[1].

При общении с бедными, феминистки неизбежно сталкивались лицом к лицу и с проблемой проституции. «Когда я читала "Преступление и наказание", – писала Стасова, – я плакала вместе с несчастной Соней». Сострадательная жалость и надежда на возрождение лежали в основе отношения феминисток к проституткам, и поэтому они старались заботиться о падших женщинах и удержать их от возвращения на улицы. Стасова работала вместе с княгиней Дондуковой-Корсаковой, которая отказалась от своего положения при дворе во имя жизни и работы среди женщин, зараженными венерическими заболеваниями, и открыла для них приют. В 1865 г. княгиня Ламберт, дочь бывшего министра финансов Канкрина, открыла приют Святой Марии Магдалины. Эти организации работали наряду с официальными Домами призрения в Петербурге. И хотя все эти высокородные дамы исходили скорее из религиозных и благотворительных, нежели феминистских побуждений, их деятельность хорошо сочеталась с деятельностью феминисток. Однако филантропия как средство борьбы с

---

[1] Об этих событиях см.: *Штакеншнейдер Е.* Дневник и записки. М., 1934. С. 239–256; *Стасов В.В.* Указ. соч. С. 68–69, 127–128; Современник. 1865. Март. С. 173–176; Отечественные записки. 1864. Февр. С. 302–320. О Ростовцеве см.: *Нечкина М.В.* Движение декабристов: В 2 т. М., 1955. Т. 2. С. 264. Бюро по трудоустройству женщин появились: в Англии в 1865 г.; в Германии – в начале 1860-х гг. и общегерманское в 1865 (Современник. 1865. Март. С. 171; Женский вестник. 1867. Окт. С. 52). Устав Общества для пособия бедным женщинам в С.-Петербурге. СПб., 1865; Добролюбов Н.А. Собрание сочинений: В 9 т. Т. 7. С. 563.

проституцией потерпела поражение. Однообразная жизнь по режиму, религиозные проповеди в приютах, а также снисходительная забота в больничных отделениях венерических заболеваний приводили лишь к тому, что женщины спешили вновь вернуться к прежней деятельности. В лучшем случае приюты сокращали количество проституток тем, что на некоторое время убирали их с улиц и таким образом снижали вероятность заражения[1].

Другим популярным среди феминисток видом деятельности, который получил в России широкий размах в течение короткого периода с 1859 по 1862 г., было создание воскресных школ. Идея открытых классов для взрослых всех социальных слоев по воскресеньям для того, чтобы и рабочие могли посещать школы, имела европейское происхождение. Впервые в России она была предложена профессором Киевского университета П.В.Павловым в октябре 1859 г. Идея быстро распространилась среди русской интеллигенции, и воскресные школы стали открываться по всей европейской части России. В 1860 г. Министерство просвещения издало указ о надзоре за этими школами, санкционировав таким образом спонтанно возникшие образовательные структуры. К концу года в одном только Петербурге было 23 такие школы. Воскресные школы предоставляли феминисткам возможность помогать женщинам получить образование, которое было трудно приобрести где-либо еще, и в то же время они давали шанс образованным состоятельным женщинам организовывать, финансировать эти школы и преподавать в них. Типичным примером была Воскресная школа, основанная группой Стасовой, осенью 1860 г., для продавщиц и фабричных работниц. М.С.Шпилевская, дочь правительственного чиновника, открыла школу, которую посещали около 200 дочерей и жен рабочих. Учителя – несколько женщин и один священник – обучали Закону Божьему, чтению, письму, арифметике, рисованию и носили простую одежду, чтобы внушить своим ученицам, что «истинные» ценности в жизни не имеют ничего общего с модой. Аналогичные учреждения для крестьян были открыты и в провинции состоятельными помещицами и их дочерьми[2].

---

[1] *Стасов В.В.* Указ. соч. С. 84; *Кузнецов М.* Указ. соч. С. 97, 120–122; Отечественные записки. 1869. Сент. CLXXXVI. С. 139–141.

[2] *Zelnik R.* The Sunday-School Movement in Russia, 1859–1862 // Journal of Modern History. 1965. Jun. P. 151–170; *Strachey R.* Op. cit. N.Y., 1930. P. 77; Современник. 1860. Май. LXXXI. С. 165; *Стасов В.В.* Указ. соч. С. 87–115; Современник. 1860. Сент. LXXXIII. С. 140–141; *Скабичевский А.М.* Литературные воспоминания. М., 1928. С. 124. См. также: *Kropotkin P.A.* Memoirs of a Revolutionist. N.Y., 1962. P. 175.

Реакция оппозиции не заставила себя ждать. Консервативный журнал «Домашняя беседа» обвинил одну из школ в неуважении к приходящему священнику, в пренебрежении религиозной инструкцией и – *horrible dictu*[1] – в том, что ученицам разрешали читать «Обломова». Консервативные чиновники были обеспокоены огромным энтузиазмом и популярностью этой инициативы (в 1862 г. в стране действовало около 500 школ)[2]. Предлог к закрытию этих школ появился в 1862 г., когда выяснилось, что среди молодых учителей есть нигилисты и радикальные элементы. В июле того же года двое из них были привлечены к суду по обвинениям в незаконной политической деятельности. Вскоре после этого движению по созданию воскресных школ положил конец правительственный указ[3]. Для феминисток это явилось горьким разочарованием, усугубившимся принятым в следующем году правительственным решением удалить женщин из университетов.

В 1868 г. одна из женщин-поэтесс живописала горькую судьбу «женского вопроса» в одноименной поэме: родившись из союза свободы и прогресса, он последовательно игнорировался крестьянами, чиновниками, торговцами и светскими дамами; будучи усыновленным журналистами, в чьем доме он и вырос, «ребенок», вскоре стал задыхаться от недостатка воздуха. Это было довольно точным описанием отношения российского общественного мнения к данной проблеме. Социальная активность феминисток, удовлетворявшая их и заслуживавшая уважения сама по себе, тем не менее, мало что значила для дальнейшего уравнения женщин в правах. Положение усугубилось после 1866 г., когда покушение на царя и последовавшее за ним преследование нигилистов обоего пола бросило тень на всю общественную деятельность женщин. Проблема стала отмирать сама по себе, привлекая внимание лишь тех, кто, либо выступал с нападками на всех активисток как на безнравственных цареубийц, либо тех, кто пытался опровергнуть эти обвинения, повторяя профеминистские

---

1 horrible dictu (*лат.*) – страшно сказать. – *Прим. пер.*

2 Данная цифра вызывает сомнение. Так, например, Павлюченко Э.А. приводит иные данные – всего действовало 274 школы, из которых 243 были мужскими, и всего лишь 31 – женская. См.: *Павлюченко Э.А.* Женщины в русском освободительном движении: От Марии Волконской до Веры Фигнер. М., 1988. С. 115. – *Прим. ред.*

3 Рассвет. 1860. Авг. С. 13–22; *Meijer J.M.* Knowledge and Revolution: The Russian Colony in Zuerich (1870–1873); a Contribution to the Study of Russian Populism. Assen, 1955. P. 16.

клише начала 60-х годов. И даже недолго существовавший «Женский вестник» (1866–1867), чье название обещало серьезное отношение к проблеме, не предлагал ничего нового, несмотря на то, что к сотрудничеству в нем привлекались такие талантливые писатели как Ткачев, Лавров, Слепцов и Глеб Успенский[1].

Не более значимым в деле развития «женского вопроса» был голос демократической прессы. Шелгунов старался смягчить представление, которое сложилось у некоторых о передовых женщинах, напоминая, что проблема заключается не в том, должны или нет девушки носить мужское платье или стараться стать врачами или профессорами университетов, а просто в развитии их способностей. Мария Цебрикова, рецензируя гончаровский «Обрыв», критиковала автора за предположение, что у женщин, подобных героине его романа Вере, нет иного выбора в жизни, кроме падения с «обрыва», то есть либо стать нигилистками либо превратиться в домашних *бабушек*. Существуют и другие, писала она, достойные пути разрешения современной женской проблемы. Ссыльный радикал Серафим Шашков, этнограф и один из первых историков российских женщин, обличал всех врагов женской эмансипации – духовенство, старорежимное дворянство, защитников устаревших семейных законов, «старую гвардию европейской науки» в их сюртуках и с тяжелыми фолиантами, а также «обывателей всех стран – английских лордов, русских целовальников, французских банкиров, немецких колбасников, ханжествующих барынь, фамусовых и скалозубов, чичиковых и ноздревых». Эти люди, писал он, не могли понять, что женские права означают не нигилизм, социализм, коммунизм или общность жен и собственности, а просто полное равенство полов в образовании и браке. Образчики такого рода полемики демонстрировали, как трудно удержать дискуссии о женской эмансипации на серьезном уровне[2].

Новый этап «женского вопроса» начался с двух событий: возобновившейся кампании за женское высшее образование и появления в России перевода работы Джона Стюарта Милля «Подчинение женщины» (1869). В 1867 г. Милль озадачил своих коллег-парламентариев, предложив билль о предоставлении женщинам равных политических прав с мужчинами. Узнав от своей

[1] *Ленко О.* Женский вопрос // Отечественные записки. 1868. Июль. CLXXIX. С. 179–182; Женский вестник. 1866. Сент.

[2] *Т.З.* Женский вопрос // Луч. 1867. № 2. С. 361–396; Цебрикова М.К. Псевдоновая героиня // Отечественные записки. 1870. № 5. CXC. С. 24–53; *Шашков С.С.* Исторические судьбы женщины: Детоубийство и проституция. С. 1, 337–340.

корреспондентки Трубниковой, что феминистки добиваются допуска женщин в российские университеты, и, восприняв эту новость с энтузиазмом, он написал им, что, возможно, Россия «докажет, что нация, относительно недавно цивилизованная, воспринимает великие идеи усовершенствования быстрее, чем старые». Затем он опубликовал «Подчинение женщины», которое явилось разработкой мыслей, впервые высказанных им и Гарриет Тейлор в 1851 г., затем подкрепленных стройной теорией миллевской политической философии и обогащенных опытом, который он приобрел как муж и общественный деятель. Взгляды Милля на женский вопрос основывались на его глубочайшем убеждении, что женщина, так же как и раб, угнетенный вассал, заклейменный гребец на галерах, заслуживает в силу своей принадлежности к человеческому роду всех прав, которыми пользуются свободные люди. Признание гражданских и политических прав женщины было всего лишь логическим продолжением этой основной предпосылки. Допуская, что невозможно судить о врожденных способностях другого пола в современных условиях, Милль предполагал, что «свободная конкуренция» позволит каждому полу определить соответствующие его способностям социальные роли. «Никто не считает необходимым принятие закона о том, что только сильный мужчина может быть кузнецом». Он предсказывал, что результатом эмансипации будет «удвоение объема интеллектуальных способностей, направленных на высшее служение человечеству». Только полное образование для женщин сделает это возможным. И если это побудит некоторых женщин избегать уз брака, считал он, то это само по себе приведет к трансформации семьи, в настоящее время являющейся «школой деспотизма», в более демократический институт, способный привлекать к себе женщин своими достоинствами[1].

Несмотря на повторы, морализаторство и некоторую непоследовательность, «Подчинение женщины» является сильным и логичным произведением. Каждому, принимающему его подчеркнуто либеральные постулаты, было бы трудно опровергнуть аргументы Милля в пользу женского равноправия. Работа сразу же привлекла к себе внимание в России. Опубликованная в Англии весной 1869 г., она выдержала четыре издания в России в течение менее чем двух лет; а до их появления английское издание пользовалось огромным спросом. Через несколько месяцев после публикации этой работы четыре

[1] *Wollstonecraft M.* The Rights of Woman. London, 1955; *Mill J.S.* The Subjection of Woman. London, 1955. Письмо Милля см.: *Стасов В.В.* Указ. соч. С. 205.

молодые дочери одного провинциального помещика в беседе с заезжим англичанином назвали эту книгу своей Библией. Одна из них даже держала ее под подушкой. Г.Е.Благосветлов, издатель левого журнала «Дело» и переводчик «Подчинения женщины», расточал похвалы взглядам Милля, удачно противопоставляя их «восточной самобытности» славянофилов. Он объяснял своим российским читателям, что цель эмансипации состоит в превращении женщины из «простой няньки в истинную мать, из домашней служанки в свободного члена семьи, из гаремной одалиски в верную, любящую жену, из пассивного общественного элемента в живую и активную силу»[1].

Книга Милля вызвала ряд негативных оценок среди видных мыслителей по всей Европе. К этому потоку резкой критики русский консерватор Николай Страхов добавил небольшую статью, сардонически названную «Женский вопрос». Страхов, также как и его друг Достоевский был «почвенником», консервативным русским националистом, который негодовал по поводу привычки русской интеллигенции изображать все незначительные житейские проблемы как «философские вопросы», способы разрешения которых затем заимствовались на Западе. Женский вопрос рассматривался им как последняя нелепость, пришедшая на смену идее «реабилитации плоти» предыдущего поколения. Западники, считал он, всегда делают неправильный выбор, предпочитая Богу природу, духу – материю, душе – организм, Человеку – животное, нравственности – гедонизм, красоте – пользу. В случае с Миллем и его русскими почитателями, «чисто английское» акцентирование внимания на правах человека игнорировало российское стремление избегать обладания множеством прав из-за обязательств, связанных с ними. Страхов не был согласен ни с политической теорией Милля, ни, подобно своему другу Толстому (но в отличие от Достоевского), с идеей женских прав. Однако приводимые им доказательства были совершенно неадекватны и неубедительны для того, чтобы скрыть факт их происхождения из более глубоких политических и антропологических причин. Страхов, к примеру, утверждал, что русские женщины имеют достаточно гражданских прав, ссылаясь при этом на излюбленный пример их наследственных прав. Между тем, более внимательно рассмотрев законодательство, он мог бы увидеть, что

---

[1] *Packe Michael St.John.* The Life of John Stuart Mill. London, 1954. P. 496. См. издания работы Милля на русском языке: *Милль Дж.С.* Подчинение женщины / Под ред. М.Вовчка. СПб., 1869; *Милль Дж.С.* О подчинении женщины / Под ред. Г.Е.Благосветова. СПб., 1869.

эти права составляют незначительную часть гражданского статуса женщин. Он обошел стороной предложения Милля о допуске женщин к образованию, обвинив его в сентиментальном взгляде на жизнь, и выразил опасение по поводу того, что предоставление женщинам работы приведет к распаду семьи и таким образом к безнравственности[1]. Принципиальное отличие Милля от Страхова заключается, безусловно, не в различном отношении к женскому вопросу как таковому, а в оценке природы социальной эволюции и возможности человека сознательно изменить свою судьбу к лучшему. Спор об этом разделяет человечество и в XX веке.

2. Победа в отсталом обществе

Начиная с 1868 г., русские женщины начали напряженную борьбу за высшее образование. Несколько месяцев спустя после опубликования элегии Ольги Ленко о закате «женского вопроса», улицы Санкт-Петербурга были наводнены молодыми девушками, которые собирали подписи под петицией с требованием создать женский университет. Вдохновленные опытом создания в Соединенных Штатах женского колледжа Вассар и агитацией английских и американских феминисток за высшее образование, русские феминистки, писательницы и стремившиеся к получению знаний молодые девушки переняли их методы и стали атаковать правительство и общественное мнение. Новая кампания была инициирована журналисткой Евгенией Конради (1838–1898). Дочь процветающего тульского помещика получила прекрасное образование и совместно со своим мужем Павлом Конради издавала журнал «Неделя». После разрыва их отношений, она стала единолично издавать журнал. Ее осведомленность о западном женском движении подсказала ей идею посетить в декабре 1867 г. I Съезд русских естествоиспытателей и выступить на нем с предложением создать женский университет[2]. И хотя официально предложение было отклонено, большинство участников съезда в частном порядке высказали свою поддержку. Конради, лидеры женского движения, петербургские профессора объединили свои силы – около тридцати женщин и сорок три ученых собрались на квартире Трубниковой. Среди них были Дмитрий Менделеев,

[1] *Страхов Н.* Женский вопрос: Разбор сочинения Джона Стюарта Милля «О подчинении женщины». СПб., 1871.

[2] Е.И.Конради на Съезде не выступала, а обратилась к его участникам с письмом, которое было зачитано профессором А.С.Фоминциным на одном из заседаний. – *Прим. ред.*

Бородин, Иван Сеченов и Орест Миллер. Было принято решение, что они подадут соответствующее прошение в администрацию университета и убедят ее начать переговоры с Министерством просвещения[1].

Спустя десять дней после собрания, под петицией было поставлено около 400 подписей, и она получила широкую огласку. В петиции содержалась просьба о создании в Петербургском университете специальных совместных курсов. Ректор университета, поддержанный университетским советом, одобрил петицию и направил ее для рассмотрения в Министерство просвещения. Милль и Андре Лео, французская поэтесса и феминистка, в пылких и оптимистичных словах поздравили русских женщин с их успехами на пути открытия первого в Европе университета для женщин. Елена Лихачева, писательница-феминистка, сотрудничавшая с «Отечественными записками», а впоследствии историк женского образования, на страницах журнала сообщала новости о победах феминисток за границей и о текущей агитации в России[2].

Между тем успеху кампании помешали два события, которые привели к негативным результатам. Первое из них заключалось в раздоре между самими организаторами. Конради явно стала демонстрировать чрезмерную нетерпимость и отсутствие такта. Свидетельница происходившего, Штакеншнейдер, утверждала, что если бы с самого начала и до конца руководство осуществлялось Трубниковой и Стасовой, то курсы были бы открыты уже осенью 1868 г. Хотя как смогли бы терпеливые и тактичные руководительницы феминисток поднять данный вопрос без «бестактных» усилий Конради? Более негативными были последствия включения в свои ряды некоторых нигилисток и радикалок, которые также были заинтересованы в высшем образовании. Феминистки пошли на этот шаг, желая привлечь к акции как можно больше женщин. Одна из них, ранее арестовывавшаяся и подвергавшаяся полицейскому допросу,

---

[1] О Е.Конради см.: *Стасов В.В.* Указ. соч. С. 161–177; *Скабичевский А М.* Литературные воспоминания. М., 1928. С. 258, 343–348; *Штакеншнейдер Е.* Дневник и записки. М., 1934. С. 370, 417; *Корнилов А.* Общественное движение при Александре II. Париж, 1905. С. 195; *Песковский А.* Очерк истории высшего женского образования // Наблюдатель. 1882. Апр. С. 77–82.

[2] Отечественные записки. 1868. Дек. CLXXXI. С. 361–385; 1869. Янв. CLXXXII. С. 176–204; 1869. Май. CLXXXIV. С. 118–126; 1869. Окт. CLXXXV. С. 345– 351; Вестник Европы. 1869. Фев. IV. С. 958–968; 1869. Май. III. С. 318–335. Подача петиций была популярной формой активности английских феминисток в 1860-х годах.

устав от постоянных споров, решила взять инициативу на себя и обратиться непосредственно к министру просвещения Дмитрию Толстому, чтобы рассказать ему о стремлении русских женщин к образованию. Она была сразу же исключена из феминистских рядов, но все их усилия отныне приобрели легкий оттенок нигилизма. После этого в среде женщин начались взаимные обвинения. «Нигилистки все испортили», – сокрушались руководительницы феминисток. «Кому нужны филантропки и патронессы?» – спрашивали нигилистки. Однако кампания на этом не прекратилась, и сотрудничество между двумя фракциями продолжалось. Одна из нигилисток справедливо заметила, что преимущество «аристократок» заключалось в их тесной связи с чиновничеством через семейные и общественные связи, в то время как нигилистки были более близки с молодыми девушками, которые действительно стремились попасть на университетские курсы[1].

Вторым препятствием, частично обусловленным первым, была враждебная позиция правительства. Министр просвещения Толстой изначально не симпатизировал идее высшего женского образования; его прагматические, верноподданнические взгляды на образование вполне соответствовали потребностям относительно статичного бюрократического и аграрного государства. Толстой не считал возможным предпринимать шаги к образованию какой-то определенной части населения только потому, что некоторые его представители выразили желание получить образование. Он выдвинул множество причин, почему было бы нежелательно открывать эти курсы, но все они не удовлетворили подавших петицию. К тому же Толстого привел в ярость тот факт, что половину имен, стоявших под петицией, можно было бы найти в списках тайной полиции. Его последний и наиболее веский аргумент состоял в том, что русские женщины недостаточно подготовлены к изучению университетских курсов. Несмотря на реформу образования, и Министерство, и институты, и мариинские гимназии немногого достигли в подготовке своих выпускниц к получению ими высшего образования. Существовало несколько частных женских гимназий, учебная программа которых соответствовала программе мужских гимназий, но их было мало, они были дороги и представляли собой семилетние учебные заведения. Женщинам же необходимо было относительно быстро запол-

---

[1] *Штакеншнейдер Е.* Дневник и записки. С. 418–421; *Анненская А.* Из прошлых лет // Русское богатство. 1913. Янв. С. 63–65.

нить пробелы в своем образовании, чтобы подготовиться к поступлению в университеты[1].

В то время, когда власти рассматривали проблему учреждения женского университета, женщины направили свои усилия на открытие подготовительных курсов. Они убедили профессора Паульсена, преподававшего в университете педагогику, организовать для них вечерние подготовительные курсы. После получения разрешения от правительства, которое случайно пропустило это прошение, Паульсен и его коллеги в апреле 1869 г. организовали общедоступные курсы в пятой мужской гимназии, находившейся недалеко от того места, где Аларчин мост пересекает Екатерининский канал (ныне канал Грибоедова). Соответственно названные Аларчинскими, курсы стали первым в России «мостом», ведущим к женскому высшему образованию, и одновременно «школой» для целой плеяды впоследствии известных женщин-демократок. Летом 1869 г. группы женщин организовывали в Москве шумные собрания, собирали подписи под петициями, что имело такой резонанс, что полиция запретила их проведение. Месяц спустя после открытия Аларчинских курсов, было получено разрешение на создание в Москве аналогичных курсов, известных как Лубянские (по названию улицы, на которой они располагались)[2].

В том же году Министерство просвещения приняло решение о создании университетских курсов для женщин. Это было компромиссное решение: курсы, на которых университетские профессора преподавали на популярном уровне, были открыты для посетителей обоих полов. Феминистки после двухлетних надежд и трудов были разочарованы; тем не менее, в 1869 г. эти лекции посещало более 700 женщин. Спустя некоторое время мужчины просто перестали ходить на них. В январе 1870 г. курсам выделили постоянное помещение в районе церкви Святого Владимира на Садовой улице, и они получили название Владимирских, хотя официально назывались Публичные лекции для мужчин и женщин. Такие академические светила как историк К.Н.Бестужев-Рюмин, химик Д.И.Менде-

---

[1] *Стасов В. В.* Указ. соч. С. 183; *Филиппова Л.Д.* Из истории женского образования в России // Вопросы истории. 1963. Фев. С. 209–218; *Лихачева Е.* Указ. соч. Т. 2. С. 510–514. Политика правительства в отношении высшего женского образования изучена на основе архивных материалов (*Whittaker C.* The Women's Movement During the Reign of Alexander II: A Case Study in Russian Liberalism // Journal of Modern History. 1976. June).

[2] *Лихачева Е.* Указ. соч. Т. 2. С. 514–518; *Песковский А.* Очерк истории высшего женского образования // Наблюдатель. 1882. Апр. С. 86; *Satina S.* Education of Women in Pre-Revolutionary Russia. N.Y., 1966. P. 73–78, 98.

леев, физиолог И.И.Мечников читали лекции перед женской аудиторией, но должны были упрощать материал, для того чтобы донести его до слушательниц с разным образовательным уровнем. Возможности курсов при этом были ограничены настолько, что Стасова, одна из попечительниц курсов, была вынуждена держать в своей квартире их библиотеку. Для правительства открытие курсов было щедрой уступкой женщинам, но для самих женщин это оказалось не многим более чем один шаг на пути к их основной цели – равенству в образовании[1].

Победе феминисток и их сторонников в деле получения высшего образования в 1870-е гг. способствовало два фактора: во-первых, благоприятное общественное мнение; во-вторых, опасения правительства, связанные с тем, что, если женщинам запретить получение высшего образования на родине, они отправятся за границу, где могут проникнуться радикальными идеями. В начале 1870-х гг. в толстых журналах появилось множество публикаций в поддержку полного университетского образования для женщин. В них утверждалось к тому же, что это единственный путь удержать женщин от экстремистской революционной деятельности, к которой многие были склонны. Наиболее левый журнал – «Дело», авторами которого были Шелгунов, Лавров, Ткачев, Щапов и Шашков, рассматривал женский вопрос не только как сам по себе заслуживающий внимания, но также как и средство разоблачения природы бесправия, не вызывая при этом недовольства цензуры. Несколько более умеренными были «Отечественные записки», наследники «Современника», которые выступали с либерально-народнических и демократических позиций. В состав редакции входили некоторые видные сторонники женской эмансипации: Некрасов (редактор), Елена Лихачева, специализировавшаяся на статьях по женскому вопросу, ученые Сеченов и Лесгафт и провозвестник народничества Михайловский. Тон их статей был мягче, и они в основном акцентировали внимание на проблеме женского высшего образования[2].

Михайловский высказал замечание, вскрывшее глубокое разногласие во мнениях по поводу истинного предназначения

[1] *Satina S.* Op. cit. P. 94–99; *Песковский А.* Указ. соч. С. 85–86; *Лихачева Е.* Указ. соч. Т. 2. С. 519–521; Санкт-Петербургские высшие женские (бестужевские) курсы (1876–1918): Сборник статей / Под ред. С.Н.Валка. Л., 1965. С. 9, 170.

[2] *Эсин Б. И.* Русская журналистика 70–80-х годов XIX века. М., 1963. С. 52; Дело. 1871. Ноябрь. V. С. 145–160; 1872. Май. VI. С. 1–18; 1872; Июнь. С. 139–154. О работах Лихачевой см.: Отечественные записки. 1872. Авг. CCIII. С. 296–304; 1874. Янв. CCXII. С. 104–123.

феминизма, существовавшее среди интеллигенции. Неразумно, утверждал он, «выводить женский вопрос или любой другой вопрос из общего социального вопроса» – замаскированный намек на грядущее социальное переустройство России (если необходимо – революционным путем) и на то, что освобождение женщин возможно только с приходом социализма. «Вестник Европы» с его яркой плеядой либеральных писателей (Сергей Соловьев, Кавелин, Пыпин, А.Ф.Кони, В.В.Стасов и другие) придерживался противоположной точки зрения. Позиция журнала нашла отражение в статье 1874 г., которая содержала намек на то, что если правительство не предоставит женщинам возможность образования и работы, то они уйдут в «нигилистское» подполье. Чувствуя, что бюрократия способна поддаться на эти аргументы, либералы «Вестника Европы» пытались разграничить феминистскую эмансипацию женщин и идею всеобщего социального переворота[1].

Такие реакционеры, как князь Мещерский и Михаил Катков, возглавлявшие правое крыло российской журналистики, выступали против феминизма по принципиальным соображениям и придерживались традиционных взглядов на роль женщины. Катков, допуская, что преподавание может быть подходящей альтернативой карьере жены и матери, добавлял, что «в действительности нет основания для насущной необходимости в женщинах-специалистах в медицине» и «мы не можем позволить вопросу о женском образовании подняться в нашем отечестве, если поводом к этому требованию стало появление коротко остриженных студенток». Достоевский был единственным среди видных консервативно настроенных писателей, кто приветствовал расширение женских интеллектуальных горизонтов. «Образованной женщине нужна более широкая дорога, – писал он в начале 1860-х гг., – которую не нужно загораживать или засорять иголками, нитками, тамбурными крючками и тамбурным вязанием». В «Дневнике писателя», имевшем широкую известность в 1870-х гг., он восхвалял русскую женщину и ее стремление к интеллектуальному совершенствованию: «В ней заключена наша единственная великая надежда, залог нашего возрождения. Духовное возрождение русской женщины в последние двадцать лет было несомненным». Тем не менее, поддерживая идею «широкого пути» для женщин,

[1] *Михайловский Н. К.* Сочинения: В 6 т. СПб., 1896–1897. Т. 1. С. 884–889; Вестник Европы. 1874. Авг. IX. С. 792–807. В серии статей, появившихся в журнале «Нива», утверждалось, что нигилистка с ее мужской одеждой, синими очками и короткой стрижкой наносит вред «настоящему женскому делу» – открытию школ и получению доступа к работе (Нива. 1870. Май. 1. С. 279–282; 1870. Май. 8. С. 296–299).

Достоевский считал, что такие пагубные «мужские» мысли, как «оргия обладания, цинизма и материализма», подчас отвлекают женщин от «чистого служения идее». На многих русских женщин, отождествлявших высшее образование с западной наукой и «материализмом», подобное «благословение» Достоевского не могло оказать большого влияния[1].

В начале 1870-х гг. феминистки вынуждены были лавировать между враждебной позицией правительства и консерваторов, с одной стороны, и позицией радикалов, с другой. Их собственная позиция была подобна той, которой придерживалась Катя – героиня Хвощинской («Большая медведица» – 1871, «Пансионерка» – 1860). Катя отказалась от любого участия в политике и избрала философию «малых дел». «Делать то, что необходимо, каким бы незначительным это не было, – говорит она, – закончить это, бороться, умереть, свершая это. Дела совершаются не только огромными, но и малыми усилиями людей. По одному – они капли, вместе – волны». Спустя много лет, Александра Коллонтай презрительно назвала деятельность Кати «денежным пожертвованием» пробуждающемуся сознанию дворян[2]. В буквальном смысле это было верно. Большую часть своих усилий феминистки посвящали борьбе за высшее образование для женщин, а затем его финансированию, одновременно жертвуя деньги на борьбу с голодом (1873–1874) и на свои собственные благотворительные мероприятия. Как и подавляющее большинство населения, они не желали полного разрыва с обществом и участия в революционном водовороте. Вместо этого они направили все свои усилия на достижение того, что было возможно в контексте жизни современного им общества. Их достижения впечатляют. Препятствия, встававшие на их пути, были так же внушительны, как и те, с которыми столкнулись русские реформаторы XIX в. По этим или другим причинам, советские авторы игнорировали ядовитые (хотя и не всегда неуместные) замечания Коллонтай и относились к пионеркам феминизма с историческим уважением.

Подобно своим сестрам в Берне, Лейпциге, Лондоне, Бостоне, русские феминистки занимались лоббированием, созданием фондов помощи, произносили речи, собирали подписи и держали друг друга в курсе всех дел. Такая деятельность может показаться бессо-

---

[1] Замечания Каткова см.: *Katz M.* Mikhail N. Katkov: a Political Biography, 1818–1887. The Hague, 1966. P. 5–8, 23–29, 39. Достоевский цит. по: *Богданович Т.А.* Любовь людей шестидесятых годов. С. 16. *Dostoevsky F.M.* The Diary of a Writer: 2 vols. N.Y., 1949. Vol. 1. P. 340–341.

[2] *Хвощинская Н.Д.* Повести и рассказы. М., 1963. С. 17. Комментарии Коллонтай см.: *Коллонтай А.М.* Новая мораль и рабочий класс. М., 1918. С. 4.

держательной, по сравнению с образом жизни тех женщин, которые, действуя в подполье, ежедневно рисковали своими жизнями в революционной борьбе. Однако тогда еще не пришло время нападок на «простых феминисток» – это случится позднее. На самом деле и феминистки иногда занимались политической деятельностью, связанной с риском, чего западный феминизм XIX в. практически не знал. Например, Философова устраивала благотворительные вечера в поддержку политических заключенных, организовывала фонды помощи подпольным группам, связанным с «Землей и волей», и даже имела смелость отдать генеральскую шинель своего мужа одному ссыльному, отправляемому в Сибирь. Ее деятельность вызвала недовольство царя, и Философова за это и другие проявления нелояльности была вынуждена покинуть страну (1879–1881). Но при этом Анну Философову нельзя считать ни «красной», ни даже «Мадам Роланд», как Дмитрий Толстой имел обыкновение ее называть. Между феминистками и женщинами, вовлеченными в революционное движение, существовало мало связей, но и еще меньше враждебности. Придерживаясь позиции, отражающей уже знакомую *pas d'enemies à gauche*[1], феминистки, казалось, как писал Кропоткин, говорили: «Мы будем носить наши бархатные платья и шиньоны, потому что мы вынуждены иметь дело с глупцами, которые видят в бархатном платье и шиньоне символы «политической надежности», но вы, молодые революционерки, оставайтесь свободными в ваших вкусах и пристрастиях»[2].

Величайшей и, возможно, единственной существенной победой русских феминисток тех лет было получение доступа к высшему образованию. Как и правительство российское в других странах ничего бы не сделало без давления со стороны влиятельных лиц и общественного мнения. Только после известного нажима оно нехотя начинало действовать, жалуясь на отсутствие денег для введения подобных новшеств. При этом его деятельность порождала разного рода документы, написанные специфическим языком и имеющие ограничительные цели. Официальная точка зрения на среднее женское образование была отражена в

---

[1] pas d'enemies a gauche (*фр.*) – нет врагов слева. – *Прим. пер.*

[2] *Kropotkin P.A.* Memoirs of a Revolutionist. N.Y., 1962. P. 174; Сборник памяти Анны Павловны Философовой: В 2 т. Пг., 1915. Т. 2. С. 326–329; *Книжник-Ветров И.С.* Русские деятельницы Первого Интернационала и Парижской Коммуны. М., 1964. С. 211–212; Санкт-Петербургские высшие женские (бестужевские) курсы (1876–1918): Сборник статей / Под ред. С.Н.Валка. Л., 1965. С. 168. Данные о нелегальных контактах Философовой см.: Архив «Земли и Воли» и «Народной Воли» / Под ред. С.Н.Валка. М., 1930. С. 215, 216, 221.

докладе правительственной комиссии. «Правильное женское образование, – провозглашалось в нем, – должно ограничиваться такими предметами, которые бы не отклоняли учениц от главного назначения и не приводили бы к излишнему напряжению одних умственных сил, в ущерб более важного для общественного благоденствия сохранения тех женственных качеств, которые должны украшать скромный семейный очаг»[1]. Такой общий курс, хотя и не навязываемый напрямую, был серьезным препятствием для усилий феминисток в продвижении женского образования. К тому же, царская администрация, такая же непоследовательная, как и большинство правительств, никак не могла решить для себя, является ли высшее образование стимулом или сдерживающим фактором женского радикализма.

В любом случае благочестивое замечание об украшении скромного домашнего очага плохо сочеталось с увеличивающимся количеством женщин, которые наводняли города в поисках своего собственного жизненного пути. К 1871 г. незамужние женщины в Москве превосходили по численности одиноких мужчин во всех социальных слоях, за исключением купцов (многие из которых имели семьи в других городах) и крестьян. Некоторые из этих женщин находили себе работу в качестве телеграфисток, бухгалтерш, кассирш, ретушеров, граверов и часовщиц; однако этих рабочих мест было недостаточно для трудоустройства всех «независимых» женщин. К тому же эти профессии не удовлетворяли хорошо образованных дворянок, которые стремились к профессиональной культурной или литературной деятельности. Почти всегда мир активной интеллектуальной деятельности требовал университетского образования, если не ученой степени. Единственным исключением было преподавание. После окончания гимназии и дополнительной педагогической подготовки женщина получала право стать учительницей. Однако спектр возможностей здесь был незначительным: выпускницам разрешалось преподавать только в женских прогимназиях и в младших классах женских гимназий. Было ясно, что дорога к профессиональной карьере лежит через университет[2].

---

[1] *Константинов Н. А.* Очерки по истории средней школы. М., 1947. С. 25.

[2] *Гурье В.* Теория и практика женского образования // Вестник Европы. 1877. Март. XII. С. 663; Нива. 1870. Май. I. С. 297–298; Вестник Европы. 1874. Авг. IX. С. 792; *Кечеджи-Шаповалов М.В.* Женское движение в России и за границей. СПб., 1902. С. 140, 174; *Овцин В.* Развитие женского образования. СПб., 1887. С. 40–41; *Песковский А.* Очерк истории высшего женского образования // Наблюдатель. 1882. Апр. С. 175–176.

До 1872 г. эта дорога была закрыта. Без сомнения существовало много различных специализированных учебных заведений для девушек. Но все они предназначались либо для одаренных в области искусства, музыки и балета, либо для подготовки вспомогательного персонала (например, акушерок). Кроме того, в Петербурге и Москве устраивались «публичные лекции». Но они в лучшем случае частично решали проблему, так как из-за неоднородного состава аудитории лекции были слишком сложны для одних и слишком поверхностны для других. Таким образом, женщины, стремившиеся к получению высшего образования, должны были или приобретать его в уже существующих университетах или в своих «собственных» университетах под руководством аккредитованных профессоров. Вступительные экзамены, совместное обучение, получение ученой степени рассматривались ими как второстепенные по сравнению с основной целью – получением образования. Женщины в России, также как и повсюду, считали, что им достаточно только попасть в университетские стены, а все остальное придет со временем. Для инициирования процесса создания женского университета были необходимы только три вещи: сотрудничество нескольких профессоров, разрешение университета (что означало и санкцию правительства) и деньги на покрытие расходов. Такое первое настоящее женское высшее учебное заведение появилось в Москве в 1872 году.

Это событие произошло благодаря группе московских женщин, которые накопили известный опыт во время феминистских кампаний конца 1860-х гг. XIX в. Они обратились к профессору истории Московского университета Владимиру Герье, который, как и многие умеренные реформаторы, был убежден, что система образования для девушек не дает им достаточной подготовки для того, чтобы стать учительницами, воспитательницами и матерями. При помощи ректора Сергея Соловьева он получил поддержку московского генерал-губернатора и официальное разрешение в мае 1872 г. на открытие «Высших женских курсов». Его просьба о добавлении к названию курсов слов «при Московском университете» была отклонена. Курсы открылись в ноябре 1872 г., Герье стал их директором. Ограниченные финансовые ресурсы пополнялись за счет частных пожертвований со стороны феминисток, филантропов и даже «темного царства» – в виде ежегодного взноса в размере 500 рублей от Московского купеческого общества. Естественные науки, вызывавшие отвращение у министра просвещения, не преподавались, а продолжительность обучения ограничивалась двумя годами. Однако постепенно время обучения на курсах было увеличено, и Высшие курсы стали в

полном смысле этого слова высшим гуманитарным учебным заведением, как Ньюхэм колледж в Кембридже или Рэдклифф колледж в Гарварде. В первый год на них было зачислено шестьдесят пять женщин. Ежегодный прием составлял впоследствии 160 человек вплоть до закрытия курсов в 1886 году[1].

Таким образом, прецедент был создан. Теперь распространение новой правительственной политики в отношении женского образования за пределы Москвы было вопросом времени. С 1870 по 1872 г. большое количество русских женщин, разочарованных в ходе реформ, отправилось для продолжения своего образования в Швейцарию, в основном в Политехнический институт Цюриха. Как мы увидим в дальнейшем, многие из них начали проникаться там «опасными» идеями. Русское правительство, благодаря своей системе сыска за рубежом, с тревогой следило за этим процессом с самого начала, и этот факт, возможно, повлиял на решение об открытии Высших курсов в Москве и женского медицинского института в Петербурге[2]. И, безусловно, это было определяющим фактором в издании указа, разрешающего открывать высшие женские курсы во всех университетских городах России. Первоначально правительство попыталось вернуть женщин домой, издав в 1873 г. специальный указ, с требованием оставить Цюрих. Некоторые из студенток в ответ на это просто-напросто отправились учиться куда-то еще, в другие зарубежные университеты; а иные вернулись домой вполне сформировавшимися революционерками и пропагандистками. К 1876 г. Толстой, изначально выступавший против курсов для женщин, стал их ревностным сторонником и пришел к выводу, что будет безопасней допустить женщин к высшему образованию на родине, чем подталкивать их к выезду за границу, где они быстро усваивают радикальные идеи. Таким образом, указ об учреждении женских университетов явился результатом не только феминистской активности, но и страха правительства перед радикализмом[3].

Казанский университет стал первым университетом, воспользовавшимся новой возможностью, и женские курсы были основаны здесь в год принятия указа. В 1878 г. вслед за ними открылись

---

[1] *Песковский А.* Очерк истории высшего женского образования. С. 91; *Лихачева Е.* Указ. соч. Т. 2. С. 530–535; *Satina S.* Op. cit. P. 78–82.

[2] В Санкт-Петербурге в 1872 г. были открыты женские медицинские курсы, Женский медицинский институт был отрыт в 1897 г. – *Прим. ред.*

[3] Об указе см.: *Песковский А.* Очерк истории высшего женского образования. С. 168; Санкт-Петербургские высшие женские (бестужевские) курсы (1876–1918). С. 10; *Whittaker C.* The Women's Movement During the Reign of Alexander II: A Case Study in Russian Liberalism // Journal of Modern History. 1976. June.

курсы в Санкт-Петербурге и Киеве. Очень высокий статус приобрели в Москве курсы Герье. Одесса, Харьков и Варшава либо уже создали, либо предполагали создать женские курсы. Но некоторые из них оказались мертворожденными, и все они, за исключением петербургских, были закрыты правительством в середине 1880-х гг. Высшие женские курсы Петербурга были самыми известными и просуществовали дольше других. Широко известные «Бестужевские курсы», названные в честь К.Н.Бестужева-Рюмина, профессора истории и их первого директора, были открыты осенью 1878 г. для женщин всех сословий и через четыре года выдавали диплом[1]. В 1883 г. курсы получили постоянное помещение на Васильевском острове, в миле от основных университетских зданий.

Курсы имели два факультета: историко-филологический и математики и естественных наук, так как министерство сняло запрет на преподавание последних. Ряд лучших профессоров университета: К.Н.Бестужев, И.М.Сеченов, Орест Миллер и Овсянико-Куликовский, жертвовали временем и деньгами, преподавая на них за скромную плату. Хотя большинство студенток было дворянского происхождения, среди них были представительницы всех социальных слоев: из 938 девушек, посещавших курсы в 1881 г., 610 были дворянками, 133 выходцами из купеческой среды, 113 из духовенства, 102 мещанки, 9 крестьянок, 8 солдатского звания. Несмотря на то, что по меркам высшего класса плата за обучение была довольно умеренной (50 рублей в год), она была слишком высокой для многих достойных претенденток; но, с другой стороны, слишком низкой для того, чтобы курсы были самоокупаемыми. Поскольку правительство не было слишком щедрым, выделяя только 3 000 рублей в год на их существование, курсы вынуждены были искать для пополнения своего бюджета частные пожертвования.

Видя, что их мечта о женском образовании постепенно сбывается, Философова, Стасова и их коллеги решили, что курсы не должны погибнуть от недостатка финансовой поддержки. В 1878 г. они получили официальное разрешение на создание Общества для доставления средств Высшим женским курсам. Оно объединило 1000 человек с исполнительным комитетом, состоявшим в основном из руководительниц феминистского движения и почетных членов, таких как, например, Софья Ковалевская. Исполнительный комитет занимался организацией книжных ярмарок, лотерей, концертов в поддержку курсов; а для наиболее достойных студенток были выделены стипендии. В конечном счете

[1] Высшие женские бестужевские курсы не давали дипломов о высшем образовании. До 1881 г. курс обучения составлял 3 года. – *Прим. пер.*

Общество настолько расширило сферу своей деятельности, что стало покровителем, патроном и крестным отцом «Бестужевских курсов»[1]. Аналогичные группы феминисток и филантропок взяли под покровительство женские курсы в других городах. Какой бы прозаичной ни была на первый взгляд эта деятельность, она имела огромное значение для развития женской эмансипации в России. По сравнению с пренебрежительным отношением со стороны правительства к женским университетам, эти комитеты и общества оказывали неоценимую поддержку тысячам женщин, которые в начале XX в. составят костяк женской интеллигенции.

С 60-х годов XIX в. и до настоящего времени русские женщины проявляли и проявляют сильную тягу к изучению медицины. С самого начала медицина и радикализм были составляющими освободительного движения и часто конкурировали между собой в борьбе за внимание образованных женщин. Для нас, людей «Запада», которые никогда не разделяли взглядов сунь ят-сенов, ризалей, фанонов и гевар, эта связь может показаться странной. Однако в «отсталых» обществах, если мы применим этот термин к России XIX в., медицинское образование и практика зачастую способствовали более глубокому проникновению в социальные, нежели клинические болезни. В России отношение к медицинской профессии породило такие противоречивые фигуры, как Пирогов, руководительницы суфражистского движения 1905–1917 гг., а также череда докторов, придерживавшихся радикальных взглядов, начиная с Сусловой, и заканчивая Федором Даном. В период наиболее активной революционной борьбы XIX в., многие из этих людей вынуждены были выбирать между врачебной практикой и полноценной революционной деятельностью, так как изначальным импульсом, заставившим их посвятить свою жизнь медицине, было служение народу.

В начале 1870-х гг. многие русские женщины, воодушевленные успехом Сусловой, отправились в Цюрих, где они были зачислены в университет и Политехническую школу. Из 120 женщин, поступивших с 1864 по 1874 г. в университет, 85 (71%) посвятили себя изучению медицины. Поскольку радикальных взглядов придерживалось менее четверти всех студенток университета, то ясно, что большинство из них поступили для серьезных занятий медициной. Однако дело было не только в радикализме или медицине. Такие радикалки как, например, Вера Фигнер или Аделаида Луканина, продолжали заниматься медициной и после того, как избрали революционный путь. Для них было трудно разграничить эти

[1] Санкт-Петербургские высшие женские (бестужевские) курсы (1876–1918). С. 7, 10, 16, 30–73, 167–172.

5 Заказ 5510

два тесно взаимосвязанных способа самовыражения. Более идейные радикалки присоединялись к революционным кружкам и отправлялись освобождать свою страну. Остальные продолжали обучение в Берне, Париже, Филадельфии или же вернулись в Россию и поступили на только что открытые медицинские курсы. «Эта часть студенчества, – отмечала Вера Фигнер, – не примкнувшая к социализму и к активной борьбе за свободу, может быть отнесена к числу тех пионерок русского женского движения, которые боролись за равноправие в области высшего специального образования и с блестящим успехом овладевали им»[1].

Трудно сказать, насколько сильно женское участие в радикальных кружках в Цюрихе повлияло на решение правительства открыть в 1872 г. медицинские курсы для женщин. В своем указе, предписывавшем студенткам покинуть Цюрих, правительство говорило об открывшихся курсах, как об основной причине, по которой женщины должны вернуться для продолжения обучения домой. Идея открытия женских медицинских курсов в свое время вызвала сильную полемику. Министр просвещения Толстой выступал против этой идеи, удачно найдя поддержку в выводах профессора из Мюнхена фон Бишоффа, который на основе «научного исследования» утверждал, что женщины физиологически непригодны для занятий медициной и врачебной практики. Либеральные и феминистские журналы подняли волну протеста, указывая на постыдно малое количество докторов в России. Сторонников они нашли в Военном министерстве, в частности в лице министра Дмитрия Милютина, который стремился улучшить военную медицинскую службу. Во главе Военной Медико-хирургической академии стоял Н.И.Козлов, чья дочь, Прасковья Тарновская, впоследствии стала одной из самых известных в России женщин-врачей. План Козлова открыть при Академии женские медицинские курсы был одобрен, и, получив пожертвование в 50 000 рублей от состоятельной госпожи Родственной, курсы были открыты в ноябре 1872 года[2].

---

[1] *Фигнер В.Н.* Студенческие годы (1872–1873) // Голос минувшего. 1922. Окт. X. С. 180. Данные о колонии русских в Цюрихе см.: *Meijer J.M.* Knowledge and Revolution: The Russian Colony in Zuerich (1870–1873); a Contribution to the Study of Russian Populism. Assen, 1955. P. 208–212.

[2] Die Geschichte der Frauenbewegunf in den Kulturländern / Ed. by H.Lange and G.Bäumer. Berlin, 1901. P. 72–73; Дело. 1872. Сент. VI. С. 119–122; Вестник Европы. 1872. Сент. VII. С. 357–383; Отечественные записки. 1872. Апр. CCI. С. 260–264; Отечественные записки. 1872. Ноябрь. CCV. С. 31–49. О происхождении курсов см.: *Некрасова Е.С.* Женские врачебные курсы в Петербурге: из воспоминаний и переписки первых студенток // Вестник Европы. 1882. Дек. XVII. С. 807–845. Другая дочь Козлова была бабушкой Владимира Набокова.

В первый семестр было зачислено 90 женщин, в основном из семей дворян и чиновников, в небольщом количестве присутствовали девушки из мещанского сословия; относительно много было евреек. Для поступления требовалось свидетельство об образовании, а для тех, кому было меньше 20 лет – согласие родителей и характеристика. Вступительный экзамен, как ни странно, состоял в написании сочинения о монголо-татарском иге и о творчестве Белинского. Порядки на курсах были строгими, а обстановка – официальной. Студентки должны были прямо сидеть на скамейках, носить форму и не стричь волосы; относились к ним как к детям, несмотря на то, что многим было больше 20 лет, а некоторые были уже матерями. Общение со студентами-мужчинами, даже родственниками, было запрещено. Повседневная жизнь была сложна для тех, у кого в городе не было семьи. Курсистки снимали рядом с Академией недорогие комнаты, расположенные в квартале от Финляндского вокзала. Когда предоставлялась возможность, они скрашивали свою «книжную» жизнь тем, что устраивали вечера музыки и поэзии. Надзор за студентками был очень строгим. Одна из бывших курсисток вспоминала, что, отношения между студентами и студентками всегда были «абсолютно корректными», несмотря на грязные намеки тех, кто был неспособен понять чувства и помыслы порядочных людей[1].

Плата за обучение облегчалась усилиями феминисток и поддерживающих их профессоров, которые учредили «Общество для пособия слушательницам врачебных и педагогических курсов». Александр Бородин, профессор химии и композитор, являвшийся членом совета Общества, жертвовал своим временем и силами, обучая в свободное время увлеченных его предметом студенток. И что наиболее важно, преподавательский состав, не оглашая этого, игнорировал первоначальные ограничения программы (педиатрия и гинекология) и в конечном итоге дал полную пятигодичную программу медицинского образования. Когда в 1877 г. курс подошел к своему выпуску, выяснилось, что потери из-за суровых условий жизни очень велики. Двенадцать из 90 студенток не дожили до выпуска – семь умерли от чахотки, две покончили жизнь самоубийством, а одна умерла от тифа во время турецкой войны[2].

---

1 *Шабанова А.Н.* Женские врачебные курсы // Вестник Европы. 1886. Янв. XXI. С. 345–357.

2 *Некрасова Е.С.* Указ. соч. С. 840. Об Обществе см.: Вестник Европы. 1877. Июль. XII. С. 401–413. О Бородине см.: *Попова Т.* Бородин. М., 1960. С. 113–116.

Война 1877 г., как и Крымская война, предоставила женщинам возможность продемонстрировать свои успехи в медицине. Их профессиональная подготовка подкреплялась профессиональным поведением и героическим самопожертвованием. Весь выпускной курс, состоявший из 25 женщин, отправился на турецкий фронт; 20 – в действующую армию в качестве ассистенток, 5 – в распоряжение Красного Креста. Обычная отговорка, по которой женщин не допускали на фронт, была забыта, и вскоре они проводили хирургические операции без помощи докторов-мужчин. Одна из таких женщин, Мария Сиболд, организовала и руководила военным госпиталем для сербов еще до того, как Россия перенесла боевые действия на Балканы. В университете Цюриха она была в стороне от радикальных идей, так как «приехала в Цюрих для того, чтобы изучать медицину и не более того». По окончании войны некоторые военные медицинские инспекторы восхваляли достоинства женщин-медиков, и многие из них были представлены к правительственным наградам. Кроме того, отныне выпускницам медицинских курсов было присвоено новое звание – «женщина-врач», вместо прежнего: «ученая акушерка»[1].

С этого времени берет свое начало традиция, существующая в России до сих пор – применение способностей и склонностей женщин в одной из наиболее сложных и важных социальных служб. Главы земств быстро поняли все преимущества использования женщин-врачей на медицинских пунктах, печально известных своей не укомплектованностью. Многие студентки еще до выпуска получили приглашение работать в земских медицинских учреждениях. Однако, несмотря на энтузиазм некоторых женщин и вопиющую нехватку сельских докторов, большинство женщин-врачей прекратили конкуренцию со своими коллегами-мужчинами и остались в городах. В 1886 г. на каждых 60 женщин-медиков, работавших в земстве, приходилось 40 в Москве и Петербурге. В большей степени это было виной бюрократической системы, нежели самих женщин, так как губернские власти обладали правом (и зачастую им пользовались) запретить женщинам практиковать в своих губерниях, несмотря на пожелания земских чиновников[2]. Где бы ни работали женщины-врачи, в го-

---

[1] *Илинский П.А.* Русская женщина в войну 1877–1878 г.: Очерк деятельности сестер милосердия, фельдшериц и женщин-врачей. СПб., 1879; *Песковский А.* Очерк истории высшего женского образования. С.166; *Овцин В.* Указ. соч. С. 30. О Сиболде см.: *Сажин М.П.* Русские в Цюрихе (1870–1873 гг.) // Каторга и ссылка. 1932. № 10. С. 20–78.

[2] За женщин. СПб., 1886. С. 238–239.

роде или в сельской местности, но везде их успех в значительной степени зависел от того, хотело вышестоящее начальство видеть женщин на врачебных должностях или нет[1]. Однако к концу 1870-х гг. в России прецедент работы женщин в медицине уже был создан; после чего Россия оказалась намного впереди Европы по количеству практикующих женщин-врачей. Эта тенденция имела место вплоть до революции и оказалась одним из наиболее ценных социальных достижений, унаследованных большевиками от феминисток.

«Как случилось так, что Россия, которая без сомнения не занимает выдающегося места в европейской цивилизации, является первой в деле женской эмансипации и ни одна страна Старого Света не может соперничать с Россией в этом отношении?» Писавшая это в начале 1880-х гг., Мария Цебрикова свидетельствовала, что ее европейские друзья часто задавали подобные вопросы. Она соглашалась с этим, как и Лихачева, которая объявила в 1880 г., что «Россия опередила другие страны и русские женщины достигли наибольших результатов»[2]. Если под «результатами» они имели в виду возможности получения образования для тех женщин, которые могли ими воспользоваться, то Цебрикова и Лихачева были правы. Усилия феминисток и их сторонников, вкупе со страхом правительства перед радикализмом, сделали возможным создание медицинских курсов для женщин и небольшого числа женских университетов, численность которых возрастет после 1905 г. По количеству и распространенности учреждений высшего образования для женщин Россия не имела себе равных в Европе. Наиболее близко стояла Англия; а в мировом масштабе дальше ушла только Америка.

Российское правительство не было чем-то монолитным, оно представляло собой сложный организм. Его позиция в отношении женского образования была непостоянной и зачастую противоречивой. Опасение, что образование автоматически ввергнет женщин в политику, возникало регулярно каждое десятилетие с 1860 до 1917 г. Либеральная идея о том, что расширение интеллектуальных горизонтов женщин совершенно необходимо для отсталой России, звучало в правительстве нечасто, но само по себе было убедительно доказано на практике. Между тем существовало мнение, что предоставление женщинам серьезного образования, на котором они настаивают, помимо всего прочего,

[1] *Покровская М. И.* Как я была городским врачом для бедных. СПб., 1903. С. 67.

[2] Женское движение за последнее десятилетие // Отечественные записки. 1880. Март. CCXLIX. С. 1.

обеспечит нацию лояльными и надежными гражданами – актуальное для того времени обращение к глубоко укоренившейся концепции «матери-гражданки». В законе 1885 г. об учреждении Дворянского Банка предназначение дворянства описывалось так: «...Чтобы впредь дворяне российские сохраняли первенствующее место в предводительстве ратном, в делах местного управления и суда, в распространении примером своим правил веры и верности и здравых начал народного образования»[1]. Можно ли найти слова лучше для описания назначения женщин-матерей, которые получают образование при поддержке Государства Российского?

Было бы неверно, следуя за Фигнер, приписывать «выдающиеся успехи» только лишь феминисткам. К работе по формированию системы женского высшего образования имело отношение множество различных, зачастую конфликтовавших между собой сил внутри правительства, в обществе и среди радикалов. Однако начало кампании положили феминистки, которые следили за процессом от начала и до конца, и предприняли много неявных, но решающих шагов, позволивших открыть курсы и выжить им под политическим и финансовым давлением. И вполне заслуженны, посвященные им, в особенности Стасовой и Философовой, панегирики, написанные историками и мемуаристами как советскими, так и антисоветскими. Однако, в действительности, победа, одержанная феминистками к 1881 г., была ограниченной. Она касалась лишь нескольких тысяч человек ежегодно – малой толики женщин, даже учитывая только дворянок. Почти никакого влияния она не оказала на крестьянок, за исключением того, некоторые женщины-врачи отправились в сельскую местность, где работали наряду или вместо «архаичных» повивальных бабок. Феминистское решение проблемы было классически либеральным, непроизвольно перенятой традицией английских вигов XVIII в., в соответствии с которой либерализация проводилась сверху, медленно распространяя блага реформ вниз по социальной лестнице. Русские, придерживавшиеся радикальных убеждений, были радикалами и в вопросе поиска Россией своего пути и едва ли могли быть даже отдаленно удовлетворены такой философией и такой моделью социальной реформы.

[1] *Корнилов А.*-Курс истории России XIX века. М., 1918. С. 298.

Глава IV
НИГИЛИСТСКИЙ ОТКЛИК

Волос долог, да ум короток.
Русская пословица

1. Что делать?

В определенном смысле роман Н.Чернышевского «Что делать?» (1863) явился своего рода Библией для всех передовых русских женщин, стремившихся к независимости, которые думали и действовали как феминистски, революционерки или нигилистки. Феминисток он укрепил в их мнении о необходимости образования и экономической независимости, а также в нравственной обязанности помогать другим женщинам. Влияние книги было незначительным в среде радикалок, чьи жизненные интересы превосходили стремление только лишь к женской эмансипации, которую они рассматривали как часть дела освобождения «народа». И все же, несмотря на цензуру, между строк явственно читались как идея решительного преобразования российского общества, так и призыв к женщинам освободиться от социального гнета и присоединиться к когорте «новых людей», занятых подготовкой социальной революции. Непосредственное влияние роман оказал и на так называемую нигилистскую точку зрения на женщин и секс – то есть на доктрину личной эмансипации и сексуальной свободы. Эта точка зрения была психологически неприемлема не только для умеренных феминисток Стасовой и Трубниковой, но также и для женщин-радикалок.

Общеизвестно, что это произведение оказало колоссальное влияние на радикальную интеллигенцию. Как в момент создания, так и впоследствии, оно играло большую роль не только в развитии женского сознания, но и мужского понимания «проблемы». Для современников – мужчин и женщин, с так

называемыми нигилистскими убеждениями, роман предложил привлекательные и очевидные пути решения таких насущных проблем, как родительский деспотизм, неравные браки, любовные конфликты, указав путь к осмысленной и деятельной жизни. Решения этих проблем ясно прослеживаются в быстро развивающемся сознании и деятельности главной героини романа – Веры Павловны. Однако помимо этого, роман выдвинул широкую программу взаимоотношений между полами и представил взгляд на эротическую любовь, которая будет господствовать в представлениях нескольких поколений революционеров.

Герой радикальных «безумцев» своего времени, сын священника Чернышевский, был больше всего известен своими очерками по философии, политике и экономике. В период безмятежных дней существования «Современника» он являлся ведущим радикальным трибуном России. Открытое презрение к либерализму и к «малым делам» препятствовало проявлению какой-либо симпатии с его стороны к феминистской трактовке проблемы зависимого положения женщин. Основные взгляды писателя на женский вопрос сформировались задолго до написания романа, главным образом под идейным влиянием Жорж Санд и Фурье, с чьими взглядами он познакомился в кружке Петрашевского. Вскоре Чернышевский сделал набросок своей «программы» будущих отношений с женщинами, которую и попытался реализовать в браке с Ольгой Сократовной Васильевой. Эта программа предусматривала полную свободу действий для его жены, и неизменную преданность и подчинение для него самого. Он выражал надежду на то, что брак со временем будет сотрудничеством двух интеллектуалов, тогда как в его время женщина «занимает недостойное место в семье», и что сейчас «палку должно много перегнуть на другую сторону». Поэтому он был готов предоставить своей жене ту свободу, которую не мог позволить себе – непостоянство и нарушение супружеской верности. Как оказалось, Ольга Сократовна была вполне готова воспользоваться либеральным великодушием Чернышевского[1].

Это был не просто жест снисходительности, но обдуманный нравственный поступок. В нем читался акт «разумного эгоизма», основанного на предположении, что его чувства обманутого мужа причинят ему меньше страданий, нежели его жене чувство

[1] *Sourine G.* Le Fourierisme en Russie. Paris, 1936. P. 89; *Чернышевский Н.Г.* Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1939–1950. Т. 1. С. 444; *Богданович Т.А.* Любовь людей шестидесятых годов. Л., 1929. С.23–28.

несвободы[1]. Тем не менее, боль от измены Чернышевский все-таки ощутил, и вполне вероятно, что это послужило причиной того, что вплоть до ареста он на эту тему не писал. Разделяя взгляды Михайлова, он, тем не менее, считал, что тот уделяет слишком много внимания женскому вопросу, заявив Шелгунову, что подобный подход хорош только тогда, когда нет других проблем. Однако, столкнувшись в Петропавловской крепости с перспективой неограниченного свободного времени, Чернышевский вновь обратился к нерешенным личным вопросам и попытался найти на них ответы. Что подтолкнуло его к этому? Размышление над прошлым? Романы Жорж Санд? Последние статьи Михайлова и их популярность? Мы не знаем. Все это в совокупности с его личным знакомством с передовыми женщинами-нигилистками, стремившимися к собственному развитию, возможно он и описал в образе Веры Павловны[2].

Развитие самосознания Веры Павловны, осознание ею себя полноценным человеком – вот основная тема романа «Что делать?» Ее прототипом могла послужить героиня повести Помяловского «Молотов» (1861), которую Чернышевский прочел в тюремной камере. «Что делать?» и «Молотов» имеют много сходных черт: главный образ – женский, рассуждения героини, авторские обращения к читателю. Так же как и Надя Помяловского, Вера – впечатлительная и хорошо образованная девушка, загнанная в ловушку семейного мракобесия и пытающаяся отыскать «свой собственный путь». Ее мать – образец чрезмерного честолюбия и невежества («девушкам не следует этого знать, это материно дело»), стремится выдать Веру замуж за состоятельного, но распутного человека. Решающую роль в развитии самосознания Веры сыграл один из ее снов. В этой аллегории ее освобождения ей является персонифицированный образ «Любви к людям», который освобождает ее из мрачного и душного подвала; а

---

[1] Полную разработку данной теории, в значительной степени основанной на трудах Гельвеция и английских утилитаристов, можно найти в: *Чернышевский Н.Г.* Антропологический принцип в философии. Женева, 1875 (впервые опубликованной в 1860 г.). Современную критику подобных теорий см.: *Broad N.D.* Egoism as a Theory of Human Motives // Ethics and the History of Philosophy: Selected Essays. N.Y., 1952. P. 218–231.

[2] См.: Отечественные записки. 1861. Апр. С. 146; *Шелгунов Н.В., Шелгунова Л.П., Михайлов М.Л.* Указ. соч. Т. 1. С. 121. Книгами, которыми Чернышевский пользовался в тюрьме, были романы Ж. Санд «Графиня Рудольштадт», «Пиччино» и «Альдини», «Молотов» Н.Помяловского, а также различные произведения Диккенса, Руссо, Гейне, Фогта и Дарвина. Процесс Чернышевского: Архивные документы / Под ред. Н.А.Алексеева. Саратов, 1939. С. 356.

затем она спешит в сновидении освободить от рабства своих сестер, томящихся в бесчисленных тюремных камерах. Но на данном уровне развития ее самосознания, она не может выпутаться из сложившейся ситуации без посторонней помощи, тем более, что эта ситуация была обусловлена и российским законодательством. Дмитрий Лопухов, студент-медик, предложил ей так называемый «фиктивный брак»: официальное бракосочетание, дающее возможность покинуть родительский дом, но без супружеских обязанностей[1].

Когда Чернышевский создавал свой роман, фиктивный брак уже был распространен среди русской молодежи. Одним из прототипов Веры Павловны была сестра известного радикала В.А.Обручева – Мария Обручева. По предложению Чернышевского, студент-медик Петр Боков согласился давать ей частные уроки, а позже (1851) предложил заключить фиктивный брак, с тем, чтобы она смогла порвать со своей семьей и изучать медицину в Санкт-Петербурге. Вера Павловна, так же как и Мария Обручева, влюбилась в своего любезного освободителя, хотя это никоим образом не было частью договора. Несмотря на идеальное соглашение о супружеском равенстве, включающее раздельные спальни, Вера спустя некоторое время влюбляется в лучшего друга своего мужа Кирсанова – преподавателя медицинской академии. В реальной жизни его прототипом явился выдающийся психолог Иван Сеченов, крайне популярный среди студентов и создавший с семьей Боковых в начале 1860-х гг. *menage a trois*[2]. Данный случай, треугольник Михайлов–Шелгунова–Шелгунов и свой жизненный опыт, предоставили Чернышевскому обширный материал для построения литературного треугольника[3].

---

[1] Домашний ад Нади из повести Помяловского, серьезной молодой девушки, напоминал институт, в котором директриса во время Великого Поста отделяла петухов от куриц, а затем сердилась из-за отсутствия к Пасхе яиц (*Помяловский Н.* Мещанское счастье; Молотов. М., 1957). *Чернышевский Н.Г.* Что делать? М., 1963. С. 46.

[2] menage a trois (*фр.*) – любовный треугольник. – *Прим. пер.*

[3] *Богданович Т.А.* Любовь людей шестидесятых годов. С. 426–438; *Кара-Мурза С.* Герой и героиня романа «Что делать?» // Красная нива. 1928. 22 июля. № 6. С. 89; *Сеченов И.М.* Автобиографические записки. М., 1907. С. 117–118. В конце концов, Боков вышел из этого треугольника и женился. Несколько лет спустя его бывшая жена, которая оставила его фамилию, живя с Сеченовым, получила развод и вышла за него замуж. Она пережила их всех и умерла в 1929 г. в возрасте 90 лет. В своем завещании Обручева написала: «Ни денег, ни ценных вещей у меня не имеется... Прошу похоронить меня без церковных обрядов, как можно проще и дешевле... подле моего мужа» (*Ковалевская С.В.* Воспоминания детства и автобиографические очерки. М., 1945. С. 180–181, прим. 123). См. также: *Пинаев Н.Т.* Комментарии к роману Н.Г.Чернышевского «Что делать?» М., 1963. С. 93, 94.

Осознав, что Лопухов ее не любит (сочетание же дружбы и секса не было для нее достаточным), Вера начинает тянуться к более общительному Кирсанову. Однако она не смогла сама разрешить данную проблему и оставила ее на откуп мужской инициативе. После недолгого разбирательства во всех тонкостях «разумного эгоизма», Лопухов искусно, хотя и мелодраматично, разрубил гордиев узел, инсценировав самоубийство, и исчез. Его побуждения исходили из той же утилитаристской теории, которая разрушила супружескую «программу» самого Чернышевского. Последний однажды намекнул Ольге Сократовне, что если он будет помехой на ее пути, то сможет последовать примеру героя Жорж Санд «Жака» и покончить с собой[1].

В ходе своей борьбы за независимость в любви Вера обнаружила, что любовь, брак и даже полноценная сексуальная жизнь недостаточны для того, чтобы сделать ее свободной женщиной. Как и большинство русских женщин этого периода, она понимала, что экономическая независимость является более существенной, нежели сексуальная свобода и равенство. «Все основано на деньгах», – говорит ее первый муж. «У кого деньги, у того власть и право» и «пока женщина живет за счет мужчины, она в зависимости от него». Жюли *Letellier*, дама легкого поведения, объясняла это иным образом: «Не тем я развращена, за что называют женщину погибшей, не тем, что было со мною, что я терпела, от чего страдала, не тем я развращена, что тело мое было предано поруганию, а тем, что я привыкла к праздности, к роскоши, не в силах жить сама собою...» Вера уже понимает это. «Я хочу быть независимой и жить по-своему», – говорит она. «Я не хочу никому поддаваться, хочу быть свободной, не хочу никому быть обязана ничем, чтобы никто не смел сказать мне: ты обязана делать для меня что-нибудь»[2].

Второй сон Веры демонстрирует ей, что труд – социальный эквивалент движения в природе, является основной жизненной силой. Частично основываясь на социалистической теории и частично на практике русских артелей, Чернышевский придумывает для нее швейную артель, которая начинает свою работу как предприятие с ограниченным участием рабочих в прибылях и трансформируется во всеохватывающую коммуну производителей и

---

[1] *Чернышевский Н.Г* Полн. собр. соч.: В 15 т. Т. 11. С. 716. Различия в способах решения проблемы любовного треугольника у Чернышевского и Жорж Санд анализируется в: *Скафтумова А*. Чернышевский и Жорж Санд // Статьи о русской литературе. Саратов, 1958. С. 203–227.

[2] *Чернышевский Н.Г.* Что делать? С. 146, 167.

потребителей в самом центре Санкт-Петербурга. Помня данные во сне обещания освободить других женщин, Вера Павловна использует работу в коммуне для того, чтобы повысить уровень самосознания своих работниц. Она делает их компаньонами, распределяет прибыли, привлекает к управлению делами и постепенно воспитывает в них чувство уверенности в своих силах, тщательно подбирая им для чтения «прогрессивную» литературу. Она является вымышленным прототипом организаторов Женотделов, которые шестьдесят лет спустя, использовали те же приемы для «повышения самосознания» женщин по всей Советской Республике. Именно здесь, среди иголок и брошюр швейной мастерской, Вера Павловна достигает того уровня сознания, которое делает ее одной из первых героинь-активисток женского освобождения в европейской художественной литературе.

Однако подобная деятельность, даже в сочетании с домашними обязанностями (выполняемыми ею при помощи прислуги!) и ее уроками, недостаточно поглощала и сублимировала ее внутренние силы и избыток личного энтузиазма. Она нуждалась в «личном деле, необходимом деле, от которого зависела бы собственная жизнь». Однако тем, она осознавала все трудности достижения женщинами высшего предназначения: «господство насилия отнимало у нее и средства к развитию, и мотивы стремиться к развитию». Уровень ее самосознания не позволял ей довольствоваться деятельностью гувернантки – работы, которой и без того было занято огромное количество женщин. Она принимает решение изучать медицину с помощью своего мужа, также как и реальная Бокова изучала ее при помощи Сеченова, до того как была исключена из академии. «Это было бы очень важно, – говорит Вера Павловна, – если бы явились, наконец, женщины-медики... Женщине гораздо легче говорить с женщиною, чем с мужчиною. Сколько предотвращалось бы тогда страданий, смертей, сколько несчастий! Надобно попытаться». Сила воли, общественное самосознание, действие – налицо еще не до конца проявившиеся черты «новой женщины». И хотя в занятиях медициной Вера Павловна не была пионеркой, а лишь следовала общей тенденции, именно ее пример вдохновил в последующие два десятилетия множество русских женщин[1].

Подход Чернышевского к проблеме женского освобождения отличался от феминистского. В сфере образования акцент делался им на индивидуальные усилия – книги, частные уроки друзей,

---

[1] *Чернышевский Н.Г.* Что делать? С. 369, 373, 377.

кружки. Никаких скандалов в университетских залах, никаких борющихся студенток, никаких петиций. Что касается благотворительности, то авторская точка зрения ясно выражена в пассаже о Полозовой – одной из второстепенных героинь романа: «Отец давал ей довольно много денег на булавки; она, как и всякая добрая женщина, помогала бедным. Но она читала и думала, и стала замечать, что такая помощь, которую оказывает она, приносит гораздо меньше пользы, чем следовало бы... Слишком много ее обманывают притворные или дрянные бедняки; ...и людям достойным помощи, эти деньги почти никогда не приносят прочной пользы»[1]. Подразумевалось, что артель будет ядром фундаментального переустройства общества, которое предоставит всем приличную работу, устранив тем самым необходимость в столь унизительной деятельности как филантропия. Однако для некоторых читателей того времени, принципиальная разница между артелью и благотворительностью в романе не была показана достаточно убедительно, так как даже в атмосфере равенства в артели в значительной степени присутствовали покровительственные отношения. Наиболее очевидно это проявилось в рассказе о выкупленной проститутке Насте Крюковой. Учение Чернышевского в схематичном виде заключается в следующем: мужчины должны прекратить быть клиентами проституток, ликвидировав тем самым рынок подобных услуг; женщины же должны помогать жертвам посредством предоставления им работы. Любая феминистка, начиная с 1860 г. и вплоть до революции, могла бы сказать (и говорила) то же самое.

Комментируя блеклость российского социального ландшафта и значимость своей героини, Чернышевский говорит о Вере Павловне как об «одной из первых женщин, жизнь которых устроилась хорошо». «Первые случаи имеют исторический интерес; а “первая ласточка” очень интересует северных жителей». Она должна стать предвестницей теплой весенней поры в человеческих взаимоотношениях, которая придет на смену суровой зимы классового угнетения и подчинения по признаку пола. Ее хорошо организованная жизнь уходит корнями в способность превращать общественную деятельность в дополнение к своей эротической жизни, уравновешивать волю и страсть. Наиболее полно это было выражено Чернышевским в словах, обращенных Верой Павловной к своему мужу, во время сцены сексуальной близости, ловко прерываемой автором: «Если человек думает “не могу”, – то и действительно он не

[1] *Чернышевский Н.Г.* Что делать? С. 443–444.

может. Женщинам натолковано: "вы слабы", – вот они и чувствуют себя слабыми, и действительно оказываются слабы». Сила Веры заключается в глубоком осознании твердости своей воли и своей способности к действию. На протяжении всего романа она пытается внушить подобное чувство и другим представительницам своего пола. Роман, таким образом, становится кроме всего прочего и демонстрацией скрытой женской силы, заманчивым призывом взять свою жизнь в собственные руки. Жизненная позиция Веры Павловны, ее высокая степень уверенности в собственных силах составили наследие нигилисток 1860-х гг., которые увидели в ней достойный образец, соединяющий в себе действие, волю и половую самоидентификацию. Это было прощальным даром Чернышевского женщинам своего поколения[1].

В свете тех дискуссий по вопросам секса и брака, которые захватили революционных потомков Чернышевского через шестьдесят лет после написания «Что делать?», следует более подробно рассмотреть взгляды Чернышевского на эти проблемы, высказанные им в разных частях романа. Некоторые из них практически не требовали пояснений, как например идеи о свободно заключаемых брачных союзах и равенства в браке, предполагающие частную жизнь и «собственную комнату»[2]. Другие же, например, его безоговорочное отрицание чувства собственности и ревности, вызвали шквал эмоций. «О грязь! о грязь! – "обладать" – кто смеет обладать человеком? Обладают халатом, туфлями. – Пустяки: почти каждый из нас, мужчин, обладает кем-нибудь из вас, наши сестры; опять пустяки: какие вы нам сестры? – вы наши лакейки! Иные из вас – многие – господствуют над нами, – это ничего: ведь многие лакеи властвуют над своими барами». Что касается ревности: «В развитом человеке не следует быть ей. Это искаженное чувство, это фальшивое чувство, это гнусное чувство, это явление того порядка вещей, по которому я никому не даю носить мое белье, курить из моего мундштука; это следствие взгляда на человека, как на мою принадлежность, как на вещь»[3].

---

[1] *Чернышевский Н.Г.* Что делать? С. 83, 370.

[2] Вера говорит Лопухову, что людям не следует жить так, как они живут «все вместе, все вместе», что «надобно видеться между собою или только по делам, или когда собираются вместе отдохнуть, повеселиться» (Там же. С. 148). Идея раздельных комнат была взята Чернышевским из своей жизни с Ольгой Сократовной, которая и предложила ее (*Плеханов Г.В.* Н.Г.Чернышевский. СПб., 1910. С. 72).

[3] *Чернышевский Н.Г.* Что делать? С. 68–69, 326–327.

Таким образом, развод или раздельное проживание не только допустимы, но и необходимы в сексуальных отношениях по Чернышевскому. Если две половинки союза «не подходят» друг другу, то в этом случае не должно быть ни упреков, ни обвинений, ни каких-либо попыток изуродовать личность одного, переделывая ее на лад другого. Без тени сомнения Чернышевский сообщает своему читателю, что «секрет» прочного и любящего союза заключается в понимании обоими его членами, что каждый из них волен «в любой момент» уйти без сожаления или злобы, как только разрушаются свободные узы любви. Только лишь при наличии детей, считает он, родителям следует приложить все усилия для того, чтобы предотвратить разрыв, если он будет иметь пагубные последствия для детей[1]. Подобные рассуждения, а также жизнеописания его литературных персонажей не оставляют сомнения в том, что Чернышевский рассматривал развод как исключение, как необходимую дорогу к отступлению для тех, кто сошелся вместе по ошибке. Но развод или любой его нигилистский эквивалент не должен быть понят как удобство повседневной жизни, которым можно неоднократно пользоваться для удовлетворения своих сексуальных потребностей.

Как же насчет самого секса? Игнорировал ли его Чернышевский, как нас убеждают в некоторых комментариях и неполных переводах?[2] Был ли пуританином Рахметов, избегавший вина и женщин, *alter ego* Чернышевского? Вряд ли это так. Автор не просто высказывается против «ненормального вожделения» и плотского обладания без любви; но уравновешивает этот тезис весьма высокой оценкой любовного эротизма, чувственности. Впервые эта оценка нашла свое отражение в описании того, как бывшая проститутка Крюкова впервые достигает состояния сексуального пробуждения в руках любящего Кирсанова. Своего апогея эта оценка эротизма достигает в ликующем описании Верой Павловной сексуального экстаза как акта любви: «Сила ощущения соразмерна тому, из какой глубины организма оно поднимается. Если оно возбуждается исключительно внешним предметом, внешним поводом, оно мимолетно и охватывает только одну свою частную сторону

[1] *Чернышевский Н.Г.* Что делать? С. 342, 385. Писарев считал что, официальный развод был абсолютно неприемлем для людей нового поколения, вследствие унизительности его характера (*Писарев Д.И.* Сочинения: В 6 т. СПб., 1894. Т. 4. С. 38).

[2] Так, например, опущены все эротические сцены в издании: What Is To Be Done? Tales About New People / tr. Benjamin Tucker, rev. and abr. Ludmilla B. Turkevich. N.Y., 1961.

жизни. Кто пьет только потому, что ему подносят стакан, тот мало смыслит вкус в вине, оно слишком мало доставляет ему удовольствия. Наслаждение уже гораздо сильнее, когда корень его в воображении, когда воображение ищет предмета и повода к наслаждению. Тут кровь волнуется уже гораздо сильнее, и уже заметна некоторая теплота в ней, дающая впечатлению гораздо больше неги. Но это еще очень слабо сравнительно с тем, когда корень отношений, соединенных с наслаждением, находится в самой глубине нравственной жизни. Тут возбуждение проникает всю нервную систему, волнует ее долго и чрезвычайно сильно»[1].

Чернышевский увязывал идею чувственной любви с различными аспектами общественной нравственности, по сути используя термины Фурье. «Без предшествующего труда, – говорит Лопухов, – развлечение, отдых, забава, веселье не имеют реальности». И то же в другом месте: «У человека, проводящего жизнь как должно, время разделяется на три части: труд, наслаждение и отдых или развлечение». Эта идея наиболее полно реализована в виде прекрасной коммуны из четвертого сна Веры и ее футуристических видений золотых полей; плодородных долин, рабочих, поющих в лучах солнца, и возвращающихся в свои стеклянные и хрустальные общественые жилища, чтобы получить щедрое угощение, приготовленное детьми и стариками. Тяжелая работа подготовила их для более острого восприятия удовольствия. И здесь спутница Веры, отныне «прекрасная царица», «Богиня Равенства Полов» говорит голосом Эроса: «Я царствую здесь. Здесь все для меня! Труд – заготовление свежести чувств и сил для меня, веселья – приготовление ко мне, отдых после меня. Здесь я – цель жизни, здесь я – вся жизнь»[2].

Таким образом, у Чернышевского мы находим нравственное обоснование не только сексуальной свободы, равенства и изменчивости любви, но и главенства секса. Даже В.Ленин, искренне восхищавшийся Чернышевским, должен был признать, что автор «Что делать?» уделял больше внимания, чем необходимо обсуждению тех вопросов, которые, по мнению Ленина, и так слишком долго находились на переднем плане. По сути дела, основные идеи Чернышевского незначительно отличались от тех, которые высказала позднее Александра Коллонтай, чьи работы в 1920-х гг. навлекли на нее гнев ленинцев. Между тем, ни Чернышев-

[1] *Чернышевский Н.Г.* Что делать? С. 239, 390.

[2] Там же. С. 186, 338, 410.

ский, ни Коллонтай не занимали крайне левых, экстремистских позиций в вопросах секса. Чернышевский и не помышлял о том, чтобы позволить супружеским парам коммунаров из четвертого сна Веры покинуть свои супружеские альковы только для того, чтобы сменить партнеров[1].

Однако весьма трудно провести границу между промискуитетом и свободой развода. Так же как Герцен, Михайлов и другие его предшественники, Чернышевский, настаивая на свободе в любви, и одновременно восхваляя радости продолжительного союза, не поставил точки в решении этой проблемы. Иначе быть и не могло, и Чернышевский знал это. Он писал для «новых людей», наделенных реализмом, «разумным эгоизмом» и «правильными» моральными установками. Что касается развращенного большинства, то никакая программа, моральное кредо или роман не смогли бы указать им путь к новым сексуальным отношениям. Так это и оказалось – ни искусственно удерживаемая в дореволюционном обществе моногамия, ни терпимая атмосфера постреволюционной России, не смогли свести воедино и удержать вместе то, что несовместимо по законам психологии.

Реакция на роман была незамедлительной и категоричной. Консервативный писатель Федор Толстой, сотрудничавший с «Северной пчелой», обвинил Чернышевского в том, что тот выступил в «поддержку и за соблазнение продавщиц и проституток, устранив все препятствия, и, предоставив им право принимать любовников в своих комнатах». Аскоченский в «Домашней беседе» предлагал поместить героев Чернышевского в работный дом, где скудное питание и тяжелый труд помогут им позабыть их глупые эмансипационные идеи. Консервативный священник Н.Соловьев использовал свою рецензию на «Что делать?» для нападок на саму идею женской эмансипации в России, включая и высшее женское образование. Наибольшее беспокойство у него вызвала нравственная распущенность «современных» женщин, которые, как он утверждал, пропитались пагубной идеей Жорж Санд о праве женщин на такую же сексуальную свободу, как и мужчины. Соловьев утверждал, что роман Чернышевского «Что делать?» проповедовал тот вид «свободной любви», который трудно отличить от проституции, а также «унижение прекрасной женской природы при помощи ловких теоретических положений». Из общей направленности романа он заключил, что Вера Павловна влюбится в Рахметова, а затем будет сожительствовать

[1] Взгляды Ленина и Коллонтай см. в Главе VIII.

со всеми тремя ее поклонниками и что философия автора это допускает[1].

Одна из наиболее резких критических оценок содержалась в небольшом трактате, озаглавленном «Что делали в романе “Что делать?”», написанном в 1870-х гг. профессором Одесского университета Цитовичем. Желая преднамеренно исказить и дискредитировать смысл книги, посредством сомнительных толкований российских законов, Цитович обвинил героев романа в таких преступлениях как совершение похищения, в двоемужии, в сводничестве и, помимо всего прочего, во внебрачных связях. Его резкие суждения, включая оскорбительные замечания в адрес героини, были направлены на критику якобы дарвиновского духа романа. Выбор Верой Павловной Кирсанова вместо Лопухова был, по его мнению, ни чем иным как механическим актом полового отбора – человеческим вариантом поведения животных, описанного в «Происхождении видов»[2]. В особенности Цитович был обеспокоен тем фактом, что каждая школьница и каждая студентка хорошо знала книгу и «считалась дурой, если бы не ознакомилась с похождениями Веры Павловны». Из этого, без сомнения, верного наблюдения, он заключал, что женщины-подсудимые недавних политических процессов – это и есть воплощенные героини книги Чернышевского[3].

Консерваторы единодушно приписывали роману открытую пропаганду сексуальной распущенности. Понятие «свободная любовь», которое также использовалось во всем западном мире в качестве аргумента против эмансипации, определялось здесь как абсолютный промискуитет. Однако, конечно же, ни «свобода сердца» Жорж Санд, ни версия свободной любви по Чернышевскому не имели с этим ничего общего. В их понимании это означало, что молодой женщине должно быть позволено следовать своим романтическим (а не просто физическим) влечениям, включая, если это необходимо, и уход от одного мужчины к другому. Отношения вступающих в любовную связь людей должны сопровождаться такими же, если не большими, обязательствами, как узы законного брака. Свобода может быть лишь следствием любви. Даже Анфантен ограничивал полигамное

---

[1] Первые две рецензии охарактеризованы редактором издания: *Чернышевский Н.Г.* Полн. собр. соч.: В 15 т. Т. 11. С. 707; Соловьев Н. Женщинам // Эпоха. 1864. Дек. С. 15–24.

[2] Страхов с большей долей справедливости заметил, что вряд ли между Лопуховым и Кирсановым есть какие-либо различия. См.: «Счастливые люди» (1865). Переиздание в: Из истории литературного нигилизма. СПб., 1890.

[3] *Цитович П.* Что делали в романе «Что делать?». Одесса, 1879. С. iv–vii, 6, 19, 39, 53.

поведение своих «донжуанских» типов. Однако большинство консерваторов не могли или просто не хотели учитывать это обстоятельство. Как отмечал Плеханов несколько лет спустя, циничные мракобесы хорошо поняли настоящую мораль романа, которая представляла угрозу их филистерскому образу жизни тайных любовных связей и «будуарных похождений». Таким образом, отождествление моральных постулатов «Что делать?» с наихудшим видом разврата и плотской разнузданности стало отличительным признаком антинигилистского критицизма в последующие десятилетия[1].

В «прогрессивном» же лагере отзывы на роман в большинстве своем были благоприятными. В своей наиболее влиятельной работе, «Мыслящий пролетариат», Писарев радушно принял героев Чернышевского в мир русской литературы, восхваляя Веру Павловну как «новую женщину». Он защищал героев романа от обвинений в аморальности, противопоставляя этим нападкам их благородное поведение по отношению к Сторешникову – обычному хаму, похотливо мечтающему соблазнить Веру. Между тем, Шелгунов был не так восторжен. Он рассматривал Веру Павловну как неразвитую женщину, как промежуточный тип, все еще находящуюся подобно героиням Тургенева и Жорж Санд в утонченной атмосфере любви и приученную, в отличие от «новой женщины», к любви, а не к работе. Несмотря на то, что Шелгунов сам был одним из реальных прототипов романа, он нашел недостатки и в «рыцарских взаимоотношениях» его главных героев. «Даже наши лучшие люди еще не способны избавиться от своих лживых отношений с женщинами...» Среди же простых людей, считал он, существуют и простые желания, основанные на физиологии, а не на возвышенной и чрезмерно «женственной атмосфере» этой книги[2].

Между тем, в подавляющем своем большинстве молодые радикалы и нигилисты разделяли мнение Писарева. Скабичевский вспоминает воздействие, которое оказал на его кружок роман Чернышевского: «Мы читали роман, чуть ли не коленнопреклоненно, с таким благочестием, которое не допускает ни малейшей улыбки на устах, с каким читают богослужебные книги. Влияние романа было колоссально на наше общество. Он сыграл великую роль в русской жизни, всю передовую интеллигенцию направив на путь

---

[1] Прочитав книгу, князь Одоевский воскликнул: «Но чем эта promiscuita des femmes может привлечь молодых людей?» Дневник В.Ф.Одоевского, 1858–1869 // Литературное наследство. 1935. XXII–XXIV. С. 79–308, 176–178.

[2] *Писарев Д. И.* Сочинения: В 6 т. СПб., 1894. Т. 4. С. 7–49; рецензию 1865 г. Шелгунова см.: Шестидесятые годы: Материалы по истории литературы и общественному движению. М.–Л., 1940. С. 173–186.

социализма, низведя его из заоблачных мечтаний к современной злобе дня, указав на него как на главную цель, к которой обязан стремиться каждый». Водовозова вспоминала как дворянство, возвратившись осенью 1863 г. со своих летних дач, было встречено повсеместными дискуссиями о романе «Что делать?» Молодые девушки были готовы заплатить до 25 рублей за подшивку «Современника», в котором был напечатан роман. И хотя большинство его идей были уже достаточно распространенными, писала Водовозова, их синтез в литературном произведении открывал людям глаза и «дал мощный толчок интеллектуальному и нравственному развитию российского общества». Много лет спустя, историк литературы Овсянико-Куликовский заметил, что «Вера Павловна символизировала женское движение 1860-х годов; и что в ее устремлениях и предприимчивости отразился тот уровень, которого женский вопрос достиг к этому времени»[1].

Когда Чернышевского в 1864 г. вели из Петропавловской крепости на место его гражданской казни, две молодые женщины, одна из которых была сестрой Людмилы Шелгуновой, бросили ему под ноги букет цветов[2] . Это проявление признательности и восхищения символизировало веру многих русских женщин 1860-х гг. в то, что он указал им «правильный путь» к будущему освобождению. Разрабатываемые Чернышевским темы и методы борьбы уже были известны молодому поколению, однако он предложил исчерпывающий набор ответов на современные «жгучие вопросы». Даже Шелгунов признал, что Чернышевский в «Что делать?» не создавал, а изображал жизнь. То, что Сергей Аксаков, Гончаров и Тургенев сделали для описания этоса дореформенного дворянства, Чернышевский сделал для будущих разрушителей данного этоса. Герцен, хотя и не был в это время (1866) большим поклонником Чернышевского, отметил его и Михайлова как тех, кто внес наибольший вклад в дело освобождения женщин от унизительного ига семьи[3].

---

[1] Скабичевский цит. по: *Богданович Т.А.* Любовь людей шестидесятых годов. С. 16—17; *Водолазова Е.Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 216—228; *Овсянико-Куликовский Д.Н.* История русской интеллигенции: В 2 т. 2-е издание. М., 1907—1908. Т. 2. С. 130. Даже Куропаткин, ставший позже военным министром, вспоминал, что роман «был прочитан и перечитан... разрешение Лопухиным [sic!] женского вопроса в отношении Веры Павловны восхитило нас» (*Книжник-Ветров И.С.* Русские деятельницы первого Интернационала и Парижской Коммуны. С. 22).

[2] *Лемке М.* Политические процессы в России 1860 гг. М.–Л., 1923. С. 495.

[3] *Шелгунов Н.В.* Сочинения: В 3 т. СПб., 1904. Т. 2. С. 663; замечание Герцена цит. по: *Стеклов Ю.М.* Чернышевский Н.Г.: Его жизнь и деятельность, 1828–1889: В 2 т. М.–Л., 1928. Т. 1. С. 206.

2. Нигилизм и женщины

Рискуя вызвать возражения со стороны специалистов по культурной антропологии, я полагаю, что концепцию этничности не следует использовать только по отношению к национальным, региональным или лингвистическим группам; она может применяться и к любой другой категории людей, образующих определенное культурное сообщество, имеющее четко выраженные границы в окружающем мире. Действительно, применительно к сообществам с гомогенной культурой – политической, социальной или религиозной – данная концепция может иметь гораздо большее значение, чем когда она используется для концептуализации таких сложных категорий как «евреи», «южноафриканцы» или «ирландские католики». Понятие «нигилисты» долгое время использовалось как их сторонниками, так и критиками для обозначения многочисленной, но неоднородной группы русских, возникшей в конце 1850-х – начале 1860-х гг. и породившей радикальное течение – нигилизм. Было предпринято множество попыток дать определение русскому нигилизму, но, я считаю, наиболее близко к истине подошел Николай Страхов, когда сказал, что «нигилизм, по нашему мнению, едва ли существует, хотя нет никакого сомнения, что существуют нигилисты»[1]. Нигилизм являлся не столько сводом убеждений и официальных программ (подобно народничеству, либерализму, марксизму), сколько совокупностью воззрений и общих ценностей, а также определенным образом жизни – манерой поведения, стилем в одежде, образцом дружбы. Короче говоря, он был этосом.

Происхождение термина «нигилистка» также трудно проследить, как и слова «нигилист». Несомненно одно – оно являлось производным от слова мужского рода, войдя вслед за ним в повседневный язык. Однако как нигилисты существовали до популяризации этого слова в романе И.Тургенева «Отцы и дети», так и женщины-нигилистки появились задолго до того, как они были высмеяны в образе Кукшиной в том же романе. Несмотря на то, что это слово и прежде использовалось в русской публицистике[2], именно в 1860-х гг. оно приобрело привычное нам значение. «В те дни национального возрождения, – писала Елизавета Водовозова, типичная представительница поколения 1860-х гг., – молодой интеллигенцией двигала пылкая вера, но не огульное отрица-

[1] Из истории литературного нигилизма. СПб., 1890. С. 201.

[2] В 1858 г. профессор Берви использовал слово «нигилист» для обозначения скептика. *Добролюбов Н.А.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1961–1964. Т. 2. С. 332.

ние»[1]. Для многих молодых женщин 1860-х гг., стесненных реальными или вымышленными общественными ограничениями и недовольных темпом развития феминизма, философские положения и общественные воззрения нигилистов были весьма привлекательными. Казалось, лишь они могли воплотить в жизнь грандиозные идеи равенства и социальной справедливости, которые проповедовали публицисты предшествующих лет.

Лев Дейч, известный революционер и пионер русского марксизма, заметил следующее: «Отрицая устаревшие обычаи, восставая против неразумных взглядов, понятий, предрассудков, не признавая авторитетов и т. д., нигилизм прокладывал ***путь*** идее о равенстве всех без различия людей. Ему, между прочим, Россия обязана тем общеизвестным замечательным фактом, что в нашей малокультурной стране женщины, стали раньше, чем в самых цивилизованных государствах, стремиться к высшему образованию, а затем и к равенству в правах с мужчинами – факт, который уже [в 1926 г.] имел огромное значение, а в будущем, вероятно, сыграет еще большую роль в судьбах нашей родины, да, быть может, и всего цивилизованного мира».

«Идея о равенстве всех без различия людей» являлась тем магнитом, который притягивал в «нигилистский» лагерь большое количество молодых женщин-идеалисток. Когда стало ясно, что нигилизм – единственное интеллектуальное течение, которое предусматривает идею эмансипации женщин, тогда и был открыт путь к совместному участию в движении представителей обоих полов[2].

Хотя нигилистки различались по возрасту и внешнему облику, их точка зрения на проблему прав женщин была единой и отличалась от феминисткой. Если феминистки хотели изменить лишь некоторые стороны этого мира, то нигилистки желали изменить весь мир, причем необязательно политическими способами. Демонстрация их воли и энергии была более заметна; а их отношение к благотворительности было таким же, как у Торо – лучше быть хорошим, чем делать хорошее[3]. Феминистки стремились к умеренному улучшению положения женщин, особенно в сфере образования, а также к созданию возможностей устройства

[1] *Водовозова Е.Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 38.

[2] *Дейч Л.* Роль евреев в русском революционном движении. М.–Пг., 1926. С. 17; см. также: *Писарев Д.И.* Реалисты // *Писарев Д.И.* Сочинения: В 6 т. СПб., 1894. Т. 3. С. 7–138.

[3] Сравнение с Торо было проведено Екатериной Юнге: *Юнге Е.* Из моих воспоминаний, 1843–1860 // Вестник Европы. 1905. XL. С. 265.

их на работу, полагая, что при распространении этих мер повысится и роль женщин в семье. Нигилистки же настаивали на полном освобождении от ига семьи (как дочерей, так и жен), свободе в заключении браков, сексуальном равенстве – короче говоря, на личной эмансипации, а хорошее образование и работа являлись ее естественными следствиями. И хотя нигилистки стремились к продолжению образования, они предпочитали получать его за границей, а не участвовать в медленно развивающейся борьбе за высшее образование в самой России. Полное освобождение женщин, которое феминистки рассматривали как неясную перспективу, для нигилисток представлялось близкой и вполне осуществимой задачей. В этом и заключается одна из причин того, что поведение нигилисток как в частной, так и в общественной жизни было нестандартным и более впечатляющим, чем поведение феминисток.

Мировоззрение нигилисток отличалось от мировоззрения радикалок, о которых мы будем говорить в следующей главе. Это отличие носит слегка искусственный характер, так как на деле многие нигилистки 1860-х гг. принимали участие в радикальной деятельности. В то же время политический радикализм как таковой не был необходимым условием для выбора «нигилистского» способа решения женского вопроса. Виды протеста нигилистов сами по себе не означали революционного взгляда на жизнь. Хотя некоторых нигилистов обоих полов и привлекали взгляды радикалов на социальные и сексуальные проблемы, но крайний индивидуализм удерживал их от принятия радикальной идеологии и политических методов борьбы. Подобно европейским бунтарям-одиночкам начала XIX в., выступавшим за сексуальную свободу, многие нигилистки избегали любых организованных движений, феминистских или же радикальных. Их «ориентированность на самих себя» находилась в противоречии с моральными принципами подпольной деятельности[1]. «Внутренний бунт» и личностная самоидентификация были достаточными для них, поэтому они сторонились революционных кружков из-за опасения быть неправильно понятыми или просто из-за неприязни.

---

[1] *Celestine W.* Woman Power: The Movement for Women's Liberation. N.Y., 1970. P. 12. Исследовательница использовала это понятие для описания взглядов, имевших отношения к политике участниц освободительного женского движения 1960-х гг. в Америке. В начале 1860-х гг. некоторые москвички определяли «нигилисток» следующим образом: те, которые поклоняются прогрессу и социализму (теоретически), и кто глумится над религией, обычаями и условностями; те, кто заняты исключительно изучением точных наук; а также политические радикалки (*Карпович О.* Развитие женского труда в Петербурге. СПб., 1865. С. 109–111).

Сексуально свободное поведение женщины, не говоря уже о мужчине, никогда не было показателем их политической «современности».

Трудно сказать точно, когда жители Санкт-Петербурга стали использовать слово «нигилистка» для обозначения прогрессивной, передовой или образованной женщины. Мы можем быть уверены только в том, что после публикации «Отцов и детей» образ «нигилистки» (сам Тургенев не употреблял это слово) прочно утвердился в общественном сознании. Много написано об отношении Тургенева к своему герою, нигилисту Базарову; в то же время нет никаких сомнений в том, что Евдокия Кукшина являлась отнюдь не лестной карикатурой на нигилисток. Своим поведением и взглядами она превзошла саму нелепость. Ее курение, неряшливое платье, бесцеремонные манеры в сочетании с поверхностным увлечением химией – все это было данью моде. На вопрос, почему она хочет ехать в Гейдельберг, прозвучал ее веселый ответ: «Помилуйте, там Бунзен!» Она ставит себя выше Жорж Санд («отсталой женщины, не знающей ничего ни о воспитании, ни об эмбриологии»), поносит Прудона, и восторгается «Любовью» Мишле[1] .

Достоевский назвал Кукшину «прогрессивной вошью, которую Тургенев вычесал из русской реальности». Писарев отмечал, что ее двойники в реальной жизни были не «нигилистками», а «лже-нигилистками» и «лже-*emancipees*». Однако радикальный критик Антонович разнес роман в «Современнике» и ругал автора за его несправедливое изображение современных женщин. Сознавая, что карикатурный образ Кукшиной может быть использован как орудие для насмешки над всеми передовыми женщинами, он заявил, что какими бы смешными и незрелыми не казались бы прогрессивные женщины, обычные представительницы высших классов выглядят еще более нелепо. «Лучше выставить напоказ книгу, нежели юбку», – писал он. «Лучше кокетничать с наукой, чем со щеголем. Лучше показать себя в выгодном свете в лекционном зале, чем на балу»[2].

---

[1] Fathers and Childrens. R.Hare. N.Y., 1957. P. 75–79. Фамилия «Кукшина», так же как и фамилия ее недалекого друга Ситникова, использовались как термины в политической полемике 1905 г. такими разными людьми как Милюков и Плеханов для обозначения нахальных, «недозрелых» радикалов (*Милюков П.Н.* Год борьбы: Публицистическая хроника. 1905–1906. СПб., 1907. С. 466–471).

[2] *Dostoevsky M.F.* Winter Notes on Summer Impressions / Tr. by R.Renfield. N. Y., 1955. P. 68; *Писарев Д.И.* Базаров // *Писарев Д.И.* Сочинения: В 6 т. Т. 1. С. 7–50; Асмодеи нашего времени // Современник. 1862. Март. XCII. С. 65–114.

Нигилистский взгляд на женщин еще более четко выкристаллизовался в следующем году в ходе дискуссии о сатирической антинигилистской пьесе «Слово и дело», написанной Устряловым. Ее герой – суровый, непреклонный и совершенно неромантичный; его кредо – «верить в то, что я знаю, признавать то, что вижу, и уважать то, что приносит пользу». Как и Базаров, он презирает любовь, но покорен обычной молодой девицей. Подобная буффонада подтолкнула Андрея Гиероглифова, члена кружка Писарева, поставить вопрос ребром в работе «Любовь и нигилизм», написанной как раз тогда, когда Чернышевский заканчивал свой роман, и в значительной степени основанной на «Метафизике половой любви» Шопенгауэра. Гиероглифов предложил радикальное, антиидеалистическое толкование любви, пробуждения инстинкта воспроизводства, как бы наивно это не выглядело. Идя вслед за Чернышевским, он настаивал на том, что любовь не должна рассматриваться как исключительно личное и индивидуальное желание. В любви «воля отдельного человека превращается в агенцию рода» и «в этом нисколько не участвует личная воля человека». Все браки и чувства, сопровождающие их, основываются на природной необходимости продолжить род. Может ли нигилист любить? Да, отвечает Гиероглифов, «так как разум не отрицает чувство»; однако нигилист должен признать родство любви и природы. Какую женщину может он полюбить? Не куклу и не игрушку, считает он, но женщину, наделенную знанием, которая отвергает все архаичное, пассивное и бессильное, признавая новое, созидательное и действенное. «Тогда наступит полное соответствие и гармония между мужчинами и женщинами нового поколения. Без этого невозможно достичь общего счастья, которого требует сама природа»[1].

Одной из наиболее интересных и примечательных черт нигилистки являлся ее внешний вид. Отбросив «муслин, ленты, перья, зонтики от солнца и цветы», типичная девушка нигилистских убеждений носила в 1860-х гг. простое темное шерстяное платье, украшенное лишь белыми манжетами и воротником, которое свободно и прямо ниспадало, сужаясь в талии. Волосы были коротко подстрижены и ровно уложены, зачастую допускались и затемненные очки. «Революция в одежде» была частью

[1] *Гиероглифов А.* Любовь и нигилизм // Русское слово. 1863. Янв. С. 25–44. Глава о половой любви из книги Шопенгауэра «Мир как воля и представление» (1818) появилась в следующем году в русском переводе: *Шопенгауэр А.* Метафизика любви. СПб., 1864.

отказа нигилистки от образа «кисейной барышни», этого изнеженного и беспомощного создания, которое готовили только к ловле выгодного жениха и которое обучалось в школе носить *decolletee*, прежде чем у него появлялось то, что можно было бы обнажить. Эти, по выражению Ковалевской, «воздушные барышни» в тарлатановых платьях и нелепых кринолинах украшали себя драгоценностями и укладывали волосы в «очаровательные» и «женственные» прически. Такой портняжный этос, требующий долгих часов на убранство волос и прихорашивание, элегантно подчеркивал то, что ценилось в обществе: неспособность дам к работе и пресную, пассивную женственность. Отказ нигилистки от всех женских ухищрений сочетался с ее стремлением действовать и быть полезной, а также с ее отвращением к каждодневному существованию в качестве «ненужной женщины»[1].

К тому же нигилистки также отказывались от того, чтобы выступать исключительно в роли пассивного сексуального объекта. Длинные роскошные волосы и объемные кринолины, столь очевидно намекающие на способность к деторождению, несомненно, являлись составными женского инструментария обольщения. Обычными результатами этой тактики была любовная история, ухаживание и брак, с последующими за ним годами унылой скуки и домашней тирании. Ведущий к рабству механизм обольщения с помощью женских прелестей был отброшен новой женщиной, чьи нигилистские убеждения учили ее тому, что она должна строить свою жизнь скорее при помощи знаний и деятельности, чем женских ухищрений. Проявления дефеминизации во внешнем облике нигилисток были связаны с бессознательным стремлением быть похожим на мужчин. Производный от мужского стиль девушки-нигилистки – короткие волосы, сигареты, простые одежды – был искусственно мальчишеским. Это, в сочетании с интересом к академическим знаниям и «серьезным» материям, вело к ослаблению видимых контрастов между полами и выражало сокровенное желание нигилисток смягчить острые социальные и культурные различия между мужчинами и женщинами.

Помимо нового костюма, нигилистка 1860-х гг. и идентифицировала себя по-новому. Слащавый романтизм и сентимен-

[1] Цит. по: *Tolstoy L.N.* Anna Karenina / Jr.R.Edmonds. Harmondsworth, Middlesex, 1954. P. 225. О многочисленных описаниях подобного наряда см.: *Водовозова Е.Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 40; *Стасов В.В.* Указ. соч. С. 58; *Кони А.Ф.* Петербург // Воспоминания о писателях. Л., 1963. С. 65–66; *Давыдов Н.В.* Женщина перед уголовным судом. М., 1906. С. 6; *Ковалевская С.В.* Воспоминания. С. 82.

тальность исчезли. Она осознала, что настоящая личностная автономия требует психологической независимости, а не просто полного отделения от мужчины. Для утверждения своей индивидуальности она в большей степени, нежели мужчина, нуждалась в ее обосновании, выработке своего «пути». Она отвергала рыцарское поведение или нежное внимание к себе со стороны мужчин, так как хотела, чтобы ее воспринимали прежде всего как человека, а не просто как женщину, и потому зачастую казалась грубой. Это объясняет причины, по которым девушка-нигилистка стригла или прятала свои прелестные волосы под шляпкой и скрывала глаза за темными очками. Казалось, она говорила мужчинам: «Цените нас как своих товарищей и помощников в жизни, как равных вам, как тех, с кем вы можете просто и откровенно поговорить».

Ее новая позиция четко отразилась и в ее социальном поведении. Типичная нигилистка, как и ее товарищ-мужчина, отвергала общепринятое лицемерие межличностных отношений и была склонна к прямоте, доходящей до грубости, не заботилась об обычных любезностях, а зачастую и об опрятности[1]. Настойчивое требование равенства полов заставило мужчин нового поколения выбросить за борт балласт рыцарства и стилизованной галантности. Как заметил один из знакомых Кропоткина, отныне мужчины не встают, когда в комнату входит женщина, но мчатся через весь город, чтобы помочь девушке в ее занятиях. Новая женщина страстно желала того, чтобы ее уважали за ее знания, а не за размер ее бюста или объем юбок[2].

Костюмы и обычаи новой культуры примерялись, иногда только на время, столькими чудаками и модниками, что зачастую было трудно отличить нигилиста от позера. В 1870-х гг. понятием «нигилист» так же беспорядочно разбрасывались, как и в 1880-х гг.,

---

[1] Не только небрежный костюм, но зачастую и откровенная грязь, отмечались современниками как отличительные черты нигилистов и были присущи не только мужчинам, но даже в большей степени женщинам. И это не удивительно, так как в развивающейся с начала XIX в. и берущей свою начало в богемных кругах традиции презрительного отношения к условностям любого времени (включая и собственное), опрятность и чистота рассматривались как часть лицемерия буржуазии. О типичной русской реакции на это см.: Дневник князя Одоевского // Литературное наследство. 1935. XXII–XXIV. С. 211.

[2] *Kropotkin P.A.* Memoirs of a Revolutionist. N. Y., 1962. P. 197. В четвертом сне Веры Павловны Прекрасная Царица во всех подробностях объясняет необходимость равенства, уважения к личности и несущественность физической красоты, а также омерзительность лицемерия (*Чернышевский Н.Г.* Что делать? С. 391–411).

когда оно станет синонимом террориста. Лесков, к примеру, сообщал в 1863 г., что под нигилистками понимались «стриженые барышни, выходящие замуж при первом удобном случае»[1]. Как и большинство подобных терминов, термин «нигилист» употреблялся вольно, менял свое значение и служил нескольким целям – в большинстве своем уничижительным. Нигилисткой, в зависимости от точки зрения, могла быть и слушательница лекций в университете, и девушка с коротко стриженными волосами, и взрослая женщина с «передовыми» идеями (независимо от того, понимала она их или нет) или же добровольный член одного из феминистских или благотворительных обществ.

Роман «Что делать?» предлагал женщине 1860-х гг. не только новый образ, но также и определенные способы освобождения, в частности, фиктивный брак как путь к свободе и артель-коммуну как вариант общественной деятельности. Несмотря на то, что оба эти явления существовали и до написания романа, сфера их применения расширилась с выходом романа в свет и в связи с ростом семейных конфликтов, которые создали их социальную базу. Великий раскол между сыновьями и отцами, привлекший к себе значительное внимание ученых, оказал свое воздействие и на дочерей, которые по меткому, хотя и упрощенному выражению Писарева, включились в «борьбу между Домостроем и девятнадцатым веком». Нет сомнений в том, что в среде дворянства произошел настоящий семейный переворот. «Девушки, получившие аристократическое воспитание, – писал Кропоткин, – приезжали без копейки в Петербург, Москву и Киев, чтобы научиться делу, которое могло бы их освободить от неволи в родительском доме, а впоследствии, может быть, и от мужского ярма». Софья Ковалевская, сама освободившаяся таким образом, вспоминала это явление: «Детьми, особенно девушками, овладела в то время словно эпидемия какая-то – убегать из родительского дома... из других мест уже приходили слухи: то у того, то у другого помещика убежала дочь, которая за границу – учиться, которая в Петербург – к “нигилистам”»[2].

Злоключения сестер Ковалевских дают представление о идеях и настроениях, того времени, которые смущали умы молодых дам высшего сословия. Сестра Софьи, Анна Корвин-Крюковская, выросла в идиллии сельского поместья, далеко от «течения новых

---

[1] *Лесков Н.С.* Собрание сочинений: В 11 т. М., 1956–1958. Т. 10. С. 21.

[2] *Писарев Д.И.* Сочинения: В 6 т. СПб., 1894. Т. 1. С. 104; *Kropotkin P.A.* Memoirs of a Revolutionist. P. 198; *Ковалевская С.В.* Воспоминания детства. Нигилистка. М., 1960. С. 68. Другие наблюдения см.: *Водовозова Е.Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 221–222, а также *Шелгунов Н.В.* Сочинения: В 3 т. СПб., 1904. Т. 2. С. 667.

событий». Избалованная и изнеженная, она росла подобно «вольному казаку», не обремененная никакими идеями, за исключением недолгого подросткового увлечения религиозным мистицизмом. Между тем, летом 1862 г., когда ей было девятнадцать лет, сын сельского священника приехавший из Петербурга отдохнуть от своих научных изысканий, познакомил ее с «материалистскими» теориями Дарвина и Сеченова, а также с «толстыми» журналами. Анюта преобразилась. Она облачилась в черное платье, зачесала волосы под сетку, и принялась за обучение сельских детей, отказавшись от балов и заполнив комнату атрибутами своих научных занятий. После того, как ее отец, суровый генерал, начальник петербургского Арсенала, отказал ей в просьбе разрешить изучать медицину в столице, она прибегла к обману и, в конце концов, после титанической борьбы со своей семьей, получила свободу[1].

Детство Софьи Ковалевской было настолько же несчастливым, насколько беззаботным было детство ее сестры. Недостаток любви со стороны родителей, ощущавшийся ею в раннем детстве, стал причиной ее последующих психологических проблем. Болезненная зависть к сестре нашла свое выражение во всепоглощающей любви к щенкам и в сексуальном желании, которое проявлялось в образе трехногого человека, преследовавшего ее в снах. Находясь под нигилистским обаянием Анюты, к восемнадцати годам она обнаружила в себе всепоглощающую страсть к математике. С одним из знакомых сестры они тайно подготовили план, дабы заполучить для Анюты «фиктивного» мужа, который увез бы их всех в Европу. Их первый кандидат – сам Сеченов, ответил отказом по настоянию своей «жены» Боковой, которая отвергла этот проект, несмотря на свою репутацию изобретательницы «фиктивных браков». В качестве «брата» (кодовое слово для обозначения фиктивного мужа) выступил Владимир Ковалевский, который согласился жениться, но не на Анюте, а на Соне. Последняя сожалела о том, «что брат – не магометанин», который мог бы жениться на обеих. В соответствии с законами чести, Ковалевский согласился на условие, что не будет настаивать на своих супружеских правах. Несмотря на упорные возражения со стороны семьи, бракосочетание состоялось в 1868 г. Оба супруга торопились за границу, чтобы там сделать свои собственные карьеры в литературе и науке. Соня и ее муж оставались друзьями до смерти ее

---

[1] *Ковалевская С.В.* Воспоминания детства. Нигилистка. С. 67–72; *Книжник-Ветров И.С.* Русские деятельницы первого Интернационала и Парижской Коммуны. С. 138–147.

обожаемого отца, и только после этого они перешли к полноценным супружеским отношениям[1].

Иным примером являлась судьба Анны Евреиновой (1844–1919). Несмотря на то, что Анна была дочерью высокопоставленного чиновника – коменданта Павловска, она с детства испытывала отвращение к балам, нарядам и отказывалась становиться «дамой гостиных». Тщательно оберегаемая своим властным отцом от «излишней» учености, которую тот ненавидел, она, по возвращении домой с ненавистных празднеств, при свете свечи изучала классические языки. Анна также пыталась найти фиктивного мужа, о чем сообщала своему двоюродному брату: «Мы ищем людей, подобно нам горячо преданных делу, которых принципы были бы тождественны с нашими, которые не женились бы на нас, а освободили бы, сознавая, что мы необходимы, будучи полезны в настоящей обстановке». Так никого и не найдя, она незаконно пересекла границу, и после нескольких лет обучения в Лейпцигском университете стала первой в России женщиной-доктором права. Как и Ковалевская, она избегала участия в радикальных движениях, а впоследствии стала активной защитницей женских прав и издательницей журнала «Северный Вестник»[2].

Некоторые трудности, возникавшие в фиктивных браках 1860-х гг., описывает Водовозова. Молодой человек, узнав о женщине, которая желала покинуть родительский дом, чтобы продолжить образование, предлагал себя в качестве фиктивного мужа. После свадьбы супруги немедленно расставались без осуществления брачных отношений и зачастую без какого-либо последующего контакта друг с другом. Девушка, как правило, отправлялась за границу; мужчина же со временем обычно влюблялся в кого-нибудь и перед ним вставала проблема женитьбы. После этого следовала длительная переписка и продолжительная процедура развода. К тому времени оба партнера могли уже иметь незаконнорожденных детей. Безусловно, эти обстоятельства не представляли значительных трудностей для тех, кто продолжал отрицать обыденную житейскую мораль, и особенно, если они жили полулегальной жизнью подполья или эмигрантских кругов. Однако для «псевдонигилистов», которые позднее возвращались в мир обще-

---

[1] *Ковалевская С.В.* Воспоминания детства. Нигилистка. С. 7–109; *Leffler A.C.* Sonya Kovalevsky. N. Y., 1895. P. 159–297. Более деликатно и прекрасно написанный анализ детства Ковалевской см.: *Stillman B.* Sofya Kovalevskaya: Growing Up in the Sixties; Russian Literary Triquarterly, 9. Spring 1974. P. 277–302.

[2] *Ковалевская С.В.* Воспоминания детства. Нигилистка. С. 179–180; письмо Евреиновой см.: *Книжник-Ветров И.С.* Русские деятельницы первого Интернационала и Парижской Коммуны. С. 153.

принятых норм – а таких было большинство – ситуация оказывалась болезненной. Иногда случалось так, что «фиктивные» мужья, скрывая свои истинные намерения, пытались вырвать после завершения брачной церемонии у обманутой девушки свои супружеские права. Тем не менее на протяжении долгого времени фиктивный брак продолжал оставаться излюбленным приемом женщин, которые желали вырваться из тесных семейных гнезд[1].

Кроме того, существовали жены, которые оставляли своих мужей, так как те не могли предложить им образ жизни, обещанный «новыми людьми». Повесть Слепцова «Трудное время» рисует портрет передовой женщины, разочарованной в своем муже, от которого она ожидала «великих дел» и товарищества в увлекательной жизни. Покидая мужа и уезжая в Петербург, она говорит: «Когда ты хотел на мне жениться, ты что мне сказал тогда? Вспомни! Ты мне сказал: мы будем вместе работать, мы будем делать великое дело, которое, может быть, погубит нас, и не только нас, но и всех наших; но я не боюсь этого. Если вы чувствуете в себе силы, пойдемте вместе. И я пошла. Конечно, я тогда была глупа, я не совсем понимала, что ты там мне рассказывал. Я только чувствовала, я догадывалась. И я бы пошла куда угодно... потому что я думала, я верила, что мы будем делать настоящее дело. И чем же все это кончилось? Тем что ты ругаешься с мужиками из-за каждой копейки, а я огурцы солю...»[2]

В реальной жизни прототипом героини была Екатерина Майкова (1836–1920), жена Владимира Майкова, известного литератора. Их брак был счастливым и крепким, однако, очевидно, было нечто такое, чего не доставало в жизни Майковой. В начале 1860-х гг. она начинает переосмысливать свою замужнюю жизнь, в частности, в свете идей романа «Что делать?» Ее жизнь больше не отвечала ее запросам. В конце концов, она сбежала со студентом, родила ему ребенка и стала учиться на Аларчинских курсах в Петербурге. Этот случай был одним из многих в те дни[3].

В середине 1860-х гг. в среде провинциального дворянства распространился слух о некой коммунистической общине в

---

[1] *Водовозова Е.Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 223–224.

[2] Отрывок цит. по рецензии Писарева на «Трудное время»: *Писарев Д.И.* Сочинения: В 6 т. Т. 4. С. 50–85.

[3] *Чемена О.М.* И.А.Гончаров и семейная драма Майковых // Вопросы изучения русской литературы / Под ред. Б.П.Городецкого. М.–Л., 1958. С. 185–195. Майкова частично была взята в качестве прототипа для Ольги из «Обломова» И.Гончарова; *Штакеншнейдер Е.* Дневник и записки. М., 1934. С. 210, 507–508. Информация о значительном количестве петербурженок, оставивших своих мужей, см.: *Шашков С.С.* Указ. соч. С. 558–559.

Санкт-Петербурге, в которую приглашались молодые девушки из хороших семей, сбежавшие из дома. В этой общине мужчины и женщины жили вместе при «полнейшем коммунизме», и дамы знатного происхождения якобы поочередно мыли полы[1]. Этот слух основывался на том факте, что нигилисты и радикалы рассматривали артель и коммуну как средство помощи женщинам на их новом пути. Данное событие примерно на два года опередило роман «Что делать?» Начиная с 1861 г., Петербург быстро заполнялся женщинами, большинство из которых не нашло места и сферы приложения своих сил в феминистских организациях. Многие из них были слишком бедны, чтобы занимать руководящие посты, и слишком горды, чтобы играть пассивную роль в феминистском движении, занимаясь благотворительностью под эгидой столичных знатных дам. Все, чего они отчаянно желали – это интеллектуальная работа, свобода и приличное жилье. Однако ни одна из обычных сфер женской занятости не могла предложить всем «новым городским иммигранткам» подобного сочетания. Квартирная плата была высокой, заработки – низкими, а работу, особенно в учреждениях, было трудно получить как мужчинам, так и женщинам[2]. Одним из решений данной проблемы стали кооперативы в различных вариантах.

Наиболее известной коммуной, возникшей еще до появления романа Чернышевского, была «коммуна Греча». По словам Николая Лескова, который запечатлел ее в «Загадочном человеке», некоторые журналисты, поддерживавшие идею женской эмансипации, решили претворить свои теории в жизнь и протянуть руку помощи многочисленным безработным образованным женщинам столицы, наняв их к себе на работу в качестве машинисток, переводчиц и писцов. Однако большинство этих мужчин, считал Лесков, бывший довольно-таки тенденциозным свидетелем, были заинтересованы главным образом в соблазнении своих подопечных. Исключение составлял Артур Бенни, британский подданный польского происхождения, который в 1860-х гг. то входил, то выходил из радикальных кружков, и который погиб в 1867 г. в боях Рисорджименто[3]. В 1862 г. ему в голову пришла идея нанимать женщин в качестве переводчиц и учредить для них в своих

[1] *Ковалевская С. В.* Воспоминания детства. Нигилистка. С. 58.

[2] *Чуковский К.И.* Люди и книги шестидесятых годов: Статьи и материалы. Л., 1934. С. 171; *Водовозова Е.Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 195–196.

[3] Рисорджименто («возрождение») – освободительное движение итальянского народа в период с конца XVIII в. по 1861 г., окончательно завершилось в 1870 г. В моменты наивысшего подъема Рисорджименто переходило в демократические революции (1848–1849, 1859–1860). – *Прим. ред.*

апартаментах (в меблированных комнатах Греча) «коммуну» – отсюда и название «коммуна Греча» или «фаланстер Греча» – с распределением между коммунарами расходов за проживание и работы по дому. Опять же, по словам Лескова, члены коммуны уделяли гораздо больше времени обсуждению женского вопроса и меньше собственно работе – переводам. Бенни был вынужден выполнять значительную часть работы сам и платить женщинам из своего кармана. До тех пор, пока он мог это делать, коммуна существовала, затем она распалась[1].

Гораздо более известной была коммуна, организованная другом Бенни, Василием Слепцовым (1836–1878), автором повести «Трудное время». Его страстное желание помочь «рабочим массам» сочеталось с возросшим интересом к женскому вопросу. Слепцов играл ведущую роль в кампании за предоставление молодым женщинам столицы образования, работы и независимости. Некоторые критики подчеркивали, что его внимание привлекали только лишь *молодые* столичные женщины, однако другие свидетельства не подтверждают этого. Слепцов организовал общедоступные для женщин лекции по различным наукам. Они привлекали к себе множество людей, до тех пор пока слухи о полицейских облавах и враждебность отдельных посетительниц по отношению к присутствующим на лекциях аристократкам (то есть хорошо одетым дамам) не снизили количество слушательниц. Кроме того, он организовал переплетную мастерскую для женщин и учредил общественный фонд помощи для обеспечения ее дешевым кредитом. Короче говоря, Слепцов, хотя и не был первым, как утверждала его мать, кто занимался проблемой женской независимости, но являл собой наиболее яркий пример передового мужчины 1860-х гг., который старался помочь женщинам без тени покровительства[2].

Вдохновленный романом «Что делать?» и отчасти Фурье, чьи работы о женщинах он без сомнения изучал, Слепцов учредил в 1863 г. жилищную коммуну. В коммуну, размещавшуюся в огромных апартаментах на Знаменской улице, вошли семь мужчин и женщин. Каждый из членов коммуны имел свою спальню и вносил свою долю на расходы по проживанию, питанию и

---

[1] *Лесков Н.С.* Собрание сочинений: В 11 т. М., 1956–1958. Т. 3. С. 350–353; *Рейзер С.* Артур Бенни. М., 1933. С. 63–64; *Чуковский К.И.* Указ. соч. С. 244–245. Об отношениях Лескова и Бенни см.: *McLean H.* Leskov and his Enigmatic Man // Harvard Slavic Studies. IV. Cambridge, 1957. P. 203–224.

[2] *Слепцова Ж.* Василий Алексеевич Слепцов в воспоминаниях его матери, 1836–1878 // Русская старина. 1890. Янв. XLV. С. 233–241; *Чуковский К.И.* Указ. соч. С. 166–171, 239–240; *Панаева А.Я.* Воспоминания. М., 1956. С. 328–330.

6 Заказ 5510

разного рода домашние работы. Две представительницы этой коммуны были охарактеризованы Корнеем Чуковским, написавшим ее историю, как настоящие, воинствующие нигилистки. Первая из них, Александра Маркелова, была незамужней женщиной, имеющей ребенка; вторая, Екатерина Макулова, иронически прозванная «княжной», была вульгарной, непривлекательной женщиной, абсолютно неспособной добывать средства к существованию[1]. Другие две женщины были иного сорта. Мария Коптева вышла из хорошей семьи и была выпускницей Института благородных девиц, но из-за своего «бурного воображения» сбежала из родительского дома и приехала в Петербург, чтобы самой себя содержать. Екатерина Ценина, впоследствии Жуковская, прошла типичный путь для передовой женщины 60-х годов: уход из семьи с помощью замужества, затем уход от мужа, случайная работа в провинции, работа переводчицей в Петербурге для «Экономического указателя» Вернадского. В поисках дополнительной работы она через Маркелову познакомилась со Слепцовым и была приглашена в коммуну. Довольная тем, что сократила свои жилищные расходы, она, тем не менее, с самого начала держала себя довольно обособленно и относилась ко всему с подозрением. Когда Слепцов, приветствуя ее в коммуне, попытался поцеловать ей руку, она раздраженно отдернула ее и заявила: «Я должна предупредить вас, что даже абстрактно я не присоединяюсь к теориям Фурье о сексуальных взаимоотношениях; и я также предупреждаю вас, что если кто-нибудь из членов коммуны намеревается воплотить эти теории в жизнь, я отказываюсь присоединяться»[2].

Знаменская коммуна просуществовала около четырех лет и стала общеизвестным и любимым местом петербургских интеллектуалов – Лаврова, Сеченова и Панаева. Бенни ухаживал за Коптевой, а экономист Юлий Жуковский добился руки Цениной. Между тем, разногласия в коммуне росли, отчасти потому что никто из женщин не желал принимать участие в домашней работе, но в основном из-за глубокой вражды между двумя группировками: Коптева и Ценина с одной стороны, все остальные – с другой. Первые две смотрели с презрением на очевидно искреннюю попытку социального экспериментирования Слепцова. К тому же они сохраняли светские манеры в одежде и

---

[1] *Чуковский К.И.* Указ. соч. С. 171–172, 228–231; *Панаева А.Я.* Указ. соч. С. 436; *Жуковская Е.* Записки. Л., 1930. С. 154, 156, 167.

[2] *Чуковский К.И.* Указ. соч. С. 230; *Жуковская Е.* Записки. Л., 1930. С. 19–165 (ее столкновение со Слепцовым, 158–165). Воспоминания необъективны, были написаны 40 лет спустя.

привычки, привитые им с детства, в то время как две другие женщины имели более обычный для нигилисток внешний вид. Поэтому Ценина назвала себя и Коптеву «аристократическими нигилистками», а Маркелову и «княжну» – «неряшливыми нигилистками». Чтобы осознать фундаментальное различие их взглядов, достаточно вспомнить, что Чуковский характеризовал их как «меньшевиков и большевиков нигилизма». К тому же коммуна вызывала в городе различные сплетни. Николай Успенский прозвал ее «магометовым раем» султана Слепцова; Салтыков-Щедрин провел соответствующие аналогии с Менильмонтаном и Анфантеном. Лесков утверждал, что Слепцов входил в комнату Коптевой полуодетым. Однако исследователи, так же как и некоторые современники, без сомнения были правы в том, что на самом деле коммуна была монашеской. Реальная причина ее распада заключалась в личной вражде, вынашевании разного рода матримониальных планов, а также в обычных слухах о полицейском облавах[1].

Иным социальным экспериментом, также осуществленным под воздействием романа «Что делать?», стала артель-прачечная для женщин, организованная весной 1864 г. мадам Гаршиной. Полная энтузиазма патронесса, видимо, стремясь превзойти Веру Павловну, переплачивала женщинам (и платила если даже они вообще не работали) и принимала в штат проституток с тем, чтобы перевоспитать их с помощью полезного труда. Результаты оказались столь же плачевными, как и комичными. Ее работницы, подозрительно отнесясь к высокой заработной плате и хорошему обращению, отказались слушать проповеди Гаршиной о взаимопомощи, потребовали окончательного уравнения зарплат и, подражая проституткам, стали пьянствовать и кутить с солдатами в помещениях артели. Кроме того мадам Гаршина столкнулась с лицемерием либеральных интеллигентов, которые симпатизировали женским правам, но никогда при этом не оплачивали счетов из прачечной. Подобные социальные эксперименты отмечались и в других частях России[2].

---

[1] *Жуковская Е.* Указ. соч. С. 188–224; *Чуковский К.И.* Указ. соч. С. 232–266. Ценина-Жуковская, хотя и идентифицировала себя как нигилистку, близкую радикальным кругам, но никогда таковой не была. При этом она использовала нигилистские практики в своей жизни. *Лесков Н.С.* Собрание сочинений: В 11 т. Т. 3. С. 353–354; *Панаева А.Я.* Указ. соч. С. 335; *Водовозова Е.Н.* Указ. соч. Т. 2. Салтыков-Щедрин цитируется по: *Базанов В.* Из истории литературной полемики 60-х годов. Петрозаводск, 1941. С. 121.

[2] Почему иногда плохо удаются женские артели? // Современник. 1865. Апр. CVII . С. 259–272.

Водовозова вспоминала, как молодые люди сидели за столом с экземпляром «Что делать?» и старательно составляли план артели. Одно из таких предприятий потерпело крах вследствие противоречивого толкования романа. Так, организатор одной из артелей, намереваясь извлечь из нее огромные прибыли, настаивал на том, чтобы помещение было роскошно меблировано. «Новые люди», по его мнению, были эгоистами, но отнюдь не аскетами. Однако, когда он, ссылаясь на любовь Веры Павловны к Крюковой и Жюли *Letellier*, привел в артель нескольких проституток, то утонченная вдова, служащая у него управляющей, уволилась, и артель села на мель. Вера Засулич вспоминала, что подобные предприятия росли как грибы после появления романа «Что делать?» и описывала одну из таких артелей, в которой швеи при увольнении требовали выдачи им швейных машинок, исходя из принципа, который они только что выучили – «машины принадлежат рабочим»[1].

В 1860-х гг. коммуны и артели стали своего рода модой. Илья Репин некоторое время жил в одной коммуне художников; Модест Мусоргский – в другой. Однако их кумиром, как с легкой иронией напоминает нам Чуковский, был Флобер, а не Фейербах. Идея коммун получила дополнительную поддержку в 1866 г., когда в России появился перевод работы Эдуарда Пфейфера «*Zur Genossenschafttum*» (1865)[2]. Однако после 1866 г., с началом реакции, мода на них умерла, и артели с коммунами сохранились практически только в радикальных кругах.

Если ведущие публицисты 1860-х гг. были благосклонны к «новой женщине», то большинство деятелей литературы были настроены против нее. Толстой, питавший сильнейшее отвращение к идеям Жорж Санд, написал антинигилистскую пьесу «Зараженное семейство»[3]. Писемский, Лесков, Гончаров, Достоевский писали романы, критиковавшие нигилизм и его учения о женщине. Эти романисты, как и менее значительные представители этого жанра, рассмотрены в работе Чарльза Мозера «Антинигилизм в русском романе 1860-х годов»[4]. Его исследование демонстрирует

---

[1] *Водовозова Е.Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 199–209; *Засулич В.* Воспоминания. М., 1931. С. 18–19. О других подобных предприятиях см.: *Козьмин Б.П.* Из истории революционной мысли в России. М., 1961. С. 99–103.

[2] *Чуковский К.И.* Указ. соч. С. 222; Пфейфер Э. Об ассоциации / Пер. М.Антоновича. СПб., 1866; *Скабичевский А. М.* Литературные воспоминания. М., 1928. С. 226.

[3] *Григорович Д.В.* Литературные воспоминания. Л., 1961. С. 148; *Базанов В.* Из истории литературной полемики. Петрозаводск, 1941. С. 64.

[4] *Moser C.* Antinihilism in the Russian Novel of the 1860's. The Hague, 1964.

насколько глубоко вышеназванные русские писатели (которые несомненно выражали настроения большой части «общества») были потрясены безнравственным, с их точки зрения, фиглярством нигилистов. Мозер также демонстрирует, насколько искаженными по сравнению с реальной действительностью и непоследовательными были их взгляды на поведение нигилистов.

Роман «Взбаламученное море» (1863) А.Писемского и рассказ Николая Ахшарумова «Щекотливое дело» (1864) демонстрируют пагубное влияние идеи «свободной любви» на нигилистов. Роман «Марево» (1864) Клюшникова содержал еще более уничижительную оценку подобной морали. В нем нигилистка, в комнате которой висели портреты Жорж Санд и Женни д'Эрикур, в политическом отношении была соблазнена порочным польским интриганом, а в физическом – русским радикалом, работавшим с поляками. Эти развратные персонажи противопоставлялись в романе честному герою-славянофилу Русанову, который спасает девушку после ее падения. Писарев, Зайцев и Салтыков-Щедрин жестоко раскритиковали роман в своих рецензиях, в то время как консервативный критик журнала «Библиотека для чтения» Эдельсон, увидел в нем здоровое противоядие от тлетворного влияния «Что делать?». В вышедшем в том же году романе Лескова «Некуда» в художественной форме описывается Знаменская коммуна. Слепцов в нем представлен как распутный и порочный человек, а «княжна» Макулова (в романе – Бертольди) введена для того, чтобы показать, что «семья является наиболее омерзительной формой того, что дураки называют цивилизацией»[1].

Абсолютной пародией на нигилистскую идею любви явилась «Болезнь» (1867) Авенариуса, где в эпатажной сцене соблазнения «прогрессивный студент» объясняет своей жертве, чистосердечной, но введенной в заблуждение юной девушке, почему ей следует заняться с ним любовью. «Без этого взаимного понимания [между полами] жизнь вымерла бы, – объясняет он, – однако, по внушению самой природы, инстинктивно, каждое живое существо, каждое четвероногое животное, каждая бестолковая птица, даже каждое насекомое, по достижении зрелости ищет сочувственное сердце. Так неужели ты хочешь сказать, что человек, высшее создание органического мира, должен презреть законы

---

[1] *Moser C.* Op. cit. P. 102;. *Писарев Д.И.* Сочинения: В 6 т. Т. 3. С. 218–250; Русское Слово. 1864. Июнь. VI. С. 43–52; Современник. 1864. Март. CI. С. 46–62. Библиотека чтения. 1864. Апр. XXI. С. 13–25 (секция русской литературы).

природы?» Этот отрывок перекликался с идеями статьи Гиероглифова «Любвь и нигилизм» и его скрытое послание состояло в том, чтобы показать, как «новые люди», озабоченные подобными вредными идеями, «заражали» ими невинных девушек. Вряд ли это было новшеством в русской интеллектуальной или политической истории сравнивать новую идею с повальной болезнью и говорить, по аналогии, о пользе установления своего рода карантина[1].

Между тем физиологический цинизм, изображенный Авенариусом, не был характерной чертой любовного этоса нигилистов. Как бы там ни было, но он стал предтечей воззрений «санинистов» 1908–1914 гг. и советских приверженцев теории «глотка воды», чье грубое отношение к сексу вызвало негодование и нападки духовных потомков нигилистов 1860-х гг. Для самих нигилистов сексуальная мораль означала связь с одним человеком, которая основана на любви и продолжается до тех пор, пока длится сама любовь. Она не допускала случайных увлечений, обольщений с помощью обмана, снисходительного отношения к проституции и прелюбодеянию (в их понимании этого слова) – короче говоря, обычных аморальных поступков, которые считаются приемлемыми в буржуазном кодексе морали.

Писатели антинигилисты были настолько же тенденциозными, насколько и сами нигилисты. Герои их произведений являлись карикатурами, а не портретами. Как бы там ни было, но антинигилисты были настроены враждебно не столько к идее женской эмансипации, сколько к мужчинам-нигилистам, которые указывали женщинам неверный путь. К примеру, роман Лескова «Обойденные» описывает мастерскую, предназначенную для того, чтобы заботиться о благосостоянии молодых девушек, и опиравшуюся в своей деятельности на сочетание феминизма, благотворительности и религии. Она являла собой резкий контраст по сравнению с чудесной Аркадией разума и эгоизма Веры Павловны. Гончаров, чей антинигилистский роман «Обрыв» был одним из самых уничижительных, так объяснял свой взгляд на данный вопрос: «Не является ли фактом, – спрашивал он, – что женщины, не уважающие тех, кто их любит, были отвращены от приличной жизни, общества и семьи грубыми героями «новой

---

[1] *Moser C.* Op. cit. P. 161. Во время европейского кризиса 1848 г., письма Нессельроде изобиловали такими понятиями как «зараза» и «тлетворный» (Красный архив. 1938. LXXXIX. С. 185). Впоследствии он писал: «Le renversement des idees est encore plus contagieux que la cholara» (*Nesselrode K.R.* Lettres et papiers: 11 vols. / Ed. by A. de Nesselrode. Paris, 1904–1912. Vol. IX (1847–1850), Nesselrode-Fonton. Feb. 3. 1849).

силы», «нового действия», а также некой идеей «великого будущего»? Не является ли фактом, что прекрасные молодые девушки следуют за ними в их подвалы и чердаки, покидая родителей, мужей, и что еще хуже, детей?» Эти женщины, считал он, были развращены. Но существовали и другие, неподдельно серьезные работающие женщины, которые стремились с помощью дисциплины и образования подготовить себя к независимой жизни. «В руках этих женщин, – по его мнению, – находится верное решение так называемого женского вопроса»[1].

Нигилистское учение о женском вопросе, несмотря на его эгалитарный и освободительный характер, не создало ни теоретической, ни социальной базы для будущего освобождения женщин. Синтез идей Чернышевского о братьях, освобождающих сестер (фиктивный брак); о женщинах, освобождающих женщин; о свободе выбора в любви и замужестве; о совместной работе и жизни в коммунах представителей обоих полов; о полном раскрытии умственных способностей и индивидуальности женщин был принят революционной интеллигенцией 1870-х и последующих годов, хотя отчасти эти идеи были сведены на нет необходимостью вести отчаянную борьбу за власть. Действительно, большинство из этих идей вошло в этос умеренно прогрессивной интеллигенции. Между тем оппозиция нигилистскому взгляду на равенство полов среди консервативных элементов империи по-прежнему оставалась достаточно мощной, поэтому протест против установленного порядка вещей в данной сфере человеческих отношений неизбежно был персональным, единичным и зачастую травмирующим. Фиктивный брак, хотя и регулярно используемый последующими поколениями радикалов для вовлечения в свои ряды женщин, был редким и не всегда удачным явлением вне радикального круга. Гражданские браки и практики независимости в любви не имели большого значения для экономического или профессионального развития женщин высшего класса; и уж совсем не имели никакого отношения к общей массе крестьянок. Эксперименты с кооперативами и коммунами – попытка приспособить народные формы (артель или община) к жизни раскаявшихся аристократов – не увенчались успехом в 1860-х гг., даже

[1] В.Авенариус объяснял в «Поветрии», что он отрицательно относится к тем нормам морали, которые позволяли соблазнять девушек. (Всемирный труд. Апр. 1867. 1. С. 231). См. также: *Котляревский Н.* Канун освобождения. 1805–1861. Из жизни, идей и настроений в радикальных кругах того времени. Пг., 1916. С. 441; *Базанов В.* Указ. соч. С. 142; *Гончаров И.А.* Полное собрание сочинений: В 12 т. М., 1954. Т. 1. С. 67–68; Книга и революция. 1921. Янв. II. С. 16–22.

когда они предпринимались совершенно радикальными группами (см. следующую главу). Все эти артели и общины были сметены «белым террором» 1866 г. и заменены в 1870-х гг. подпольными конспиративными ячейками.

Нигилизм, как образ жизни, отличающийся от радикального, стал постепенно исчезать в конце 1860-х гг. Можно отметить несколько событий, знаменующих хронологическое завершение этого периода: так называемый «белый террор» 1866 г., закрытие «Русского слова» и «Современника», смерть Писарева в 1868 г., появление «Исторических писем» Лаврова с их новой этикой народничества и так далее. Те, кто бравировал нигилистскими идеями и одеяниями в начале 1860-х гг., теперь были склонны либо к тому, чтобы присоединиться к революции, с которой общество в любом случае их идентифицировало, либо к тому, чтобы влиться в общее течение русской жизни, оставив лишь легкое воспоминание о своей нонконформистской молодости. Что касается дела всеобщего освобождения женщин, то нигилизм в своих изоляционистских практиках должен был зайти в тупик. Отказываясь принимать или разрушать культуру, нигилисты предложили лишь альтернативу неподчинения ей. Их бурный отклик на женский вопрос не мог привести к его решению. Радикалы в свою очередь пришли к мысли, что поверхностные «нигилистские» схемы решения женского вопроса, предложенные в романе «Что делать?», не будут иметь большого эффекта до тех пор, пока в России не реализуются основные, социалистические идеи романа. Несмотря на это, нигилисты передали свои идеи и практики решения женских проблем последующим поколениям революционеров, которые после почти пятидесятилетней борьбы попытались воплотить их в русле своей государственной политики.

Глава V
РАДИКАЛЬНЫЙ ОТКЛИК

> Мы начинаем великое дело. Возможно, двум поколениям придется пожертвовать собой ради него. Но оно должно быть сделано...
>
> *Софья Перовская*

1. Женщины в кружках

О «женском радикализме» в России не имеет смысла говорить ранее 1860 г. Если же мы будем искать корни этого феномена второй половины XIX в. в далеком прошлом, то безусловно сможем с гордостью указать на Марфу Борецкую из Новгорода, или на мать казненного во время чугуевского бунта 1819 г. повстанца, которая перед лицом властей сказала своим внукам: «Учитесь, хлопцы, у батьки умирать за громаду»[1], или же на множество других женщин, принимавших участие в крестьянских бунтах. Однако издатели биобиблиографического словаря «Деятели революционного движения в России» называют только три женских имени, так или иначе связанных с радикализмом до 1860 г., а уж советские исследователи никогда не пропускали примеров радикализма. В одном из великих проявлений радикализма в русской истории начала XIX в. – движении декабристов, женщины «блистали» своим отсутствием. Такая организация движения как Союз Благоденствия совершенно сознательно исключила женщин из своих рядов, а его наследники – Северное и Южное общества – последовали этому примеру. Более того, в обществе будущего, каким оно виделось декабристам, женщинам отводилась традиционная роль. Союз Благоденствия рассматривал женское образование просто как источник национальной добродетели, а в конституции Северного

---

[1] Цит. по: *Амфитеатров А.* Женщина в общественных движениях России. Женева, 1905. С. 30.

общества женщинам отказывалось в праве наследования трона и в праве голоса. В наиболее радикальном из всех проектов – «Русской правде» Пестеля, пятнадцатилетним девочкам давалась привилегия присягать на верность государству, но не право голоса[1].

Единственным примером женского радикализма в движении декабристов были судьбы жен осужденных декабристов. Сложившиеся вокруг них легенды и круг литературы способствовали утверждению этой точки зрения. Княгиня Волконская, типичная представительница тех немногих дам знатного происхождения, которые последовали за своими мужьями в Сибирь, обессмертила себя тем, что упала на колени перед мужем и поцеловала его кандалы. Учитывая то, что российское законодательство разрешало развод с политическим преступником, это было чрезвычайно решительным поступком – оставить детей, дом, уют и отправиться в далекую ссылку без малейшей надежды на возвращение. Самоотверженная деятельность этих преданных женщин обеспечила им заслуженное место и в пантеоне мучеников революционного движения, и в литературе. Но двигало ли ими что-нибудь еще, кроме супружеской преданности? Советская исследовательница революционного движения М.Нечкина доказывает, что некоторые жены разделяли идеологические убеждения своих мужей, однако обнаружилось это только после крушения самого движения. С самого начала и до конца движение декабристов являлось мужским делом, что подтверждалось и деятельностью более безобидных интеллектуальных кружков 30–40-х годов XIX в.[2]

Картина меняется, когда мы обращаемся к 1860-м гг. За этот период в словаре «Деятели революционного движения в России» из 2 000 имен революционеров насчитывается 65 женских. Число это относительно невелико, по крайней мере далеко от предложенного Чернышевским соотношения, которое должно сущест-

---

[1] Деятели революционного движения в России: Биобиблиографический словарь: В 10 т. М., 1927–1934, I/1, 160, 171; *Raeff M.* The Decembrist Movement. N.Y., 1966. P . 73, 75, 115; *Нечкина М.В.* Движение декабристов: В 2 т. М., 1955. Т. 1. С. 419–420; «Русская правда» предусматривала сохранение традиционной семьи практически нетронутой, см.: Восстание декабристов: Документы: В 11 т. М., 1925–1958. Т. 8. С. 192–197.

[2] *Нечкина М.В.* Указ. соч Т. 2. С. 427–454. Самопожертвование жен декабристов прославлялось в поэме Некрасова «Русские женщины», а также в: *Alfred de Vigny.* Wanda: histoire russe, conversation au bal a Paris, Oeuvres complètes: 2 vols. Paris, 1948. Vol. 1. P. 213–219; *Mazour A.* Women in Exile: Wives of the Decembrists. Florida, 1975.

вовать между «новой женщиной» и «новым мужчиной»[1] как 2 к 8, но, тем не менее, оно впечатляет, особенно если учесть, что данные о женщинах-революционерках по большей части известны по деятельности революционных групп Петербурга и Москвы. Причину столь быстрого роста женской активности следует искать в росте женского самосознания, в стремлении женщин к образованию и полезной общественной деятельности, а также в их глубокой неудовлетворенности своим экономическим положением. Несомненно, что одни из них сразу признали необходимость радикальной реконструкции социальной системы, противившейся эмансипации, а также осознали необходимость освобождения всего русского народа. Другие же, начав свою деятельность как умеренные нигилистки, постепенно включились в радикальное движение, по преимуществу под влиянием друзей, братьев, возлюбленных или же по мере развития своих собственных взглядов.

В течение первых нескольких лет женский радикализм был еще чем-то бесформенным, состоявшим из индивидуальных акций и случайного участия женщин в радикальных кружках, что не имело особого значения, как для радикализма, так и для самих женщин. Первым проявлением женского радикализма явились студенческие волнения в Петербургском университете, которые вовлекли в свой водоворот некоторых вольнослушательниц. Три из них подписали петицию, под которой стояло уже около 700 подписей, в знак протеста против введения нового закона, однако в последовавшие за этим акции протеста они были вовлечены лишь косвенно. Одна из них, Мария Быкова, даже попыталась урезонить своих друзей, произнеся пылкую речь о том, что если они не разойдутся, то подвергнутся позорному избиению полицией, вместо того, чтобы умереть как герои. Эту речь можно рассматривать как первое политическое заявление, сделанное женщиной в новой российской истории. По сути своей участие женщин в студенческих беспорядках было относительно безобидным; но оно дало женщинам возможность познакомиться со смыслом и средствами сопротивления, а также увидеть связь между подавлением студенческих беспорядков и карательными экспедициями в других частях империи[2].

---

[1] *Чернышевский Н. Г.* Что делать? С. 291.

[2] *Штакеншнейдер Е.* Дневник и записки. М., 1934. С. 295–306; *Скабичевский А.М.* Литературные воспоминания. М., 1928. С. 338, 345. О личностях см.: Деятели революционного движения в России: Биобиблиографический словарь. I/2. 54, 316, 422.

Для распространения своих идей радикалы использовали и движение воскресных школ. Именно арест за антиправительственную деятельность в мае 1862 г. двух молодых девушек послужил поводом для закрытия этих школ. Обе женщины были родственницами членов радикальных кружков. Антонина, сестра Леона Блюммера, была отдана под опеку отца. Елизавету Павлову, тридцатидвухлетнюю невестку Павла Европеуса, временно поместили в монастырь (в лучших вековых традициях борьбы с непокорными женщинами). В большинство ранних подпольных организаций женщины попадали благодаря мужчинам: Надежда Суслова – благодаря брату, Корсини – мужу (Утину), Варвара Зайцева – через брата и его друзей и так далее. Многие из них после незначительного участия в событиях тех лет ушли из кружков, другие, например Суслова и Зайцева, уехали за границу[1].

В большинстве революционных прокламаций того периода, которые радикалки помогали распространять, женщины вообще не упоминались, и в этом отношении эти прокламации были схожи с типичной подпольной литературой последующих двух десятилетий. Поразительным исключением явилась «Молодая Россия» (1862). В отличие от других, ее тон был бескомпромиссно революционным. Прокламация требовала не только полного освобождения женщин, включая гражданское и политическое равенство с мужчинами, но и как часть программы – «отмену брака, явления в высшей степени аморального и немыслимого в ситуации полного равенства полов: следовательно, и отмену семьи, которая мешает развитию человечества, и без чьей отмены немыслима отмена наследования». «Молодая Россия» также требовала «общедоступного образования для детей и оказания им общественной поддержки вплоть до окончания обучения...» Авторами прокламации были московские радикалы, возглавляемые пылким двадцатилетним Петром Зайчневским, позднее признавшимся, что отрывок о семье в качестве «дополнительного заряда пороха»

---

[1] Об этих и других второстепенных фигурах см.: *Виленская Э.С.* Революционное подполье в России (60-е годы XIX века). М., 1965. С. 330, 337; *Козмин В.И.* Из истории революционной мысли в России. М., 1961. С. 103; *Базилевский Б.* [В.Я.Яковлев] Материалы для истории революционного движения в России в 60-х гг. Париж, 1905. С. 158; *Он же.* Государственные преступления в России в XIX веке: В 3 т. Штутгарт, 1903. Т. 1. С. 231–234; Деятели революционного движения в России: Биобиблиографический словарь. I/2. 42, 113–114, 135, 304, 443–444.

был вставлен его другом, поэтом Гольтцмиллером, дабы сделать текст более зажигательным[1].

Эти положения прокламации заслуживают комментария. Еще в 1840-х гг. фурьерист Хануков, входивший в кружок Петрашевского, назвал семью страданием, угнетением, монополией, порочностью, миазмами и заразой. Между тем его друг Чернышевский в романе «Что делать?» представил семью в ином свете: родители и дети трудятся в социалистической коммуне будущего. Подобным же образом А.Д.Путята, глава «Земли и воли» – крупнейшей радикальной организации того времени, опроверг Зайчневского в своем «Ответе «Молодой России»». Семья, по его мнению, должна быть неприкосновенным социальным институтом воспитания детей, а также быть доступной детям разведенных родителей, которые не желают их воспитывать, и детям непригодных родителей. По поводу данной проблемы мнения разделились. Так, одни друзья Водовозовой считали, что брак и дети превращают родителей в «каторжников»; другие же встали на защиту непреходящей ценности материнской любви. Проблема оставалась на уровне дискуссии вплоть до XX в., когда все партии пришли к соглашению, что при новом социальном порядке исчезнут только принудительные и «буржуазные» браки[2].

Середина 60-х годов XIX в. (1863–1866) была временем организации радикалами и нигилистами артелей и мастерских. Работавшие в них женщины активно привлекались к подпольной деятельности – этот процесс был постепенным, а количество женщин было не так велико. Наиболее известный пример – обширная сеть клубов, мастерских и кружков, созданная бывшими студентами Н.А.Ишутиным в Москве и И.А.Худяковым в Петербурге. Эти рахметовского толка аскеты создали культ Чернышевского и попытались использовать идеи его романа для установления связей с «народом», а также для рекрутирования сторонников своих амбициозных, но недостаточно продуманных революционных планов. Именно из этого кружка вышел Дмитрий Каракозов, чья попытка цареубийства в 1866 г. привела к краху организации.

Первым шагом в привлечении к своей деятельности женщин было создание военным инженером и радикалом П.Б.Михайло-

---

1 *Лемке М.* Политические процессы в России 1860 гг. М.–Л., 1923 С. 521. Цитируемые отрывки см.: *Бурцев В.* За сто лет (1800–1896). Лондон, 1897. С. 40.

2 Дело Петрашевцев: В 3 т. М.–Л., 1937–1951. Т. 3. С. 19; «Ответ “Молодой России”» Путяты см.: ЦГАОР. Ф. 95. Оп. 1. Д. 214. Л. 11; *Водовозова Е.Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 539, 121.

вым в 1863 г. в столице «свободной школы». При школе существовала мастерская по пошиву платья, использовавшаяся для революционной пропаганды среди швей, которую возглавляла сестра Ткачева Софья. Гораздо больший интерес представляют переплетная мастерская и коммуна, созданные в 1864 г. партнерами Худякова. Жизнь в этой коммуне необыкновенно повлияла на одну из ее участниц. Выпускница одного из лучших петербургских институтов, А.А.Комарова, была помолвлена с писателем Помяловским и введена им в радикальные круги. Следя за изнурительной борьбой польских повстанцев, она выразила готовность отправиться в Польшу сражаться на их стороне, но, узнав, что беременна, Комарова осталась работать в состоявшей из 20 девушек переплетной мастерской и жить в коммуне при ней. В результате этой совместной трудовой деятельности Комарова пересмотрела свои убеждения о необходимости восстания, как формы реорганизации общества, и пришла к мысли об общественном переустройстве при помощи кооперативов, которые по ее мысли в будущем распространятся по всей земле. «Мне казалось, – писала она впоследствии, – что великий переворот совершится медленно и постепенно, посредством распространения здравых идей в народе». Убежденная в этом Комарова пошла к бедным, проповедуя, что «Христос был величайшим социалистом, чьи учения были искажены», и, читая им отрывки из «Что делать?», в особенности сны Веры Павловны. Однако ее радикализм закончился с ее молодостью, впоследствии она стала фанатично верующей женщиной[1].

В Москве подобные предприятия были более многочисленны и разнообразны, чем в Петербурге. Они включали в себя «нигилистский салон», созданный графиней Л.Н.Толстой для своих друзей-революционеров из Нижнего Новгорода; еще одну «свободную школу», в преподавательский состав которой входили шесть радикально настроенных женщин; а также коммуну женщин-композиторов, члены которой пытались повысить уровень своего самосознания при помощи чтения книг и дискуссий. В этих и еще в некоторых других организациях мы найдем представительниц самых разных социальных слоев, начиная от выпускниц Смольного и заканчивая бывшими проститутками, имевшими не только разный образовательный уровень, но и огромные различия в политическом сознании. Все эти предприятия были

[1] *Виленская Э.С.* Революционное подполье в России (60-е годы XIX века). М., 1965. С. 333, 341–350; Деятели революционного движения в России: Биобиблиографический словарь. I/2. 178.

основаны, финансировались и руководились деятельными мужчинами – членами ишутинской организации, преследовавшими вполне определенную цель – поиск революционных талантов. Однако женщины редко становились настоящими радикалками, хотя практически все они арестовывались и подвергались допросам во время полицейских облав 1866 г. Некоторые, как например женщины из композиторской коммуны, даже отказались от своего намерения стать «политически» более активными[1].

Наиболее известным и значительным из всех предприятий, созданных Ишутиным и его партнерами для женщин, была так называемая швейная мастерская сестер Ивановых. Две сестры, Екатерина и Александра, были представительницами нижегородского дворянства. В 1864 г. они приехали в Москву, где их брат Д.Л.Иванов познакомил сестер с Ишутиным. Когда последний предложил им создать мастерскую при его финансовой помощи, то Екатерина сначала не восприняла эту идею всерьез, но Александра взялась убедить сестру. Она доказывала ей, что совместный труд больше подходит молодым девушкам, нежели работа учительницами и гувернантками, которых заставляют преподавать сплошную ложь о жизни, а также более важна, чем труд переводчицы, которая зачастую переводит на русский язык всякий бесполезный вздор[2]. Эти рассуждения можно считать не только доказательством ясного понимания той ограниченной роли, которая была уготована образованным и независимым женщинам, но также и доказательством жесткости классовой системы, усиленной подобной профессиональной ориентацией. В будущем сотни женщин-дворянок предпримут такие же «социальные перемещения» из самого высокого и привилегированного сословия в самые отчаянно-радикальные социалистические кружки, презрительно обойдя стороной интеллектуальную и профессиональную карьеру, которая постепенно открывалась перед ними.

Если не по результатам, то по структуре и целям мастерская Ивановых являлась отражением артели Веры Павловны. В ней работали и представительницы низших слоев общества, и образованные женщины. Среди последних, которых было около 10, были и сестры Веры Засулич, молодая Анна Шабанова (будущая руководительница русского феминизма) и Мария Крылова, выдающаяся революционерка 1870-х гг. Ничто так хорошо не демонстрирует энергичность и в то же время неуверенность ранних групп, как этот кружок, состоявший из будущих радикалок,

---

[1] *Виленская Э.С.* Указ. соч. С. 216–235, 279–280.

[2] Там же. С. 270–271.

антирадикалок и нерадикалок. Несмотря на устав, предполагавший выборы лидера, всеми делами ведала Екатерина Иванова. Женщины вместе жили, работали, питались, слушали лекции приходивших к ним мужчин и читали друг другу книги Чернышевского, Михайлова и Герцена. Впоследствии мать одной из участниц кружка, простая акушерка, рассказывала полиции, что в мастерской Ивановой проповедуется разврат, идеи о ликвидации семьи и ненависть к властям. Подобные обвинения практически всегда предъявлялись к сомнительным в политическом отношении группам, включавшим в себя женщин; однако нет никаких доказательств того, чтобы участницы мастерской сестер Ивановых предавались «разврату» на деле или на словах. С другой стороны, не исключено, что, будучи передовыми представительницами интеллигенции, эти женщины обсуждали вопросы отношений между полами, поднятые авторами книг, которые они читали.

Что касается «ненависти к властям», то это обвинение было более весомым. Три участницы кружка являлись сестрами активных деятелей группы Ишутина; по крайней мере одна из них, Крылова, была полностью посвящена в тайны «организации», члены которой часто посещали мастерскую. Если бы деятельность мастерской продолжалась, то она могла бы стать подспорьем для радикальных мужских организаций. Но мастерская функционировала нелегально, то есть без необходимого разрешения полиции, и некоторые из ее участниц уже присоединились к другой группе – «Обществу взаимного вспомоществования». Однако внезапно, после полицейской облавы в мае 1866 г., мастерская была закрыта. Как и в большинстве подобных случаев, у кружка к этому времени уже были финансовые проблемы. Сестры продавали свои товары слишком дешево и едва могли покрыть расходы за аренду, закупку материалов и выплату зарплат[1].

Распад мастерской Ивановой и последовавшие за этим полицейские чистки знаменуют конец еще одной фазы женского радикализма. Для большинства женщин, принимавших участие в деятельности этих групп, это означало попытку, хотя и слабую, совершить эмансипацию в духе нигилизма.

Городские кружки, описанные выше, были для нового поколения первыми практическими экспериментами в деле социализма, опыт которых слишком долго игнорировался историками революционного движения, уделявшими большую часть внимания теориям, организационным вопросам и неудавшимся планам.

[1] *Виленская Э.С.* Указ. соч. С. 269–282.

Так как эти эксперименты имели место в растущих городах, то русские социалисты в первую очередь отправились в «народ» – на помощь портнихам, рабочим, мелким ремесленникам, проституткам и другим бедным городским слоям. Движение по созданию городских кооперативов предвосхитило массовое народническое движение в деревне. Для женщин радикальных убеждений это было «социальным действием», опиравшимся на более «высокую» философию, нежели благотворительная деятельность феминисток.

В эти годы отношения между мужчинами-радикалами и их последовательницами были весьма неопределенными. В теории радикалы следовали учениям о равенстве полов своих пророков – Чернышевского, Роберта Оуэна и Сен-Симона; однако их практическая деятельность подчас показывала обратное. Худяков, например, открыто рассказывал о своих надеждах на то, что когда его жена, «полностью преданная общественным нуждам», станет оперной певицей, она будет финансировать *его* революционную деятельность. Когда его невестка медлила с передачей обещанной тысячи рублей в качестве пожертвования на нужды общего дела, он заявил, что «на жизненной войне дорога каждая минута, а женщины не понимают этого». В основанных радикалами организациях было не мало неискренности и манипулирования. Безусловно, доводы необходимости секретности можно понять, но было ли простой случайностью то, что в рядах как «организации», так и ее тайного ядра – «ада», не было ни одной женщины? Вообще, членство женщин в различных артелях, коммунах и невинном на вид «Обществе взаимного вспомоществования» было ограниченным; а «вход» в святая святых – подполье, которое один из конспираторов описывал «как некое озеро, откуда мы таскаем щук» был запрещен. Русский радикализм был все еще далек от того времени, когда женщины будут на равных заседать в тайных советах радикальных организаций[1].

Неудавшееся покушение Каракозова на царя в одночасье положило конец практически всей радикальной деятельности. Волна арестов и обысков, тенденциозно названная радикалами «белым террором», захватила огромное количество мужчин и женщин, как виновных, так и невиновных. И хотя женщины избежали ужасной судьбы Каракозова, Ишутина и Худякова, они, тем не менее, также подверглись гонениям. Убежденные в том, что нигилизм, сексуальная свобода и цареубийство – неотъемлемые

---

[1] *Виленская Э.С.* Указ. соч. С. 320, 391.

элементы радикальной деятельности, полицейские доставили подозреваемым женщинам много неприятностей. Во время обыска в мастерской сестер Ивановых ее участниц допрашивали на предмет, со сколькими мужчинами они состоят в интимной связи и сколько гражданских браков они заключили, при этом к ним обращались на «циничном, грубом и непристойном казарменном языке». Женщинам, арестованным вместе с подозреваемыми мужчинами, задавали вопросы типа – «Они тебе заплатили? Они тебе читали "Что делать?"» или «Принадлежишь ли ты к нигилистской секте?». Если ответ был отрицательным, то спрашивали: «Почему ты носишь синие очки?» или «Почему ты ходишь без кринолина?». Начальник московской жандармерии отдал приказ о выдворении из города в течение 24 часов всех женщины, носящих «нигилистскую» одежду. Генерал-губернатор Петербурга ввел в обращение для «нигилисток» желтый паспорт проституток. В Саратове два «господина» сбили с ног женщину в темных очках и разбили их. Губернатор Нижнего Новгорода приказал доставлять в полицейские участки всех женщин, не носящих кринолин, стриженных, в синих очках и капюшонах, и предъявлял им письменное предписание изменить свой внешний вид или же покинуть губернию. По слухам, циркулировавшим в то время, эти женщины подозревались в том, что они жили в грехе с мужчинами и никогда не мылись, в соответствии со своим кодексом. В своем дневнике князь Одоевский писал, что «одно из правил нигилистов не быть опрятным. Что за гадость, особливо если они живут в плотском соединении: от них должно вонять нестерпимо»[1].

В результате всего этого в подпольной деятельности на несколько лет наступило всеобщее временное затишье, хотя небольшое число радикальных групп, включавших и женщин, пыталось поддерживать видимость организационной жизни. Наиболее значительной из них была так называемая Академия Сморгона, состоявшая из горстки уцелевших в Петербурге ишутинских кружков. По-видимому, это была первая настоящая революционная группа, которая предоставляла женщинам полноправное членство. Однако количество ее членов было крайне малочисленным, а ее штаб-квартира находилась в тесной захламленной квартире с общей кухней. Благодаря этой коммуне возникла типичная легенда о «красивой нигилистке», которая будто бы продавала себя во имя дела. Она отождествлялась с Евдокией Козловской – гражданской женой одного из ишутинских под-

[1] *Вормс Н.А.* Белый террор // Колокол. 1867. Янв. 1; Дневник князя Одоевского // Литературное наследство. 1935. XXII–XXIV. С. 211, 223.

польщиков[1]. Подобные легенды неожиданно возродились в 1905 г. и во время Гражданской войны и были, насколько мы можем судить, результатом злонамеренных измышлений.

Последний эпизод женского радикализма 1860-х гг. связан со зловещей фигурой фанатичного молодого революционера Сергея Нечаева, который цинично увенчал свою карьеру хладнокровным убийством своего соратника. Одним из нечаевских методов повышения революционного сознания была организация арестов не особенно ревностных своих товарищей с тем, чтобы пробудить в них ненависть к режиму. Вера Засулич, в те годы многообещающая молодая радикалка, дала живое описание своего первого столкновения с Нечаевым в 1868 г. К моменту встречи она только что закончила чтение знаменитой рецензии Добролюбова на тургеневский роман «Накануне» – «Когда же придет настоящий день?». Поэтому Нечаев поинтересовался у нее, когда же наступит этот день, на что Засулич ответила, что Добролюбов говорил о поколении, которое «растет в атмосфере надежды и ожиданий». Намекнув, что этот день уже пришел, Нечаев попытался вовлечь Засулич в свою организацию в качестве безмолвного и послушного ее члена. Несмотря на сильное впечатление, которое на нее произвел Нечаев, Засулич выразила некоторый скептицизм по поводу его предложения. Тогда он попытался завязать с ней роман, но она, поняв цель этой его неуклюжей попытки, не поддалась его магнетизму. Вскоре после этого на основе списка фамилий революционеров, представленному в полицию самим Нечаевым, Засулич и некоторые ее товарищи, в том числе и сестра Нечаева, попали в полицейскую облаву[2].

Нечаевская карьера революционера была впечатляющей, но короткой. Через два года после описанного случая, его последователи в количестве 81 человека предстали перед судом в Москве, 9 из них – женщины. Большинство женщин были участницами ранних революционных кружков. Варвара Александровская, в прошлом член организации «Молодая Россия», поразила тюремщиков тем, что объявила себя беременной после полутора лет одиночного заключения. Впоследствии выяснилось что, услужливый охранник разрешил одному из ее товарищей-заключенных навещать Александровскую. Сестра Засулич, Александра Успенская, отправилась на десять лет в ссылку за своим бывшем возлюбленным, за

---

[1] *Виленская Е. С.* Указ. соч. С. 224, 327, 337, 417; *Свешников Н.И.* Воспоминания пропащего человека. М.–Л., 1930. С. 159–160.

[2] *Засулич В.И.* Воспоминания. М., 1931. С. 21–60; *Cannac R.* Aux sources de la Rèvolution russe: Netchanev, du nihilisme au terrorisme. Paris, 1961. P. 57.

которого она вышла замуж лишь потому, что в любой момент его могли арестовать, а только законной жене разрешалось сопровождать ссыльного. Остальным были вынесены более жесткие приговоры, чем те, которые выносились в дни «белого террора»[1].

В своем циничном отношении к женщинам Нечаев во многом превзошел своих революционных предшественников. Так же, как и они, он привлекал женщин для распространения радикальных идей в женской среде, что было вполне приемлемым в рамках принятой революционерами морали. Но он заставлял их также следить за своими товарищами. Проститутки, которые у большинства радикально настроенных мужчин вызывали либо жалость, либо восхищение, использовались Нечаевым в качестве агентов, так как их легко можно было шантажировать и заставлять выполнять революционные приказы. Для Нечаева все, что могло служить революции, было нравственным. Совращение в политических целях было всего лишь одним из методов нечаевской программы действий, и он считал это вполне допустимым для преданного делу революционера. Все же «Катехизис революционера», который он составил вместе с Бакуниным, был менее циничен по отношению к женщинам, нежели по отношению к мужчинам. Некоторые типы людей определялись им как пешки (независимо от пола), другие – как необходимые помощники в борьбе за власть. Как мужчины, так и женщины, революционеры последующего десятилетия, хотя с ужасом и отвергали аморальные взгляды Нечаева, тем не менее, разделяли его точку зрения на то, что женский вопрос занимает подчиненное положение по отношению к основному вопросу о революции[2].

К концу 1860-х гг. радикалы уже высказались по поводу женского вопроса. Когда грузинский политический ссыльный Н.Я.Николадзе в 1866 г. обвинил правительство и российское общество в том, что они «забивают в женщине всякую способность

---

[1] *Козмин В.И.* Из истории революционной мысли в России. М., 1961. С. 236–237; *Саппас R.* Op. cit P. 56, 80–81; *Успенская А.И.* Воспоминания шестидесятницы // Былое. 1922. № 18. С. 19–45.

[2] *Саппас R.* Op. cit. P. 59; *Засулич В.И.* Воспоминания.С. 43, 47; Катехизис революционера // Борьба классов. 1924. № 1–2. С. 268–272. Нечаев, который был готов шантажировать кого угодно, шокировал даже Бакунина: «Если вы познакомите его со своим другом, – жаловался Бакунин, – то его первой задачей будет посеять между вами раздор, скандал, интригу и поссорить вас. Если же у вашего друга есть жена или дочь, то он приложит все усилия, чтобы соблазнить ее и заполучить вместе с ребенком, чтобы вырвать из-под власти традиционной морали и вовлечь ее, вопреки ее желанию, в революционный протест против общества» (*Carr H.* The Romantic Exiles. Middlesex, 1949. P. 353).

к умственной работе, наряжают ее, как куклу, и говорят ей, что она создана только для любви», он едва ли осознавал, насколько устарели его взгляды[1]. Голоса других революционеров, раздававшиеся из-за границы, говорили о более важных вещах. Первое издание бакунинского «Народного дела», имевшее большое влияние, как раз и являлось одним из таких голосов. Это издание, написанное в Швейцарии Бакуниным и его соратником Н.Жуковским, было профинансированно Ольгой Левашовой, ветераном ишутинского кружка. Программные установки этого документа включали в основные задачи нового общества – равенство полов, уничтожение церкви и отмену гражданского брака, общедоступное детское образование. Однако основной и наиболее важной его мыслью было резкое отрицание крайнего индивидуализма и благоговейного преклонения перед наукой – идей, которыми было проникнуто большинство нигилистов, а также страстный призыв к молодежи обоих полов идти в народ и разжигать огонь социальной революции[2].

Еще более явно апеллировал к революционным идеям первый из известных революционных манифестов, адресованных женщинам. Изданный полулегальным «Русским революционным обществом» в Женеве, написанный (в конце 1869 или в начале 1870 г.) либо Зайцевым, либо Нечаевым, он был доверен Варваре Александровской для распространения в России, но она была арестована, а документ конфискован. Александровская в начале 1860-х гг. была близка к Зайчневскому и «Молодой России». В принципе неважно, от кого исходили взгляды на женский вопрос, изложенные в прокламации – от «Молодой России» через Александровскую или от Бакунина через Нечаева. Они уже носились в воздухе и должны были стать руководящими жизненными принципами для революционерок последующего десятилетия. Хотя манифест так и не достиг своей аудитории, он первым публично дал «радикальный» ответ на женский вопрос, отличавшийся как от феминистского, так и от нигилистского[3].

Изображение угнетенных женщин русского общества хотя и было красноречивым, но едва ли убедительным. «Все законы

[1] *Николадзе Н.Я.* Правительство и молодое поколение. Женева, 1866. С. 40.

[2] «Народное дело» цит. по: *Бурцев В.* За сто лет (1800–1896). С. 87–89. О Левашевой см.: *Виленская Е.С.* Указ. соч. С. 230–233; *Козьмин Б.П.* Русская секция Первого Интернационала. М., 1957. С. 72, 85–86.

[3] От Русского Революционного общества к женщинам // Литературное наследство. 1941. XL–XLII. С. 147–150. Об Александровой см.: *Meijer J.M.* Knowledge and Revolution: the Russian Colony in Zuerich (1870–1873): A Contribution to the Study of Russian Populism. Assen, 1955. P. 172.

написаны так, что самые талантливые из вас поставлены ниже, чем самые глупые из мужчин». Похотливые мужчины, «начиная с развратного Александра II», обращаются с женщинами как с куклами и сексуальными объектами, лишая их таким образом настоящей любви и чистых чувств. Поэтому «вы лжете, когда клянетесь, когда стоите перед алтарем и в течение всей жизни». Первыми шагами к освобождению объявлялись независимость и работа. «Только лишь работающий человек может являться членом человеческого сообщества и требовать человеческих прав. В этом нет никакого различия между мужчиной и женщиной; на бесправие и крах обречены тунеядцы обоих полов. Только лишь рабочие, мужчины и женщины, имеют право жить. Если же женщина остается просто дочерью или любовницей, то она не может требовать так называемой эмансипации». Содержанка нисколько не лучше проститутки, и только работа превратит ее в личность.

Однако, говорилось в прокламации, свобода от семьи – это всего лишь первый шаг. Нигилисты добились только того, что женщин на волне полицейских зверств избивали до бесчувствия. Сексуальное и личное освобождение никогда не было и не будет безопасным в русском обществе, пока в последнем не произойдут глубокие изменения. Каков же тогда верный путь? «Вы найдете его в социальной революции», – был ответ. «Только после этой революции, которая упразднит любую эксплуатацию, вы найдете возможность человеческого существования. Ваше дело тесно связано с делом всей массы угнетенных рабочих людей. Присоединяйтесь к ним. Разрушайте империю помещиков. Разрушайте ее и ее законный остов, который деспотично связывает людей. Только тогда откроется путь к свободному женскому труду; только тогда вы станете в обществе продуктивными индивидами; только тогда ваши права уравняются с мужскими. Только упразднив частную собственность, мы можем упразднить официальную семью».

В обществе будущего, которое представлялось как федерация самоуправляющихся коммун, никто не будет мешать тем, кто хотел бы жить без религии и семьи. В экспрессивном тоне манифест требовал, чтобы женщины так же, как и мужчины, приняли участие в борьбе со старым порядком, чтобы они посвятили свои общепризнанные смелость и стоицизм «делу национального освобождения». Для них настало время присоединиться к движению на равных с мужчинами.

Здесь, по крайней мере, мы можем обнаружить полноценную разработку двух принципов революционного освобождения женщин: в теории – это полное равноправие женщин в деле общего

освобождения русского народа; в тактике – это равное участие женщин в борьбе за осуществление этих целей. Отныне «женский вопрос» должен был быть включен в «общечеловеческий вопрос», а от специальных кампаний в пользу женских прав необходимо было отказаться ради «общего дела». По сути, это явилось специфическим отказом от феминизма, что должно было найти отражение в марксистском «пролетарском женском движении» следующего поколения. Кроме того, это было отказом и от нигилистского этоса как способа решения женского вопроса. Как отмечали такие теоретики, как Бакунин и Лавров, слишком много нигилистов отдали свои силы на личное совершенствование, умственное развитие и сексуальную свободу, позаимствовав у Писарева *только* идеи об индивидуальном освобождении, а у Чернышевского – о духе психологического эгоизма, игнорируя при этом более фундаментальное послание обоих авторов, что личная эмансипация – это всего лишь прелюдия к национальному освобождению. Согласно новой революционной этике 1870-х гг., личные цели (независимо от того, кто их ставит – мужчина или женщина) в работе, образовании или любви, полностью могут быть реализованы только после всеобщего переворота[1].

2. Образование или революция?

Русское революционное движение 1870-х гг. не имело себе равных на Западе. Тысячи молодых мужчин и женщин отправились в деревню устанавливать связь с крестьянами; сотни умерли в ссылке, тюрьмах или на эшафоте за попытку разрушить административное ядро Империи путем террористических актов. Насущные и мучительные проблемы личной и общественной жизни, которые занимали интеллигенцию в 1860-х гг., отныне были отброшены, и все силы направлены на народ и революцию. Как таковой, «женский вопрос» практически перестал существовать в теоретических разработках революционеров. Наиболее выдающиеся политические эмигранты и теоретики движения – Лавров, Бакунин и Ткачев просто-напросто варьировали основные идеи, изложенные в прокламации «Женщинам»: равенство полов перед лицом революционного долга, будущее равноправие в социалистическом обществе. Будучи социалистами, они сделали реверанс и в сторону упразднения семьи, хотя и не дали ни ясной

[1] На исходе десятилетия Шашков сокрушался, что в женском движении стали проявляться аристократические тенденции. Он считал, что движение должно иметь высокий стиль, но вместе с тем, оно должно быть теснейшим образом связано с народными массами. См.: *Шашков С.С.* Указ. соч. С. 313, 369–370.

формулировки понятия «семья», ни времени ее предполагаемого упразднения. А поскольку все они были женаты, то трудности в толковании их идей только возрастают. В любом случае, единичные упоминания о данной проблеме занимали незначительное место в их теориях и имели еще меньшее значение для тех, кто читал их работы[1].

В самой России ситуация была такой же. Несмотря на то, что женщины играли в движении немаловажную роль, и так или иначе проблемы их участия и их возможностей вставали во всех радикальных течениях, революционная литература 1870-х гг. практически не упоминает о женском вопросе. Внутри самого движения были и дискуссии, и даже раздоры по этому вопросу, но программы подпольных групп никогда их не отражали. Сами женщины одобряли это замалчивание, так как большинство из них пришли в радикальное движение не ради женского, а ради народного дела. Поскольку основным объектом революционной пропаганды было невежественное, суеверное, приверженное традициям крестьянство, то тема равноправия полов, несомненно, только усложнила бы и без того трудную работу по налаживанию связей с крестьянами, но по вопросам религии и организации бунтов против самодержавия, пропагандисты зачастую выступали с откровенными речами, добровольно рискуя подвергнуться насилию со стороны деревенского населения. Составители программы «Земли и воли» отказались обсуждать «вопросы, касающиеся частных форм будущего социалистического строя», пояснив, что будущее – это дело будущего. Исполнительный комитет террористической организации «Народная воля» выступил так же уклончиво: «Только лишь воля людей может утвердить будущие общественные формы»[2].

Если и существовала какая-либо жгучая проблема, беспокоившая женщин в начале 1870-х гг., то это был не женский вопрос, а проблема сложных взаимоотношений между движением за образование и революцией. Для многих женщин 1860-х гг. первым шагом в их так сказать «полевении» были серьезные занятия, особенно естественными науками. Знакомство с работами «Происхождение видов» Дарвина, «Физиологические письма» Фогта,

[1] В 1858 г. в беседе с Еленой Штакеншнейдер Лавров выразил уверенность в полном исчезновении семьи в будущем. См.: *Штакеншнейдер Е.* Дневник и записки. М., 1934. С. 239. Ткачев осторожно призывал к «*постепенному* упразднению *существующей* семьи». См.: *Бурцев В.* За сто лет (1800–1896). С. 133–134.

[2] Программа «Земли и Воли» цит. по: *Бурцев В.* За сто лет (1800–1896). С. 138. Программа «Народной Воли» цит. по: Литература социально-революционной партии «Народной Воли». 1905. С. 162.

«Сила и материя» Бюхнера было отличительным признаком передовой женщины. Петр Лавров был одним из первых, кто осознал, что подобная любовь к чистой науке зачастую уводит прогрессивных людей от социальных проблем. В своих самых первых, необычайно популярных «Исторических письмах» он признавал, что «естественная наука является истинным основанием разумной жизни», что без нее человек слеп и глух к требованиям жизни, и поэтому не может быть назван современной, образованной личностью. Между тем более близкими к жизни, продолжал он, являются проблемы политики, экономики и общества. По настоящему образованная личность должна продвигаться от чистой науки к науке об обществе[1].Через все его произведения красной нитью проходит эта тема: само по себе знание – это не самоцель или средство получения профессии, оно является формой самоподготовки к возвышенной и великой цели освобождения людей.

Мемуарная литература того времени полна упоминаний об этой проблеме. Михаил Попов рассказывает, как на третьем году своих занятий медициной он стоял на Сампсониевском мосту, находившемся на полпути от Медицинской академии до Петропавловской крепости, и размышлял над тем, стоит ли ему сдавать экзамены и продолжать обучение или же полностью посвятить себя революционной деятельности. Другой студент, изучавший медицину, поставил вопрос предельно ясно – «знания или работа?». Вера Фигнер, Софья Перовская и бесчисленное множество других женщин, мучившихся этой же проблемой, в конечном счете, покинули университетские аудитории, и пошли в народ. Все они, мужчины и женщины, достигли того уровня понимания, который можно проиллюстрировать хорошо известными словами Лаврова: «Мы не имеем права *учиться на народные деньги*»[2].

Участницы великого «хождения в народ» в основном были выходцами из русской колонии в Цюрихе начала 1870-х гг. и пропагандистских кружков, возникших в России в этот же период (основным считался кружок «чайковцев» в Петербурге). По своей внешней форме эти кружки не слишком отличались от кружков 1860-х гг. – студенты обоих полов, живущие в обустроенных на скорую руку коммунах, несущих (по крайней мере первоначально) слово в низшие слои городского населения.

---

[1] *Лавров П. Л.* Избранные сочинения: В 4 т. М., 1934–1935. Т. 1. С. 172.

[2] *Попов М.Р.* Записки землевольца. М., 1933. С. 45, 102; *Засулич В.И.* Воспоминания. С. 118; *Лавров П.Л.* Народники-пропагандисты, 1873–1878 годов. СПб., 1907. С. 185.

Мировоззрение представителей этих кружков, основанное на доктрине Лаврова о преднамеренной жертве и смирении, а также на однозначном отторжении нечаевского учения, было более этичным и демократическим. Кружок Чайковского возник в результате слияния студентов коммуны с небольшой группой женщин, учившихся на Аларчинских курсах. Его основателем был Марк Натансон, студент-медик. Впоследствии из этого кружка вышли такие известные личности, как Кропоткин, Степняк-Кравчинский, Лопатин, Синегуб, Шишко и Николай Чайковский, чьим именем кружок был впоследствии назван. Через свою будущую жену, Ольгу Шлейснер, Натансон познакомился с одной из студенток Аларчинских курсов и предложил ей присоединиться к кружку. Возможно, именно этот жест – приглашение женщин к участию в кружке, и подтолкнул мужчин к обсуждению «женского вопроса» во время их бесконечных дискуссий. Некоторые ораторы, касаясь данного вопроса, просто повторяли ставшие банальностями мысли Михайлова и Чернышевского. Большинство же, вероятно, было согласно с одним из членов кружка, который сказал, что было бы неверно отделять женский вопрос от более общего – освобождения пролетариата. Несомненно, что благодаря этому замечанию и было решено принять женщин в свой кружок[1].

Возраст принятых женщин (их было около десяти), варьировался от 15 до 21 года; все они вышли из привилегированных слоев: дворянства или из богатой купеческой среды. В духе времени конца 1860-х гг. они поступили на Аларчинские курсы, чтобы просто получить знания, хотя и без определенной конечной цели. Точно так же в духе тех лет, они одевались как нигилистки, носили короткие волосы и простые платья и без конца говорили о проблемах женской эмансипации. Всем им была присуща нерешительность, определенный страх перед зависимостью и завуалированное враждебное отношение к мужчинам, характерное для ранних этапов развития феминистского сознания в самом широком смысле этого слова. Особенно это было заметно у Софьи Перовской, которая вначале выступала против объединения интеллектуальных усилий с мужчинами, а позднее настаивала на самостоятельном изучении теоретических работ, не прибегая к

[1] *Богучарский В.* Активное народничество семидесятых годов. М., 1912. С. 152–172; *Итенберг Б.С.* Движение революционного народничества: Народнические кружки и «хождение в народ» в 70-х гг. XIX в. М., 1965. С. 129–193. О дискуссиях по женскому вопросу среди чайковцев-мужчин см.: *Деникер И.Е.* Воспоминания И.Е.Деникера // Каторга и ссылка. 1924. № 3. С. 20–44.

помощи временно подверженных радикализму мужчин. Наконец, она смягчилась и весной 1871 г. состоялось соединение кружка Чайковского и группы женщин, которые в последующие годы составляли до 25% всех членов кружка[1]. На примере участниц этого кружка мы можем исследовать те типы женщин, которые посвятили себя революционной борьбе.

Девятнадцатилетняя Ольга Шлейснер, происходившая из курской дворянской семьи, училась в одном из институтов Санкт-Петербурга. Чувствуя потребность в дальнейшем образовании, она поступила на Аларчинские курсы. Однако ее подлинное образование началось тогда, когда она встретила Натансона, вышедшего из передовой еврейской семьи из Вильно. Она влюбилась и вышла за него замуж, несмотря на свое высокое социальное происхождение и религиозные убеждения, войдя в революционные анналы как Ольга Натансон. По свидетельствам одного из своих товарищей, она без малейшего следа претенциозности, находила столь же естественным выйти замуж за еврея, как и постричь волосы или прочитать книгу, несмотря на то, что смешанные браки были неслыханным делом в светском обществе. Этот был первый пример того явления, которое станет впоследствии повсеместным. Ольга достаточно легко вошла в «дело» и стала связующим звеном между группой Натансона и своими подругами по курсам. Некоторое время она изучала медицину на недавно открытых женских курсах, но вскоре полностью посвятила себя подпольному движению, став одним из лидеров «Земли и воли». Она умерла в 1881 г. от заболевания, полученного в тюрьме, когда ей было немногим больше 30 лет[2].

Четверо сестер Корниловых были дочерьми процветающего столичного фабриканта, занимающегося производством фарфора, достаточно богатого, чтобы отдать их в лучшие школы, и достаточно либерального, чтобы позволить им идти куда захочется. Одна за другой сестры Корниловы проследовали через гимназии и институты на Аларчинские курсы. Их просторный дом был местом встреч одноклассниц, а их приданое было передано «чайковцам». Наиболее известной из сестер, Александре, было всего лишь 16 лет, когда был образован Аларчинский кружок. Известная в истории как Корнилова-Мороз, она прошла извилистый путь, столь характерный для всех политически активных

---

[1] *Итенберг Б.С.* Указ. соч. С. 142–143; *Сегал Е.* Софья Перовская. М., 1962. С. 63.

[2] *Аптекман О.В.* Общество «Земля и Воля» 70-х гг. по личным воспоминаниям. Пг., 1924. С. 210–214; Деятели революционного движения в России: Биобиблиографический словарь. II/2. 2042–2043.

женщин ее поколения: занятия наукой и пропагандистская работа, арест, изучение медицины в Вене, хождение «в народ» и неизбежная ссылка[1].

Совершенно иного происхождения была Елизавета Солнцева из Харькова. Незаконнорожденная дочь знатного помещика и крепостной женщины была награждена от природы красотой, обаянием и умом, а от своего раскаявшегося в грехе отца – свободой, прекрасным образованием и несколькими домами в Харькове. Типичная интеллигентка 1860-х гг., усвоившая «передовые» идеи, она была верным апологетом женских прав. Вокруг нее и ее мужа, Ковальского, концентрировалась вся харьковская прогрессивная интеллектуальная жизнь. Она превратила один из своих домов, известный как «Розовый дом», в просторную школу социализма и феминизма, в которой преподавала бедным модисткам азы знаний, а более развитым женщинам рассказывала об утопическом социализме и учении о женских правах. Когда полиция закрыла школу, Солнцева-Ковальская, оставив феминизм, уехала в Петербург, где присоединилась к кружку Чайковского[2].

Наиболее известной участницей этого кружка, а впоследствии самой знаменитой революционеркой в России XIX в. была Софья Перовская. По своему социальному положению она превосходила всех своих коллег. Ее отец, хотя и был выходцем из средних слоев дворянства, сумел достичь одного из самых важных административных постов империи – должности генерал-губернатора Петербургской губернии. Лев Перовский не был домашним тираном, как представляли его некоторые его современники[3]; однако со своей семьей он вел себя как офицер и чиновник, изводя жену тем, что она недостаточно «разговорчива». Маленькая Соня, любила свою мать до безумия, но боялась и не любила отца, что еще в раннем возрасте способствовало развитию у нее отвращения к мужчинам, продолжавшегося достаточно долго.

---

[1] Деятели революционного движения в России: Биобиблиографический словарь. II/2. С. 640–644; *Брешко-Брешковская Е.* Из воспоминаний // Голос минувшего на чужой стороне. 1918. Окт.–дек. С. 169–235; *Синегуб С.С.* Записки Чайковца. М., 1929. С. 6, 305; *Сегал Е.* Указ. соч. С. 43–44.

[2] *Попов М.Р.* Записки землевольца. М., 1933. С. 445; *Итенберг Б.С.* Указ. соч. С. 157.

[3] *Ашешов Н.* Софья Перовская: Материалы для биографии и характеристики. СПб. [sic]., 1920. С. 9.; *Сегал Е.* Указ. соч. С. 11. По ряду причин такие крупные революционерки, как Перовская, Фигнер и Засулич, не имели серьезных и критических биографов. Работа Ашешова о Перовской традиционна и крайне поверхностна. Книга Сегал, хотя и написана в популярном ключе и без привлечения документации, является наиболее полной и снабжена полезным перечнем источников.

Детство, проведенное в подобной атмосфере, может объяснить развившуюся позднее враждебность Перовской к аристократическому обществу и жгучую ненависть к царскому режиму.

Плохие времена наступили для семьи в 1866 г., когда ее отца понизили в должности из-за дела Каракозова и из-за того, что брат Сони, Василий, оказался замешанным в студенческих беспорядках. С этого времени брат и сестра перестали ладить с остальными членами семьи. Брат был единственным мужчиной, который оказывал на нее влияние, и именно благодаря ему она познакомилась с миром «толстых журналов». От чтения работ Писарева остался один шаг до желания «вступить» куда-нибудь. В 1869 г. открылись Аларчинские курсы, и Перовская, которой не было и 16 лет, начала там учиться. Ее подругами стали сестры Корниловы, а позднее через них она познакомилась со Шлейснер и «чайковцами». Отец с помощью полиции попытался вернуть свою заблудшую дочь, но безрезультатно – его мнение ничего для нее не значило. На курсах Перовская обнаружила способности к математике и была одной из наиболее прилежных студенток; однако по мере того, как она лучше узнавала жизнь и знакомилась с людскими страданиями, ее самосознание росло. Перовская отметила позднее, что присоединилась к социалистическому кружку «с тем, чтобы сделать возможным совершенствование людей» – замечание столь же психологически сильное, сколь и идеологически аморфное[1].

Перовская, казалось, обладала всем, что только могло восхищать членов кружка Чайковского – скромностью, любовью к угнетенным, ненавистью к угнетателям, стоицизмом – лучшими качествами революционерки 1870-х гг. Личные взаимоотношения внутри кружка строились на основе полного равноправия, теплого, неформального, товарищеского духа. В вопросах секса, если верить свидетельству Перовской, главенствовали пуританизм и «серьезность». В обществе, которое боготворило сурового героя-аскета Рахметова из романа Н.Чернышевского, Перовская была самой строгой или, как однажды назвал ее Тихомиров, «спокойной из спокойных». Поэтому Перовская была наиболее влиятельна в вопросах об исключении какого-либо члена группы (мужчины) вследствие его «распущенной

[1] *Ашешов Н.* Указ. соч. С. 9; *Сегал Е.* Указ. соч. С. 11. По ряду причин такие крупные революционерки, как Перовская, Фигнер и Засулич, не имели серьезных и критических биографов. Работа Ашешова о Перовской традиционна и крайне поверхностна. Книга Сегал, хотя и написана в популярном ключе и без привлечения документации, является наиболее полной и снабжена полезным перечнем источников.

жизни»; подобных представителей мужского пола она считала «дамскими угодниками»[1].

Первым нелегальным мероприятием «чайковцев» была «книжная работа» – распространение в среде столичной молодежи идей Маркса, Лассаля, Лаврова и Берви. Эта деятельность привела к первому столкновению Перовской с полицией – аресту, поверхностному расследованию и освобождению за отсутствием состава преступления. После этого она провела лето в приволжских деревнях, распространяя революционные идеи среди крестьян – ранний вариант «хождения в народ». Знакомство с тем, как в действительности живут русские люди, явилось для нее шоком. Под впечатлением от увиденного, под влиянием идеи Лаврова о «раскаявшихся аристократах», вдохновленная аскетизмом Рахметова, она путешествовала пешком и спала на голом полу. Возвратившись в Петербург, Перовская включилась вместе со своими товарищами в пропагандистскую работу на фабриках, и вела очень непритязательный образ жизни. Однако вскоре полиция арестовала большинство участников кружка Чайковского, положив, таким образом, конец его существованию. Перовскую отослали к матери. Так закончился первый этап ее революционной карьеры[2].

Менее значительные группы, существовавшие одновременно с «чайковцами», также вовлекали женщин в революционное движение. Однако более многочисленная и более известная группа русских радикалок начала 70-х годов XIX в. сложилась в Цюрихе. Со времен Сусловой русские женщины, не имея возможности продолжить свое обучение на родине, отправлялись для получения высшего образования, чаще всего медицинского, за границу. С 1864 по 1874 г. примерно 118 русских женщин (вдвое больше, чем мужчин) поступили в Цюрихский университет. Большинство из них действительно приехали для серьезных занятий, хотя медицина зачастую рассматривалась как способ служения «народу» и установления связи с ним, а не просто как наука или профессия. Политически активные женщины приехали для знакомства с радикальным сообществом и для того, чтобы вкусить сладкий запах политической свободы. Для них это несомненно было серьезным поступком, так как в те дни было далеко непро-

---

[1] *Ашешов Н.* Указ. соч. С. 18–23; *Степняк-Кравчинский С.М.* Софья Перовская. Берлин, 1903. С. 6–12; *Чайковский Н.В.* Через пол столетия: Открытое письмо к друзьям // Голос минувшего на чужой стороне. 1926. Ноябрь. С. 179–189.

[2] *Ашешов Н.* Указ. соч. С. 28–36; *Степняк-Кравчинский С. М.* Софья Перовская. С. 15–19; *Kropotkin P.A.* Memoirs of a Revolutionist. N.Y., 1962. P. 211.

сто молодой русской женщине получить паспорт и отправиться в путешествие. Некоторые из них извлекли выгоду из страхов своих матерей, опасавшихся, что дома их дочери заразятся нечаевскими идеями; другие для получения свободы прибегли к широко распространенному способу – заключению фиктивного брака как пути к свободе[1].

Среди русских, которые накаляли политическую атмосферу в Швейцарии, были ветераны подпольных кружков 1860-х гг., члены Первого Интернационала и эмигрировавшие участники Парижской Коммуны. Во всех этих группах присутствовали и женщины, имевшие незначительное влияние вне этих кружков. Четверо русских женщин принимали участие в Коммуне. Из них только Елизавета Дмитриева внесла существенный вклад в политическую борьбу во время этого кровавого эпизода истории. Дмитриева была незаконнорожденным дворянским ребенком, выросшим в привилегированных условиях. В детстве она брала уроки игры на фортепьяно у своего «бедного кузена» Мусоргского, а с другим кузеном, Куропаткиным, обдумывала планы финансирования социалистических кружков. Проделав путь от нигилизма к марксизму, Дмитриева стала одной из наиболее активных сторонниц Маркса в Первом Интернационале. В двадцатилетнем возрасте, полная сил, она отправилась из Швейцарии в Париж, где вместе с Л.Мишель основала клубы для женщин-работниц, союзы медсестер и, наконец, Женский батальон. Известная среди участников Парижской Коммуны как Мадам Х., она появлялась на баррикадах, одетая в запачканное кровью платье с красной лентой, перетянутой вокруг груди, подобно «Свободе на баррикадах» Делакруа[2].

Слухи о Коммуне докатились и до русских женщин в Цюрихе, но атмосфера бунта, порожденная Лавровым и Бакуниным, воздействовала на них сильнее слухов. Бакунин во время своего пребывания в Цюрихе летом 1872 г., попытался обратить в свою веру небольшую, но преданную группу последователей, состоявшую в основном из женщин, которых швейцарские студенты прозвали «казачьими пони». Однако проблема состояла в том, что влияние Бакунина в значительной степени было личного и

---

[1] *Meijer J.M.* Op. cit. P. 131–132; *Лавров П.Л.* Народники-пропагандисты, 1873–1878 годов. СПб., 1907. С. 62–69. Также см.: *Breshkovskaya E.* Hidden Springs of the Russian Revolution: Personal Memoirs. Stanford, 1931. P. 335; *Kropotkin P.A.* Memoirs of a Revolutionist. P. 179.

[2] *Книжник-Ветров И.С.* Русские деятельницы Первого Интернационала и Парижской Коммуны. С. 16–134; *Jellinek F.* The Paris Commune of 1871. London, 1937. P. 253–254, 324, 400.

харизматического характера и быстро исчезло, после его отъезда. Несмотря на свой радикализм в отношении женской эмансипации, Бакунин однажды поразил своих последовательниц, заявив, что не выносит вида пьющей или курящей женщины. Хотя Лавров был менее колоритной фигурой по сравнению с Бакуниным, он имел гораздо большее влияние на умы молодых женщин в Цюрихе. Его защита женских прав выражалась гораздо больше на деле, чем на словах, так как он об этом никогда много не писал. В Швейцарии он развивал революционное сознание женщин привлекая их в свои кружки и предоставляя работу в своих журналах; и в Швейцарии, и в самой России его этическое революционное учение имело на женщин огромное влияние[1].

Среди многочисленных женских кружков, объединений и клубов чтения, которые как грибы возникли в районе Оберштрассе, три представляют особый интерес. Женский Клуб Логической Мысли прожил короткую, но бурную жизнь. Он был создан Розалией Идельсон, еврейской студенткой-медичкой, которая приехала в Швейцарию благодаря фиктивному браку для того, чтобы жить со своим возлюбленным нееврейского происхождения. Она, как и множество молодых, еще не сложившихся радикалок, стремившихся к интеллектуальному сотрудничеству с мужчинами, находилась на том уровне феминистского сознания, когда для обретения уверенности в своих силах еще необходимо было более комфортное общество других женщин. Так был создан клуб «Женский Ферейн», состоявший только из женщин, которые хотели отшлифовывать в дискуссиях свои ораторские способности и подвергать проверке свои убеждения без угрожающего присутствия мужчин. Некоторые женщины старшего поколения ошибочно видели в нем проявление антимужской тенденции, однако молодежь приняла клуб с энтузиазмом. Но, будучи неподготовленными к искусству «рассудительных дискуссий», члены клуба быстро скатились до личных оскорблений уже на третьем упражнении по малопонятному вопросу о том, что должно случиться с плодами цивилизации после революции. Женщины покинули собрание, крича на спящих улицах Цюриха: «Мы уничтожим их» или «Мы сохраним их». Несколько недель спустя клуб прекратил свое сущест-

---

[1] *Meijer J.M.* Op. cit. P. 99; *Фигнер В.Н.* Студенческие годы (1872–1873) // Голос минувшего на чужой стороне. 1922. Окт. С. 165–181; *Сажин М.П.* Русские в Цюрихе (1870–1873 гг.) // Каторга и ссылка. 1932. № 10. С. 37. О заинтересованности Лаврова женским вопросом см.: Письмо в редакцию // Библиограф. 1869. Окт. С. 1–14; *Лавров П.Л.* Избранные сочинения: В 4 т. М., 1934–1935. Т. 1. С. 63.

вование, без сомнения, научив некоторых женщин бесплодному мастерству соревноваться с мужчинами в постановке подобных вопросов[1].

Кружок «сен-жебунистов» состоял из пяти мужчин и трех женщин, которые держались в стороне от других политических групп университета, посвятив себя глубокому изучению идей французских утопистов. Название кружка – каламбур, составленный из фамилии братьев Жебуневых, основавших его, и термина «сенсимонисты», возникло из-за склонности братьев к экзальтированным дискуссиям, которые зачастую также заканчивались обмороками, как это случалось и с учениками Анфантена в Менильмонтане. Наиболее заметным членом кружка была Анна Розенштейн, которая, подобно большинству своих подруг, была дочерью состоятельного еврея-выкреста. Наделенная красотой и умом, проведя счастливое детство, она в шестнадцатилетнем возрасте с отличием окончила симферопольскую гимназию и прямиком направилась в Цюрих заниматься наукой. Там она присоединилась к кружку «сен-жебунистов», и, когда два года спустя, ее встретил Лавров, она была уже «пламенной анархисткой». После возвращения членов кружка в Россию для работы в деревне, все, кроме Анны, были арестованы. Сама она уже в более зрелом, двадцатилетнем возрасте стала членом экстремистской группы, действующей в южной России. После разгрома этой группы она вернулась в Европу, где, в конце концов, вышла замуж за Филиппо Турати и стала одной из первых руководительниц марксистского движения в Италии и редактором *«Critica sociale»*. Она была одной из тех очаровательных и утонченных женщин-евреек Российской империи (из которых более знаменитыми были лишь Роза Люксембург, Эмма Голдман и Голда Мейер), которые прошли через многие революционные и интеллектуальные течения, соединив в себе их традиции, прежде чем достигли своего всестороннего развития и зрелости. «Синьора Куличиофф», как звали ее итальянцы, к тому же смогла закончить свое обучение и стать прекрасным врачом[2].

---

1 *Фигнер В.Н.* Запечатленный труд: Воспоминания: В 2 т. М., 1964. Т. 1. С. 116–119; *Meijer J.M.* Op. cit. P. 69; *Итенберг Б.С.* Указ. соч. С. 173.

2 О «сен-жебунистах» см.: *Фигнер В.Н.* Студенческие годы (1872–1873) // Голос минувшего. 1922. Окт. С. 168; *Дейч Л.* Южные бунтари // Голос минувшего. 1920–1921. XX. С. 51–51. О Розенштейн см.: *Дейч Л.* Роль евреев в русском революционном движении. М.–Пг., 1926. С. 217–231; *Лавров П.Л.* Народники-пропагандисты, 1873–1878 годов. СПб., 1907. С. 218; *Venturi F.* Anna Kuliscioff e la sua attivita rivoluzionaria in Russia // Movimento operaio. 1952. Mar.–Apr. P. 277–287.

7 Заказ 5510

Более известным цюрихским кружком был кружок «Фричи» – по названию пансиона фрау Фрич, в котором жили его члены. Наиболее известной его участницей была Вера Фигнер, несмотря на то, что она последней присоединилась к кружку и долгое время отказывалась оставить свое обучение ради дела революции. Ее воспоминания дают нам представление, как о самом кружке, так и о становлении этой выдающейся революционерки[1]. Фигнер вышла из процветающей семьи казанских дворян. Несмотря на то, что своего отца, правительственного чиновника, она описывает в мемуарах как достаточно деспотичного человека, ранние годы Веры были счастливыми и неомраченными внутренней борьбой. Намеки на ее будущий радикализм в это время были минимальны: презрение к кузену-аристократу, сочувствие польским родственникам, пострадавшим во время польских событий 1863 г., а также смутное чувство «долга» в помощи другим людям, то есть все те настроения, которые в равной степени могли бы привести ее к либерализму, к феминизму или вообще ни к чему. Она не была прирожденной революционеркой. Один из ее детских снов был о том, как ее выбрали в невесты царю. Ее младшая сестра оказалась первой на пути к радикализму, в то время как ее братья сделали респектабельные карьеры.

Образование Фигнер «соответствовало ее общественному положению» – домашнее обучение, затем Родионовский институт в Казани. Существует мнение, что благотворные реформы 1860-х гг. улучшили общую атмосферу в институтах, однако преподаваемые предметы были все так же далеки от жизни, как и сама учительница – «высушенная старая дева», по словам Фигнер. Охоту к чтению книг отбивали быстро, и практически ничего не делалось для того, чтобы научить институток жизни или развить их нравственность. Оглядываясь на свое шестилетние пребывание в институте, Фигнер пыталась определить, что она из него вынесла – утонченные манеры, дисциплинированность в занятиях и, как отличительную черту всех пансионеров, жажду дружбы. «Но в смысле научного знания и в особенности умственного развития, – писала она, – эти учебные годы не только дали мне очень мало, они задерживали мой духовный рост, не говоря

[1] Личность В.Фигнер, чья жизнь (1852–1942) пришлась на наиболее критический период российской истории, также ожидает более серьезного биографического исследования, несмотря на то, что существует богатая литература, написанная самой Фигнер и о ней. «Запечатленный труд» – основной мемуарный труд Фигнер. В первом томе описывается ее жизнь до 1883 г., а во втором – 20 лет, проведенных ею в Шлиссельбургской крепости. О годах, проведенных в Цюрихе, см.: *Фигнер В.Н.* Студенческие годы (1872–1873).

уже о том вреде, который приносила неестественная изоляция от жизни и людей». Между тем, как и многие развитые девушки ее поколения, она компенсировала скуку классных комнат обширным чтением основных источников радикальной чувствительности: русских классиков, «толстых журналов» и произведений западной научной мысли[1].

Поворотный момент наступил вскоре после выпуска из института в 1869 г., когда она чувствовала в себе «энергичное, личное, бьющее через край настроение и желание заняться какой-нибудь значимой деятельностью». Случайно она наткнулась на статью о карьере Сусловой. Вскоре после этого она прочитала статью об утилитаризме и решила, что «наибольшее счастье для наибольшего числа» людей является подходящей целью, а кратчайшим путем к ней служат занятия медициной. Ее планы отправиться в Цюрих были отложены из-за свадьбы с казанским адвокатом Алексеем Филипповым. В университете она и ее сестра Лидия изучали под руководством профессора Лесгафта естественные науки. Когда этого благородного преподавателя уволили из-за оказываемого им «дурного влияния на молодое поколение», Вера расстроилась, но, как она писала впоследствии, не провела никакой связи между этим событием и произволом русского правительства. Даже в Цюрихе, куда она, ее муж и сестра Лидия приехали в 1872 г., Вера первоначально влилась в среду «консервативных» девушек, чьим единственным интересом являлась учеба, и не спешила присоединиться к более политически активным друзьям Лидии, которая, в конце концов, и вовлекла ее в радикальный кружок[2].

Кружок «Фричи», к которому присоединилась Лидия, состоял из 12 или 15 девушек в среднем двадцатилетнего возраста, большинство из которых были русскими дворянками, за исключением двоих евреек. Национальные и религиозные различия были практически стерты, так как все они были состоятельными, хорошо образованными, читали одни и те же книги и разделяли одинаковые философские взгляды. В этом кружке, как и в мужских группах, принадлежность к иудаизму практически не играла никакой роли во взаимоотношениях между ее членами. За стенами классных комнат женщины «Фричи» изучали социализм, посещали собрания эмигрантов и на волонтерских началах работали в журналах Лаврова. Здесь царствовало равноправие, хотя к

---

[1] О детстве и школьных годах Фигнер см.: *Фигнер В.Н.* Запечатленный труд: Воспоминания. Т. 1. С. 86.

[2] Там же. С. 99–122; *Фигнер В.Н.* Студенческие годы (1872–1873). С. 171.

одной из них, Софье Бардиной, прозванной «тетушкой», относились как к старшей. Серьезная и уважаемая остальными, она несла в себе тот пансионный дух, который допускал возвышенные чувства между девушками без какой-либо сексуальной окраски. Бардина источала дух силы и готовности к самопожертвованию, которая была испытана и доказана ее ужасной судьбой[1].

Происхождение трех сестер Субботиных было типичным для большинства представительниц кружка. Однако, в отличие от остальных, они приехали в Цюрих не против воли их матери, а с ее помощью. Это была либеральная дама старшего поколения, которая использовала свое положение для того, чтобы открыть школы для крестьян и отправить своих дочерей в Швейцарию, где она сама стала известна под именем «мать Граши». Несогласная со стремлением дочерей (Евгении, Марии и Надежды) встать на путь революции, она, тем не менее, играла активную роль в революционном движении и разделила их судьбу[2].

Одной из евреек, входивших в кружок, была Берта Абрамовна Каминская. Родившаяся в семье зажиточного торговца в Мелитополе, она рано потеряла мать, и ее снисходительный отец предоставил ей значительную свободу, которая привела ее не к праздности, но к раннему осознанию нищеты, окружавшей ее. Чтение русских классиков обострило восприимчивость Бети к чужим страданиям, а одиночество привело к тому, что она стала задаваться вопросом: «Чем я могу помочь людям?» Казалось, ответом могла стать медицина, так как она позволяла не только воспитывать свой собственный ум, но и служить другим. В восемнадцатилетнем возрасте она получила разрешение учиться в Цюрихе. Там, в кружке «Фричи», Каминская нашла дружеское сочувствие, которого была лишена в детстве, а также серьезное и глубокое отношение к нравственным проблемам[3].

---

[1] О кружке Фричи см.: *Knight A.* The Fritschi: a Study of Female Radicals in the Russian Populist Movement // Canadian-American Slavic Studies. 1975. Summer. P. 1–17; *Фигнер В.Н.* Запечатленный труд: Воспоминания. Т. 1. С. 119–127; *Она же.* Студенческие годы (1872–1873) // Голос минувшего на чужой стороне. 1922. Окт. С. 175–177; *Meijer J.M.* Op. cit. P. 70–72. О Бардиной см.: Деятели революционного движения в России: Биобиблиографический словарь. II/2. 81–82; *Лавров П.Л.* Народники-пропагандисты, 1873–1878 годов. С. 68–69.

[2] Деятели революционного движения в России: Биобиблиографический словарь. II/2. .1634– 643; *Бурцев В.* За сто лет (1800–1896). С. 120; *Фигнер В.Н.* Студенческие годы (1872–1873). С. 170.

[3] Деятели революционного движения в России: Биобиблиографический словарь. II/2. 537–538; *Дейч Л.* Роль евреев в русском революционном движении. М.–Пг., 1926. С. 88–98; *Лавров П.Л.* Народники-пропагандисты, 1873–1878 годов. С. 67.

Поворотный момент для кружка «Фричи» и для всего сообщества русских женщин Цюриха наступил в мае 1873 г., когда царское правительство издало указ, предписывавший им завершить обучение к январю будущего года. Русская община находилось под надзором российской полиции, и указ тем самым был попыткой разогнать ее, выдворив студенток. Без обиняков указ обвинил женщин в том, что в Цюрихе они занимались подрывной деятельностью, предположив, что большинство из них находится там не для учебы. Помимо этого, он предъявил обвинение «некоторым» девушкам в том, что они изучали акушерство только для того, чтобы производить аборты, по-видимому, друг другу, так как, кроме всего прочего, их обвинили еще и в претворении в жизнь «коммунистической теории свободной любви». В отношении многих женщин обвинение в политической деятельности было верным. Между тем никакой нравственной порочности не было; совсем наоборот – многие из них приехали в Цюрих при помощи фиктивных браков за тем, чтобы создать с любимым мужчиной серьезный и длительный, хотя и незаконный, союз. Однако от царской полиции вряд ли можно было ожидать внимания к подобным нюансам. В указе говорилось, что тем женщинам, которые останутся в Цюрихе после названного срока, будет навсегда запрещено учиться или работать в любом государственном учреждении[1].

Бестактность указа и огульные обвинения в безнравственности и радикализме не только шокировали русскую общину в Цюрихе, но и вызвали настоящий раскол внутри ее. Некоторые из женщин, которые вышли замуж в Цюрихе и не планировали жить в России, остались в университете; другие, соблазненные обещанием о возможности учиться в России, отправились домой. Большинство же просто переехало учиться в другое место, хотя не больше 25% из них получили дипломы. Это были те женщины, которые, не придерживаясь радикальных взглядов, умоляли революционеров оставить их в покое и «позволить революции лежать на полках»[2]. Однако женщинами «Фричи» указ был воспринят как оскорбление и послужил толчком к разрыву с прошлым. Они создали «тайное общество» и поклялись вернуться в Россию, чтобы присоединиться к революционному движению. Их первая программа была переполнена шаблонными фразами

---

1 Указ цит. по: *Богучарский В.* Активное народничество семидесятых годов. М., 1912. С. 213–215.

2 *Meijer J.M.* Op. cit. P. 145–146, 155–156; *Лавров П.Л.* Народники-пропагандисты, 1873–1878 годов. С. 62. Данные Мейера свидетельствуют о том, что 70 из 120 девушек, учившихся в университете Цюриха, попали в биографический словарь деятелей революционного движения.

об эксплуатации масс и необходимости социалистического производства и распределения, но в ней отсутствовала тактика, применимая к российским условиям. После переезда в Париж и Женеву некоторые из представительниц «Фричи» познакомились с группой грузинских студентов, которых настолько впечатлила их позиция, что они согласились объединиться с ними в партию под названием «Всероссийская социал-революционная организация». Грузинские студенты, хотя и признавали равенство полов в будущем обществе, игнорировали предложенный женщинами обет безбрачия для всей группы. Когда этот конфликт был улажен в пользу грузин, партия была создана, и ее члены вернулись в Россию, чтобы посвятить себя революционной деятельности[1].

Вера Фигнер не являлась членом новой партии. Действительно, понадобилось долгое время, прежде чем она, вопреки желаниям своего консервативно настроенного мужа, присоединилась к кружку «Фричи». На ее решение повлиял указ. Став членом кружка, она начала переосмысливать свое положение и осознала, что медицина способна лишь залечить раны и «временно ослабить» болезни русской цивилизации. Требовалось фундаментальное изменение общественного и экономического порядка; и в результате профессия врача, некогда казавшаяся ей столь высокой, теперь предстала как простое ремесло. Она вспоминала, как медленно в нее проникало понимание того, что ничто, кроме социализма, не исправит зла «железного закона заработной платы», и ничто не приведет к возникновению социализма, кроме организации и пропаганды его идей среди «рабочего класса и народа». Вооружившись этой простой смесью лассальянства и лавризма, Фигнер, в конце концов, приняла решение стать революционеркой[2].

Таким образом, к лету 1873 г. женщины «Фричи», подобно остальным русским в Цюрихе, пришли к тем же идеям, к которым пришли и их сестры в кружке Чайковского в России. Они отвергли учебу, самосовершенствование и профессиональную карьеру ради поисков своей женской и человеческой идентичности. Феминизм и нигилистское самовыражение остались позади. Как вспоминала Фигнер, «заграничные студентки, в массе, не были поборницами “женского вопроса” и относились с улыбкой ко всякого рода напоминаниям о нем». «Мы приехали, не думая о

---

[1] *Фигнер В.Н.* Запечатленный труд: Воспоминания. Т. 1. С. 124–128; *Джабадари И.С.* Процесс 50-ти (Всероссийская Социально-революционная Организация) 1874–1877 гг. // Былое. 1907. Сент. С. 183; *Богучарский В.* Указ. соч. С. 221; *Meijer J.M.* Op. cit. P. 165.

[2] *Фигнер В.Н.* Запечатленный труд: Воспоминания. Т. 1. С. 120–124.

каком бы то ни было пионерстве, не для того, чтобы способствовать фактическому разрешению женского вопроса; он не казался нам даже и требующим утверждения. Это было дело прошлое: равенство мужчины и женщины, как принцип, был приобретением еще 60-х гг., передавшим последующим поколениям богатое наследство демократических идей»[1].

3. Общее дело

Начавшись весной 1874 г., великое «хождение в народ» явилось первым широкомасштабным проявлением того, что было названо «народничеством» – страстным желанием жить среди крестьян, чтобы разделить их страдания и тяжелый труд, а также внушить им те идеи, которые проросли в душах целого поколения интеллигенции. Лавров, один из его создателей, выразил дух этого движения в нескольких словах: «Люди стремились не только к достижению определенных практических целей, но вместе с тем к удовлетворению глубокой потребности личного нравственного очищения». Его слова особенно подходили для характеристики радикалок. «Хождение в народ» было для них средством воплотить свои возвышенные мечты и подавить давнишние сомнения относительно своей человеческой полноценности. К тому же это давало практическую возможность увидеть своими глазами объект своего сочувствия и благоговения, без чего служение революции было бы фальшивым. Как и товарищи-мужчины, они разделяли настроения того студента, который жаждал отбросить книги, чтобы вкусить жизнь.

Друзья, дадим друг другу руки
и смело бросимся вперед.
Пора нам бросить все науки
и дружно двинуться в народ[2].

---

[1] *Фигнер В.Н.* Студенческие годы (1872–1873). С. 181.

[2] *Итенберг Б.С.* Движение революционного народничества: Народнические кружки и «хождение в народ» в 70-х гг. XIX в. С. 308; *Лавров П.Л.* Народники-пропагандисты, 1873–1878 годов. С. 195. Понятие «народничество» употребляется здесь в общепринятом среди историков смысле для обозначения всех революционных социалистов России в 1870-х гг., хотя они сами и их враги использовали такие понятия как социалисты, социал-революционеры, нигилисты, террористы, бунтовщики, анархисты, пропагандисты, якобинцы и даже социал-демократы. Князь Одоевский в 1862 г. использовал понятие «народник» в качестве синонима для «герцениста», ультралиберала и нигилиста. См.: Дневник В.Ф.Одоевского, 1858–1869 // Литературное наследство. 1935. XXII–XXIV. С. 148. Также см.: *Pipes R.* Narodnichestvo: A Semantic Inquiry // Slavic Review. 1964. Sept. XXIII/3. P. 441–468.

«Хождение в народ» не было спонтанной акцией. Оно долго готовилось идеологически и было предварено рядом небольших пропагандистских акций среди крестьян и рабочих в 1860 – начале 1870-х гг. Общее развитие событий в движении 1874 г. было разработано предыдущей зимой и весной в более чем двадцати кружках, находившихся в крупнейших городах. Кружки были демократическими и независимыми друг от друга, у них не было центрального руководства, хотя между некоторыми из них и существовала связь. Общей целью летней кампании было проведение разведки в сельской местности с тем, чтобы вновь собраться вместе осенью, обменяться опытом и планами будущих действий[1]. Женщины, составлявшие, по-видимому, менее пятой части от общего числа кружковцев, были активно вовлечены в эту деятельность. Осознавая, что женщины-пропагандистки могут столкнуться в деревнях со значительными трудностями, некоторые кружки обсудили вопрос целесообразности их участия. Большинство молодых пропагандистов, в том числе женщин, считали, что принцип равенства полов в революционной деятельности (к тому времени уже установленный факт) не должен нарушаться и в этом случае. «Отправляйте тех женщин, – говорили они, – которые могут идти в народ, как это делают мужчины, в крестьянской одежде; и позвольте им избежать, насколько возможно, всех неприятностей, которые ассоциируются с представительницами прекрасного пола»[2].

Сотни женщин пошли в народ, выдавая себя либо за странствующих ремесленниц, либо за поденщиц. Их дилетантское подражание крестьянским манерам, вкупе с крестьянской подозрительностью, привело к тому, что к концу лета около 1 600 человек были арестованы. Реально к суду было привлечено только 770, среди которых было 158 (около 20%) женщин. Мы мало что знаем о них – лишь то, что 40 из них предстали перед судом. Это были ветераны «чайковцев» и других кружков, бывшие цюрихские студентки, а также выпускницы гимназий и женщины низших слоев. Граф Пален в своем часто цитируемом докладе о деятельности пропагандистов отмечал, что женщины играли довольно заметную роль в некоторых координационных центрах движения, и был огорчен тем, что многие из них вышли из семей, имевших большие связи в высшем обществе[3]. Типичной предста-

---

[1] *Итенберг Б.С.* Движение революционного народничества: Народнические кружки и «хождение в народ» в 70-х гг. XIX в. С. 278–297.

[2] Цит. по: *Богучарский В.* Указ. соч. С. 187.

[3] Записка, разосланная графом Паленом // Вперед! 1875. Авг. 15.

вительницей таких женщин была Софья Лешерн фон Гертцфельд, тридцатидвухлетняя дочь богатого генерал-майора из Новгорода, чья семья имела значительные придворные связи. Выучив в институте иностранные языки, Софья страстно увлеклась западной социальной литературой, и в одной из отцовских деревень открыла школу. Когда школа была закрыта властями, она отправилась в столицу, где ее быстро вовлекли в радикальные круги. Она вышла замуж за Ф.Н.Лермонтова, студента-анархиста крестьянского происхождения, и вместе с ним пошла в народ. Позднее она стала известна как первая женщина, осужденная на смерть за революционную деятельность[1].

Типичной и наиболее известной представительницей тех, кто ходил в народ, была Екатерина Брешко-Брешковская (1844–1934), известная трем поколениям западных читателей как «маленькая бабушка русской революции». Вряд ли можно найти менее демократическую родословную, чем у нее. Ее отец, происходивший из польских дворян, был помещиком в западной России; мать – выпускницей Смольного института. Уже в раннем возрасте Катю начали мучить сомнения относительно ее положения, и она всегда занимала сторону домашних слуг, когда их наказывали. «Начиная с восьми лет, – вспоминала она, – вопросом, беспокоившим меня, было, как найти справедливость». Она сублимировала свои великодушные материнские импульсы в «кормление» куста, который представлялся ее детскому воображению детенышем. Ее сильное чувство инаковости, которое обычно питает склонную к благотворительности личность, могло быть усилено и физическим недостатком – врожденным искривлением шеи. Однако в отличие от своих будущих соратников, она дала выход своим гуманистическим устремлениям в продолжительном участии в либеральном дворянском движении – в работе в земстве и крестьянских школах, обойдя стороной нигилизм и, увлекшись радикализмом, когда ей было около тридцати лет[2].

---

[1] *Брешко-Брешковская Е.* Из воспоминаний // Голос минувшего. 1918. Окт.–дек. С. 174–192; Деятели революционного движения в России: Биобиблиографический словарь. II/2. С. 771–772.

[2] Две ее основных биографии написаны на английском языке: The Little Grandmother of the Russian Revolution / Ed. by Alice Stone Blackwell. Boston, 1930; *Breshkovskaya E.* Hidden Springs of the Russian Revolution / Ed. by L.Hutchinson. Stanford, 1931. Тот факт, что редактором второй книги была американская феминистка и дочь более известной феминистки (Люси Стоун), частично способствовал славе Брешковской в Америке. Книга появилась в 1917 г., когда Брешковская была «бабушкой», но отнюдь не «прабабушкой» русской революции.

В бесплодных попытках сотрудничать с властями она утратила веру в либеральные «малые дела» и призвала своего мужа, земского либерала, присоединиться к пропагандистской работе. Когда он отказался, она рассталась с ним, порвав все семейные связи (хотя и она была беременна), и отправилась в Киев, чтобы там присоединиться к «делу». Непостоянной Брешковской быстро наскучили сложные для понимания идеи Лаврова, и она увлеклась учением Бакунина, окрестив себя «искательницей огня». Пребывая в таком состоянии, она родила ребенка, и сразу же передав его на руки брата, отправилась по Днепру «в народ», сея среди крестьян идеи равенства и справедливости. Вместе со своими товарищами она была арестована полицией и отправлена в столицу для того, чтобы предстать перед судом[1]. Дальнейшее сотрудничество Брешковской с партией социалистов-революционеров, ее обширные связи в Америке, ее деятельность в 1917 г. в уже преклонном возрасте – все это способствовало созданию мифа о том, что она была некой ключевой фигурой в революционном движении. В действительности ее радикальная деятельность была достаточно ординарной. Сильная воля, жизнерадостность и уверенность в себе, граничащая с самонадеянностью, – это все сделало ее легендой и было типично для большинства русских революционерок. В тюрьме она «видела сны о свободе и активной деятельности. Вера в мои собственные силы возросла. Я знала, что готова осмелиться и вынести что угодно». Она воплощала живой пример веры в то, что революция делается «людьми с высокими умственными и нравственными стремлениями», а также «личностями с выдающимися характерами»[2].

В 1874–1875 гг. женщины «Всероссийской социал-революционной организации», бывшие некогда членами кружка «Фричи», начали пропагандистскую деятельность на фабриках. «Московские амазонки», как их назвали на суде, пошли на московские фабрики, чтобы «разделить страдания народа». Бардина работала по 15 часов в день и жила в квартире, полной вшей. Каминская, притворившись солдатской женой, каждый день вдыхала пыль в не проветривавшейся мастерской, а по ночам оказывалась втиснутой в холодный и зловонный женский барак. Перебравшись на текстильную фабрику, она обнаружила, что не может преуспеть в своей пропагандисткой деятельности среди работниц, которые использовали любое свободное время для того, что-

[1] The Little Grandmother of the Russian Revolution. P. 26–77; *Breshkovskaya E.* Op. cit. P. 3–30.
[2] Ibid. P. 177, 120.

бы бегать к мужчинам. А мужчины в свою очередь пытались завлечь в кабак молодую Каминскую. Однако со временем она добилась от рабочих доверия и внимания тем, что ясно и красноречиво рассказывала им о разнице между их жалкой нищетой и богатством их господ. Живописуемые ею социальные картины зачастую заставляли рабочих оставаться на ее беседы даже после гудка об окончании работы. Для Каминской это были самые счастливые дни в ее жизни. Конец этому наступил весной 1875 г., когда она и другие пропагандистки были арестованы[1].

Вера Фигнер была одной из последних, кто двинулся в «народ». После распада московской организации, в которой участвовала ее сестра, она была вызвана в Россию уцелевшими членами для того, чтобы возглавить работу. С великим трудом она порвала с мужем, бросила учебу и возвратилась в Россию, храня воспоминания о годах, проведенных в Цюрихе, которые дали ей «научные знания, друзей и цель, столь возвышенную, что все жертвы казались перед ней ничтожными». Не сумев собрать обломки московского кружка, она, в конце концов, отправилась в нищие деревни самарской губернии. Фигнер была твердо убеждена, что контакты с крестьянской средой не сыграли никакой роли на ее пути к радикализму. Развитие ее самосознания началось с желания избежать «пустой, бесцветной и узко эгоистичной» жизни, которая окутала бы ее душной атмосферой семьи и кухни. Она избрала «народ» как цель, а учебу как средство. И теперь, после многолетнего бегства от реальности в книги, она – двадцатипятилетняя женщина, стояла среди этих больных, голодных, грязных и бедных людей и чувствовала себя неопытным ребенком[2]. После полутора лет работы среди них Фигнер была готова вернуться к деятельности революционных кружков. К этому времени и кружки, и она сама претерпели решительные изменения.

Многочисленные политические процессы, организованные царским правительством в 1877–1878 гг., были нацелены на то, чтобы продемонстрировать умеренной интеллигенции, что революционеры являются наиболее экстремистской частью не порядочных людей. Однако эта попытка провалилась и не в последнюю очередь из-за находившихся на скамье подсудимых

---

[1] О деятельности Московской организации см.: *Лавров П.Л.* Народники-пропагандисты, 1873–1878 годов. С. 257; *Фигнер В.Н.* Запечатленный труд: Воспоминания. Т. 1. С. 131; *Джабадари И.С.* Процесс 50-ти (Всероссийская Социально-революционная Организация) 1874 – 1877 гг. С. 169–173. О Каминской см.: *Дейч Л.* Роль евреев в русском революционном движении. С. 90–93.

[2] *Фигнер В.Н.* Запечатленный труд: Воспоминания. Т. 1. С. 132.

женщин, которые с чувством собственного достоинства произносили страстные речи и получили незаслуженно суровые приговоры. Первым был «Процесс 50» над членами Всероссийской социал-революционной организации. Среди подсудимых было 16 женщин, в основном из кружка «Фричи», которые получили разные сроки каторжных работ или ссылки. Несмотря на предъявление обвинения в попытке свержения правительства и подстрекательстве к мятежу, они произвели благоприятное впечатление на общественность. Двадцатитрехлетняя «тетушка», Софья Бардина, произнесла хорошо отрепетированную речь, которая стала классикой революционной литературы. О ярком впечатлении, произведенном этой речью, свидетельствуют Степняк, Фигнер и другие. Одна юная ученица школы увлеклась революцией после того, как увидела знатных дам, которые пришли «на фабрики, чтобы осветить темное царство». Сербские издатели тургеневской «Нови» (1877), приравняв героиню произведения к Бардиной, в приложении к роману поместили копию ее речи[1].

Обращение Бардиной является важным не только потому что дает представление о революционерах и оправдывает их поведение с точки зрения морали. Оно представляет собой один из редких примеров женского «народничества», открыто провозглашающего свои взгляды на женский вопрос, и ясно показывает насколько глубоко упрощенное экономическое понимание социальных проблем проникло в ряды движения. На обвинения прокурора в том, что она пыталась разрушить семью (равно как собственность и религию). Бардина ответила следующее: «Относительно семьи я также не знаю: подрывает ли ее тот общественный строй, который заставляет женщину бросать свою семью и идти для скудного заработка на фабрику, где неминуемо развращается и она, и ее дети; тот строй, который вынуждает женщину, вследствие нищеты, бросаться в проституцию и который даже санкционирует эту проституцию, как явление законное и необходимое во всяком благоустроенном государстве; или подрываем семью мы, кто стремится искоренить эту нищету, служащую главнейшей причиной всех общественных бедствий, в том числе и разрушения семьи?» После того как она предрекла своим судь-

---

[1] *Фигнер В.Н.* Запечатленный труд: Воспоминания. Т. 1. С. 146; *Halle F.* Woman in Soviet Russia. N. Y., 1933. P. 54–55. В Международном Институте Социальной истории в Амстердаме хранятся, по крайней мере, три копии речи Бардиной (две на русском языке, одна – на французском), опубликованные в Женеве в период с 1893 по 1903 г. Информацию о сербском издании «Нови» см.: *Амфитеатров А.* Женщина в общественных движениях России. Женева, 1905. С. 37.

ям, что однажды «даже наше сонное и ленивое общество» поднимется и отплатит за все зло, причиненное ему, Бардина была приговорена к ссылке в Сибирь. Ей удалось убежать, но, глубоко потрясенная своими переживаниями, в 1883 г. покончила жизнь самоубийством[1].

«Процесс 193» (октябрь 1877 – январь 1878) вершил правосудие над теми пропагандистами, которые томились в тюрьме по три года и больше. Их местопребыванием было петербургское здание предварительного заключения – безобидного вида сооружение, которое до сих пор можно видеть протянувшимся вдоль улицы Чайковского в Ленинграде. Для содержания постоянно возраставшего количества радикалок к зданию было пристроено специальное женское отделение, укомплектованное смотрительницами и небольшим количеством волонтерок из числа княгинь и вдов чиновников. Брешковская рассказывает, что они относились к ней с открытым презрением до тех пор, пока не узнали, что она была знатного происхождения и прекрасно образована. Она также вспоминает, что тюремная атмосфера становилась легче, благодаря визитам радикально настроенных добровольцев из «политического Красного Креста», приходивших облегчить участь заключенных. Однако тесные камеры и бездеятельность довели некоторых женщин до самоубийства или до преждевременной смерти, а остальные заслужили жгучую ненависть со стороны правительства. Из 193 заключенных 37 были женщинами; оправдано же было около половины всех заключенных. Из осужденных женщин нескольких освободили благодаря их связям при дворе; другие же сбежали с мест поселения и вновь появились в городах центральной России уже закаленными революционерками.

Наиболее громким процессом этого десятилетия был суд над Верой Засулич, обвиняемой в убийстве генерал-губернатора Петербурга и ставшей невольным инициатором эпохи террора. Личность Засулич была достаточно противоречивой. Скромная, тихая, погруженная в себя девушка однажды увидела сон, в котором она вела конный отряд партизан освобождать крестьян. Отвергая насилие на протяжении большей части своей жизни, она была первой женщиной, поднявшей оружие в революционной борьбе. Засулич стала одной из наиболее известных русских революционерок, хотя по сравнению с Перовской и Фигнер, ее политическая деятельность была менее значима для движения. Ее фатальный выстрел явился зловещей иллюстрацией для

[1] *Бурцев В.* За сто лет (1800–1896). С. 125.

верного утверждения Марии Вернадской, что женщина с револьвером может убить мужчину с топором[1].

Детство Засулич было несчастливым из-за ее сиротства; ее отец, отставной капитан, происходивший из бедной семьи смоленских дворян, умер, когда она была еще ребенком, оставив жену с пятью детьми. Маленькую Веру воспитывал ее кузен Микулич. Она болезненно относилась к положению постороннего в его семье и впадала в ярость, когда кто-нибудь звал ее «Вера Засулич», крича: «Это не правда. Микулич! Микулич!» – жалкая попытка стать одним из членов семьи. Как и большинство детей, оказавшихся в подобных ситуациях, она искала такую же страдающую родственную душу и нашла ее в Христе. Вера неделями сосредоточенно изучала Страсти Господни, вдаваясь во все подробности мучений и смерти Иисуса. Однако к 15 годам ее ранняя симпатия к Христу перешла на «человечество», благодаря чтению Шиллера, Рылеева, Лермонтова и Некрасова, чьи произведения способствовали «социальному фантазированию» и страстному желанию «бороться» и осуществлять великие общественные дела. В особенности ее пленила строчка из Рылеева: «Есть времена, даже целые эпохи, когда нет ничего прекраснее и желаннее, чем терновый венец»[2].

Однако всего этого недостаточно для того, чтобы объяснить переход Засулич к радикализму. В 16 лет она отправилась в Москву и поступила в один из тех частных пансионов, управлявшихся немками и превосходивших по дисциплине и снобизму государственные институты, с которыми они пытались соперничать. «В семнадцать лет, – говорит Засулич, – я считала себя социалисткой». Однако вряд ли это было больше, чем простое проявление эмоций, усиленное чтением книг и, возможно, идеями двух ее сестер, которые раньше ее приехали в Москву и вступили в мастерскую Ивановых. Сама Засулич не упоминает о прямых контактах с радикалами вплоть до ее поездки в Петербург в 1868 г., где она, как мы уже знаем, присоединилась к последователям Нечаева. Этот союз стоил ей четырех лет (1869–1872) свободы. После разрыва с нечаевцами она быстро получила «билет в народ» – профессию акушерки – и вошла в одну из самых отчаянных групп, «Киевские бунтари». Лев Дейч вспоминал «Мар-

---

[1] *Breshkovskaya E.* Op. cit. P. 105–111, 135–136; *Брешко-Брешковская Е.* Из воспоминаний // Голос минувшего на чужой стороне. 1918. Окт.–дек. С. 179; *Попов М.Р.* Записки землевольца. М., 1933. С. 119–123.

[2] *Засулич В.И.* Воспоминания. М., 1931. С. 1–16. Рылеев цит. по: *Седов М.Г.* Героический период революционного народничества. М., 1966. С. 69.

фушу» Засулич с ее небрежными манерами шестидесятницы, всегда уткнувшуюся в книгу, скромную и застенчивую, но вместе с тем здоровую и счастливую. Ее ближайшей подругой была претенциозная и скорее бесполая Коленкина, угрюмая, нервная и плохо образованная девушка. Именно она, если верить Дейчу, предложила идею убийства генерал-губернатора и главного прокурора «Процесса 193»[1].

Однажды Фигнер сказала, что образованные революционеры рассматривали телесное наказание как величайший позор[2]. И поэтому когда по приказу губернатора один из революционеров был подвергнут порке за незначительный проступок, эти две женщины решились на убийство. Целью этого шага было показать миру, что российские чиновники применяют «турецкое зверство» против своего народа, претендуя при этом на роль освободителей болгарского народа от него. «Очень сложно убить другого человека», – скажет впоследствии Засулич, которую мучили кошмары и опасения, что ее товарищи не одобрят этот поступок. Коленкиной не удалось встретиться с жертвой, а Засулич выстрелом тяжело его ранила. Однако на судебном процессе, который власти, чтобы дискредитировать ее поступок, недальновидно пытались представить как обыкновенное уголовное дело, она была встречена как героиня, так как совершила его без намерения избежать наказания. Засулич была оправдана и сразу уехала в Западную Европу, где к своему отвращению моментально стала знаменитостью[3]. Позже она стала смотреть на индивидуальный террор как на заблуждение и сделалась стойкой сторонницей умеренных групп «Черный передел» и «Освобождение труда». Однако совершенный ею террористический акт, как и ее оправдание, возмутили консерваторов, еще больше накалили атмосферу в обществе и обострили жестокую борьбу между правительством и революционерами.

Большинство революционных групп и отдельных революционеров, находившихся еще на свободе в 1876–1878 гг., постепенно объединились и создали организацию, получившую название «Земля и воля». Более многочисленная и лучше организованная,

---

1 *Засулич В.* Статьи о русской литературе. М., 1960. С. 5; *Она же.* Воспоминания. С. 114, 115; *Дейч Л.* Южные бунтари // Голос минувшего на чужой стороне. 1920–1921. XX. С. 54–58.

2 *Figner V. I.* Les prisons russes. Lausanne, 1911. P. 10.

3 *Засулич В.* Воспоминания. С. 65–70; *Breshkovskaya E.* Op. cit. P. 155; Группа «Освобождение труда»: Из архивов Г.В.Плеханова, В.И.Засулич и Л.Г.Дейча: В 6 т. М., 1923–1928. Т. 3. С. 86.

чем предшествующие радикальные объединения, новая организация, в отличие от старых, сделала ставку на безотлагательную агитацию в поддержку крестьянских пожеланий и нужд – «земли и воли». Однако практически с самого начала «Земля и воля» была ослаблена глубоким внутренним расколом по вопросу о терроре как о главном методе революционной работы. Среди тех женщин, которые резко выступили против акцента работы на «дезорганизации» и насилии, были Засулич, Коленкина и Мария Крылова. Последнюю, которую мы упоминали в связи с мастерской Ивановых, Брешковская описывала как «типичную личность 1860-х годов», спасшуюся бегством из домашнего темного царства. Происхождение и карьера Крыловой и Засулич были похожи. Обширные конспиративные и технические знания и навыки последней позволили ей стать своего рода «хранительницей» партийной прессы и превратили ее в одну из ключевых фигур в «Земле и воле». Она решительно полемизировала со своими коллегами и не дала им возможности превратить партийную газету в рупор терроризма. Когда партия окончательно раскололась из-за этого вопроса, она присоединилась к умеренному крылу организации, назвавшему себя «Черный передел»[1].

Сторонники террора объединились в организацию под названием «Народная воля», исполнительный комитет которой, состоявший из 28 человек, посвятил себя разработке планов убийства Александра II и тех чиновников, которые стояли на их пути. Из 28 членов около трети были женщины в возрасте от 23 до 30 лет – Вера Фигнер, Софья Иванова (не имевшая отношений к сестрам Ивановым 1860-х годов), Анна Корба, Татьяна Лебедева, Ольга Любатович, Наталья Оленникова, ее сестра Мария Ошанина, Софья Перовская, Елизавета Сергеева и Анна Якимова. Все, за исключением одной – дочери священника Якимовой, вышли из семей дворян и чиновников, в большинстве своем провинциальных, все были хорошо образованы. Большинство из них начали антиправительственную деятельность в каком-либо кружке начала 70-х годов XIX в. В Комитете к ним относились как к равным, однако круг их обязанностей и их функции отличались от мужских. Все они, за исключением троих, окончили свою революционную деятельность в тюрьме или на эшафоте[2].

---

[1] *Брешко-Брешковская Е.* Из воспоминаний. С. 219–230; *Фигнер В.Н.* Запечатленный труд: Воспоминания. Т. 1. С. 192; Деятели революционного движения в России: Биобиблиографический словарь. II/2. 697–698.

[2] *Фигнер В.Н.* Запечатленный труд: Воспоминания. Т. 1. С. 302. Краткое описание см.: *Stites R.* The Question of Woman in Nineteenth Century Russia. Ph. D. Harvard, 1967. P. 393–406.

Путь Фигнер к терроризму был медленным и болезненным. После длительного пребывания в провинции она вернулась в Петербург в унылом настроении, убежденная в бесполезности пропаганды. «Укажите мне любой путь, – сказала она Льву Дейчу, – укажите мне, как при нынешних обстоятельствах я могу служить крестьянам, и я готова сразу же отправиться назад в деревни». Некоторое время она препятствовала распаду «Земли и воли», пытаясь удержать обе фракции вместе. После их раскола она присоединилась к «Народной воле». В течение следующих пяти лет она отдавала организации всю свою энергию и ум, помогала готовить некоторые террористические акты, содержала конспиративные квартиры и вела пропаганду среди законопослушных граждан. Ее час настал после убийства царя, когда она на протяжении двух лет практически в одиночку пыталась уберечь гибнущую под ударами полиции и осведомителей партию. Она была еще настолько привержена террору, что начала организовывать еще одно убийство ненавистного полицейского чиновника. Когда же в 1883 г. ее, наконец, арестовали, новый царь, Александр III, сказал: «Слава Богу, что эта ужасная женщина арестована». Царская жажда мести была удовлетворена – Фигнер была приговорена к пожизненному заключению и провела 22 года в одиночной камере Шлиссельбургской крепости[1].

Однако взгляды Фигнер на политическое убийство не пережили ее революционную карьеру. Услышав новость об убийстве Александра II, она пролила слезы облегчения, счастливая от того, что «тяжелый кошмар, на наших глазах давивший в течение десяти лет молодую Россию, был прерван». Однако впоследствии она с сожалением оглядывалась на некоторые избранные ею и ее товарищами методы борьбы. Насилие «вызывает ожесточение, развивает зверские инстинкты, возбуждает дурные порывы и побуждает к вероломству. Гуманность и великодушие несовместимы с ним. И в этом смысле правительство и партия, вступившие, что называется, врукопашную, конкурировали в развращении окружающей среды. С одной стороны, партия провозглашала, что все средства хороши в борьбе с противником, что здесь цель оправдывает средства; вместе с тем она создавала культ динамита и револьвера и ореол террориста; убийство и эшафот приобретали пленительную силу над умами молодежи, и чем слабее она была нервами, а окружающая жизнь

---

[1] *Фигнер В.Н.* Запечатленный труд: Воспоминания. Т. 1. С. 175–360; *Deutsch L.* Sixteen Years in Siberia. N.Y., 1905. P. 117. Александр III цит. по: Поэты-демократы 1870–1880-х годов / Под ред. А.М.Бихтера. М.–Л., 1962. С. 468.

тяжелее, тем больше революционный террор приводил ее в экзальтацию»[1].

Более сложными были взгляды на террор Софьи Перовской. Ее ненависть к правительству компенсировалась ее любовью к народу. Эта ненависть еще более усилилась после ареста ее товарищей. Как и Фигнер, она долгое время противилась террору и пыталась уладить разногласия в «Земле и воле». Но в конце концов примкнув к «Народной воле», она не только стала оправдывать террор, но и активно прибегать к нему, как к акту мести. Понятие «месть» употребляется здесь не случайно, хотя Перовская когда-то и отрицала роль мести как мотива деятельности партии: «Месть есть дело личное, объяснить ею можно было бы, да и то, с некоторою натяжкою, лишь террористические акты, совершаемые по своему собственному побуждению и инициативе отдельными лицами, а не организованной партией. Но таких актов, кроме случаев самообороны, наша революционная история почти не знает... Около знамени мести невозможно было бы собрать политическую партию, и тем более привлечь к ней те общественные симпатии, которыми она, несомненно, пользуется. Первый грянувший выстрел, – выстрел Засулич, – был не местью, а возмездием за поруганное человеческое достоинство». Даже понятие «возмездие», объясняла она, недостаточно для оправдания террора, так как он служит в основном для запугивания и дезорганизации правительства, которое в свою очередь не оставляет революционерам других способов действия. Все это было сказано незадолго до убийства царя. Кроме того, перед своей казнью она сказала брату, что для нее террор «был просто делом мести за смерть близких»[2].

Личность Перовской пленяет своей загадочностью. Предвзятые источники рисуют ее как человека равнодушного, скрытного, упрямого, грубого, презрительного по отношению к мужчинам, бессердечного, злого и жестокого[3]. Фигнер, Степняк и другие противопоставляли этой характеристике ее материнскую неж-

---

[1] *Фигнер В.Н.* Запечатленный труд: Воспоминания. Т. 1. С. 268, 285.

[2] *Ашешов Н.* Указ. соч. С. 88–89; Из воспоминаний брата С.Л.Перовской // Голос минувшего. 1925. X. С. 207.

[3] Хроника социалистического движения в России, 1878–1887: Официальный отчет. М., 1906. С. 169–171. Данный отчет представляет собой яркое, детальное антиреволюционное свидетельство о движении, первоначально опубликованное на французском языке. Возможно, что автор, который описывал Перовскую, либо знал ее лично, либо общался со знавшими ее людьми; однако любое подобие объективности страдает от его грубых замечаний по поводу внешнего вида Перовской и его антисемитского описания Геси Гельфман.

ность к «народу» и рассудительную строгость в отношениях с товарищами, а так же ее беспощадное отношение к политическим врагам[1]. Последнее не вызывает никаких сомнений. Из всех членов организации, все еще находившихся на свободе в конце февраля 1881 г., она была самой хладнокровной и наиболее подготовленной к тому, чтобы довести до конца долго готовившееся убийство царя. 1 марта она расставила дозорных и метателей бомб на свои места и со своего поста на набережной канала дала сигнал к фатальному броску бомб. Однако после удавшегося покушения ее наркотическое опьянение гиперактивной деятельностью прошло; она блуждала, как во сне, став, как отметил ее биограф, опять «женщиной».

Арест последовал незамедлительно. На первом допросе, который вел широко известный юрист В.К.Плеве, она открыто признала свою вину. Однако впоследствии, на суде над шестью убийцами (двумя женщинами и четырьмя мужчинами) она отрицала обвинения, предъявленные ей прокурором Н.В.Муравьевым, бывшим по иронии судьбы ее товарищем по детским играм. «Много, очень много обвинений сыпалось на нас со стороны г. прокурора. Относительно фактической стороны обвинений я не буду ничего говорить, – я все их подтвердила на дознании, но относительно обвинения меня и других в безнравственности, жестокости и пренебрежении к общественному мнению, относительно всех этих обвинений я позволю себе возражать и сошлюсь на то, что тот, кто знает нашу жизнь и условия, при которых нам приходиться действовать, не бросит в нас ни обвинения в безнравственности, ни обвинения в жестокости»[2].

Все участники теракта были приговорены к смерти; но приведение в исполнение приговора отложили только для Геси Гельфман, которая была беременна. Таким образом, Перовская стала первой женщиной, взошедшей на эшафот по политическому обвинению. Просьбы о помиловании известных представителей общества были проигнорированы. В последние дни перед казнью Перовская пыталась утешить свою пребывавшую в отчаянии мать. На эшафоте она вела себя хладнокровно, с чувством собственного достоинства. Демонстрируя до конца свою принципиальную позицию, она отказалась прощаться с осведомителем Русаковым, который едва не разделил ее участь, но горячо обняла

[1] *Фигнер В.Н.* Запечатленный труд: Воспоминания. Т. 1. С. 276–277. Как и большинство ее соратниц, Перовская училась на фельдшера и работала по специальности в Крыму.

[2] *Бурцев В.* За сто лет (1800–1896). С. 191.

других. Ее стоицизм подавлял инстинкт самосохранения практически до последних минут. И хотя на ее лице держалась надменная улыбка, после того как на ее шею накинули петлю, некая глубинная сила возобладала, и она настолько крепко сжала ноги вокруг выступа платформы, что потребовались усилия двух мужчин, чтобы их разжать и повесить ее[1].

Как много женщин приняло участие в этой борьбе, которая до сих пор нас потрясает? На этот вопрос трудно ответить до сегодняшнего дня из-за недостатка статистических исследований и внимания владеющих информацией ученых, которые занимались лишь выдающимися революционерками. В лучшем случае мы можем представить лишь несколько фактов, основанных на доступных нам данных. Женщины составляли около 1/8 от того числа революционеров (5 664) в 1870-е гг., которые перечислены в «Деятелях...», что было весьма впечатляющей цифрой, по сравнению с 1860-ми гг., когда радикалки составляли всего лишь 3% от общего числа. Как бы там ни было, но эти голые цифры мало о чем говорят нам, так как краткие статьи этого биографического словаря зачастую содержат в себе лишь даты жизни, арестов и пребывания под надзором полиции. Между тем мы имеем иные данные, объединив которые, можно вывести определенную закономерность. Они свидетельствуют о том, что хотя степень участия женщин в революционном движении в целом была скорее низкой, она возрастает в тех выборках, которые демонстрируют нам проявление разного рода активности или экстремизма[2].

Выборка	Количество женщин (%)
5 664 революционера (1870-е гг.)	12,5
1611 арестованных (1873–1877)	15
770 арестованных и обвиненных (1874)	20
«Процесс 193-х» (1877–1878)	18
«Процесс 50-ти» (1877)	32
28 членов Исполнительного комитета «Народной воли»	33

[1] *Ашешов Н.* Указ. соч. С. 137–140; *Плансон Л.* Казнь цареубийц (из личных воспоминаний) // Исторический вестник. 1913. Февр. XXXIV. С. 20–35.

[2] *Итенберг Б.С.* Движение революционного народничества: Народнические кружки и «хождение в народ» в 70-х гг. XIX в. С. 375; Литература социально-революционной партии «Народной Воли». 1905. С. 348; *McNeal R.* Women in the Russian Radical Movement // Journal of Social History. 1971–1972. Winter. V. 2. P. 143–61.

Данные ограниченных и малочисленных выборок следует рассматривать не более как приблизительные. Мужчины всегда количественно превосходили женщин на любом уровне радикальной деятельности, начиная с первых пропагандистских кружков и до «Народной воли». Они занимали наиболее ответственные посты и выполняли самую трудную, опасную и противозаконную работу. Однако, признав это, мы также должны согласиться, что женщины были более глубоко вовлечены в движение, нежели мужчины: «Лучше меньше, да лучше», как скажет Ленин. Это вовсе не означает, что женщины в целом были «лучшими» революционерами, чем мужчины, а свидетельствует лишь о том, что последним было гораздо легче входить и выходить из движения, не оставляя в нем серьезного следа. Для женщин было значительно труднее возобновить обычную жизнь после увлечения радикализмом, и их первоначальные революционные устремления, возможно, были более сильными, чем у их братьев по духу, для которых радикализм был более естественным родом деятельности.

Гораздо легче подтвердить документами возрастной и образовательный уровень революционерок, а также их социальное происхождение. Как и у мужчин, средний возраст женщин, участвовавших в движении, был от 20 до 30 лет. Однако в большей степени, нежели мужчины, они имели дворянские корни – около 67% из тех, кто принимал наиболее деятельное участие в движении 1873–1877 гг., и по крайней мере четверо из них были генеральскими дочками. Все они, за редким исключением, получили прекрасное образование, в большинстве своем в европейских, а после 1876 г. – в российских университетах[1]. И это неудивительно, так как российский радикализм, даже в своих простейших проявлениях, не апеллировал к женщинам с низким уровнем образования. Но, с другой стороны, хорошее образование само по себе не являлось определяющим фактором формирования революционных настроений. Ученые того времени предполагали, что единственная безусловная связь между уровнем образования и политикой заключается в том, что первый помогает сформировать более высокий уровень политического самосознания. Однако высокая степень учености «может усилить или ослабить предрассудки; она может привести как к радикализму, так и к

[1] *Сидоров Н.Н.* Статические сведения о пропагандистах 70-х годов в обработке III Отделения // Каторга и ссылка. 1928. № 1. С. 30. Перовская, Лешерн, Армфелд и Батюшкова были генеральскими дочерьми. Санкт-Петербургские высшие женские (бестужевские) курсы (1878–1918 гг.). С. 32.

консерватизму, и она, безусловно, не обеспечивает рациональность в политическом выборе или поведении»[1]. Высокий уровень образования и обширный круг чтения открыли многим женщинам глаза на социальную несправедливость, но и этого оказалось недостаточным для того, чтобы втянуть их в борьбу с ней.

Из представительниц других национальностей, кроме русских, больше всего в движении были представлены еврейки. В отличие от русской, традиционная еврейская семья была более деспотичной в отношении девочек, практикуя устройство их брака через агентов, крепко привязывая их к домашнему очагу. Средние училища для девушек, открытые в начале 1860-х гг., предоставили неслыханные ранее возможности для заточенных в уединении еврейских девушек. К концу десятилетия еврейки-нигилистки появились как в российских городах, так и в местечках в черте оседлости, коротко подстриженные, в простых платьях, чистосердечные, полные лихорадочного желания получить «нееврейское» образование. В движении 1870-х гг.в эти женщины в гораздо большей степени, нежели евреи-мужчины, ассимилировались с русскими через смешанные браки. Типичной представительницей таких женщин была дочь контрабандиста Анна Эпштейн, которая вошла в группу бывших студентов раввинских училищ, организовавших тайную переправку революционеров за границу. Она увлеклась радикализмом, не благодаря учебе или почитанию простого народа, а вследствие благоговения перед гонимыми революционерами, за одного из которых, Дмитрия Клемента, она вышла замуж. Еще одной еврейкой-нигилисткой была Геся Гельфман. Хотя ее родители были богатыми правоверными иудеями, но мачеха дурно с ней обращалась, и девушка не получила никакого образования. После множества злоключений она присоединилась к «Народной воле» и жила на конспиративной квартире вместе с Саблиным, от которого и забеременела. Именно это обстоятельство и спасло ее в 1881 г. от виселицы, хотя вскоре и она, и ее ребенок умерли[2].

---

[1] Education and Political Development / Ed. by. J.S.Coleman. Princeton, 1965. P. 19–20.

[2] *Дейч Л.* Роль евреев в русском революционном движении. С. 18–28; *Greenberg L.* The Jews in Russia: In 2 vols. New Haven, 1944–1951. V. 1. P. 158. Об Эпштейн см.: *Greenberg L.* Ibid. P. 153; *Засулич В.* Воспоминания. С. 80–81. О.Гелфман см.: Из воспоминаний. С. 230–235; *Thun A.* Geschichte der revolutionren Bewegung in Russland. Leipzig, 1883. S. 264–266. О законе, запрещавшим казнь беременной женщины, пока не пройдет 40 дней со дня рождения ребенка, см.: *Муллов П.* Женщина по русскому законодательству // Журнал Министерства юстиции. 1861. Март. VII. С. 559.

Социальное происхождение и психологические типы радикалок были настолько разнообразными, что невозможно объяснить их побуждения эмоциональной фрустрацией, сексуальной неудовлетворенностью, ненавистью к отцу и т.д. Верно, что многие из них имели несчастливое детство; но это характерно и для многих женщин, не принадлежавших к радикализму. Подобно госпоже Ролан, большинство из них испытывали «религиозное чувство без религиозной веры»[1]. В художественной манере это попыталась выразить Софья Ковалевская, нарисовав портрет молодой девушки Веры Воронцовой, которая упивалась чтением Библии и стремилась уехать в Китай, дабы пожертвовать собой в борьбе за спасение человечества. По прочтении Добролюбова она заменила языческий Китай на Россию. Однако, ее мирские мечты по-прежнему были облечены в религиозную форму: «Господи! Я знаю, что в мире много горя, много несправедливости, много нуждающихся. Я хочу служить людям. Я готова отдать жизнь за них»[2]. Этот классический пример проявления в высшей степени религиозного чувства, усиленного чтением литературы и превратившегося в «социальное фантазирование» – мечту, в которой существующая несправедливость уничтожается грядущим царством Всеобщей Справедливости.

Альтруизм, радикального или филантропического толка, гораздо в большей степени является результатом осознания социальной несправедливости, нежели результатом «объективных» условий, существование которых в России XIX в. вряд ли можно отрицать. Его мощные проявления, характерные для всей русской интеллигенции, разделились на альтруизм абстрактный и конкретный. Те, кто удовлетворялись непосредственными, немедленными и «небольшими» проявлениями подобного альтруизма, воплощали его в сфере преподавания, медицины или благотворительности. Те же, для кого «человечество» было объектом их бескорыстной любви, рассматривали медицину не более, чем ремесло. Ярчайшим примером радикалки, которая отчаянно пыталась сохранить свои взгляды на медицину, как на адекватное средство служения человечеству, но затем впала в абстрактный альтруизм, была Вера Фигнер. Как и почему Фигнер пересекла границу абстрактного альтруизма, является тем вопросом, ответ на который даст нам ключ к пониманию процесса формирования революционного сознания.

---

[1] *Thompson J.M.* The French Revolution. N.Y., 1966. P. 292.

[2] *Ковалевская С.В.* Воспоминания детства; Нигилистка. С. 177–178.

В соответствии с уставом Исполнительного комитета «Народной воли», все члены организации должны были отдать всю свою духовную энергию делу революции, порвать все семейные узы, отказаться от дружбы, чувства симпатии и любви, которая мешает этому делу. Любовь в рядах движения была дозволена только в том случае, если она не отвлекала революционеров от основного дела. Фривольное или распущенное сексуальное поведение было запрещено. Однако, кроме этих общих правил, существовали и некоторые исключения: Фигнер была замужем, у Перовской был возлюбленный, Засулич, по-видимому, не имела ни того, ни другого. Некоторые радикалы, как Александр Михайлов, избрали для себя обет безбрачия. Подруга Засулич, Коленкина, демонстрировала свое безразличие в отношении мужчин. «Я люблю движение», – говорила она. Ольга Любатович некоторое время пыталась убедить своих товарищей в том, что любовь несовместима с революционной деятельностью, поэтому она и ее возлюбленный Морозов решили не вступать в сексуальные отношения. Однако плоть все-таки заявила о себе, и Любатович родила ребенка, а затем вышла замуж за другого революционера. В большинстве случаев преобладало «нигилистское» отношение к сексу. Для того, чтобы освободить из домашнего заключения дочерей, широко практиковались фиктивные браки. Если в качестве полной картины жизни в революционном движении мы возьмем роман Степняка «Карьера нигилиста», то увидим, что проблема любовных треугольников разрешалась в манере «Что делать?» В целом, браки или свободные союзы, основанные на взаимном притяжении друг к другу и существовавшие в интимной обстановке конспиративных квартир, были нормой. Самым известным примером был революционный роман Перовской и Желябова. Губернаторская дочка, первоначально покоренная Тихомировым, в конце концов, преодолела свою антипатию к мужчинам и нашла свое короткое счастье с революционером, выходцем из крестьян, Андреем Желябовым. Об их любви, окончившейся на эшафоте, напоминают две соседних улицы в Ленинграде, которые носят их имена[1].

Должностные обязанности женщин, принимавших участие в движении, варьировались от уборки, выполняемой необразован-

---

[1] *Дейч Л.* Южные бунтари // Голос минувшего. 1920–1921. XX. С. 56–58; Былое. 1906. Май. С. 208–248; 1906. Июнь. С. 108–154; *Морозов Н.* Повести моей жизни: В 3 т. Л., 1947. Т. 2. С. 417–419, Т. 3. С. 281; *Stepniak S.M.* A Female Nihilist. Boston, 1886. P. 16–25; *Синегуб С.С.* Записки Чайковца. М., 1929. С. 18–84; *Попов М.Р.* Записки землевольца. С. 249–250; *Stepniak S.M.* The Career of a Nihilist: a Novel. N.Y.

ной Грязновой[1], до руководящих ролей, осуществляемых такими женщинами, как Фигнер и Перовская. За исключением Марии Ошаниной, прозванной мадам Якобсон (намек на ее якобинские настроения), в движении не было женщин-теоретиков. Однако она не смогла навязать свои взгляды Исполнительному комитету, встретив сопротивление со стороны Перовской и других[2]. Однажды Фурье высказал мнение, что «излюбленная страсть женщин – это страсть к интриге; они чрезмерно увлечены кознями, соперничеством и другими, большими или меньшими проявлениями интриги»[3]. Но это ни в коей мере не касалось членов «Народной воли». Пожалуй, женщины не были такими неискренними, как мужчины, особенно во времена раскола. Они выполняли свою работу спокойно и умело, независимо от того, были они «женами» на конспиративных квартирах, выступали в роли невест заключенных, или имели дело с динамитом и печатным станком. Равное участие входившие в Исполнительный комитет женщины принимали и в принятии решений. В прочитанной мною литературе, посвященной революционному движению, я обнаружил лишь один незначительный пример противостояния тому, чтобы женщины занимали ответственные посты – письмо 1880 г., написанное восемнадцатилетним И.Г.Ширяевым, в котором он выражал недовольство тем, что из числа арестованных женщин вербовалось огромное количество полицейских осведомителей[4].

Будучи формально равноправными в революционном движении, женщины все больше и больше испытывали к себе такое же, как и к мужчинам, отношение со стороны полиции и судов. Они дорого заплатили за деятельность 1870–1880-х гг. Вплоть до суда над Перовской смертные приговоры, вынесенные женщинам, всегда заменялись на более мягкие. После же этого множество революционерок оказались на виселице или

[1] *Фигнер В.Н.* Запечатленный труд: Воспоминания. Т. 1. С. 192; *Сегал Е.* Софья Перовская. М., 1962. С. 286.

[2] *Козьмин Б.П.* Из истории революционной мысли в России. М., 1961. С. 307–311, 327; *Попов М.Р.* Записки землевольца. С. 87–88; *Фигнер В.Н.* Запечатленный труд: Воспоминания. Т. 1. С. 200–201; *Сегал Е.* Софья Перовская. С. 219; о политических взглядах Ошаниной см.: Былое. 1907. Июнь. С. 1–10; *Ашешов Н.* Указ. соч. С. 86–90.

[3] *Fourier C.* Oeuvres complutes: In 6 vols. Paris, 1846–1848. V. IV. P. 406.

[4] Броневский отклонил предложения Ширяева состоящее в том, что женщины должны оказывать «моральную поддержку» партии. Он ссылался на огромное количество информаторов и на доктрину равноправия, закрепленную в уставе «Народной Воли», одним из лидеров которой был брат Ширяева.

пали перед расстрельной командой. Особенно в течение 1880-х гг. огромное число женщин познакомилось с застенками Крестов, Петропавловской крепости, харьковского «дома террора», зловещих Лубянки и Бутырки, еще большее число испытали всю тяжесть каторжных работ в Карске и безлюдных сибирских поселениях. Двадцать лет Фигнер изнывала в камере Шлиссельбургской крепости, которая вселила в меня чувство клаустрофобии после пятиминутного пребывания там. Отношение к женщинам-заключенным, в общем-то мягкое, иногда доходило до жестокости – в бесчисленной тюремной литературе можно найти истории изнасилований, принудительного раздевания, физического насилия и устных оскорблений. К примеру, народоволка греческого происхождения, Надежда Сегида, подверглась 100 ударам за то, что отшвырнула от себя надзирателя; спустя два дня она умерла. Множество находившихся в тюрьме женщин, не обладая стоицизмом Фигнер, сошли с ума, другие (около трети от числа мужских самоубийств) покончили жизнь самоубийством[1].

Таким мрачным и драматичным способом Россия выделилась из остальной Европы, где борьба за права женщин была едва ли к тому времени на поколение старше. Множество русских женщин, минуя ее, влились в ряды яростного, решительного и исторически значимого революционного движения. Последняя вспышка французского женского радикализма, зародившегося в 1789 г., проявилась в Парижской Коммуне. Великобритания не видела таких неистовых женщин вплоть до начала нашего века, и то в случаях борьбы за специфические женские права. Другие страны вообще не знали подобного развития событий. Перовская и ее товарищи олицетворили собой уникальный феномен социальной истории Европы XIX в. И, что более важно, они явили собой прецедент для множества женщин, которые присоединились к революциям 1905 и 1917 гг. «Из опыта всех освободительных движений, – писал в 1918 г. Ленин, – замечено, что успех революции зависит от того, насколько в нем участвуют женщины»[2]. Важность этого заявления не в том, кто его произнес, а в том, что оно

1 *Stepniak S.M.* King Stork and King Log: A Study of Modern Russia: In 2 vols. London, 1895. V. 2. P. 88–93; *Гернет М.Н.* История царской тюрьмы: В 5 т. М., 1960–1963; *Kennan G.* Siberia and the Exile System: In 2 vols. N.Y., 1891; Галерея шлиссельбургских узников. СПб., 1907. С. 222–223; *Kropotkin P.A.* Memoirs of a Revolutionist / Ed. by Jas.A.Rogers. N.Y., 1962. P. 270–271; *Deutsch L.* Sixteen Years in Siberia. N.Y., 1905. P. 193; *Фигнер В.Н.* Запечатленный труд: Воспоминания. Т. 2.

2 *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений: В 55 т. М., 1960–1965. Т. 36. С. 186.

разделялось всеми русскими революционерами. Последующие события более чем подтвердили их веру.

Женский радикализм был тесно связан с историей женской эмансипации в России, несмотря на тот парадоксальный факт, что революционерки отказывались от какой-либо прямой деятельности в ее поддержку. Во-первых, русская интеллигенция быстро усвоила идею равенства полов, что позволило женщинам войти в движение на равных с мужчинами. Кроме того, из литературы, посвященной женскому вопросу, женщины черпали чувство уверенности в себе, которое служило им в качестве психологической опоры в революционной борьбе. В 1870-х гг. революционная деятельность была единственной сферой, открытой для женщины, в которой ее встречали как равную, позволяя полностью раскрыться ее талантам и достичь вершины. Только здесь раскрепощались и находили применение ее сила, характер и навыки. Революционеры доказали, что женщина способна на такие дела, которые с традиционной точки зрения на женщину и представить было невозможно. Ирония в том, что в год рождения Перовской русский врач В.В.Дерикер написал, что «по природе, деятельность, требующая проявления героизма или актов насилия, не может быть открыта для женщин»[1]. Русское революционное движение, подобно Армии Спасения, достаточно рано поняло, что равенство полов не мешает ни дисциплине, ни идеологической чистоте[2]. Это мнение, подкрепленное длинным перечнем погибших революционерок, составило наследие русских женщин XX в., вне зависимости от их политических взглядов. Женская радикальная традиция унаследовала еще две дополнительные вещи: революционный антифеминизм – идею о том, что общее дело противоречит и должно вытеснять любое специфически женское дело, и революционную сублимацию, суть которой как лучше всех выразила Александра Коллонтай, отдавшая должное Софье Перовской за ее «смелый мужской ум» и умение подчинить делу революции и свое женское «я», и «свое любящее, горячее сердце»[3].

С другой стороны, если феминисток можно обвинить в игнорировании революции и фокусировании своего внимания только лишь на женщинах, то радикалки виновны в противоположном

---

[1] *Дерикер В.В.* Физиология женщины. СПб., 1854. С. 120.

[2] *Strachey R.* Struggle. N.Y., 1930. P. 215.

[3] *Коллонтай А.М.* Положение женщины в эволюции хозяйства. М., 1922. С. 126; Five Sisters: Women Against the Tsar / Ed. and tr. by B.Engel, C. Rosenthal. N.Y., 1975.

грехе. Они отреклись от феминизма (хотя некоторые из них пришли к радикализму именно через феминизм) и полагали себя революционерками, равными мужчинам. Однако они также игнорировали огромную массу крестьянок, которые однажды, если только революция имела какой-нибудь смысл, должны были приобщиться к плодам цивилизации. Пропагандистки, которые устанавливали связи с крестьянками на фабриках и в деревнях, по-видимому, не предпринимали каких-либо «специальных усилий» и не пытались использовать в своей работе аргументы, адресованные исключительно женщинам. Результатом послужило фактически полное отсутствие контактов между образованными пропагандистками (за исключением медицинской деятельности) и крестьянками – недостаток, к исправлению которого наследники народников – эсеры – не приложили должных усилий. В дореволюционные времена в деревнях не существовало никакого эквивалента марксистского «пролетарского женского движения»; и контакты радикальных кругов с женщинами русской деревни были отложены до 1920-х годов.

Часть третья

ЖЕНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ (1881 – 1917)

Глава VI
НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ

> Ирина. Лучше быть волом, лучше быть простою лошадью, только бы работать, чем молодой женщиной, которая встает в двенадцать часов дня, потом пьет в постели кофе, потом два часа одевается... о, как это ужасно!
> Тузенбах. ...Пришло время, надвигается на всех нас громада, готовится здоровая, сильная буря, которая идет, уже близка и скоро сдует с нашего общества лень, равнодушие, предубеждение к труду, гнилую скуку. Я буду работать, а через какие-нибудь двадцать пять – тридцать лет работать будет уже каждый человек. Каждый!
>
> *Чехов А.П. Три сестры*

1. Фабрика и школа

«Сейчас Россия находится в ситуации спокойного и медленного распада, – написал в 1880 г. Константин Леонтьев, – когда имеет место один из тех Великих русских процессов, которые предшествуют глубинным историческим сдвигам – крещению киевского народа в Днепре, петровскому разрушению национальных традиций, и, в конце концов, нынешнему состоянию дел, а по существу, переходу к чему-то иному». Правление Александра II началось с реформ, а закончилось их свертыванием и его гибелью. Царствование его сына наступило, по словам Ариадны Тырковой, с «затемнения социальной и интеллектуальной жизни», и закончилось тогда, когда Россия переживала значительный экономический рост, который подготовил почву для политических и революционных движений последующего поколения. Для прогрессивных людей, живших в «мрачных восьмидесятых», как определил данный период Керенский, этот рост казался несбыточным и далеким, а мрак реальным. Внешнюю форму этого периода

критик Семен Венгеров назвал «победоносцевщиной» (по имени К.П.Победоносцева) – бюрократическим презрением к человеческому достоинству; а внутреннюю форму – «чеховщиной», подразумевавшей равнодушие и смирение русского общества, которые так верно были отражены в произведениях Чехова. Казалось, по крайней мере на первый взгляд, исчезли все проявления радикализма, а российская интеллигенция, утратила веру в возможность значительного улучшения русской жизни[1].

Одним из немногих исключений из общего настроения безысходности был смелый, но не имевший серьезных последствий поступок одной из активных феминисток 1870-х гг., Марии Цебриковой, в 1890 г. написавшей длинное и пылкое письмо Александру III. Избегая критиковать самого царя или самодержавие, она открыто подвергла критике «бюрократический анархизм» его правления и просила уничтожить стену чиновничьего произвола, стоящую между ним и Россией. Только тогда, писала она, общество сможет избавиться от преобладающих в нем коррупции, глупых и бесчеловечных традиций. Она заклинала царя остановить бессмысленную растрату государственного бюджета и направить деньги на искоренение нищеты, голода, невежества, грязи и болезней в изнывающих под этим бременем деревень. В ответ недоумевающий самодержец только спросил: «Ей-то какое дело?» и повелел выслать Цебрикову в Вологодскую губернию. Ее письмо, изданное отдельной брошюрой, еще долгое время ходило в подпольных кругах[2].

Как и другие либеральные идеи той эпохи, вопрос о женских правах вызывал жесткое неприятие со стороны власть предержащих. Сам Александр III, будучи женат на чопорной датской принцессе, был убежденным сторонником семьи и неодобрительно смотрел на частную жизнь своего отца. Он не питал симпатии к идее любого расширения границ женских возможностей и с готовностью встал на сторону тех членов правительства, которые выступали против женского образования. Наиболее влиятельным из них был К.Победоносцев, вошедший в европейскую историю XIX в. как образец истинного реакционера. Он открыто угрожал тем, кто пытался разрушить священные институты Святой Руси –

---

[1] Леонтьев цит. по: *Hare R.* Pioneers of Russian Social Thought. 2ed ed. N.Y., 1964. P. 344; *Тыркова-Вильямс А.* То, чего больше не будет. Париж, 1954. С. 251; *Kerensky A.* The Crucifixion of Liberty. London, 1934. P. 7; замечания Венгерова см. в его предисловии к: *Цебрикова М.К.* Письмо к Александру III. СПб., 1906. С. 6. Иные свидетельства о спаде революционного энтузиазма среди женщин см.: *Ваховская В.И.* Жизнь революционерки. М., 1928. С. 15.

[2] *Цебрикова М.К.* Указ. соч.

Церковь, Государство, Собственность и Семью. Его ненависть к любому проявлению сексуальной эмансипации (а, в действительности, к любой форме личной эмансипации) нашла свое выражение в призыве ко всему русскому народу «не растрачивать нашу силу на массу общих утверждений и стремлений, а выбрать себе работу и сферу деятельности в соответствии с нашими традициями». Медицина, и в особенности политика, не соответствовали его представлениям о женщине. Как мы увидим в дальнейшем, его действия говорили даже более красноречиво, чем слова[1].

Тем не менее, в России не сложилось организованного антифеминистского движения, которое поддержало бы эти идеи. Вопросы, касающиеся сексуальных отношений и избирательного права, вызвали шквал противоречивых мнений, но только после 1905 г. Что касается «женского вопроса» как общефилософской проблемы, то здесь консерваторы ограничились переизданиями и переводами европейских работ[2]. Основным исключением был антифеминизм Л.Толстого. Не считая мрачного аскетизма, который Толстой проповедовал в произведениях подобных «Крейцеровой сонате», он незадолго до своей смерти достаточно ясно выразил свои взгляды в беседе с женой И.Репина. Он не сказал ничего нового, ограничившись догматическим утверждением о слабости и общей неполноценности женщин. Допуская возможность улучшения правового статуса женщины, Толстой настаивал на ее нравственном подчинении мужчине. В заключение своих рассуждений он посоветовал женам самим стирать, если их муж не желает нанять прачку[3]. Эти замечания Толстого вряд ли заслуживали бы цитирования, если бы не то обстоятельство, что в течение двух последних предреволюционных десятилетий он оказывал огромное влияние на российское общество. Феминисткам, которые опубликовали содержание этой беседы, делает честь, что, несмотря на его эксцентричные взгляды на женский вопрос, они не переставали восхищаться этим человеком.

Те же, кто придерживался феминистских убеждений, также не смогли добавить что-либо существенное к классическим аргументам XIX в. Либерально настроенные ученые и педагоги продолжали приводить медицинские и антропологические «доказательства» пригодности женщин к работе и профессиональной

---

[1] *Pobedonostsev K.P.* Reflections of a Russian Statesman (1896) / Tr. R.Long. Ann Arbor, Mich., 1965. P. 121.

[2] Например: *Фелинг.* Женщина. Киев, 1894; *Мишле Ж.* Любовь и женщина. СПб., 1900; *Мёбиус П.* Физиологическое слабоумие женщины. М., 1909.

[3] Женское дело. 1910. Июнь. 25. С. 21–22.

8 Заказ 5510

деятельности, которые служили феминисткам доводами для опровержения аргументов традиционалистов. Единственная достойная внимания идея, возникшая из этого скучного набора расхожих клише, содержалась в убедительном ответе В.М.Хвостова на тезис Мишле об «извечной болезни» женщин. Профессор философии и права Московского университета Хвостов выдвинул простую и здравую мысль о том, что женщина подвержена не только привычной «болезни» – менструации и беременности – но и не менее обычному выздоровлению, которое делает ее более сильной и жизнеустойчивой, чем мужчина. Увы, но к этому времени (1914 г.) фактически никто в русском обществе не был заинтересован в этих доводах, и он был вынужден в одиночестве искать доказательства силы и способностей русских женщин[1].

В известном смысле эпоха «женского вопроса» осталась в прошлом: он был настолько широко освещен в 1860–1870-х гг., что уже нечего было добавить к нему как к проблеме общего характера[2]. Результаты этого освещения были поистине впечатляющими: реформа женского образования, яркая плеяда революционерок, принятие интеллигенцией идеи женского равноправия. Отныне было готово начаться «женское движение» или, лучше сказать, «женские движения», так как их будет два: одно феминистское и другое социалистическое. Оба они неуверенно стартовали в середине 1890-х гг., но затем (1905) решительно стали продвигаться вперед. Лидеры обоих движений в основной своей массе были представительницами интеллигенции; и оба они стремились заручиться расположением женщин-«тружениц» – работниц, служанок и даже крестьянок.

«Доля ты, русская долюшка женская, вряд ли труднее сыскать», – писал в своей широко известной поэме «Кому на Руси жить хорошо?» Некрасов. Он говорил о представительницах крестьянства, которое как класс составляло в 1897 г. более трех четвертей от всего населения. В среде крестьян с радостью и гордостью принималось рождение сына, в то время как появление на свет дочери встречали с печалью или в лучшем случае с безразличием. Основной заботой родителей было как можно скорее выдать ее замуж, в основном по достижении ею шестнадцати лет. В идеа-

---

[1] *Хвостов В.М.* Женщина и человеческое достоинство. М., 1914. С. 272. Другие профеминистские доводы содержатся в: *Он же.* Женщина накануне новой эпохи. М., 1905; *Михнов С.Д.* О женщине с биологической точки зрения. Юрьев, 1904; *Мижуев П.Г.* Женский вопрос и женское движение. СПб., 1906.

[2] Писатели этой эпохи, казалось, отказались от того, чтобы делать не относящиеся к делу и полуироничные добавления к «женскому вопросу», которые мы находим в романах 1870-х гг. (например, «Бесы», «Братья Карамазовы» и «Анна Каренина»).

ле замужняя женщина должна была быть безмолвной работницей, служанкой и сексуальным партнером мужа, что в некоторых областях России символизировалось свадебным обрядом, когда невеста дарила своему новому хозяину постельные принадлежности и хлыст. Если молодая жена жила в патриархальной семье, то иногда она была вынуждена вступать в половые отношения со своим свекром – практика, известная как «снохачество», которая была результатом длительного отсутствия мужей. Более широко распространенным было дурное обращение со стороны свекрови. Деревенские девушки зачастую становились жертвами особой истерии и быстро старели под грузом тяжелой полевой работы и постоянных беременностей. Поскольку в деревнях никто никогда не слышал о способах контроля над рождаемостью и поскольку девушки выходили замуж в юном возрасте, то уже к 25 годам у них было от пяти до шести беременностей, а к 45 годам – около девяти. В соответствии с данными на 1908 г., 25% сорокапятилетних крестьянок перенесли более десяти беременностей, четвертая часть которых заканчивалась выкидышем. Типичным был пример 55-летней женщины, жившей 35 лет в замужестве, которая 24 раза была беременна. Выжили у нее только два ребенка. В крестьянской среде выкидыши, детская смертность, послеродовые осложнения, были настолько обычными явлениями, что их едва замечали[1].

Ужасная картина, несмотря на то что многие из вышеописанных явлений в то время было принято объяснять отсталостью деревенской жизни. Между тем была и обратная сторона медали. Крестьянка имела право на приданное и заработанные ею деньги – хорошо известный «женский сундук». После различных постановлений 1880–1890-х гг. домашняя собственность была определена как семейная, на которую мужчина, глава семьи, не мог претендовать в качестве единоличного собственника; и женщина могла быть признана законным главой хозяйства, если это соответствовало местному обычаю. «Женщины без господина» – овдовевшие или покинутые мужьями – не только принимали участие в деревенских собраниях, но в некоторых областях и управляли ими в отсутствие мужчин[2].

---

[1] Бабий вопрос // Женский Вестник. 1905. Авг. С. 225– 27; *Tikhomirov L.* Russia, Political and Social: In 2 vols. / Tr. E.Aveling. London, 1888. V. 1. P. 185–187; *Stern B.* Geschichte der offentlichen Sittlichkeit in Russland: In 2 vols. 1907. V. 2. S. 511– 518; *Maynard J.* Russia in Flux. N.Y., 1962. P. 54–56; *Щепкина Е.* Труд и здоровье крестьянки // Союз женщин. 1909. Янв. С. 12–15.

[2] *Shinn W.T.* The Law of the Russian Peasant Household // Slavic Review. 1961. Dec. XX. 4. P. 600–621; Союз женщин. 1908. Ноябрь. С. 2–4; *Tikhomirov L.* Op. cit. V. 1. P. 119–120.

Даже большая семья не всегда могла воспрепятствовать появлению более свободных супружеских хозяйств. Патриархальные хозяйства редко достигали обобществления в полной мере, и исследователи деревенской жизни отмечали, что некоторые жены отдельно от других готовили кашу на общей печи, кормили своих детей и вытирали «свои» участки стола. Молодые жены, которых раздражало авторитарное давление со стороны родни мужа, спешили довести этот семейный атомизм до своего логического конца и создать свое отдельное «бабье хозяйство», более соответствующее их интересам. Начало этому положили жены, которые зачастую демонстрировали большую предприимчивость (и больший эгоизм), нежели их мужья. Не случайно Петербургское сельскохозяйственное общество[1] выразило надежду, что деревенские женщины будут играть основную роль в обновлении русского сельского хозяйства[2]. Именно поэтому в начале первой русской революции женское население деревень стало привлекать к себе внимание политических партий не только своей ужасающей отсталостью, но и как активная социальная сила.

К описываемому времени большое количество крестьян покинули деревню. Основная причина заключалась в экономическом кризисе, оказавшем в конце XIX в. влияние на большинство крестьян. Существует очень мало исследований, которые помогли бы нам определить численность переселенцев, мотивы и способы миграции в города, масштаб которой постоянно увеличивался в те годы. Ясно лишь одно: «социальное фантазирование» или соображения нравственного плана не имели к этому никакого отношения. Крестьянка была настолько же аполитичной, насколько и неромантичной, и ее единственной заботой был хлеб насущный. Небольшая часть девушек сумела ускользнуть от деревенской жизни при помощи древнего способа – ухода в монастырь. Число монахинь с 1855 по 1911 г. увеличилось с 7 000 всего лишь до 47 000, несмотря на пример, поданный сестрой императрицы Эллой[3], вдовой убитого великого князя Сергея. Другие пытались использовать

---

[1] Полное название общества: Общество содействия женскому сельскохозяйственному образованию. – *Прим. ред.*

[2] *Коллонтай А.М.* Социальные основы женского вопроса. СПб., 1909. С. 124–126; *Шишкин В.Н.* Так складывалась революционная мораль: исторический очерк. М., 1967. С. 28; *Tikhomirov L.* Op. cit. V. 1. P. 198; *Portal R.* Le statut des paysans liberés du servage, 1861–1961. Paris, 1963. P. 297; *Клинген И.* Роль женщины как образованной сельской хозяйки в обновлении русской деревни. СПб., 1903.

[3] Настоящее имя вдовы великого князя Сергея – Елизавета Федоровна. – *Прим. ред.*

для этого сезонные работы, которые, увы, иногда включали в себя работу проституткой в ближайшем городе или на ближайшей ярмарке. Нужда превратила многих сельских женщин в батрачек, которые в 1897 г. составляли около 25% от всех наемных работниц. Между деревенским и городским рынками труда расстояние было всего лишь в один шаг, и вскоре на железнодорожные станции крупнейших российских городов стали прибывать крестьянки[1].

В городах большинство из них стали не работницами, а прислугой, которая составляла в России крупнейшую и, возможно, наиболее эксплуатируемую группу наемных работниц. Дочки и внучки крепостных крестьян они с детства усвоили чувство уважения к «вышестоящим лицам» и много лет спустя после отмены крепостного права еще демонстрировали собачью преданность своим хозяевам. В одном из приливов откровенности княжна Долгорукая призналась, что представители ее класса зачастую вознаграждали преданность своих слуг тем, что обращались с ними как деспоты. Для домашней прислуги было нормальным получать три или четыре рубля в месяц, если предоставлялись пища и кров. Низкое общественное положение и уровень образования, а также исключительная наивность деревенских девушек делали их легкой добычей для хозяев, их сыновей или же слуг мужского пола. Беременности, изгнания с работы, незаконнорожденные дети – все эти явления, послужившие Толстому материалом для создания романа «Воскресение», были широко распространены в домах представителей знати. Женская прислуга в чайных, ресторанах и трактирах также оказалась не в лучшем положении и часто отождествлялась в общественном сознании с обычными проститутками. Как социальная группа, служанки входили в число наиболее бесправных групп Российской империи[2].

Среди низших городских слоев женщин наибольшей способностью к повышению уровня самосознания обладали фабричные работницы. После 1905 г. «женский пролетариат» стал основным

---

[1] Данные о монахинях см.: *Коллонтай А.М.* Социальные основы женского вопроса. СПб., 1909. С. 127; Женское дело. 1911. Март. 1. С. 28. В соответствии с переписью 1897 г. в России было около 600 000 женщин сельскохозяйственных работниц. Подсчеты Рашина А.Г. показывают устойчивый рост женского городского населения, в сравнении с мужским: *Рашин А.Г.* Население России за 100 лет (1811–1913 гг.) М., 1956. С. 258–279.

[2] *Dolgorouky S.* La Russie avant le debbcle. Paris, 1926. P. 165; *Madison B.* Rassia's Illegitimate Children Before and After the Revolution // Slavic Review. 1963. Mar. XXII. 1. P. 83; Женское дело. 1910. Март. 14. С. 4; 1911. Апр. 1–15. С. 30. Сюжет для романа Толстого был дан ему юристом А.Ф.Кони из реальной жизни.

объектом внимания со стороны и феминисток и социалисток. В 1890-х гг. в сфере женского труда не происходило ничего нового, за исключением устойчивого роста количества работниц. Значительные сдвиги произошли в 1904–1906 гг., когда женщины заменили мобилизованных на войну с Японией мужчин, и работодатели обнаружили в эти беспокойные революционные годы, что женский труд гораздо дешевле, а сами работницы гораздо лучше управляемы, чем рабочие. То же самое повторилось, но только в гораздо большем масштабе, и во время Первой мировой войны. Количество фабричных работниц со 192 000 в 1897 г. увеличилось до 723 000 в 1914 г., превысив миллион в течение войны; причем эти цифры относятся лишь к женщинам, задействованным в так называемой инспектируемой промышленности, которая подчинялась фабричной инспекции. В процентном отношении женщины в 1880-х гг. достигли 25% от общего числа рабочей силы, а в 1914 г. – 40%. Наибольшая концентрация женщин наблюдалась в текстильной промышленности, а к 1912 г. они составили более половины всех рабочих в этой сфере. Такое же огромное количество женщин было занято в табачной, кожевенной и других отраслях легкой промышленности[1].

Получать зарплату меньше мужской за одну и ту же работу не казалось русским работницам странным, но это их задевало. Советский исследователь Лященко подсчитал, что перед революцией средняя ежедневная зарплата промышленного рабочего составляла 1 рубль 20 копеек, а работницы – от 45 до 85 копеек. Иностранец, посетивший в то время Россию, утверждал, что, как правило, женская заработная плата составляла две трети от мужской; в текстильной промышленности женщины и дети получали от 30 до 50 копеек в день, в сравнении с 70 копейками или одним рублем, который получал мужчина[2]. Эта ситуация подвигла некоторых работниц на то, чтобы вести себя как мужчины, дабы

---

[1] *Голдберг Г.* Женский труд в русской промышленности // Русские ведомости. 1910. Ноябрь. 17. С. 4; *Рашин А.Г.* Формирование промышленного пролетариата в России. М., 1940. С. 185–194. Лучшую трактовку данного предмета см.: *Glickman R.* The Russian Factory Woman, 1880–1914. Berkeley, 1984.

[2] *Бильшай В.Л.* Советская демократия и равноправие женщин в СССР. М., 1948. С. 20; *Palmer F.* Russian Life in Town and Country (1901). N.Y., 1903. P. 277. Данные по заработной плате в текстильной промышленности, относящиеся к 1890-м гг., см.: *Lyashchenko P. I.* History of the National Economy in Russia to the 1917 Revolution / Tr. L.M.Herman. N.Y., 1949. P. 546. По мнению британского инженера Алана Монкхауса это соотношение с 1911–1914 гг. не изменилось, см.: *Monkhouse A.* Moscow: 1911–1933. London, 1933. P. 40. По подсчетам Гликман, заработная плата женщин во всей русской промышленности составляла от одной трети до одной второй от мужской заработной платы.

добиться лучшей зарплаты. «Ежели я, баба, проголодалась, – жаловалась одна из них на рабочем митинге в 1905 г., – и иду покупать себе, скажем, соленый огурец, то разве с меня полкопейки берут, а не ту же копейку, что с мужика?»[1]

Социалистки и феминистки считали, что реальная заработная плата женщин была значительно ниже необходимой для нормального человеческого существования[2]. Бюджет 1909 г. учитывал лишь минимальные потребности женщин, занятых в текстильной промышленности: небольшую комнатушку или «угол», некоторое количество одежды и простой стол, состоявший из чая, сахара, хлеба, селедки и супа (горячие блюда были редкостью). Подобный образ жизни поглощал все 20 рублей ее месячного дохода, не оставляя ни копейки на культурные мероприятия или на уплату огромных штрафов, налагаемых за опоздание. На таких предприятиях, как Оттоманская табачная фабрика в Санкт-Петербурге, опоздание на 15–20 минут означало потерю рабочим половины дневного жалования. Матерям даже не позволяли уйти на десять минут раньше, чтобы забрать своих детей. Сокращения зарплаты боялись как холеры: в конце 1890-х гг. работницы другой петербургской сигаретной фабрики умоляли ее владельцев не вводить новый вид штрафа. Но эти господа в лучшей манере капитализма XIX в. отвечали, что они предпочтут скорее закрыть фабрику, нежели пересмотреть свое решение[3].

Если для мужчин и женщин уровень зарплаты был неодинаков, то время и условия работы были те же. До принятия в 1885 г. фабричного законодательства, они практически не регулировались. Женщины, так же как и мужчины отстаивали 24-часовую смену; а на одном кожевенном заводе они работали 18 часов в

---

[1] В 1902 г. было пять случаев, когда женщины, чтобы получить более высокую зарплату, вели себя как мужчины: *Амфитеатров А.В.* Женщины в общественных движениях России. Женева, 1905. С. 53. Жалоба работницы цит. по: *Бобровская Ц.* Записки подпольщика, 1894–1917. М., 1957. С. 69.

[2] Здесь и далее автор сгущает краски относительно положения российских рабочих. В пореформенное время наблюдалось повышение их жизненного уровня, и на 1913 г. реальная зарплата промышленных рабочих в России, с учетом сравнительной дороговизны жизни, была всего на 15% ниже, чем в США, и мало отличалась от реальной оплаты труда в большинстве западно-европейских стран: *Струмилин С.Г.* Очерки экономической истории России и СССР. М., 1966. С. 93–96; *Кирьянов Ю.И.* Жизненный уровень рабочих России (конец XIX – начало XX в.). М., 1979. С. 121–132. – *Прим. ред.*

[3] О бюджете рабочих см.: *Коллонтай А.М.* Социальные основы женского вопроса. С. 155–156; Русская мысль. 1910. Июнь. С. 133. О штрафах см: Союз женщин. 1907. Ноябрь. С. 7–10. Рабочее движение в России в XIX веке: Сборник документов и материалов: В 5 т. М., 1951–1963. Т. 4. С. 2, 29–30.

день с двумя перерывами на два и четыре часа. Новое законодательство запретило ночную работу женщин и детей в текстильной промышленности, и постепенно это положение распространилось и на остальные «женские» отрасли производства. Однако его последствия были частично сведены на нет другим законодательством, которое предусматривало ряд исключений, а также тем обстоятельством, что множество женщин были задействованы в не подпадавших под закон малых предприятиях. Таковыми были предприятия, на которых существовала потогонная система (в основном они занимались производством иголок), и где, по воспоминаниям одной революционерки, двенадцатичасовой рабочий день был роскошью, за которую еще надо было бороться. Об охране здоровья редко кто заботился, и длительное время, проведенное женщинами в тесных помещениях, приводило к заболеваниям легких и почек. Девушки, работавшие на харьковской сигаретной фабрике, падали в обморок через 15 минут после пребывания в помещениях для сушки; рабочие табачных фабрик повсеместно страдали от сердечных болезней, астмы, головных болей и спазмов. Либерально настроенная журналистка Тыркова описывала небольшую фабрику по пошиву одежды как мрачную, сырую камеру, забитую истощенными, чахоточными девушками – «не фабрика, а вечный дантовский Ад». Это было в 1909 г., после принятия основной части фабричного законодательства. В основном работодатели не делали больших различий между мужчинами и женщинами, когда начинали использовать их труд. Стоит ли удивляться словам Джона Мейнарда, который с негодованием писал, что в Москве женское тело использовалось для чистки дымоходов[1]?

Еще более ужасающими были условия жизни рабочих. Некоторые просто-напросто спали у станков; другие старались найти себе комнату или угол. Однако с течением времени рабочие всех возрастов, как мужчины, так и женщины, стали жить в бараках, специально построенных для них хозяевами. Фабричный инспектор Гвоздев оставил нам яркое описание бараков типичного фабричного района центральной части России, расположенных посередине пустынной местности, которую пересекала вонючая, грязная река. В сравнении с величественными домами владель-

---

[1] *Туган-Барановский М.* Русская фабрика (1898). М., 1934. С. 313–320; *Гвоздев С.* Записки фабричного инспектора. М., 1911. С. 58–60; *Соболев М.Н.* Женский труд в народном хозяйстве XIX в. СПб., 1901. С. 84–86; *Крыжановская-Тучапская В.Г.* Из моих воспоминаний // Каторга и ссылка. М., 1930. VI. С. 24–25; *Тыркова-Вильямс А.* Женский труд и проституция // Русская мысль. 1910. Июнь. С. 131; *Maynard J.* Russia in Flux. N.Y., 1962. P. 68.

цев фабрик здесь, где жили 44% рабочих округи, стояли уродливые бараки, распространяя зловоние людей, не имевших возможности вымыться, три или четыре семьи делили между собой одну комнату, а два или три рабочих поочередно спали на кровати. Многочисленные источники свидетельствуют, что подобные условия были характерны не только для текстильной промышленной зоны, но и для других регионов. В столице, Петергофе, Киеве некоторые рабочие занимали жизненное пространство размером с телефонную будку; мужчины, женщины, дети спали на полу, прислонившись к стене, слишком изнуренные даже для того, чтобы раздеться. В действительности, вся убогость рабочего быта, дошедшая до нас в рассказах Горького, Куприна и других писателей, достаточно полно отражается и в сухих докладах фабричных инспекторов[1].

Этому образу жизни соответствовала и сексуальная мораль, так же как это было в недавнем прошлом Англии. Большое недовольство вызывал феодальный сексуальный кодекс некоторых хозяев и управляющих. В начале 1870-х гг. фабричные «султаны» использовали экономическое давление на своих работниц, чтобы те удовлетворяли их плотские прихоти. Начиная с 1890-х гг., рабочие газеты и подпольные листовки регулярно печатали жалобы женщин на сексуальную эксплуатацию и дурное обращение; а некоторые фабрики стали использоваться сводницами для набора «белых рабынь». Лишь в исключительных случаях девушка могла вырваться из этого болота при помощи своего очарования и красоты, как, например мотальщица, вышедшая замуж за Савву Морозова[2]. Нормой для фабричной девушки был брак с рабочим. В этом случае она, как с гордостью отмечали коммунисты, пользовалась большей сексуальной свободой до брака и равными правами в браке, в отличие от ее деревенских сестер. Значительное расхождение в отношении к сексуальным вопросам между провинцией и городом, которое в 1920-х гг. превратится в острое противостояние, было уже очевидным в последнем десятилетии XIX века.

---

[1] *Гвоздев С.* Указ. соч. С. 149–151; *Соболев М.Н.* Указ. соч. С. 85; *Бобровская Ц.* Записки подпольщика, 1894–1917. М., 1957. С. 87; *Пажитнов К.А.* Положение рабочего класса в России. СПб., 1908. С. 216–232. Модель рабочих бараков можно увидеть в экспозиции Ленинградского музея этнографии.

[2] *Шишкин В.Н.* Так складывалась революционная мораль: Исторический очерк. М., 1967. С. 63; Рабочая мысль. 1898. Окт. 4. (Цит. по: *Wildman A.* The Making of a Workers' Revolution: Russian Social Democracy, 1891–1903. Chicago, 1967. P. 33); Листовки петербургских большевиков, 1902–1917: В 2 т. М., 1939. Т. 1. С. 38; *Бурышкин П.А.* Москва купеческая. Н.-Й., 1954. С. 115.

Между тем относительная свобода и равноправие работницы не гарантировали ей сохранность семьи или счастливую жизнь. Экономическим бременем для работавших пар были дети, в особенности для матерей, которые вплоть до 1912 г. не имели надлежащей социальной защиты. От нежелательных детей либо избавлялись до их появления на свет, либо продавали после рождения, а иногда отказывались от них или же убивали. Поскольку нянек практически не было, то работницы были вынуждены отдавать своих детей на попечение старым бабкам или же старшим детям – подобно девочке-подростку из чеховского рассказа «Спать хочется», которая нечаянно задушила своего подопечного. Как отмечала Коллонтай, для большинства детей рабочих начальной школой была улица. Работавшие матери, мечущиеся среди фабричных станков, не обращали на детей внимания, а почти всегда пьяные мужья находили мало утешения в «пролетарском» моральном равноправии; и брак, по словам Коллонтай, представлял собой не более чем ряд кратких передышек между запоями[1].

Правительство, несмотря на имеющиеся рычаги налогового и политического давления, практически ничего не делало для того, чтобы облегчить условия жизни рабочих. Своей основной задачей оно считало контроль за ограничением ночной работы для женщин и детей при помощи инспектирования, что вызывало ярое сопротивление со стороны российских промышленников. В 1859 г., когда впервые была выдвинута идея об инспекциях, братья Хлудовы, владельцы крупной текстильной фабрики, резко отреагировали, заявив, что «фабричная инспекция должна быть делом владельцев фабрики». Обычным аргументом против сокращения рабочих часов была низкая производительность рабочих. Запрещение ночного женского труда было организовано по инициативе петербургских фабрикантов, которые хотели лишить своих московских конкурентов преимуществ от использования дешевой рабочей силы, приведя москвичей и выразителя их интересов, Михаила Каткова, в ярость. После 1905 г., помимо вопросов страхования, внимание реформаторов сконцентрировалось на проблеме официального введения должности фабричного инспектора-женщины. Противники подобной меры утверждали, что в этом нет необходимости и что женщины неспособны занимать этот пост. Инспектора-мужчины, хорошо знавшие проблему изнутри, напротив

[1] Женское движение последних дней. Одесса, 1905. С. 11–13; *Коллонтай А.М.* Социальные основы женского вопроса. С. 128–130.

считали, что огромная масса фабричных женщин могла бы доверить свои нужды только женщине. К этому времени на инспектируемых предприятиях, работавших без женщин-инспекторов трудилось около 700 тысяч работниц[1].

Несмотря на ужасные условия жизни и труда, работницы ценились владельцами фабрик как «спокойный элемент» рабочей силы. Подобно крестьянкам, большинство работниц принимали свою тяжелую участь как уготованную им судьбу или Божью волю. При других условиях их было бы значительно труднее организовать и политически «подковать». Лишь только под давлением невыносимо грубого обращения, низкого жалования и непосильных штрафов работницы влились в борьбу рабочих. Когда их терпение иссякло, они все чаще стали демонстрировать враждебность по отношению к несправедливости работодателей. К тому же они были недовольны, хотя и в меньшей степени, своими товарищами, которые зачастую отнимали у них работу, лишали дополнительного заработка и иногда дурно с ними обращались. Одна из проблем реформы женского труда, причем не только в России, заключалась в том, что сами женщины зачастую не желали сокращения рабочего времени или улучшения условий работы, что и после революции будет вызывать озабоченность русского рабочего движения. В целом враждебность женщин-работниц по отношению как к капиталистам, эксплуатировавшим их, так и рабочим, которые конкурировали с ними, стала серьезной проблемой для руководительниц социалистического и феминистского движений.

Если отвлечься от рабочего класса и обратить внимание на образованную часть женского населения, то перед нами предстанет крошечная группа людей. Россия по-прежнему была традиционным обществом, и для девушки из низших слоев было очень трудно найти свой путь в лабиринте русской образовательной системы. В деле образования были задействованы не менее семи различных ведомств, однако результаты были далеко не такими впечатляющими, как перечень этих организаций. Цифры свидетельствуют, что в 1894 г. в школах обучался лишь 1% девочек (в сравнении с 3,9% мальчиков). Количество

---

[1] *Туган-Барановский М.* Русская фабрика (1898). М., 1934. С. 300; *Giffin F.G.* The Prohibition of Night Work for Women and Young Persons: The Russian Factory Law of June 3, 1885 // Canadian Slavic Studies. 1968. Summer. II. P. 208–218; Женское дело. 1913. Февр. 15. С. 1–2; *Беликов Б.Д.* Женщина в промышленной инспекции Запада: К вопросу о введении женской фабричной инспекции в России. Тверь, 1914. С. 51.

учеников устойчиво росло вплоть до революции, но соотношение мальчиков и девочек на протяжении всего периода сохранялось как 3:1. Данные 1903–1905 гг. показывают, что среди женщин грамотных было 13,7%, в сравнении с 32,6% мужчин. Качество образования, даваемого в начальных школах, в значительной степени варьировалось, хотя все же большинство из них ограничивалось преподаванием чтения, письма, арифметики и религии. В провинции земские школы были значительно лучше церковных; в городах же дети бедняков имели больше доступа к образованию. Определенные социальные группы, как например старообрядцы, евреи или дворянство, благодаря богатству или культурным традициям, пользовались преимуществами домашнего образования; в то время как крестьяне по-прежнему с неохотой мирились с утратой дочери-работницы ради получения ею образования – цель, которого они представляли неясно[1].

В результате, в 1907 г. в средних школах насчитывалось около 120 тысяч девушек. Худшими из этих школ были епархиальные училища, чья принципиальная цель заключалась в том, чтобы из дочерей священников сделать невест священников. В 1915 г. княжна Мария с грустью наблюдала за обучением этих вымуштрованных, одинаково одетых, полуголодных девочек, которые изучали вышивание, литургическое песнопение, Закон Божий и практически ничего кроме этого. Институты, которые все еще предназначались для дам знатного происхождения, вряд ли серьезно изменились со времен реформ 1860-х гг. Так, в Смольном, помимо знатного происхождения, к поступающим предъявлялись требования знания русского и французского языков, умения считать до тысячи, способности запомнить некоторые молитвы и отсутствия заразных болезней. Если верить выпускному сочинению 1904 г., Смольный по прежнему был «оранжереей для воспитания женственности», своего рода казармой, в которой задыхалась душа, и вырабатывалось шаблонное мышление. В неспокойные дни 1905 г. девушки из ряда подобных аристократических учреждений направили в адрес их администраций петиции с просьбой прекратить относиться к ним как к «муслиновым барышням», мечтающим только о балах и офицерах, и дать им серьезное об-

---

[1] Журнал Министерства народного просвещения. 1917. Май. LXIX. С. 24–38; *Филиппова Л.Д.* Из истории женского образования в России // Вопросы истории. 1963. № 2. С. 209–218; *Dodge N.* Women in the Soviet Economy. Baltimore, 1966. P. 101; Русская мысль. 1910. Июнь. С. 130.

разование. От общего числа девушек, получавших среднее образование, ученицы епархиальных училищ и институтов составляли одну треть[1].

Остальные две трети обучались в открытых в 1860-х гг. дневных гимназиях и прогимназиях для девушек всех социальных слоев. По численности они превосходили институты и церковные школы, формируя костяк женского среднего образования в дореволюционной России. Огромное количество их выпускниц поступило в университеты. Именно поэтому эти гимназии стали мишенью реакционных сил. В 1880-х гг., когда Министерство просвещения стали называть «министерством общественного невежества», эти силы повели наступление на все институты, в которых обучались «дети кухарок» и другие, не достойные образования элементы. Зачастую к этой категории относили и девушек, не принадлежавших к дворянскому сословию. Злобные нападки на женское образование были предприняты позднее министром просвещения А.М.Шварцем (1908–1910), который хотел ликвидировать сеть женских провинциальных гимназий и прогимназий и заменить их местными центрами домашнего хозяйственного обучения. Однако, несмотря на все попытки их упразднения, гимназии продолжали расти количественно и качественно[2].

История женского университетского образования этих лет была более беспорядочной и даже бурной. Из четырех «высших курсов для женщин», учрежденных в 1870-х гг. в Москве, Казани, Киеве и Петербурге, сохранились лишь последние[3]. Царская семья не симпатизировала университетскому образованию девушек. Царь не позволил использовать изображение своей жены на дипломах выпускниц женских курсов. Императрица не считала подходящим занятием для женщины изучение естественных наук, заявив однажды делегации женщин, что они должны оставаться дома и вязать. Нового министра

---

[1] *Мижуев П.Г.* Женский вопрос и женское движение. СПб., 1906. 31–32; *Grand Duchess Marie.* Education of a Princess: a Memoir. N.Y., 1931. P. 208–210; *Curtiss J.S.* Church and State in Russia: The Last Years of the Empire. N.Y., 1940. P. 359. Об институтах см.: *Мравитский В.* Правила и программы женских учебных заведений на 1909–1910 г. М., 1909. С. 107; *Лухманова Н.А.* Недочеты жизни современной женщины. М., 1904. С. 6–19; Женский Вестник. 1906. Июль–авг. С. 207–210.

[2] Реакция 1880-х гг. достаточно полно отражена во многих документах. О демарше Шварца см.: Женское дело. 1910. Сент. 10. С. 1–2.

[3] Данное утверждение не вполне верно, так как Казанские и Киевские курсы приостановили свою деятельность с 1886 по 1909 г., но затем вновь ее возобновили; Московские же курсы возобновили свою деятельность с 1909 г. – *Прим. ред.*

просвещения (1882) И.Д.Делянова не пришлось долго уговаривать закрыть женские университеты – когда полиция и реакционный журналист князь Мещерский, проинформировали его о том, что курсы являются «подлинным рассадником анархической болезни», он сразу с этим согласился. В 1886 г. объединенный комитет Министерства просвещения и внутренних дел пришел к заключению, что они должны предотвратить дальнейшую концентрацию молодых девушек в университетских городах, так как они приехали не за знаниями, а за «свободой, как они понимали ее в своей искаженной манере». Всем курсам было приказано прекратить прием студенток на этот год. В конце 80-х годов XIX в. свои двери закрыли московские, казанские и киевские курсы. Больше посчастливилось Бестужевским курсам в Петербурге. Их правление, состоявшее из старых феминисток, сумело доказать, что если закрыть курсы, то русские девушки вновь отправятся за границу. Правительство, хотя и с неохотой, но все же позволило курсам возобновить свою деятельность, но на новых условиях. Некоторые из директоров, включая и Надежду Стасову, были уволены, надзор был усилен, но курсы спасены. В 1900 г. в сходной ситуации в Москве были открыты новые женские курсы. Других курсов не было вплоть до 1905 года[1].

В неистовые революционные годы (1905–1906) маятник качнулся в другую сторону. Высшие курсы для женщин с предоставлением им автономии открылись во всех университетских городах, включая и новый университет в Томске; став, таким образом, настоящими женскими университетами. Были созданы новые факультеты, наняты женщины-преподавательницы, и вновь огромное количество женщин стало посещать университеты, как это было в начале 1860-х гг. Все это произошло на волне революционного подъема и благодаря либерально настроенному министру просвещения П.М.Кауфману (1906–1908). Однако с назначением реакционных министров, Шварца и Кас-

[1] Об отношении Александра III и императрицы см.: *Амфитеатров А.В.* Женщины в общественных движениях России. Женева, 1905. С. 50; *Тыркова-Вильямс А.* То, чего больше не будет. Париж, 1954. С. 252; *Brandes G.* Impressions of Russia (1889) / Tr. S.Eastman. N.Y., 1966. P. 106. Последнее исследование политики Делянова: *Зайончковский П.Г.* Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970. С. 340–342. Дополнительные сведения см.: Санкт-Петербургские высшие женские (бестужевские) курсы (1878–1918 гг.). С. 11–19; Высшие женские (бестужевские) курсы: библиографический указатель. М., 1966. С. 11–17; *Satina S.* Education of Women in Pre-Revolutionary Russia. N.Y., 1966. P. 101–109, 114–115.

со, студентки вновь были отданы на произвол чиновникам – слушательниц партиями исключали из университетов, набор новых студенток был запрещен, а автономия женских высших курсов была резко ограничена. Однако это уже не могло остановить развитие женского университетского образования. В 1914 г. на университетских курсах десяти городов числилось около 25 000 женщин. С началом Первой мировой войны новый либеральный министр просвещения, Игнатьев, допустил их в университеты[1].

Самыми известными женскими высшими курсами были Бестужевские. Два факультета, историко-филологический и физико-математический, располагались в просторном здании на одной из тихих улиц Васильевского острова. Сегодня в их просторных залах и аудиториях находится математико-механический факультет Ленинградского университета. До революции высокий уровень Бестужевских курсов и сильный профессорский состав (в основном университетский) заставили сотни молодых девушек со всей империи стремиться попасть туда. Однако к этому даже в XX в. существовали серьезные препятствия. Большинство родителей, в особенности провинциальных, по-прежнему хранили веру в то, что учеба – это «не женское» занятие, веру, которая живо была описана Михаилом Чеховым в повести «Синий чулок» (1904). Прежде чем столкнуться с трудностями поступления, девушка должна была достигнуть семнадцатилетнего возраста и иметь родительское разрешение. Еврейские девушки имели дополнительную проблему – систему квот (3%) и различные ограничения, связанные с чертой оседлости. Когда ни взятки, ни фиктивные браки не помогали, они иногда регистрировались в полиции как проститутки, с тем чтобы получить позорный желтый билет, дающий право на проживание. Тем не менее, несмотря на значительные трудности, стремящиеся к знаниям девушки всех сословий продолжали наводнять университетские города, и социальный состав Бестужевских (и всех

[1] Тема о русских студентках настолько объемна, а источниковая база настолько широка, что потребовалась бы специальная монография, чтобы ее раскрыть. В добавление к трем последним процитированным источникам см.: Женское дело. 1915. Авг. 1. С. 17; Женское дело. 1910. Май. 25. С. 16; Труды 1-го Всероссийского Съезда по образованию женщин. СПб., 1914. Т. 1. С. 2–32. Мои подсчеты количества студенток являются экстраполяцией данных Уильяма Джонсона – 20 000 на 1910 г. и 30 000 на 1916 г. (*Johnson W.H.E.* Russia's Educational Heritage. Pittsburg, 1950. P. 196). Более подробное исследование дореволюционных лет см.: *Dudgeon R.* Women Students in Russia, 1860–1905. George Washington University, 1975.

других) курсов постепенно становился все более и более демократичным[1].

Несмотря на то что 40% студенток Бестужевских курсов были дворянками (1909), большинство из них не могло оплатить свою учебу. Необходимую финансовую поддержку оказывало созданное феминистками в 1870-х гг. Общество для доставления средств нуждающимся студенткам. В своей повседневной жизни «бестужевка» не вела обычную жизнь петербургской дамы. Источник начала 1880-х гг. повествует о жизни нескольких девушек-студенток, деливших между собой сырую и темную комнату, спавших по очереди на единственной кровати и в пальто жавшихся друг к дружке над чашкой чая и ломтиком колбасы. В 1901 г. Ариадна Тыркова, наблюдая за студентками, находившимися в тюрьме за участие в демонстрации, отмечала, как они смакуют скромную тюремную пищу. Однако очень быстро эти условия изменились к лучшему. Уже к 1905 г. появились одноместные и двухместные комнаты с пансионом, доступные для курсисток. Опрос 1909 г. показывает, что практически все студентки имели ежемесячный доход более 20 рублей, а 34,9% из них – 26–35 рублей, что не сравнимо с доходом фабричных работниц. Только 1/5 часть из них работали, в основном репетиторами. Практически половина из них жили на частных квартирах, плата за которые в среднем составляла 11,5 рублей в месяц. Однако у нас нет сведений о том, кто питался и жил лучше: студентки или студенты[2].

---

[1] Воспоминания об интеллектуальной жизни студенток составляют значительную часть сборника: Санкт-Петербургские высшие женские (бестужевские) курсы (1878–1918 гг.). Требования для поступления перечислены в школьном руководстве 1905 г., см.: Сведения для женщин, получающих среднее образование, о высших и профессиональных учебных заведениях и курсах. СПб., 1905. С. 3–5. О трудностях для еврейских девушек см.: Женское дело. 1910. Сент. 10; *Шварцман Ф.* Моя судьба: Воспоминания: В 2 т. Париж, 1964. Т. 1. С. 169–177. Из тех, кто ответил в 1909 г. на анкету бестужевских курсов, девушки-дворянки составляли 39,7%, см.: Слушательницы Санкт-Петербургских высших женских (бестужевских) курсов. СПб., 1912. С. 4; *Чехов М.П.* Синий чулок. СПб., 1904. Словосочетание «синий чулок», присутствующее в литературе еще в 1860-х гг. («Молотов» Помяловского), никогда не носило в России антифеминистского смысла.

[2] Санкт-Петербургские высшие женские (бестужевские) курсы (1878–1918 гг.. С. 10–11; *Тыркова-Вильямс А.* На путях к свободе. Н.-Й., 1952. С. 80; Сведения для женщин, получающих среднее образование о высших и профессиональных учебниках, заведениях и курсах. С. 5; Слушательницы Санкт-Петербургских высших женских (бестужевских) курсов. СПб., 1912. С. 19–52; *Каблуков К.А.* Студенческий квартирный вопрос в Москве. М., 1908. С. 24, 31.

Исходя из этих данных, или скорее из их отсутствия, можно прийти к выводу, что сексуальный этос студентки по-прежнему был все тот же, как и у «шестидесятницы». Эротизм без любви больше не прельщал ее. На пике декадентского течения в русской литературе (1909) огромное количество студенток утратило интерес к этой теме. Некоторые из них избегали брака, семьи и детей, но делали это в духе не «Санина», а «Крейцеровой сонаты», сберегая в одиночестве свои силы для независимой жизни и работы. Другие заключали «платонические» или «толстовские» браки – позднюю версию чернышевских союзов 1860-х гг. – когда между супругами существовали дружеские связи, не сопровождавшиеся сексуальными отношениями. Но большинство студенток, уступая природе и одиночеству, вступали в обычные браки. Елизавета Дьяконова в своих воспоминаниях 1890-х гг. с презрением писала, как на экзамене сверкали обручальные кольца ее однокурсниц. Если студенческие браки чем и отличались от принятых «в обществе», то в сторону равноправия. Карикатура 1901 г. изображала мужа-студента, который убаюкивал детей, в то время как его жена с сигаретой во рту, положив ноги на стол, читала Бюхнера и Молешотта. Она отображала ситуацию, которая была, если не всеобщей, то по крайней мере, широко распространенной[1].

Консерваторы продолжали отождествлять студенток с проститутками. Владимир Пуришкевич, всегда выступавший в Думе с реакционных позиций, доказывал с думской трибуны, что университеты ослаблены «уличными девками», распущенными радикалками и развращенными еврейками, «растлевающими нашу молодежь». Ему вторил депутат Образцов, который заявил в Думе, что студентки не только вступают в безнравственные связи с профессорами, но также «сотнями отдаются пьяным матросам». Однако в России 1910 г. подобная архаичная истерия не играла какой-либо роли[2].

---

[1] Сексуальные отношения более полно будут рассмотрены в следующем разделе. О непопулярности «декадентов» среди студенток см.: Слушательницы Санкт-Петербургских высших женских (бестужевских) курсов. С. 122. Об отношении к браку см.: Там же. С. 134; а также: *Дьяконова Е.* Дневник Елизаветы Дьяконовой на высших женских курсах (1896–1899). СПб., 1905. С. 122, 283. О студенческих браках на основе разговоров московских студентов см.: *Иванов П.* Студенты в Москве: Быт, нравы, типы. М., 1903. С. 99 – 102. Карикатуру см.: *Melnikow N.* Die gesellschaftliche Stellung des russischer Frau. Berlin, 1901. S. 121.

[2] *Пуришкевич В.* Материалы по вопросу о разложении современного русского университета. СПб., 1914. С. 35–36, 190, 261–264; об Образцове см.: Женское дело. 1911. Март. 15. С. 2.

Поскольку русские студенты в целом были более радикальны, нежели их собратья где-либо еще в Европе, то власти рекомендовали своим подопечным студенткам держаться от них подальше. Ректор московских женских курсов и пионер в деле продвижения высшего женского образования, В.И.Герье, прежде всего заботился о воспитании хороших собеседниц, матерей, учительниц и снисходительно советовал поступающим женщинам избегать политики и мужчин. «Бестужевка» баронесса Людмила Врангель была вынуждена поклясться своему другу-сенатору, что не будет заниматься политической деятельностью. Подобные эпизоды вспоминают Дьяконова, Тыркова и другие. Водораздел между «политическими» и «учеными» студентками проходил по вопросу их отношения к политике. Последние выражали свою точку зрения простыми словами: «Мы пришли сюда учиться». Их основной задачей было не дать правительству повода закрыть женские курсы. Разделявшая это мнение Софья Сатина часто посещала политические митинги с тем, чтобы удержать своих подруг от опасного влияния радикальных ораторов. Дьяконова была типичным примером здравомыслящей и сознательной студентки, которую ужаснул догматичный радикализм ее товарищей, и она избегала многословных дебатов между марксистами и народниками, которые грозились «утопить друг друга в потоке доказательств». Когда однажды ее приятель-студент заявил, что «нет ничего лучше, чем знания», она ответила ему: «Да, дорогие товарищи, но мы, женщины, для того, чтобы достичь этого, должны получить образование». Но все же и Сатина, и Дьяконова, и многие другие женщины часто выступали единым фронтом со своими товарищами-студентами во время конфликтов с администрацией[1].

Радикалки не могли понять подобной позиции. Одна из них однажды спросила Дьяконову: «Для чего же вы ехали в Петербург?»[2] Тем не менее радикалки отрицали обвинения в антиинтеллектуализме. «Нам говорят, что мы не дорожим наукой, – говорилось в прокламации "бестужевок" 1904 г., – не дорожим своим учреждением. Нет, наука дорога всем нам, но мы находим, что наука и жизнь должны идти рука об руку». Атмосфера относительной бедности и одинакового положения женщин, несомненно питала мечты о социальной справедливости. Женщины-курсистки были

[1] *Врангель Л.* Воспоминания и стародавние времена. Вашингтон, 1966. С. 33; Санкт-Петербургские высшие женские (бестужевские) курсы (1878–1918 гг.). С. 273; *Satina S.* Education of Women in Pre-Revolutionary Russia. P. 109–132; *Дьяконова Е.* Дневник Елизаветы Дьяконовой на высших женских курсах (1896–1899). СПб., 1905. С. 14, 20. 65, 121, 145, 214, 252.

[2] *Дьяконова Е.* Указ. соч. С. 21.

завсегдатаями чайных и крошечных кафе на Васильевском острове, называли друг друга товарищами и общались на равных с мужчинами-радикалами. Корпоративные студенческие организации, фонды взаимопомощи, землячества, забастовочные комитеты – все это познакомило «бестужевок» с организованной и политической деятельностью. Действительно, чтобы не попасть под влияние политики, требовалось волевое усилие или же крайняя степень отчужденности. Одна «бестужевка» рассказывает, как она со свежими силами приехала из провинции и в первый же день была озадачена прозаичной просьбой пожертвовать несколько копеек матери недавно повесившейся студентки курсов. Избравшие для себя путь радикализма курсистки, которых было меньше, чем тех, кто занимался наукой, и тех, кто не связывал себя никакими обязательствами, воспринимали свою миссию со всей серьезностью. В одежде они придерживались простого стиля своих предшественниц нигилисток и зачастую демонстрировали свою приверженность радикальным революционным доктринам[1].

В 1880-х гг. в радикальную деятельность, главным образом в небольших социал-демократические кружки, была вовлечена лишь незначительная часть студенток Бестужевских курсов. В 1890-х гг. с ростом рабочего движения, их количество стало неуклонно расти. В этой среде сформировались такие будущие деятельницы большевизма, как Надежда Крупская, Самойлова и Куделли, которые разрывались между учебой и политической работой. Первое неподдельное беспокойство властей вызвало дело Ветровой 1897 г., связанное с самоубийством «бестужевки» Марии Ветровой, которая сожгла себя в камере Петропавловской крепости в знак протеста против дурного обращения с нею. Как только ее поступок стал достоянием нелегальной прессы, ее однокурсницы пришли в ярость. Демонстрация, участницы которой были арестованы, но затем освобождены, стала первым случаем открытого протеста курсисток в череде других, последовавших за этим в течении двух предреволюционных десятилетий. Огромное количество женщин приняло участие в беспорядках 1901 г. у Казанского кафедрального собора, после чего они были избиты и брошены в тюрьму. Мужчины-радикалы похвалили их, и в одном из своих бюллетеней опубликовали требование равноправия полов. С этого времени женский студенческий радика-

---

[1] Прокламация цит. по: Санкт-Петербургские высшие женские (бестужевские) курсы (1878–1918 гг.). С. 67. Студенческая жизнь и радикальная атмосфера отражена в воспоминаниях, которые приводятся там же; а также в ряде мемуаров, цитировавшихся ранее.

лизм вошел в одно русло с радикальным движением всей страны. В 1905–1906 и в меньшей степени 1913–1917 гг. он достиг впечатляющего размаха, о котором мы подробнее поговорим ниже[1].

Большинство женщин, к какому бы направлению они ни принадлежали, по окончании курсов должны были позаботиться о будущей работе или профессии, если они хотели избежать участи «буржуазной» жены. Образованные женщины, искавшие работу, все еще продолжали сталкиваться с грубостью и враждебностью, неравенством и незащищенностью. И в 1904 г., спустя более 40 лет, после высказываний Марии Вернадской, феминистки вынуждены были опять провозгласить важность самоуважения и профессионального обучения: «С профессией вы никогда не пропадете»[2]. Борьба за женское образование была завершена к 1905 г.; однако по-прежнему женщины, имевшие дипломы, не всегда могли найти работу, соответствующую их образованию. Русские женщины высших и средних слоев были действительно чрезмерно образованными относительно их социальной востребованности. Тонкий исследователь жизни Чехов отобразил это в портрете трех сестер, наделенных способностями к языкам и поэтическим воображением, которые попусту проживали жизнь в провинциальном городке.

Большинство выпускниц становились учительницами, но только из-за стоящих на пути к другим профессиям барьеров. Школьные учительницы были ограничены в правах в социальной, экономической и интеллектуальной сферах. Вплоть до 1911 г. женщины могли преподавать лишь в школах низшей ступени – прогимназиях и в женских гимназиях, что послужило поводом к следующему замечанию в «Новом времени»: «Дать высшее образование и не дать никаких прав – все равно, что научить сотни лиц корабельному искусству и отправить их в Сахару, предоставив им свободно пользоваться своим знанием». В 1900 г. заработная плата учительницы составляла 8–20 рублей в месяц, что было значительно ниже зарплаты квалифицированной работницы. Кроме того, учительница редко когда могла рассчитывать на доход мужа, так как часто им запрещалось выходить замуж. В одном из провинциальных городов городская Дума постановила уволить замужних учительниц, «так как мораль учениц не испорчена, а беременные женщины раз-

---

[1] Краткую хронику этих событий и их влияние на бестужевские курсы см. в статье Стриевской: Санкт-Петербургские высшие женские (бестужевские) курсы (1878–1918 гг.). С. 30–73.

[2] *Лухманова Н.А.* Недочеты жизни современной женщины. М., 1904. С. 24–39.

дражительны и неуравновешенны». Кто-то привел на это тот довод, что «старые девы еще больше раздражительны и неуравновешенны», и это решение было отменено. Даже консерватор Петр Дурново признал, что брак – это частное дело, и что он предпочтительнее незаконных связей учительниц, и постановление в Петербурге в 1913 г. было отменено. В других городах власти прилагали особые усилия для регламентации частной жизни учительниц, вводя ограничения в одежде, общественном поведении и даже месте жительства (не ближе двух кварталов от квартир учителей). Одна провинциальная учительница, придя в отчаяние от запрещенной любовной связи с крестьянином, вместе с ним покончила жизнь самоубийством (1911). Не удивительно, что такая молодая женщина как Дьяконова, размышляя над будущим, оценивала положение учительницы не лучше, чем положение гувернантки или содержанки; не удивительно и то, что многие сельские учительницы разделяли социалистические идеи[1].

Значительно труднее было стать университетским преподавателем. Русская академическая среда признала способности женщин в высших областях научной деятельности, отметив в 1890 г. Софью Ковалевскую; однако она стала известным ученым за границей – в Германии и Швеции. Дома же должности деканов и места в академиях по-прежнему оставались недоступными для женщин, несмотря на то что первым президентом российской Академии наук была женщина. Получение магистерской, докторской степеней и членство в Академии наук для женщин стало доступным лишь во времена III Думы (1907–1912). После 1905 г. женщины стали преподавать на женских курсах. Первой женщиной в России, получившей в 1910 г. докторскую степень, стала историк Александра Яковлевна Ефименко[2]. Она преподавала на Бестужевских курсах и написала ряд работ по истории и этнографии[3].

---

[1] Санкт-Петербургские высшие женские (бестужевские) курсы (1878–1918 гг.). С. 12, 16, 20. О численности и заработной плате учителей см.: *Johnson W.H.E.* Russia's Educational Heritage. P. 195, 209. Материалы о социальной неправоспособности учительниц см.: Женское дело. 1911. Февр. 15. С. 29; 1911. Март. 15. С. 27; 1913. Дек. 15. С. 21; *Дьяконова Е.* Указ. соч. С. 51–52.

[2] По решению совета Харьковского университета А.Я.Ефименко получила степень «почетного доктора», то есть без защиты научной работы. – *Прим. ред.*

[3] О Ковалевской см.: Женское дело. 1910. Июнь. 10. С. 3–4; *Шабанова А.* Очерк женского движения в России. СПб., 1912. С. 24, 30. О Ефименко см.: Санкт-Петербургские высшие женские (бестужевские) курсы (1878–1918 гг.). С. 185–187.

В начале XX в. женщины, не придерживавшиеся радикальных взглядов, все еще рассматривали медицину как наиболее подходящую для себя профессию. И это, несмотря на все удары, которые в недавнем прошлом пришлось перенести женскому медицинскому образованию. Когда в 1881 г. на посту военного министра Милютина сменил реакционер Ванновский, то он приказал удалить из военных госпиталей медицинские курсы для женщин любого уровня. Министр просвещения Дмитрий Толстой хотел переименовать всех женщин-докторов в «ученых акушерок» и определить их на работу в женские гимназии и женские монастыри, однако это предложение вызвало столько неприличных шуток, что ему пришлось от него отказаться. Когда его попросили оказать поддержку открытию новых курсов, он недвусмысленно ответил: «Все приводимые доводы о практическом значении и необходимости проектируемого института основываются не на действительной потребности государства в таком учреждении, а лишь на теоретических соображениях и стремлении отдельных лиц к так называемой эмансипации женщин». Окончившие гимназии девушки, которые, подобно молодой Тырковой, желали стать докторами, обнаруживали, что дверь в медицину для них закрыта. Так же, как это было в случае с Бестужевскими курсами, выпускницы медицинских курсов, феминистки и их друзья развернули агитацию за воссоздание курсов. После внимательного изучения предложение, представленное в Государственный Совет в 1891 г., было одобрено всеми его членами, за исключением Победоносцева. Но в конечном итоге в 1897 г. на Петроградской стороне (где сейчас находится Первый Медицинский институт имени Павлова) был открыт Женский медицинский институт, а в следующем десятилетии подобные учебные заведения были открыты и в других университетских городах[1].

Выпускницам русских или зарубежных медицинских учебных заведений предоставлялось довольно широкое поле деятельности. На бумаге их статус был практически идентичен статусу коллег-мужчин. В сфере частной практики они имели такое же право консультировать, выписывать рецепты и отправлять на госпитализацию; кроме того, они могли находиться на государственной службе, но без присвоения чина и несе-

[1] *Satina S.* Op. cit. P. 88–92; *Зайончковский П.Г.* Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970. С. 341; *Шабанова А.* Очерк женского движения в России. СПб., 1912. С. 11–13; Труды 1-го Всероссийского Съезда по образованию женщин. СПб., 1914. Т. 1. С. 81–90.

ния воинской повинности. На деле же работа женщин-врачей ограничивалась педиатрией, гинекологией, работой в женских гимназиях и в отделе полиции инспектировавшем проституток. В провинции роль женщин-врачей была более значима, и вскоре они стали обычным явлением среди находившихся на жаловании земских служащих. Безусловно ограничения и дискриминация продолжали существовать, хотя на деле Россия с ее полутора тысячами женщин-врачей в 1910 г. была далеко впереди таких стран как Великобритания, Германия и Франция, в которых в 1911, 1914 и в 1928 гг. соответственно количество женщин-врачей составляло третью часть от этого числа. Но больше всего беспокоило русских женщин-докторов не то, что они составляли всего лишь 10% от общего числа врачей, а то, что Россия с ее 10-милионным населением в 1880-х гг. имела всего лишь 14 000 докторов, и, кроме того, высокопоставленные чиновники самодовольно заявляли, что империя не нуждается в дополнительном медицинском персонале. Такое положение вещей объясняет, почему каждые три из четырех суфражистских организаций в 1905–1917 гг. возглавлялись женщинами-врачами[1].

Кроме того, в эти годы женщины без обычной борьбы, освоили и ряд других «свободных» профессий – фармацевтов, зубных врачей и адвокатов. Настойчиво стремившаяся к званию фармацевта А.Лесневская оставила нам печальные воспоминания о своих скитаниях и препятствиях на пути к фармацевтическому образованию и профессиональной деятельности. В сугубо личных мемуарах Фанни Шварцман «Моя судьба» содержится похожий рассказ о молодой еврейской студентке дореволюционной России, которая прошла путь от черты оседлости до университета, а затем до петербургских курсов зубных врачей, на которых после множества злоключений получила образование и диплом. Создав прецедент, Шварцман и другие женщины вели нормальную профессиональную жизнь до тех пор, пока не сталкивались с войной, революцией или любовью. После торжественного открытия в 1906 г.у женских юридических факультетов, появились женщины-адвокаты. Однако для них не было никакой другой работы, кроме консультирования, да и то ее было очень сложно найти. Так, одна женщина-юрист работала

---

[1] *Полянский А.* Русская женщина по государственной и общественной службе. М., 1901. С. 1–9; *Михайлова В.* Русские законы о женщине. М., 1913. С. 10–11. Сравнительные данные по количеству женщин см.: *Lipinska M.* Les femmes et le progrès des sciences médicales. Paris, 1930. P. 153, 175, 182, 198.

горничной, пока не нашла работу на железной дороге. Проблема заключалась в том, что в соответствии с судебной процедурой, женщины не имели права вести в суде дела, хотя имели возможность работать в кулуарах судебных заседаний. Когда адвокат Е.А.Флейшитц попыталась оспорить это правило, ее лишили звания, а Сенат издал указ, запрещавший женщинам, несовершеннолетним и душевнобольным выступать в качестве адвокатов. Законопроект, принятый Думой в 1913 г. и направленный на исправление этой ситуации, задержался в Государственном Совете до 1916 г., а затем был снят с рассмотрения. По воспоминаниям советской женщины-адвоката, накануне принятия этого решения она со своей коллегой посетили председателя Государственного Совета Акимова, который сказал им, что императрица выступает против того, чтобы женщины занимались юриспруденцией, поэтому он приложил усилия, чтобы этот законопроект не прошел в Совете[1].

Характерным явлением для России тех лет было быстро развивающееся женское техническое образование. Доводы оппозиции варьировались от старых утверждений, что женщины не смогут подниматься по лестницам в своих длинных юбках, до более весомого замечания либерал-националиста Петра Струве о том, что студенты, в том числе и женщины, становятся чрезмерно специализированными. Главным инициатором движения была предприимчивая журналистка и феминистка Прасковья Ариан, выпускница Бестужевских курсов. Установив связи с преподавателями технических училищ и такими известными феминистками, как Философова, Конради и другими, имевшими большой опыт по сбору денег на женские нужды, она в 1904 г. создала свое собственное общество по изысканию средств для нового женского учебного заведения и через два года получила разрешение на его открытие. Петербургский Женский технический институт (1906–1924) был первым учреждением подобного рода, который в первое десятилетие своего существования выпустил около 50 женщин-архитекторов, дизайнеров и инженеров. Вставшее на пути этих женщин всеобщее недоверие, опасность подобной деятельности для их здоровья и, наконец, заслуженные успехи – все это отражено в

[1] *Лесневская А.* По непроторенной дороге. СПб., 1914; *Шварцман Ф.* Моя судьба: Воспоминания: В 2 т. Париж, 1964. Т. 1. Материалы о женщинах-адвокатах взяты см.: *Шабанова А.* Очерк женского движения в России. СПб., 1912. С. 14; Санкт-Петербургские высшие женские (бестужевские) курсы (1878–1918 гг.). С. 148–155, 249–255.

одних из самых впечатляющих в истории женского движения воспоминаниях Е.К.Столицы[1].

Картина как ограничений, так и возможностей для женщин в профессиональной жизни была бы не полной, если бы мы не упомянули журналистику. В традициях Вернадской, Конради, Лихачевой и Евреиновой все больше русских женщин с сильным характером и духом издавали журналы и газеты, писали и публиковали статьи. Как профессия, журналистика не требовала специального обучения и, несмотря на это, давала огромное интеллектуальное удовлетворение. Из постоянно растущего числа женщин-публицистов можно выделить выпускницу Бестужевских курсов Любовь Гуревич, вышедшую из семьи известных педагогов. В 1890-х гг. она стала редактором и издателем «Северного Вестника». Работая с Лесковым, Чеховым и Толстым (жена последнего однажды обвинила его в любовной связи с Гуревич), она была вовлечена в занятия литературной критикой и вскоре заинтересовалась социальными вопросами. После 1905 г. она стала активной феминисткой[2].

Новые возможности для женщин открылись в результате быстрого процесса индустриализации России и постепенного усложнения структуры общества. В 1905 г. только в одном Петербурге существовало более 50 различных институтов для женщин, предоставлявших широкий спектр курсов по искусству, науке и торговле. Даже апатичные и враждебно настроенные чиновники признали пользу женщин, и в 1900 г. академический совет Министерства просвещения учредил «секцию по женскому профессиональному образованию». К началу Первой мировой войны для женщин открылся широкий круг гражданских должностей в конторах, тюрьмах, на железных дорогах, школах и лабораториях. Основная сохранившаяся проблема заключалась в том, что правительство нанимало женщин на работу в центральные административные учреждения, но запрещало им работать в провинциальных отделениях. Одним из последствий подобной политики была концентрация образованных женщин в двух столицах, что в

---

[1] Первые женщины-инженеры. Л., 1967. С. 7–28; Устав Санкт-Петербургского Общества изыскания средств технического образования женщин. СПб., 1905. См. также: Санкт-Петербургские высшие женские (бестужевские) курсы (1878–1918 гг.). С. 20; *Филиппова Л.Д.* Из истории женского образования в России // Вопросы истории. М., 1963. № 2. С. 217; а также воспоминания Е.К.Столицы об агрономическом обучении: Бестужевки в рядах строителей социализма. М., 1969. С. 54–60. Замечания Струве см.: Труды 1-го Всероссийского Съезда по образованию женщин. СПб., 1914. Т. 1. С. 76–79.

[2] Бестужевки в рядах строителей социализма. С. 187–190.

свою очередь сократило организационные проблемы для женского движения, возникшего после 1905 года[1].

Существовала ли в России женская интеллигенция? Если она и существовала, то, конечно же, она не была замкнутым кругом образованных и профессионально подготовленных женщин, основные черты которых мы только что обрисовали. Кроме равнодушных, не стремившихся к интеллектуальному совершенствованию людей, которые всегда существовали, были и истинные интеллектуалы и эстеты, чья преданность искусству или знанию препятствовала их размышлениям над социальными вопросами и отстраняла от гражданских действий. Талантливая писательница Зинаида Гиппиус, за исключением короткого увлечения социальными проблемами, осталась чуждой подобным тревогам и заботам, критикуя женское движение. Анна Павлова – полуеврейка и незаконнорожденная дочь прачки и солдата – так и не пришла к демократическим взглядам, несмотря на резкий контраст между ее происхождением и блестящей средой, окружавшей ее на пике карьеры танцовщицы. Дух русского искусства начала века был настолько наполнен стремлением к личному самовыражению и зачастую ницшеанским презрением к массам, что отдельным личностям было невыразимо трудно преодолеть разрыв, который возникал между общественным сознанием и самовыражением художника. Интеллектуалка, а впоследствии выдающаяся деятельница партии меньшевиков, Софья Дубнова в своих воспоминаниях объясняет эту проблему тем, что для молодых людей ее круга наиболее болезненной дилеммой было разрешение конфликта между двумя основными интересами – политикой, которая означала для них социализм, и культурой Серебряного века. Эти две крайности приходили между собой в столкновение по любому актуальному вопросу[2].

Женская интеллигенция не обязательно была социалистической или даже политической; она была «социальной», то есть ориентированной на общество. В действительности по своей народнической, не признающей насилия и по-своему религиозной

---

[1] Сведения для женщин, получающих среднее образование о высших и профессиональных учебных заведениях и курсах. СПб.; *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968. С. 226; *Полянский А.* Русская женщина: Первый женский календарь. СПб., 1899–1916. VIII, 1906. С. 396–398.

[2] О Гиппиус см.: *Pachmuss T.* Zinaida Hippius. Carbondale, 1971; о Павловой см.: *Buckle R.* Nijinsky. London, 1971. P. 26–27; *Дубнова-Эрлих С.* Общественный облик журнала «Летопись». Н.-Й., 1963. С. 2–3.

сути она походила на «толстовство». Начиная с 1860-х гг., ее моральный кодекс и мировоззрение практически не изменились – она по-прежнему была оптимистичной, прогрессивной и полной энтузиазма. Любимыми писателями студенток, оставивших Маркса и Ницше далеко позади, были Тургенев, Достоевский и, в особенности, Толстой. Отныне их изголодавшиеся умы и созревающие души питали философия и интеллектуальная история, которые наконец-то свергли с престола естественные науки[1]. Несмотря на то, что слой образованных, социально ответственных женщин был невелик, он, как и само общество, был слишком сложен для того, чтобы составить о нем более точное общее представление. В его основе лежали глубокие экономические и философские противоречия, которые неизбежно привели бы к возникновению конфликтующих друг с другом идеологий. Однако даже после того как это случилось, внимательный наблюдатель смог бы по-прежнему найти следы солидарности, которая характеризовала женскую интеллигенцию.

2. Сексуальный вопрос

Вплоть до начала революции, русская интеллигенция занималась решением философских проблем, которые требовали от нее интеллектуальной энергии и нравственного участия. В начале XX в. важное место среди них занял и сексуальный вопрос, не только потому что в сексуальных взаимоотношениях (как в браке, так и вне его) существовало неравенство, но и потому, что в обществе неравенство воспринималось как норма. Общественное внимание к данной проблеме в 1880–1890-х гг. ограничивалось анализом конкретных нарушений нравственных норм и несоответствия реальной ситуации положениям закона. С 1908 г. общественность начала отчаянную коллективную критику, что было характерно не только для России, хотя иногда подходы к данной проблеме принимали формы, характерные для русской интеллектуальной традиции. Блуждания российской общественности в этом лабиринте человеческой морали (хронологические рамки которого следует

---

[1] О предпочтениях в выборе книг некоторых студенток см.: Слушательницы Санкт-Петербургских высших женских (бестужевских) курсов. СПб., 1912. С. 114–118; Первые женщины-инженеры. Л., 1967. С. 19. Данные об изучаемых предметах см.: Сведения для женщин, получающих среднее образование о высших и профессиональных учебниках, заведениях и курсах. С. 8–13; *Melnikow N.* Die gesellschaftliche Stellung des russischer Frau. Berlin, 1901. S. 126 (данные по Петербургу); Студенческая жизнь. 1910. Янв. 17. С. 20 (данные по Москве).

определять не с 1900 по 1914 г., а с 1890 до середины 1930-х гг.) следует рассматривать как часть всеобщего движения за пересмотр так называемого «двойного стандарта», которое в те же годы охватило образованную часть общества Северной Европы (Германию, Скандинавию и в меньшей степени Англию и Америку). Решение, найденное в конце этой одиссеи, могло бы иметь решающее влияние на характер женского освободительного движения в России.

До 1917 г. в России официально признавались лишь два сексуальных института: брак и проституция. Однако кроме них, во всех слоях общества процветали и другие виды незаконных связей. Традиционно привилегированные классы выказывали толерантное отношение к сексуальным похождениям членов своего сообщества, в особенности мужчин. Чеховский «Папаша», не возражавший против мелких шалостей своей жены, служанки, сына и домашнего учителя, являл собой воплощение добродушного принципа «живи и давай жить другим», господствовавшего в русском обществе. Однако с ростом городов и развитием экономики безнравственность стала «проблемой». В 1886 г. Владимир Михневич опубликовал «Язвы Петербурга» – объемное исследование городской нищеты, преступности и порока, ставшее первым в длинной череде негодующих описаний социальных язв города. В главе, посвященной «тайным порокам», Михневич предпринял несколько искусственную попытку классифицировать различные типы женщин, вступающих в незаконные связи. Автор отмечал, что среди образованных классов старые добрые отношения адюльтера открыли дорогу широко распространившейся практике материальной поддержки «содержанок». Эта связь, основанная на экономических отношениях, вряд ли была много лучше, чем проституция. В низших городских слоях свободные сексуальные отношения, символами которых была «душенька» или девица легкого поведения, стали образом жизни, но были в меньшей степени связаны с экономическими отношениями[1]. В 1890-х гг. незаконное сожительство стало настолько распространенным явлением, что приходские священники обсуждали меры «борьбы с этим злом»[2].

---

[1] Свободные сексуальные отношения в среде низших городских слоев не стали образом жизни даже в постсоветской России, а в начале XX в. они далеко не были свободными: адюльтер был редким явлением, а девушка должна была хранить девственность, если она хотела выйти замуж. – *Прим. ред.*

[2] *Михневич В.* Язвы Петербурга: Опыт историко-статистического исследования нравственности столичного населения. СПб., 1886. С. 423–430; *Розанов В.В.* Семейный вопрос в России: В 2 т. СПб., 1903. Т. 1. С. 274–286.

Однако большинство людей были обеспокоены не самим фактом существования внебрачных связей, а их последствиями – массой незаконнорожденных детей. По данным Бернис Мэдисон, 1884–1892 гг. их число в Европейской России составляло 111 414 или 268 на 10 000 новорожденных. Эти показатели были ниже, чем в Европе, но все же достаточно высоки. В городах сосредотачивалась основная масса незаконнорожденных; это был один из признаков грядущего разрыва между городскими и сельскими нормами сексуального поведения. Вплоть до принятия в 1902 г. закона о незаконнорожденных детях в стране не существовало какой бы то ни было защиты незамужних матерей, большинство из которых были промышленными работницами, только что приехавшими из деревень, или же служанками, считавшимися наряду с проститутками основными сексуальными партнерами студентов. Экономические и психологические препятствия, чинимые обществом незамужним матерям, приводили к тому, что многие из них отказывались от новорожденных детей или убивали их, что в свою очередь вело к росту самоубийств и увеличению количества проституток. Но больше всех от этого страдали нежеланные дети. Возникшая в эти годы сеть приютов и семей, бравших детей на воспитание за плату, была настолько несовершенной, несмотря на высоких покровителей, что, по свидетельству Мэдисон, уровень смертности приемышей составлял 75%! Женщины, берущие за плату детей на воспитание в семью (известные как «ангельские фабрики»), приносили в официальные приюты корзины с мертвыми или полумертвыми детьми, задыхавшихся от своих собственных испражнений, чтобы получить по два рубля за ребенка[1]. Порочное сочетание внебрачной любви, мужской безответственности и огромной массы брошенных детей явилось еще одним социальным вопросом, который достался в наследство большевикам после их прихода к власти.

Идея контроля над рождаемостью, связанная с известной в Европе мальтузианской теорией, не имела большого успеха в России. Чарльз Брэдлаф, Энни Бесант, Джордж Драйсдейл в Англии и Маргарет Сангер в Америке создали на базе этой теории международное движение, несмотря на ожесточенную оппозицию со стороны религиозных, политических и юридических деятелей. На страницах российской прессы эта проблема появи-

---

[1] *Madison B.* Russia's Illegitimate Children Before and After the Revolution. Закон о незаконнорожденных детях см.: Свод законов Российской империи: В 16 т. СПб., 1912. Т. 10. С. 10. О сексуальных партнерах студентов см.: Студенческая жизнь. 1910. Апр. 12. С. 11.

лась только после 1905 г., и, если верить репортеру «Русского богатства», к 1907 г. стала излюбленной темой разговоров в провинциальных городах и среди пассажиров поездов. В 1910 г. петербургский врач Карл Дрекслер опубликовал иллюстрированный каталог известных к тому времени способов предотвращения беременности с комментариями к каждому методу. Такие способы как воздержание, цикличность и прерванный половой акт он сразу же отбросил как нереальные, ненадежные и соответственно неудовлетворительные. Вместо этого он предложил широкий выбор механических и химических средств: презервативы, маточные кольца, противозачаточные колпачки, вагинальные спринцевания и свечи. Несмотря на то, что книга официально называлась «Как предупредить беременность у больных и слабых женщин», автор не сомневался в том, что она будет способствовать контролю над рождаемостью и облегчит участь бедняков, и напоминал своим читателям, что эта проблема «дело совести каждого человека, которое не терпит вмешательства извне»[1].

Из всех мнений, высказанных в поддержку идеи Дерикера, самыми прозорливыми были взгляды Софьи Заречной, журналистки феминистской ориентации, первой увязавшей данную проблему с «женским вопросом». Контроль за рождаемостью, писала она, не только уменьшит случаи детской смертности (любимый аргумент врачей), но и освободит женщину, которая, используя контрацепцию, станет равной мужчине. Это в свою очередь уменьшит и опасность войны, так как, во-первых, на высшем политическом уровне мужской этике насилия и жестокости будет противостоять женская этика справедливости и любви; во-вторых, сокращение уровня рождаемости сделает жизнь более ценной и уменьшит запас пушечного мяса, доступный военным. Так, изменив старое феминистское уравнивание риска матери во время родов на риск солдата на поле битвы, Заречная предположила, что уменьшение первого поможет уменьшить и второе. Она также настаивала на том, что только женщина имеет право распоряжаться своим телом и критиковала давление со стороны общества, религии и закона, запрещавшее незамужней женщине иметь ребенка, в то же время принуждая к этому замужнюю женщину даже против ее воли.

---

[1] Краткую историю данного вопроса см.: *Fryer P.* The Birth Controllers. London, 1965, а также: Русская мысль. 1910. Июль. XXXI. С. 40–65. Русское богатство. 1907. Сент. С. 121. Цитата приведена по шестому изданию книги Дрекслера, так как первое издание не было найдено: *Дрекслер К.* Как предупредить беременность у больных и слабых женщин. СПб., 1910. С. 49. Обложка книги носит более товарное название «Как предупредить беременность». В соответствии с газетной вырезкой, найденной в книге, она продавалась в 9 городах империи.

Убедительная постановка проблемы Заречной вызвала в том же феминистском журнале негативные отклики, смысл которых, впрочем, сводился к тому, что «бесчувственные способы контроля за рождаемостью» могут оттолкнуть мужей от своих жен. С другой стороны, «мальтузианство», напугавшее многих феминисток за границей, также не нашло серьезной интеллектуальной поддержки среди русских феминисток, социалисток и в обществе в целом. Холодное восприятие этой идеи в это время предвещало ее неоднозначный прием и при Советской власти[1].

В отличие от контроля за рождаемостью аборты в России были незаконными. Тем не менее незаконный или «черный рынок» абортов процветал: в Москве количество абортов в период 1909–1914 гг. возросло в два с половиной раза, а в Петербурге с 1892 по 1912 г. – в десять. К этому времени медики всерьез встревожились и направили собравшемуся конгрессу гинекологов (одному из первых в ряду других, которые в течение последующих 25 лет будут изучать эту проблему) предложение легализовать аборты по медицинским соображениям. Два года спустя петербургский конгресс криминологов, адвокатов и полицейских чиновников проголосовал в пропорции 3 к 1 за изменение законодательства. Каковы были их аргументы? Для некоторых женщин это было необходимо по медицинским причинам; кроме того, арестовывать и наказывать удавалось лишь незначительное число незаконно практикующих врачей; наконец, настоящий закон был несправедлив к бедным, незамужним женщинам, которых экономические трудности толкали на занятия проституцией. Правительство препятствовало этому решению из соображений морали. Самой впечатляющей контрмерой, которую оно могло предложить, было предложение Министерства юстиции усилить наказание для беременной женщины и врача, сделавшего аборт, до трех лет тюремного заключения[2].

На все сексуальные проблемы ответ официальной России был один: выходите замуж, заводите детей, содержите семью. Действительно, брак и семья по-прежнему были мечтой для большинства женщин дореволюционной России. В анкете, распространенной среди студенток в 1912 г., только 25,1% респонденток отметили

[1] Статью Заречной и отклики на нее см.: Женское дело. 1910. Авг. 10. С. 10–12; 1910. Окт. 25. С. 6–7; 1910. Ноябрь. 25. С. 7–8. О подозрительном отношении английских феминисток к «мальтузианству» см.: *Banks O.* Feminism and Family Planning in Victorian England. Liverpool, 1964. P. 104–111.

[2] Данные по количеству абортов в Москве взяты из: L'égalité de la femme en U.R.S.S. Moscow, 1957. P. 220. Другие данные см.: Женское дело. 1912. Янв. 15. С. 24; 1913. Июнь. 1. С. 21; 1914. Апр. 1. С. 3–4.

свое негативное отношение к замужеству. Равнодушное отношение продемонстрировали 3,2%, большинство которых были недовольны его ограниченностью, эгоизмом, мещанским характером и подчиненным положением женщины. Подавляющее большинство девушек (и несколько больший процент мужчин) смотрели на брак и материнство как на естественный образ жизни, некоторые из них резко отрицательно относились к разводу и контролю за рождаемостью. Мнение по этому вопросу, приведенное ниже, разделялось гораздо большим числом людей, чем это может показаться на первый взгляд: «Я страстно хочу быть женщиной и матерью, оба эти чувства одинаково сильны во мне. Выйду замуж, если даже недостаточно буду любить. Если муж и жена духовно родственны и понимают друг друга – хорошо. Нет этого – придется обойтись. Главная цель, ведь, удовлетворение половых и материнских инстинктов и избавление от одиночества»[1].

Однако на деле брак, в особенности когда практически не было возможности развестись, значительно отличался от «естественного» образа жизни, проповедуемого молодыми мужчинами и женщинами в самые романтические периоды их жизни. В деревнях, где господствовало «право оскорблять жену, данную мужу в браке», скороспелые браки, деспотизм, и неверность со стороны мужа зачастую толкали крестьянок на убийство своих мужей. В городах причины супружеских разногласий были иного характера, корни их исследователи видели в пьянстве, по крайней мере в среде рабочего класса. В бесконечной серии памфлетов, статей и резолюций водка изображалась разрушительницей семьи. Интеллигенция вела более трезвый образ жизни и в большей степени следовала идее равноправия, но и здесь отношения были далеки от идеала. О проблемах, возникавших при заключении браков, сложностях в общении супругов, а также о сексуальном невежестве и фригидности образованных женщин мы можем судить по свидетельствам современников. Эти данные очень малочисленны, но можно предположить, что поддержка закона о разводе, также была отражением кризиса самого института брака[2].

---

[1] *Гордон Г.* Брак и проституция в суждениях современной молодежи // Новая жизнь. 1913. Февр. С. 196.

[2] *Хвостов В.М.* Женщина и человеческое достоинство. С. 465. Об алкоголизме и семье см.: *Аргамакова С.* К вопросам этики в современном браке. Полоцк, 1895; а также: Женское дело. 1910. Янв. 17. С. 3. О браке среди образованных женщин см.: *Давыдов Н.В.* Женщина перед уголовным судом.,М., 1906. С. 25 (о неравноправии); *Амфитеатров А.В.* Женское настроение. СПб., 1908. С. 122–127 (об образовательном разрыве); *Безобразов П.В.* О современном разврате. М., 1900. С. 53–57 (о фригидности).

К началу XX в. в бракоразводное законодательство не было внесено значительных изменений. Основанием для развода большинства русских супружеских пар по-прежнему оставалась измена, причем подтвержденная свидетельскими показаниями[1]. Недаром Алексей Каренин содрогнулся от ужаса при мысли о публичном заслушивании подобных свидетельств. Как бы там ни было, но для состоятельных людей не представляло труда предъявить суду «свидетелей» и «соответчиков» – возможность, на которую намекал адвокат Каренина. Один выступавший за реформы писатель (1904) рассказывал, что нередко истцы нанимали для этого горничных и слуг, превращая таким образом бракоразводный процесс в «бесконечную и позорную комедию». Запутанная судебная процедура, состоявшая из не менее чем девяти отдельных ступеней, препоны, чинимые бюрократами, различные обязательства, налагаемые на сознавшегося в измене, высокие гонорары адвокатов – все это в совокупности сделало развод практически невозможным для большинства людей. Что касается женщин то, помимо всего прочего, бракоразводный процесс отталкивал их унизительной процедурой допроса о личной жизни. Поэтому неудивительно, что разводы не были распространенным явлением[2].

Проституция, которая как социальная проблема в 1870-х гг. была снята с повестки дня, вновь появилась в это время. Причины этого заключались, во-первых, в недостатке сексуальной и семейной культуры, что порождало клиентуру проституток; во-вторых, в индустриализации, которая повлекла за собой миграцию женщин в города и, как следствие этого, увеличение количества проституток. В сухом медицинском отчете за 1896 г. сообщалось, что после 50 лет государственного медицинского карантина венерические заболевания широко распространились среди городского населения. В течение последующих 20 лет врачи, писатели и публицисты буквально наводнили страну своими работами об угрожающем распространении этого общественного порока, детской проституции, белых рабынях, преступлениях на сексуальной

---

[1] См. примечание 2 на с. 28.

[2] Детальное описание ступеней бракоразводного процесса см.: *Михайлова В.* Русские законы о женщине. М., 1913. С. 97–103. Об оскорблениях жены см.: *Розанов В В.* Семейный вопрос в России: В 2 т. СПб., 1903. Т. 1. С. 140, а также: *Лухманова Н.А.* Недочеты жизни современной женщины. М., 1904. С. 57–64. О церковном законе и происхождении проблемы развода см.: *Способин А.Д.* О разводе в России. М., 1881; *Филиппов М.А.* Взгляд на русские гражданские законы // Современник. 1861. XV. Февр.; 1861. Март; *Загурский Л.Н.* Речи о разводе, борьба с голодом и другие. Харьков, 1904. С. 159–204.

9 Заказ 5510

почве и венерических заболеваниях. Очевидным проявлением проблемы было значительное увеличение количества проституток. При населении в 1 400 000, в Петербурге было от 30 до 50 тысяч зарегистрированных и нелегальных проституток – соотношение, сравнимое с Лондоном, Парижем, Берлином и Веной. Другими центрами распространения проституции были Москва и близлежащие фабричные города, Прибалтика, шахтерские районы Украины, а также причерноморские города. Ряды проституток пополнялись в основном за счет крестьянок, уехавших из деревень. На железнодорожных станциях их встречали агенты публичных домов, и эти простоватые девушки, смотревшие на мир широко открытыми глазами, становились легкой добычей вербовщиков, которые помогали им устроиться в близлежащих «гостиницах» и обещали хорошую работу. Основная причина, толкавшая этих женщин на занятие проституцией, заключалась в экономической нужде или же страхе перед ней. Арифметика была такова, что служанка или работница могли рассчитывать на 15–20 рублей в месяц, в то время как самая низко оплачиваемая проститутка могла заработать 40 рублей, а если она была еще и привлекательной, то ее доход составлял до 500–700 рублей[1].

Внутренняя жизнь русских борделей стала достоянием публики с выходом в свет в 1909 г. сенсационной повести Куприна «Яма». Основываясь на медицинских отчетах и свидетельствах из первых рук, Куприн был предельно точен в описании разрушения душ и тел проституток, работавших ночами в публичных домах. Алкоголизм, извращения, избиения, сговор с полицией, деградация клиентов и проституток – все это было реальностью. Официальный образ русского «публичного дома» – чистого заведения, где проводится хорошо организованная социальная профилактика, – уступил отныне место более реалистичной картине гниющего, преступного притона, служащего тюрьмой для сексуальных рабынь. Помимо публичных домов, имевших лицензию, проститутки-одиночки договаривались с клиентами в театрах, клубах, кафе-шантанах, ресторанах и продавали себя в банях, садах, танцевальных залах или прямо на улицах. По свидетельству современника, большинство гостиниц были «муравейниками порока, кишащими тайными проститутками». Невский стал модным местом для состоятельных мужчин, искавших ночных бабочек. Торговля своим телом стала настолько прибыльной, что начала привлекать не только певиц кафе, официанток и продав-

[1] Более детальное описание проституции в дореволюционной России см. в сборнике статей: *Glickman R., Stites R.* Women in Nineteenth Century Russia.

щиц цветов, но и хорошо воспитанных, иногда даже титулованных, дам и благопристойных замужних женщин, занимавшихся проституцией в вагонах поездов. После революции один исследователь подсчитал, что постоянными клиентами проституток были около 70% городских мужчин[1].

Однако еще большее беспокойство общества вызывала детская проституция и белое рабство, широко распространившиеся в последние годы существования монархии. Отчет 1906 г., озаглавленный «Дети на улицах» был полон отвратительных описаний малолетних проституток и их клиентов. В свое время английскому борцу с проституцией журналисту В.Т.Стиду даже стало дурно при виде того, как на его глазах маленьких детей усыпляли хлороформом, прежде чем отдать старым развратникам. Подобные вещи происходили и в России. Известно, что в 1913 г. в Лодзе было место, где известные промышленники пользовались «благосклонностью» молоденьких девочек; и что для таких же целей в Петербурге существовала детская театральная школа. Картотеки благотворительных организаций были переполнены делами девочек, которые начали порочный образ жизни с «неестественных действий» мужчин, которые сначала их напоили, а после заплатили им за «это». Совращение детей и их вербовка набивали бездонные карманы белых работорговцев, действовавших практически безнаказанно по всей Западной и Южной России и имевших хорошо организованную сеть агентов и посредников, которые ездили по городам, соблазняли обещаниями девушек и молодых женщин и переманивали их из магазинов, гостиниц, фабрик и железнодорожных станций. Однажды завербованной и получившей желтый билет девушке, как бы она того не хотела, было невыразимо трудно бросить свою новую профессию. Группировки белых работорговцев (одна из которых, описанная в «Яме», действовала «от Курска до Одессы и от Варшавы до Самары») сманивали еврейских и нееврейских детей из городов в черте оседлости, которых затем собирали на специальных пунктах, таких как Бердичев и Одесса, и отправляли через Румынию в Стамбул и дальше на Восток и даже в Аргентину[2].

В имперской России ответственность за контроль над проституцией, за распространение венерических заболеваний, равно как и за предотвращение и расследование связанных с этим преступлений несло Министерство внутренних дел. По отношению к проституции министерство, казалось, следовало той точке

---

[1] *Glickman R., Stites R.* Women in Nineteenth Century Russia.

[2] Ibid.

зрения, что сама по себе проститутка, хотя и является неотъемлемым членом общества, не имеет никаких гражданских прав и, конечно же, права на защиту со стороны полиции. Полиция не только позволяла дурно обращаться с ней, эксплуатировать, грабить и бить ее, но посредством паспортной системы сама помогала вербовать новых проституток и чинила препятствия желающим бросить это занятие. Между тем, если мы хотим оценить степень эффективности министерства в этих делах, то мы должны исходить из того, насколько реализовывались его официальные цели, которые заключались в сдерживании распространения венерических болезней и в предотвращении преступлений, связанных с проституцией. По обоим этим пунктам министерство обнаружило свою полную несостоятельность и циничное отсутствие какой-либо заинтересованности в решении проблем. Нехватка врачей, плохая организация и взяточничество во врачебно-полицейском комитете по надзору за проституцией (бывшим подразделением Министерства внутренних дел) приводили к поверхностному осмотру проституток. Поскольку клиенты проституток никогда не подвергались медицинскому осмотру, то сифилис продолжал распространяться. Вследствие должностных преступлений и коррумпированности полиции, государство потерпело неудачу и в попытке остановить рост похищений детей, сексуальных домогательств в отношении несовершеннолетних подростков и белого рабства. Вряд ли можно найти лучший пример для демонстрации бессилия имперского чиновничьего аппарата дореволюционной России[1].

Образованное общество в той же мере было обеспокоено таким культурным и социальным явлением, как декаданс. Появившись после 1905 г. и широко распространившийся в предвоенные годы, он стал одним из основных (на сегодняшний день еще недостаточно изученным) увлечений российской интеллигенции[2]. Как эротическое направление в литературе, декаданс был частью общей переориентации русской мысли, что означало отход от упрощенного материализма, критического утилитаризма и сухого атеизма предшествующих поколений в сторону неокантианства, искусства ради искусства и искреннего, если не фанатичного, мистицизма. Как манера поведения «декаданс» означал демонстрацию приверженности к язычеству, аморальности или цинич-

[1] О провале официальной политики см.: *Bronner V.M.* La lutte contre prostitution en URSS. Moscow, 1936. P. 5–13.

[2] Декадентство возникает в 1890-х гг. (Гиппиус, Мережковский, Минский), а после 1905-г. получает широкое распространение. – *Прим. ред.*

ным сексуальным взглядам и обычаям. Для традиционной интеллигенции он представлял серьезную угрозу нигилистскому этосу, который она сформировала еще в 1860-х гг. Обеспокоенность интеллигенции была усилена тем, что декаданс появился в момент глубокого культурного кризиса молодежи. После шестнадцати лет постепенного усиления социальной активности, начавшейся с голода 1891 г. и достигшего кульминации в бурные 1905–1907 гг., наступил неожиданный упадок сил, с последовавшей за этим политической реакцией и апатией, царившей в обществе. Это было похоже на то, как из воздушного шарика выпустили воздух. К ужасу большинства интеллигенции литература отвернулась от общества, обратившись к таким глубоко личным темам как гомосексуализм, садизм, инцест, извращения, не уделяя внимания тому, что в это время происходило в общественной жизни – насилию, убийствам и казням, восстаниям и карательным рейдам в провинции. Читатели воспринимали такие утонченные и неестественные удовольствия как пир во время чумы[1].

Первым декадентским произведением, подвергшимся критике, был роман Арцыбашева «Санин» (1907) – определенно посредственная история страсти, инцеста и самоубийства. Некоторые из действительно талантливых писателей того времени – Иванов, Зиновьева-Аннибал, Кузьмин, Гиппиус, Сологуб – также обращались к этим темам, но делали это деликатно, со вкусом и всегда с умом. Однако их усилия были тщетны из-за потоков брани, раздававшихся по адресу «Санина». Герой романа являлся носителем новых ценностей, противостоящих хрупкой морали старой интеллигенции. Несомненно, что этот «больной извращенец», как его окрестили критики практически всех направлений, это безнравственное и плотское животное Санин выказывал не только здравое презрение *a la* Ницше к условностям и религии, но и презрение к любой идее прогресса или исторической морали. Устав как от социал-демократов, так и от христиан, он дружески относится к еврею, но подстрекает его положить конец всем сомнениям, покончив жизнь самоубийством. Он лишает девственности невинную девушку, хотя она сама того хочет; он жаждет свою сестру, но, когда ее, обесчещенную, бросает высокомерный офицер, он встает на ее защиту. Привлекательный, умный, мужественный и жизнелюбивый Санин представляет собой квинтэссенцию противника лицемерия. Однако «теория» этого

---

[1] О распространении эротических тем в русской литературе см.: *Новополин Г.С.* Порнографический элемент в русской литературе (1907–1908). СПб., 1909. С. vii–ix.

романа оказывается на поверку не более чем плохо прикрытым гедонизмом[1].

Критики всех направлений встретили «Санина» враждебно. Корней Чуковский назвал героя романа вульгарной и бесцветной фигурой; Ариадна Тыркова сетовала на то, что его петушиное пение заглушило голос любви. Придерживавшийся народнических взглядов критик Петрищев сопоставил кодексы любви трех поколений: отцов 1840-х гг., которые принимали традиционный брак; сыновей 1860-х гг., которые признавали секс, только если он был основан на любви и взаимном влечении, а также внуков, подобно Санину, проповедовавших деградирующую чувственность без любви. Другой обозреватель-народник предположил, что если бы Санин встретился с Верой Павловной, то она вызвала бы у него отвращение своей честностью и стремлением освободить все человечество. Горький, Луначарский и Плеханов нашли роман отвратительным, а последний назвал его «эротическим безумием». Марксистский критик Вацлав Воровский противопоставил антисоциальный нигилизм Санина «прогрессивному» нигилизму тургеневского Базарова. Православный священник Михаил выразил озабоченность всего консервативного духовенства, когда сетовал и на то, что в романе половой акт лишается человечности и становится бездуховным, а также на гедонистический «культ мгновения». Всеобщая критика «санинизма» продемонстрировала также своего рода моральное превосходство «старого» нигилизма перед новым, моральных и интеллектуальных течений 1860-х гг. и силу этической солидарности интеллигенции, которая в вопросах секса оказалась выше всех политических разногласий[2].

«Санинизм» не ограничивался лишь сферой литературной полемики. Он превратился в стиль поведения молодых людей на закате монархии и под другой личиной вновь возник у пессимистично настроенной части советской молодежи 1920-х гг. В обоих случаях причина была в сильном *Weltschmerz*[3], возникшем на

---

[1] Дабы понять популярность романа в то время, он должен быть прочитан во всей его полноте.

[2] *Чуковский К.* Геометрический роман // Речь. 1907. Май. 27. С. 2; *Вергежский А.* [Тыркова А.] Красный петух // Речь. 1907. Май. 13. С. 2. Мнения марксистских критиков см.: *Городецкий Б.П.* История русской критики: В 2 т. М., 1958. Т. 2. С. 575–576, 595, 686. Советские историки окрестили «Санина» «наступлением реакции в сфере морали» (*Шишкин В.Н.* Так складывалась революционная мораль: Исторический очерк. М., 1967. С. 326–327); *Архимандрит Михаил.* Проблема Санина // Законный брак. СПб., 1908. С. 1–11; Русское богатство. 1907. Сент. 9. С. 95–126; 1908. Июнь. С. 159–168.

[3] Weltschmerz (*нем.*) – мировая скорбь. – *Прим. пер.*

волне интенсивной политической и социальной активности. В период реакции, наступивший после 1905 г., молодые люди нашли выход своей энергии в сексуальных приключениях и плотской неумеренности, прикрывая свое поведение вульгарным санинистским понятием удовольствия ради удовольствия. В российских городах появились санинистские сексуальные клубы, носившие такие названия как «Сгоревшие свечи», «Пиво и воля», «Лига свободной любви» и «Минута». Работа «Половой рынок и половые отношения» (1908) повествует о посреднических конторах и притонах для свиданий, в которых люди могли найти себе случайного сексуального партнера, о садистах, которые бродили по Невскому в поисках молодых девочек для того, чтобы их высечь, и о развлечении для богатых – квартире-храме Эроса, в которой устраивались оргии с участием мужчин, женщин и детей. Среди молодежи необузданная жажда удовольствий дополнилась депрессивной волной саморазрушения. Как заметил один киевский критик, самоубийство и сенсуализм были формами «бегства от жизни», отчаянной реакцией на очевидно неразрешимые проблемы, с которыми столкнулось русское общество после неудавшейся революции. Роман «Санин» был в той же мере причиной санинизма, в какой «Что делать?» – причиной нигилизма; он просто-напросто отразил дух социального и психологического отчаяния, которое охватило молодежь и привело ее либо к сексуальному самозабвению, либо к самопожертвованию[1].

Популярная литература этого периода разрабатывала темы «личного» и «психологического» характера сексуальных взаимоотношений, предвосхитив то, что в советские времена будет названо теорией «стакана воды». Автор «Основного условия» (1906) рассказывает об умной женщине, «которая не нашла ничего более достойного воспоминания, чем где, при каких обстоятельствах и с кем они удовлетворили естественное желание, кем был случайный сотрапезник и каково было меню в ресторане, в котором им случилось отужинать». «Любовь духовная и физическая лучше только физической? Прекрасно. Но если я нахожу персик вкуснее вишни,

---

[1] Русская беседа. 1908. Май. С. 104–130; Русская беседа. 1908. Июнь. С. 146–175; *Матушевский А.И.* Половой рынок и половые отношения. СПб., 1908. С. 35- 38, 119–129. Отчеты лиг «Свободной любви» можно найти: *Богдан-Соколовский А.М.* Под маской. Киев, 1911. Примерно в это же время появилась и откровенная порнография и непристойное бульварное чтиво (*Новополин Г.С.* Порнографический элемент в русской литературе (1907–1908). СПб., 1909. С. 226). О самоубийстве см.: *Крупская Н.К.* Самоубийство среди учащихся и свободная трудовая школа // Вопросы народного образования. М., 1918. С. 171–181; Женский вестник. 1910. Ноябрь. С. 219–222; Бегство от жизни // Женская мысль. 1910. Янв. 1. С. 10–15.

то поэтому я должен от вишни отказаться? Наоборот – чем больше у меня вишен, тем с большей тоской я буду желать персика», – писал В.Винниченко в «Честности с собой» (1912). «Яма» (часть II, 1914): «Желание заняться любовью такое же, как и желание есть, пить и дышать... Физиологическое удовольствие, возможно более сильное, возможно, более интенсивное, чем другие – но это все». Леда, героиня одноименной повести Каменского, говорит о том, что женщина должна иметь то же право, что и мужчины, добиваться и завоевывать представителей противоположного пола. В романе Вербицкой «Ключи счастья» (1910) героиня любит двух мужчин и сожительствует с обоими. А героиня Винниченко довела свое стремление к самоутверждению до того, что на своих визитках писала: «Проститутка Ольга Матвеевна Щербина». Однако в литературе, как и в реальной жизни, именно мужчины превозносили свободный, физиологический секс, не обремененный нежностью и обязательствами; и именно мужчины получали больше преимуществ на рынке удовольствий. Все это делает более понятным отношение между сексуальной свободой и женскими правами. Однако смысл этого отношения станет в полной мере понятен лишь после того, как революция провозгласит оба этих тезиса[1].

Наиболее острая реакция на «сексуальный вопрос» наблюдалась со стороны феминисток и социалисток. Однако разброс мнений между ними был слишком широк, чтобы их комментировать. Консерваторы просто утверждали, что единственным путем к удовлетворению физиологических потребностей и спасению является традиционная семья. «В эти времена скептицизма и утраты иллюзий, – говорилось в руководстве к семейной жизни 1888 г., – позвольте этой книгой научить вас, что в мире все еще существует счастье, и что семейная жизнь – самая естественная жизнь для человека и обильный источник радости». Священники продолжали произносить проповеди о женщинах и семье «с христианской точки зрения»; другие действующие лица социального процесса обратились к пагубным последствиям необузданной страсти. В одном семейном руководстве врач увещевал своих читателей, что «не следует поддаваться неумеренным желаниям удовольствий; нельзя позволить сексуальным отношениям попасть под власть разрушительных сил чувственности и превратить их в привычку». В 1907 г. была опубликована работа, в которой женщина-автор нападала на мужское либидо, утверждая, что мужская сексуальность ответственна за все сексуальные откло-

---

[1] *Винниченко В.* Честность с собой. М., 1914. С. 99.

нения, включая и женские. Имевшая огромное влияние «Крейцерова соната» (1889) Л.Толстого популяризировала убеждение, что вожделение – корень всего зла. Под этой идеей подписались бы многие консервативные моралисты[1].

Либералы и умеренные реформаторы считали, что необходимо нечто большее –установление равенства в семье, а не библейские банальности и грубый морализм. Писательница Лухманова в 1904 г. призывала к таким бракам, в которых «любовь была бы дополнена дружескими отношениями и превратилась бы в настоящие, продолжительные взаимоотношения». Уфимский епископ Никанор пытался привязать к библейскому этосу понятие «семьи, состоящей из равных друг другу членов, получивших одинаковое образование, из взаимного уважения и дружеских отношений». Профессор Хвостов, несмотря на то что продолжал оставаться верным моногамии, предупреждал, что сохранение семьи потребует по крайней мере ослабления власти мужа, отмены двойного стандарта морали, уважения к личности жены и особенно пересмотра бракоразводного законодательства. Однако эти несомненно разумные идеи представляли собой лишь незначительные вариации на тему, впервые сформулированную Михайловым еще в 1860-х гг., и рассматривались большинством интеллигенции как трюизмы[2].

Религиозный мыслитель В.В.Розанов отверг как страусиный пиетет консерваторов, так и бледный либерализм реформаторов, и попытался обновить семью при помощи религиозного сенсуализма. Как отметил Джордж Клайн, Розанов бросил вызов аскетизму Нового Завета и его наиболее влиятельному защитнику Толстому и стремился воскресить то, что, по его мнению, было сокровенной связью между сексуальностью и благочестием,

---

[1] Семейная жизнь в ее радостях и печалях: Правила житейской мудрости для мужей и жен. СПб., 1888. Похожие взгляды были выражены и в переводе работ гарвардского профессора по христианской этике Джорджа Пидбоди: Иисус Христос и социальный вопрос. М., 1907. С. 104–154; *Никанор* (епископ Уфы). Идеал женщины-христианки // Православное обозрение. 1882. III. 11. Ноябрь. С. 578–593; *Галахов М.* Женский вопрос, его причины и оценка с христианской точки зрения // Христианское чтение. 1903. С. 94–107, 217–234; *Силов В.* Женщина замужем. Исследование о физических, душевных и нравственных обязанностях и правилах замужних женщин. М., 1897. С. 54–58; *Анзимирова М.Н.* Причины нравственной физиономии женщины. СПб., 1901; *Болквадзе М.Г.* Не развращайте женщин! или «враги человечества». СПб., 1908; *Сабанин А.Х.* Проституция. Историко-профилактический этюд. СПб. 1903. С. 213–229.

[2] *Лухманова Н.А.* Недочеты жизни современной женщины. М., 1904. С. 37; *Говоров А.В.* Женский вопрос в связи с историческими судьбами женщины. Казань, 1907. С. 73; *Хвостов В.М.* Женщина и человеческое достоинство. М., 1914. С. 447–456, 465–476.

содержавшейся в Новом Завете. Брак, писал он, сакрален, но в отличие от евхаристии, исповеди и других таинств, при которых приобщающийся к ним пассивен перед лицом Церкви, брак превращает его в активного участника таинства. Таким образом, сексуальные отношения в браке находятся вне ведения Церкви и закона и являются личным делом супругов и Бога. Когда святость брака, говорил он, осквернена неверностью, брак перестает существовать, чтобы Церковь и суд ни говорили по этому поводу. «После первого греха брак – это труп», а развод – всего лишь похоронный ритуал. В своей объемной, прекрасно написанной, но несколько бессистемной работе «Семейный вопрос в России» (1903) Розанов доказывал огромную важность смены изжитых форм супружества – поверхностных, сухих и негативных – позитивными любовными отношениями, основанными на сочетании православной веры и естественной чувственности людей[1].

Большинство интеллигенции, придерживавшейся левых взглядов на сексуальный вопрос, пошло дальше попыток сохранить юридическую семью под властью Бога, продолжая настаивать на идее о своего рода свободной любви, пропагандировавшейся с 1860-х гг. Исследователь русской порнографии Новополин отметил в 1909 г., что «пропагандировать в российском обществе теорию свободы чувств, свободы любви, свободы материнства – значит ломиться в открытую дверь». Однако, поскольку эти идеи дискутировались в Европе, то в предреволюционные годы в России они также стали актуальными общественными вопросами. Около 1900 г. шведская феминистка Эллен Кей разработала программу отмены двойного стандарта морали, предложив предоставить незамужним женщинам право на любовь, сексуальный опыт и детей – право, которое бы не только допускалось, но и поддерживалось обществом. В Скандинавии Кей стала главной выразительницей идеи женской эмансипации, а сформулированное ею «право на материнство» было сразу же воспринято в Германии, где Рут Брэ, лидер движения за материнство, требовала неограниченного права для каждой женщины иметь ребенка и материальную поддержку, утвер-

---

[1] Реакционер, князь Мещерский иронически называл Розанова «Александром Великим женского вопроса» из-за либеральных взглядов последнего на вопрос о женском образовании. См.: *Розанов В.В.* Семейный вопрос в России: В 2 т. СПб., 1903. Т. 2. С. 431–439, 456–458; *Kline G.* Religious and Antireligious Thought in Russia. Chicago, 1968. P. 36, 64–68. Взгляды Розанова на брак см.: *Розанов В. В.* Семейный вопрос в России. Т. 1. С. 72–81; *Он же.* В мире неясного и не решенного. СПб., 1904. С. 97–136. О месте Розанова в интеллектуальной истории того времени см.: *Философов Д.В.* В.В.Розанов // Слово и жизнь. СПб., 1909. С. 139–161.

ждая, что только так можно искоренить проституцию, венерические болезни и ужасы жизни старой девы. Все это немедленно отражалось в российской прессе, хотя эти идеи уже давно были усвоены общественным сознанием. Как только стал распространяться «декадентский» стиль поведения, защитники «свободной любви» попытались провести различие между нею и избалованностью, флиртом, цинизмом и промискуитетом, подчеркивая возвышенные идеалы свободной любви XIX века[1].

Консерваторы, противившиеся идее свободной любви, редко когда были способны учесть все эти нюансы и по-прежнему продолжали считать ее деструктивной и криминальной или же сравнивали ее со спариванием собак на улицах. Однако даже некоторые либералы полагали, что безоговорочное принятие обществом идеи свободной любви будет иметь пагубные последствия. Феминистка Анна Милюкова в 1908 г. провозгласила, что «в обществе, в котором ни матери, ни дети не защищены законом, пропаганда свободных браков может привести только лишь к соблазну». Другая феминистка отмечала, что многие отставшие в нравственном развитии мужчины поддерживали идею свободных брачных союзов только для того, чтобы превратить их в случайные связи. Либеральная часть общества по-прежнему пыталась найти «верное» решение сексуальной проблемы, но так и не пришла к полному согласию. Определенные ответы имелись лишь у крайне правых и крайне левых. Консерваторы не смогли с достаточной степенью объективности подойти к этой проблеме и решить ее. У марксистов же возможность ее решения появилась только после 1917 г. В бурные годы революции и Гражданской войны история покажет, насколько справедливыми были сомнения либеральной интеллигенции в отношении свободной любви как способа решения проблемы женской сексуальной эмансипации[2].

---

[1] Наиболее полный очерк идей Эллен Кей см.: *Key E.* Kaerlighed og aegteskab. Copenhagen, 1905. Русский перевод: *Кей Э.* Любовь и брак. М., 1907. О программе Рут Брэ см.: *Bré R.* Das Recht auf die Mutterschaft. Leipzig, 1903. *Лозинский Е.* О настоящем и будущем женского движения в связи с проблемой целомудрия и задачами материнства. 1903 (1904?); Женский вестник. 1905. Окт. С. 296–300; *Елецкий М.* Свободная любовь. СПб., 1908; *Коллонтай А.М.* Социальные основы женского вопроса. С. 202–208; Женское дело. 1911. Сент. 15. С. 1; *Волоков М.* Эмансипация женщин и свободная любовь. СПб., 1906; Женское дело. 1914. Авг. 1. С. 10–12; 1915. Июнь. 1. С. 12–14; 1914. Ноябрь. 1. С. 1–3.

[2] *Cyon E. de* (эмигрировавший консервативный публицист). Nihilisme et anarchisme. Paris, 1892. P. 92–93; *E.M.* Голос русской женщины. СПб., 1906. С. 57; Женская мысль. 1910. Янв. 1. С. 8–9.

Глава VII
ФЕМИНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

1. Феминистки старого образца

Несмотря на то что проблема женской эмансипации привлекла к себе внимание русского общества еще за 50 лет до первой революции, в России не существовало настоящего женского движения вплоть до 1905 г. Затем в российской социальной истории практически одновременно возникли два отдельных движения: феминистское движение, боровшееся за политическое равноправие женщин и социалистическое. История обоих движений уходит корнями в 1890-е гг., однако до 1905 г. они не сталкивались друг с другом. Феминистки продолжали традиции общественной деятельности, заложенные еще в 1860–1870-х гг. После 1905 г., с возникновением движения за предоставление женщинам одинаковых с мужчинами избирательных прав, феминистки старого образца по-прежнему продолжали работать над неполитическими проблемами женской эмансипации и либо полностью отрицали политическое движение, либо составляли его консервативное крыло. Безусловно, существовали значительные отличия в мировоззрении и в поведении старых феминисток и феминисток образца 1905 г. Многие представительницы обоих поколений с презрением относились к понятиям «феминистка», «феминизм» и не применяли их к себе и к движению в целом. Но, принимая во внимание отличия между поколениями феминисток, мы не должны нарушать традиции сравнительного исторического анализа и уделять внимание только одному направлению. Единство, существовавшее в несоциалистическом женском движении, позволяет нам уверенно говорить о феминистской традиции, которая продолжалась с 1860-х гг. и до революции 1917 года[1].

Издание «Женщина в семейной и социальной жизни» 1901 г. соответствовало официальной точке зрения на сферы общест-

[1] Об употреблении понятия «феминистка» см: Женское дело. 1911. Янв. 1. С. 17–18.

венной жизни, достойные приложения женских сил – благотворительность и образование, которые собственно и составляли интерес старых феминисток. Конечно, существовали и «дамы-благотворительницы» в чистом виде, чуждые феминизму, которые занимались филантропией по причине искренней заботы о бедных или из желания прославиться. В своей деятельности они могли опираться на совершенно недемократический Союз учреждений обществ и деятелей по общественному и частному призрению, находившийся под патронажем вдовствующей императрицы и других известных лиц, и поощрявшего «благотворительность как образ жизни». Некоторые из благотворительных обществ были ориентированы исключительно на женщин. В 1896 г. к семи работным домам для сирот и бедняков Петербурга присоединился и «Дом трудолюбия для образованных женщин». Основанный на том принципе, что «только разумная форма благотворительности сможет обеспечить нуждающихся *оплачиваемой работой*». Дом находился в богатом квартале и был предназначен для помощи выпускницам женских курсов или институтов, которые не могли сами выйти на уровень «достаточной» жизни. В противоположность ему, Общество попечения о молодых работницах было создано специально для прислуги, продавщиц и работниц, с целью их защиты от пагубного влияния окружающей среды. К 1906 г. около 2 000 женщин и девушек регулярно посещали уроки чтения, шитья и закона Божьего, проходившие в девяти петербургских отделениях Общества[1].

Наиболее значимым из всех благотворительных предприятий для женщин было Российское общество охранения здоровья женщин, основанное в 1900 г. Попеременно возглавляемое двумя княгинями – Евгенией Ольденбургской и Еленой Саксен-Альтенбургской, общество состояло из титулованных дворян и состоятельных филантропов, например, барона фон Гинцбурга, графини Паниной и семьи Терещенко из Киева, а также из представителей интеллигенции, деятелей культуры и некоторых феминисток. Штаб-квартира Общества на Надеждинской улице и дома многих его членов находились в живописном районе к северу от Невского проспекта. Строго контролируемый бюджет пополнялся за счет

---

[1] Женщина в семейной и социальной жизни. СПб., 1901. С. 1–20, 447–480. Устав Всероссийского Союза Учреждений Обществ и Деятелей по Общественному и Частному Призрению см.: ЦГИА. Ф. 1075. Оп. 2. Д. 25. О Доме Трудолюбия см.: Женское дело. 1899. Авг. С. 116–120 (цитата – С. 16); а также: Женский альманах. С. 142–163. Об Обществе попечения о молодых работницах см.: Женское дело. 1899. Апр. С. 152–156; а также: *Коллонтай А.М.* Социальные основы женского вопроса. С. 177–179.

взносов церкви и личных пожертвований, и из него финансировалась деятельность столичных отделений и восьми филиалов в других городах. Как и другие подобные организации, Общество с самого начала было ориентировано на управление скорее эффективное, чем демократическое, и хотя общие собрания двухсот пятидесяти его членов собирались дважды в год, они всегда имели заранее четко сформулированную повестку дня.

После 1905 г. Общество стало одним из основных лоббистов запрета проституции. Его тактика, как и его программа реформ, оставались чрезвычайно осторожными. Например, в 1913 г. Общество решило, что если какой-либо проект рассматривается в Государственном Совете, то не стоит параллельно проводить его независимое обсуждение[1].

В дореволюционной России у женщин была масса возможностей заниматься благотворительностью. В начале XX в. одновременно с расширением образовательных и профессиональных возможностей женщин появилось множество общественных и частных благотворительных учреждений, женских обществ взаимопомощи, фондов и стипендиальных комитетов. Все это в известной мере способствовало приобретению женщинами опыта в организационной и финансовой деятельности. Между тем этот взрыв женской активности не всегда заслуживал всеобщее одобрение. «Мы наблюдаем за заседаниями правлений, на которых произносятся речи, и комитетов, где сидят скучающие и равнодушные мужчины и женщины, ничего не сведущие в делах, обсуждая инструкции и параграфы; мы читаем отчеты, подготовленные нанятыми чиновниками, мы слышим высокопарные вердикты самозванных педагогов о системе обучения; мы посещаем, о верх лицемерия! благотворительные базары, на которых стоящие за прилавком дамы, не пожертвовавшие и копейки, одеты в платья, стоящие в два раза больше всей прибыли от их продаж. И это мы называем христианской благотворительностью!» Эти слова принадлежат не какому-нибудь злобному социал-демократу, а К.Победоносцеву, влиятельному правительственному чиновнику и покровителю ряда благотворительных учреждений; его расплывчатый, но несомненно негативный взгляд на «благотворительных дам» разделялся большинством

[1] Информация об обществе, взятая из его программ, устава, финансовых отчетов и другой документации, содержится в: ЦГИА. Ф. 1335. Оп. 1. Д. 5 (1900 г.); Д. 7 (1900–1901 гг.); Д. 10 (1905 г.), а также в: Российское общество защиты женщин в 1913 году. Пг., 1914. Комментарии Коллонтай см.: *Коллонтай А.М.* Социальные основы женского вопроса. С. 179.

общества. То, что эту точку зрения разделяли многие женщины, станет очевидно через несколько лет[1].

К 1900 г. со сцены сошли практически все феминистки 1860-х гг. Заболевшая Мария Трубникова, отягощенная к тому же материальными проблемами, отошла от феминистской деятельности после 1881 г. Она провела некоторое время в психиатрической больнице и умерла в 1897 г. Надежда Стасова ограничила свою деятельность помощью студенткам, чем она занималась вплоть до своей смерти в 1897 г. В стороне от активной работы была и Анна Энгельгард, а Мария Цебрикова находилась в ссылке после написания своего дерзкого письма царю[2]. Новый век встретила лишь Анна Философова. Как и большинство женщин ее поколения, в 1880-х гг. она отказалась от общественной деятельности. Однако со смертью своего мужа и возрождением борьбы за женское образование в 1890-е гг. она вновь стала активной участницей последней созданной перед первой революцией феминистской организации – Взаимноблаготворительного общества. Последние годы своей жизни Философова посвятила объединению всех женских клубов и организаций России и попыткам присоединить их к феминистской международной организации. Политическая борьба в значительной степени прошла мимо нее (в решающие 1905–1906 гг. ее не было в стране), и последним значительным действием Философовой стало председательство на Первом Всероссийском женском съезде в 1908 г. После кончины в 1912 г. она стала объектом массового почитания.

В своей статье «Идея о сверхчеловеке» Владимир Соловьев разделил современную российскую мысль на три основных течения: экономический материализм, демонический «суперманизм» и пассивный морализм: Маркс, Ницше и Толстой. Анна Философова, как и большинство ее соратниц, будучи «женщиной 1860-х годов» не имела представления ни о Марксе, ни о Ницше. На символизм, декаданс и санинизм (а в действительности на все новые этические и эстетические ценности, развиваемые ее сыном Дмитрием Философовым и племянником Сергеем Дягилевым) она взирала с растерянностью. Ей были ближе простые и ясные нравственные идеалы 1860-х гг.; и толстовство со всеми его противоречиями и неясностями, казалось, было для нее единственной ин-

---

[1] *Pobedonostsev K.P.* Reflections of a Russian Statesman (1896) / Tr. R.Long. Ann Arbor, Mich., 1965. P. 107. Описание более мелких благотворительных учреждений и их руководителей см.: *Полянский А.* Русская женщина: Первый женский календарь. СПб., 1899–1916. VIII, 1906. С. 291–331; Первый женский календарь XIII, 1911. С. 104–118; Женский альманах. С. 144–147.

[2] Женское дело. 1899. Дек. С. 35–37; 1912. Апр. 1–15. С. 1–2.

теллектуальной системой, вмещавшей в себя эти идеалы. В марксизме она не видела никакого смысла, а на все политические партии смотрела как на «стадо быков», практически не видя между ними какой-либо разницы. И хотя, отдавая дань современности, Философова присоединилась к партии кадетов, ответственность за всю политическую деятельность она возложила на свою ближайшую помощницу Анну Шабанову, продолжая сама заниматься объединением русских женщин. В последние годы жизни она вразрез со временем нашла утешение в теософии[1].

Главной соратницей Философовой во Взаимноблаготворительном обществе и множестве других дел была Анна Николаевна Шабанова (1848–1932), в чем-то повторившая путь Фигнер, Перовской и Засулич. Она была хорошо образованной дворянкой, на которую, как на члена швейной мастерской, уже было заведено в полиции дело за ее политическую деятельность. Однако в отличие от этих женщин, Шабанова пришла к благотворительности и феминизму через радикализм и медицину. Шесть месяцев тюремного заключения навсегда излечили ее от радикализма, и после этого она отправилась в Гельсингфорс (Хельсинки) изучать медицину, а затем поступила на Женские медицинские курсы. Ее образование и профессиональная деятельность детского врача привели ее к знакомству с княгиней Ольденбургской и феминистскими кругами. В 1895 г. она участвовала в создании Взаимоблаготворительного общества и стала фактически его первой руководительницей, хотя всегда тактично делила почести с Философовой. В 1905 г. она учредила в Обществе отдел избирательных прав, целью которого была борьба за политическое равноправие женщин. После смерти Философовой Шабанова стала единственным лидером Общества, вплоть до его распада после Октябрьской революции. Она была первой из женщин-врачей, занявших руководящий пост в феминистском движении, продемонстрировав тем самым, что медицина в равной степени может привести как к радикализму, так и к феминизму[2].

---

[1] Сборник памяти Анны Павловны Философовой: В 2 т. Пг., 1919. С. 259–429; *Lifar S.* Serge de Diaghilev: sa vie, son oeuvre, sa légende. Monaco, 1954. P. 42–43; *Haskell A.* Diaghileff. London, 1935. P. 31–44; Женское дело. 1913. Апр. 1. С. 22; Отчет о деятельности Российской лиги равноправия женщин за 1913 год. СПб., 1914. С. 33–34.

[2] Единственный, заслуживающий доверия биографический очерк о Шабановой: *Заблудовская Е.Д.* Одна из первых женщин врачей-педиатров в России: А.Н.Шабанова // Педиатрия. 1957. № 6. С. 71–78. См. также: Современники: Альбом биографий: В 2 т. 1909–1910. Т. 2. С. 456–457. См. также: Женское дело. 1910. Янв. 14. С. 5.

Взаимноблаготворительное общество было наиболее значимой феминистской организацией до 1905 г., отметившей переход от старого феминизма XIX в. к суфражистскому движению XX в. Первоначально предполагалось создать его по образцу американского клуба «интеллектуального и нравственного улучшения женщин» без участия в нем мужчин. Однако идея женского клуба была не приемлема для Министерства внутренних дел, которое давало разрешение на открытие организаций и могло их закрыть по своему усмотрению. Именно по этой причине его основательницы вынуждены были довольствоваться таким неуклюжим названием, как Российское женское взаимноблаготворительное общество (РЖВБО). Первые годы существования Общества были весьма трудными. С его возникновением появились карикатуры, анонимные письма и грязные истории о его членах, а их первая штаб-квартира на Пушкинской улице (в квартале от пресловутой Лиговки) получила прозвища «Терема» и «Лысой горы». Кроме того, первые годы были отмечены внутренними раздорами, пустяшными ссорами и, по словам самой Шабановой, «эгоизмом». Из других источников известно, что основной причиной этого было возмущение некоторых «демократических феминисток» по поводу авторитарного, с их точки зрения, руководства[1].

Несмотря на ограничение деятельности, предусмотренное названием организации, и контроль со стороны властей, Общество действовало как настоящий женский клуб, основными интересами которого были благотворительность, организация женщин, их образование и культура – широкий спектр политических и социальных проблем. Структура Общества была традиционной для того времени – общее собрание всех членов; избираемый им Совет с постоянными членами и кандидатами; а также различные специальные комиссии для пересмотра устава, бюджета и т.д. Традиционными были и принципы его функционирования, не закрепленные в уставе: самоувековеченное лидерство, кооптация, инициатива и контроль, идущие сверху. Шабановой и Философовой помогали нетитулованные дворянки, вдовы чиновников среднего и высшего рангов, женщины-интеллигентки. Отдел, занимавшийся благотворительностью, поддерживал сеть дневных яслей, приютов, общежитий, а также дешевые столовые для образованных и работающих

---

[1] Краткий очерк по истории Общества см.: Российское женское взаимноблаготворительное общество (основано 25 мая 1895 г.). Речь 1915 года // ЦГИАЛ. Ф. 1075. Оп. 2. Д. 53; *Aberdeen I.* Women in Social Life. London, 1900. P. 89–90; *Дьяконова Е.* Дневник Елизаветы Дьяконовой на высших женских курсах (1896– 1899). СПб., 1905. С. 52–53.

женщин, имевших на руках детей или же испытывавших денежные затруднения. Подобная практическая деятельность объясняет, почему, несмотря на политический консерватизм, Общество обладало большим авторитетом среди женской части интеллигенции[1].

Почти такой же интерес, как деятельность Шабановой и Философовой, вызывает деятельность консервативной феминистской организации – Международного женского совета (МЖС). Основанный в Чикаго в 1893 г. МЖС регулярно проводил свои конгрессы в крупнейших европейских городах. В значительной степени он исходил из англо-американской идеи о том, что женские благотворительные группы всего мира должны быть объединены и взаимодействовать друг с другом. Политические и экономические проблемы им игнорировались. Когда представительница Германской социалистической партии, Лили Браун, подвергла эту позицию критике и подняла вопрос о защите женского труда, лидеры МЖС в ответ приняли резолюцию об «абсолютной свободе труда» и решили не приглашать на свой следующий конгресс социалисток. В действительности программа МЖС была настолько тривиальна (занятия садоводством, карманные деньги, роскошные завтраки в замке Виндзоров)[2], что к 1904 г. политически ориентированные женщины, не придерживавшиеся социалистических взглядов, создали свою собственную Международную женскую суфражистскую ассоциацию (МЖСА). Эти две организации, плюс женское подразделение II (социалистического) Интернационала, возглавили три международных женских течения предвоенных лет. Русские женщины присоединились к организациям всех трех направлений, и этот их выбор является ключом к пониманию идеологического спектра российского феминизма[3].

---

[1] Данные о системе управления взяты из следующих документов: «Положение о детских очагах» (1901); «Устав Российского женского взаимноблаготворительного общества в Санкт-Петербурге» (1902); «Инструкции для совета РЖВБО в Санкт-Петербурге» (1903); «Инструкция Благотворительного отдела РЖВБО в Санкт-Петербурге» (1908); «Проект устава РЖВБО» (1913) (ЦГИАЛ. Ф. 1075. Оп. 2. Д. 3, 14, 16, 22, 40); *Коллонтай А.М.* Социальные основы женского вопроса. С. 175–177; *Полянский А.* Русская женщина: Первый женский календарь. СПб., 1899–1916. VIII, 1906.

[2] Имеется в виду программа лондонского конгресса МЖС 1899 г., на котором впервые присутствовала русская делегация от Всероссийского женского взаимноблаготворительного общества. Среди прочих на конгрессе обсуждались вопросы о пользе птицеводства, фермерства и садоводства и необходимости для замужних женщин иметь собственные карманные деньги. Для делегаток конгресса был устроен завтрак в королевской резиденции. – *Прим. ред.*

[3] *Aberdeen I.* Women in Social Life. London, 1900; Новое слово. 1896. Февр. II. С. 90–91; *Коллонтай А.М.* Социальные основы женского вопроса. С. 90–95, 236–252.

К моменту, когда лидеры Взаимноблаготворительного общества стали проявлять интерес к международному сотрудничеству, существовала только одна значимая международная женская организация – МЖС. После того как в качестве гостей Шабанова и другие члены РЖВБО посетили его первые конгрессы и в ярких красках описали деятельность Философовой, МЖС принял решение назначить ее почетным вице-президентом и поручил ей сформировать в России Национальный женский совет. Этот совет мог быть признан только при том условии, что в избрании его членов примут участие все женские группы России. Типичным национальным советом небольшого европейского государства был Датский национальный женский союз, созданный в 1899 г. 55 женскими организациями, насчитывавшими около 80 000 членов. К 1908 г. существовали уже 23 подобных совета, регулярно направлявшие своих делегатов на конгрессы МЖС, некоторые из них были созданы в новых, небольших государствах, например в Болгарии. Философова постоянно атаковала Министерство внутренних дел петициями с просьбой разрешить создать национальный совет. Возможно, на карту здесь было поставлено и личное тщеславие; из ее переписки можно предположить, что мечтой престарелой дамы было провести конгресс МЖС в Петербурге и обеспечить прием госпожи Абердин (президента МЖС) в Зимнем дворце. Правительство отвечало отказами. Национальная женская организация с членством «без различения религии и национальности», и имевшая иностранные связи, была не той идеей, которую царская бюрократия могла бы принять. После смерти Философовой эту бесплодную работу продолжила Шабанова. Поэтому, несмотря на взаимную симпатию и регулярные отношения, формально Россия не входила в МЖС[1].

Можно достаточно быстро перечислить другие общественные проблемы, привлекавшие внимание феминисток. Во-первых, это забота о трезвом образе жизни. Странное сочетание враждебного отношения к алкоголизму (Александр III) и стремления к повышению государственных доходов (Витте) привело в 1890–1901 гг. к постепенному установлению государственной монополии на водку. Однако пьянство не ослабло, и его продолжавшийся рост вызывал тревогу многих общественных деятелей – от социалистов

[1] *Шабанова А.* Воспоминания о женском международном конгрессе в Берлине // Новое слово. 1896. Ноябрь. II. С. 82–93; Женское дело. 1913. Янв. 1. С. 28; 1913. Май. 15. С. 22; ЦГИАЛ. Ф. 1075. Оп. 2. Д. 2, 24, 1, 3. О Датском национальном женском союзе см.: Raunkjaers Konversations Leksikon: In 13 vols. Copenhagen, 1948–1957. Vol. VII. P. 383.

до духовенства. В ответ правительство и церковь создали сеть чайных и лекториев, названных попечителями общественной трезвости. Феминистки последовали этому примеру, создав собственные общества трезвости. Чебышева-Дмитриева, коллега Шабановой по Взаимноблаготворительному обществу, учредила Общество борьбы с алкоголем, провозгласив, что именно алкоголь является главным препятствием на пути к женскому освобождению и счастью. Проживавшая в Петербурге госпожа Бодуэн де Куртене, полька по происхождению, основала кружок трезвости в рамках этико-социального движения. Ее общество, состоявшее из 170 мужчин и женщин, содержало чайную, однако, когда солдаты буквально захватили помещение и стали оскорблять трезвенников, правительство закрыло ее. В 1913 г. половина государственного бюджета пополнялась за счет доходов от торговли водкой, и поэтому проблема временно была решена лишь в военном 1914 г., когда был издан царский указ, запрещавший ее продажу[1].

Проблемы женского здоровья и реформы женской одежды привлекали к себе меньшее внимание русских женщин, чем это происходило на Западе. Время от времени возникали клубы физической культуры, например Общество охранения здоровья женщины. Попытки реформирования женской одежды, например нападки на корсеты, также не вызвали энтузиазма; это касалось и езды на велосипеде. И без этого среди женской интеллигенции на протяжение десятилетий в моде была нигилистская строгость в одежде[2]. Большее значение имело то, что каждый год появлялись новые профессиональные общества борьбы за женские права и по их защите. На новой волне открытия женских обществ появились стипендиальные комитеты, самый старый из которых в 1903 г. праздновал двадцатипятилетие. Таким образом, возникнув в каждом крупном городе и во множестве малых городов, женские комитеты, специальные группы и благотворительные учреждения стали хорошей школой сотрудничества, организационной и финансовой деятельности. Ни один центральный орган и ни один журнал не координировал их деятельность.

---

[1] *Theodore Von Laue*. Sergei Witte and the Industrializzation of Russia. N.Y., 1963. P. 102–103; *В.Б-т*. Алкоголизм и борьба с ним // Мир Божий. 1897. Июнь. С. 49–78; *Чебышева-Дмитриева Е.А*. Роль женщин в борьбе с алкоголизмом. СПб., 1901; *Куртене Б. де*. Из области современного этико-социального движения // Союз женщин. 1908. Май–июнь. С. 20–25.

[2] Устав Общества Охранения Здоровья Женщины в г. Санкт-Петербурге. СПб., 1898; Женское дело. 1899. Авг. С. 208–255; Женский вестник. 1905. Янв. С. 15–17; *Кеченджи-Шаповалов М.В*. Женское движение в России и за границей. СПб., 1902. С. 190–203.

Единственным печатным изданием, который читали все феминистки, был «Первый женский календарь» (1899–1915?), содержавший большое количество разнообразной и полезной информации. Его редактором была Прасковья Ариан – энергичный организатор курсов женщин-инженеров[1].

Молодая, впечатлительная, умная и в общем ненавидящая мужчин студентка Дьяконова, которая внесла большой вклад в «малые дела» феминисток, вскоре осознала, что пока у женщин нет политических прав, эта бурная деятельность вряд ли достаточна для того, чтобы освободить женщину. Она презирала «официальную казарменную атмосферу, которую мужчины с такой искусственностью насаждают везде», и признавала, что власть, связи и блестящие карьерные возможности доступны только им. Без политической власти, писала она, женщины неизбежно останутся на обочине, рабынями однообразного механического труда[2]. Как нельзя точно эти слова отразили чувства неполноценности и фрустрации, которые толкали молодых женщин к борьбе за политические права.

2. Борьба за политическое равноправие: 1905–1907 годы

В 1904 г., накануне революции, Александр Амфитеатров заметил, что десять лет назад о равноправии мечтали лишь несколько сотен русских женщин, в его же время их уже десятки тысяч. И если в первой части его утверждения содержится преуменьшение, то будущие события вскоре подтвердили истинность второй части его высказывания. Во времена всеобщей апатии феминистки задыхались в узких рамках благотворительности и изнывали от внутриорганизационных дискуссий; времена же репрессий побудили их к активной политической деятельности. К зиме 1904–1905 гг. они имели все, что было необходимо для политической активности – уверенность в своих силах, организационные навыки, сформированные еще старыми феминистками, а также нежелание феминисток нового поколения ограничиваться только внутриорганизационной и благотворительной деятельностью.

---

[1] Первый женский календарь: В 16 т. СПб., 1899–1915. Два других печатных органа заслуживают краткого упоминания: Женское дело. СПб., 1899–1901, который не следует путать с одноименным журналом, выходившем в 1910– 1917 гг., и Женский альманах. Одесса, 1901.

[2] *Дьяконова Е.* Дневник Елизаветы Дьяконовой на высших женских курсах (1896–1899). С. 295. Вероятно, автор ошибается. Похожие (но не дословно) высказывания Дьяконовой в указанном автором издании ее дневников имеются на страницах 302–303. – *Прим. ред.*

Перед ними был прекрасный пример – суфражистское движение в Финляндии. Здесь история женской эмансипации развивалась по образцу континентальной Европы: философские искания в литературе в 1840-х гг.; борьба за образование в 1870-х гг.; и, наконец, «общественная работа» в конце века. Консервативная Финская ассоциация женщин (основанная в 1884 г.) и более воинственный Союз женских прав (созданный в 1892 г.), которые по-разному смотрели на избирательные права женщин, пришли к единому мнению на волне бурно развивавшегося в 1898–1906 гг. национально-освободительного движения в Финляндии. Их солидарность нашла выражение в резолюции о политических правах женщин, принятой на женском конгрессе 8 ноября 1904 г. Через полтора года продолжавшаяся агитационная кампания возымела свое действие, и женщины получили право голоса. Солидарность и опыт ведения агитации имели и русские феминистки, ожидавшие лишь подходящего случая, который и представился им в январе 1905 года[1].

Зимой 1904–1905 гг. Союз освобождения и другие либеральные группы стали приглашать женщин на свои политические банкеты, хотя бы в качестве украшения. Месяц спустя после Кровавого воскресенья большая группа женщин (468 представительниц «Московского общества») опубликовали в «Русских ведомостях» статью, в которой выразили сожаление по поводу насилия в Петербурге и кровопролития на Дальнем Востоке. В конце того же месяца около 30 либералок провозгласили создание в Москве национальной женской политической организации – Всероссийского союза равноправия женщин, чьей основной целью была «свобода и равенство всех перед законом, вне зависимости от пола». Их первым действием была подача в городскую думу и местное земство петиции с требованием наделения женщин правом голоса при выборах в эти органы власти. Следующим их шагом было создание филиалов своей организации по всей России, а уже через месяц в Петербурге, ставшим их центром, возникла мощная организация. Руководительницы Союза жили в обеих столицах и в большинстве своем были журналистками: Зинаида Мирович-Иванова и Анна Кальманович – из Москвы, Любовь Гуревич и Мария Чехова – из Петербурга. Их ряды усилились за счет присоединения двух женщин – членов либеральных политических кружков, впоследствии транс-

---

[1] *Амфитеатров А.В.* Женское настроение. СПб., 1908. С. 78. О ситуации в Финляндии см.: *Мирович Н.* (Мирович – псевдоним Зинаиды Ивановой, одной из руководительниц Женского Союза) Победа женского движения в Финляндии. М., 1907.

формировавшихся в кадетскую партию – Анны Милюковой и Ариадны Тырковой. Осознав, что «старый порядок находится в смятении», Союз равноправия 10 апреля 1905 г. созвал первый в русской истории политический женский митинг. Он собрал около 1 000 участниц, в том числе и некоторых враждебно настроенных социалисток и работниц. Предпосылки для созыва первого съезда были созданы[1].

Двадцать шесть местных отделений Союза направили 70 делегаток на конгресс, проходивший 7–10 мая в Москве. Председательствовала Милюкова. В работе конгресса приняли участие 300 делегаток, включая представительниц Взаимноблаготворительного общества и тех женщин, которые впоследствии создадут свои собственные организации. В принятом уставе говорилось о структуре Союза, состоящей из выборного Центрального бюро, автономных местных отделений и специальных комиссий по политике, образованию, труду и т.д. Конкретная и далеко идущая программа Союза требовала: немедленного созыва Учредительного собрания, которое избиралось бы путем равного, прямого, тайного и всеобщего голосования, вне зависимости от национальности, вероисповедания и пола; национальной автономии; равенства полов перед законом; равноправия крестьянок в будущих земельных реформах; принятия законов об охране труда и социальном страховании работниц; равных возможностей для женщин; совместного обучения мальчиков и девочек на любом образовательном уровне; реформы законов, касавшихся проституции; отмены смертной казни. Решающий вопрос, придерживаться ли только борьбы за право голоса или же присоединиться к общему освободительному движению, был решен этой программой и официальной декларацией Союза, в которой значилось, что «изменение женского положения невозможно без общего политического освобождения нашей страны»[2].

Активистки Союза равноправия поставили перед собой цель заручиться поддержкой профсоюзов, которые объединялись в Союз союзов. Программные документы Союза равноправия соответствовали духу и политической направленности Союза союзов и женщин пригласили вступить в него, но когда они появились на

---

1 *Мирович Н.* Из истории женского движения в России. М., 1908. С. 1–5; Первый женский календарь: В 16 т. СПб., 1899–1915. Т. 8. С. 332; *Сердитова С.* Большевики в борьбе за женские пролетарские массы (1903 – февраль 1917 г.) М., 1959. С. 54–55; *Ruthchild R.* The Russian Feminists, 1905–1917. Ph. D. University of Rochester, 1976.

2 *Мирович Н.* Из истории женского движения в России. С. 6–10; Женский вестник. 1905. Ноябрь. I. С. 342–343; Первый женский календарь. Т. 8. С. 332, 386–389.

одном из заседаний, члены президиума с удивлением воскликнули: «Здесь должно быть какая-то ошибка». Женщины продолжали посещать собрания Союза союзов и донимали его членов своей пропагандой до тех пор, пока, наконец, в июле 1905 г. Союз союзов не согласился официально включить в свою структуру Союз равноправия. Одним из немногих, кто голосовали против этого, был будущий лидер кадетов Павел Милюков. Союз равноправия женщин также обратился с прошением в городскую думу и земские организации позволить женщинам принимать участие в местных выборах, а затем, когда вслух зазвучало слово «парламент», пытался заручиться поддержкой этих организаций в борьбе за право голоса женщин на общероссийском уровне. Весной и летом того же года члены Союза равноправия организовывали митинги (в более чем тридцати городах), собирали подписи под петициями, которые затем представляли в различные органы власти. В ответ на это местные органы самоуправления (особенно городские), зачастую искренне и добровольно, принимали резолюции в пользу права голоса женщин. Однако против этого выступали съезды земских и городских деятелей. В апреле они просто приняли петицию СРЖ без каких-либо комментариев, хотя в частном порядке некоторые делегаты выразили свое враждебное отношение или презрение к ее содержанию. Следующий съезд, проходивший в июле, более вежливо отреагировал на просьбы Союза равноправия – в ответе было сказано, что бюро съезда *в принципе* поддерживает идею политического равноправия женщин, но только не в качестве первоочередной и насущной задачи. Эта точка зрения разделялась практически всеми русскими либералами и вскоре превратилась в их излюбленный аргумент против того, чтобы включить в свои программы пункт об избирательных правах женщин[1].

Для феминисток слово «несвоевременный» стало ненавистным, и некоторые из них так никогда и не смогли простить либералам их патерналистское ханжество. Использование тезиса о несвоевременности применительно к проблеме освобождения того

---

[1] *Мирович Н.* Из истории женского движения в России. С. 11; *Коллонтай А.М.* Социальные основы женского вопроса. С. 348–350. О программах союзов см.: *Мартов Л.Ю., Маслов П., Потресов А.* Общественное движение в начале XX-го века: В 4 т. СПб., 1909. Т. 2. С. 171–179. Об агитации в провинции см.: Женский вестник. 1905. Май. С. 143–148; Первый женский календарь. Т. 8. С. 316–335; *Коллонтай А.М.* Социальные основы женского вопроса. С. 305–309, 343–344. О конгрессах см.: *Мирович Н.* Из истории женского движения в России. С. 11–16; *Коллонтай А.М.* Социальные основы женского вопроса. С. 343–346; Женское дело. 1910. Окт. С. 2; *Smith N.* The Constitutional-Democratic Movement in Russia, 1902–1906. Ph. D. University of Illinois. P. 382–394.

или иного бесправного элемента общества было присуще не только русским либералам или либералам других стран. В Европе можно было встретить даже крайне левых деятелей, которые приводили тот же самый довод против предоставления женщинам избирательных прав, утверждая, что с этим можно подождать до тех пор, пока не будут решены более «важные» вопросы. Это привело в ярость членов Союза равноправия, который в ультимативной форме потребовал гарантий от земских и городских деятелей, что они признают необходимость женских прав в будущем. Монархия и привилегированные слои, напоминали они, всегда призывают бесправных членов общества быть терпеливыми. Письмо было написано в жестком тоне и предупреждало, что если следующее собрание не поддержит идею политического равноправия женщин, то Союз равноправия будет вынужден обратиться за помощью к радикальным партиям рабочего класса. Однако вскоре представительницы Союза выяснили, что у либералов существовали и другие причины откладывать вопрос о женских избирательных правах – страх перед крестьянками-избирательницами, перед пресловутым женским консерватизмом, перед теми последствиями, к которым может привести участие слабого пола в политике. Между тем делегаты следующего съезда городских и земских деятелей, вероятно, спасовав под безжалостным потоком критики равноправок, в конце концов сдались и одобрили проект, предоставлявший активное и пассивное избирательное право лицам обоего пола. В итоге члены Союза равноправия и других феминистских групп примкнули к лагерю либералов, хотя многим из них был не по душе прокисший вкус мужского либерализма[1].

Будучи, несомненно, крупнейшим и самым мощным феминистским объединением, действовавшим в 1905 г., Союз равноправия женщин не был, тем не менее, единственной организацией подобного рода. В апреле 1905 г. Анна Шабанова вывела на орбиту российской политики Взаимноблаготворительное общество. Она призвала членов Общества бороться за то, чтобы женщины могли

---

[1] *Мирович Н.* Из истории женского движения в России. С. 12–18. Отвергая идею о том, что женщины более консервативны, нежели мужчины, некоторые феминистки ссылались на существующую традицию участия русских женщин в революционной борьбе и связывали борьбу за политическое равноправие с борьбой Фигнер, Бардиной и Покровской. Плакат, появившийся в то время, изображал на фоне эшафота с висящей на виселице Софьей Перовской, суфражистку, произносящую речь с парламентской трибуны. Под изображением были помещены слова, сказанные в 1792 г. Олимпией де Гуж: «Если у женщины есть право взойти на эшафот, то у нее есть право взойти и на трибуну» (Первый женский календарь. Т. 8. С. 335–346).

участвовать в любом национальном собрании, которое могло бы быть созвано правительством и доказывала, что при будущем политическом строе мужчинам нельзя доверить следить за соблюдением женских прав. В течение года она со своими соратницами буквально завалила чиновников петициями, сосредоточившись на властных представительских структурах и игнорируя все партии, объединения и либеральные группы. Почти год Шабанова передавала петиции с требованием равноправия женщин премьер-министру (Витте), Государственному совету, всем министрам, пятидесяти одному губернатору, сорока шести предводителям дворянства, множеству чиновников; послала их в сотни земств и городских дум, в тысячи частных и общественных организаций. Ее запросы касались возможности женщин получить право голоса. Однако все ее усилия оказались тщетными, и Общество, хотя и действовало в духе времени, в течение следующих двух лет осталось на обочине активной суфражистской борьбы[1].

В декабре под руководством Марии Ивановны Покровской (1852–?) в Петербурге возникло третье и последнее феминистское объединение. Как и большинство ее коллег, Покровская была выпускницей женских медицинских курсов, закончив их в 1882 г. Она близко соприкоснулась с проблемой неравенства в отношении детей, неимущих и проституток в ходе своей общественной и врачебной деятельности. В 1904 г. она основала журнал «Женский вестник», посвященный именно этим проблемам. Являясь членом Взаимноблаготворительного общества, Покровская рассматривала тактику Союза равноправия как слишком воинственную, а тактику Взаимноблаготворительного общества как слишком аполитичную. Поэтому на собрании Общества 15 декабря она выдвинула идею создания женской политической партии. Не найдя поддержки среди руководительниц вышеназванных организаций, она с небольшой группой единомышленниц учредила Женскую прогрессивную партию, первое собрание которой состоялось в начале 1905 г. На нем была принята широкая политическая программа: «демократическая конституционная монархия», гражданские права, включая равноправие супругов в финансовых и семейных вопросах; либерализация бракоразводного законодательства; отмена лицензированной государством проституции; реформа трудового законодательства;

---

[1] *Шабанова А.* Очерк женского движения в России. СПб., 1912. С. 16; Первый женский календарь. Т. 8. С. 326–327, 389; *Коллонтай А.М.* Социальные основы женского вопроса. С. 303; ЦГИАЛ. Ф. 1075. Оп. 2. Д. 17; Союз женщин. 1909. Янв. С. 22–24.

равные права на землю крестьянок и крестьян; совместное обучение; прекращение милитаризации[1].

Такая широкая программа была негативно воспринята некоторыми «чистыми» феминистками, чья точка зрения еще раньше была выражена Прасковьей Ариан в «Женском вестнике»: «Многими считаются женские интересы слишком узкими, – писала она, – и они желали бы видеть женщин в рядах отстаивающих интересы общечеловеческие, но ими совершенно упускается из виду, что частной борьбой мелких групп за свои потребности, страдания и идеалы общество и человечество приходят к осуществлению общих идеалов». Однако возобладала все же точка зрения Покровской, и Женская прогрессивная партия, как и Союз равноправия, присоединилась, по крайней мере теоретически, к «освободительному» движению. Между тем в отличие от Союза равноправия, который сотрудничал с мужчинами, партия Покровской не допускала их к своей деятельности. «Защитницы единения с мужчинами в борьбе за женские права упускают из виду ту потребность, что во многих резолюциях и проектах будущего переустройства государственной жизни совершенно забыты права женщин», – писала одна из сторонниц Покровской. Сама же Покровская предупреждала членов своей партии, что сотрудничество с мужчинами выгодно только мужчинам. Таким образом, вопрос о совместных действиях обоих полов стал одной из основных проблем русского феминизма[2].

В политическом отношении Женская прогрессивная партия стояла между воинственным Союзом равноправия женщин и консервативным Взаимноблаготворительным обществом. Всегда законопослушная партия отказалась от революции и насилия, избрав тактику быстрого, но мирного улучшения положения женщин законными способами. Кроме того, члены партии гордились широкой постановкой проблем и задач. Сама Покровская исповедовала некую разновидность социализма, представлявшую смесь европейских принципов 1789 г. и русской традиции 1860-х гг., хотя и обращалась с этим «социализмом» так же вольно, как западные феминистки с христианством, и на деле выступала против забастовок. С другой стороны, партия отличалась от своих «буржуазных» сестер на Западе тем, что уделяла пристальное внимание работницам, выступая не только за общую фабричную реформу, но в частности за назначение женщин на

---

[1] Женский вестник. 1906. Янв. С. 26–29; 1906. Март. С. 90–91.

[2] Ариан цит. по: Женский вестник. 1905. Авг. С. 239–241; сторонница Покровской, Горизонтова цит. по: Женский вестник. 1905. Июль. С. 194–197; 1906. Март. С. 65–69.

должности фабричных инспекторов, десятимесячный оплачиваемый отпуск по беременности, за создание на фабриках возможностей для матерей ухаживать за детьми, а также за равную оплату за равный труд. Женская прогрессивная партия являлась одной из тех российских либеральных групп, чья программа была гораздо более социалистической, нежели у их европейских коллег[1].

В Манифесте от 17 октября царь пообещал наделить правом голоса всех граждан России, и у множества женщин появилась надежда, что они окажутся в их числе. Глубокое разочарование наступило 11 декабря 1905 г., когда правительство объявило, что в выборах в новую Думу не будут принимать участие «лица женского пола». Однако поскольку Манифест предполагал, что Дума будет рассматривать вопрос об изменении избирательной системы, феминистки сконцентрировались на том, чтобы выяснить позиции партий по этой проблеме. Спектр политических партий был широк – от толстовцев и анархистов, с одной стороны, до экстремистских монархических групп – с другой. Пункт о женском политическом равноправии присутствовал в программах лишь трех основных партий: социал-демократов (большевиков и меньшевиков), эсеров и кадетов. Марксистские партии всегда рассматривали женское избирательное право как часть всеобщего избирательного права и никогда – как отдельный вопрос. Однако у эсеров и кадетов первоначально существовали некоторые внутрипартийные разногласия по этому вопросу[2].

Партия эсеров, созданная Гершуни, Виктором Черновым, Брешковской и другими за пять лет до этих событий, рассматривала себя продолжательницей дела народников и враждебно относилась к дискриминации по признаку пола. В 1904 г. Чернов представил первый набросок программы эсеров, который содержал пункт о всеобщем избирательном праве «вне зависимости от пола» как основной социалистический принцип. Однако на съезде крестьянских союзов, на чьи голоса надеялись эсеры, прозвучало несколько оппозиционных мнений. Некоторые настаивали на предоставлении крестьянкам только активного избирательного права. Сторонники же полного равноправия привели множество аргументов в пользу того, что сельские женщины являются компетентными членами деревенского сообщества. На одном из

---

[1] В дополнение к двум предыдущим сноскам см.: Женский вестник. 1906. Июнь. С. 175–179; *Коллонтай А.М.* Социальные основы женского вопроса. С. 100–101, 333–335.

[2] Женский вестник. 1906. Янв. С. 1; *Велихов Л.* Сравнительная таблица русских политических партий. СПб., 1906.

съездов появилось и несколько крестьянок, одетых в красочные национальные костюмы. В конечном итоге крестьянские союзы поддержали партию эсеров в том, чтобы предоставить женщинам политическое равноправие. Это объясняет тот факт, почему трудовики, независимые эсеры или беспартийные социалисты, придерживавшиеся эсеровской программы, стали первыми защитниками женских прав в Государственной думе[1].

Разногласия в партии кадетов по этому вопросу были более серьезными, и включение в программу пункта о женских избирательных правах стало возможным благодаря двум женщинам – Анне Милюковой и Ариадне Тырковой. Милюкова (урожденная Смирнова, 1861–1935) была дочерью ректора Московской Богословской Академии. Ее жажда знаний и стремление избежать участи жены священника привели к семейной драме, напоминающей семейные драмы 1860-х гг. Она поступила на курсы Герье, где изучала историю и где встретила своего будущего мужа – Милюкова. Женским вопросом Анна Милюкова заинтересовалась благодаря кружку болгарских феминисток, с которыми познакомилась в Софии, где преподавал ее муж. На первом съезде кадетской партии к разочарованию мужа и удивлению остальных делегатов она выдвинула идею о женских избирательных правах. Милюков решительно выступил против на том основании, что эта мера отпугнет крестьянских избирателей. По свидетельству Коллонтай, ту же позицию занял и Струве, выдвинув любопытный аргумент о том, что было бы несправедливо наделить правом голоса русских женщин, пока мусульманские законы не признают этого же права за восточными женщинами. Резолюция Милюковой с предложением включить в политическую программу слова «вне зависимости от пола» была принята большинством в два голоса. Также получило одобрение и замечание ее мужа о том, что поддержка идеи о политическом равноправии женщин не является обязательной для членов партии[2].

---

[1] Союз женщин. 1907. Июнь–июль. С. 9–11; 1908. Февр. Русская мысль. 1906. Ноябрь. XXVII. С. 144; Первый женский календарь. Т. 8. С. 392; *Мирович Н.* Из истории женского движения в России. С. 29–30. О программе эсеров см.: Полное собрание подробных программ русских и польских политических партий. Вильна, 1906. С. 105–112. Взгляд эсеров на женские права см.: О равноправности женщин. СПб., 1905.

[2] *Жихарева А.* Анна Сергеевна Милюкова // Последние новости. 1935. Апр. 5; *Smuth N.* The Constitutional-Democratic Movement in Russia, 1902–1906. Ph. D. University of Illinois. P. 466–468; *Коллонтай А.М.* Социальные основы женского вопроса. С. 351; Полное собрание подробных программ русских и польских политических партий. Вильна, 1906. С. 68–76. Сторонники Милюкова в этом вопросе, Гессен и Набоков, во время голосования отсутствовали, что привело к поражению. См.: *Гессен И.В.* В двух веках: Жизненный отчет // Архив русской революции. XXII. С. 205.

Тыркова к вопросу о женской эмансипации подошла позднее. Она родилась в Петербурге в 1869 г. в семье новгородских землевладельцев и была кузиной революционерки Софьи Лёшерн фон Герцфельдт. Однако в детстве, несмотря на героические «мечтания» и восхищение жирондистами, она не соблазнилась радикализмом. Не сумев получить образование на женских медицинских курсах, которые к тому времени закрылись, она поступила на Бестужевские курсы. Время ее обучения на курсах совпадает с временем ее первого короткого замужества. Позднее она второй раз выйдет замуж за английского журналиста Гарольда Вильямса. Тыркова всегда прохладно относилась к марксизму, несмотря на то что, по ее свидетельству, все ее близкие подруги по курсам были замужем за марксистами: Лида Давыдова – за Туган-Барановским; Нина Герд – за Струве, Надя Крупская – за Лениным. Благодаря Вильямсу, Струве и князю Шаховскому, Тыркова в конечном итоге увлеклась либерализмом и даже имела неприятности с полицией из-за участия в демонстрациях. Вплоть до 1906 года Тыркова не проявляла никакого интереса к женской проблеме как таковой, потому что считала себя вполне равной мужчинам. Собрание Союза равноправия оставило ее равнодушной, а когда ее приятельница Ольга Волькенштейн фактически потребовала от нее присоединиться к Союзу, она отказалась[1].

Взгляды Тырковой быстро изменились, когда на втором съезде кадетской партии в январе 1906 г. она увидела, что мужчины отнюдь не считают ее и других женщин равными себе. Милюков, пытаясь убрать пункт, вставленный его женой на первом съезде, произнес речь, намекая на этот раз на низкий культурный уровень крестьянок. Он был решительно поддержан представителем от казанских татар, рассказавшим делегатам о том, что женщины-мусульманки не хотят иметь право голоса. Тыркова, которая не прочитала ни одной работы по женскому вопросу за свою жизнь, поднялась и непроизвольно воспроизвела традиционный контраргумент суфражисток[2]. Вслед за ней выступила Милюкова, а затем уважаемый и знаменитый профессор Петражицкий, чья поддержка пункта о женском политическом равноправии обеспечила феминисткам победу. Однако разногласия по данно-

---

[1] О детстве Тырковой см.: *Тыркова-Вильямс А.* То, чего больше не будет. Париж, 1954; о ее жизни до 1914 года см.: *Тыркова-Вильямс А.* На путях к свободе. Н.-Й., 1952. С. 1–233 (о ее первом знакомстве с феминизмом).

[2] Имеется в виду высказывание А.Тырковой на съезде кадетов, совпадающее с традиционным аргументом феминисток: «Как можно говорить о всеобщем голосовании, о демократических началах, отбросив в сторону половину населения» (*Тыркова-Вильямс А.* На путях к свободе. С. 242). – *Прим. ред.*

му вопросу продолжали существовать среди кадетов и после роспуска первой Думы. Четыре остальные либеральные партии, хотя и выказывали заинтересованность в правовом и образовательном равноправии полов, тем не менее, не упоминали в своих программах о праве голоса для женщин. Отныне Тыркова начала работать совместно с Милюковой, как представительница феминисток в среде кадетов и как член кадетской партии среди феминисток. В известной степени именно им женское суфражистское движение обязано тем, что среди кадетов было значительное количество его сторонников[1].

Октябристы несомненно выступали против равноправия женщин, хотя в их программе на этот счет ничего не говорилось. Но, когда на одном из их собраний представительница Союза равноправия Зинаида Мирович попросила разрешить ей выступить по вопросу о политическом равноправии женщин, октябристы наотрез отказались. Кроме того, их партия распространила антикадетскую брошюру, в которой обвинила либералов в лицемерном манипулировании женщинами ради своих политических целей. В брошюре говорилось и о существовании психологической пропасти между полами, а также об особой способности женщин и к великой любви и к великой жестокости. По свидетельству Мирович, когда члены партии октябристов сталкивались с данной проблемой в частном порядке, они приводили более рыцарское объяснение: «В Европе этого еще нет». Из семи других умеренно консервативных партий, объединившихся вокруг октябристов, лишь один Союз мирного обновления требовал равенства полов перед законом; остальные три говорили только об улучшении условий труда работниц. И никто из них не упоминал о праве голоса для женщин. Женщины не были членами ни этих, ни еще более правых партий[2].

Программа ультраправого Российского Собрания, чьим девизом было «За Веру, Царя и Отечество», была настолько напичкана похвалами самодержавию, церкви, дворянству и нападками на евреев, что в ней не оставалось места для женщин. То же самое можно сказать и о Русском народническом всесословном союзе. Монархисты-конституциалисты считали избирательное право «абсолютно невозможным» для России. Члены Союза Отечества

---

[1] *Тыркова-Вильямс А.* На путях к свободе. С. 234–243; Полное собрание подробных программ русских и польских политических партий. Вильна, 1906. С. 50–60, 76–79.

[2] Русская мысль. 1906. Март. XXVII. 3. С. 100–104; 1906. Март. XXVII. 4. С. 206–210; Полное собрание подробных программ русских и польских политических партий. С. 19–50.

отказывались верить в то, что русские люди, в том числе и мужчины, имеют хоть какое-то представление о политике, и добавляли, что школы должны учить уважению к семье, церкви, стране и закону. Таковы были позиции российских партий по вопросу о праве голоса для женщин накануне выборов в Думу[1].

Суфражистки были недовольны столь незначительной поддержкой со стороны партий. Вскоре Союз равноправия распался на два направления: просоциалистическое и прокадетское. В разгар революционной борьбы весной и летом 1905 г. он присоединился к «Движению освобождения» и всем оппозиционным партиям. Однако распад национального объединенного фронта осенью сказался и на феминистках. Раскол возник в начале октября. Вопрос о том, поддерживать или нет так называемую булыгинскую Думу с ее ограниченным избирательным правом, разделил феминисток на «бойкотировавших» и «соглашающихся», последние надеялись использовать парламент любого рода для дальнейшего расширения избирательных прав. После того как Манифест 17 октября увеличил количество избирателей, глубокие разногласия обнаружились между сторонницами социалистов и либералов. «Если наш Союз хочет быть союзом жизни и борьбы, если он хочет быть не дамским, а женским, он должен найти средства широко раздвинуть рамки своей работы и идти навстречу женщине-работнице», – говорилось в программе, составленной просоциалистическим крылом. Кроме того, Союз принял резолюцию, запрещавшую его членам присоединяться к тем партиям, которые не выступали за женские избирательные права. До пересмотра в январе 1906 г. программы кадетов союзниками СРЖ могли быть лишь партия эсеров и марксистские группы. После того как кадеты сделали поддержку политических прав женщин обязательным условием членства в партии, многие равноправки с облегчением к ним обратились, в то время как левое крыло Союза избрало партию трудовиков проводником своих идей в Думе. Покровская и Шабанова были еще меньше расположены к тому, чтобы поддерживать социалистов, поэтому их группы примкнули к кадетам как к наименее радикальной профеминистской партии[2].

---

[1] Полное собрание подробных программ русских и польских политических партий. С. 3–19.

[2] *Мирович Н.* Из истории женского движения в России. С. 18–21, 30– 1; *Коллонтай А.М.* Социальные основы женского вопроса. С. 96, 309–311, 336–340; *Коллонтай А.М.* Из истории движения работниц в России. Харьков, 1920. С. 13; *Сердитова С.* Большевики в борьбе за женские пролетарские массы (1903 – февраль 1917 г.). М., 1959. С. 22.

Таким образом, мучительная проблема была разрешена, и суфражистки решительно вступили в избирательную кампанию, наводнив страну книгами и брошюрами по женскому вопросу. Женщины оказывали кандидатам поддержку – агитировали на предвыборных митингах, организовывали эти митинги, добывали деньги. Как и в предшествующее лето суфражистки и их союзники вновь пошли по пути устной агитации. Часть фабричных работниц, уловив дух времени, появилась на избирательных участках, требуя предоставить им право голоса и мешая ходу голосования. В провинции ряд предприимчивых женщин даже сумели проголосовать вместо мужчин[1].

В день выборов 16 марта 1906 г. московское отделение Союза равноправия опубликовало следующее заявление: «Граждане! Мы, русские женщины, которым пришлось жить в великую эпоху обновления России и не раз свидетельствовать о своей безграничной любви к родине, с особенной остротой чувствуем в эту минуту всю горечь своего бесправия и горячо протестуем против отстранения нас от участия в решении ее судьбы. Мы, женщины, несем также, как и вы, всю ответственность и все наказания за свои проступки, прав же мы лишены. Поэтому мы взываем к вашей совести и чести и не просим, а требуем признания за нами равных с вами гражданские и политические прав»[2]. Данная цитата показательна с нескольких точек зрения. Она повторяет, но только в атмосфере всеобщего неистовства и массовых ожиданий, то, что за 50 лет до этого говорили госпожа Дестунис и другие русские женщины накануне освобождения крестьян, а также выражает те чувства, которые за два или три поколения до этого дали первый мощный толчок феминисткам практически во всей Европе: боязнь остаться позади, стремление держаться на волне «великих событий», а также настойчивое желание «играть роль» в обществе и попасть на борт стоящего под парами корабля государственности. Менее очевидной, но достаточно слышимой в хоре высокомерных требовательных голосов, была тема лояльности в обмен на политические права, которая вскоре станет ведущей – и громко разыгранной – в патриотизме феминисток во время Первой мировой войны.

После выборов феминистки продолжали работать в агитационной комиссии Союза равноправия, которая, если не по целям, то по своим методам, напоминает деятельность женотделов

---

[1] Союз женщин. 1907. Июнь–июль. С. 5–7; *Тыркова-Вильямс А.* На путях к свободе. С. 257; *Коллонтай А.М.* Социальные основы женского вопроса. С. 314–315.
[2] *Мирович Н.* Из истории женского движения в России. С. 25–27.

10 Заказ 5510

постреволюционной России. Комиссия разрабатывала обращения к общественным лидерам, думским депутатам и партийным чиновникам; она заручалась поддержкой деятелей литературы и культуры; пыталась всех убедить, что женское политическое равноправие – одна из насущных проблем времени. Союз равноправия использовал не только силу печатного слова. В столице его членами были созданы четыре женских политических клуба, один из которых стал местом встречи феминисток, работниц, членов профсоюзов и политиков-социалистов. Но еще большее впечатление производит их агитация среди крестьянок. Ни народники, ни кто-либо еще из ездивших по деревням в те годы, не имели такого количества контактов с крестьянками. Теперь из города приехали феминистки, чтобы убедить крестьян оказать поддержку идее равноправия их и их жен. К их удивлению результаты оказались удачными. Из Тамбовской, Тульской, Ярославской и Тверской губерний пошли письма о том, что крестьянки настаивают на равном политическом представительстве[1].

Некоторые феминистки буквально оккупировали Думу, внеся в нее праздничную атмосферу, и вели себя так, как будто Таврический дворец был их собственностью, по крайней мере если верить Тырковой, которая, будучи думским репортером, ощущала некоторое свое превосходство. Откровенно враждебно настроенный по отношению к феминисткам Бернард Паре вспоминал, как однажды по вестибюлю «прошлись суфражистки, коротко подстриженные дамы в очках, большинство из которых выглядели весьма тщедушно». Одна из них оттеснив к стене депутата от крестьян Тамбовской губернии, допрашивала его насчет их позиции по вопросу женского права голоса. «Дайте нам немного времени, – просил он, – мы сами только что попали сюда, и когда мы станем на ноги, то дадим вам некоторые права». «Дадите? – возмущенно переспросила дама, – мы собираемся взять их». Тогда крестьянин обнаружил способность к глубоким размышлениям и ответил (по свидетельству Паре, «доброжелательно»): «Послушайте, позвольте дать вам совет. Выходите замуж, у вас появится муж, он за вами присмотрит». Дама была настолько взбешена, что не смогла вымолвить ни слова[2].

Как только надежды на законопроект о женских избирательных правах стали таять, феминистки на собрании членов Союза

---

[1] *Мирович Н.* Из истории женского движения в России. С. 27–54. *Коллонтай А.М.* Социальные основы женского вопроса. С. 23–24.

[2] *Тыркова-Вильямс А* . На путях к свободе. С. 287; *Pares B.* My Russian Memoirs. London, 1931. P. 113.

равноправия, Женской Прогрессивной Партии и Взаимноблаготворительного общества приняли решение об объединении своих усилий. Однако на собрании, состоявшемся в мае 1906 г., дело не обошлось без ссор. Покровская предложила наказать кадетов и выйти из партии, если последняя не выдвинет законопроект о праве голоса для женщин. Фон Рутцен, номинальная руководительница Союза равноправия, оказывала кадетам решительную поддержку. Социалистки всю проблему подняли на смех, крича: «Мы не нуждаемся в бумажных резолюциях». Феминистки и некоторые симпатизировавшие им социалистки были вынуждены защищать сам феминизм «от ухмылок и гогота» социал-демократок и в то же время пытались отклонить предложение «ограниченных феминисток», которые хотели отказаться от общей борьбы в пользу чисто женского вопроса[1].

Что же в это время происходило в Думе? Первым на повестке дня нового парламента стоял вопрос об ответе на тронную речь царя. Разработанный в комитете, состоявшем из кадетов. Он касался отмены устаревших привилегий и о равенстве всех перед законом. Когда 2 мая законопроект был официально представлен Думе, член партии трудовиков Рыжков предложил включить в него требование женских политических прав. «Мы забыли, – сказал он, – что сын рабыни не может быть гражданином». Его поддержали шесть трудовиков и один кадет. Однако трое других членов кадетской партии выступили против, на том основании, что Дума не может знать, все или не все русские в действительности хотят дать женщинам избирательные права. Независимый депутат от крестьян Кругликов выразился более прямо: «Женщинам у нас не до избирательного права, женщины у нас для того, чтобы смотреть за хозяйством, чтобы смотреть за детьми и за печкой». Предложение было отклонено. Ответ был доработан в комитете, который внес в него следующую фразу: «Отмена неравноправия и всех привилегий, вне зависимости от класса, национальности, вероисповедания и пола». Однако даже эта формулировка вызвала протест у кадетского депутата из Минска, но все-таки ответ с пересмотренным положением был принят[2].

15 мая группа из 111 депутатов подписала декларацию об уравнении в правах крестьян, национальных меньшинств, непривилегированных сословий и женщин. Известный юрист польского происхождения Лев Петражицкий, ревностный сторонник рав-

---

[1] Женский вестник. 1906. Май. С. 153–155; *Коллонтай А.М.* Социальные основы женского вопроса. С. 311–314.

[2] Женский вопрос в Государственной думе. СПб., 1906. С. 5–21.

ноправия полов, возглавил подкомитет по правам женщин, решительную поддержку которому оказывали члены Союза равноправия и Взаимноблаготворительного общества. Во время июньских дебатов по этой проблеме Петражицкий выступил со своей знаменитой речью о гражданском, экономическом, образовательном и политическом равноправии женщин. Его основными оппонентами были правые депутаты – граф Гейден от октябристов, который выступал против по «практическим» соображениям, и Максим Ковалевский, выдающийся ученый, не нашедший лучшего аргумента, чем заявить, что если женщины будут настаивать на равноправии, то Россия призовет их в армию. Фигляр Кругликов, чьи предыдущие высказывания возмутили самарских крестьянок, написавших резкое письмо в Думу, повеселил всех депутатов доморощенной остротой: «Вы знаете, крестьяне живут по Божьим законам, – сказал он, – а Господь сделал Еву помощницей Адаму, но не ровней ему. И Павел говорил "Да убоится жена мужа своего" (Смех и аплодисменты)». Проект Петражицкого был отправлен в комитет на доработку. Месяц спустя Союз равноправия представил ему тщательно разработанный законодательный проект. Однако еще через два дня Думу распустили[1].

В течение следующих семи месяцев суфражистки выжидали, а затем вновь повторили попытку предыдущего года. После выборов во вторую Думу в феврале 1907 года Союз равноправия развернул активную работу среди кадетов, трудовиков, социал-демократов, эсеров и даже мусульман, на чью фракцию равноправки также пытались воздействовать. «Святое дело» обещали поддержать кадеты, трудовики, эсеры (которые бойкотировали первую Думу) и некоторые мусульмане, выступавшие за наделение правом голоса женщин иной веры. Социал-демократы проявили безразличие. «Женский вопрос, – сказал большевик Алексинский, – разрешится только с окончательной победой пролетариата».

Как и их зарубежные сестры, русские феминистки искренне верили в силу петиций и потратили огромное количество усилий

[1] Женский вопрос в Государственной думе. СПб., 1906. С. 22–58; Речь Петражицкого. СПб., 1907; Государственная дума: Стенографический отчет. СПб., 1906. С. 1006–1010, 1117–1121, 1058–1065; Государственная Дума в России в документах и материалах. М., 1957. С. 180–181. О реакции суфражисток см.: *Мирович Н.* Из истории женского движения в России. С. 33–34; *Шабанова А.* Очерк женского движения в России. С. 17–18; *Покровская М. И.* Защитники и противники равноправия женщин в Первой Государственной думе. Реферат, прочитанный 16 марта 1907 г. в собрании Петербургской клуба Женской прогрессивной партии. СПб., 1907; Союз женщин. 1907. Июнь–июль. С. 3–4; *Коллонтай А.М.* Социальные основы женского вопроса. С. 357–361.

на сбор подписей. Они значительно преуспели как в количестве подписей, так и в разнообразии подписавшихся. Петиции распространялись в печати и доходили до тысяч женщин и мужчин. Молодые крестьянки собирали подписи в деревнях; один петербургский извозчик заполнил огромный лист подписями, собранными им на постоялом дворе; другой рабочий получил подписи 84 прачек. В целом петиция, представленная трудовикам, содержала 26 000 подписей. Однако Думу вновь распустили прежде, чем петиция смогла пройти обсуждение[1].

Что касается конкретных результатов, то революция 1905–1907 гг. дала русской женщине крайне мало, за исключением роста самосознания и опыта организаторской деятельности. «Ее правовое положение не изменилось ни на йоту», – отметила Анна Шабанова. «Она не была признана гражданином и не получила человеческих прав, но осталась как старуха у разбитого корыта, в то время как золотая рыбка исчезла в глубине синего моря»[2]. Намек на чудесную золотую рыбку из сказки Пушкина не был простым поэтическим сравнением. В следующей Думе было крайне мало сторонников феминизма; а многие поборники политического равноправия женщин утратили к нему интерес, после того как на Россию опустился покров политической реакции. Потерпев неудачу, суфражистки впали в мрачную риторику. Суфражистское движение больше никогда не достигло такого уровня развития как в этот период. Новый подъем начался в 1917 г., но тогда было уже слишком поздно.

3. Борьба за политическое равноправие: 1908–1914 годы

Три основные суфражистские организации продолжали существовать и после того как в конце 1907 г. суфражистское движение пошло на убыль. Однако в следующем году самое крупное и наиболее активное объединение – Союз равноправия женщин – потерпело крах, приведя все движение в состояние упадка. В известной мере это произошло вследствие официальных гонений, нападок со стороны социал-демократов, а также из-за отсутствия руководства и единства. Разногласия внутри организации существовали с самого начала ее существования, но в пылу революционной эйфории не были явными и серьезно не анализировались

---

[1] Союз женщин. 1907. Июнь–июль. С. 8–9; *Шабанова А.* Очерк женского движения в России. С. 18; *Коллонтай А.М.* Социальные основы женского вопроса. С. 318–319.

[2] *Шабанова А.* Очерк женского движения в России. С. 18.

лидерами. В самом движении можно выделить по крайней мере шесть различных подходов к проблеме женской эмансипации, включая и две взаимно противоположные позиции социалистов, которые мы рассмотрим несколько ниже. Четыре позиции, расколовшие Союз равноправия, можно объединить в две группы: одна выступала за классовое сотрудничество, а другая – за сотрудничество мужчин и женщин.

Кадетки Милюкова и Тыркова, которые выступали за сотрудничество в обоих направлениях, посвятили себя партийной деятельности. Первая работала в кадетских партийных клубах, вторая была членом центрального комитета партии кадетов и руководила бюро печати. Несмотря на то что обе они уделяли много времени и сил женскому вопросу, они считали, что он может быть решен только лишь в либеральной России, ведомой кадетами. Другой женщиной, близкой к кадетским кругам, и придерживавшейся сходных взглядов, была Екатерина Кускова. Ее политическую ориентацию невозможно определить, если только не удовлетвориться несколько расплывчатым понятием «демократка». За время своей политической карьеры она была народницей, общественницей, боровшейся с голодом, сторонницей марксизма (пользовавшейся дурной славой в среде большевиков как автор хорошо известного «Кредо»), сторонницей свободной любви и кадеткой (кроме того, ее имя ассоциировалось с масонами). Интерес к феминизму появился у нее в революционные годы, хотя ее высказывания на эту тему не отличались ни оригинальностью, ни чрезмерной пылкостью. Будучи в типично русской манере и социалисткой и либералкой одновременно, Кускова получала гораздо большее удовлетворение от участия в кооперативном движении, нежели в собственно женском. Эти три политически одаренные и влиятельные женщины остались на обочине суфражистского движения[1].

Внутри самого Союза равноправия стала преобладать либеральная, то есть общедемократическая тенденция, несмотря на то что его руководительницы настаивали на более специфичном феминистском подходе, чем тот, который предлагался кадетками. Основательница и президент Союза Л.Н. фон Рутцен[2] (жена высокопоставленного петербургского чиновника) была верной

[1] *Тыркова-Вильямс А.* На путях к свободе. С. 290–407. Деятельность Тырковой в феминистском движении составляет минимальную часть ее воспоминаний; *Кускова Е.* Женщины и равноправие // Союз женщин. 1908. Дек. С. 1–3. *Katkov G.* Russia: 1917. N.Y., 1969. P. 168, 169.

[2] По нашим данным поста президента в СРЖ не было, а его основательницей и бессменным ответственным секретарем была М.И.Чехова. – *Прим. ред.*

сторонницей кадетов, однако отдала все свои силы Союзу и клубу, созданному для повышения уровня самосознания мужчин и женщин. Мария Чехова, учительница и редактор журнала «Союз женщин», в первой передовице журнала отразила обе феминистские точки зрения – «журнал посвящен вопросам, связанным с борьбой за равноправие женщины и, главным образом, за ее избирательные права, как первый необходимый шаг на пути ее освобождения». Самой последовательной суфражистской была Зинаида Мирович (1869–1913), московская переводчица и литературный критик, которая ввела Союз в Международный женский суфражистский альянс (МЖСА). Данный орган, искусно управляемый двумя осторожными лидерами, Кэрри Чепмэн Кэтт из США и Милисент Фосетт из Англии, был создан в 1902 году в Америке и основывался на том принципе, «что голосование является единственным законным и неизменным способом защиты права на "жизнь, свободу и стремления к счастью", провозглашенного Американской Декларацией Независимости неотъемлемым правом и принятого всеми цивилизованными нациями». В 1904 г. в Берлине состоялся первый конгресс МЖСА; в 1905 г. приглашение присоединиться к Альянсу получил Российский Союз равноправия; а в 1906 г. русская делегация впервые появилась на третьем конгрессе в Копенгагене. Делегацию возглавила Мирович, которая ошеломила участников конгресса рассказом о недавних революционных событиях в России. Несмотря на то что Альянс был гораздо решительнее МЖС, тем не менее в 1906 г. он составлял правое крыло мирового суфражистского движения и оставался в стороне от движения за всеобщее избирательное право, а также от воинствующих «суфражеток» и от организованного движения рабочего класса. На таких же позициях в русском феминистском движении стояла сама Мирович и ее сторонницы[1].

Менее типичной, но не менее интересной точки зрения придерживалась Анна Кальманович – одна из наиболее активных публицисток Союза. В отличие от своих соратниц, которые обычно скрывали свою неприязнь к социал-демократам, Кальманович открыто выступала против социалистов, нападая на двусмысленность их позиции и отсутствие ясности в отноше-

---

[1] О клубе фон Рутцен см.: Устав С.-Петербургского женского клуба. СПб., 1908; Союз женщин. 1907. Июнь–июль. С. 1–2; *Мирович Н.* Генрих Ибсен. СПб., 1892. О МЖСА см.: *Schreiber A., Mathieson M.* Journey Toward Freedom. Copenhagen, 1955. P. 3, 6, 78; *Мирович Н.* Женское движение в Европе и Америке. М., 1907. С. 36–41; Русская мысль. 1906. Авг. XXVII. С. 140–149; 1906. Сент. С. 169–174; 1906. Ноябрь. С. 125–149.

нии прав женщин как в российской, так и западной социал-демократии. К тому же, она была довольно враждебно настроена по отношению к мужчинам, поэтому ее быстро обвинили в мужененавистничестве, хотя она всегда это отрицала. Кальманович была одной из немногих участниц движения, которая несла звание «феминистка» осознано и с гордостью, считая женщин историческими носительницами «мира, гуманизма и культуры». Ее выводили из себя те политики и поддерживавшие их женщины, которые настоятельно советовали женщинам подождать с их проблемами или же заняться каким-нибудь «большим» делом. Когда английские суфражистки, возглавляемые семьей Панкхерст, стали использовать насильственные методы борьбы, еще неизвестные европейскому женскому движению, Кальманович была одной из немногих русских феминисток, которая выразила им свою симпатию. Она отличалась от своих соратниц воинственностью и верой в то, что сотрудничество между мужчинами и женщинами означает всего лишь кооптацию[1].

Левое крыло Союза равноправия составляли те, кого можно было бы назвать (но без ленинской иронии) «социальными феминистками», дабы отличить их от соратниц по Союзу равноправия и в целом от социал-демократок. Типичными представительницами этого крыла были Любовь Гуревич и вездесущая эсерка и публицистка Ольга Волькенштейн. Последняя, будучи ревностной феминисткой, выступала с резкой критикой «более или менее состоятельных дам» Взаимноблаготворительного общества, но, кроме того, на конгрессе МЖСА 1906 г. она жаловалась на крайне «буржуазный» характер самого Союза. Ее работы носили прорабочую направленность и отражали ее приверженность идее всеобщего, а не только женского избирательного права. Гуревич открыто придерживалась марксистских взглядов, хотя очевидно не была партийной активисткой. Она пыталась воздействовать на членов левых партий, составляла списки книг по женскому вопросу, изобиловавшие работами Бебеля, Каутского, Цеткин, Крупской, и старалась организовать работ-

---

[1] Никакой биографической информации о Кальманович найдено не было. О ее взглядах см.: *Кальманович А.А.* Отчет о женском Международном Конгрессе 1904 г. Саратов, 1905; *Она же.* Женское движение и его задачи. СПб., 1908. С. 35–39; Женская мысль. 1910. Янв. 1. С. 1–3; *Кальманович А.А.* Претензии к женскому движению вообще и к 1-му Всероссийскому женскому съезду в частности. СПб., 1910. С. 7–9; *Она же.* Суфражистки и суфражетки. СПб., 1911; а также перевод части работы Кристабель Панкхерст «The Suffragette»: Страшный бич и средство его уничтожения. СПб., 1914.

ниц. Как и Волькенштейн и многие другие, она действовала в рамках женского движения[1].

По иронии судьбы именно социальные феминистки вызвали наиболее сильные нападки со стороны социал-демократов. Коллонтай и другие развернули мощную кампанию против их попыток привлечь работниц к участию в женском движении и пытались внушить работницам, что их «естественное» место – в социал-демократических профсоюзах и партиях. С самого начала суфражистского движения агитаторши от социал-демократов появлялись на феминистских митингах для того, чтобы дискутировать с ораторами. Так, в прениях на учредительной сессии Союза равноправия женщин после враждебного выпада Коллонтай, в ее адрес прозвучал выкрик разгневанной феминистки: «Удавить тебя мало!». Социал-демократки досаждали Союзу вплоть до Всероссийского женского съезда 1908 г., после чего необходимость в этом отпала. Нападки со стороны левых приводили в замешательство социальных феминисток, которые стремились поддерживать товарищеские отношения с социалистическими партиями, а также усиливали политические разногласия между ними и членами Союза, не придерживавшимися социалистических взглядов. Но хуже всего было то, что это снижало шансы на успех их работы и рост влияния в среде работниц[2].

Однако еще больший вред принесли нападки со стороны правых. Волна политической реакции вызвала к жизни наиболее одиозные мнения относительно женских избирательных прав. Толстой, чье враждебное отношение к правительству прошло, сокрушался по поводу попытки подчинить женщин порочности и лживости парламентского правления. Противник социалистов Кузьмин, используя старые доводы 1860-х гг., связал движение за женские права с триумфальным шествием порока. Газета октябристов «Голос Москвы» обвиняла суфражисток в бесполезной болтовне и трате сил. Женщины, помощницы «Союза русских народов», развернули в провинции активную кампанию против женского равноправия. Дабы подлить масла в огонь, один негодующий писатель заявил, что все депутаты занимались лишь одним аспектом женского вопроса – бегали по думским канцеляриям, ухлестывая за стенографистками. Но значительно больший

---

[1] *Волькенштейн О.* Кому и зачем нужно всеобщее избирательное право. СПб., 1906; *Она же.* Освобождение женщины. Пг., 1917; Союз женщин. 1908. Дек. С. 3–8; *Гуревич Л.* Почему нужно дать женщинам все права и свободы. СПб., 1906; Первый женский календарь. Т. 9.

[2] Документы, освещающие эту деятельность, можно найти в Главе VIII.

ущерб наносили действия правительства. Так, в 1907 г. полиция запретила Мирович читать лекции об английских суфражистках, опасаясь всплеска интереса к этой теме; другое выступление было отменено властями на том основании, что в нем содержались такие подстрекательские слова, как «пропаганда»; также был случай, когда мужа уволили с работы из-за того, что его жена была членом Союза равноправия. Таким образом, к 1908 г. у суфражисток практически отсутствовали возможности провести легальный митинг или как-нибудь по-другому обратиться к аудитории[1].

Обескровленный Союз равноправия женщин вскоре перестал существовать. Неорганизованность, разногласия среди лидеров, соперничество с социал-демократами, правительственные преследования – всех этих проблем оказалось слишком много для первого крупного русского суфражистского объединения. Уже в 1906 г. количество членов с 8 000 снизилось до 800, а петербургское ядро сократилось до небольшой группы. К тому времени, когда Чехова основала свой журнал (1907), большинство старых участниц уже покинули организацию. Смерть журнала наступила гораздо позже, чем сам Союз перестал существовать. В 1908 г. были свернуты или закрыты полицией все провинциальные отделения, и в течение года организация просто-напросто исчезла, хотя ее название еще некоторое время фигурировало в прессе[2].

Две другие суфражистские организации сумели пережить ураган реакции. Женская прогрессивная партия в значительной степени была организацией одной женщины – Покровской, которая скромно жила за счет врачебной практики в двухкомнатной квартире, где и редактировала журнал «Женский вестник». Действующим органом партии был Женский клуб, объединявший небольшую группу женщин, которые считали важнейшим делом дискуссии по различным аспектам женского вопроса. Коллонтай, которая однажды побывала в нем, пришла к выводу, что по своей буржуазности клуб превосходил все другие феминистские организации. Тем не менее Покровская иногда демонстрировала свое почитание

---

[1] *Tolstoy L.N.* The Meaning of the Russian Revolution // Russian Intellectual History / Ed. by M.Raeff. N.Y., 1966. P. 331; *Кузьмин С.* Женщина в освещении социал-демократов. СПб., 1907. С. 14–15; «Голос Москвы» цит. по: Союз женщин. 1908. Май–июнь. С. 27. О деятельности Союза русского народа см.: Союз женщин. 1908. Февр. С. 17–18; *Болквадзе М.Г.* Не развращайте женщин! или «враги человечества». С. 57; Союз женщин. 1907. Авг.–сент. С. 16.

[2] Первый женский календарь. Т. 7. С. 149; Женский вестник. 1906. Июнь. С. 187–188; *Schreiber A., Mathieson M.* Journey Toward Freedom. Copenhagen, 1955. P. 12; Союз женщин. 1909. Дек. С. 1–2; *Коллонтай А.М.* Из истории движения работниц в России. С. 13.

рабочего класса, например, ее небольшой рассказ «Пролетарка» вряд ли можно отличить от опусов Крупской и Коллонтай. Кроме того, Покровская, как и ее подруга Ариан (которая однажды назвала Милюкова и его соратников «маленькими робеспьерами, дантонами и мирабо» за то, что они выступали против политических прав женщин), продолжала питать сильную неприязнь к кадетам и выразила это в небольшом нравоучительном рассказе «Кадетка». Основные нападки Покровской, хотя и не такие яростные, как у Кальманович, были направлены против мужчин, что было следствием многолетней борьбы Покровской с проституцией, ее клиентами и покровителями. «Феминизм» Покровской касался скорее сексуальных, нежели политических, вопросов не оставляя места для классовой борьбы. «Феминистской следует называть всякую женщину, – писала она, – стремящуюся к равноправию, будет ли она помещица или крестьянка, фабрикантша или работница, привилегированная или непривилегированная. Для феминизма нет классов, состояний и образования. Это – идея, равняющая всех». В соответствии с этим тезисом после спада революционной волны Женская партия сузила свою первоначальную программу и сосредоточилась на чисто женских проблемах. Партия существовала вплоть до 1917 г., но мало что сделала для получения женщинами права голоса[1].

Мощные акции Союза равноправия в 1905–1907 гг. затмили суфражистскую деятельность Взаимноблаготворительного общества. Тем не менее, их работа в этом направлении велась постоянно, хотя и не столь громогласно. Будет достаточно одного примера их риторики: «Русская женщина, – гласила их петиция в первую Думу, – во всех областях труда и забот в деле развития и роста родины участвует наравне с мужчиной: в труде крестьянском, земледельческом, в работе фабричной, промышленной, на поприще науки, литературы и искусства, на службе в правительственных, общественных и частных учреждениях, в высоком служении врача и учительницы, в несении великих обязанностей воспитания будущих граждан. Она платит налоги и подати наравне с мужчиной и одинаково ответствует перед обязательным для всех граждан законом». Подобные настроения перешли в следующую Думу. Однако, как и другие организации, к 1908 г.

---

[1] О взглядах Покровской см.: Женский вестник. 1904. Сент. С. 1; *Покровская М.И.* Феминизм // Женский вестник. 1905. Май. С. 129–133; *Она же.* Единение женщин и классовая борьба // Женский вестник. 1908. Март. С. 65–69; *Она же.* Кадетка // Женский вестник. 1908. Февр. С. 74–78; 1908. Март. С. 37–42; *Она же.* Пролетарка // Женский вестник. 1909. Апр. С. 93–97; Замечания Ариан см.: Первый женский календарь. Т. 8. С. 399. О «Женском вестнике» см.: Русская периодическая печать (1895 – октябрь 1917): Справочник. М., 1957. С. 58.

Общество пришло в упадок и было вынуждено свернуть свою деятельность. Но по иронии судьбы в конце этого же года, когда суфражистское движение находилось уже в руинах, Взаимноблаготворительное общество выступило в качестве организатора того, что обещало дать толчок национальному возрождению и объединению всего женского движения в России – Первого Всероссийского женского съезда 1908 года[1].

Попытки организовать женский съезд в России предпринимались еще за три года до начала суфражистского движения. Шабанова, желая объединить работу разрозненных феминистских организаций, в 1902 г. уже получила разрешение от министра внутренних дел Плеве. Вплоть до июня 1905 г. проведение съезда постоянно откладывалось из-за бюрократических проволочек и частой смены министров. Однако к тому времени новый министр Трепов, испуганный общенациональным революционным взрывом, отменил это решение. После того как стихли революционные волнения, Взаимноблаготворительное женское общество (единственная группа, имевшая, по свидетельству Кальманович, достаточные связи в правительстве) продолжило путь к достижению своей цели. Некоторые разногласия возникли по вопросу о масштабе съезда и его программе. Ряд лидеров хотели избежать «агитационных дел» и предложили ограничиться либо «конкретными проблемами», например алкоголизмом, либо широкими общественными вопросами. Другие стремились рассмотреть актуальную тему женских политических прав. Окончательный порядок работы съезда был традиционен: доклады, дискуссии и резолюции по обширному кругу проблем, касавшихся женщин. Реклама и все подготовительные мероприятия были тщательно продуманы; о грядущем съезде судачили даже петербургские извозчики и прислуга. Кроме лидеров феминисток, ряда мужчин – чиновников, профессоров и политиков, симпатизировавших женской эмансипации, – было приглашено 1053 гостей. Первый Всероссийский съезд женщин был официально открыт Шабановой 10 декабря 1908 г. в богато украшенном Александровском зале петербургской городской Думы[2].

---

[1] *Шабанова А.* Очерк женского движения в России. С. 16–17; Первый женский календарь. Т. 7. С. 149.

[2] *Шабанова А.* Очерк женского движения в России. С. 19–20; Труды 1-го Всероссийского съезда при Русском женском обществе в С.-Петербурге, 10–16 декабря 1908 года. СПб., 1909. С. 1–11. Доклад Кальманович см.: International Women's Suffrage Alliance: Report of the Fifth Conference and the First Quinquennial. London, 1909. P. 116–117; *Коллонтай А.М.* Социальные основы женского вопроса. СПб., 1909. С. 2–3.

К счастью, у нас имеется беспристрастное наблюдение, сделанное репортером «Современного мира» А.Ерманским. На первый взгляд, пишет он, огромная толпа женщин в зале казалась вполне однородной, но при более близком рассмотрении можно было выделить три различных слоя: организаторы, работницы и все остальные. Организаторы, комфортно разместившиеся на возвышении, составляли, по его словам, «блестящую свиту» во главе с Шабановой, Философовой и другими солидными, хорошо одетыми дамами – «патронессами». Ироничное описание Ерманского подтверждает и сохранившаяся фотография оргкомитета съезда. Организаторы подробно остановились на теме женской солидарности и легальной деятельности. Им помогали руководительницы уже не существовавшего Союза равноправия – Мирович, Кальманович и фон Рутцен, оказывавшие содействие в организации съезда, и вторившие консервативным взглядам организаторов[1].

В самом конце зала около сорока бедно одетых фабричных работниц с благоговейным трепетом рассматривали незнакомую обстановку и робко перешептывались. Это были женщины из «рабочей делегации»[2]. Между двумя этими группами сидел основной состав съезда – около 600 представительниц женской интеллигенции, значительная часть из которых были врачами. От работниц, отмечал Ерманский, они отличались своей профессиональной манерой держать себя, а от организаторов – строгой одеждой. Однако кроме этого свидетельства очевидца мы располагаем и другими документами. В соответствии с анкетой, заполненной одной третьей присутствовавших, типичная делегатка съезда представляла собой жительницу Петербурга (58%), средних (от 30 до 50) лет (60%), замужем, получившую образование, по крайней мере среднее (84%, включая 30% с университетским образованием). Из них работали 58%, 75% имели специальность, а 63% безработных являлись женами работавших мужчин (остальные были замужем за офицерами, помещиками и представителями некоторых других социальных групп).

Безусловно из столь незначительных данных невозможно вывести какие-либо общие умозаключения, но становится ясно, что русские феминистки в основной своей массе принадлежали к «среднему классу» и в подавляющем большинстве случаев имели специальность. Еще меньше мы знаем о мировоззрении и

---

[1] Современный мир. 1909. Янв. С. 103–108. Фотографию см.: ЦГИАЛ. Ф. 1075. Оп. 2. Д. 23. Л. 9.

[2] Современный мир. 1909. Янв. С. 109–110.

политических пристрастиях делегаток съезда. Но мы можем сделать выводы о взглядах съездовского большинства на том основании, что для выражения с трибуны их интересов была избрана Вера Белоконская, представляющая социальные взгляды среднего слоя съезда. Бывшая народница, побывавшая в сибирской ссылке, она вышла замуж за известного земского публициста И.П.Белоконского и увлеклась столь популярной в 1890-е гг. «гражданской работой»: образование, благотворительность и помощь женщинам. К началу работы съезда Белоконская, заслужившая репутацию феминистки, являла собой живой пример того, как многим обязаны «хождению в народ» и «малые дела» 1890-х гг., и феминизм местного масштаба. По мнению одного наблюдателя, Белоконская выражала общий дух «демократических феминисток», занимавших промежуточное положение между «дамами-патронессами» и необразованными фабричными работницами[1].

Большинство докладов были сделаны по существу и прочитаны без каких-либо инцидентов. Но всякий раз, когда трибуну занимали работницы-делегатки и их оппонентки из оргкомитета, возникали трения. Работницы акцентировали внимание на экономических проблемах и классовых интересах, отвергая феминизм как бесполезную вещь; им возражали Мирович, фон Рутцен и другие, предлагавшие принять резолюцию о равном с мужчинами праве голоса. Обе стороны вели себя не очень учтиво – топали ногами и перебивали друг друга. Решительную антисоциалистическую позицию заняла Кальманович, которая нападала на все партии и на лидеров II Интернационала за то, что те не оказывали поддержку идее женских политических прав. Ссылаясь на Бебеля, она утверждала, что борьба за социализм не исключает движения за женские права (хотя сама она считала, что им должны руководить представительницы буржуазии, у которых есть на это свободное время и средства). Язвительный тон ее речи, равно как и бескомпромиссные утверждения, вызвали недовольство не только у работниц, но и у Тырковой, которая обвинила Кальманович в желании разделить мир на два оппозиционных лагеря – мужчин и женщин[2].

---

[1] Современный мир. 1909. Янв. С. 104–105. О Белоконской см.: *Kennan G.* Siberia and the Exile System: In 2 vols. N.Y., 1891. Vol. 1. P. 259; Женское дело. 1910. Янв. 10. С. 15–16.

[2] О случаях раскола см.: Труды 1-го Всероссийского съезда при Русском женском обществе в С.-Петербурге, 10–16 декабря 1908 года. СПб., 1909. С. 456–457, 494–495, 744; Современный мир. 1909. Янв. С. 106–108. Речь Кальманович см.: Труды 1-го Всероссийского съезда при Русском женском обществе в С.-Петербурге, 10–16 декабря 1908 года. С. 779–791.

Ряд нападок на «буржуазных» феминисток предприняла и лидер рабочей делегации – Александра Коллонтай. Ее доклад, который из-за отсутствия Коллонтай зачитала Волкова, представлял собой полную противоположность докладу Кальманович: не может быть никакого отдельного женского вопроса до тех пор, пока не будет решена принявшая столь угрожающие размеры «всеобщая социальная проблема». Пока среди женщин существуют острые классовые противоречия, не должно быть и речи ни о каком общем женском движении. Работницы не имеют ничего общего с буржуазными феминистками, их место – в партии пролетариата. Пока феминистки строят приюты, растет уровень проституции. И так далее. Доклад завершился представлением основных пунктов программы социал-демократической партии, касавшихся женщин. Если верить советским оценкам, доклад был воспринят аплодисментами со стороны рабочей делегации и топаньем ног и выкриками «Мы не хотим слушать! Убирайся!» со стороны так называемых буржуазных делегаток. Полицейский чиновник, чье присутствие в зале оговаривалось законом, был потрясен взрывом эмоций женщин из общества[1].

Рабочая группа проголосовала за резолюцию, утверждавшую бессмысленность самостоятельного женского движения, о котором мечтали Философова и ее сторонницы. Большинство членов политической комиссии согласились с позицией работниц и поддержали их предложение. Однако оргкомитет, настояв на своем праве подготавливать политические резолюции для съезда, вручил Тырковой иную резолюцию, которую она навязала съезду, предприняв, по словам Ерманского «кадетско-кавалерийскую атаку». После этого разгневанная делегация работниц покинула съезд. Некоторые феминистки, в том числе и Покровская, также были поражены абсолютно недемократической тактикой организаторов. Окончательная политическая резолюция, принятая (без обсуждения) на съезде, призывала к равенству женщин в культуре, жизни и политике, и провозглашала, что *в конечном итоге* доступ к подобному равноправию станет возможен лишь при демократии и всеобщем избирательном праве. Другие резолюции касались расширения женских прав и возможностей в социальной и экономической сферах, образовании и т.д.; призывали к упразднению государственного контроля за проституцией, запрету торговли алкоголем, а также предлагали программу совершенствования бракоразводного законодательства. Парламентская тактика организаторов восторжествовала над социалистами. Однако

[1] Труды 1-го Всероссийского съезда при Русском женском обществе в С.-Петербурге, 10–16 декабря 1908 года. С. 792–801.

на деле победа не означала успеха – после ожесточенной полемики на съезде единство русских женщин, и даже русских феминисток, осталось столь же неустойчивым, как и раньше[1].

Отклики на съезд были самыми различными. Представитель правых сил Пуришкевич довел престарелую Философову до слез тем, что в своем письме сравнил ее съезд с борделем. Она опубликовала это письмо, чем шокировала общество и вызвала небольшой скандал. Октябристы осудили Пуришкевича, трудовики предложили ему обследоваться у психиатра, а одна женщина из Мариуполя попыталась вызвать его на дуэль. За это оскорбление он был судим и оштрафован. Хотя пресса в этом вопросе и заняла сторону Философовой, сам съезд часто подвергался осуждению. Один из думских депутатов от крестьян критиковал его за практически полное игнорирование интересов крестьянок и самовосхваления на банкете. С точки зрения Кусковой, съезд был слишком общим, слишком абстрактным, слишком тривиальным и ориентированным в основном на независимых в финансовом отношении женщин. Незначительное внимание было уделено проблеме проституции, хотя делегатки нашли время для того, чтобы заслушать доклад о достоинствах эсперанто. По мнению Ерманского, женщины показали себя равными мужчинам в профессиональной организации съезда, но отнюдь не в политической зрелости – хотя трудно представить себе мужчин, которые смогли бы достичь единства в условиях столь пестрого в политическом отношении собрания. В любом случае, съезд стал не предвестником политической весны для женского движения, а скорее последней, неудачной попыткой его объединения, столь желанного для демократических кругов 1905–1907 годов[2].

Впечатляющая организация съезда женщин 1908 г. не смогла предотвратить упадка самого феминистского движения. Делегатки возвратились домой полные сил для новых свершений, а такие ораторы, как Тыркова, отправились в странствие по провинции, дабы донести весть о сплоченности и солидарности женщин, но многие губернаторы не разрешали организовывать митинги на

---

[1] Труды 1-го Всероссийского съезда при Русском женском обществе в С.-Петербурге, 10–16 декабря 1908 года. С. 818–819; Современный мир. 1909. Янв. С. 110–111; Союз женщин. 1908. Дек. С. 3–8. Список резолюций см.: Труды 1-го Всероссийского съезда при Русском женском обществе в С.-Петербурге, 10–16 декабря 1908 года. С. 820–825.

[2] Союз женщин. 1909. Февр. С. 13–17; 1909. Март. С. 15–17; 1909. Апр. С. 17. Замечания Кусковой о конгрессе см.: Образование. 1909. Янв.–февр. С. 74–99, 33–34; *Кальманович А.А.* Претензии к женскому движению вообще и к 1-му Всероссийскому женскому съезду в частности. СПб., 1910. С. 9–11. Комментарии Ерманского см.: Современный мир. 1909. Янв. С. 111–112.

местах и даже запретили феминистским эмиссарам появляться на публике. В тех местах, где Тыркова имела возможность общаться с аудиторией, она встречала симпатию и заинтересованность со стороны слушательниц, но зачастую ее речи прерывались выкриками мужчин. В Симферополе дамы высшего класса создали группу по борьбе с феминисткой пропагандой, а Союз русских женщин, финансировавшийся императрицей, добивался разрешения на проведение съезда «чисто русских женщин», который явился бы альтернативой феминистскому съезду. К весне 1909 г. негативная реакция на женское движение наблюдалась среди широких масс, рядовых чиновников и земских деятелей, нападкам подвергались и мужья феминисток, симпатизировавшие женскому делу. Робость многих женщин, граничившая со страхом, привела к снижению активной деятельности. В истории русского феминизма 1909 г. стал временем крайнего упадка[1].

В следующие два года феминистки возобновили свою деятельность, выразившуюся в создании нового журнала и новой организации. Журнал «Женское дело» был дамским иллюстрированным еженедельником, однако он помог заполнить пробел, возникший после прекращения публикации «Союза женщин»[2]. Новая организация – Российская лига равноправия женщин – имела краткую и ничем непримечательную предысторию. Она была зарегистрирована в начале 1907 г., но оставалась бездеятельной. В 1910 г. в результате неудовлетворенности консервативных равноправок воинственными и социалистическими настроениями левого крыла, уже не существующего Союза равноправия женщин, и в процессе организационного оформления правого крыла организация была воскрешена к жизни. Провозглашая возрождение Лиги, ее секретарь Мария Чехова объяснила, что недавний съезд женщин сформулировал две основные задачи женского движения в России: во-первых, объединение женских благотворительных, образовательных и культурных организаций в Национальный совет, что было поручено Взаимноблаготворительному обществу; во-вторых, борьба за женские политические права, которая стала первоочередной задачей новой Лиги. Свою деятельность Лига начала в конце 1909 г. Ее президентом

---

[1] Доклад Кальманович см.: International Women's Suffrage Alliance: Report of the Fifth Conference and the First Quinquennial. London, 1909. P. 117. Доклад Тырковой см.: Союз женщин. 1909. Май–июнь. С. 20–21; 1909. Окт. С. 21; 1909. Март. С. 17; Женский вестник. 1907. Янв. С. 29; 1909. Апр. С. 92–93; *Орловская М.В.* О женском движении в России. СПб., 1911. С. 4–7.

[2] Женское дело. СПб., 1910–1917; см. также: Женская мысль. Киев, 1909–? (подборка этого журнала, заканчивающаяся июнем 1910 г., имеется в университетской библиотеке Хельсинки).

была решительная, тридцатипятилетняя петербургская женщина-врач Поликсена Шишкина-Явейн, которая возглавляла организацию вплоть до революции 1917 года[1].

Несмотря на то, что Лига равноправия женщин была крупнейшей (по крайней мере до 1917 г.) феминистской организацией в России, ее численность по самым оптимистическим подсчетам не превышала тысячи членов, что составляло одну десятую часть бывшего Союза равноправия женщин. Лига пополнилась представительницами и других феминистских организаций: Мирович, Кальманович, Чеховой, фон Рутцен, Волькенштейн, Тырковой и Милюковой. Новым был лишь состав руководительниц, состоявший главным образом из никому до этого неизвестных жен, вдов и дочерей высокопоставленных чиновников, офицеров и помещиков; изменилась также и тактика. Гигантские митинги, длинные петиции, разветвленная сеть филиалов, то есть все то, что в удачные годы составляло предмет гордости Союза, было чуждо Лиге, которая ограничилась проведением обычных собраний, спокойным, но настойчивым лоббированием в Думе. Будучи скромнее по размеру и умеренней в тактике, Лига тем не менее была сильнее Союза в организационном отношении. В первом уставе 1911 г. в качестве особого условия оговаривалось, что по крайней мере четверо из учредителей Лиги должны заседать во всех последующих исполнительных советах. Хотя впоследствии это положение было отменено, как противоречащее демократическим принципам, оно на первых порах способствовало сохранению административной целостности Лиги. Более четким был и порядок финансирования: кроме ежегодного сбора в размере одного рубля, существовал членский взнос в 10 рублей, а дополнительный доход извлекался из платы за пожизненное членство, личных пожертвований, благотворительных ярмарок, концертов и спектаклей, а также вкладов в недвижимость. Что касается местных отделений, то они не были финансово независимыми[2].

---

[1] Первый женский календарь. Т. 7. С. 149; International Women's Suffrage Alliance: Report of the Fifth Conference and the First Quinquennial. London, 1909. P. 117. Свидетельство Чеховой см.: Союз женщин. 1909. Февр. С. 17–19; Женское дело. 1910. Янв. 10. С. 5. О Шишкиной-Явейн см.: Российский медицинский список: 1914. СПб., 1914. С. 624.

[2] Об описании, членстве и количестве членов см.: Устав общества под названием «Российская лига равноправия женщин». СПб., 1911; Отчет о деятельности Российской лиги равноправия женщин за 1913 год. СПб., 1914. По подсчетам, сделанным в 1911 г. на конгрессе МЖСА, общее число членов Лиги равноправия составляло около 1000 человек (International Women's Suffrage Alliance: Report of the Sixth Conference... Stockholm... 1911. London, 1911).

В 1910 г. в Москве появилось еще одно феминистское объединение национальной значения – Московское отделение Лиги равноправия женщин, которое, несмотря на название, действовало независимо от петербургской организации. Как в случае с Петербургской Лигой, в Московское отделение вошли некоторые члены бывшего Союза равноправия и возглавлялось оно женщинами-врачами. Члены московской Лиги также чрезмерно увлекалось такими малозначительными делами, как отдание дани памяти Сергею Муромцеву или Льву Толстому или же проведением мероприятий по поводу пятнадцатилетия женского образования в России. Подобная погруженность в прошлое свидетельствовала об отсутствии энтузиазма. Кроме того, московская организация была ослаблена из-за столкновения между Мирович (членом обеих лиг) и прежним президентом Московского отделения Марией Райх, произошедшего в 1911 г. на стокгольмском конгрессе МЖСА. Руководительницы Московского отделения заняли сторону Райх, и Мирович со своими сторонницами вышла из организации. Спустя два года она умерла. Несмотря на то, что инцидент по своей сути был достаточно обычен, он был раздут прессой и способствовал дискредитации некоторых феминисток и возникновению напряженности между Москвой и Санкт-Петербургом, поддерживавшим Мирович[1].

Ставшая ведущей суфражистской группой в дореволюционной России, петербургская Лига своей умеренностью привлекла к себе Взаимноблаготворительное общество, а тактичностью – Женскую прогрессивную партию. Под эгидой Лиги были проведены совместные заседания. Основная цель Лиги заключалась в оказании воздействия на Думу с тем, чтобы она приняла законы в пользу женщин. Руководительницы Лиги проводили политику лоббирования среди симпатизировавших суфражизму депутатов, которые часто выступали на собраниях Лиги и чьи портреты украшали штаб-квартиру петербургской Лиги[2].

Среди множества законодательных проектов, касавшихся женских прав, которые лоббировала Лига, основным был законо-

---

[1] Описание Московской Лиги см.: Отчет о деятельности Российской лиги равноправия женщин за 1913 год. СПб., 1914. С. 89–91; об ее происхождении см.: Союз женщин. 1909. Дек. С. 15–18; а также: Женское дело. 1910. Апр. 18. С. 8; о ее деятельности см.: Женское дело. 1911. Янв. 1. С. 18–21; 1911. Июнь. 15. С. 19–20; о расколе см.: Женское дело. 1911. Дек. 1. С. 17–20.

[2] О сотрудничестве см.: Женское дело. 1912. Дек. 1. С. 20, а также: Женское дело. 1913. Янв. 1. С. 28. О взаимоотношениях с думскими депутатами см.: Отчет о деятельности Российской лиги равноправия женщин за 1913 год. С. 29–50.

проект о политическом равноправии. В 1912 г. Лига представила в Третью думу петицию с просьбой пересмотреть закон о выборах и добавить в него следующие слова: «Лица женского пола пользуются правом избирать и быть избранными в Государственную думу на тех же условиях, что и мужчины». Аргументы в пользу этого были традиционными – женщины уже продемонстрировали свою пригодность во всех сферах социальной жизни и поэтому определенные социальные проблемы (например алкоголизм, проституция, защита детей) быстрее найдут свое решение в руках тонко чувствующих и талантливых женщин; кроме того, женщины будут выступать против милитаризма и смогут улучшить отношения с другими государствами. Петиция была представлена трудовику А.А.Булату, который разработал на ее основе законопроект, подписанный 40 депутатами (18 кадетами, 11 трудовиками, 4 членами партии прогрессистов, 4 независимыми депутатами, 2 октябристами и 1 социал-демократом – большевиком Петровским). При первом же чтении законопроекта консерваторы встали в оппозицию. Затем законопроект был передан в комитет, где он и пролежал несколько месяцев вплоть до роспуска III Думы[1].

Однако прежде чем это случилось, проект Булата стал предметом интересной дискуссии между министром внутренних дел Маклаковым, премьер-министром Коковцевым и министром юстиции Щегловитовым. Первый заявил премьеру Коковцеву, что предоставление женщинам политических прав «не соответствует общему развитию жизни в нашей стране». К тем же выводам в записке академического характера (подкрепленной внушительной юридической библиографией) пришел и Щегловитов. Однако к традиционным возражениям он добавил свое опасение, что (в противовес убеждениям некоторых либералов в том, что женщины-избиратели укрепят консервативные и клерикальные силы) русские женщины, если их привлечь к политической деятельности, будут поддерживать революционные идеи. Таким образом, поскольку премьер и другие министры разделяли это мнение, не оставалось ни малейшей надежды на принятие законопроекта Булата, даже если бы он прошел в Думе. Проект Милюкова о всеобщем избирательном праве, внесенный в следующем году в IV Думу, засвидетельствовал провал этой идеи в глазах нового депутатского сообще-

---

[1] О законопроекте Булата см.: Женское дело. 1912. Март. 1. С. 1–3; International Women's Suffrage Association: Report of the Seventh Congress, Budapest. Manchester, 1913. P. 149.

ства. Когда Милюков выступил с предложением наделить правом голоса всех русских женщин, он был поднят на смех правыми, которым легко удалось провалить проект 206 голосами против 106. Так в Думе закончилась борьба за женское политическое равноправие[1].

4. Итоги

Было бы несправедливо судить об успехах русского феминизма исключительно по его попыткам добиться для женщин права голоса. Все четыре суфражистские организации обращались к широкому кругу социальных проблем, касавшихся женщин, причем не только в области избирательных прав. Взаимноблаготворительное общество и Лига равноправия использовали свои связи в Думе, приобретенные во время суфражистской кампании, для того чтобы добиться принятия желаемых законопроектов, далеких от проблемы политического равноправия. Женская прогрессивная партия, всегда недоверчиво относившаяся к Думе и партиям, была в авангарде борьбы с регулируемой проституцией. К списку достижений феминисток необходимо также добавить и некоторые права, которых добились студенческие и профессиональные женские группы при помощи их агитации на местах.

Большинство феминисток никогда, особенно после 1908 г., не стояли на социалистических позициях и не претендовали на звание социалисток. Поэтому неудивительно, что не все свои силы они направили на служение массам. Однажды Шабанова заявила, что те, кто занят в легальной (но не революционной) борьбе, должны стремиться к устранению неравенства между полами и явных мужских привилегий. Какие в этом случае привилегии более существенны – вопрос личной позиции. К примеру, феминистки практически не уделяли внимания интересам крестьянок, но всегда с готовностью подписывались под суфражистскими петициями 1906–1907 гг. Их единственной победой в этой сфере законодательства было принятие законопроекта, разрешавшего крестьянкам голосовать на «сходках» по вопросу употребления алкоголя. Другой чуждой феминисткам проблемой был вопрос о прислуге. Некоторые предпочитали поддерживать хорошие отношения со своей домашней прислугой, а не

---

[1] Переписку министров см.: ЦГИАЛ. Ф. 1409 (1912 г.). Оп. 452. Д. 321. Однако некоторые выдержки из нее были опубликованы (*Бильшай В.* Советская демократия и равноправие женщин в СССР. М., 1948. С. 16). Законопроект Милюкова см.: Женское дело. 1913. Апр. 1. С. 1–2.

стремиться к улучшению участи прислуги как таковой; другие же рассматривали труд слуг как способ высвобождения сил образованных женщин для профессиональной работы. И лишь незначительное число феминисток действительно заботилось об освобождении прислуги[1].

В реформировании трудового законодательства успех феминисток был ненамного значительней. Но это была не только их вина. В первые годы существования Союза равноправия социальные феминистки образовали в нем левое крыло, а программа учитывала интересы работниц. Например, печатный орган СРЖ – «Союз женщин» в типично интеллигентском духе заявил, что филантропический подход к защите работающих матерей похож на «жалкий пластырь на зияющей ране», и что в сотрудничестве с Союзом работницы смогут объединится для борьбы за свои права. Когда желанный альянс феминисток и работниц не состоялся, феминистки были вынуждены подойти к проблеме последних в рамках политической реформы. Оказавшись не в состоянии работать *с* фабричными женщинами, феминистки тем не менее не прекратили работать *для* них. Например, вице-президент Лиги Ольга Клирикова (фабричный врач) была секретарем Второго Всероссийского съезда фабричных врачей (1911) и способствовала принятию резолюции такой же, как и у социал-демократов, о защите работающих матерей. Обеими (петербургской и московской) Лигами была с энтузиазмом поддержана кампания по назначению женщин на должность фабричных инспекторов. Однако значительно больше сил и времени уходило на другие дела, более важные для феминисток. Поэтому члены Лиги, выбирая девиз, который выражал бы их взгляд на экономический аспект женского вопроса, остановились на таком безобидном лозунге, как «Право женщин на работу за справедливую зарплату!»[2]

Несомненно основной целью деятельности феминисток было отстаивание интересов интеллигенток, хотя в соответст-

---

[1] *Шабанова А.* Очерк женского движения в России. СПб., 1912. С. 15; *Коллонтай А.М.* Социальные основы женского вопроса. С. 104–106. Краткую дискуссию феминисток и прислуги можно найти в неопубликованной работе Р.Ротшильд: *Ruthchild R.* The Russian Feminists, 1905–1917. Ph. D. University of Rochester, 1976. P. 25–26.

[2] Союз женщин. 1908. Май–июнь. С. 20. О деятельности Клириковой см.: Женское дело. 1911. Май. 1. С. 7; об окончательном законопроекте о страховании см.: *Данский Б.Г.* Дореволюционная страховая кампания. М., 1925. С. 23, 40; а также: *Madison B.* Social Welfare in the Soviet Union. Stanford, 1968. P. 20. О лозунге см.: Женское дело. 1913. Март. 15. С. 20.

вии с благочестивым каноном русского социального реформаторства это редко когда признавалось. Курсистки и их стипендиальные комитеты расчистили женщинам путь к высшему образованию. Новые курсы и школы открывались либо частными лицами (Женские технические курсы), либо Думой (Женская богословская академия). К 1911 г. битва за дипломы и государственные экзамены была выиграна. В следующем году Лига провела Всероссийский съезд по образованию женщин. Однако, несмотря на его впечатляющую организацию и 1 000 делегаток, съезд не сумел внести ничего нового в решение данной проблемы. Можно предположить, что он был просто предлогом, чтобы созвать еще один съезд женщин, которых не беспокоили бы рабочие агитаторы. Расширение прав учительниц, женщин-врачей и адвокатов было основной целью многих думских законопроектов, которые обсуждались, а зачастую и разрабатывались вне думских стен специальными группами или комитетами Лиги равноправия и Взаимноблаготворительного общества[1].

Законы повышающие правовой и семейной статус женщин, помогали больше тем из них, кто имел более высокий доход и образование. В 1912 г. по инициативе Взаимноблаготворительного общества был принят закон, уравнявший сыновей и дочерей в праве наследования городского движимого и недвижимого имущества. Однако в провинции женщины по-прежнему получали одну седьмую (по сравнению с одной четвертой у мужчин) часть земельного наследства. Это никоим образом не повлияло на более гибкое обычное право крестьян; и не представляло интереса для бедных фабричных работниц. То же самое касалось и закона 1914 г., поддержанного Обществом, об отмене паспортных ограничений для замужних женщин, что положило конец одному из самых обременительных положений российского семейного кодекса. Отныне это стало источником гордости и уверенности в себе для независимых женщин, в особенности имевших специальность. Теперь они могли жить отдельно от мужей, искать работу без их разрешения и даже подписывать векселя – все было под защитой их собственного «вида на жительство». И опять же большинство работниц из менее авторитарных семей, чьи мужья не были склонны

---

[1] Краткое изложение основных законодательных актов см.: Женское дело. 1912. Сент. 15. С. 1–2; а также в отчете Шабановой о Международном Съезде Женщин 1914 года: ЦГИАЛ. Ф. 1075. Оп. 2. Д. 43. Л. 12–13. О Съезде см.: Труды 1-го Всероссийского Съезда по Образованию Женщин. СПб., 1914. С. vii–xii.

к сутяжничеству, вероятно, извлекли гораздо меньше выгоды из этого закона, нежели женщины высших слоев[1].

Война феминисток с проституцией, хотя и проигранная, имела самые разнообразные формы. Официальная позиция властей основывалась на том, что эффективен только силовой подход, хотя на деле они прекрасно понимали, что это не так. С другой стороны социалистки считали, что исчезновение проституции возможно лишь с исчезновением капитализма и наемного труда. Промежуточную позицию занимали феминистки, предложившие три различных способа решения проблемы: благотворительность, упразднение государственного регулирования проституции и политическое равноправие. И только на фоне многообразия и тщетности усилий феминисток можно адекватно оценить теории социалистов до революции и успешность действий советского режима после нее.

Благотворительность имела давнюю традицию создания приютов для падших женщин с тем, чтобы оторвать их от своей профессии. Это было главной сферой деятельности Российского общества защиты женщин, созданного по августейшей инициативе, которое еще долго, после того как феминистки нашли другие методы работы, оставалось верным консервативному, аполитичному образу действий. Общество поддерживало связи как с международными конференциями по проблемам белого рабства, так и имперскими министерствами. Общество получило ответ от министра внутренних дел, что в ближайшее время проблема не может быть решена, вследствие сложности ее «санитарных и административных аспектов». Кроме того, Общество сумело разработать и ряд новых методов борьбы с проституцией. В 1909 г. Общество добилось того, чтобы узаконенный возраст девушек, работавших в публичных домах, был поднят с 18 до 21 года, а также получило разрешение беседовать с предполагаемыми проститутками прежде, чем они зарегистрируются, чтобы отсоветовать им заниматься этим. Общество отправляло полицейских и нанимаемых им женщин на железнодорожные станции, чтобы они встречали приезжающих девушек, предлагали им помощь и уберегали тем самым от агентов публичных домов, которые также встречали поезда. Однако в течение 1913 г. таким образом удавалось отговорить не более одной девушки в день.

[1] О праве наследования см.: *Шабанова А.* Очерк женского движения в России. СПб., 1912. С. 29; а также: *Михайлова В.* Русские законы о женщине. М., 1913. С. ii. Паспортный закон: Женское дело. 1914. Апр. 15. С. 2; ЦГИАЛ. Ф. 1075. Оп. 2. Д. 43, 6.

Еще менее впечатляющими были результаты работы в провинции. Поэтому не стоит удивляться язвительным словам Дмитрия Философова (сына феминистки), который уподобил эти методы борьбы с проституцией домашнему лечению: «психологически успокаивать пациента, но не лечить его»[1].

Более решительно настроенные феминистки стремились к упразднению системы лицензированных государством публичных домов. В Англии (несмотря на протесты военных) эта мера была претворена в жизнь в начале 1880-х гг.; но в остальных странах Европы все оставалось по-прежнему. После 1900 г. американским феминисткам удалось провалить правительственный план по внедрению подобной системы на Гавайях и Филиппинах (опять-таки для военных). Основные аргументы, приводимые повсеместно феминистками, заключались в том, что данная система не смогла сдержать рост количества заболеваний, была однобокой, поощряла двойной стандарт морали и возводила порок в ранг порядочности. В России сторонницей отмены этой системы в первую очередь была Покровская, которая развернула кампанию по публикации своей книги «Врачебно-полицейский надзор за проституцией, способствует вырождению народа». В этой работе, а также в бесчисленных речах и статьях она утверждала, что публичные дома являются источниками белого рабства. Именно Покровская или другие деятели, подобные ей, позволили Куприну саркастически изобразить в «Яме» женщину-врача, которая восклицала: «Ах, регламентация! Ах, отмена! Ах, живой товар! Рабство!» Покровская ответила автору резкой рецензией, в которой критиковала его взгляд на проституток как на «глупых, ленивых женщин, машин-клоак для избытка городского сладострастия». В основе деятельности Покровской за отмену регламентации проституции лежало ее глубокое убеждение в том, что причина проституции заключается в мужской похоти, что объясняло ее призыв ко всем женщинам объявить бойкот тем мужчинам, которые пользуются проститутками[2].

---

[1] О деятельности Общества см.: ЦГИАЛ. Ф. 1335. Оп. 1. Д. 5 (1902 г.) Л. 5–14; а также: Д. 4 (1910 г.) Л. 6–25; Российское Общество Защиты Женщин в 1913 году. Пг., 1914. С. 86–91. Ценные сведения о проституции в Казани и тщетных попытках борьбы с ней см.: *Баранов А.* В защиту несчастных женщин. М., 1902. С. 5–28; *Философов Д.* Слово и жизнь. СПб., 1909. С. 152.

[2] Об аргументах американских феминисток против государственного регулирования проституции см.: *Kraditor A.* The Ideas of the Women Suffrage Movement, 1890–1920. N.Y., 1965. P. 60, 113; *Покровская М.И.* Врачебно-полицейский надзор за проституцией способствует вырождению народа. СПб., 1902. С. 82–96; Женский вестник. 1910. Февр. С. 37–40.

У феминисток, которые выступали против государственного регулирования проституции, была возможность выразить свои взгляды на первом Съезде по борьбе с торгом женщинами, организованным в 1910 г. Всероссийским обществом защиты женщин. На нем приверженцы существующей системы, представляя точку зрения Министерства внутренних дел, согласились, что нынешнее положение дел является «пародией на регулирование», но были не в состоянии предложить что-либо другое. Эта ситуация нашла свое отражение в принятой съездом резолюции, которая гласила, что «помимо иных средств борьбы с проституцией, съезд, в качестве источника силы для тех, кто вступил на путь безнравственности, признает христианское учение». С другой стороны, делегация работниц в традиционной марксистской манере увязала проблему проституции с капитализмом. Настойчивая Кальманович заявила представителю властей, что феминистки поддержат систему регламентации проституции, если медицинское освидетельствование будет обязательным для клиентов проституток, а социалисткам она посоветовала прекратить скакать от вчерашнего дня к завтрашнему, минуя день сегодняшний. Большинство феминисток поддержали идею упразднения государственного регулирования проституции. Наиболее практическим предложением, корнями уходившим, как и многое другое, в европейскую традицию, была идея Милюковой о создании сети бесплатных клиник по лечению венерических заболеваний. Однако реализоваться эта идея смогла лишь в советское время с учреждением системы вендиспансеров[1].

Помимо партии Покровской, наиболее решительным борцом за отмену государственного регламентирования проституции была Лига равноправия женщин. Шишкина-Явейн сама представила свой законопроект о мерах борьбы с проституцией на съезде Общества русских врачей в память Н.И.Пирогова – Российском имперском медицинском учреждении. Затем совместно с известным депутатом-кадетом, врачом Андреем Шингаревым, они его переработали. Снабженный тщательно разработанным и хорошо аргументированным предисловием, законопроект предусматривал проведение медицинской кампании против распространения венерических заболеваний,

[1] Официальную точку зрения Министерства см.: *Тыркова-Вильямс А.* Страшный вопрос // Запросы жизни. 1910. Апр. № 17. С. 7; Труды первого Всероссийского съезда по борьбе с торгом женщинами 1910 года: В 2 т. СПб., 1911– 1912. Т. 1. С. 47–55, 231–233; Т. 2. С. 533, 612–618.

упразднение врачебно-полицейского инспекционного аппарата, закрытие всех публичных домов и тюремное наказание нарушителей этого закона. Однако, несмотря на то что в его поддержку Лигой была развернута необычайно мощная пропагандистская кампания, законопроект не стал законом, и система государственного контроля продолжала существовать вплоть до революции[1].

Смогло бы упразднение данной системы уменьшить случаи проституции или заболеваний до сколько-нибудь значимой степени? При тех условиях жизни русского общества, вероятно, нет. С другой стороны, вряд ли это привело бы к их увеличению. Однако, если бы все это сочеталось с адекватной политикой полиции (использованием сил и навыков, которые фактически растрачивались впустую), то безусловно уровень проституции, белого рабства и развращения детей снизился бы. К тому же, это освободило бы (во вред или на пользу) многих невольных узниц желтого билета. И феминисток не следует осуждать за то, что они пытались достичь этой цели.

Основное отличие русского феминистского движения от западного заключается в его масштабах. Например, такое небольшое европейское государство как Дания в 1899 г. имело около 80 000 членов Национального женского совета. В Соединенных Штатах численность основной (но не единственной) суфражистской организации – Национальной женской суфражистской ассоциации – выросла с 17 000 в 1905 г. до 100 000 в 1915 г. В России же не было ни Национального женского совета, ни какого иного органа, который выступал бы от лица всех женских организаций. Союз равноправия женщин, крупнейшее суфражистское объединение этого периода, достиг своего пика в 1905 г., когда существовало около 80 его отделений, насчитывавших (по самым оптимистическим подсчетам) всего лишь 8 000 членов, количество которых стало быстро уменьшаться после 1905 г. В 1911 г. Московское отделение лиги насчитывало менее 500 членов; сама Лига – около 1 000, а все ее отделения в целом вряд ли могли претендовать на большее. Еще меньшими по численности были Взаимноблаготворительное общество и Женская прогрессивная партия. Однако вплоть до революции продолжали появляться местные независимые группы, например украинская женская организация «Жиноча громада», затрудняя подсчет

[1] Отчет о деятельности Российской лиги равноправия женщин за 1913 год. СПб., 1914. С. 5–19, 62.

общего числа «организованных» женщин, которых можно было бы назвать феминистками[1].

Незначительный размах русского феминизма не вызовет удивления, если мы примем во внимание относительно низкий по сравнению с Западом уровень урбанизации России. Однако в других отношениях, прежде всего в деятельности организаций и поддержании связи друг с другом, российские феминистки походили на западных. Структура организаций была традиционной: общие собрания, центральный или исполнительный совет, специализированные комитеты. Все это зачастую было лишь декорациями, на фоне которых лидеры организаций принимали решения, кооптировали в них своих друзей, увековечивая свою власть, и лишь изредка эта практика оживлялась проявлениями демократии. На вооружение были взяты все общепринятые методы агитации и пропаганды, за исключением самых героических. Русские феминистки искали расположения чиновников, лоббировали в Думе и наводняли страну своей печатной продукцией. Они извели огромное количество бумаги на петиции, откровенно подражая «английскому способу» действий, и писали «случайные» письма за угнетенных женщин. Короче говоря, их захватила та же деятельная суматоха, что и их сестер на Западе. Кроме того, они предвосхитили некоторые методы большевистского женского движения.

Социальную основу русского феминизма, равно как и западного, составляли городские женщины «среднего класса» с верхушкой из дам, принадлежавших к «высшему сословию». Старые лидеры феминисток в большинстве своем вышли из дворянства и высшего чиновничества; в то время как молодые участницы движения занимали более низкое социальное положение и представляли духовенство, офицерство, интеллигенцию, еврейство и т.д. От работниц и крестьянок их явно отличало занимаемое ими социальное и экономическое положение. Активное участие в движении принимали выпускницы университетов и женщины, имевшие специальность, в особенности врачебную; они же им руководили. Два отличия от англосаксонского, и конкретно американского женского движения, можно выявить при анализе феминистского лидерства. Изучив список основных лидеров американского феминизма с 1890 по 1920 г. (включая англича-

---

[1] Данные по Америке см.: *Kraditor A.* The Ideas of the Women Suffrage Movement, 1890–1920. N.Y., 1965. P. 7. О «Жиноче Громаде» см.: Женское дело. 1916. Сент. 15. С. 16. О других местных и национальных объединениях см.: Союз женщин. 1907. Авг.–сент. С. 17.

нок Фосетт и Панкхерст), можно сделать вывод, что все они были женами и дочерьми представителей интеллигенции, но сами не работали, – факт, иллюстрирующий различное отношение к женскому труду в двух культурах. Во-вторых, руководство русским феминизмом постепенно переходило из рук дворянок в руки интеллигенток дворянского происхождения, а затем – к более демократическим разночинкам. В Америке же проявилась иная тенденция, когда место учительниц из небольших городков или дочерей священников заняли состоятельные и влиятельные женщины[1].

«Между эмансипированной интеллигенткой, – писала в 1908 году Коллонтай, – и труженицей с мозолистыми руками существовала такая непроходимая пропасть, что о каких-либо точках соприкосновения между ними не могло быть и речи». Отбросив преувеличение, содержащееся в ее словах, несостоятельность которого была показана ранее, следует прокомментировать понятие «непроходимая пропасть». Существование пропасти не было неизбежным результатом классовых или образовательных различий; но если и так, то как Коллонтай и другие могли навести мост между ними самими и работницами? Действительно существовала пропасть между феминистками и русскими женщинами низших сословий – пропасть, которая была результатом ограниченного мировоззрения всего феминистского движения той эпохи. Ставя равноправие полов выше экономического равенства, пытаясь объединить всех женщин снизу доверху, утверждая первоочередность получения избирательного права и сосредотачиваясь иногда на ограниченном политическом равноправии, а не на всеобщем избирательном праве, феминистки не могли не создавать эту пропасть. Однако причина этого была не просто в «узости классовых интересов имущих сословий», как отметил один советский историк. Безусловно какая-то доля этого присутствовала, но в самом женском движении в целом «буржуазно-феминистская тенденция» своим возникновением в значительной степени была обязана *феминистским*, а не *буржуазным* импульсам. Русские суфражистки могли быть безразличны к всеобщему избирательному праву, но лишь некоторые из них выступали против этого из принципа, в отличие от большинства их американских и английских сестер. И никто из них не проявлял

[1] Данные об американских руководительницах см.: *Kraditor A.* The Ideas of the Women Suffrage Movement, 1890–1920. N.Y., 1965. P. 265–283. О Фосетт и Панкхерст (обе – дочери состоятельных предпринимателей) см.: Dictionary of National Biography: 1922–1930. London, 1937. P. 297–299, 652–654.

резкую враждебность, подобную той, которую именитые американки Кэтт, Стоун и Стэнтон, демонстрировали по отношению к рабочим и неграм, как к людям «третьего сорта»[1].

Отличала русских феминисток и их уникальная связь с традицией женского радикализма. Некоторые, как например Белоконская, были абсолютными радикалками; Шабанова и Философова имели неприятности из-за своей политической деятельности. В 1890-х годах некоторые феминистки по-прежнему работали бок о бок с революционерками в сфере благотворительности и образования. Не будет преувеличением сказать, что большинство русских феминисток чтили женщин, принадлежавших Революции, особенно предыдущих поколений. Как писала одна журналистка, Россия не имела таких фигур мирового масштаба как Керри Чэпмен Кэтт, но у нее были Фигнер, Засулич, Волькенштейн, которые «почитались интеллектуальными и сознательными элементами России»[2]. Продолжавшее существовать революционное массовое движение, которое выдвигало женщин в авангард политической жизни, удержало феминистское движение от раскола на «суфражеток» и «суфражисток», как это случилось в Англии и в меньшей степени в Америке. Пока суфражетки разбивали окна, нападали на политиков и провоцировали аресты, русские революционерки стреляли в генералов, разрабатывали планы восстаний и шли на казнь. И хотя некоторые русские феминистки восхищались мужеством суфражеток, в их стране никогда не возникало подобного движения; воинственно настроенные женщины России, как правило, присоединялись к революционным партиям.

Большинство феминисток терпимо относились к «свободной любви», хотя по всем основным сексуальным проблемам их взгляды более совпадали с пуританскими позициями английских и американских феминисток. Как и они, русские не увлекались чрезмерно этим вопросом. «Чем больше развита личность, – писала в 1904 году Лухманова, – тем менее существенна, в общем, ее сексуальная жизнь; и чем более поверхностен и беден человеческий дух, тем больше он озабочен сексом». Это утверждение, которое трудно оспорить, разделялось

---

[1] Мнение Коллонтай см.: *Коллонтай А.М.* Социальные основы женского вопроса. СПб., 1909. С. 19; мнение советского историка: *Бильшай В.Л.* Советская демократия и равноправие женщин в СССР. М., 1948. С. 11. Консервативное отношение американских феминисток см.: *Kraditor A.* The Ideas of the Women Suffrage Movement, 1890–1920. P. 133–134, 153–158.

[2] *Новикова М.* Существует ли «женский вопрос»? // Женское дело. 1910. Апр. 18. С. 10.

всей интеллигенцией, включая и наиболее влиятельных большевиков, пришедших после 1917 г. к власти в России. Когда в 1908 г. появился роман «Санин», Философова настолько испугалась его вредного воздействия на молодежь, что посвятила «вечер» его обсуждению. Покровская, выступая за ликвидацию двойного стандарта морали, стремилась в соответствии с представлениями того времени поднять уровень нравственности мужчин до уровня женского, но не наоборот. Она восхваляла «Крейцерову сонату» и проповедовала целомудренное поведение до вступления в брак и верность после тем тоном, который в середине 1920-х гг. будет характерен для всех партийных дискуссий. Несмотря на то что феминистки совсем не беспокоились о том, регистрировать официально брак или нет, они никогда не отвергали саму семью. Президент Московского отделения Лиги Мария Райх заявила, что цель феминизма не в том, чтобы увести женщин из дома, а в укреплении и просвещении семьи. Некоторые из них следовали за социалистками, предлагавшими учредить общественный надзор за детьми и организовать общее домашнее хозяйство, что «освободило бы женщину от скучной, утомительной заботы о кухне и мелочной работы по дому». (Спустя несколько лет практически теми же словами эту идею выразит Ленин). Подобные формулировки, по существу в той же самой форме, можно найти в работах американских феминисток, которые также желали модернизировать и сохранить семью, но не уничтожить. Как заявила А.С.Блэквэлл в своей известной статье 1891 г. «супружеское восстание» совсем не было восстанием[1].

Специфика феминистского движения того времени на Западе заключалась в явной «дефеминизации», что использовалось его противниками. Изящная и женственная Коллонтай не одобряла тех феминисток, которые стригли волосы, ходили по улице, широко шагая, и радовались, что женщины-носильщики работали на равных с мужчинами. Николай Бердяев в своей «Метафизике любви» (1907), признавая права женщин, тем не менее выразил опасение, что борьба за них может привести к мужеподобности ее участниц. «Все эти девушки с курсов дантистов, – писал он, –

[1] *Лухманова Н.А.* Недочеты жизни современной женщины. М., 1904. С. 47; Сборник памяти Анны Павловны Философовой: В 2 т. Пг., 1919. С. 11, 32; Женский вестник. 1908. Сент. С. 193–196; 1910. Апр. С. 89–92. Женское дело. 1910. Апр. 8. С. 15–16. Райх цит. по: Женский вестник. 1906. Февр. С. 39; *Мирович Н.* Из истории женского движения в России. С. 43–44. О взглядах американских феминисток на секс см.: *Kraditor A.* The Ideas of the Women Suffrage Movement, 1890–1920. P. 96–100, 115–116.

утратили видимость своего пола, в истерике спешат на каждое собрание и создают впечатление агрессивности и лишенных своего Я созданий, которые стремятся превзойти третьесортных мужчин». С большей симпатией к феномену маскулинизации относился психолог В.Агафонов, который рассматривал его как неизбежный побочный продукт «социального прогресса» и выразил надежду, что мужчины будущего «перестанут искать в своих возлюбленных «вечную женственность». В том же ключе Тыркова говорила о «расширении», а не об утрате женственности, как об окончательном результате эмансипации[1].

Чтобы составить окончательное мнение о русском феминизме, необходимо учесть необычайно мощное противостояние как правых, так и левых сил. Никакое другое движение того времени не оказывалось в столь сложном и угрожающем положении между двумя противоборствовавшими силами. Угроза справа была по крайней мере привычна для феминисток; аргументы консерваторов были традиционными и бесконечно повторяющимися. Ярким выразителем подобных взглядов был германский император Вильгельм II, который в своей часто цитируемой речи заявил, что женщинам не хватает холодной объективности, необходимой в политике и внешнем мире, поэтому их сфера – церковь, дети и кухня. Нападки же слева, как отметила Шабанова, были чем-то новым и раньше неизвестным, привнесенным, как и сам феминизм из-за границы, но не из англосаксонского мира, а из континентальной Европы. Феминисткам было трудно осознать эту проблему и справиться с ней. Они видели свою цель в получении избирательных прав, но не в пролетарской революции. Вполне возможно, что если бы они имели право голоса, то смогли бы усилить демократический процесс в России, хотя примеры других стран дают немного оснований для этой веры. Феминистка Щепкина, отвергая призывы Коллонтай к буржуазным женщинам присоединиться к пролетарскому движению, предельно честно суммировала все различия между ними. Существуют, писала она, два основных вида человеческой деятельности: индивидуальный и коллективный. Феминистки, обладая более широкими возможностями, временем и средствами самовыражения, предпочитают оставить свой собственный след в деле, которому

---

[1] *Коллонтай А.М.* Положение женщины в эволюции хозяйства. М., 1922. С. 111; *Бердяев Н.* Новое религиозное сознание и общественность. СПб., 1907. С. 176; *Агафонов В.* Половой вопрос // Современный мир. 1908. Апр. С. 21–22; мнение Тырковой взято из ее речи на Съезде по образованию женщин: Труды 1-го Всероссийского Съезда по Образованию Женщин. С. 1–2.

они посвятили свою жизнь. По сути это и явилось основным импульсом развития феминизма[1].

В конечном счете, большинство женщин, принадлежавших даже к образованным городским слоям, никогда не участвовали ни в феминистском, ни в социалистическом движениях. Рядом с творческими представительницами искусства и литературы, упомянутыми ранее, стояли женщины, принадлежавшие старой аристократии и, которые сумели выжить в 1920-х гг. Графини и княгини украшали своим присутствием благотворительные предприятия, однако наиболее аристократично мыслившие из них считали, что чрезмерное филантропическое рвение не является дамским делом, и подчинились предписанию толстовской княгини Щербатской, которая сказала своей чересчур милосердной дочери «*il ne faut jamais rien outrer*»[2]. Однако существовала откровенная вражда в отношении феминизма, происходившая из-за желания сохранить традиционную роль женщины в семье и таким образом защитить самые основы российского государства. Таково было мнение императрицы и Союза русских женщин[3]. Интересным примером, иллюстрировавшим данную позицию, было описание утопического общества в анонимной книге «Голос русской женщины». Новое русское государство должно было бы стать единой семьей, состоящей их русскоязычных и православных людей, объединенных общим библейским законом. Помогать царю-батюшке должна Дума, десятая часть членов которой должна состоять из женщин старше тридцати лет, имеющих собственность. В Думе женщины должны заниматься исключительно «женскими» делами: образованием, здоровьем, социальным благосостоянием, искусством и «прелестями жизни»[4].

Если наиболее очевидными врагами женского движения были равнодушие самих женщин и антифеминизм, то самым коварным

---

[1] Аргументы американских антифеминистов см.: *Kraditor A*. The Ideas of the Women Suffrage Movement, 1890–1920. P. 14–42; *Шабанова А*. Очерк женского движения в России. СПб., 1912. С. 27. Союз женщин. 1909. Апр. С. 11–14.

[2] il ne faut jamais rien outrer (*фр.*) – никогда не следует слишком усердствовать. – *Прим. пер.*

[3] Цель Союза русских женщин заключалось в объединении русских женщин всех классов для «повышения благосостояния русских людей и сохранения его особенного творческого характера при помощи занятий, изучения и защиты русского прошлого, русского искусства и, в общем, древних созидательных основ и национальных обычаев русского народа». См.: Весь Петроград на 1917 год. Пг., 1917. С. 1118.

[4] *Е.М.* Голос русской женщины: По поводу государственного и духовно-религиозного возрождения России. СПб., 1906.

11 Заказ 5510

противником стала женская «обломовщина». Апатия, бессилие и нравственный застой продолжали мешать русской интеллигенции еще много лет после того, как «обломовщина» перестала быть основной темой российской жизни и литературы. Женщины также не были исключением. Подобное настроение отражено в дневнике «ненужной женщины» – образованной, незамужней, которая в 25 лет уныло смотрела в пустоту: «Для серьезных занятий у меня нет ни подготовки, ни рвения, ни настойчивости. А сейчас я стара, слишком поздно. Вы же не начинаете учиться в двадцать пять лет. У меня нет ни таланта, ни призвания к самостоятельному творчеству. У меня нет музыкального слуха, и я ничего в этом не понимаю. Что касается живописи, то я ничего не сделала кроме того, что изучала ее в школе несколько лет. А литература? Я не написала ни одной вещи, кроме этого дневника. Итак, остается лишь гражданская деятельность. Но какого рода? Модная филантропия, над которой насмехаются все сатирические журналы? Создание дешевых столовых? Это похоже на то, как на скорую руку чинить разваливающуюся, гниющую плоть. Открывать школы грамотности, когда нам нужны университеты? Я смеюсь над этими попытками вычерпать чайной ложкой море. Или, может быть, я должна обратиться к революции? Но, чтобы сделать это, нужно верить. У меня же нет ни веры, ни направления, ни духовных сил. Так что же я должна делать?»[1].

---

[1] *Елец Ю.Л.* Повальное безумие. СПб., 1914. С. 33–38.

Глава VIII
ЖЕНСКОЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

> Радикальные феминистки. Мы хотим освободить женщин от мужского гнета.
> Абстрактные социалистки. При капитализме все люди чужды друг другу, мы хотим освободить всех, чтобы они стали «родными людьми».
>
> *Джулиет Митчел*
> *«Положение женщины» (1966)*

1. Марксизм и женский вопрос

У русских феминисток не было какой-либо единой, стройной и связной идеологии. Кроме широко разделяемой ими веры в солидарность всех женщин, их идеи об эмансипации формировались из различных, зачастую *ad hoc*, а иногда даже конфликтующих между собой мнений об отдельных аспектах женского вопроса. Несмотря на некоторые «привнесенные» интернациональные черты, русский феминизм никогда не достигал высокой степени однородности. В то время как марксисты получили в наследство более или менее определенную теоретическую базу, равно как и ясно сформулированное решение проблемы – уничтожение капитализма. И если для того чтобы понять теорию российского феминистского движения, необходимо изучать его историю, то для марксизма верно обратное. Любое исследование марксистской теории в отношении женского вопроса должно начинаться с работы Августа Бебеля «Женщина и социализм» (1879). Разумеется, о данной проблеме писали и Маркс и Энгельс; и, как отмечала Клара Цеткин, основной вклад в разработку вопроса внесла именно философия Маркса. «Материалистическое понимание истории, и это правда, не дало нам готовых ответов на женский вопрос, – писала она, – однако оно дало нам нечто лучшее: верный и точный метод изучения и понимания вопроса»[1]. Наиболее запомнившийся комментарий, данный по женскому

[1] Цит. по: *Крупская Н.К.* Клара Цеткин. М., 1933. С. 10.

вопросу этими двумя мыслителями, содержится в работах «Манифест Коммунистической партии» (1848) и «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884). Обе работы имеют непосредственное отношение к дискуссиям по проблеме семьи, суть которых будет изложена ниже.

А.Бебель (1840–1913), «гениальный плотник»[1] немецкой социал-демократии и ее лидер на протяжении двух поколений, был первым марксистом, который попытался соединить женский вопрос с более общей марксистской теорией. В 1869 г. он был первым социалистам, который внес на рассмотрение Рейхстага вопрос об охране труда женщин-работниц, продемонстрировав тем самым свое отношение к проблеме женского труда. К систематическому изучению женского вопроса Бебель приступил в тюрьме. Через два года после освобождения он обратился к первому созванному немецкими социал-демократами собранию женщин с призывом поддержать социал-демократическое движение. В 1879 г. он опубликовал работу «Женщина и социализм». Несмотря на сложности из-за принятия закона против социалистов, книга в течение одиннадцати лет выдержала восемь изданий, и даже после этого наблюдался феноменальный рост ее тиражей. К 1909 г. насчитывалось уже около 50 переизданий и бесчисленное множество переводов. Благодаря широкому кругу рассматриваемых вопросов, далеко выходящих за рамки проблемы, обозначенной в названии книги, этот труд стал неофициальной Библией всего европейского марксистского движения[2].

Хронологические рамки произведения Бебеля заслуживают некоторого пояснения, не из-за того, что зачастую они вызывали нарекания, а для того, чтобы понять позицию автора. В книге представлена широкая картина прошлого, настоящего, ближайшего и отдаленного будущего, что приблизительно соответствует феодализму, капитализму, революции и социализму. Первая часть, исторического и антропологического характера, – менее интересна как из-за самой проблематики, так и из-за того, что ее более серьезно исследовал Энгельс. Глава, посвященная настоящему (вклю-

[1] Очевидно имеется в виду, что Бебель по профессии был плотником. – *Прим. ред.*

[2] Первое издание книги Бебеля: *Bebel A.* Die Frau und der Sozialismus. Zurich, 1879. В данном случае используется русское издание: *Бебель А.* Женщина и социализм. М., 1959. Английское издание: *Bebel A.* Woman and Socialism. N.Y., 1910. Данные о самом Бебеле и происхождении его книги см.: *Бебель А.* Женщина и социализм. С. 3–4; Biographisches Lexikon zur deutschen Geschichte. Berlin, 1970. S. 43–45. Более глубокий анализ взглядов немецких марксистов на женский вопрос см.: *Meyer A.G.* Marxism and the Woman's Movement // Women in Russia / Ed. by D.Atkinson, A.Dallin, G.Lapidus. Stanford, 1977.

чая и предшествующие полвека), представляет собой анализ экономических и бытовых условий жизни работницы при капитализме. По сути она повторяет основные идеи «Положения рабочего класса в Англии» Энгельса и «Капитала» Маркса. Однако Бебель писал по преимуществу об условиях работы на немецких фабриках и в ярких красках описывал такие проблемы как неравная оплата мужского и женского труда, ухудшение здоровья работающих женщин, отсутствие пособий роженицам и вторжение в дома рабочих «разврата, деморализации и дегенерации»[1].

Последняя часть «Женщины и социализма», посвященная будущему, содержит описание общественного устройства при социализме в духе раннего Маркса, включая и прогнозы о равенстве женщин в экономике, семье и культуре нового общества. Замечания Бебеля, касающиеся ближайшего будущего (стратегии и тактики женского движения), бессистемны, неопределенны и разбросаны по всей работе. Однако он совершенно точно дает определения феминизму, суфражизму и пролетарскому женскому движению, которые были ядром противоречий между феминистками и социалистками, а также между самими социалистками в Европе и России.

Если взгляды Бебеля на данные вопросы и противоречивы, то объясняется это отнюдь не недостатком уверенности в том, что женщины являются равноправными членами общества. Сам Маркс, вторя Фурье, писал в 1868 г., что «великие общественные перевороты невозможны без женского фермента». Бебель же просто приукрасил эти слова, добавив, что «вплоть до настоящего времени не было ни одного значительного движения в мире, в котором женщины не выступали как борцы и мученицы». В своей работе он безостановочно ссылается на женщин, сражавшихся «бок о бок» на равных с мужчинами, а его оценка женских потенциальных способностей практически неотличима от таковой у Милля. Более того, допуская, что женское бесправие частично является виной мужчин (а не только капитализма), он подробно останавливается на чисто «феминистских» попытках добиться юридических прав, профессиональных возможностей и даже политического равноправия. «Что правильно для рабочего класса, – писал он, – то не может быть неправильно для женщин». Признавая, что у женских партий больше общего, чем у мужских, которые разделены лишь по классовому признаку, он заключил, что женщины «могут вести борьбу, маршируя отдельно, но сражаясь вместе». И хотя на деле Бебель был способен отпустить и едкое замечание в адрес некоторых феминистских групп, особенно

[1] *Бебель А.* Женщина и социализм. С. 286.

в Германии, он никогда не отказывался от процитированных выше слов, столь важных для феминисток, что последние ссылаясь на них, зачастую не учитывали их контекста[1].

С другой стороны, Бебель вполне определенно заявил, что достижение феминистских целей само по себе никогда не решит женского вопроса. Он настоятельно советовал работницам и их сторонникам присоединиться к пролетарскому движению. Постепенное улучшение юридического и образовательного статуса женщин «ничего не изменит в общем положении их пола». И хотя женщины страдают от двойного ярма – «зависимости от мужчины» и «экономической зависимости», лишь устранение второго позволит устранить первое. Поскольку «женский вопрос является для нас всего лишь одной стороной общего социального вопроса, – писал он, – то работницы должны бок о бок сражаться вместе с рабочими в защиту своего труда и «за коренное преобразование общества». Это мнение, между прочим, было популярно в рядах русского революционного движения. «Женщина, – повторял Бебель, – должна искать себе союзников, и она легко их найдет в пролетарском движении. Сознательный пролетариат уже давно начал штурм крепости классового государства, которое поддерживает и господства одного пола над другим». Как в этом, так и в других замечаниях в отношении попыток феминисток объединить всех женщин в единое движение, Бебель демонстрирует свое неослабевающее неприятие этой цели и твердую приверженность идее о «женской половине рабочего движения»[2].

Однако в чем же заключалась роль женщин в пролетарском движении? И как же насчет женских избирательных прав? Первого вопроса Бебель практически не касался. Он признавал, что «нам необходимо уделить особенное внимание женскому вопросу»; однако «способы и специальные институты», необходимые для освобождения женщин, являлись делом тактики, которую он отказался разрабатывать. Эту проблему впоследствии вынуждены будут решать руководительницы женского движения: Цеткин – в Германии и Коллонтай – в России. Что касается политического равноправия, то Бебель посвятил целую главу книги благожелательному описанию истории суфражистского движения в Европе

---

[1] Слова Маркса, написанные в письме от 12 декабря 1868 г. к Кугельману, цит. по: К.Маркс, Ф.Энгельс и В.И.Ленин о женском вопросе / Под ред. В.Л.Бильшай. М., 1971. С. 64; *Бебель А.* Женщина и социализм. С. 97, 338, 43; К.Маркс, Ф.Энгельс и В.И.Ленин о женском вопросе. С. 70.

[2] *Бебель А.* Женщина и социализм. С. 43, 39, 44, 364. О поддержке этого общего взгляда со стороны Энгельса см.: К.Маркс, Ф.Энгельс и В.И.Ленин о женском вопросе. С. 70.

и Америке, что явилось дополнительным подтверждением для тех, кто верил в миф о симпатии Бебеля к феминизму. В отношении опасений социалистов и либералов по поводу «консервативно-клерикальных» последствий предоставления женщинам права голоса Бебель высказался весьма недвусмысленно: «Ни в коем случае их опасения нельзя рассматривать как причину отказа женщинам в избирательном праве», так как в этом случае социалисты будут вынуждены отказаться от наделения правом голоса потенциально консервативных элементов среди самих мужчин[1].

В рамках европейского социалистического движения марксистские идеи были воплощены на практике и в некоторой степени переосмыслены Кларой Цеткин (1857–1933). Она родилась в семье саксонского школьного учителя, принадлежавшего к среднему классу. Студенческие годы провела в Лейпциге, готовясь пойти по стопам отца. Однако, познакомившись с группой русских студентов, также учившихся в университете, она отказалась от карьеры учителя. Один из них, молодой русский радикал Осип Цеткин привлек ее внимание и стал ее наставником в изучении Маркса и Лассаля. Когда после принятия закона против социалистов в 1878 г. Осип был депортирован, Клара последовала за ним, и они поженились. В следующие двенадцать лет скитаний и жизни главным образом в Цюрихе и Париже, она занималась партийной работой, воспитывала двоих детей и ухаживала за больным мужем. Ко времени его смерти в 1890 г., она превратилась в стойкую, самодостаточную женщину с социалистическими убеждениями. Так как она знала несколько языков и имела хорошие организаторские способности, то в 1889 г. она была направлена партией в Париж для участия в подготовке учредительного съезда II Интернационала. На этом съезде она выступила с программной речью о женском вопросе, поднимавшей проблемы, решению которых будут посвящены последующие тридцать лет ее политической деятельности. Ими были: роль работы, общественной жизни и политической деятельности в освобождении женщин; неспособность женского движения добиться полного женского освобождения; а также необходимость создания в рамках социалистического движения специальной организации, которая занималась бы политическим просвещением женщин[2].

---

[1] *Бебель А.* Женщина и социализм. С. 39, 44, 359.

[2] О ранних годах жизни Цеткин см.: *Dornemann L.* Clara Zetkin: Leben und Wirken. Berlin, 1973. *Ильберг Г.* Клара Цеткин. М., 1968. С. 7–2; *Крупская Н.К.* Клара Цеткин. М., 1933. С. 7–12. Краткое изложение ее идей о данном предмете см.: *Zetkin C.* Arbeiterinnen und Frauenfrage der Gegenwart. Berlin, 1889.

По мнению многих феминисток, с которыми была согласна сама Цеткин, ее открытое неприятие феминизма отражало ее несогласие с сочувственной позицией Бебеля. Для Цеткин работа «Женщина и социализм» была «не просто книгой, а событием». Однако, утверждала она, Бебель заблуждался в вопросе о феминистках. Вплоть до 1890-х гг. среди лидеров социал-демократии преобладало более или менее терпимое отношение к феминисткам. Изменения в ситуацию внесли Цеткин и ее соратницы. В 1892 г. на собрании берлинских женщин она произнесла первую речь, направленную против феминисток. Три года спустя крупнейшая «буржуазная» женская организация Германии попросила работниц подписать петицию, призывавшую к свободе собраний. Цеткин ответила резким отказом и посоветовала социалисткам избегать сотрудничества с феминистскими организациями. Когда в 1904 г. был создан Международный женский суфражистский альянс, ознаменовавший выход женского движения за избирательные права на международную арену, Цеткин предприняла новое нападение, презрительно назвав суфражизм движением за «дамские права», и призвала к «классовой войне» вместо «битвы полов». Она никогда не скрывала своего неприязненного отношения к мифу о «великом сестринстве» всех женщин. В противовес ему она выдвинула требование всеобщего избирательного права[1].

Однако к радости многих феминисток это требование не нашло немедленной и решительной поддержки у социал-демократов. До 1907 г. к проблеме женских избирательных прав социалисты подходили неоднократно и с «оппортунистических», осторожных позиций. В Бельгии, Голландии и Франции причиной тому были «консервативно-клерикальные» опасения в отношении будущих избирательниц; в Австрии ставился вопрос о «своевременности» этого вопроса. В оппозиции к кампаниям в поддержку женских политических прав и даже всеобщего избирательного права находились некоторые социалистические партии. В 1906 г. среди основных лидеров европейского социалистического движения даже был проведен опрос об их отношении к проблеме права голоса для женщин. И хотя все они высказались за политическое равноправие, сам факт голосования и недовольные реплики некоторых руководителей, свидетельствовали об отсутствии единогласия по данному вопросу. В следующем году на съезде II Интернационала (Штутгарт) и проходившей в его рамках Международной

[1] *Ильберг Г.* Клара Цеткин. С. 60–62; К.Маркс, Ф.Энгельс и В.И.Ленин о женском вопросе. С. 74, 213; *Zetkin C.* Woman Suffrage. London, 1906. P. 1–9. О длительном антифеминизме Цеткин см.: *Крупская Н.К.* Клара Цеткин. С. 10.

конференции женщин-социалисток было принято нечто вроде резолюции. «Ортодоксальная» позиция, выраженная Цеткин и поддержанная немецкой делегацией, гласила, что все партии должны открыто и постоянно работать по проблеме достижения мужчинами и женщинами избирательных прав. Между тем возникли еще два мнения. Одна англичанка из «Фабианского общества» предложила наделять женщин правом голоса на основе их имущественного ценза, а австрийская делегация стремилась к тому, чтобы превратить «момент и метод» в работе за права женщин во внутреннее дело каждой партии. Позицию англичан никто не поддержал, а предложение австрийцев было отклонено сначала на конференции, а затем на общем съезде. Ленин и Коллонтай (последняя присутствовала на обоих собраниях) были шокированы оппортунизмом Виктора Адлера и всей австрийской делегации. Достижения Цеткин были очевидны[1].

Ее успех определили две другие победы – официальное признание социалистами права женщин на работу и решение социалистических партий о создании специальных органов по политическому образованию женщин. Впервые оппозиция социалистов женскому труду возникла в 1860-х гг., когда «прудонистские» элементы I Интернационала пытались сохранить «домашний очаг», привязав женщин к нему. На Женевском съезде 1866 г. французская делегация предложила разрешить женщинам работать только после того, как они достигнут сорокалетнего возраста, родят и воспитают детей. Вплоть до 1906 г. похожие мнения слышались и в других странах. Однако условия экономической жизни и приверженность социализма идее равноправия женщин превратили их не более, чем в крик в пустыне.

Второй вопрос был более спорным. В 1889 г. Цеткин заявила делегатам II Интернационала, что «организация и политическое обучение промышленных работниц является не только важным шагом на пути к улучшению положения женщин, но и важнейшим определяющим фактором более мощного и быстрого развития всего рабочего движения, а также оказывает глубокое воздействие на быстрейшую трансформацию сегодняшних общественных отношений». Основываясь на этом, Цеткин взяла на себя руководство «*Die Gleichheit*», женским журналом социал-демократической партии, и превратила его в центральный печатный

[1] *Zetkin C.* Woman Suffrage. P. 10–23; Le droit de suffrage pour les femmes // La Revue socialiste. 1906. Aug. XLIV. P. 145–166. О событиях в Штутгарте см.: *Коллонтай А.М.* Международные социалистические совещания работниц. М., 1918. С. 1–24; К.Маркс, Ф.Энгельс и В.И.Ленин о женском вопросе. С. 76–77.

орган женского социалистического движения в Европе, привлекая работниц в качестве постоянных корреспонденток. В 1890-х гг. она добилась права вести политическую работу среди женщин и совместно с партийными съездами проводить специальные конференции женщин-социалисток. Ее деятельность достигла пика в 1907 г., когда была созвана первая международная конференция женщин-социалисток (две другие были в 1910 и 1914 гг.) и учрежден постоянный Международный женский социалистический секретариат, с Цеткин в качестве секретаря. Эти шаги вызвали недовольство некоторых социалистов, как мужчин, так и женщин, которые рассматривали их как тенденцию к созданию «феминистского» анклава внутри рабочего движения. Однако, поскольку те, кто был против необходимости специальной образовательной работы среди женщин, зачастую были равнодушны к проблеме женских избирательных прав на том основании, что женщины являются отсталым в политическом отношении элементом, их возражения были не особенно убедительными[1].

Таким образом, к 1905–1907 гг., которые совпали с возникновением женского движения в России, Клара Цеткин преуспела в расколе немецкого движения женщин на феминистское и пролетарское. Кроме того, она была уже на пути к тому, чтобы заручиться поддержкой европейской социал-демократии в признании необходимости немедленной агитации в пользу женских избирательных прав, равно как и в пользу создания политического механизма, необходимого для того, чтобы сделать работниц достойными этих прав. Все это впоследствии окажет решающее влияние как на русское женское движение в эпоху борьбы между социализмом и феминизмом (1905–1908), так и на послереволюционное большевистское движение женщин.

В социал-демократических кругах России идеи Бебеля и Цеткин о женском вопросе были хорошо известны уже к 1900 г. В сокращенном русском издании «Женщины и социализма», опубликованном в 1895 г. в Лондоне, подчеркивалась исключительная

---

[1] Об оппозиции со стороны социалистов см.: *Засулич В.И.* Очерк истории международного общества рабочих. СПб., 1889. С. 29–30; *Коллонтай А.М.* Социальные основы женского вопроса. С. 210–215. Цеткин взяла на себя руководство над журналом «*Die Gleichheit*» (1890–1925) в 1892 г., а в 1917 г. в результате раскола в социал-демократической партии она вышла из редакционной коллегии. О попытках Цеткин создать механизм для специальной политической работы среди женщин и оппозиции со стороны социалистов см.: *Ильберг Г.* Клара Цеткин. С. 55–82; Союз женщин. 1907. Ноябрь. С. 12–13. Цеткин цит. по: *Пик В.* Клара Цеткин: Жизнь и борьба. М., 1957. С. 14.

достоверность анализируемых в ней фактов. В 1905 г. в Одессе появился полный перевод с 34-го издания, за которым последовали и другие. Наиболее образованные лидеры социал-демократов прочитали книгу раньше, еще в оригинале. Работа Бебеля была принята в России как последнее слово по женскому вопросу и оказала огромное влияние на активисток как феминистского, так и социалистического толка. Как заметил Плеханов после смерти Бебеля (1913): «Кто не читал “Женщину” Бебеля; или, по крайней мере, кто о ней не слышал?». Немецкий посол граф Мирбах во время своего визита к Ленину в 1918 г. удивился, увидев эту книгу в руках красноармейца. Между тем, несмотря на то что некоторые русские авторы рассматривали проблему женского труда в марксистских категориях с 1860-х гг., никто из них не дал женскому вопросу полное марксистское обоснование, пока жена Ленина, Надежда Крупская, не написала брошюру «Женщина-работница» (1900)[1].

Крупская (как Тыркова и Милюкова) родилась за год до Ленина – в 1869 г. Ее отец Константин Крупский был одним из тех немногочисленных артиллерийских офицеров, кто придерживался радикальных взглядов. В 1860-х гг. он был «связан» с первой группой «Земли и воли», а также с I Интернационалом. За открытую симпатию польским повстанцам его уволили из армии, и он был вынужден зарабатывать на жизнь в качестве фабричного инспектора. От него молодая Надя услышала рассказы о героизме революционеров; а его описания условий работы на фабрике однажды подтолкнули девочку к тому, чтобы закидать управляющего снежками. Несмотря на семейные злоключения, Крупская сумела получить хорошее образование: сначала в чинной государственной гимназии, а затем в частной школе, возглавляемой отчимом Петра Струве. Первоначально Крупская хотела стать учительницей, но поскольку было весьма трудно найти работу, она поступила на Бестужевские курсы. Проучившись там два месяца, она бросила их в 1889 г., считая обучение слишком оторванным от реальной жизни. В последующие годы эту реальную жизнь она нашла в небольшом петербургском кружке марксистов, возглавляемом студентами Технологического института, и в классах Смоленской вечерней и воскресной школ, где она стала учить рабочих. С 1891 по

[1] *Бебель А.* Женщина настоящего, прошедшего и будущего времени. Лондон, 1895; *Он же.* Женщина и социализм; *Он же.* Государство будущего: Социалистическое общество. Ростов-на-Дону, 1906; Наши цели. Одесса, 1905. С. 14; Справочная книга социалиста: В 2 т. СПб., 1906. Т. 1. С. 234–255; *Шейкман И.* Каталог социалиста. М., 1906; *Архиерей Михаил.* Женщина-работница. СПб., 1906.

1896 г. Крупская использует свой педагогический талант для преподавания основ марксизма рабочим индустриального района столицы, известного как «Невская застава»[1].

К январю 1894 г. относится встреча Крупской с Лениным, который направил ее в фабричные районы собирать материал о повседневной жизни рабочих (как мужчин, так и женщин). Повязав платок на голову, она со своими спутницами отправлялась на фабрики, а затем возвращалась в организацию и рассказывала о том, что им удалось узнать о жизни и работе фабричных рабочих. Этот материал и лег в основу ее первой книги. В 1896 г. организация была разогнана полицией; Ленина сослали в Сибирь, а Крупская, после кратковременного тюремного заключения, отправилась за ним, и в Шушенском они поженились. По воспоминаниям Тырковой, Крупская, будучи школьницей, сторонилась мальчишеской компании, не каталась на коньках, не танцевала, избегала участвовать в прогулках по воде и всегда предпочитала общество своих подруг. Став женой Ленина, Крупская, хотя была вполне сформировавшейся личностью, полностью растворилась в личности мужа. Об этом свидетельствуют и рассказы самой Крупской об их взаимоотношениях с Лениным. Ее желание стать революционным товарищем Ленина несомненно подкреплялось ее неприятием домашней работы. В Шушенском Крупская помогала Ленину готовить его первую крупную работу «Развитие капитализма в России»; а он в свою очередь помогал ей писать «Женщину-работницу»[2].

Ее работа представляла собой небольшую брошюрку – около 24 страниц убористого текста, набранного мелким шрифтом как в газете «Искра». Несмотря на то что на написание «Работницы» Крупскую подтолкнули работы Бебеля и особенно Цеткин (которую она часто цитирует), это произведение является подлинно русским, о чем свидетельствует внимание, уделяемое крестьянкам. Кроме того, появление работы частично было обязано и исследованиям Ленина об экономической жизни деревень. Крупская рисует мрачную картину: деревенская женщина, измученная работой и голодная, разоренная деревенским ростовщиком; мать, неспо-

---

[1] *Левидова С. М., Павлоцкая С.А.* Надежда Константиновна Крупская. Л., 1962. С. 6–38; *Дридзо В.* Надежда Константиновна. М., 1966. С. 3–56; *Krupskaya N.K.* Memoires of Lenin. London, 1930. P. vi–16; *Bobrovskaya C.* Lenin and Krupskaya. N.Y., 1940. P. 3–16; *Кунецкая Л., Маштакова К.* Страницы прекрасной жизни. М., 1969. С. 69; *Розанов М.* Василий Андреевич Шелгунов. Л., 1966. С. 116–117; *McNeal R.H.* Bride of the Revolution. Ann Arbor, 1972.

[2] *Тыркова-Вильямс А.* То, чего больше не будет. Париж, 1954. С. 141–143; *Тыркова-Вильямс А.* На путях к свободе. Н.-Й., 1952. С. 188; *Krupskaya N.K.* Memories of Lenin. P. 30.

собная уделить хоть какое-то время своим детям; сами дети, которые, если и выживут, вырастут необразованными, усиливая вековую тьму сельской России. Жизнь работницы ничуть не лучше, так как из-за низкой зарплаты постоянным искушением для нее является проституция. Ее дети, лишенные даже той недостаточной заботы, которую дают их деревенским сверстникам бабушки, попадают в развратный уличный водоворот. Но труднее всех, пишет Крупская, приходится беременной работнице, которая лишена гарантии сохранить работу и пособий роженице. Мрачная, хотя и безусловно преувеличенная панорама жизни русских низов, выраженная Крупской понятным всем языком, является версией поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо?» XX века[1].

Освобождение женщинам, писала она, вторя Бебелю и Цеткин, принесет лишь труд. Она предупреждала рабочих, что исключение женщин из их рядов не приведет к уничтожению эксплуатации. Не стоит женщинам ждать помощи и сверху: «ни царь, ни Бог» их не утешат, так как государство всегда на стороне «знатных». Освобождения может добиться лишь сам рабочий класс. Признавая, что многие женщины были настроены по отношению к рабочему движению либо равнодушно, либо враждебно, Крупская критиковала тех мужчин, которые заявляли, что женщинам не место в этом движении. Задача сознательных мужчин и женщин в том, чтобы избавиться от древних предрассудков и помочь женщинам влиться в общую борьбу. Целью было светлое социалистическое будущее, в котором не будет ни эксплуатации, ни неравенства – люди будут работать в чистых, хорошо проветриваемых, просторных фабричных цехах; общество будет заботиться о престарелых, слабых и больных; никто не умрет в одиночестве, и никто не будет поддерживаться благотворительностью; матери будут уверены в том, что их дети накормлены, одеты и о них хорошо заботятся в общественных учреждениях, а не оставляют на милость невежественных деревенских бабок, «фабрик ангелов»[2] или многолюдных улиц фабричных городов[3].

---

[1] *Крупская Н.К.* Женщина-работница. 1901. С. 2–7, 15–18. Поврежденная копия оригинала хранится в Международном Институте Социальной Истории в Амстердаме.

[2] Имеется в виду нелегальный бизнес по содержанию грудных младенцев частными кормилицами за определенную плату, основная цель которых была уморить ребенка голодом, то есть «отправить его к ангелам». Несмотря на то, что подобного рода бизнес преследовался полицией, периодически подобные «фабрики ангелов» возникали в российских городах. Более подробно об этом см.: *Крупская Н.К.* Женщина-работница. 1901. – *Прим. ред.*

[3] *Крупская Н.К.* Женщина-работница. С. 7–10, 19–20.

Сегодня читателю, чья восприимчивость притупилась за семьдесят лет политических и общественных разглагольствований, возможно, будет трудно проникнуться мечтами, содержащимися в этой книге. Однако эту работу следует оценивать с позиции ее современников. С этой точки зрения становится понятным, почему небольшая брошюра Крупской сыграла решающую роль в истории женского социалистического движения. В Европе она заняла бы место в длинном ряду подобных работ; в России же это было единичным достижением. После того как книга была отпечатана за границей в типографии газеты «Искра», она была контрабандным путем переправлена назад в Россию, где широко использовалась для пропаганды среди рабочих и несколько лет (за исключением краткого периода легального появления на свет в 1905 г.) циркулировала в подпольных кругах, подписанная псевдонимом «Саблин». До 1909 г., когда появились «Социальные основы...» Коллонтай, это произведение было единственным марксистским обоснованием женского вопроса в России. Кроме того, она была одной из немногих популярных работ по данной проблеме (небольшого объема, формата, легко читаемая), вплоть до издания в 1914 г. первого русского марксистского журнала, посвященного женщинам. Если посмотреть еще шире, то «Женщина-работница» очевидно была первым революционным призывом к женщинам, написанным русским человеком (и впервые русской женщиной), начиная с 1870-х годов.

Благодаря «Женщине-работнице» Крупской русские социал-демократы начали уделять внимание данной проблеме. Отцы-основатели русского марксизма в своих работах практически не рассматривали ее. В программе «Группы освобождения труда» (1884) говорилось о равном праве голоса для всех граждан вне зависимости от вероисповедания и национальности, но ничего не было сказано о различиях между полами. Вы можете просмотреть работы Плеханова, Дейча, Аксельрода, Засулич, но ничего важного о женщинах не найдете. Частично это объясняется подспудным чувством русских революционеров, что проблема уже «решена» и ниже их достоинства повторять о поддержке женских прав. Однако к началу XX в. пришло время добавить несколько новых деталей. В то время, когда Крупская писала свою брошюру (1899), Ленин предложил добавить к черновику партийной программы, оказавшейся у него в руках, слова «введение полного равенства мужских и женских прав». Это было сделано в 1903 г. на втором съезде партии, последний вариант программы которой призывал к равенству полов в гражданской, политической и образовательной сферах. Кроме того, программа требовала запрета

на труд работниц во вредных отраслях производства, десятинедельного отпуска по беременности, создания при фабриках детских яслей, а также назначения женщин на должность фабричных инспекторов.

После раскола партии на большевиков и меньшевиков такие лидеры, как Ленин, Мартов и Дан, продолжали поддерживать принцип равноправия женщин в рабочем движении. Перекроив старую концепцию «матери-гражданки» на марксистский лад, Дан настаивал на том, что работающая мать должна обладать «пролетарским сознанием», которое она могла бы передать своим сыновьям. В своих отзывах на материалы съезда 1907 г. в Штутгарте Ленин показал себя бескомпромиссным приверженцем идеи политического равноправия женщин и в равной степени бескомпромиссным противником феминистского решения проблемы женских прав[1].

Таким образом, находясь в эмиграции, лидеры большевиков и меньшевиков не обнаружили существенных разногласий по данной проблеме; и победу в России одержали взгляды Клары Цеткин (которая в 1902 г. встретилась с Крупской, а в 1907 г. – с Лениным). На первых порах (до 1912–1913 гг.) партийные лидеры не уделяли внимания практической значимости женского социалистического движения России. В годы революции 1905–1907 гг., когда феминизм продемонстрировал свою силу, эмиграция не имела возможности повседневно контролировать рядовых членов своей партии, у которой к тому же еще не было ясно разработанной тактики политической деятельности среди работниц. «Пролетарское женское движение» возникло в России, управляемое двумя организационными центрами. На первом этапе (1905–1908) его возглавляла Коллонтай и его позиция по вопросу о важности политической работы среди женщин-социалисток характеризовалась резким расхождением с позицией партии, и была более или менее стихийной реакцией на действия феминисток. На втором этапе (1913–1914) оно управлялось из-за границы Инессой Арманд, Крупской и другими, было официальным мероприятием партии большевиков. На основе двух этих дореволюционных течений будет создано коммунистическое женское движение Советской России (1917–1930).

---

[1] О программе группы Освобождения труда см.: *Плеханов Н.Г.* Сочинения. Т. 2. С. 357–362. О вкладе Ленина в разработку программы см.: *Крупская Н.К.* Женщина: Равноправный гражданин СССР. М., 1937. С. 4; Полное собрание подробных программ русских и польских политических партий. С. 99–105. О взглядах Дана см.: *Дан Ф.* Всенародное учредительное собрание. Женева, 1905. С. 20–21; *Мартов Ю.* Что делать Государственной Думе. СПб., 1906. С. 3.

2. На пути к пролетарскому женскому движению

Обычный путь профессиональной революционерки шел от освоения теории к практике или, говоря иными словами, от политики к экономике. Изучив марксистскую литературу, она шла на фабрики, в бараки или рабочие кружки. Для работницы все было наоборот, поэтому ее кругозор расширялся очень медленно. Сначала женский пролетариат был пассивным и пугливым. Эта «мирная часть» пролетариата была крайне дорога сердцу промышленников, но разочаровывала революционеров, которые пытались как-то организовать женщин. С 1890 г. появились новые категории работниц, постоянно растущие численно, которые повернулись в сторону революционной активности. Первые женщины пришли в забастовочное движение с обычными требованиями повышения заработной платы и уважения их человеческого достоинства. По прошествию некоторого времени, сознание работниц выросло настолько, что от узких экономических проблем они поднялись до понимания того, что царь, полиция и управляющие фабриками эксплуатируют «народ». Лишь некоторые пошли по пути стихийного насилия; другие выполняли незначительные поручения «их» партии – социал-демократов. Немногие смогли войти в партию в качестве полноправных членов, но это случилось после длительного периода ученичества у «интеллигенток». Находясь в партии или будучи беспартийной, фабричная работница, ткачиха или вагоновожатая выполняла те поручения политического характера, которые позволяла ее работа. Сам характер ее быта, образования и экономическая ситуация препятствовали тому, чтобы соперничать с профессионалами, которые были более мобильными и, как правило, экономически независимыми. Исключениями являлись Николаева и немногие другие, вышедшие на уровень профессионалов и ставшие выдающимися революционерками, а затем после революции и управленцами.

Константин Тахтарёв оставил яркое описание забастовок, пронесшихся подобно урагану в середине 1890-х гг. по петербургским фабрикам, протянувшихся вдоль берегов Обводного канала и Невы. Однако этим событиям предшествовала забастовка женщин в ноябре 1895 г. на табачной фабрике «Лаферм», находившейся на Васильевском острове. Забастовщицы жаловались на грубое поведение начальства, новые тарифные ставки и платный гардероб. В знак протеста работницы начали бить окна и крушить оборудование. В ответ на это фабричный инспектор вызвал полицию, которая окружила фабрику и стала поливать их

водой из брандспойтов. По свидетельству Мартова, глава петербургской полиции посоветовал бастовавшим женщинам увеличить свой доход, «заработав дополнительные деньги на улице». В целом, в забастовке приняло участие от 800 до 1500 женщин. В конце концов, около 30 зачинщиц были высланы из города, а требования других удовлетворили[1].

Случай на фабрике «Лаферм» был лишь началом. Восхищенные этим событием социал-демократы стали использовать его в качестве примера в своей пропаганде. В 1898 г. подобные действия повторили женщины других табачных предприятий – Саатчи и Мангуби. На этот раз они оказали сопротивление прибывшей полиции – бросали им в глаза табак. Забастовка была подхвачена женщинами шести городов империи. В 1900 г. появилась книга Крупской «Женщина-работница», а «Искра» стала печатать статьи, посвященные условиям труда работниц, с тем, чтобы превратить эти забастовки из экономических в политические. В 1901 г. произошел другой инцидент, который подтвердил растущую солидарность рабочих и работниц. Во время знаменитой Обуховской обороны, началась крупная забастовка за Невской заставой, переросшая в вооруженное столкновение с полицией. Восемнадцатилетняя Марфа Яковлева, работавшая на соседней фабрике, под пулями помогала рабочим – подавала булыжники, перевязывала раны. Став первой женщиной, сражавшейся на улицах, и первой медсестрой пролетарской революции, она могла бы сказать: «Мы стоим за нашими братьями». Вскоре в некоторых южных городах России прошли политические манифестации с участием женщин, которые были разогнаны с применением оружия. Однако, несмотря на рост женской активности, большинство партийных организаций практически не уделяли работницам внимания. В 1900–1905 гг. в марксистских рабочих кружках принимало участие лишь несколько женщин, и это время было временем резкого спада активности работниц. Накануне революции 1905 г. одна большевичка пожаловалась Ленину на то, что среди работниц и жен рабочих царят апатия и неприятие политики[2].

---

[1] *Тахтарёв К.* Очерк петербургского рабочего движения 90-х годов. Лондон, 1902. С. 26–48; Рабочее движение в России в XIX веке: Сборник документов и материалов: В 5 т. М., 1951–1953. Т. 4. С. 18–21; *Мартов Ю.* Записки социал-демократа. Берлин, Т. 1. 1922. С. 276.

[2] Рабочее движение в России в XIX веке. Т. 4. С. 194–197; *Крупская Н.Д.* Пять лет работы в вечерних смоленских классах // Ленинские установки в области культуры. М., 1934. С. 222–239; *Аксельрод И.* Русские революционные партии с 1898 по 1903 год. М., 1906. С. 23–29, 52, 55; Обуховцы. Женева, 1901. С. 23–27.

В начале 1905 г. «Союз русских фабричных рабочих» отца Гапона насчитывал от 200 до 500 женщин, и это несмотря на то, что Союз выступал за неравный уровень оплаты труда мужчин и женщин. Несколько большевичек попытались противостоять «гапоновщине» и удержать рабочих от рокового шествия, но безуспешно. Другие женщины приняли решение идти вместе с процессией и видели кровавую бойню 9 января. «Кровавое воскресенье» – одна из колоссальнейших глупостей, когда-либо совершенных царским правительством, усилило рост политического сознания многих рабочих. Это был момент истины, который лучше всех листовок объяснил ситуацию. Вскоре после этого на нескольких фабриках работниц избрали в комиссию по расследованию трагедии, и когда правительство отказалось вести эту работу, группа разъяренных женщин выразила протест от имени всего женского населения столицы. Продолжавшиеся забастовки, демонстрации и выборы в петербургский Совет вовлекали в политический водоворот все большее количество работниц. Уличные митинги пытались проводить даже кухарки; когда же полиция разогнала их, они направились в баню и там вновь продолжили дискуссии под защитой своей наготы. В Иваново-Вознесенске в крупнейшей из когда-либо проходивших до этого времени забастовке приняло участие около 11 000 ткачих. В московском восстании работницы бок о бок с интеллигентками производили разведку, оказывали медицинскую помощь, строили баррикады и участвовали в боях[1].

На пике забастовочного движения социал-демократы издали шестнадцатистраничную брошюру «Женская доля», демонстрировавшую по их мнению путь превращения невежественной фабричной работницы в сознательную революционерку. Его героиня – Митревна – жалкое создание, которое ютится с четырьмя детьми в тесном подвале и работает на фабрике, где женщины еле сдерживаются, чтобы не плюнуть в морду толстого начальника, лапающего их. Вспыхивает война, затем революция; после всех этих передряг возвращается муж и объясняет ей, что помимо их мрачной жизни есть еще и огромный мир политики и революции. Брошюра настоятельно советовала работницам нести революционное слово дальше («вы, женщины, понимаете друг друга лучше») и заканчивалась традиционным призывом к «борьбе на стороне мужей и братьев». Трудно сказать, скольких женщин подобные призывы

[1] *Сердитова С.* Большевики в борьбе за женские пролетарские массы (1903 – февраль 1917 г.) М., 1959. С. 35; Союз женщин. 1907. Июнь–июль. С. 11; Первый женский календарь. Т. 8. С. 392; *Шишкин В.Н.* Так складывалась революционная мораль: Исторический очерк. М., 1967. С. 282; Женщины города Ленина. Л., 1963. С. 33.

подвигли к участию в забастовках и партийной работе, особенно если учесть, что многие из них не умели читать. Но есть пример простой работницы, изменившейся после прочтения романа Горького «Мать»; или другой пример, когда женщина-работница была вовлечена в революционное движение, благодаря дружеской атмосфере равноправия в рабочем клубе. Однако по прошествии какого-то времени, как мы можем увидеть, все больше и больше работниц оказались под влиянием Слуцкой, Сталь, Коллонтай – факт, возможно, свидетельствующий, что женщины действительно «понимают друг друга лучше»[1].

Все это объясняет, почему после 1905 г. такие женщины-революционерки, как Коллонтай, тратили силы на развертывание движения по привлечению работниц в партию или, по крайней мере, добивались того, чтобы те понимали партийные установки. Потенциал пролетарских активисток был чрезвычайно высок. Однако способы вовлечения женщин в революционное движение были бессистемны, в то время как пропаганда и деятельность феминисток была у всех на слуху и на виду.

Поскольку в последующих событиях ведущую роль будет играть Александра Коллонтай, то здесь необходимо более подробно рассказать о ранних этапах ее жизни. Она родилась в 1872 г. в Петербурге. Ее отец, Михаил Домонтович, был успешно продвигавшимся по службе офицером; а мать – наполовину русская, наполовину финка – дочерью богатого торговца пиломатериалами. Всегда просторные дома семьи Домонтовичей были полны книг и прислуги. Михаил Домонтович отличился во время русско-турецкой войны 1877 г., после чего был назначен в русский штаб в Софии, куда в 1878 г. перебралась вся семья. «Там, – писала Коллонтай несколько лет спустя, – я начала наблюдать и думать. Там стал складываться мой характер». Став свидетельницей того, как группу болгарских партизан вели на казнь, она сказала не свойственные ее возрасту слова: «Когда я сама и все дети партизан вырастут, мы уничтожим все жестокости и глупости взрослых»[2].

---

[1] Женская доля. Женева. 1905(?). С. 14, 16. О воспоминаниях работниц см.: Женщины в революции. М., 1959. С. 122–126; Женщины города Ленина. С. 49–57.

[2] *Иткина А.М.* Революционер, трибун, дипломат: Очерк жизни Александры Михайловны Коллонтай. М., 1964. С. 8–9.

Наиболее полезные автобиографические очерки см.: *Kollontai A.M.* Den första etappen. Stockholm, 1945; *Коллонтай А.М.* Автобиографический очерк // Пролетарская революция. 1921. № 3; *Коллонтай А.М.* Из моей жизни и работы. Одесса, 1921. Как и большинство революционеров, Коллонтай корни своего политического сознания уводила далеко в детство.

В одном из ранних автобиографических очерков Коллонтай рассказывает нам, что в детстве она доставила своей матери немало беспокойства и горя своим решением «жить не как другие». Лелея свой нонконформизм, маленькая девочка «жила в собственном внутреннем мире, закрытом от взрослых»[1]. Александра любила фантазировать о том, что ее белый пудель – это заколдованная злой феей маленькая девочка, и она читала собаке книги, ожидая дня, когда та снова сможет стать человеком. Одиночество Коллонтай и мечты о Добре отразились в ее привязанности к прислуге и бездомной девочке Софии, с которой она подружилась. Однажды юная Шура шокировала родителей тем, что отказалась передать сигареты гостю, известному своими «консервативными» взглядами. Увлеченная «социальным фантазированием», она превращалась в своем воображении то в героиню, спасавшую людей из горящих зданий, то в воина, свергавшего деспотов, то в писательницу, освещавшую путь «народу». В годы учебы смутные юношеские устремления Коллонтай под влиянием ее строгой наставницы Марии Страховой, домашней «нигилистки», приобрели форму модного в то время народнического мировоззрения. К четырнадцати годам Коллонтай уже прочитала Бокля, «Накануне» Тургенева, «Отверженных» Гюго, Жорж Санд, русских радикальных публицистов и Ибсена. Два года спустя, в 1888 г. она сдала гимназические экзамены и получила право на преподавание.

Александра хотела поступить на Бестужевские курсы, однако мать, обеспокоенная их радикальной атмосферой, отказала ей в разрешении. Вместо этого она стала посещать частные курсы, пока в 1891 г. не встретила Владимира Коллонтая – юнкера и сына польского политического ссыльного. Александра уже пережила один юношеский роман, закончившийся самоубийством ее возлюбленного[2]. Однако на этот раз привлеченная оптимистической натурой Коллонтая и аурой политического мученичества, которая окружала его семью, Александра была готова выйти за него замуж. Против брака возражали ее родители, которые, посчитав время лучшим лекарством от любви, отправили дочь за границу. В книжном магазине Берлина Александра наткнулась на экземпляр «Манифеста Коммунистической Партии», который, как она вспоминала впоследствии, способствовал формированию ее мировоззрения. Она также прочла Энгельса, а, находясь в Париже, – лите-

---

[1] *Коллонтай А.М.* Автобиографический очерк. С. 261.

[2] *Kollontai A.M.* Den första etappen. P. 209; *Halvorsen C.* Revolutionens Ambassadør. Copenhagen, 1946. P. 42–43.

ратуру периода Французской революции и социалистов-утопистов. По возвращении в Россию ее родители встревоженные интеллектуальными открытиями своей дочери решили, что из двух зол следует выбрать меньшее, то есть замужество. В 1893 г. Александра, которой шел 21 год, и Владимир поженились.

Некоторое время семья Коллонтай жила в Тифлисе, где родился их сын, после чего они вернулись в Петербург. Быстро устав от домашних хлопот, молодая мать нашла отдушину в добровольной работе в передвижном Музее педагогических пособий[1]. Это забавное предприятие с волшебными фонарями и другими интересными вещами было инициативой учительниц воскресных школ, которые пытались пробудить интерес к знаниям у петербургских рабочих, и было образцом городских «малых дел» псевдорадикалок 1890-х гг. Для Коллонтай оно было трамплином в общественную деятельность, которой занимались такие женщины знатного происхождения, как Елена Стасова, с которой она здесь же и познакомилась. Затем Александра начинает работать в Красном Кресте, помогавшем политическим заключенным и ссыльным. Как она вспоминала впоследствии, дружеские связи, завязавшиеся в этой организации, на время направили ее на путь популизма и даже «терроризма». В 1895 году ее муж был назначен инженером на строительные работы в Нарву, и здесь, из окна гостиницы, Александра Коллонтай увидела поразившие ее сцены рабочей жизни. Когда однажды муж возвратился с работы с двумя билетами в оперетту, она осознала, насколько далеко разошлись их интересы и интеллектуальные дороги. Ее симпатия рабочим усилилась в результате наблюдения за забастовками 1896 г. и чтения марксистских журналов. Она начала оказывать активную помощь забастовщикам. Все это отдалило ее и от дома, и от мужа, и в 1897–1898 гг. она его оставила.

В основе ее решения, помимо всего прочего, лежало и страстное стремление к независимости. «В раннем возрасте, – писала она, – я уже понимала, что совершенно неспособна позволить своей жизни течь в обычном русле, и что я должна перерасти свое собственное «Я», чтобы достичь своего индивидуального жизненного пути». В любом случае, ее брак не мог быть прочным, поскольку она вышла замуж отчасти в знак протеста против воли родителей и от части потому что ей не встретился другой мужчина. Ее собственная мать оставила своего первого мужа и детей для того чтобы выйти замуж за Домонтовича. Однако

---

[1] Страхова М.И. – создательница передвижного музея учебных пособий, бывшего местом сбора петербургских «вольнодумцев». – *Прим. ред.*

Коллонтай не нуждалась в подобных примерах. Она всего лишь хотела быть свободной, чтобы заниматься политикой и не желала обременять себя ничем другим. Есть свидетельство, что на ее решение мог повлиять пример героинь из «Кукольного дома» Ибсена и из «Перчатки» Бьернсона[1]. Однако Нора Ибсена покинула мужа, не зная еще, куда она идет. Коллонтай больше всего походила на Агнессу Петровну, героиню рассказа «Одна из них», написанного ее подругой Татьяной Щепкиной-Куперник, где говорилось о писательнице, которая оставляет своего любимого мужа, потому что брак мешает ее работе и препятствует ее самовыражению. В любом случае поступок Коллонтай связан с традициями русских нигилисток 1860-х гг., и ни он сам, ни его оправдание не были чем-то новым в истории женского вопроса в России. Тем не менее впоследствии он стал лейтмотивом ее работ по женской эмансипации.

Следующие три года она провела главным образом в Европе. Для изучения экономики Коллонтай поступила в Цюрихский университет. Однако к ее разочарованию профессор неуклонно и весьма ощутимо склонялся в сторону правых убеждений, в то время как ее наклонности, предпочтения и связи развивались прямо в противоположном направлении[2]. Во время краткого визита в 1899 г. в Лондон Коллонтай познакомилась с супругами Вебб, но и это знакомство не оправдало ее ожиданий. После этого она полностью посвятила себя марксизму. Она уже была настолько правоверной марксисткой, что на вечере у Стасовых в Петербурге не побоялась подвергнуть критике грозного Петра Струве, бывшего в то время ревизионистом. В 1901 г. она познакомилась с Розой Люксембург, Плехановым и Каутским, все они произвели на нее сильное впечатление. Опубликовав статью о Добролюбове, Коллонтай занялась изучением положения рабочих в Финляндии. В 1903 г., поселившись в Петербурге, она издает «Жизнь финских рабочих» – типичное марксистское исследование «отсталого» общества, которое быстро продвигается по пути капиталистического развития.

Затем Коллонтай встречает своих старых друзей и вовлекается ими в подпольную социалистическую деятельность в Невском районе. В это время она не входит ни в одну партию. В душе, как Коллонтай писала позже, она была с большевиками, но, находясь

---

[1] Например, см.: *Halvorsen C.* Revolutionens Ambassadør P. 75; *Palencia I.* Alexandra Kollontay. N.Y., 1947. P. 31.

[2] Имеется в виду профессор Цюрихского университета, специалист по экономике Генрих Геркнер. – *Прим. ред.*

под влиянием Плеханова, она не могла отречься и от меньшевиков. Во время одной из многочисленных дискуссий между марксистами и сторонниками Ницше, Коллонтай впервые выступила с речью на тему, которая впоследствии станет ключевой во всех ее работах: подчинение индивидуальных интересов коллективным. «Наш лозунг, – заключила она, – не торжество индивидуализма, а победа общественности»[1]. К концу 1904 г. Коллонтай встает на путь радикализма; однако, пока еще ничто не свидетельствует о том, что основным делом ее революционной карьеры станет освобождение женщин.

После революции 1905 г. Коллонтай полностью посвятила себя революционной деятельности. Кровавое Воскресенье, согласно ее собственному рассказу, застало ее «на улицах» вместе с демонстрантами. Между тем яркое описание жертв этого шествия странным образом контрастирует с отсутствием каких-либо подробностей о ее роли в демонстрации, за исключением того, что она шла с рабочими вопреки официальной позиции петербургского комитета социал-демократической партии. Однако ее работа в комитете в следующие месяцы быстро стерла из памяти этот проступок. Она распространяла литературу, поддерживала связи с социал-демократами Финляндии, писала популярные брошюры и выступала в роли казначея комитета. Деньги она добывала при помощи своих связей в обществе. Своим привлекательным и всегда безукоризненным внешним видом она украшала фабричные собрания в рабочих кварталах столицы, на которых она удивительно музыкальным голосом произносила марксистские речи. Это было ее первое появление в той роли, которую она с еще большим размахом сыграет в 1917 г. Впоследствии старый партиец вспоминал, как, услышав ее выступление на университетском собрании, он сразу же вступил в партию. В основном она работала с большевиками и осенью 1905 г. познакомилась с Лениным. Однако несогласие Коллонтай с комитетом по вопросу о роли Советов, которые, по ее мнению, должны быть независимыми от партии, привело к тому, что ее направили в провинцию. Но после резких радикальных речей, произнесенных ею на провинциальных собраниях, ей пришлось в начале 1906 г. опять вернуться в Петербург[2].

---

[1] *Иткина А.М.* Указ. соч. С. 25.

[2] *Коллонтай А.М.* Автобиографический очерк. С. 267–270; *Иткина А.М.* Указ. соч. С. 28. По свидетельству Тырковой, которая лестно описала внешний вид своего политического врага, только Гиппиус могла соперничать с Коллонтай (*Тыркова-Вильямс А.* На путях к свободе. С. 402).

«Женщины, их судьба, занимали меня всю жизнь, – написала Коллонтай впоследствии, – их-то участь толкнула меня к социализму». Между тем ранний период жизни Коллонтай не дает никаких свидетельств для подкрепления данного утверждения. Лишь в 1905–1906 гг. мы видим первое проявление ее интереса к организации работниц. Первым толчком, по-видимому, было учредительное собрание в апреле 1905 г. Союза равноправия женщин, на котором она присутствовала. Не приемля поддержку, оказанную некоторыми социал-демократками и эсерками «кадетским» попыткам создать единое женское движение, воодушевленная «пролетарским морем», которое она слышала с трибуны, Коллонтай в резкой манере высказалась против бесклассового феминизма. Однако она была атакована не только разъяренными феминистками, но и некоторыми своими соратницами. После этого Коллонтай пришла к выводу, что работниц нужно вовлекать в пролетарские организации, а для решения этой задачи необходимо разработать специальный механизм. Таким образом, в ее голове созрела идея о создании пролетарского женского движения, которое противостояло бы попыткам феминисток увлечь работниц в свои ряды. Однако у нее еще не было никакого определенного плана, а события 1905 г. настолько вовлекли ее в партийную работу, что у нее не было возможности заниматься этой проблемой. В начале следующего года Коллонтай расходится с большевиками по вопросу о выборах в Думу и направляет все свои силы на организацию женщин[1].

На первых порах это было очень трудной задачей, так как влияние феминисток неуклонно возрастало. «Общественное мнение было на их стороне, – жаловалась впоследствии Коллонтай, – а общественное мнение создают не рабочие, а интеллигенция». Игнорируя смешанные клубы феминисток и социалисток, Коллонтай начала свою работу с установления прямых контактов с небольшой группы прислуги, ремесленниц и ткачих. Им нечего было дать почитать кроме «Женщины-работницы» Крупской. Поэтому Коллонтай сама разрабатывает некоторые темы по женского вопроса, рассматривая их с марксистских позиций. Осенью 1906 г. во время визита в Финляндию она случайно встретилась с Розой Люксембург, которая посоветовала ей посетить Цеткин. Коллонтай приехала в Германию как раз к началу конференции немецких социалисток в Манхейме. Ее на-

[1] *Коллонтай А.М.* Автобиографический очерк. С. 268; *Она же.* Социальные основы женского вопроса. С. 95, 301; *Иткина А.М.* Указ. соч. С. 31.

блюдения за событиями на конференции и разговоры с Цеткин еще больше убедили Коллонтай в необходимости проведения специальной работы среди работниц. Вернувшись в Россию, она столкнулась с равнодушием и даже враждебностью социал-демократов и революционерок предшествующего поколения, которые усмотрели в ее желании «пагубную тенденцию к феминизму». Это ошибочное, но тем не менее дискредитирующее обвинение будет вплоть до 1930 г. преследовать социалисток. Петербургский комитет неохотно согласился предоставить Коллонтай помещение для собрания; однако, когда она приехала, то обнаружила, что закрытые двери украшены надписью, которая гласила «Собрание только для женщин отменено. Завтра собрание только для мужчин»[1].

Весной 1907 г. Коллонтай сумела найти в Союзе текстильных рабочих, состоявшем в основном из женщин, более широкий круг сторонниц. Под его эгидой, в ответ на кадетские и феминистские собрания, она организовала ряд занятий, замаскированных под популярные лекции о гигиене материнства, об английских женских клубах и т.п. На этих встречах, несмотря на надзор полиции, она достаточно быстро перешла к темам социальной эксплуатации и освобождения. Поэтому, когда Коллонтай ушла слишком далеко от заявленной темы, полиция разогнала собрание. Осенью 1907 г., после посещения международной встречи социалисток в Штутгарте, ее желание создать женскую организацию еще больше усилилось. Однако по возвращении в Россию выяснилось, что правительство перешло в наступление – началась реакция. О крупных собраниях не могло быть и речи; поэтому, позаимствовав идею у феминисток, она организовала легальный женский клуб под названием Общество взаимопомощи работниц. Одной из сотрудниц клуба была пятнадцатилетняя наборщица Клавдия Николаева, которая впоследствии сменила Коллонтай на посту главы организации женщин Советской России. Количество членов достигло 300, но уже к следующей весне солидарность между представительницами интеллигенции и работницами исчезла. Интеллигентки были основательницами клуба и работали в нем в качестве библиотекарей и лекторов. Небольшая группа работниц стала требовать их исключения. Чтобы избежать раскола, Коллонтай сложила с себя полномочия, не оставив нам никакого свидетельства о том, как она оценивала этот конфликт. К этому клубу, который не был партийной организацией, петербургский

[1] *Коллонтай А.М.* Автобиографический очерк. С. 270, 272; *Она же.* К истории движения работниц в России. Харьков, 1920. С. 15–16.

комитет РСДРП относился не иначе, как с презрением. Однако к концу революции 1905–1907 гг. именно социал-демократы преуспели в создании женского движения[1].

Итог этих событий приходится на 1908 г. Услышав о планах феминисток созвать Первый всероссийский съезд женщин, петербургский комитет поручил некоторым своим членам подготовить делегацию на съезд. Возглавлять делегацию должна была большевичка Прасковья Куделли, бывшая народница и бестужевка. И хотя Коллонтай проигнорировали, она, тем не менее, сыграла решающую роль в этом деле. Чтобы идеологически вооружить своих сторонниц, несколько следующих месяцев она провела за написанием своей главной теоретической работы «Социальные основы женского вопроса», которая была напечатана только по окончании съезда. Завершив осенью 1908 г. книгу, Коллонтай приступила к подготовке работниц-делегаток, которые были избраны на съезд через фабричные профсоюзные организации. Чтобы избежать помех со стороны полиции, она маскировала собрания под именины, швейные кружки, беседы о вреде корсетов для здоровья. За два месяца она выступила на пятидесяти двух подобных встречах. Также она посещала собрания феминисток с целью подорвать единство их рядов. После того как она побывала у Философовой, бедная женщина была вынуждена даже окропить святой водой свою квартиру, чтобы изгнать революционный дух Коллонтай из своего дома. К началу съезда ее уже люто ненавидели многие феминистки, одна из которых говорила о ней не иначе как «эта ужасная Коллонтайша»[2].

---

[1] *Коллонтай А.М.* Автобиографический очерк. С. 270–272, 272–275; *Она же.* Социальные основы женского вопроса. С. 426; *Она же.* Три года диктатуры пролетариата. М., 1921. С. 13–14; *Сердитова С.* Большевики в борьбе за женские пролетарские массы (1903 – февраль 1917 г.) М., 1959. С. 56. Воспоминания Николаевой см.: Женщины русской революции. М., 1968. С. 290–303, 566. Из сотни листовок и памфлетов, печатавшихся в 35 большевистских комитетах в период с 1905 по 1907 г., ни одна не обращается непосредственно к работницам, а женский вопрос рассматривается в них весьма поверхностно (Листовки большевистских организаций в первой русской революции, 1905–1907: В 3 т. М., 1956).

[2] *Куделли П.Ф.* Питерские работницы в 1905 году // Коммунистка. 1925. Ноябрь. С. 15–22. О Куделли см.: *Никандрова З.Б.* Наш друг // Ленинградки: Воспоминания, очерки, документы. Л., 1968. С. 52–60; *Баталова Л.* Тетенька (П.Ф.Куделли) // Женщины русской революции / Под ред. Л.П.Зхак, А.М.Иткиной. М., 1968. С. 225–235. О рабочей делегации и роли Коллонтай в ее подготовке см.: Большая Советская Энциклопедия, 1 изд. Т. XXV. С. 232; *Коллонтай А.М.* Автобиографический очерк. С. 267–268; *Иткина А.М.* Указ. соч. С. 34–35. О «Социальных основах женского вопроса» см. Приложение.

Однако состоявшийся в декабре съезд в равной степени свидетельствовал об упадке как женского социалистического, так и феминистского движений. Партийные инструкции, данные рабочей делегации, заключались в том, чтобы требовать создания отдельной «пролетарской секции» (точное значение этого не вполне понятно) и открыто выступать против основной цели съезда – создания единого женского феминистского движения. Возможность установления контактов или какого-либо сотрудничества с широкими слоями женской интеллигенции также отсутствовала. Сами делегатки-работницы, хотя и хорошо подготовленные, были еще молоды и неопытны в подобной деятельности, а их речи были слишком схематичными и произвели блеклое впечатление. Между тем Коллонтай в написанном ею от имени рабочей делегации проекте основной резолюции вполне определенно высказалась за всеобщее избирательное право и включила в нее те пункты, которые соответствовали программе социал-демократов в отношении женщин. И если бы руководительницы феминисток хотели поддержать широкую демократическую платформу, то они могли бы пойти навстречу этим требованиям, несмотря на все демарши рабочей делегации. И то, что они отказались сделать это, привело к уходу рабочих делегаток. Однако моральная победа, одержанная работницами, потускнела из-за трений между большевичками и меньшевичками. Последние решили остаться на съезде, большая часть беспартийных работниц последовала за большевичками. Коллонтай была вынуждена покинуть съезд на несколько дней раньше, чтобы ускользнуть от полиции. В конце декабря она пересекла границу и провела последующие годы в эмиграции. Другие члены рабочей делегации были либо подвергнуты преследованиям, либо арестованы; и крошечное ядро петербургского женского социалистического движения исчезло, не оставив практически и следа[1].

Краткий период возрождения русского социалистического движения женщин в 1912–1914 гг., хотя и не идет в сравнение с бурным ростом всего рабочего движения, тем не менее, заложил основы для политической работы среди женщин-работниц, которая в предыдущие годы была практически сведена к нулю либо из-за реакции, либо из-за равнодушия в самой партии. Начавшись с празднования социалистического Международного жен-

[1] О съезде см. Главу VII, 3. О рабочей делегации см.: Современный мир. 1909. Янв. С. 109–110; Образование. 1909. Февр. С. 32–42; *Коллонтай А.М.* К истории движения работниц в России. С. 19–20; Женщины в революции. М., 1959. С. 88–92. См. также: *Сердитова С.* Большевики в борьбе за женские пролетарские массы (1903 – февраль 1917 г.). С. 62–69; *Иткина А.М.* Указ. соч. С. 36.

ского дня, этот подъем привел к размаху русского женского движения, что позволило впоследствии советским историкам проследить непрерывную связь между этими событиями и большевистским женским движением в 1917 г. Наиболее привлекательными личностями в довоенном движении оказались будущие лидеры коммунистического женского движения: Цеткин и Коллонтай в Международном женском секретариате II Интернационала; а также сложившийся вокруг Ленина круг женщин, из которых наиболее выдающейся была Инесса Арманд.

Вторая конференция женщин-социалисток в 1910 г. была триумфом Клары Цеткин как бесспорного лидера международного социалистического движения женщин. Со времен последней конференции 1907 г., рост женского движения произвел на всех глубокое впечатление, а «ортодоксальная» немецкая позиция по женскому вопросу стала главенствующей. Свою победу Цеткин закрепила резолюцией, называвшей любой вид ограниченной суфражистской кампании «фальсификацией и унижением самого принципа политического равноправия женщин». Затем она предложила праздновать 8 марта как международный женский день социалистического движения – женский вариант праздника Первого Мая. Саму идею и дату ей подсказала демонстрация американских социалисток в Нью-Йорке 8 марта 1908 г., выступавших против буржуазного суфражистского движения Америки. Девиз женского дня звучал как «всеобщее избирательное право», а его целью стало привлечение в свои ряды большего количества работниц и развитие политических талантов женщин, участвовавших в движении. Предложение Цеткин было с воодушевлением поддержано на конференции. Начиная с 1911 г. и до начала первой мировой войны, в крупнейших индустриальных городах Европы ежегодно организовывались шествия и демонстрации, пока воюющие правительства не запретили их в 1915 году[1].

В России Женский день не отмечался до 1913 г. Связь русских женщин с конференцией в Копенгагене, на которой было принято решение о праздновании Международного женского дня, осуществляла Коллонтай – единственная русская, присутствовавшая на конференции в качестве делегатки петербургского текстильного профсоюза. Она была избрана членом Международного секретариата и постоянным автором журнала «Гляйхгайт» (Gleichheit), и, все еще

---

[1] *Коллонтай А.М.* Международные социалистические совещания работниц. М., 1918. С. 29; Коммунистка. 1921. Янв.–февр. С. 1; *Самойлова К.И.* В объединении – залог победы. М., 1921. С. 8–10. Об американских корнях праздника см.: *Lenin V.I.* Women and Society. P. 8.

оставаясь меньшевичкой, написала статью в печатный орган большевиков – газету «Правда», в которой объяснила цель празднования 8 марта. Она также написала о событиях в России Бебелю, и тот ответил ей лестным письмом, в котором назвал русских женщин «авангардом международного женского социалистического движения». Однако в более поздней статье, опубликованной в «Гляйхгайт», Коллонтай писала, что сами работницы приняли решение отмечать Женский день. Тем временем в Москве в 1912 г. на волне возрождающегося пролетарского движения большевички и меньшевички организовали так называемый Третий женский клуб, в который входило около 900 мужчин и женщин. Прежде чем клуб был закрыт полицией, он сумел провести собрание, посвященное Международному женскому дню. В Санкт-Петербурге более широкое празднование было замаскировано под «Научное утро по женскому вопросу», проведенное на Калашниковской бирже. Участница этого собрания А.Н.Григорьева-Алексеева, петербургская ткачиха, работавшая на одной из фабрик Рябушинского оставила воспоминания, в которых она описывает, как она рассказывала о своей жизни фабричной работницы собравшейся толпе женщин и полицейских. Заседание прошло без каких-либо происшествий, хотя полиция, раздраженная далеко не «научным» характером собрания, все-таки произвела несколько арестов. По мнению советских исследователей, попытки проведения подобных собраний предпринимались в Киеве, Самаре и Тифлисе[1].

В «женском вопросе» большевики ограничивались работой на низовом уровне и действовали достаточно спонтанно. Существует не так уж много свидетельств о заинтересованности лидеров партии, проживавших до 1913 г. за границей, в работе среди женщин. Между тем в мае 1912 г. в «Правде» появилась серия статей об эксплуатации женского труда. По мнению старой большевички, именно письма работниц подтолкнули Ленина к созданию для них своего журнала[2], другой источник предполагает, что развертыванию специальной кампании в 1912 г. среди работниц способствовал низкий политический уровень женщин, работавших в страховых комитетах[3]. В любом случае, решение о «специальных» действиях партии в отношении женщин-работниц было принято лишь в

---

[1] *Коллонтай А.М.* Избранные статьи и речи. М., 1972. С. 109–112. О Московском клубе см.: *Сердитова С.* Указ. соч. С. 76–78. О Бочкаревой см.: Женщины в революции. М., 1959. С. 112–116. О праздновании в Петербурге см.: *Григорева-Алексеева А.Н.* Женское утро // Женщины города Ленина. Л., 1963. С. 65–70; Женщины в революции. С. 93–98; *Самойлова К.И.* Указ. соч. С. 11.

[2] *Коваленко Е.Г.* «Правда» учила нас бороться // Женщины города Ленина. С. 61.

[3] БСЭ. 1-е изд. Т. XXV. С. 233.

сентябре 1913 г. на заседании центрального комитета, состоявшегося в Галиции в городе Поронино. Крупская выступила на этом заседании с речью о необходимости организации работниц и жен рабочих, а Ленин предложил издавать журнал «Работница» для освещения этой деятельности. Предполагалось, что редакционный совет должен был состоять из трех женских групп, находящихся в трех разных странах, что впоследствии вызывало определенные неудобства: в Петербурге эту группу составляли сестра Ленина Анна Елизарова и ее помощницы; в Кракове – Крупская и Зиновьева (Лилина); в Париже – Людмила Сталь и Инесса Арманд[1].

Инесса Арманд, известная в западной историографии практически только как близкий друг Ленина, стала впоследствии первым руководителем Женотдела (партийного аппарата советского периода по работе среди женщин), и поэтому так же, как и Коллонтай, может считаться пионеркой советской эмансипации женщин. Она родилась в 1874 г. в Париже в семье французских театральных актеров, однако воспитывалась под Москвой в русско-французской семье промышленников (Арманд), у которых ее тетя работала домашней наставницей. В результате она получила поистине космополитичное образование, и в восемнадцать лет вышла замуж за одного из сыновей Арманд. Она родила ему пятерых детей, четверо из которых стали коммунистами[2].

Значительно раньше, чем Коллонтай, Инесса увлеклась феминизмом. Еще в детстве она впала в депрессию, услышав, что одному ребенку было отказано в крещении, так как он был незаконнорожденным. Впоследствии она была шокирована, узнав, что церковный закон не допускает присутствия ее «нечистого» тела в церкви в течение нескольких недель после родов ребенка. На исходе века Инесса Арманд, все еще оставаясь либералкой, присоединилась к московской благотворительной организации феминисток, помогавших проституткам. Некоторое время она была

---

[1] *Петровский Г.И.* Воспоминания о Надежде Константиновне Крупской. М., 1966. С. 81–86; *Левидова С. М., Павлоцкая С.А.* Надежда Константиновна Крупская. Л., 1962. С. 101–102. О Сталь см.: Женщины русской революции. С. 445– 455, 569.

[2] По-видимому, Арманд не оставила никаких воспоминаний или автобиографии, кроме небольшого очерка, написанного на четырех страницах, который в настоящий момент находится в Центральном Государственном Архиве Октябрьской Революции. Этот очерк использовался Павлом Подляшуком в его книге (*Подляшук П.* Товарищ Инесса: Документальная повесть. М., 1965). Данная книга лучше, нежели слабая работа, которая крутится вокруг рассказа о Ленине и русской революции: *Fréville J.* Une grande figure de la Révolution russe: Inessa Armand. Paris, 1957. См. также биографический очерк, написанный ее дочерью: *Арманд И.* Статьи, речи, письма. М., 1975; *Wolfe B.* Lenin and Inessa Armand // Slavic Review, 1963. March. XXII. 1. P. 96–114.

президентом этого общества, но в конце концов разочаровалась в его ограниченной и малорезультативной деятельности. Таким образом, Инесса была одной из немногих революционерок, вышедших из феминистского движения. Как явствует из одного ее письма, она пришла в ужас, когда в 15 лет прочитала в «Войне и мире», что Наташа Ростова, выйдя замуж, превратилась в «самку». Вместо этого Инесса Арманд решила остаться «человеком»[1].

В 1904 г., устав быть простой «самкой», вынашивающей детей, она влюбилась в своего деверя. По свидетельству советского биографа Арманд, ее отношения с братом мужа, хотя и носили сексуальный характер, «ничем не походили на нередкий в буржуазных семьях адюльтер». Отношения были открытыми и основывались на взаимной любви. Она покинула мужа, хотя официального развода не было («очевидно, из-за детей»), и они расстались друзьями[2]. К этому времени ее рано проявившаяся симпатия к прислуге и крестьянам, злоупотребления властей, революционная литература, а также иконоборческая атмосфера семьи Арманд[3] способствовали превращению Инессы в социалистку. После расставания с мужем, в 1904 г. она вступает в московскую организацию социал-демократической партии и принимает активное участие в декабрьском вооруженном восстании 1905 г. За этим естественно последовали арест, ссылка и эмиграция. В 1908 г. Арманд посетила феминистский съезд женщин, но не принимала в нем активного участия. С Лениным она познакомилась лишь в 1910 г. в Париже. Преподавая в партийной школе Лонжюмо, она вместе с Крупской пришла к мысли о необходимости политической работы среди живущих в Париже русских женщин. Эта идея встретила сопротивление некоторых большевиков, но была поддержана Лениным. Затем семья Ленина уехала в Галицию, а она – в Петербург. Когда они вновь встретились в Кракове (1913), то планы по созданию женского журнала уже были вполне определенными. Для будущего журнала Инесса написала несколько статей о женском труде и избирательных правах, а затем отправилась в поездку по эмигрантской диаспоре, пропагандируя идеи женского равноправия.

Окончательная подготовка издания «Работницы» осуществлялась пятью редакторами в Петербурге. За исключением участницы съезда 1908 г. Куделли, эти большевички были новичками в политической работе среди женщин. Старшая сестра Ленина Анна

---

[1] *Арманд И.* Статьи, речи, письма. М., 1975. С. 247.

[2] *Подляшук П.* Товарищ Инесса. С. 33.

[3] *Бурышкин П.А.* Москва купеческая. Н.-Й., 1954. С. 315; *Арманд И.* Статьи, речи, письма.

Елизарова так же как и ее братья, благодаря народническим идеям была вовлечена в революционную деятельность в 1880-х гг., ее карьера «бестужевки» оборвалась в 1887 г., так как она тоже была замешана в подготовке цареубийства, которое стоило жизни ее брату Александру. Когда Ленин назначил Анну издательницей нового журнала, ей было уже 50 лет. Другими участницами группы были: Конкордия Самойлова (1876–1921) дочь сибирского священника и бывшая бестужевка, вовлеченная в 1898 г. в радикализм как участница «дела Ветровой»; Елена Розмирович (1886–1953), которая впоследствии вышла замуж за Н.В.Крыленко, секретарь думской фракции большевиков; бывшая учительница Людмила Менжинская (1876–1933) увлекшаяся социал-демократическими идеями под влиянием подруги детства Елены Стасовой и ее брата Вячеслава – будущего руководителя ЧК. Все они были представительницами интеллигенции и профессиональными революционерками, действующими подпольщицами и журналистками большевистского печатного органа, – газеты «Правда». В отличие от Коллонтай и Арманд, работу по организации женщин (как и любую другую) они рассматривали просто как новое задание партии, а не как глубоко прочувствованное личное дело. Но это обстоятельство никоим образом не уменьшало их пыл[1].

Прецедент празднования 8 марта в 1913 г. заставил партийный комитет приурочить выход первого номера журнала к празднованию Международного женского дня 23 февраля (8 марта по западному календарю) 1914 г. Полиция неохотно дала разрешение на проведение собраний, но накануне женского дня неожиданно совершила налет на квартиру Куделли, где открыто заседал редакционный совет журнала. Все были арестованы, за исключением Елизаровой, которая опоздала, хотя это было не принято в среде большевиков. Когда арестованных вели к недавно построенной женской тюрьме на Выборгской стороне, один из полицейских задал Самойловой вопрос, который впоследствии она вспоминала с ироническим наслаждением: «Вы что же это, барышни, затеяли собирать у нас всех женщин? Разве вы хотите как женщины в других государствах, суфражистки что-ли, как их там называют, бросать бомбы в начальство?». Тем не менее первое празднование женского дня состоялось на стихийных митингах в пригородах

---

[1] *Стасова Е.* Женщины семьи Ульяновых // М.И.Ульянова. М., 1965. С. 103–109; Женщины русской революции. С. 473–488, 569. О Самойловой см: Женщины в революции. М., 1959. С. 104; *Морозова В.* Рассказы о землячке; Клавидичка; Конкордия. М., 1970. С. 317–541. О Розмирович см.: Женщины русской революции С. 386–397, 567. О Менжинской см.: Женщины русской революции. С. 249–260, 564.

Петербурга, несмотря на арест редакционного совета «Работницы» и еще около 30 женщин (со временем сосланных), некоторые из которых частично оправдали ожидания жандармов, объявив, как и английские суфражетки, семидневную голодовку. Несмотря на все трудности, Елизарова все-таки сумела подпольно издать «Работницу». Среди всех препятствий наиболее опасным и серьезным для движения работниц и его будущего было отношение к журналу со стороны товарищей-мужчин, вопрошавших, зачем нужен отдельный женский журнал, когда на него нет денег[1]?

В период с 23 февраля по 26 июня вышло семь номеров «Работницы», а затем ее публикация была приостановлена. Некоторые из номеров были конфискованы полицией. Журнал содержал статьи по общим вопросам (бебелевская «Женщина», вред феминизма), а также подробные отчеты об условиях работы на фабриках, дурном обращении с женщинами и т.п. Эти же темы поднимались и другими партийными газетами. Специальные выпуски, посвященные Женскому дню, издали «Текстильщик», «Металлург», «Газета портного». В «Северной рабочей газете» и в «Пути Правды» печатались стихи и патетические письма-жалобы, подписанные «металлург Шура», «старая служанка» и «белые рабыни». Конец всей этой гласности пришел с началом войны летом 1914 г. Если судить по количеству работниц, вовлеченных в большевистское женское движение, то результаты этой деятельности покажутся незначительными. В этом отношении, равно как и в организации и координации движения, русские феминистки по-прежнему были далеко впереди социалисток. Однако большевики уже усвоили саму идею и начали разрабатывать методы ее воплощения. Из своей ссылки (в Новгороде) редакторы «Работницы» поддерживали связь с группами работниц в столице. В 1915–1916 гг. не наблюдалось сколько-нибудь значимых празднований Женского дня, однако в бурные дни 1917 г. сам праздник и сохранивший свое старое название журнал вновь возродятся для того, чтобы увлечь политикой петербургских женщин[2].

Когда мы пытаемся дать оценку «пролетарскому женскому движению», картина в лучшем случае получается смешаной. «Большевистский феминизм», как его называли некоторые члены партии,

---

[1] Воспоминания Самойловой и Менжинской см.: Коммунистка. 1921. Янв.–февр. С. 12–15; Женщины русской революции. С. 299; Женщины в революции. С. 108–111.

[2] Работница. СПб., 1914. Были изучены только три номера. О других газетах см.: Из эпохи «Звезды» и «Правды» (1911–1914 гг.) М., 1921. С. 123–125. О последствиях см: *Самойлова К.И.* В объединении – залог победы. С. 14–18. Часть переписки, содержавшейся в «Работнице», см.: *Арманд И.* Статьи, речи, письма. С. 211–217.

12 Заказ 5510

оказался окруженным враждебным отношением и равнодушием в значительно большей степени, нежели его обычный соперник – умеренный феминизм. Рабочие продолжали возмущаться конкуренцией со стороны женщин на рынке труда даже после революции. Лидеры различных марксистских групп практически не были заинтересованы в организации движения женщин. Одни считали это напрасной тратой времени, сил и денег, другие находили в этом ненужный привкус чистого феминизма – движения, к которому презрительно относился любой уважающий себя социалист, будь он мужчина или женщина. В этом вопросе большевики были не хуже и не лучше других социалистов. Действительно, Ленин в гораздо большей степени, чем большинство его коллег по партии, как меньшевиков, так и большевиков, понимал проблемы женщин и симпатизировал им, однако он пришел к этому пониманию достаточно поздно и не придавал женскому вопросу большого значения. Но более негативное значение имело то, что сами радикалки, которые могли бы быть полезными в проведении политической работы среди своих менее просвещенных сестер, в большинстве своем демонстрировали глубокое презрение к «женской» деятельности. Когда Коллонтай попросила Веру Засулич оказать помощь женскому клубу, та ответила, что считает это предприятие бесполезным. Именно против такого отношения и вынуждены были бороться социал-демократки в предреволюционные годы. Как это ни печально, им пришлось вести эту борьбу и после победы большевиков.

3. Будущее семьи

Нарисованную нами картину марксистского учения о женском вопросе следует дополнить беглым обзором предполагаемых в социалистическом будущем сексуальных и семейных отношений. Если политика эмансипации вызвала противостояние и соперничество между феминистками и социалистками, то значительно более глубокий и сложный «сексуальный» вопрос к этому не привел. Ни те, ни другие не уделяли ему большого общественного внимания и не считали его предметом дискуссий. По этому поводу между ними также существовали разногласия, но они не принимали острых и видимых форм. Большую важность имели расхождения психологического и идеологического характера среди самих социалисток. Принимая во внимание те бурные разногласия, которые этот вопрос вызвал в постреволюционной политике, важно изучить их в контексте времени и места их возникновения. При этом необходимо учитывать, что марксистское учение весьма туманно и неоднозначно высказывается о сексе; что использование

исторических примеров и прогнозы на «будущее» зачастую противоречивы; некоторые мысли идеологов марксизма по этому вопросу, приводимые в этом параграфе, тогда еще были не опубликованы, и потому были недоступны творцам революции. Эти обстоятельства помогают объяснить ставящее в тупик использование цитат из работ классиков марксизма обеими полемизировавшими сторонами во время советской сексуальной революции.

Изредка социалисты задавались вопросом, оправданны ли беспорядочные половые связи без любви и брака? Замечания немецких теоретиков не оставляют на этот счет никаких сомнений, несмотря на то что они отрывочны и зачастую опубликованы много лет спустя после написания[1]. Маркс считал любовь (не секс) завершающим этапом формирования личности; а из его писем к жене и заметок 1844 г. о взаимоотношениях между полами ясно, что он нетерпимо относился к случайным будуарным похождениям. Энгельс более определенно противопоставлял просто секс (эрос) – односторонний, легкий, быстротечный – «индивидуальной половой любви» – взаимной, сильной и неизменной. В конце своего известного анализа о происхождении моногамной семьи он предсказывал, что при социализме любовь, «далекая от исчезновения, только еще начнет полностью осознаваться». Тоном, который порадовал бы любую феминистку тех дней, он провозгласил, что тогда и мужчины станут не менее моногамными, чем женщины.

Соглашаясь с Энгельсом, Бебель лишь добавил, что чувственные потребности являются вполне нормальными и не наносят вреда здоровью, но что «чрезмерная сексуальная страсть гораздо более вредна, нежели ее отсутствие». «Человек, – объяснял он, – не зверь: для высшего удовлетворения его самой сильной потребности недостаточно удовлетворения одной только физической стороны; ему необходимо также и духовное единение с тем существом, с которым он вступает в связь». Каутский сохранил эти идеи в качестве официальной партийной догмы: «Социалисты... утверждают, что идеальная любовь, в противоположность сообществу жен и любому сексуальному гнету и *вольности*, будет основанием для супружеских связей в социалистическом содружестве, и что чистая любовь сможет восторжествовать лишь в этой системе»[2].

---

[1] Анализ взглядов Маркса и Энгельса на вопросы секса см.: *Meyer A.G.* Marxism and the Woman's Movement // Women in Russia / Ed. by D.Atkinson, A.Dallin, G.Lapidus. Stanford, 1977.

[2] К.Маркс, Ф.Энгельс и В.И.Ленин о женском вопросе. С. 110–111, 170–174; *Engels F.* The Origin of the Family, Private Property, and the State. Moscow, 1952. P. 126–128, 125, 136, 135; *Бебель А.* Женщина и социализм. М., 1959. С. 150; *Kautsky K.* The Class Struggle (Erfurt Program). Chicago, 1910. P. 27.

Когда мы переходим на русскую почву, то ситуация становится еще более неопределенной. Несомненно Россия позаимствовала умеренные, сугубо деловые взгляды немцев на «сексуальный вопрос» вместе с остальной марксистской теорией, однако они наложились на традицию сексуальной свободы, унаследованную русскими «левыми» от нигилистов, которые в свою очередь были вдохновлены ранним французским социализмом. Результатом явилась зарождавшаяся дихотомия (еще неявная в те годы) между двумя традициями. Трудность в выявлении признаков будущего раскола среди русских частично объясняется уклончивостью тех, кто писал о данном предмете, и частично – малочисленностью подобных авторов: у меньшевиков – это Коллонтай; у большевиков – Ленин и Крупская. Об отсутствии внимания со стороны основных теоретиков социал-демократов к данной проблеме свидетельствует то обстоятельство, что наиболее разработанный план будущей сексуальной культуры вышел из-под пера ныне забытого марксистского экономиста тех дней Андрея Исаева – «Чего ожидать женщине от социализма?».

Скорее всего Коллонтай впервые публично высказала свои взгляды на секс и любовь в своей речи «О семейном вопросе», произнесенной в 1908 г. в Дерптском университете. «Социализм и только социализм, – сказала она, – приведет к полному равноправию и независимости женщин, к государственной заботе о детях и свободе в сфере любви». По свидетельствам очевидцев, речь была восторженно воспринята молодыми людьми; однако краткость и нечеткость отдельных положений речи снизили ее ценность. Когда Коллонтай писала «Социальные основы женского вопроса», она уточнила некоторые положения, но даже и здесь она по-прежнему выражалась достаточно неопределенно. Основная причина этого заключается в том, что автор, решив утвердить новую «классовую» мораль взамен старой, выступила с нападками не только на «буржуазный» брак (что было достаточно легко), но и на всю русскую традицию «свободной любви», которая, с точки зрения Коллонтай была присуща буржуазной интеллигенции и в особенности надменным, самодостаточным, «эмансипированным» женщинам. Многочисленные страницы витиеватых пассажей были посвящены тому, чтобы доказать, что «свободная любовь» не является решением сексуальных проблем рабочего класса. Свободной любви она противопоставила новую «пролетарскую мораль». Коллонтай опиралась на работы Энгельса и Бебеля, которые объявили рабочий класс единственным хранителем чистого сексуального этоса, незапятнанного собственностью, тяжбами и борьбой за наследство. Вторя им, Коллонтай

писала, что жизнь трудящегося мужчины и женщины обеспечивает «более благоприятную почву для выработки [сексуальной] психологии будущего, чем в буржуазной среде»[1]. Так в чем же состояла новая сексуальная жизнь и новая мораль?

В своей работе «Положение рабочего класса в России» (1869) Берви-Флеровский описывал фабричную девушку, которая следовала «первому позыву любви, первому сердцебиению», не ожидая брака. Вдалеке от своих деревень рабочие предпочитали вступать во внебрачные связи, забывая о церкви, законе и находившейся дома супруге. Коллонтай считала эти союзы, основанные на любви, вполне естественными: «сердце не может ждать» законного брака. Она утверждала, что работницы предпочитали внебрачные связи замужеству из-за относительной свободы, которую они предоставляли, и выходили замуж лишь в крайнем случае, возможно, для того чтобы обеспечить своих детей. Девственность при вступлении в брак не была обязательной, и «девушка с прошлым» могла так же легко выйти замуж, как и любая другая. Конечно, при описании этой ситуации Коллонтай идеализировала реальное положение дел. Рисуя же будущее этих союзов (которые должны были быть «чисто нравственными»), она не смогла предложить ничего, существенно отличающегося от традиционного понятия «свободной любви». «Идеал свободной любви, рисующийся воображению борющихся за свою эмансипацию женщин, несомненно, соответствует той норме общения между полами, которую установит коллективное общество». Коллонтай обещала объяснить позднее разницу между пролетарской и буржуазной свободной любовью. Не вызывает сомнения, что ее идеал сексуальной жизни *не означал* беспорядочное получение удовольствия ради него самого, а основывался на глубоком чувстве двух людей, и что промискуитет рабочих по этой схеме имеет своей высшей целью поиск идеального любовного партнера[2].

Хотя Ленин никогда ничего не писал для печати о сексуальном вопросе, он, тем не менее, выразил свои взгляды на данный предмет в двух письмах к Инессе Арманд, написанных в 1915, но опубликованных лишь в 1939 г. В это время Инесса интересовалась проблемой сексуальной морали и хотела написать об этом

---

[1] Речь Коллонтай см.: Союз женщин. 1908. Март. С. 16; *Коллонтай А.М.* Социальные основы женского вопроса. С. 223; *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1952. С. 118–119; *Бебель А.* Женщина и социализм. М., 1959. С. 173–174.

[2] Берви цит. по: *Шишкин В.Н.* Так складывалась революционная мораль: Исторический очерк. М., 1967. С. 49–50; *Коллонтай А.М.* Социальные основы женского вопроса. С. 219.

брошюру, отчасти предназначенную ее юной дочери. В письме, в котором она обращалась к Ленину за советом, она употребила термин «свободная любовь», утверждая, что (цитата приводится из ленинского ответа) «даже мимолетная страсть и связь» «поэтичнее и чище», нежели «поцелуи без любви (пошлых и пошленьких) супругов». Ленин подверг этот тезис критике. В трех случаях он связывал «требование [женщинами] свободы в любви» с буржуазной моралью. Ленин был согласен признать свободу от материальных интересов, от религиозных, общественных и родительских предрассудков, а также от узкобуржуазных представлений о любви, но отнюдь *не* от «серьезности в любви». Ленин не мог понять, почему Инесса противопоставляла мимолетную страсть супружеским поцелуям – «мимолетная» (почему мимолетная?) и «страсть» (почему не любовь?). Он посоветовал противопоставить страсть «пролетарскому гражданскому браку по любви (с добавлением, что и мимолетная связь-страсть может быть грязной, а может быть и чистой)». Судя по этим письмам, Инесса определенно была левее своего кумира в вопросе морали. Между тем она так никогда и не написала этой брошюры и, насколько нам известно, более не причиняла Ленину беспокойств по данной проблеме. Крупская полностью разделяла взгляды мужа и в 1911 г. написала, что «помимо всего прочего, мужчина видит в женщине, и *наоборот*, не только существо противоположного пола, но и *личность*»[1].

В качестве модели будущих отношений между полами большинство марксистов представляли себе не череду любовных похождений, а новую форму «брака» или любовного союза. И хотя употребляемая терминология крайне неточна, тем не менее разница между этими двумя образами жизни вполне ясна. Какую форму должен был принять «брак»? Прежде всего женщина как равноправный член будущего социалистического общества имеет такое же право «выбирать» себе пару, как и мужчина. С этим соглашались все социалисты. Однако подробности брака и свадебной церемонии описываются только в работе Исаева. Автор настаивал на том, что новая социалистическая мораль будет характеризоваться любовью к работе, честными отношениями, гуманизмом, терпимостью, отсутствием жадности, чувством собственного достоинства,

---

[1] Первую публикацию писем см.: Большевик. 1939. № 13. С. 58–62; переиздание см.: К.Маркс, Ф.Энгельс и В.И.Ленин о женском вопросе. С. 179–183. См. также: *Подляшук П.* Товарищ Инесса. С. 161–163; *Крупская Н.К.* Избранные педагогические сочинения. М., 1965. С. 123; *Арманд И.* Статьи, речи, письма. С. 208–209, 230, 238–239, 246–250.

ненавистью к ложному патриотизму, космополитизмом. При этих условиях женщина может свободно сказать: «Я хочу быть вашей женой», и мужчина-социалист, не боясь оскорбить ее достоинство, вполне может отказать ей. Заключение брака не должно быть обременено ни юридическими, ни свадебными формальностями, а должно ограничиваться простым провозглашением этого факта перед лицом нескольких друзей. При желании жена может оставить девичью фамилию – новшество, которое в советском обществе нашло долговременную поддержку[1].

Как же насчет самого брака, характера супружеских отношений и их продолжительности? В 1842 г. Маркс с благоговением говорил о том, что нравственная красота, которая придает естественному инстинкту характер духовного союза, есть *духовная сущность* брака. Энгельс, описывая историю моногамной семьи, осыпал ее насмешками. Наиболее ярким примером его язвительности и в то же время типичным образцом квазибиологической иронии XIX в. служат его слова: «И если строгая моногамия является вершиной всяческой добродетели, то пальма первенства по праву принадлежит ленточной глисте, которая в каждом из своих 50–200 проглоттид, или члеников тела, имеет полный женский и мужской половой аппарат и всю свою жизнь только и делает, что в каждом из этих члеников совокупляется сама с собой». Хорошо известны резкие комментарии Энгельса по поводу современного ему состояния буржуазного брака. Однако в итоге Энгельс признавал, что не существует иной приемлемой модели союза любящих людей, кроме супружеского союза, лишенного капиталистической собственности. Бебель же прямо утверждал, что брак необходимо заключать со всей серьезностью, осознавая все обязательства, вытекающие из него, и с расчетом на его долговечность. А немецкий марксистский справочник (впоследствии переведенный на русский) гласил, что «социализм – и мы это подчеркиваем – не стремится к уничтожению или изменению института брака»[2].

Между тем взгляды на свободу и равенство полов, которых твердо придержались все социалисты, привели к двум вопросам, которые нельзя было обойти: «Должен ли брак (или союз) быть

---

[1] *Бебель А.* Женщина и социализм. М., 1959. С. 546–547; *Исаев А.А.* Чего ожидать женщине от социализма? Штутгарт, 1903. С. 8–10. Его общие взгляды на социалистическую мораль см.: *Исаев А.А.* О социализме наших дней. Штутгардт, 1902. С. 268–309; *Isaieff A.A.* Les Grandes hommes et le milieu social. Paris, 1912.

[2] К.Маркс, Ф.Энгельс и В.И.Ленин о женском вопросе. С. 113; *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. С. 32; *Бебель А.* Женщина и социализм. С. 151–152; Справочная книга социалиста: В 2 т. СПб., 1906. Т. 1. С. 236.

строго моногамным?» и «Возможен ли развод?». Первый вопрос, несомненно, касался проблемы адюльтера. В письмах к Инессе Арманд Ленин решительно заявил, что на измену нельзя смотреть сквозь пальцы (по-видимому, даже при социализме). Детально описывая, как женщина будущего будет получать удовольствие от общения с разными мужчинами, он при этом заметил, что только лишь одному из них доведется насладиться прелестями ее тела. В любом случае, заявлял он, секс не будет играть исключительно большой роли в жизни супружеской пары при социализме, так как ее основная энергия будет направлена на общественную деятельность – ранний набросок теории «революционной сублимации». Коллонтай была более смелой. Она отмечала, что мужей-пролетариев не столь шокирует неверность их жен (а жен, по-видимому, неверность мужей шокирует еще меньше). И все же картина «новой» семейной жизни, нарисованная ею с позиций тех дней, была достаточно расплывчатой[1].

Больше ясности было по вопросу о разводе. Маркс, хотя и не одобрял вольного обращения с браком, признавал, что он, как и дружба, может быть расторгнут и перестанет существовать, когда в нем появится обман. Соглашаясь в принципе с этим мнением, Энгельс в переписке с Карлом и Луизой Каутскими по поводу их развода высказался в пользу этой практики весьма неохотно. Он считал, что в любом случае за сохранение брачных уз большую ответственность несет мужчина, нежели женщина. Бебель рассматривал развод как моральную необходимость, так как полагал неволю в браке без любви величайшей пыткой. Как всегда переполненный оптимизма Исаев утверждал, что количество разводов вскоре сократится, поскольку браки станут более крепкими. Однако он полагал, что всегда должна существовать возможность развода, не только ради не подошедших друг другу супругов, но также ради защиты детей от гибельной атмосферы дома, в котором нет любви. Развод так же, как и сам брак, достаточно просто огласить в присутствии друзей. Коллонтай даже не посчитала нужным провозглашать свободу расторжения брака. Ленин, чтобы исключить любую неясность, в своих неопубликованных комментариях 1916 г. проинформировал читателей, что «сейчас никто не может быть демократом или социалистом без требования полной свободы развода по той причине, что отсутствие этой свободы налагает дополнительное ярмо на уже подчиненный пол, – женщин, хотя совсем не

[1] К.Маркс, Ф.Энгельс и В.И.Ленин о женском вопросе. С. 180; *Исаев А.А.* Чего ожидать женщине от социализма? Штутгардт, 1903. С. 15–17; *Коллонтай А.М.* Социальные основы женского вопроса. С. 222, 216.

трудно понять, что *свобода* покинуть мужа не означает *приглашения* всем женам сделать это!»[1].

Большинство социалистов поддерживали мнение Бебеля о том, что «в буржуазном обществе брак составляет одну сторону сексуальной жизни, а проституция – другую». Взгляды марксистов по этой проблеме расходились. Ярким примером ортодоксальной точки зрения на проблему проституции является мнение Ленина, высказанное им в 1913 г. в статье в «Правде»: «Пока существует подневольный наемный труд, неизбежно будет существовать и проституция». Основными причинами проституции считались нищета и неравенство полов, которые можно ликвидировать лишь посредством уничтожения капитализма. Бебель и Энгельс так же, как и большинство феминисток, выступали против системы медицинского надзора за проститутками, поскольку, по мнению Бебеля, надзор благоприятствует узакониванию и укреплению порока, но при этом не может остановить рост венерических заболеваний.

Коллонтай не могла не согласиться с этим взглядом, хотя она и отмечала, что классовая дифференциация существует даже среди шлюх и что хорошо оплачиваемые проститутки вполне могли избежать медицинского осмотра, дав взятку чиновнику[2]. Однако, несмотря на то что в 1905–1908 гг. Коллонтай и географически, и психологически была ближе к проблеме проституции, нежели давно эмигрировавшие партийные лидеры, она, как и большинство социалистов, практически не уделяла ей внимания. Основанный ею в 1908 г. клуб работниц, хотя и располагался недалеко от района красных фонарей, заботился больше о женщинах, работавших на фабриках Невского района, нежели об обитательницах борделей на Лиговке. До того момента, когда лидеры большевиков непосредственно столкнутся с проблемами проституции – запрещения, регулирования, ростом заболеваний, профилактикой – было еще далеко.

«Как я ем, как я пью, как я сплю и как я одеваюсь, является моим личным делом, мои отношения с лицом противоположного пола также мое личное дело», – написал Бебель в 1879 г. о частном характере сексуальных отношений в будущем. Однако

---

[1] К.Маркс, Ф.Энгельс и В.И.Ленин о женском вопросе. С. 180; Там же. С. 175–176 (письма Энгельса к семье Каутских); *Бебель А.* Женщина и социализм. С. 165, 547; *Исаев А.А.* Чего ожидать женщине от социализма? С. 10–14; К.Маркс, Ф.Энгельс и В.И.Ленин о женском вопросе. С. 178–179. (замечание Ленина, впервые опубликованное в 1924 г.).

[2] *Бебель А.* Женщина и социализм. С. 226; К.Маркс, Ф.Энгельс и В.И.Ленин о женском вопросе. С. 72–73; *Lenin V.I.* On the Emancipation of Women. P. 26–27, 79–80; *Коллонтай А.М.* Социальные основы женского вопроса. С. 160–170, 180–182.

сравним слова Энгельса на ту же тему, написанные пять лет спустя. Новые люди, рожденные и воспитанные при социализме, «будут знать сами, как им поступать, и сами выработают соответственно этому свое общественное мнение о поступках каждого в отдельности, – и точка»[1]. В этом отношении он солидарен с Бебелем. Эти слова Энгельса действительно могли стать основой для создания «общественного мнения» в отношении сексуальной морали будущего. Общественное мнение, говорит Энгельс, будет сформировано на основе сексуального опыта тех, кто никогда прежде не знал отвратительного рыночного мышления буржуазии, оно будет существовать как норма, как критерий, как новая сексуальная мораль, предназначенная для оценки «опыта каждого индивидуума». В противном случае существование общественного мнения не имеет смысла. Однако, помимо вопроса о сути новой морали, возникал следующий вопрос – зачем нужны официальная мораль и «общественное мнение», если они не используется обществом для осуждения тех, кто ее нарушает[2]?

Проблема социального регулирования семьи и роли в ней женщины в качестве матери и домохозяйки имеет свои особенности, хотя ее трудно отделить от сексуальных вопросов, рассмотренных выше. Большинство марксистов неодобрительно смотрели на секс ради секса и считали, что важнейшей функцией секса и любви является рождение детей. Говоря о «материнском долге», Бебель признавал, что иногда у женщины могут быть причины, чтобы избегать его. В будущем, говорил он, регулирование уровня рождаемости будет вполне естественным (!) «без вредного воздержания и без противоестественного употребления предупредительных средств», что приведет к уменьшению числа детей в семьях. Ленин на этот раз тоже был менее аскетичен или, быть может, более реалистичен. Как и все марксисты, он яростно сопротивлялся идее «социального неомальтузианства», согласно которой необходимо постоянно и целенаправленно ограничивать уровень рождаемости, с тем, чтобы количество населения соответствовало количеству продовольствия. Эту позицию Ленин рассматривал просто как стремление к уничтожению декадентской буржуазии и «бесчувственных и эгоистичных мещанских пар». На практическом уровне он требовал «безоговорочного аннулирования всех законов, запрещавших аборты, и распростра-

---

[1] *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. С. 94.

[2] *Бебель А.* Женщина и социализм. С. 574; *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. С. 138.

нение медицинской литературы о контрацептивных средствах», и считал, что все люди имеют на это право[1].

Коллонтай в эти годы практически не уделяла внимания проблеме абортов и контрацепции. Как и другие социалисты, она заботилась о рождении ребенка и об облегчении родов. Исходя из сделанного Эллен Кэй акцента на материнстве (при наличии или отсутствии мужа), Коллонтай в «Социальных основах...» рассматривала данную проблему как основную, как составляющую суть жизни женщины. С другой стороны, Коллонтай настойчиво стремилась к тому, чтобы сделать материнство возможным и необременительным для женщины любого класса, вне зависимости от того замужем она или нет, обращая основное внимание на необходимость выплаты пособий работавшим матерям. Незадолго до войны она написала брошюру «Работница-мать», которая впоследствии стала основой для ее более фундаментального исследования «Общество и материнство» (1915). Со своей обычной язвительностью Коллонтай описала легкую участь буржуазной женщины, готовящейся стать матерью, которую все холят и лелеют. Ей она противопоставила изможденную работницу с высохшей грудью, больную и загруженную работой, которая сразу же после родов вынуждена возвращаться на фабрику, без малейшей надежды на то, что она сможет обеспечить новорожденному ребенку хорошее кормление или надлежащую заботу. Требования Коллонтай представляли собой проект будущей программы Советской России по охране материнства: шестнадцатинедельный оплачиваемый отпуск, общедоступные роддома, создание надлежащих условий работы, перерывы для кормления ребенка[2].

За исключением работ Прудона и представителей его школы, социалистические утопии XIX в. (даже самая ранняя из них «*Ruvarebohni*» 1808 г.) стремились придать семье форму некой коммуны с тем, чтобы освободить женщин от домашней работы для иных занятий. Марксистскую версию данной идеи привел Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства»: «Единичная семья перестает быть экономической ячейкой общества. Частное домашнее хозяйство превращается в общественное производство. Воспитание и образование детей становится общественным делом». До 1890-х гг. большинство немецких

---

[1] *Бебель А.* Женщина и социализм. С. 184, 579; К.Маркс, Ф.Энгельс и В.И.Ленин о женском вопросе. С. 77–79. К написанию в 1913 г. статьи в «Правду» Ленина подтолкнули дискуссии 12-го Съезда Общества русских врачей в память Н.И.Пирогова в Санкт-Петербурге о контроле за уровнем рождаемости.

[2] *Коллонтай А.М.* Социальные основы женского вопроса. С. 197–204, 226–231; *Она же.* Работница-мать. М., 1918.

социалистов (за исключением Бебеля) избегали говорить о деталях будущей общественной жизни, что было реакцией на чрезмерный утопизм их французских предшественников. Однако в 1890-х гг. создание утопий вновь вошло в моду, на этот раз под влиянием технического прогресса. В предисловии к работе Карла Боллода «Взгляд на государство будущего» (1898) Каутский объяснял, что новые утописты пытаются ответить на конкретные вопросы рабочих о грядущем освобождении. Книга Бебеля «Женщина и социализм», первоначально широко распространявшаяся легально, напыщенно вещала о том, что электричество даст возможность поставить процесс приготовления пищи на научную основу (чистить овощи, мыть посуду) и в конечном итоге упразднит кухню – этот загон для женщины-рабыни. Такой же популярностью, как «Женщина и социализм», среди немецких рабочих пользовалась утопия Эдварда Беллами «Оглядываясь назад» (1888), в которой человек, живущий в 2000 г., на вопрос о домашней работе отвечает: «Там нечего делать». Все обеспечивает электричество; женщины свободны для производства и представляют собой «армию», ведомую своей собственной «генеральшей». Однако наиболее законченная картина семейной жизни будущего содержится в книге Лили Браун «Женский труд и домашнее хозяйство» (1901). С ее точки зрения, ячейкой будущего общества будет коммуна из 50–60 семей, проживающих в современном здании, в котором имеются общая прачечная, общая кухня и столовая, где члены коммуны могут принимать пищу или отдыхать, а также другие подсобные помещения и службы. Кроме того, в здании будет и общая игровая комната для всех детей, а руководство всей коммуной будет осуществляться женщиной-директором[1].

Идея совместного проживания не была новой для русских радикалов. Еще в 1840-х гг. русские последователи Фурье и Беклемешева считали более логичным создавать большие кухни с несколькими громадными котлами и небольшим числом поваров вместо 200 отдельных кухонь с 200 котлами и с 200 поварами, обслуживающими небольшую группу людей. В 1890-е гг. работы

---

[1] *M.L.* Une Utopie rare: l'Utopie du Ruvarebohni // Bulletin of the International Institute of Social History in Amsterdam. Leiden, 1937. Vol. 1. P. 22–36; *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. С. 126, 224. О взглядах Энгельса на домашнее хозяйство до 1848 г. см.: К.Маркс, Ф.Энгельс и В.И.Ленин о женском вопросе. С. 88. Предисловие Каутского см.: Atlanticus [Karl Ballod]. Ein blick in den Zukunftstaat: Produktion und Konsum in Sozialstaat. Stuttgart, 1898. P. vii–xiii; *Бебель А.* Женщина и социализм. М., 1959. С. 54–545; *Bellamy E.* Looking Backward: 2000–1887. N.Y., 1888. P. 118–119, 256; *Braun L.* Frauenarbeit und Hauswirtschaft. Berlin, 1891. P. 21–26.

немецких утопистов переводились на русский язык сразу же после их публикации в Германии и активно обсуждались, а книга Беллами была прочитана от Петербурга до Сахалина еще до появления ее перевода. Крупская первая в России отразила, хотя и достаточно поверхностно, новую тенденцию в своей работе «Женщина-работница». Исаев в деталях описал будущие черты нового образа жизни: большинство людей будет жить в коммунах (современных многоквартирных домах) и сообща питаться; некоторые будут продолжать жить отдельно и питаться в столовых; другие, живущие далеко от столовых, будут готовить у себя дома. Однако в любом случае бытовые приборы облегчат домашнюю работу, мужья также будут выполнять домашние обязанности, а женщина во всем будет походить на мужчину, за исключением беременности. Крупская считала, что мальчиков необходимо с детства приучать к ведению домашнего хозяйства. «Обособленные, замкнутые в себе единоличные хозяйства, – писала Коллонтай, – уступают место грандиозным кооперативным предприятиям, где, рядом с общим отоплением и освещением для десятков отдельных семейств, существует и общая кухня, столовая, ресторан». Ревностный поборник электрификации, Ленин провозгласил, что электроэнергия «освободит миллионы «домашних рабынь» от необходимости проводить три четверти своих жизней на зловонных кухнях»[1].

В те дни по вопросу о совместном проживании среди социалистов было гораздо больше согласия, чем впоследствии. Однако один аспект данной проблемы – общественное воспита-

---

[1] Комментарии Беклемешева см.: *Riasanovsky N.V.* Fourierism in Russia: an Estimate of the Petraševcy // American Slavic and East European Review. 1953. XII. 3. P. 289–302. О переводах и дискуссиях западных утопий см.: *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства; *Каутский К.* Социальная реформа на другой день после социальной революции. Ростов-на-Дону, 1905; *Петр Ал.* [Алексинский Г.А.] Наша программа (программа максимум и минимум РСДРП). М., 1906. Автор последней работы за деталями жизни при социализме отсылает читателей к произведениям Бебеля, Каутского, а также: *Morris W.* News From Nowhere. О Лили Браун см.: *Лозинский Е.* О настоящем и будущем женского движения в связи с проблемой целомудрия и задачами материнства. 1903 (1904?). С. 72–78. Свидетельство о популярности в России книги Беллами содержится в письме Чехова к А.С.Суворину от 17 декабря 1890 г.: *Чехов А.П.* Собрание сочинений: В 12 т. М., 1960–1964. Т. 11. С. 473. В 1891 г. появилось два переводных издания работы Беллами, которые носили названия «Будущий век» и «Через сто лет». *Исаев А. А.* Чего ожидать женщине от социализма? С.18–22; *Крупская Н.К.* Избранные педагогические сочинения. С. 448–451; *Коллонтай А.М.* Социальные основы женского вопроса. С. 217. *Lenin V.I.* On the Emancipation of Women. P. 24.

ние детей (это понятие заменялось на «государственное», «коллективное», «общественное») – вызвал более осторожный подход, нежели обобществление котлов и кастрюль. Большинство социалистов одобряли увеличение численности школ, их общедоступный характер и многопрофильное образование, но противились любой идее государственного отчуждения детей. Они одобряли некоторые формы общественного воспитания, хотя редко кто высказывался подробнее по этому вопросу. Мне кажется, имеет смысл более подробно остановиться на взглядах Бебеля и Коллонтай, поскольку они, хотя и не являются противоположными, смотрят на проблему с разных сторон. Бебель, превознося ценность коллективного мировоззрения, воспитываемого у детей в коммуне, тем не менее, считал необходимым учитывать три момента: общественная забота о детях не заменит им родительской нежности; мать должна кормить ребенка грудью столько времени, сколько это необходимо для его эмоционального состояния; только родители должны решать, когда и *стоит ли* вообще вверять ребенка общественному попечению[1].

Коллонтай уделяла особое внимание несколько иным вещам. Молодая семья и еще неопытная мать не в состоянии бороться с эгоизмом и воспитывать истинно пролетарских детей. «В приветливой, гигиенической, морально чистой атмосфере яслей и детских садов, под руководством профессиональных педагогичек и воспитательниц, детвора избавляется от зараженного воздуха современных рабочих кварталов... В этих питомниках подрастающего поколения с первых же годов жизни будут прививаться маленьким формирующимся душам драгоценные задатки солидарности и общественности, привычка смотреть на мир сквозь призму коллектива, а не своего одинокого, эгоистичного “я”».

Что касается буржуазных «мамочек», опасавшихся подобной социализации, то Коллонтай относилась к ним с презрением, в особенности к тем из них, кто отдавал своих детей в руки нянек или в частные дневные ясли, с тем чтобы насладиться свободным временем. Между тем она утверждала, что такие матери (более того, все матери) не имеют профессиональных навыков, необходимых для того, чтобы заботиться о детях надлежащим образом. «Чтобы сшить сапоги, требуется пройти искус ученичества, – писала она, цитируя Цеткин, – а, чтобы руководить такими хрупкими творениями, как души детей, достаточно, будто бы, одного

[1] *Бебель А.* Женщина и социализм. С. 178, 519–521.

материнского инстинкта»[1]. Таким образом, Коллонтай, касаясь сексуальных и семейных проблем, вновь предстает перед нами как сторонница самых левых теоретических подходов в марксизме. И лишь революция покажет нам, что были люди, стоявшие на еще более левых позициях, нежели она.

Мнения, приведенные выше, были собраны буквально по крупицам из относительно небольшого круга источников. В целом русские социалисты нечасто говорили о сексуальном вопросе, что было вполне в духе русского радикализма, исходившего из того, что о данной проблеме уже все сказано, если не Энгельсом и Бебелем, то Чернышевским и Михайловым. По мнению некоторых меньшевиков и большевиков, секс должен был рассматриваться как личное дело, и эту тему не стоит подвергать глубокому философскому осмыслению, как это делали предыдущие поколения. Социал-демократы учили, что женщина должна считаться равной мужчине, и что ее следует называть не «баба» или «тетка», а «товарищ» – и этого достаточно. Эсеры, писавшие об этой проблеме, не предложили ничего нового или заслуживающего внимания. Б.Герман в работе «Биология и социализм», написанной под влиянием Лаврова, предсказывал, что с улучшением условий жизни атрофируется инстинкт защиты детей, а с ним и личная забота матери о ребенке. Вот тогда общественное воспитание и станет счастливым освобождением матери от домашних хлопот. Н.С.Русанов просто утверждал, что секс, как и вера, должен быть личным делом каждого, и считал, что женщины-депутаты в будущей Думе будут отстаивать «нейтралитет» государства в супружеских делах. Возможно, это было самым ошибочным предсказанием по поводу женского вопроса, сделанным в предреволюционные годы[2].

Анархисты о женском вопросе писали очень мало, а сами женщины-анархистки – вообще ничего. Украинская террористка Матрёна Присяжнюк как-то сказала: «Мой идеал – свободное развитие индивидуальной личности в широком смысле этого слова, и свержение рабства во всех его формах». Вот и все, что

[1] *Коллонтай А.М.* Социальные основы женского вопроса. С. 217–218. Социалисты не были единственными, кто выступал за дневные ясли и общественное попечение детей. Об этом см.: *Лухманова Н.А.* Недочеты жизни современной женщины. М., 1904. С. 53. О более общих представлениях Цеткин и Крупской см.: *Zetkin C.* Arbeiterinnen und Frauenfrage der Gegenwart. Berlin, 1889. 23–39; *Крупская Н.К.* Женщина-работница. С.19–20.

[2] Об использовании слова «товарищ» см.: *Шишкин В.Ф.* Так складывалась революционная мораль. М., 1967. С. 271; *Герман Б.* Биология и социализм. Женева, 1904. С. 246–247; *Кудрин Н.* [Русанов] О равноправности женщин. СПб., 1905. С. 24–27.

мы имеем. В 1908 г. последователь Кропоткина И.С.Ветров просто повторил марксистское требование освобождения женщин от «унизительного ига» домашней работы. Эта тема вновь прозвучала в работе Бориса Фроммета «Жизнь при социализме» и в книге братьев Гординых «Союз пяти угнетенных» (обе появились в 1917 г.). При социализме, писал Фроммет, «брак больше не будет тяжким трудом и мучением [для женщин]»; и если так произойдет, то будет легко избавиться от брачных уз. Братья Гордины были более оригинальны и причислили женщин к списку «пяти угнетенных» (рабочие, женщины, молодежь, национальные меньшинства и человеческая личность), а угнетателей они увидели не в капитале или подневольном наемном труде, а в лице «бандитов, насильников, ублюдков, хамов и литературных обольстителей», которые хотят властвовать над женщиной, короче говоря, – в лице сексуального авторитаризма мужчин[1].

Лидеры социалистов, теоретики социализма никогда не проповедовали общность жен или что-либо в этом духе. Вряд ли они были более радикальны в вопросах секса, нежели средний представитель передовой русской интеллигенции. Однако ни в те времена, ни в будущем это не уберегло их от обвинений со стороны священников и консерваторов в разврате. Отец Альбицкий в работе 1908 г., критикующей социализм, решительно заявил, что социалисты учат «свободной любви» (подразумевающей беспорядочные половые отношения) и что большинство из них принимают идею совместного пользования женами и детьми. В марксистской идее о возможном уменьшении количества семей он усмотрел еще одно доказательство того, что сексуальные отношения в будущем государстве будут походить на отношения у животных – «или, лучше сказать, на свинарник». Кузьмин в своей работе «Женщина в освещении социал-демократов» (1907) также назвал социалистов «темными людьми», которые пытались подорвать государство, разрушив семью, отвратив женщин от их возвышенных «естественных» функций, сделав из всех женщин проституток и введя в общество «моральное равенство трущоб». Между прочим, доказательства тому он нашел не в работах марксистов, а в нескольких декадентских романах и рассказах о сексуальной свободе. У Кузьмина укоренилось глубокое отвраще-

[1] Слова, произнесенные Присяжнюк на суде 1908 г. над ней по поводу убийства в Киеве, цит. по: *Avrich P.* The Russian Anarchists. Princeton, 1967. P. 66; *Ветров* [Книжник] *И.С.* Очерк социальной экономии с точки зрения анархического коммунизма. Париж, 1908. С. 15–17. *Фроммет Б.* Жизнь при социализме. Пг., 1917. С. 25–27; *Гордин А.Л., Гордин В.Л.* Речи анархиста. М., 1919. С. 106.

ние к социалистическому мировоззрению в целом, и особенно к присущим этому мировоззрению атеизму и материализму. По мнению этого благочестивого морализатора подобное мировоззрение должно было неизбежно привести к самым примитивным формам сексуального поведения, вне зависимости от того что по этому поводу говорили или же не считали нужным сказать философы-социалисты. Кузьмин, Альбицкий (а были еще и другие) являлись интеллектуальными потомками профессора Цитовича и антинигилистских клеветников 1860-х гг., а также предшественниками антисоветских пропагандистов, которые изображали большевиков сборищем развращенных монстров, верховодящих в оргиях разлагающейся нации[1].

4. Подпольщицы: коллективный портрет

Организованное социал-демократической партией «женское пролетарское движение» было ориентировано на борьбу с феминизмом и воспитание классового сознания у женщин. Переход партии от отрицания к действию можно проследить по ее тактике и символике – от антифеминистских кампаний и партийных совещаний перед Всероссийским женским съездом в 1905–1908 гг. до празднования Женского дня и создания журнала «Работница» в 1912–1914 гг. Рядовыми членами движения были работницы, а руководили им практически одни интеллигентки. Вне рамок этого небольшого движения существовало сообщество женщин-радикалок, которые в основной своей массе ничего не знали о специальной работе, проводимой социал-демократами среди женщин, – или же относились к ней враждебно. Несмотря на то, что иногда позиции этих двух групп совпадали, в основе своей они были различными. В численном отношении собственно радикалки превосходили марксистское женское движение, а если учитывать эсерок, анархисток и социал-демократок, то радикальное крыло было еще и шире, чем марксистское. Более того, радикальные традиции, методы привлечения сторонников и сам этос, уходивший корнями в 1860-е гг., имели русское происхождение в отличие от недавно привнесенного извне марксистского учения о женщинах. Действительно именно эта черта женского движения в России (женский радикализм или «общее дело») резко отличала его от аналогичных

---

[1] *Альбицкий П.* Христианство и социализм. Н. Новгород, 1907. С. 63–73; *Кузьмин С.* Женщина в освещении социал-демократов. СПб., 1907. С. 5; О его реакционных политических взглядах см.: *Кузьмин С.* Народ и власть. СПб., 1907.

в европейских государствах, пролетарские женские движения которых не шли ни в какое сравнение с огромным количеством русских женщин, проводивших значительную часть жизни в подполье.

Новое поколение радикалок по ряду характеристик отличалось от своих предшественниц-народниц. Оно было гораздо более многочисленным, но насколько –трудно сказать, частично из-за проблемы в определении понятия «революционерка». Множество людей достаточно вольно применяли это понятие к себе, власти же охотно наделяли их этим эпитетом. В такой неразберихе было весьма трудно разграничить «истинных» революционерок и представительниц более широкого левого крыла демократической интеллигенции. Однако даже такое более узкое определение, как «женщина, вовлеченная в антиправительственную деятельность, стремившаяся к свержению правительства и признававшая насильственные методы борьбы» – подходит и к социал-демократкам, и к эсеркам, и к анархисткам, численно превосходившим своих предшественниц-популисток. Поскольку в рассматриваемый период революционное движение приобрело, так сказать, национальный характер, то соответственно расширился его географический и этнический охват. Положение революционерок 1905 г. на социальной лестнице было немного ниже положения их предшественниц 1870-х гг.; новое поколение состояло из большего числа женщин из западных пограничных областей России, большего количества евреек, представительниц «среднего класса», а также тонкой прослойки работниц и влившихся в ряды городского пролетариата крестьянок[1]. Ниже дается описание двух групп радикалок, по ряду признаков отличавшихся друг от друга: последовательниц традиции народников, которые влились в движения эсеров и анархистов, и профессиональных социал-демократок.

Партия эсеров была одним из самых причудливых объединений радикалов, которых когда-либо видела Россия и которые постоянно демонстрировали свою революционность. Трудно подсчитать, сколько женщин (или, если на то пошло, мужчин) были по настоящему активными членами этой партии. Большое количество феминисток были эсерками, однако это не означало, что все свои силы они отдавали партии.

[1] *Knight A.* Women in the Russian Revolutionary Movement, 1881–1917 // Women in the Nineteenth Russia.

Эсеркой, к примеру, была Ольга Волькенштейн, но ее журналистским талантом пользовались и феминистки. Любовь Родионова-Клячко создала эсерскую группу и учредила журнал. Но, так же как и в других партиях, у эсеров ведущие позиции занимали мужчины. В соответствии с проведенными Эми Найт подсчетами (включавшими данные по половой принадлежности), на партийных съездах и конференциях 1905–1908 гг. из 196 делегатов с правом голоса 18 (9,2%) были женщины; а из 66 делегатов с совещательным голосом женщин было 8 (12%). Между тем эти показатели выше аналогичных у социал-демократов. В годы становления партии бесспорными лидерами являлись Чернов, Гершуни, братья Гоц и провокатор Азеф[1]. Партия привлекала к себе многих студенток и образованных женщин, а также представительниц высшего класса, которые в западном обществе в большинстве своем были бы либералками. У эсеров не было «фракций» в феминистских организациях, за исключением одной в небольшом петербургском благотворительном обществе под названием «Женская взаимопомощь». В провинции эсерки часто работали в земствах («третий элемент») и выполняли медицинскую, техническую или канцелярскую работу, либо были сельскими учительницами. В 1905 г. эсеры были настолько сильны, что без труда захватили руководство Национальным союзом школьных учителей, который стал единственным вспомогательным органом партии, полностью контролировавшимся женщинами. Во время революционного подъема эсерки ушли из школ и земских контор, чтобы вести пропаганду среди крестьян[2].

Террор первого десятилетия XX в. поставил эсерок, а также нескольких анархисток и большевичек в центр общественного внимания. Его притягательная сила была связана с рядом убийств государственных чиновников, осуществленных социал-революционерами – как мужчинами, так и жен-

---

[1] *Radkey O.* Agrarian Foes of Bolshevism. N.Y., 1958. О съездах см.: *Knight A.* Women in the Russian Revolutionary Movement, 1881–1917.

[2] Некоторое описание деятельности эсеров на местах см.: *Степанов А.Н.* Критика В.И.Лениным программы и тактики эсеров в период нового революционного подъема (1910–1914 гг.) // Большевики в борьбе против мелкобуржуазных партий в России (1910–1920 гг.) М., 1969. С. 28. В 1904 г. Бернард Паре отмечал, что в деревнях школьная учительница «определенно была социалисткой и весьма вероятно марксисткой» (*Pares B.* My Russian Memoirs. London, 1937. P. 65). Если это и так, то после 1905 г. положение изменилось и в этой профессии стали преобладать эсерки.

щинами. Так ветеранка-народница, мать нескольких революционеров, Аверкиева отказалась «говорить» (по тюремному «телефону») с находившимся в соседней камере социал-демократом только потому, что газета «Искра» осудила террор. Одним из первых актов насилия, в котором приняли участие женщины, стало бомбометание группой анархистов в конце 1905 г. в одесском кафе. Одна из схваченных женщин была повешена. У социал-революционеров был несколько иной подход – в июле 1906 г. одна эсерка из «летучего боевого отряда» бросила бомбу в штаб одесского военного округа, а затем застрелилась. К концу 1906 г. в Бутырке содержалось около шести террористок (самой молодой было 18 лет), которые убили или пытались убить правительственных чиновников. Типичной эсеркой-террористкой была деревенская школьная учительница Зина Коноплянникова, которая убила генерала Мина, подавившего московское восстание 1905 г. Встретившаяся с ней в 1903 г. в тюрьме Тыркова вспоминала Коноплянникову как молодую женщину с бунтарским характером, которая тем не менее с нежностью говорила о своей матери-крестьянке, ничего не знавшей о радикальных увлечениях своей дочери, пока ту не повесили в Шлиссельбургской крепости[1].

Тоня Рагозинская двадцати одного года в своей деятельности попыталась превзойти Засулич, игнорируя ее официальное заявление об отказе от террора. Узнав о том, что заключенные подвергаются телесным наказаниям, она пришла в петербургский штаб Охранки с 13 фунтами динамита, спрятанными в одежде, и застрелила тюремщика. К этому ее подтолкнула любовь к человечеству. «Я сделала то, что смогла, – написала она своей семье, – и это придает мне спокойствие и мужество... На этот шаг меня подтолкнул лишь высший долг. Нет, даже не долг, а любовь, великая любовь к человечеству. Ради нее я пожертвовала всем, что имела. Как это прекрасно любить людей. Как много сил придает эта любовь». Бестужевка и большевичка Лидия Стуре помогала отряду боевиков готовить убийство министра юстиции Щегловитова (факт, который частично объясняет ее последующее отношение к проблеме женских прав). Прежде чем ее повесили, она попросила своего отца ежемесячно присылать по

---

[1] Avrich P. The Russian Anarchists. Princeton, 1967. P. 67; Товарищ, 1906. Август, 3. С. 1; Союз женщин. 1907. Ноябрь. С. 10; Steinberg I. Maria Spiridonova, London, 1935. P. 45; Тыркова-Вильямс А. На пути к свободе. н.-й., 1952. с. 142.

10 рублей в стипендиальный фонд Бестужевских курсов. Именно Стуре стала прототипом андреевской Муси из «Рассказа о семи повешенных»[1].

Над всеми этими женщинами возвышается фигура Марии Спиридоновой – происходившей из довольно богатой тамбовской семьи. Она присоединилась к эсерам, когда ей еще не исполнилось и 20 лет, увидев в этой партии воплощение «социальной троицы» – крестьян, рабочих и интеллектуалов. По просьбе местного партийного комитета она разработала план убийства генерала Луженовского, который в 1905 г. руководил карательной экспедицией в губернии. На железнодорожной станции Борисоглебска она выстрелила ему в лицо из револьвера, серебряную копию которого впоследствии преподнесли ей ее поклонники. Разъяренные солдаты протащили ее лицом по каменным ступеням, тушили об ее грудь сигареты, вырывали волосы, били хлыстом и допытывались сколько у нее любовников. После этого истязания она совершенно забыла французский язык. Когда стали известны подробности ее задержания, в русском обществе произошел взрыв общественного негодования и акции протеста докатились даже до Трафальгарской площади в Лондоне. Союз равноправия женщин восхищался ее мужеством. Жертву террористического акта все позабыли. Спиридонова избежала смертной казни и с триумфом, под аплодисменты поклонников, отправилась в сибирскую ссылку. Спустя десять лет она вновь с триумфом проделала тот же путь обратно, оставляя позади себя руины взорванных тюрем[2].

Количество женщин – политических заключенных настолько возросло, что правительство было вынуждено построить на Выборгской стороне новую женскую тюрьму. Была проведена реформа уголовного права. Отныне заключенных женщин не могли заковывать в кандалы – новшество, которое подтолкнуло начальника царского управления тюрьмами объяснять в Думе: «Практика показывает, что женщины, с точки зрения политической преступности, способности и наклонности к побегу, едва ли отличаются от мужчин». К 1908 г. партия эсеров не прекратила свою деятельность, но многих женщин-бойцов уже не было – одни умерли, другие изнывали в тюрьме или в далеком

---

[1] *Steinberg I.* Maria Spiridonova. P. 89; *Idem.* In the Workshop of the Revolution. London, 1955. P. 214–216; Санкт-Петербургские высшие женские (бестужевские) курсы (1878–1918 гг.). С. 63–64.

[2] *Steinberg I.* Maria Spiridonova P. xi–44; *Владимиров В.* Мария Спиридонова. М., 1905.

сибирском поселении. В одном из таких каторжных поселений в Мальцеве Спиридонова и ее товарищи создали «коммуну», в которую входили около 70 сосланных женщин, в основном эсерок и анархисток. Они вместе жили, планировали побеги и читали друг другу вслух, но не Спенсера, Дарвина, Маркса или Лаврова, а Библию, индийскую философию, Паскаля, Ницше, Достоевского, Соловьева, Мережковского и даже Маха и Авенариуса. Члены коммуны вели себя в соответствии с культом нравственной чистоты, настолько возвышенным, что некоторые усмотрели в нем нездоровый дух чрезмерного самокопания. В 1918 г. две женщины, которые много лет провели в этом поселении, пережили драматические моменты своей жизни. Эсерку и убийцу генерала Сахарова Анастасию Биценко не впечатлил культ Мальцевской коммуны; впоследствии она примкнула к большевикам и сильно удивила немецких чиновников, появившись в Брест-Литовске среди мирной делегации как представительница работниц. Другой женщиной была Фейга Ройдман – анархистка, арестованная за изготовление в киевской лаборатории бомб. Ее склонность к политическому убийству на короткий промежуток времени (август 1918 г.) поставит ее в центр внимания всего мира, под именем Фанни Каплан, стрелявшей и ранившей Ленина, которую потом предадут забвению[1].

Женщины были представлены и в первых социал-демократических кружках, которые в 1890-х гг. конкурировали с народниками. В них будущие большевики, меньшевики и «экономисты» работали сообща в свободной и дружеской атмосфере. В кружках процветали революционные романы; а когда начались расколы, то жены, как правило, следовали за мужьями. Типичной парой, вышедшей из этой среды, были Крупская и Ленин. Сестры Невзоровы (врач-стоматолог, учительница и аптекарша) сочетали радикализм с профессиональными знаниями, начав свою политическую карьеру с преподавания необразованным рабочим с марксистских позиций того, что сами знали по антропологии, истории и экономике. От организации крошечных кружков в вечерних смоленских классах они перешли к агитационной работе на фабриках; затем последовали арест, ссылка и эмиграция. Вокруг них группировались более взрослые и осторожные деятельницы, как например Давыдова

[1] Женщины города Ленина. Л., 1963. С. 33. О Мальцевской коммуне см.: *Steinberg I.* Maria Spiridonova. P. 95–99. После перевода в Мальцев Каплан находилась вместе с этими женщинами в тюрьме Акату (Женское дело. 1913. Дек. 15. С. 21–22).

и Калмыкова, выступившие в качестве первых покровительниц легального марксизма[1].

Создание в начале века газеты «Искра» и общероссийской социал-демократической партии привело к появлению нового типа женщины-революционерки, известного как «искровка», – хорошо одетая молодая дама, которая проделывала путь из Польши или Финляндии в Россию, перевозя в своих пышных юбках нелегальные газеты. Самой известной представительницей этого типа была Елена Стасова (1873–1966) – образец «профессиональной» радикалки. Ее дядя был знаменитым музыкальным критиком, а тетя – основательницей русского феминизма. Семейная квартира на Фурштадской улице (недалеко от старого здания американского посольства) была центром культуры, благотворительности и радикализма, взлелеянного матерью Елены, типичной «культурницей» 1890-х гг., и ее отцом, либерально настроенным адвокатом. Отличаясь некоторым мальчишеством и обладая практическим складом характера, Елена некоторое время изучала медицину, а затем преподавала в вечерних смоленских классах в Петербурге. В 1896 г. она стала работать в партии в качестве архивариуса, в 1898 г. стала членом партии, а два года спустя работала уже как агент «Искры», постоянно переезжая из города в город, пересекая границу туда и сюда. Ее воспоминания изобилуют подробностями, описывающими подпольную конспирацию, секретные коды, методы маскировки и контрабанды. Но, что более важно, они раскрывают особенности личности революционерки Стасовой. Здесь мы не встретим ни блестящего ума, ни возвышенных душевных порывов, а только предусмотрительность, аккуратность, исключительную надежность, благоговейное внимание к деталям, тонкую наблюдательность и культ пунктуальности. Она была идеальным агентом, в полной мере заслужившим партийное прозвище Товарищ Абсолют[2].

---

[1] О кружках см.: *Wildman A.* The Making of the Workers' Revolution. Chicago, 1967; *Крупская Н.К.* Пять лет работы в вечерних смоленских классах // Ленинские установки в области культуры. М., 1934. С. 222–239. Краткий очерк о сестрах Невзоровых см.: Женщины русской революции / Ред. Л.П.Жак, А.М.Иткина. М., 1968. С. 271–277; *Knight A.* Women in the Russian Revolutionary Movement, 1881–1917. Давыдова – теща Туган-Барановского и основательница журнала «Мир Божий»; Калмыкова – богатая вдова и пропагандистка, в 1899 г. было уже 50 лет.

[2] *Стасова Е.Д.* Страницы жизни и борьбы. М., 1960. С. 3–44. Другое издание содержит больше деталей о ее жизни, но по сути не добавляет ничего нового к общей картине (*Стасова Е.Д.* Воспоминания. М., 1969); *Исбах А.А.* Товарищ Абсолют. М., 1963; *Левидова С.М., Салита Е.Г.* Елена Дмитриевна Стасова. Л., 1969.

Женщины в партии меньшевиков, как правило, были более интеллектуальными и более умеренными в плане революционного мировоззрения и личных качеств. Среди них было много евреек. Лучший пример – это Ева Бройдо. Она родилась в процветавшей еврейской семье в Виленской губернии, изучала фармакологию и читала Писарева, который, по ее словам, «произвел переворот во всех моих представлениях о жизни». Еще до того, как она стала участвовать в политической деятельности, она почувствовала «озабоченность идеями свободы, ...смутной мечтой об идеальной стране, населенной совершенными мужчинами и женщинами, жаждой знаний, которые укажут путь к лучшему и более славному будущему». В берлинском книжном магазине, торговавшем социал-демократической литературой, она нашла работу Бебеля «Женщина и социализм», которая произвела на нее «огромное впечатление», превратив в социалистку. Впоследствии она перевела эту книгу на русский язык. В Петербурге Бройдо разрывалась между аптекарским делом и нелегальной агитацией на фабриках. Личные связи определили ее выбор между большевиками и меньшевиками (она вышла замуж за меньшевика Марка Бройдо). Она отмечала, что руководство в организации меньшевиков в Баку всегда выбиралось на демократической основе без «диктаторов». В своих воспоминаниях Бройдо предстает перед нами не только как честная и искренняя социалистка, но отчасти и как неуравновешанная личность, подверженная частым обморокам и приступам депрессии, которые иногда приводили ее на грань нервного срыва. Во всем социал-демократическом движении вряд ли можно найти более значительный контраст между личностями, чем различия между нервной и самоотверженной Бройдо и жесткой и самоуверенной Стасовой[1].

События 1905 г. превратили множество образованных женщин во временных «революционерок». Актрисы, учительницы, школьницы и даже балерины (как Павлова и Карсавина) нашли свои причины присоединиться к широкомасштабному забастовочному движению. Это явление было настолько всеобщим, что некоторые современники шутили, что беременные женщины откажутся рожать до тех пор, пока не будет принята конституция. Наиболее активными были студентки, которые в феврале участвовали в забастовках, а в октябре 1905 г. создали пункты первой помощи раненым. Две бестужевки, сами не принадлежавшие ни к одной партии, помогали городской боевой группе большеви-

---

[1] *Broido E.* Memoirs of a Revolutionary. London, 1967. P. 9.

ков готовить вооруженное восстание в Кронштадте. Обе они были расстреляны, несмотря на то что одна из них была беременной. В Иваново-Вознесенске большевичка Ольга Генкина была буквально разорвана черносотенцами на куски, когда ее поймали с чемоданом оружия. Для некоторых большевичек 1905 г. стал испытанием сил. Московскую студентку Варвару Яковлеву вытащили из первомайской демонстрации здоровенные вооруженные мужчины, которые прыгали у нее на груди, что привело к туберкулезу. Двенадцать лет спустя Яковлева стала знаменитостью в петроградском ЧК. Розалия Залкинд (Землячка), дочь богатого киевского еврея-торговца, была «искровкой», занимала ответственные посты в партии большевиков и выполняла трудные задания. Помимо этого она помогала руководить московским восстанием в декабре 1905 г. и осуществлять «чистку» в московской организации после его поражения. То, как она разворачивала трамваи на улицах Москвы, стало маленькой репетицией тех дней, когда она в качестве комиссара в годы Гражданской войны, командовала бронепоездами и военными дивизиями[1].

Профессиональная социал-демократка была экономически независимой и достаточно образованной для того, чтобы посвятить всю жизнь, или, по крайней мере, большую ее часть, революционной деятельности. Революционерка должна была быть свободной, чтобы ехать в командировку для выполнения партийного задания по первому требованию партии. Именно эти черты и отличали ее от радикалок из пролетариата. Можно сказать, что в большинстве своем революционерки были выходцами из «интеллигенции». В рассматриваемый период состав данной группы был еще более разнородным, чем в зените народничества, когда дворянки численно доминировали в нем и играли важную роль. Образовательный уровень нового поколения был по-прежнему высок; и все еще довольно хорошо были представлены «интеллигентные» профессии, требовавшие высшего образования, хотя отчасти уже разбавленные представительницами среднего персонала (акушерками, фармацевтами). По численности еврейки были несомненно на втором месте после русских женщин, но

---

[1] *Karsavina T.* Theatre Street. London, 1930. P. 190–196; *Harcave S.* First Blood. N.Y., 1964. P. 198; Санкт-Петербургские высшие женские (бестужевские) курсы (1878–1918 гг.). С. 54–64; Первый женский календарь. Т. 8. С. 390–391; *Jakowlewa B.N.* Levenslauf einer Bolschewikin. Moscow, 1934. P. 3–20; о Землячке см.: Женщины русской революции. С. 146–157; Bolschewiki in zaristischen Russland: aus Memoirer alter Bolschewiki / Ed. by Bobrowskaja Z. Hamburg, 1932. P. 227; *Schwarz S.* The Russian Revolution of 1905. Chicago, 1967. P. 218.

зачастую они им не уступали пальму первенства в революционном движении[1].

Путь в радикализм начинался с жажды действий и юношеского идеализма. Нет никакого чуда в том, что молодых женщин так влекла к себе революция. Это было общим настроением их поколения. Их путь облегчала традиция равенства полов среди революционеров, и в этом не было никакой разницы между 1870 и 1900 гг. Разница заключалось лишь в степени важности – все, что касалось освободительного движения, казалось более значительным, более героическим и более многообещающим, чем в предыдущем поколении. Кроме того, мужчины и женщины больше контактировали друг с другом в университетах, на работе, в разного рода добровольных организациях. Пример обращения С.И.Гусевым своей невесты из абстрактного народничества в конкретный марксизм был типичен и для других[2]. Ассистентка врача Людмила Громозова в своих показаниях на судебном процессе в 1904 г. рассказала о том, как была вдохновлена рассказами Салтыкова-Щедрина и Успенского и, будучи деревенской учительницей, видела ужасы русского деревенского быта, как почувствовала горькое разочарование в малых делах и приехала в столицу уже сформировавшейся революционеркой. И только здесь она открыла для себя марксизм, который научил ее бороться[3]. Марксизм привлек к себе огромное множество преданных молодых женщин, которые уже были психологически готовы к протесту и видели в марксизме нечто более реальное и заслуживающее уважения, чем туманный романтизм народников. Некоторые из них, обладавшие сильным характером, тяготели к большевизму.

Как и раньше, женщины в революционном движении играли различные роли. Богатые дилетантки жертвовали деньги и устанавливали необходимые контакты благодаря своим связям в обществе. Те, кто был более глубоко предан делу революции, как правило, начинали политическую работу в качестве организаторов и пропагандисток, перейдя в середине 1890-х гг. от узкой деятельности в «кружках» к массовой агитации (этот переход нашел отражение и в изменении подсобной литературы – от таких объемных книг, как «Овод» и «Спартак», к листовкам в одну страницу). Некоторые женщи-

---

[1] См. Главу V, 3; *Knight A.* Women in the Russian Revolutionary Movement, 1881–1917.

[2] Обращение см.: Ленинградки: Воспоминания, очерки, документы. Л., 1968. С. 100.

[3] *Громозова Л.* Речь. Женева, 1904.

ны пропустили эту ступень и стали заниматься налаживанием связей, работая в качестве курьеров и контрабандисток, формируя звенья цепи, которая связывала рабочие центры друг с другом и с эмиграцией. В других случаях они содержали конспиративные квартиры, в которых хранили оружие и литературу. Тем, у кого обнаруживались организаторские способности, партийные лидеры, находившиеся в эмиграции, поручали проводить собрания, передавать указания, производить назначения и смещения с должностей, избавляться от нежелательных лиц и разрабатывать операции. Когда планировались вооруженные выступления (как например в 1905 г.), женщины оказывали медицинскую и материально-техническую помощь, а когда это было необходимо – сражались на баррикадах. Во времена Гражданской войны большевики были вынуждены обратиться именно к этому резерву женских организаторских и военных способностей.

Большинство радикалок выходили замуж за мужчин, придерживавшихся тех же политических убеждений. Такие браки, как например между Сухановым и Флаксерман (меньшевиком и большевичкой), были редкостью. Свадебные церемонии зачастую проходили за решеткой или в Сибири. Ева Бройдо с иронией вспоминает, как на ее свадьбу в каторжном поселении был собран *minyan*[1]. Одна революционерка родила и вырастила сына в тюремной камере; когда их выпустили, пятилетний сын испугался открытого пространства. Дети подпольщиков были вынуждены усваивать особенности нелегального образа жизни, учиться прятать при появлении жандармов изобличающие материалы. Маленькая дочь курьера большевиков Драбкина удивлялась, зачем ее мать вшивала в свой бюстгальтер ртутные капсулы и фитили и почему она, уходя и возвращаясь, казалось, худела и вновь поправлялась. Каково же было ее удивление, когда она узнала, что ее родители, учившие ее всегда говорить правду, постоянно лгали о своих приходах и уходах. Среди радикалок сексуальная распущенность была такой же редкостью, как и измена. И несмотря на то что были такие, как например Инна Смидович, «матросская девица» из Одессы, которая притворялась проституткой для того, чтобы получить доступ в казармы, мы не найдем подтверждений извечной легенде о революционерках, торговавших собой

---

[1] minyan (*евр.*) – минимальное количество совершеннолетних евреев-мужчин (не менее 10 человек), собирающихся для совместного прочтения молитвы. – *Прим. пер.*

в обмен на военную информацию или ради привлечения военных на свою сторону[1].

В конечном счете эти молодые девушки с такими странными подпольными прозвищами, как «Кролик», «Сокол», «Гангстер», «Зверь», хотя и в несколько меньшей степени, чем в предшествующем поколении, были важны для революционного движения[2]. С другой стороны, ответственность за разрабатываемую стратегию и тактику несли мужчины. Кроме психологических преимуществ, которые давало движению присутствие женщин, они являлись еще и важнейшим кадровым резервом, но только лишь в качестве руководителей второго плана. Этот подход наблюдался и в годы Гражданской войны, когда комиссарши стояли почти рядом, но все же на шаг позади военных командиров. Такое положение сохранится в советском обществе и после войны, когда профессионально подготовленная коммунистка играла роль заместителя, помощницы или вице-директора практически во всех общественных сферах.

---

[1] *Broido E.* Memoirs of a Revolutionary. P. 26; *Драбкина Е.Я.* Товарищ Наташа // Ленинградки: Воспоминания, очерки, документы. Л., 1968. С. 97–108; *Емельянов А.Н.* Рассказ о моей матери // Ленинградки: Воспоминания, очерки, документы. С. 70–80. Куприн в одной из своих версий повести «Яма» посчитал целесообразным дать этому образу популярное выражение, рассказав историю «Магды» — дворянки и учительницы музыки, ставшей социалисткой. Для того чтобы понять как себя вести в роли проститутки, она некоторое время провела в публичном доме, а затем отправилась к морякам черноморских портов вести политическую пропаганду. В советском издании, основанном на тексте 1917 г., этот рассказ не был опубликован. О «Яме» см. Главу VI, 2.

[2] Если мы сравним статистические данные Найт с теми немногими, что я привел на 1870-е гг., мы увидим, что в начальный период количество женщин возрастало, а в более поздний – наоборот, спадало. В оба периода количество женщин составляло около 15%. В исполнительном комитете Народной Воли процент женщин достигал 30, но в руководящих органах социал-демократов и эсеров их количество уменьшилось.

Глава IX
ЖЕНЩИНЫ ПРОТИВ ЖЕНЩИН

1. Патриотки и пацифистки

По сравнению с потрясениями 1914–1920 гг. предшествующие годы были самим спокойствием. Первая мировая война, революция и Гражданская война высвободили огромное количество общественных сил, принесли массу социальных потрясений и привели к радикальной перетасовке классов, сословий, избирателей и наций, составлявших Российскую империю. Что касается первого катаклизма (мировой войны 1914–1918 гг.), то необходимо помнить, что первоначально для огромного числа ведущих политиков воюющих сторон она представлялась позитивным событием – удобным случаем, способом освобождения и катализатором для ожидаемых социальных или политических изменений. Уделяя внимание на протяжении многих лет лишь внешним аспектам войны (переговорам, целям, военным кампаниям и победам), мы иногда забываем о том, какое влияние она оказала на различные социальные слои. Как и во всем мире, в России чиновники и партийные лидеры, предприниматели и рабочие, революционеры и национальные меньшинства вне зависимости от нравственной оценки войны видели в ней главный способ продвижения различных требований (национального освобождения, сокращения национальных расходов или же каких-либо личных интересов). «Война как удобный случай» – основная тема социальной истории всех воюющих стран.

Русские интеллигентки поддались эйфории первой волны патриотизма, захлестнувшей Россию. Некоторые из них были не способны устоять против своего рода патриотической глупости, типа той, которая заставила правительство переименовать Санкт-Петербург в Петроград. Еще до начала войны графиня Дитрих из «Союза русских женщин» щеголяла в наряде боярыни, заявляя, что «даже в одежде русская женщина должна быть верной своему отечеству», а обычно благоразумная Карсавина

решила исключить из своего репертуара музыкальные сочинения, написанные специально для нее Рихардом Штраусом. Через неделю после начала войны журнал «Женское дело» задал новый тон, возродив образ римских матрон, отправлявших мужей и сыновей в жерло войны и провозгласив, что русские женщины также будут воевать, но только с «любовью и милосердием». Журнал приобрел новый серьезный характер, а модные пастели начала 1914 г. уступили место строгой обложке, изображавшей великого князя Сергея, призывавшего к войне. Российские женщины продолжали традицию оказания военной медицинской помощи и во время непопулярной русско-японской войны, а некоторые из них добровольно отправились на Балканские войны. Отныне медицинское, сестринское дело стало символом гражданственности для женщин. Даже «избалованные красавицы фешенебельного общества», по определению Мюриел Баченэн, оставили бридж, сплетни, флирт и отправились работать в госпитали. Общий тон был задан женщинами царской семьи, которые взяли на себя почетную обязанность попечительства над отделениями Красного Креста, госпиталями, санитарными поездами, иногда уделяя особое внимание любимым полкам[1].

Некоторые из женщин семьи Романовых пошли еще дальше этого исполненного благих намерений, но в высшей степени личного вида благотворительности. Сестра убийцы Распутина, великая княгиня Мария Павловна отказалась от брака без любви. Двадцатичетырехлетняя, одинокая, растерянная после развода, она стала сестрой милосердия и отправилась на фронт. Война познакомила Марию Павловну с российской жизнью. «Мало-помалу, – вспоминала она, – я расправляла свои крылья и испытывала свою силу; стены, которые так долго ограждали меня от реальности наконец-то пали». На другой стороне политического спектра находилась сестра Ленина Мария Ульянова (1876–1937), бывшая «бестужевка» и давнишняя деятельница партии большевиков. Устав от преследований полиции, она стала военной медсестрой, чтобы снять с себя подозрения. Она служила в санитарном поезде, перевозившим средства санитарии и лекарства для войск. Между Марией Романовой и Марией Ульяновой находилось огромное множество женщин практически из всех слоев

---

[1] О Дитрих см.: *Елец Ю.Л.* Повальное безумие. СПб., 1914. С. 304. О Карсавиной см.: Женское дело. 1914. Сент. 15. С. 26. О первых военных выпусках см.: Женское дело. 1914. Авг. 1. С. 22; Женское дело. 1914. Авг. 15. О сестрах милосердия в 1904 г. и 1912 г. см.: Женский вестник. 1914. Сент. С. 19–22; Женское дело. 1912. Окт. 15. С. 24. О популярности сестер милосердия в обществе и при дворе см.: *Buchanan M.* The Dissolution of an Empire. London, 1932. P. 117–125.

общества, которые служили в качестве сестер милосердия: студентки, врачи, журналистки, писательницы и даже представительницы мира искусства, как например жена и дочери Шаляпина. Многие из них умерли на фронте; некоторые настрадались в немецком плену. Одна из медсестер была настолько предана своему делу, что даже не нашла времени посетить умирающую мать. «Родная, прости, не могу оставить солдат. Им нужны все мои силы». Подобная преданность была подвергнута жестокому испытанию со стороны различных служб, лени и взяточничества, которыми было пропитано военно-медицинское ведомство[1].

В 1915 г. автомобильная служба при Союзе земств открыла водительские курсы для женщин и с удивлением отметила, что женщины несколько уступают мужчинам в практике, но значительно выше их в теории и усердии. Все 58 женщин успешно окончили эти курсы, и отныне женщина-шофер стала вполне обычным явлением на фронте. Одной из них была бывшая бестужевка Е.П.Самсонова, которая в 1912 г. стала первой русской летчицей. Первоначально ее прошение стать военным пилотом было отклонено, и она решила стать медсестрой и шофером. Другой летчице княгине Е.М.Шаховской повезло больше, и она приступила к своим обязанностям сразу же после сдачи экзамена по авиации. Гораздо более многочисленными были женщины-солдаты. Первой стала Анна Красильникова, двадцатилетняя дочь шахтера, которая, не получив разрешения поступить на военную службу, переоделась в мужскую форму. Она приняла участие в 19 сражениях и была награждена крестом Святого Георгия четвертой степени. По ее пути пошли и другие девушки. В большинстве своем они были необразованными и занимали низкое общественное положение. У правительства не было последовательной политики в отношении воевавших женщин. Между тем в русских журналах продолжали появляться новые имена участниц сражений[2].

---

[1] *Princess Marie.* Education of a Princess. N.Y., 1931. P. 229. М.И.Ульянова. М., 1965. С. 7–12; Женское дело. 1914. Сент. 15. С. 25; Дек. 1. С. 3; *Ардашев Н.* Великая война и женщины русские. М., 1915. С. 10. О некомпетентности медицинских служб см.: *Rodzianko M.V.* The Reign of Rasputin. London, 1927. P. 113–117. О примерах дискриминации в отборе добровольцев см.: Очерк деятельности петроградской областной организации Всероссийского союза городов за первый год войны. Пг., 1916. С. 91.

[2] О водительских курсах см.: *Polner T.* Russian Local Government During the War and the Union of Zemstvos. New Haven, 1930. P. 255. О летчицах см.: Женщина и война. 1915. Март. 5. С. 5; *Ардашев Н.* Указ. соч. С. 13. О воевавших женщинах см.: Женщина и война. 1915. Март 5. С. 11, 14; Женский вестник. 1915. Янв. С. 21; Март. С. 73; Апр. С. 94.

Самой известной из женщин-солдат была Мария Бочкарева – основательница женских батальонов в 1917 г. Дочь бывшего крепостного из Новгородской губернии, она начала работать в 8 лет. В 15 лет она была совращена, а ее последующая любовная жизнь послужила материалом для вереницы дешевых фильмов. Избитая одним любовником, преданная другим, проданная в бордель, соблазненная сибирским губернатором, в 25 лет (1914) она очутилась в петле (один из мужей пытался ее повесить). В своих вызывающих доверие воспоминаниях Бочкарева предстает перед нами как наивная, набожная, патриотически настроенная, суеверная, амбициозная и иногда жестокая женщина. К жизни ее вернули новости о войне. «Мной овладел дух жертвоприношения, – вспоминала она, – моя страна позвала меня. Непреодолимая внутренняя сила толкнула меня...» Несмотря на то что внешне мужеподобная Бочкарева вполне могла сойти за мужчину, она все-таки получила разрешение записаться на военную службу как женщина. Презирая сестер милосердия и женщин из других вспомогательных служб, она бросилась в гущу событий и вскоре стала настоящей героиней, награжденной знаками отличия, которая под огнем вражеских пулеметов спасала раненых товарищей. Сочетание чувства отвращения к пораженческим настроениям в среде рядового состава и желания быть замеченной петроградскими политиками привело к тому, что в 1917 г. она покидает фронт, но вскоре опять туда возвращается[1].

В тылу в помощь фронту работало еще большее количество женщин. В 1916 г. Союз земств принял на работу 30 000 женщин, а Союз городов и Красный Крест – 10 000. Женщины преобладали и в московском комитете экстренной помощи беженцам. Рабочие места на ведущих предприятиях и на транспорте, покинутые мужчинами-призывниками, теперь были заняты женщинами. Из 1 250 служащих московских телеграфных станций было 700 женщин. Трамвайные линии, открытые за пять лет до войны, рассматривались как предназначенные «явно не для женщин», пока не наступил 1914 г. Отныне женщины работали кондукторами, билетершами и контролерами. Излюбленный стереотип западных представлений о равноправии женщин при коммунизме – кондукторша в трамвае – был широко распространенным явлением в двух столицах за несколько лет до установления Советской власти. Женщины заменили мобилизованных извозчиков, дворников и сторожей. Количество жен-

---

[1] *Botchkareva M., Levine I.* Yashka: My Life as Peasant, Officer, and Exile. N.Y., 1919. P. 66. Имя «Яшка» заимствовано у одного из ее мужей.

щин в московских конторах возросло до 80%. Безусловно, это явление было характерно не только для России. В воевавших странах феминистки и другие авторы публиковали отчеты о работе женщин в тылу и на фронте[1].

С 28 по 30 апреля 1915 г. в Гааге состоялся Международный конгресс женщин за мир, на котором сразу же бросилось в глаза отсутствие представительниц английского, французского, немецкого и русского феминизма. Женщины постоянно заявляли, что женское политическое равноправие положит конец военным бедствиям, однако доказать это удалось лишь одной из них – Жанетт Ранкин (Jeanette Rankin), которая, будучи первой американкой, избранной в Конгресс, проголосовала против вступления Америки в войну. В 1913 г. пункт о мире входил в программы феминисток наряду с пунктами о нравственной чистоте и трезвости. На съезде Международного женского совета, который состоялся в Риме за несколько месяцев до начала войны, француженка Мари Верон и немка Регина Дейч закончили свои выступления обещанием придерживаться политики мира, а затем пересекли платформу и обнялись под оглушительные аплодисменты. До конца 1914 г. все основные феминистские объединения воюющих сторон дали новое обещание – поддерживать свои правительства. В Англии воинственно настроенные суфражетки превзошли в своем патриотизме умеренных феминисток, когда стали обвинять в трусости тех, кто уклонялся от военного призыва.

В России еще в 1899 г.у Женский комитет Российской лиги мира, который был недолговечным предприятием Шабановой и Философовой, обещал проявить твердость в «гуманном деле» мира. В 1904 г. феминистки в духе своего движения отказались поддержать непопулярную войну с Японией. После боснийского кризиса 1908 г. и последовавшей за ним угрозы войны Тыркова написала статью, в которой обвинила милитаризм со всем его смертоносным вооружением в бессмысленной растрате человеческих мозгов и талантов, в уничтожении жизней, данных женщинами. Чего это стоило, стало ясно лишь в 1912 г. Вера Кирсанова, часто писавшая для «Женского дела», объяснила на его страницах, что хотя женщины и выступают принципиально против войны, они тем не менее должны поддержать славянские

---

[1] Женское дело. 1915. Окт. 1. С. 1–2; Женское дело. 1916. Окт. 15. С. 8–10; Женщина и война. 1915. Март 5. С. 12–14; *Ардашев Н.* Указ. соч. С. 6–15. О похожей деятельности женщин в других странах см.: *Jesse F.T.* The Sword of Deborah. London, 1918; *Harnack A. von.* Der Krieg und die Frauen. Berlin, 1915; *Чуковский К.* Англия накануне победы. Пг., 1916 (1917?); *Быстров А.* Новая женщина // Женское дело. 1916. Февр. 1. С. 8–9.

13 Заказ 5510

государства в войне на Балканах, так как для них война является делом самозащиты[1]!

Когда началась война, Анна Шабанова, лидер Взаимноблаготворительного общества сразу же развернула деятельность по оказанию помощи фронту. Меньше чем за год она установила связи с различными организациями и создала ряд учреждений, для помощи жертвам войны, беженцам, покинутым детям и русским военнопленным. Кроме того, Шабанова сотрудничала с Военно-промышленным комитетом, готовившим женщин для помощи фронту. Наверное, не было такой сферы деятельности, в которой она не принимала бы участие. «Позвольте нам самим доказать, что мы заслуживаем гражданских прав», – сказала женщинам во время войны Милисент Фосетт. Шабанова в своем отчете перед отделом избирательных прав Взаимноблаготворительного общества ясно заявила, что по крайней мере частично ее действия исходят из надежды на то, что они в будущем вознаградятся предоставлением женщинам права голоса. Она заявила также, что благородная и необходимая на данный момент патриотическая деятельность женщин все же отвлекает их от женского дела. В то же время, доказывала она, женщинам не имеет смысла так много делать, если они не могут принимать участие в решении своих собственных проблем, и им не следует ждать ни благодарности, ни автоматического предоставления избирательного права до тех пор, пока они не увяжут свой вклад в дело войны с перспективой получения права голоса[2].

Подобных взглядов придерживалась и руководительница Лиги равноправия женщин Шишкина-Явейн. Патриотическая деятельность этой организации велась параллельно с деятельностью Взаимноблаготворительного общества. В изданном в августе 1915 г. призыве к «дочерям России» говорилось: «Мы, женщины, должны объединиться: и каждая из нас, забыв о личных неудачах и страданиях, должна выйти из узких семейных границ и посвятить свою энергию, ум и знания нашей стране. В этом наш долг перед отечеством, и это даст нам право участво-

---

[1] Женский вестник. 1915. Июль–авг. С. 140–141; *Schreiber A., Mathieson M.* Journey Toward Freedom. Copenhagen, 1955. P. 24–26; Женское дело. 1899. Июнь. С. 69–90; *Шабанова А.Н.* Очерк женского движения в России. СПб., 1912. С. 24; *Тыркова-Вильямс А.* Война // Союз женщин. 1909. Март. С. 1–2; *Кирсанова В.* Идолы и жертвы // Женское дело. 1912. Окт. 29. С. 2.

[2] Отчеты о деятельности Общества регулярно появлялись в «Женском деле»; их полный перечень с подробными финансовыми отчетами находится в «Отчете за 1915 год»: ЦГИАЛ. Ф. 1075. Оп. 2. Д. 53. Речь Шабановой см.: Отчет отдела избирательных прав за 1914 год (ЦГИАЛ. Ф. 1075. Оп. 2. Д. 43. Л. 7–9).

вать в новой жизни победоносной России наравне с мужчинами». Лига призвала к «мобилизации женщин», как это пыталась сделать в Англии Кристабель Панкхерст, то есть развернуть кампанию по привлечению в какую-либо отрасль военной деятельности всех русских женщин. Все это дополнялось постоянными обращениями и петициями в Думу, в особенности в адрес «прогрессистов», которых обвиняли в игнорировании деятельности женщин в военное время. «Неужели действительно возможно, – спрашивалось в одном из обращений, – что русская женщина, сделавшая так много для своей страны, может быть забыта?» Тех же позиций придерживался и журнал Покровской «Женский вестник», выражавший мнение Женской прогрессивной партии. Идея феминистского патриотизма была решительно выражена в первом выпуске нового журнала «Женщина и война», издаваемого москвичкой А.И.Яковлевой. Передовые статьи журнала назвали войну освободительным моментом и благоприятным случаем для женщин. Яковлева предупреждала, что мужчины, не смотря на продемонстрированные женщинами возможности, попытаются отказать им в правах; поэтому женщины впоследствии должны будут держаться за места, полученные во время войны[1].

Феминистки, по-видимому, были единодушны в оказании всесторонней помощи своим странам во время войны в надежде на то, что в результате они получат награду в виде избирательных прав. В январе 1915 г. Шабанова представила в Петроградскую городскую думу внушительный список задач, решенных женщинами с начала войны, а также просьбу о предоставлении женщинам права голоса на городских выборах. Этот перечень впечатлил отцов города, и в принципе они согласились с просьбой Шабановой. Дело оставалось за одобрением Министерством внутренних дел. Лига обратилась и в само министерство. Все феминистские группы продолжали искать расположения думских депутатов, которых они приглашали на свои собрания. Однако на все просьбы о женском избирательном праве (городском, окружном или национальном) правительство отвечало, что подобная мера введена в небольшом количестве стран и что в любом случае нестабильность и неустойчивость российского электората

---

[1] Материалы о деятельности Лиги во время войны можно найти в каждом выпуске «Женского вестника», начиная с сентября 1914 г. О политических целях Лиги см.: Женский вестник. 1915. Авг. 15. С. 1–2; Сент. 1. С. 1–2; Ноябрь. 15. С. 16–17; 1916. Май. 1. С. 16; Дек. 1. С. 14–15. Отчет Российской лиги равноправия женщин за 1914 и 1915 гг. Пг., 1917. С. 32–34; Женщины и война. 1915. Май 1. Мнение Покровской см.: Женский вестник. 1914. Сент. С. 173.

такова, что наделение в данный момент женщин правом голоса приведет к обострению политических противоречий[1].

До Февральской революции феминистки были вынуждены довольствоваться достижениями в сфере образования и занятости, которые были достаточно впечатляющими. Здесь феминистки наконец-то нашли себе сторонника в лице министра просвещения графа Игнатьева. До своей отставки в 1916 г. он расширил для выпускниц возможности преподавания и даже, в ответ на давление со стороны Лиги, предоставил женщинам свободный допуск в университеты, однако только на места, не занятые мужчинами-преподавателями. В то время настолько возросла потребность в инженерах на железнодорожном и водном транспорте, что по ходатайству Министерства путей сообщения Министерство народного просвещения предоставило право выпускницам Женских политехнических курсов работать в качестве полноправных инженеров. Тысячи женщин влились в разного рода добровольные организации; сама Шишкина-Явейн пошла волонтеркой в военный госпиталь. Во время войны меньшевичка Вера Александрова (будущая жена Соломона Шварца) работала на двух рабочих местах – в комитете Военной промышленности и в газете, по ночам посещая университетские курсы, и в одночасье изменила свою жизнь, уехав сестрой милосердия на фронт. Отныне образованная женщина могла оставаться праздной, только если она сама того хотела. Эту мысль журнал «Женское дело» выразил в послании к брошенной жене: сейчас так много работы, что женщине нет необходимости после неудачного замужества с отчаянием ожидать, что принесет будущее. И хотя среди дам высших слоев продолжали наблюдаться праздность и апатия, было ясно, что война дала интеллигенткам, не придерживавшимся радикальных убеждений, такую возможность проявить свои таланты, которой еще не было в русской социальной истории. Интересно, если бы не было революции, то продолжилась ли бы эта тенденция после войны[2]?

Война 1914 г. в еще большей степени раздробила европейское социалистическое движение, которое к тому времени уже значительно различалось по социальной базе, структуре, характеру и теории. В это время на сцене появились шовинисты, оборонцы,

---

[1] О лоббировании и его результатах см.: Женское дело. 1916. Март. 15. С. 11–13; Окт. 15. С. 15; ЦГИАЛ. Ф. 1075. Оп. 2. Д. 45, 48, 52.

[2] Женское дело. 1916. Март 1. С. 17; Сент. 15. С. 16; Первые женщины-инженеры. Л., 1967. С. 22; *Александрова В.* Пережитое. Н.-Й., 1962. С. 5–11. Послание к брошенной жене см.: Женское дело. 1915. Авг. 1. С. 14. Жалобы на растущую праздность женщин см.: Женское дело. 1916. Май 15. С. 15; Окт. 15. С. 8–10.

пораженцы, интернационалисты, «циммервальдцы» различных сортов, торговавшие оптом и в розницу своим идеологическим товаром. Мнение многих социалистов старшего поколения, которые не желали видеть Россию, побежденную прусскими юнкерами, выразила Вера Засулич. Победа Германии, сказала она, лишь ослабит западную демократию и станет угрозой пролетариату. Меньшевички Александрова и Дубнова вспоминают, как в начале военного конфликта их захватила волна патриотического энтузиазма, и как затем эта война вызвала у них отвращение[1]. У находившихся в Европе будущих коммунисток Цеткин, Балабановой и Коллонтай отвращение вызывала не только война, но и националистические настроения многих бывших товарищей. Запланированная на лето в Вене Международная конференция социалисток была отменена, а Международный женский секретариат, лишенный руководства из-за тяжелой болезни Цеткин, находился в смятении. Создавшийся вакуум заполнил Ленин и группа женщин, основавших годом раньше журнал «Работница». Предвосхищая более известные конференции, которые пройдут в Циммервальде и Кинтале, он предложил Арманд и Крупской созвать Международную конференцию социалисток в Берне с тем, чтобы склонить женщин на свою сторону антивоенной пропагандой. Это положило начало так называемому «циммервальдскому движению».

Арманд и Крупская хотели пригласить лишь левых социалисток, которые вполне определенно выступали против войны, но поскольку организационную работу они предложили Цеткин, то последняя настояла на более широком составе участниц, чтобы произвести впечатление на общественное мнение. В подготовке конференции Цеткин помогала русско-итальянская социалистка Анжелика Балабанова. Открытие конференции состоялось в Берне 26 марта 1915 г. В ее работе приняли участие более двадцати делегаток из четырех основных воюющих стран и несколько из более мелких нейтральных государств. В этом отношении конференция вряд ли оправдала ожидания ее организаторов. Ход ее работы был неровным, но результаты вполне очевидны. Было сформулировано три основные позиции в отношении войны. Российская делегация (четыре большевички и две меньшевички) во главе с Арманд и Крупской, управляемая из близлежащего кафе Лениным, высказалась за

[1] *Засулич В.* О войне // Самозащита: марксистский сборник. Пг., 1916. Т. 1. С. 1–3; *Александрова В.* Пережитое. Н.-Й., 1962. С. 5–17; *Дубнова-Эрлих С.* Общественный облик журнала «Летопись». Н.-Й., 1963. С. 4.

безоговорочное осуждение войны и выступила с призывом ко всем рабочим поднять революционную борьбу против своих правительств. Умеренная английская делегация предпочла просто осудить войну без каких-либо призывов к политическим действиям. Больная Цеткин, стремившаяся к единому мнению, просила Ленина пойти на компромисс. В результате по ее инициативе была принята бессодержательная антивоенная резолюция, вызвавшая насмешку у Ленина, который потребовал принятия своего варианта. Заключительные слова резолюции принадлежали русским женщинам: «Мы отвергаем ее на том основании, что она не является завершенной и достаточной, но мы не исключаем будущего сотрудничества...»[1]

Однако основная цель конференции – сделать видимой женскую оппозицию войне – отчасти была достигнута. Луиза Сомоню (руководительница «Комитета действия социалисток за мир и против шовинизма»), возвратившись с конференции, начала антивоенную пропаганду и была арестована; впоследствии она стала коммунисткой. Ее русская подруга Серафима Гопнер распространяла пацифистские листовки среди эмигрантов из России, воюющих во французской армии. Созданное после бернской конференции левыми социалистками, выступавшими против войны, «циммервальдское движение» попыталось вовлечь женщин в свою орбиту. В наброске листовки 1916 г. «От французских женщин немецким женщинам» говорилось о «содружестве скорби», объединившим две нации, и содержалось страстное воззвание к женщинам Германии объединиться с француженками, чтобы положить конец этой войне. В свою очередь, Клара Цеткин в листовке «Женщины рабочего народа, где ваши мужья? где ваши сыновья?» противопоставила международный заговор капитала международному сообществу рабочих и работниц. Весной 1915 г. немецкие женщины устроили демонстрацию перед рейхстагом, а в следующем году волна беспорядков и забастовок прокатилась по Австрии и Франции. Итальянские пацифистки еще до того, как их страна вступила в войну, продемонстрировали свое отрица-

[1] *Левидова С.М., Павлоцкая С.А.* Надежда Константиновна Крупская. Л., 1962. С. 108–109; *Fréville J.* Une grande figure de la Révolution russe: Inessa Armand. Paris, 1957. P. 85–94; *Подляшук П.* Товарищ Инесса. С. 137–144; *Balabanoff A.* Impressions of Lenin. Ann Arbor, 1964. P. xv, 40–41; *Балабанова А.* Из личных воспоминаний циммервальдца. М., 1925. С. 47–54; *Темкин Я.Г.* Циммервальд–Киенталь. М., 22–23. Резолюцию Ленина см.: К.Маркс, Ф.Энгельс и В.И.Ленин о женском вопросе. С. 81–84. См. также: *Арманд И.* Статьи, речи, письма. М., 1975. С. 220–229. .

тельное отношение к этому намерению, улегшись на железнодорожные пути[1].

Среди русских женщин наиболее решительно антивоенную пропаганду вела Коллонтай. Объявление войны застало ее в Берлине, однако она сразу же направилась в Швецию, где и была арестована за социалистическую антивоенную агитацию. После освобождения из-под ареста (и «изгнания навеки» из Швеции), она уехала в Данию, но там также подвергалась преследованиям полиции и переехала в Норвегию. Несмотря на то что Коллонтай являлась членом Международного женского секретариата и ярой противницей войны, она не смогла присутствовать на конференции в Берне. Биография Коллонтай в достаточно полной мере объясняет ее обращение к большевизму. Помимо всего прочего, сыграли свою роль и ее неприязнь к европейским социал-демократам, и отчуждение, и разорванные дружеские связи, и призывы Ленина. К середине 1915 г. она уже была убежденной левой «циммервальдкой» и ленинцем. Благодаря своим связям и знанию языков она стала поверенным Ленина в Скандинавии, привезла скандинавскую делегацию на конференцию в Циммервальд и распространяла ленинские идеи по всей Норвегии и Швеции. В конце 1915 – начале 1916 г. она по приглашению группы социалисток-эмигранток совершила поездку по 80 американским городам, где на четырех языках произносила речи, яростно осуждавшие войну. Ее нападки на оборонцев были настолько едкими, что некоторые сочли ее немецким агентом. По возвращению Коллонтай сделала ряд замечаний в адрес американского феминизма, продемонстрировавших ее враждебность по отношению к буржуазным женским движениям[2].

Высказывания Коллонтай по поводу войны апеллировали скорее к эмоциям, чем к разуму. Двумя годами раньше, в Базеле, она верила в международную солидарность рабочего класса и его неотступную враждебность к войне; в 1914 г. она была готова признать, что правящие классы знают гораздо лучше, чем социалисты,

---

[1] Die Zimmerwalder Bewegung: Protokolle und Korrespondenz: In 2 vols. / Ed. by H. Lademacher. The Hague, 1967. Vol. 2. P. 99; Женщины русской революции. С. 92–97. Листовки («Des femme françaises aux femmes allemandes», «Frauen des Arbeitenden Volkes! Wo sind eure Männer? Wo sind eure Söhne?») находятся в архиве Роберта Гримма в Международном институте социальной истории в Амстердаме. Перепечатку последней листовки см.: Die Zimmerwalder Bewegung: Protokolle und Korrespondenz. Vol. 2. P. 59–61. Об антивоенных женских демонстрациях см.: *Коллонтай А.М.* Положение женщины в эволюции хозяйства. М., 1922. С. 136; *Арманд И.* Статьи, речи, письма. С. 31–33.

[2] *Петров Г.Д.* А.М.Коллонтай в годы Первой мировой войны // История СССР. 1968. № 3. С. 83–97.

насколько глубоко рабочие подвержены национализму, воспитанному семьей, школой, церковью и прессой. В противовес эйфории феминисток Коллонтай чувствовала разочарование и отчаяние по поводу раздробленности международного пролетариата, уничтожения производительных сил и человеческих жизней. «Нам нужны эти жизни, – говорила она, – чтобы создать ту армию, которая будет вести борьбу против империализма и капитализма». Вся испытанная Коллонтай горечь и жгучая ненависть к воюющим правительствам вылилась в ее главный антивоенный памфлет «Кому нужна война?», который заканчивался словами: «Наш враг в тылу». Это уже был традиционный ленинизм. Понятный всем язык и доступные темы жадности капиталистов и пролитой крови пролетариата привели к быстрому распространению памфлета. А его второе нелегальное издание в Петрограде в 1916 г. имело широкое хождение в столице[1].

Насколько большое влияние оказала антивоенная пропаганда на женщин в самой России? На интеллигенток очевидно незначительное. Даже чувствительные к такого рода вещам столичные студентки были полностью очарованы патриотизмом, а не большевизмом. Даже историки-коммунисты признают, что большинство бестужевок поддерживали войну, вторя феминисткам в патриотических речах и далеко превосходя их в делах. В Международный женский день 1916 г. группа студенток-большевичек расклеила прокламацию петроградского партийного комитета, в которой говорилось: «Товарищи работницы! Сегодня день нашей солидарности, день, когда женщина-работница, порвав свою вековую цепь покорности, рабства и унижения, гордо встала в ряды международного пролетариата для борьбы с общим врагом – капиталом. Женщины-работницы! Наших сыновей правительство послало на распятие капиталу, так стройте же свои организации, сплачивайтесь на фабриках и в мастерских, в конторах и за прилавками, и первый наш мощный крик бросим в лицо ненасытному капиталу: «Довольно крови! Долой войну! На всенародный суд преступное самодержавное правительство!»» Поддерживавшие войну бестужевки сорвали прокламацию, а когда она была вновь расклеена – опять сорвали. Год спустя студентки-большевички на стихийном митинге против войны смогли собрать 385 голосов, однако на следующий день патриотки ответили сбором 1 000 подписей в поддержку войны. Между тем несколько сотен верных последовательниц большевиков отдали партии все

---

[1] *Коллонтай А.М.* Избранные статьи и речи. С. 132; *Она же.* Кому нужна война? Хельсинки, 1917; *Иткина А.М.* Революционер, трибун, дипломат. С. 67–68.

свои силы и способности и встали на смену арестованным в начале войны профессиональным революционеркам. В 1917 г. их политические и медицинские навыки сослужили хорошую службу[1].

Что касается работниц, то это уже совершенно другая история. Во время войны их количество значительно увеличилось. Массовый призыв на военную службу в 1914–1917 гг. снизил количество мужчин в промышленности, подчиненной фабричной инспекции, на 12, 6%, в то время, как количество работающих женщин в тот же период возросло на 38,8%. В начале войны женщины составляли треть от всей рабочей силы, а в 1917 г. – практически половину. Летом 1915 г. Комитет военной промышленности принял резолюцию, призывавшую к «устранению на время войны ограничений, наложенных промышленным уставом в отношении женского и подросткового труда до той степени, которая не наносит ущерб их здоровью». Эта мера открыла массе женщин путь в те сферы производства, в которых раньше их присутствие было ограничено. Количество женщин в металлургической, шахтерской и лесодобывающей отраслях достигло астрономических размеров, на множестве текстильных фабрик и даже в целых фабричных поселках отныне остались почти что одни женщины. В 1916 г. в одном Петрограде было 50 000 работниц. Однако в целом их экономическое положение не улучшилось. В первые месяцы войны большая группа женщин оказалась без работы в результате связанного с войной кризиса некоторых отраслей торговли и производства (среди первых безработных оказались женщины, занятые в производстве и распространении алкогольной продукции). Вскоре правительство решило привлечь к производству тех матерей, которые не могли содержать своих детей, так как их мужья воевали на фронте. Между тем уровень заработной платы оставался неизменным (ниже, чем мужской), в то время как цены росли[2].

---

[1] Санкт-Петербургские высшие женские (бестужевские) курсы (1878–1918 гг.). С. 28–29, 69–72; Памятники агитационной литературы Российской Социал-демократической рабочей Партии. Т. 6 (1914–1917). Прокламации, 1914. М., 1923. С. vii–viii, 266–267, 287; *Сердитова С.* Большевики в борьбе за женские пролетарские массы (1903 – февраль 1917 г.) М., 1959. С. 123. Прокламация была издана петроградским комитетом большевиков во имя «организации работниц» (*Шляпников А.* Накануне 1917 года. М., 1920. С. 158).

[2] *Рашин А.Г.* Формирование промышленного пролетариата в России. М., 1940. С. 243, 246; Известия Московского военно-промышленного комитета. 1916. Июль. № 25–26. С. 30. Резолюцию см.: Известия Московского военно-промышленного комитета. 1915. Июль. № 25–27. С. 8. О негативной стороне женского труда во время войны см.: *Лилина З.* Солдаты тыла: Женский труд до и после войны. Пг., 1918. С. 38–39, 41, 54–57.

Правительство, добровольные организации, феминистки – все с участием относились к положению работниц. По настоянию Лиги равноправия женщин и Международного женского союза правительство назначило женщин-инспекторов в те отрасли производства, в которых в большей степени были задействованы женщины. В начале войны женам солдат были предоставлены небольшие участки земли под огород, а во многих местах к этому прибавлялось еще и создание полугосударственными-полуобщественными комитетами общедоступных и дешевых столовых, яслей, общежитий. Правительство, ответственное за многочисленные военные потери, также предпринимало некоторые усилия по повышению пособий роженицам и защите работниц. Одним из важнейших практических шагов было объявление в самом начале войны сухого закона. Феминистки так и не смогли организовать значительное движение за трезвый образ жизни. Можно предположить, что если бы царь не подписал в 1914 г. антиалкогольный указ, то дело в свои руки взяли бы сами работницы. Этому есть доказательства[1].

В первые дни февральской революции 1917 г. генерал Нокс сказал дочери британского посла в Петрограде, что «неприятности» начались тогда, когда стоявшая в очереди за хлебом женщина бросила камень в витрину булочной. На самом же деле подобные инциденты часто случались в России и в течение двух предшествующих лет. Так называемые «хлебные погромы» начались в начале весны 1915 г. Когда 6 апреля 1915 г. в Петрограде на один день была приостановлена продажа мяса, женщины разгромили и разграбили крупный мясной рынок; то же самое, только уже из-за приостановки торговли хлебом, повторилось и два дня спустя в Москве. Во время беспорядков тяжело пострадал от булыжников комендант города. Летом все повторилось вновь, на этот раз на беспокойном Хитровском рынке. Похожие события имели место и в следующем году. Количество забастовок, в которых принимали участие женщины, было настолько велико, что нам не представляется возможным описать их. В июне 1915 г. в Иваново-Вознесенске началась «мучная забастовка», через месяц она переросла в политическую демонстрацию с требованием прекратить войну и освободить заключенных рабочих. Было убито

[1] О различным мерах, нацеленных на улучшение благосостояния работниц и жен солдат см.: Женский вестник. 1915. Янв. С. 1–5; Женское дело. 1915. Ноябрь 15. С. 1; 1916. Сент. 15. С. 10–12; ЦГИАЛ. Ф. 1075. Оп. 2. Д. 54. В день получки, 5 июля 1914 г., около 50 петроградских работниц устроили погром в трактире – разлили по полу пиво, разбили бутылки из-под водки, выгнали своих не сопротивлявшихся мужей (Женский вестник. 1914. Авг. 1. С. 22).

тридцать человек. Одновременно начавшаяся забастовка в Костроме была подавлена вооруженным путем, за ней последовали массовые похороны и еще одна забастовка, в которой работницы обратились к солдатам за защитой[1].

Беспорядки, прошедшие в Петрограде в Женский день 23 февраля 1917 г., сочетали в себе все три элемента: «хлебные погромы», экономические и политические требования и широкое участие женщин. Но, кроме того, это был первый день русской революции.

2. Феминистки versus большевики

Согласно большинству оценок революционного года, женщины в качестве действующих сил истории появляются всего лишь дважды: 23 февраля, в Международный женский день, когда женщины-работницы и жены солдат заполнили улицы Петрограда, и в финальном акте, когда в октябре так называемый Женский батальон принимал участие в защите Зимнего дворца и Временного правительства. Этот краткий временной промежуток определил судьбу страны, и нет нужды пытаться преувеличивать ту роль, которую играли женщины в это решающее и беспокойное для новой России время. За некоторым исключением, боровшиеся за власть политические силы в большинстве своем состояли из мужчин и ими же возглавлялись: правительство, партии, советы, армия, крестьянские общины, национальные организации, кооперативы, промышленные предприятия и профсоюзы. Однако это обстоятельство не должно преуменьшать тот факт, что оба события, в которые были вовлечены женщины, органично связаны друг с другом и с женским освободительным движением в целом. Неудивительно, что данная связь не получила должного освещения в литературе, посвященной революции: в условиях глобального, потрясшего весь мир переворота многие социальные проблемы стали казаться второстепенными. Чисто политические оценки революции, как этого и следовало ожидать, после событий 23 февраля обусловили исчезновение женщин из поля зрения историков, к тому же тема создания и политического значения женских военных формирований игнорировалось. Но сейчас стоит обратиться к этим проблемам, проанализировав их в

---

[1] *Buchanan M.* The Dissolution of an Empire. London, 1932. P. 163; *Коллонтай А.М.* Положение женщины в эволюции хозяйства. С. 136; *Сердитова С.* Большевики в борьбе за женские пролетарские массы (1903 – февраль 1917 г.) М., 1959. С. 106; *Воронова П.Я.* Заря новой жизни // Октябрем рожденные. М., 1967. С. 71–78.

контексте конфликта между большевиками и феминистками. Этот конфликт носил эпизодический и случайный характер, и вряд ли тогда существовали прямые контакты между феминистками и их врагами-социалистками, как это было в предреволюционные годы. Тем не менее эти восемь революционных месяцев как никогда ясно показывают фундаментальные различия между ними.

Первый эпизод революции начался с беспорядков в столице 23 февраля 1917 г., в день, который, начиная с 1913 г., периодически отмечался в России как Международный женский день. Вскоре после этого Питирим Сорокин записал в своем дневнике: «Если будущие историки захотят узнать, кто начал русскую революцию, то им не следует создавать запутанной теории. Революцию начали голодные женщины и дети, требовавшие хлеба. Они начали с крушения трамвайных вагонов и погрома мелких магазинчиков. И только позже, вместе с рабочими и политиками, они стали стремиться к тому, чтобы разрушить мощное здание русского самодержавия»[1]. Для опровержения простых истин, содержавшихся в этом свидетельстве, было написано несколько впечатляющих исследований. И все же по существу эта мысль верна. Нам никогда не удастся измерить глубину желания работниц и масс в целом «разрушить» самодержавие, но все-таки они его разрушили. Очевидная безнаказанность массовых гражданских беспорядков продемонстрировала категорическую неспособность правительства обеспечить порядок в самом центре сосредоточения своей власти.

Большевистское женское движение не претендовало на революционные лавры по той простой причине, что оно прекратило свое существование. В 1914 г. группа сотрудниц журнала «Работница» была арестована, и в последующие два года Женский день отмечался только лишь выпуском прокламаций и проведением случайных митингов. Служащая петроградской табачной фабрики Мелания Савченко вспоминает, как в 1915 г. она с группой рабочих и несколькими студентками-медичками распространяли на фабрике прокламацию, посвященную Женскому дню. Однако в 1916 г., накануне очередного празднования, все они оказались в тюрьме и находились там вплоть до 27 февраля 1917 г. Подобная судьба ожидала всех рабочих, занимавшихся в годы войны подпольной деятельностью. К январю 1917 г. бесконечные очереди за продуктами спровоцировали

[1] *Sorokin P.* Leaves from a Russian Diary. Boston, 1950. P. 3.

протест петроградских женщин низшего класса (психологический факт, который полностью не соответствует уверениям Г.Каткова о том, что в действительности не было никакого дефицита)[1]. 9 января все они находились на улице, отдавая дань событиям «Кровавого воскресенья». Месяц спустя масла в огонь подлила и забастовка рабочих Путиловского завода. Персонал трамвайного депо Васильевского острова, состоявший преимущественно из женщин, чувствуя за несколько дней до 23 февраля всеобщее беспокойство, направил свою представительницу в расквартированный поблизости 180-й пехотный полк, чтобы выяснить у солдат, будут ли они стрелять в них или нет. Ответ был отрицательным, и 23-го рабочие депо присоединились к демонстрации[2].

Если и существовал какой-либо план организации этих событий, то, несомненно, большевики не имели к нему никакого отношения. Накануне Женского дня Каюров, член петроградского ЦК партии большевиков, посоветовал группе работниц с Выборгской стороны, обратившихся за советом, как отметить праздник, «воздержаться от самостоятельных действий и следовать инструкциям ЦК». А когда они все-таки решили устроить забастовку, он пришел в ярость. Шляпников докладывал, что организация большевиков не может даже выпустить прокламацию к Женскому дню из-за того, что типографии не работали. Межрайонцы, независимая группа меньшевиков[3], восполнили этот пробел, выпустив антивоенные листовки, адресованные женщинам. Женщины текстильных предприятий Выборгской стороны, при минимальном участии социал-демократов всех направлений, отметили Женский день под лозунгом «Война, дороговизна и положение женщины-работницы». На одном из этих митингов призыв забастовщиц «На Невский!» был поддержан толпой устав-

---

[1] В настоящее время большинство историков сходятся во мнении, что дефицит не был абсолютным; он был вызван неразберихой и плохим транспортным сообщением. – *Прим. ред.*

[2] Женщины города Ленина. С. 71–76, 87–92; Женский вестник. 1917. Янв. С. 1–2; *Суханов Н.* Записки о революции: В 7 т. Пг., 1919. Т. 1. С. 14. В соответствии с отчетом Охранки в январе 1917 г. «матери семейств, уставшие от бесконечных очередей в магазинах, страдая при виде своих больных и полуголодных детей, в данный момент значительно ближе к революции, чем все господа Милюковы, Родичевы и Со; и, конечно же, они значительно опаснее, так как они составляют взрывоопасную массу, которой, чтобы взорваться, достаточно одной искры» (*Игумнова З.* Женщины Москвы в годы гражданской войны. М., 1958. С. 11); *Katkov G.* Russia: 1917. N.Y., 1956. P. 338–339.

[3] «Межрайонцы» представляли собой самостоятельное течение в социал-демократии. – *Прим. ред.*

ших от очередей женщин, и вся эта масса хлынула через мосты в центр. Оказавшись в центре города, процессия женщин и детей влилась в общую демонстрацию. По мнению Троцкого, в те дни женщины играли ключевую роль в отношениях между рабочими и солдатами, противостоявшими друг другу на бушующих улицах. «Они шли на кордоны солдат смелее, чем мужчины, – писал он, – хватались за винтовки, просили, почти приказывали: "Бросайте ружья и присоединяйтесь к нам"»[1].

Для историков женского движения самыми интересными во всем этом являются не вопросы о том, насколько существенным был вклад женщин Петрограда в свержение самодержавия, или же до какой степени они были подвержены большевистской пропаганде, а скорее: кто после этих событий признал революционный потенциал работниц и солдатских жен? кто удовлетворил их насущные требования? Кто оказался в состоянии обеспечить их приверженность делу революции в этом неумолимом ходе революционных событий?

Во время Февральской революции феминистские организации успешно функционировали, особенно по сравнению с прекратившей свое существование большевистской женской группой. Всероссийское женское Взаимноблаготворительное общество, Лига равноправия женщин и Прогрессивная партия продолжали работать с огромным энтузиазмом под руководством своих довоенных лидеров Шабановой, Шишкиной-Явейн и Покровской. И «Женское дело», и «Женский вестник» продолжали выходить регулярно. Война вызвала новую волну интереса к феминизму, и женские общества стали расти, как грибы. Еще до Февральского восстания Шабанова, воспользовавшись ситуацией и некомпетентностью Министерства внутренних дел, сумела объединить эти группы и провозгласила образование Всероссийского женского общества, впоследствии переименованного в Национальный женский совет, который в свою очередь присоединился к Международному женскому совету. Мечта Философовой сбылась, по крайней мере на бумаге. В мае Совет был «признан» Временным правительством. В знак признательности провозгласил своим президентом Павла Милюкова! Несмотря на то, что Совет с момента создания имел 30 отделений, свое первое заседание он провел только в декабре 1917 г. – слишком поздно для того, чтобы это могло иметь какое-либо значение. В мае Шишкина-Явейн

---

[1] Каюров цит. по: *Katkov G.* Russia: 1917. N.Y., 1956. P. 341; *Шляпников А.* Семнадцатый год. М., 1920. С. 60, 240–241; *Trotsky L.D.* The History of the Russian Revolution: In 3 vols. Ann Arbor, 1964. Vol. 1. P. 109.

реорганизовала Лигу равноправия женщин в Республиканский Союз демократических женских организаций, программа которого включала в себя требования рабочего законодательства, аграрной реформы, демократической республики и войны до победного конца. По духу эта программа была близка взглядам радикальных демократов, которые впоследствии стали преобладать во Временном правительстве. В соответствии с феминистской традицией новый Союз апеллировал ко всем демократически настроенным женщинам, включая членов профсоюзов и «менее сознательных», но стремящихся к «объединению представительниц различных партий и политических течений». Митинги и собрания организовывались в огромном количестве. Однако феминисткам лучше удавалось привлечение на свою сторону выдающихся представительниц интеллигенции, таких как Фигнер, Брешковская, Кускова и Любовь Аксельрод, чем руководство широкими массами женщин[1].

Лига не теряла времени и продвигала основную задачу феминистского движения – достижение политического равноправия женщин. Вскоре после принятия расплывчатой декларации о созыве Учредительного собрания только что сформированное Временное правительство получило петицию от Лиги с требованием предоставления женщинам права участия в предстоящих выборах. За этим последовал визит депутации Лиги к премьер-министру князю Львову. Львов повел себя уклончиво и отказался опубликовать дополнительное постановление о предоставлении женщинам права голоса. В ответ Лига организовала одну из первых массовых демонстраций в революционном Петрограде. Она началась утром 20 марта с выступлений в городской Думе Тырковой, Шишкиной-Явейн и Веры Фигнер, которую феминистки привлекли на свою сторону. Союз между старой террористкой Фигнер и либеральными феминистками был более естествен, чем может показаться на первый взгляд. Фигнер, будучи не в состоянии воспринять новые партийные идеи, была без сомнения привлечена демокра-

[1] О Всероссийском женском обществе см.: Женское дело. 1916. Ноябрь 1. С. 16; Jus Suffragi. Monthly organ of IWSA. 1917. May 1. P. 120; 1918. Jan. 1. P. 61. О Лиге и Республиканском союзе демократических женских организаций см.: Весь Петроград на 1917 год. Пг., 1917. С. 1118–1119; Работница. 1917. Май 30. С. 10–11; Июнь 14. С. 9–10. На московском съезде феминисток в апреле отсутствовавшая Шабанова была выбрана почетным, а Шишкина-Явейн – действительным президентом (Jus Suffragi. Monthly organ of IWSA. 1917. June. 1. P. 135; Женское дело. 1917. Апр. 15. С. 14–15). См. также: *Арманд И.* Статьи, речи, письма. С. 36–38, 168.

тической программой феминисток, с которыми она познакомилась еще в начале 1906 г. Со своей стороны феминистки были рады украсить свою трибуну этим подлинным реликтом русской революции, чьи радикальные настроения с возрастом ослабли. Около 40 000 женщин – студенток, представительниц интеллигенции, работниц – проследовали от городской Думы к Таврическому дворцу, чтобы предъявить Временному правительству свои требования. Процессия возглавлялась автомобилем, в котором находились Фигнер, Шишкина-Явейн и несколько студенток Бестужевских курсов, и охранялась женской конной милицией. Демонстрантки несли транспаранты с лозунгами: «Место женщины – в Учредительном собрании», «Война до победного конца».

Результаты этого впечатляющего проявления феминистской тактики были разочаровывающими. Подойдя к Таврическому дворцу, демонстрация, заполнившая широкую Шпалерную улицу, была вынуждена ждать, пока промарширует несколько солдатских полков. После этого Шишкина-Явейн, обращаясь к Чхеидзе как представителю Совета и Родзянко, представлявшему Временное правительство[1], произнесла пламенную речь, полную ссылок на Фигнер и других героинь революции, которую закончила категорическим требованием предоставления женщинам права голоса. Чхеидзе, как осторожный политик, произнес: «Мы будем вместе бороться за ваши справедливо заслуженные права», в ответ на что последовал выкрик из толпы: «Против кого?». Родзянко, как всегда, колебался; тем не менее оба они заслужили аплодисменты собравшихся феминисток и Фигнер, остававшейся в машине, чтобы не быть смятой толпой. Однако два момента внесли диссонанс в общий настрой демонстрации. Некоторые из солдат считали, что женщины должны дождаться конца войны, прежде чем выставлять свои требования, а женщина-большевичка, выскочив из толпы, попыталась отвлечь внимание присутствующих от бесполезных требований феминисток, рисуя перед ними ужасы войны. Феминистки были возмущены, а кто-то из толпы, желая услужить, толкнул выступавшую на ступени Таврического дворца. В данный момент, возможно, большевички и феминистки были ближе всего к тому, чтобы вцепиться друг другу в волосы. По свидетельству Коллонтай, солидарность демонстранток была нарушена, и некоторые участницы выразили свою симпатию лишенной слова большевичке. Тем временем руково-

[1] М.В.Родзянко был председателем Временного комитета Государственной думы, а не Временного правительства. – *Прим. ред.*

дители Лиги отправились в кабинет Родзянко, где им были даны очередные расплывчатые заверения[1].

Без сомнения, антифеминизм был мертв в России, даже среди тех, кто стоял за дело народной свободы. Зинаида Гиппиус, наблюдавшая за женской демонстрацией из своей «башни» возле Таврического дворца, оставила по этому поводу несколько ядовитых замечаний в своем дневнике. По ее мнению, женщины «весьма дурно проявили свое "человеколюбие"», добиваясь права освобождения, не заслужив его и не понимая всей ответственности, которая из этого вытекает. Демонстрируя недостаток логики, так же как и неосведомленность о том, как много усилий приложили русские женщины, добиваясь своих прав, Гиппиус раздраженно советовала им бороться за освобождение всего общества, не зацикливаясь на феминизме, который противопоставляет женщин мужчинам. Как и предсказывали феминистки, многие уже успели забыть жертвы и свершения женщин во время войны. Был прецедент, когда редактору «Женского дела» позвонил «народник», по его заявлению не бывший ранее противником женского избирательного права, чтобы выразить свою озабоченность тем, что предоставление женщинам возможности участвовать в выборах в Учредительное собрание может привести к восстановлению монархии. Большинство представителей интеллигенции, включая членов Совета, разделяли эту точку зрения и предлагали, чтобы Собрание само решило этот вопрос[2].

Однако партии, находящиеся у власти, были слишком долго привержены идее женского равноправия, чтобы отказаться от нее. Все социалистические и «демократические» группы включили этот пункт в свои программы. Брошюры, посвященные данному вопросу, наводнили страну, как и в 1905 г. К концу лета в состав центральных комитетов всех ведущих политических партий входили женщины: Коллонтай у большевиков, Бройдо и Плисецкая у объединенных меньшевиков[3], Брешковская (в качестве почетного члена) у эсеров и Спиридонова у левых эсеров. К Тырковой,

---

[1] Рабочая газета. 1917. Май. 19. С. 3; Речь. 1917. Март 21. С. 5; Jus Suffragi. Monthly organ of IWSA. 1917. Nov. 1. P. 26–27; *Коллонтай А.М.* Работница за год революции. М., 1918. С. 8–10. О более жестком столкновении представительниц буржуазного женского движения и работниц см.: *Drumm R.* Bolshevik and Feminist Attempts to Organize Women, 1917. P. 17.

[2] *Гиппиус З.* Синяя книга: Петербургский дневник, 1914–1918. Белград, 1929. С. 125–126; Женщины и Учредительное собрание // Женское дело. 1917. Май 1. С. 1–2.

[3] В составе ЦК партии меньшевиков Плисецкой никогда не было, но была другая женщина – Зарецкая С.М. – *Прим. ред.*

старейшему члену ЦК кадетской партии, присоединилась падчерица Петрункевича, графиня Софья Панина, широко известная в России филантропка. Благодаря избирательному праву, предоставленному женщинам Временным правительством весной 1917 г., некоторые из них были избраны в городские думы обеих столиц. Вопрос о женских политических правах был рассмотрен на специальном заседании по разработке закона о выборах в Учредительное собрание. По свидетельству кадетов, он не встретил серьезного противодействия, и 20 июля правительство ратифицировало решение о предоставлении всем женщинам, достигшим 21 года, избирательных прав. Таким образом, Россия стала первой из воюющих стран (и первой крупной державой в мире), принявшей закон о всеобщем избирательном праве[1].

Тыркова с некоторой иронией повествует о том, как вести о давно ожидавшейся победе феминисток были восприняты женщинами на улице. После того, как князь Львов объявил о решении правительства[2], одна из феминисток в порыве энтузиазма подошла к толпе женщин, стоявших в очереди в булочную. «Поздравляю вас, гражданки, – провозгласила она. – Мы, русские женщины, получаем права». Женщины, уставшие от стояния в очереди, смотрели на даму с безразличием и непониманием. Затем стоявший рядом солдат ухмыльнулся и спросил: «Это значит, я теперь что, свою бабу и ударить не смей?». После этого очередь оживилась. «Нет, голубчик, – закричали они, – довольно. Небось, сунься-ка. Дадим мы себя теперь бить. Как бы не так. Теперь правов таких нет»[3].

Временное правительство в промежутках между военными и политическими кризисами продолжало принимать законы, которые способствовали дальнейшему уравнению в правах русских женщин. В июне женщины-юристы получили право заниматься адвокатской практикой, тогда же женщины были включены в состав суда присяжных. В августе женщинам были гарантированы равная оплата труда и равное с мужчинами право занимать госу-

---

[1] Сборник программ русских политических партий. Пг., 1917. С. 14; Программы политических партий / Под ред. С.С.Зак. Одесса, 1917. С. 49; Программа Трудовой (народно-социалистической) партии. Одесса, 1917. С. 1. Помимо множества брошюр, в которых уделялось внимание данному вопросу см.: *Львович Г.* Всеобщее, прямое, равное и тайное избирательное право. Одесса, 1917; *Гернет М.* Равенство. М., 1917; *Волькенштейн О.* Освобождение женщины. Пг., 1917.

[2] Условия принятого правительством решения были сообщены лидерам феминисток князем Львовым до его отставки. Состав делегации феминисток к кн. Львову (Шабанова, Шишкина-Явейн, Покровская и Тыркова и др.) свидетельствует о значительном единении, достигнутом ими к 1917 году. – *Прим. авт.*

[3] *Тыркова-Вильямс А.* Освобождение женщины. Пг., 1917. С. 15.

дарственные должности; это было большим благом для школьных учительниц, представлявших самый большой процент женщин среди государственных служащих, которые впервые почувствовали себя равными с мужчинами. Министерство просвещения, в котором товарищем министра была графиня Панина, разработало проект преобразования высших женских курсов в настоящие женские университеты, во всех отношениях равные мужским[1]. Не вызывает сомнений, что, если бы Временное правительство имело возможность дольше остаться у власти, то оно бы, при условии постоянного контроля со стороны феминисток, заложило бы фундамент для дальнейшей эмансипации женщин. Однако Временное правительство было уничтожено большевиками, имевшими свою собственную программу освобождения женщин, а также войной, снова обративший на себя внимание русских феминисток, после того как они достигли своей основной политической цели.

Первая мировая война, расколовшая в 1914 г. русскую интеллигенцию, продолжала оказывать то же воздействие и в течение революционных месяцев 1917 г. Представители «патриотического» крыла, включая и многих мнимых социалистов, были напуганы братанием, дезертирством и разговорами о сепаратном мире, хотя большинство из них выражали свою озабоченность лишь на словах. Однако более смелые поспешили вступить в добровольческие военные части, формировавшиеся для защиты отечества от немецкой агрессии. Для укрепления тыла этой армии были созданы специальные объединения, состоявшие из лиц, награжденных крестом Святого Георгия, бежавших военнопленных и раненых. Для сопротивления пораженческой пропаганде большевиков на фронт было направлено множество комиссаров-социалистов. Среди них были и такие почтенные революционеры, как Лев Дейч и Вера Засулич, чья Лига личного примера являлась отделом пропаганды зарождавшейся революционной армии. Некоторые из созданных боевых подразделений называли себя «Ударными батальонами» или «Батальонами смерти», дабы подчеркнуть их готовность умереть, если это необходимо, за свою страну. Именно в этой обстановке, в мае 1917 г. возник Женский батальон – одно из первых добровольческих объединений.

Идея его создания исходила от Бочкаревой («Яшки»). Однажды, приехав в столицу, она встретилась с Родзянко, который поинтересовался у нее, как можно поддержать моральный дух

[1] The Russian Provisional Government, 1917. Vol. 1. P. 225, 239; Женское дело. 1917. Июль–авг. С. 96.

солдат. В ответ она предложила создать под ее командованием «Женский батальон смерти», который служил бы примером доблести для колеблющихся солдат. Предложение было одобрено Керенским и Брусиловым, и Бочкаревой предложили рассказать о своих намерениях на массовом патриотическом митинге, который должен был состояться 21 мая в Мариинском театре. Волнуясь, эта простая женщина-солдат взошла на трибуну и произнесла следующие слова: «Мужчины и гражданки! Наша мать гибнет. Наша мать – это Россия. Я хочу помочь спасти ее. Мне нужны женщины, чьи сердца кристально чисты, у кого чистые души, и чьи побуждения возвышенны. С такими женщинами, подающими пример самопожертвования, вы, мужчины, поймете свой долг в этот великий час». Эмоции захлестнули ее, и она не смогла больше ничего сказать. Однако в накаленной атмосфере этого собрания было более чем достаточно нескольких слов и жестов. В эту же ночь в Женский батальон записались 1 500 женщин. Под штаб приспособили находившийся поблизости женский институт; и на следующий день пришли еще 500 добровольцев[1].

Отклик на призыв был более чем удовлетворительным, даже если принять во внимание тот факт, что большинство доброволок не имели никакой подготовки. Записавшиеся в батальон женщины прошли медицинское обследование, их коротко подстригли, выдали форму, сформировали роты и взводы. Инструкторы-мужчины были приглашены из Волынского полка, а инструкторы-женщины – из числа более образованных доброволок. Яшка, отзывавшаяся на обращение «господин начальник», железной рукой руководила своими двумя батальонами (в каждом из которых было по 1 000 женщин). Когда один из офицеров выразил опасение, что женские батальоны не смогут подготовить много солдат для русской армии, Яшка четко заявила, что у них будет господствовать строжайшая нравственная дисциплина. В первые же два дня она отчислила 80 женщин; наказывая провинившихся, в особенности тех, кто пытался заигрывать с инструкторами, она прибегала к пощечинам и заставляла стоять по стойке «смирно». По ее мнению, секс на время войны должен быть объявлен вне закона. Автократические методы Бочкаревой привели к мятежу среди рядового состава. Доброволки-«демократки» и агитаторы большевиков сеяли зерна смуты, требуя создать солдатские комитеты или распустить батальоны. Бочкарева уволила всех пробольшевистски настроенных женщин и повела напряженную борьбу против организации солдатских комитетов,

---

[1] *Botchkareva M., Levine I.* Yashka: My Life as Peasant, Officer, and Exile. P. 162.

однако агитация большевиков и драконовская дисциплина Бочкаревой привели к тому, что с ней осталось только 300 из первоначально прибывших 2 000 доброволок[1].

Кто же были эти женщины? Малочисленность источников не оставляет нам ничего иного, кроме построения предположений. Бочкарева отбирала женщин из всех социальных слоев. Изначально в батальоне были женщины из известных семей, выпускницы университетов, крестьянки как и она сама, прислуга. В числе тех, кто остался ей верен до конца и пошел за ней в бой, как она утверждала, были в основном крестьянки, «но очень преданные родной России». Ее помощницами были несколько дам знатного происхождения. Между тем журналистка Бесси Битти, которая некоторое время провела среди этих женщин и была более любопытной, чем Бочкарева, наряду с крестьянками встречала стенографисток, портних, фабричных работниц, студенток, медсестер и врачей. По национальной принадлежности все они были русскими, не считая полячки, казачки, японки и, возможно, одной еврейки. В большинстве своем это были молодые женщины в возрасте до 35 лет (за одним или двумя исключениями). Коллонтай утверждала, что среди этих женщин отсутствовал не только пролетарский элемент (что в значительной степени, если не полностью, было правдой), но и самосознание, и что к борьбе их подтолкнуло либо личное горе, либо неудача в любви. Это мнение подтверждали и наблюдения, сделанные другими людьми, хотя никто не отрицал, что стремление уйти от личных проблем (наиболее сильно проявившееся, например у той же Бочкаревой) сочеталось с неподдельной и даже фанатичной любовью к своей стране. Среди тех, кто демонстрировал исключительное дисциплинарное рвение, оказались наиболее образованные представительницы патриотически настроенной части интеллигенции. Они несомненно нашли бы себе место в аналогичных объединениях, но только не под руководством Бочкаревой[2].

---

[1] *Botchkareva M., Levin I.* Yashka: My Life as Peasant, Offices, and Exile. P. 165–183. Борьба Бочкаревой против создания солдатских комитетов привела к серьезным личным столкновениям с Керенским.

[2] Ibid. P. 177–201; *Beatty B.* The Red Heart of Russia. N.Y., 1919. P. 96–100. Статью Коллонтай см.: Работница. 1917. Июнь 25. С. 7–8; *Buchanan M.* The Dissolution of an Empire. London, 1932. P. 216–217; *Anet C.* La Révolution russe: In 4 vols. Paris, 1917–1919. Vol. 2. P. 27–28. Анет, как и большинство иностранных мужчин, не одобрял идею о женщине в военной форме. По свидетельству инженера Байновской, Бочкарева однажды посетила Женский технический институт, чтобы завербовать студенток «за веру, царя и отечество», но не добилась успеха (Первые женщины-инженеры. Л., 1967. С. 32).

Батальон смерти Бочкаревой привел феминисток в восторг. В то время как Покровская на страницах «Женского вестника» расточала ему похвалы, Шабанова принимала прибывшую в июне в столицу Эммелин Панкхерст, тем самым укрепляя связи между феминизмом и патриотизмом. Ярая суфражетка, а с началом войны – патриотка, Панкхерст была направлена Ллойд Джорджем с полуофициальным заданием поддержать победный дух русских женщин и воевавших мужчин. Моральный союз Антанты и русского феминизма был заключен в ресторане гостиницы «Астория», где Панкхерст и Бочкарева в присутствии гостей Анны Шабановой вместе отужинали. Руководительница русских феминисток сопровождала Панкхерст в казармы Женского батальона, а также на различные собрания, призванные изыскать средства для его поддержки. На одном из таких собраний Панкхерст обратилась к русским мужчинам с вопросом: «Должны ли женщины сражаться? Есть ли среди вас те, кто останется дома, позволив женщинам сражаться в одиночку?». Когда лучшие представительницы батальона собрались в Исакиевском соборе, Шабанова и Панкхерст были уже там. На обратном пути в казармы они отдали Панкхерст честь. Два дня спустя Лига равноправия женщин Шишкиной-Явейн организовала прощальную церемонию в Казанском соборе, откуда женские части промаршировали до Варшавского вокзала[1].

Те русские, которые выступали против войны, смотрели на участие в ней женщин с неприязнью. «В организации этих батальонов, – провозглашалось петроградским комитетом крестьянских депутатов, – мы видим не только совершенно неуместный и недопустимый водевиль, но также и недвусмысленную и преднамеренную попытку буржуазии использовать все средства для продолжения этой ужасной войны, пока они не получат, что хотят». Однако, откровенно обвиняя правящий режим в эксплуатации этих женщин, крестьянские депутаты не

[1] *Botchkareva M., Levine I.* Yashka: My Life as Peasant, Officer, and Exile. P. 168; Женский вестник. 1917. Июль–авг. С. 93–93; *Mitchell D.* Women in the Warpath: The Story of the Women of the First World War. London, 1966. P. 68; Речь. 1917. Июнь 24. С. 5. Батальон принял участие в июльских событиях, доблестно сражался и понес значительные потери. Однако сочетание немецкой силы и русской фронтовой демократической атмосферы сделали их усилия бесполезными. После сражения раненая Яшка была отправлена в Москву для выздоровления (*Botchkareva M., Levine I.* Yashka: My Life as Peasant, Officer, and Exile. P. 184–218). О потерях в Женском батальоне см.: *Beatty B.* The Red Heart of Russia. New York, 1919. P. 109; *Bryant L.* Six Red Months in Russia. London, 1918. P. 210.

забыли отметить мужество и революционный энтузиазм самих женщин. Ответом на эти замечания послужила статья, опубликованная в «Женском деле», в которой решительно заявлялось, что женщины, если они того хотят, имеют право наравне с мужчинами защищать свою страну. Между тем там же признавалось, что эта попытка не достигла своей основной цели – поднятия боевого духа армии. Большевики в своих суждениях были более резкими. «Неужели мы так измельчали, – гласило воззвание к матерям солдат из Женского батальона, – что нам и милосердие нипочем, что не любовь и сострадание к ближнему живет в нас, а грязная, некрасивая жажда крови и только крови?»[1]

Энтузиазм феминисток и других добровольцев по созданию женского военного движения не ослабили ни критические замечания, ни поражения на фронте. Подражая патриотическому жесту Лили Браун, бывшей одно время соратницей Цеткин по немецкому социалистическому женскому движению, Ольга Нечаева из Российского союза женских демократических организаций предложила Керенскому законопроект по набору женщин на нестроевую службу. По его условиям, женщины в возрасте от 18 до 45 лет (за исключением работниц, крестьянок и матерей с детьми до пяти лет) должны были быть призваны на некоторые государственные службы, дабы освободить мужчин для выполнения воинского долга. Высказываясь по поводу этого плана, Тыркова даже не попыталась скрыть связь между этим патриотическим жестом и стремлениями феминисток. Она выразила надежду, что этот шаг найдет применение силам безработных в настоящее время городских женщин среднего и высшего классов. Давнишняя соратница Философовой и Шабановой, Нечаева, была назначена Керенским главой комиссии по изучению возможностей замены мужчин женщинами в рамках военного министерства. Из-за отсутствия каких-либо источников можно заключить, что проект провалился. Однако в любом случае, до Октябрьской революции не было столь широкомасштабного набора женщин на работы в тылу[2].

В течение всего лета 1917 г. быстрыми темпами росло количество женщин, зачисленных в военные подразделения. Жен-

---

[1] Рабочая газета. 1917. Июль 1. С. 3; Женское дело. 1917. Июль 15. С. 10; Авг. 1. С. 1–2. Воззвание было опубликовано в журнале «Работница» и цит. по: *Карпетская Н.Д.* Работницы и Великий Октябрь. Л., 1974. С. 90.

[2] *Тыркова-Вильямс А.* Женская повинность // Речь. 1917. Июнь 10. С. 3. Documents of Russian History, 1914–1917 / Ed. by Frank Golder. N.Y., 1927. P. 422.

ские батальоны, созданные по образцу бочкаревского, возникли в Москве, Перми, Одессе и Екатеринодаре; более мелкие соединения, такие как пулеметные расчеты и роты связи, появились в нескольких городах, включая Киев и Саратов. Эти подразделения были настолько многочисленны, что на юге России был создан специальный Черноморский военный союз женщин. Отныне в результате набора женщин в мужские военные части появились специальные женские военные подразделения. По-видимому, многие женщины больше не верили в то, что мужчины смогут выиграть войну. «В конечном счете, – писала Тыркова, – женщина направляет свою энергию на военные задачи, так как она горько разочаровалась и иногда даже стала враждебно относиться к пагубному ослаблению мужской силы». В августе 1917 г. (с 1 по 5) Всероссийский союз сестер милосердия, петроградский оргкомитет которого возглавляла армейская медсестра Е.М.Малисон, созвал первый (и единственный) Всероссийский съезд сестер. Его делегатки представляли различные женские батальоны, местные военные союзы и медицинские подразделения; на трибуне царил дух феминизма и эсерского патриотизма. Нечаева и другие феминистки доложили о планах по мобилизации женщин, а неувядаемая Брешковская вспомнила яркие дни своей революционной молодости, проведя параллель между героическими подвигами того времени и текущей борьбой за победу России. Съезд был окружен аурой оптимистического патриотизма, однако каких-либо свидетельств о последующей его деятельности нет[1].

Информация о судьбе местных женских батальонов весьма скудная. Помимо петроградского подразделения Яшки, известно о деятельности лишь пермского батальона. Полностью укомплектован был только, возможно, самый крупный, Московский батальон (1 000–1 500 бойцов). По свидетельству Яшки, к которой члены московского батальона относились враждебно, он был испорчен шелковыми чулками и интеллектом высоких каблуков. Единственные данные об общем количестве женщин в батальонах (5 000 осенью 1917 г.) содержатся в работе Бесси Битти. В надежде вновь принять участие в сражениях Бочкарева со своим подразделением возвратилась на фронт, однако там господствовали настроения дезертирства. Солдаты пригрозили ей, а над 20 женщинами устроили самосуд. Недовольная распадом армии, она распустила остатки своего батальона. После Октябрьского

---

[1] О съезде см.: Речь. 1917. Авг. 1, 2, 3, 6. С. 3, 4, 5; Ленинградки: Воспоминания, очерки, документы. Л., 1968. С. 182–184. Тыркова цит. по: Речь. 1917. Июнь 10. С. 3.

восстания Бочкарева отправилась на поиски Корнилова, а в Гражданскую войну сражалась на стороне белогвардейцев[1].

Последним эпизодом стала защита Зимнего дворца в октябре 1917 г. Подразделение, которое принимало в этом участие, было не Женским батальоном, а группой рядовых женщин, взятых из одного из последних батальонов, сформированных в Петрограде после того, как Бочкарева уехала на фронт[2]. По свидетельству Битти, 1 100 его бойцов, хорошо подготовленные князем Кудашевым, были на порядок выше женщин из соединения Яшки. Планировалось, что 24 октября этот батальон уедет на фронт, но, по свидетельству Тырковой (одному из немногих, на которые можно положиться), Керенский отдал ему приказ идти к Зимнему дворцу для защиты Временного правительства. Однако, рассказывает Тыркова, командир батальона отказалась выполнять приказ и послала только 135 женщин «охранять автомобили, которые заправлялись бензином на складах, работники которых бастовали». Эти женщины, продолжает Тыркова, не имели ни малейшего желания защищать Временное (или любое другое) правительство, но были вынуждены вступить в бой против своей воли. Британский военный советник генерал Нокс утверждал, что в большинстве своем эти женщины были представительницами интеллигенции, что соответствует более позднему описанию их Лениным как «кадетских дам». Однако журналист Альберт Уильямс утверждал, что главным образом они были выходцами из пролетарских слоев. К сожалению никаких статистических данных на этот счет нет. Но все свидетельства сходятся в том, что, каким бы ни было их первоначальное нежелание сражаться, все они боролись с той доблестью, которую русские женщины демонстрировали на всех полях сражений[3].

Долгое время ходили слухи о том, что после взятия Зимнего этих женщин насиловали и пытали. Говорили, что трех женщин

---

[1] Заметку о пермском батальоне см.: Jus Suffragi, monthly organ of IWSA. 1917. Nov. 1. P. 27. О Московском батальоне см.: *Botchkareva M., Levine I.* Yashka: My Life as Peasant, Officer, and Exile. P. 222; *Beatty B.* The Red Heart of Russia. P. 112. После краткого визита вместе с Панкхерст в Америку, Бочкарева вернулась в Россию. Последний раз она упоминается в 1919 г. (*Pares B.* My Russian Memoirs. London, 1937. P. 558.)

[2] Речь идет о 1-ом Петроградском женском батальоне под командованием штабс-капитана А.В.Лоскова. – *Прим. ред.*

[3] *Beatty B.* The Red Heart of Russia. P. 113–114; *Tyrkova-Williams A.* From Liberty to Brest-Litovsk. P. 255; *Knox A.* With the Russian Army, 1914–1917: In 2 vols. London, 1921. Vol. 2. P. 711; К.Маркс, Ф.Энгельс и В.И.Ленин о женском вопросе. С. 186; *A. Rhys Williams.* Through the Russian Revolution. Moscow, 1967. P. 137–138.

раздели и бросили в Неву из окон дворца, однако в это вряд ли можно поверить, учитывая ширину набережной. Еще до начала этих событий Сорокин уже начал сочинять ужасные рассказы. Между тем другие источники (Тыркова, Сиссон, Мюриел Бачеэн) не упоминают ни смертей, ни ранений. Факты, как они представлялись большевику Мандельбауму и другим, таковы: было три случая изнасилования, которые обошлись без летального исхода, и одно самоубийство, все женщины были подвергнуты избиению и оскорблениям, но в других отношениях им не причинили вреда, и вскоре они вернулись в свой лагерь за пределами столицы. Через несколько недель батальон был распущен[1].

Вкратце остановимся на деятельности феминисток и других, настроенных против большевиков женщин до начала Октябрьской революции. Перед лицом угрозы захвата власти большевиками в конце войны стали постепенно разрешаться еще сохранившиеся разногласия между «буржуазными» феминистками и женщинами умеренных социалистических партий. Например, в Совете республики женщины были представлены как в демократических, так и в привилегированных (или «буржуазных») куриях данного органа. Однако женщины первой группы были тепло встречены правыми: Кускова из Кооперативного союза произнесла решительную «оборонческую» речь, а бывшая долгое время идеологом меньшевиков Любовь Аксельрод охарактеризовала правый меньшевизм, заявив, что марксисты всегда были ближе к либерализму, чем к анархизму, в особенности в революционные времена[2].

Последний взгляд на Лигу равноправия женщин – ее избирательный список на выборах в Учредительное собрание – свидетельствует о том, что как в социальном, так и в политическом отношении Лига скорее была демократической, чем буржуазной. Из десяти кандидаток две были врачами, три – преподавательницами или профессорами, одна – журналисткой, и еще три были активно заня-

---

[1] *Sorokin P.* Leaves from a Russian Diary. Boston, 1950. P. 103; *Tyrkova-Williams A.* From Liberty to Brest-Litovsk. P. 256–259; *Knox A.* With the Russian Army, 1914–1917. Vol. 2. P. 711–714; *Sisson E.* One Hundred Red Days. New Haven, 1931. P. 102; *Стриевская С. И.* Смольный. Комната 43 // Ленинградки: Воспоминания, очерки, документы. Л., 1968. С. 93–94; *Reed J.* Ten Days That Shook the World (1919). N.Y., 1935. P. 337; *Chamderlin W.H.* The Russian Revolution, 1917–1921: In 2 vols. N.Y., 1965. Vol. 1. P. 333–334.

[2] Лига (две делегатки) и Республиканский союз (одна делегатка) были представлены в привилегированной курии и считались «буржуазными» организациями; неупомянутые женские группы были представлены одной делегаткой в демократической курии. *Милюков П.* История второй революции: В 3 т. София, 1921–1924. Т. 1. С. 122–126. Речи Кусковой и Аксельрод: Речь. 1917. Окт. 13. С. 2–3; *Бурышкин П.А.* Москва купеческая. Н.-Й., 1954. С. 346.

ты в общественной работе (кооперативы, профсоюзы и т.п.). По политическим убеждениям кандидатки представляли собой смесь феминисток, либералок и умеренных социалисток. Это были: председательница Лиги равноправия Шишкина-Явейн; представительница Кооперативной центральной телефонной станции Кускова, историк А.Я.Ефименко, первая покровительница «легального марксизма» А.Калмыкова, лектор Бестужевских курсов Е.Н.Щепкина; преподавательница Женского медицинского института Л.М.Гороллиц-Власова, бывший президент Союза равноправия женщин, учительница Мария Чехова. Другие три кандидатки – писательница, врач из Киева и профсоюзная активистка[1].

Прежде чем перейти к хронике действий большевичек в 1917 г., необходимо некоторое предостережение. По сравнению с источниками по феминистскому движению данного периода источники, освещающие деятельность большевичек имеются в относительно большом количестве. Несомненно партийные архивы полны материалов; значительное количество выпускниц исторических факультетов советских университетов и институтов использовали их в подготовке своих дипломов. Малочисленность или недоступность источников по истории феминистских и меньшевистских женских объединений может привести к искаженному мнению о значительных расхождениях между деятельностью большевичек и всех остальных. Дабы сохранить некоторый баланс, я отдавал предпочтение скорее воспоминаниям современников и источникам тех лет, нежели без конца повторяющимся и односторонним мнениям, встреченным во второстепенных советских работах по данному вопросу. Но необходимо принять во внимание, что в 1917 г. большевикам не было равных в организационной и пропагандистской работе среди городских женщин низших слоев.

13 марта на пленуме петроградского комитета партии большевиков Слуцкая (участница съезда 1908 г.) предложила учредить Бюро работниц и возродить журнал «Работница». Комитет выразил свое согласие, и уже через два дня Слуцкая доложила о создании Бюро. Ее заверения в том, что Бюро не будет действовать независимо от партии, превратились в клише, которое на протяжении последующих 12 лет будет постоянно повторяться. В апреле и мае в районах Петрограда были созданы агитационные бюро, комиссии и объединения, центры по подготовке кадров. Со временем женские комиссии «проросли» во всех районных

---

[1] Jus Suffragi, monthly organ of IWSA. 1918. March. P. 94.

комитетах, хотя в течении еще нескольких месяцев терминология оставалась расплывчатой и неточной. Для вовлечения беспартийных работниц в деятельность партии также использовались клубы и профсоюзы. С возрождением 10 мая «Работницы» начался второй этап в организации пролетарского женского движения. Возглавила журнал работница, выпускница партийной школы в Лонжюмо А.Васильева, а помогали ей сотрудницы редакции «Работницы» 1914 г.: Николаева, Сталь, Елизарова. Главным агитатором и автором журнала стала приехавшая в середине марта Коллонтай. Между делами в Швеции и Финляндии, агитационными вылазками в среду балтийских моряков и другими партийными заданиями 45-летняя Коллонтай постоянно выступала в столичных пригородах, собирая толпы слушателей[1].

«Работница» стала выходить несколько раз в месяц общим тиражом 40–50 тыс. экземпляров. Она объясняла большевистскую программу в понятиях, доступных женщинам, и особенно обращая внимание на проблемы войны, высокие цены и тяжелые условия труда. Когда во время июльских событий отряд юнкеров совершил налет на канцелярию журнала, редакторы спрятали литеры и готовящиеся материалы, а после того как суматоха улеглась, вновь стали работать. В промышленных районах города и военных частях предприимчивые большевички дополняли деятельность по изданию «Работницы» самодеятельной агитацией: Крупская и Женя Егорова (революционный псевдоним латвийской большевички Эллы Лейпин) действовали в беспокойном Выборгском районе, Слуцкая – на Васильевском острове, Людмила Сталь – на военно-морской базе в Кронштадте, Анна Иткина – за Нарвской заставой. Инесса Арманд ездила в Москву и там руководила аналогичной группой женщин, сложившейся вокруг журнала «Жизнь работницы»[2].

Редакционная группа журнала «Работница» избрала для себя «выездной» стиль работы. С утра, после написания редакционной

---

[1] *Карпецкая Н.Д.* Работницы и Великий Октябрь. Л., 1974. С. 41–44. О Коллонтай: *Дажина И.* В водовороте новой России: Письма А.М.Коллонтай В.И.Ленину и Н.К.Крупской в Швейцарию // Новый мир. 1967. № 4. С. 235–242; *Коллонтай А.М.* Автобиографический очерк // Пролетарская революция. 1921. № 3. С. 295–299; *Иткина А.М.* Революционер, трибун, дипломат: Очерк жизни Александры Михайловны Коллонтай. М., 1964. С. 81–83; *Бреслав Е.И.* А.М.Коллонтай в «Правде» 1917 года // Журналистика и жизнь. Л., 1967. С. 96–118.

[2] *Коллонтай А.М.* Работница за год революции. М., 1918. С. 12–13; *Она же.* Автобиографический очерк. С. 296–297; Женщины в революции. М., 1959. С. 119–120; Октябрем рожденные. М., 1967. С. 48–54, 44, 55–59; *Стасова Е.Д.* Воспоминания. М., 1969. С. 260; *Бобровская З.* Ленин и Крупская. Н.-Й., 1940. С. 29–30. Протоколы VI съезда РСДРП(б). М., 1919. С. 129.

статьи, издательницы отправлялись на фабрики и предприятия, чтобы лично поговорить с работницами. Впервые в истории революционного движения агитация проходила легально; большевики стремились сделать ее систематической и на высоком уровне. Были созданы школы для женщин, в которых опытные революционерки стремились научить работниц агитации. Затем выпускницы этих школ отправлялись назад, на свои фабрики, агитировать и вербовать сторонниц, учить других, распространять «Работницу» и отчитываться в редакции. Журнал «Работница» стал, таким образом, центром агитационной сети, которая, хотя и была скромной по размеру и результатам деятельности, послужила моделью послереволюционной мобилизации женщин. В целом эта деятельность была одним из этапов на пути от подпольных кружков 1890-х гг. к формированию сети обучающих центров – будущих женотделов. Основной темой пропаганды 1917 г. являлась солидарность работниц и рабочих в их неприятии войны и тех, кто, наподобие феминисток, ее поддерживал[1].

Движение использовало ту же тактику, что и в 1905–1907 гг.: нападки на феминисток и пропаганда среди женщин низших слоев. Первую задачу, естественно, взяла на себя Коллонтай. И уже на следующий день после приезда в Петроград она была и в Таврическом дворце, где проходило собрание феминисток, и на улицах, агитируя против сотрудничества с правительством. В какой-то момент она сообщает, что солдаты пригрозили заколоть ее штыками. На следующий день она едко отозвалась о попытках «барынек» из Лиги вырвать у Родзянко обязательство предоставить им право голоса. «Учредительное собрание – это не клуб, ключи от которого находятся в кармане господина Родзянко, – писала она в «Правде», – и ни он, ни все Временное правительство не смогут помешать той или иной части населения его получить». В Петрограде и Москве большевички и работницы посещали собрания феминисток, на которых зачитывали свои антифеминистские резолюции и настоятельно советовали собравшимся обратить внимание на проблемы войны и эксплуатации. Когда в апреле феминистки созвали в Москве Всероссийский съезд женщин, делегация работниц, возглавляемая Инессой Арманд, вновь прибегла к тактике 1908 г. и покинула съезд после того, как были оглашены ее заявления[2].

---

[1] *Карпецкая Н.Д.* Работницы и Великий Октябрь. Л., 1974. С. 44–51.

[2] *Коллонтай А.М.* Автобиографический очерк. С. 295–296; Правда. 1917. Март 21. С. 2. Другая антифеминистская статья: Там же. 1917. Апр. 7. С. 1. О событиях в Москве см.: *Барулина А.Т.* Работа петроградской и московской парторганизации среди женщин-работниц (март–октябрь 1917 г.) // В борьбе за победу Октября: Сборник статей. М., 1957. С. 184–208; *Подляшук П.* Товарищ Инесса. С. 176–183.

На страницах «Правды» и «Работницы» большевички освещали политические принципы и экономические позиции партии в отношении женского вопроса. Написанные понятным языком брошюры, как например «Работница и Учредительное собрание» Коллонтай, сводили сложные революционные теории к повседневным понятиям, которые были ясны каждой пролетарской домохозяйке: голодные дети, муж на фронте и политический разрыв между миротворцами-большевиками и спекулировавшими на войне капиталистами. Несмотря на то что эти материалы имели широкое хождение и их легко можно было достать, большевички по-прежнему прибегали к методам конспирации: неграмотная работница Станислава Вишневская настояла на том, чтобы нарядиться гадалкой и с колодой карт и корзиной агитационной литературы ходить по фабрикам. Отныне массовые митинги, собиравшие огромное количество женщин, проводились в цирке Чинизелли и цирке Модерн[1]. Если оценивать роль работниц в различных акциях протеста, включая и Октябрьскую революцию, а также ее последующую защиту, то можно заключить, что в большинстве своем работницы, как и автор «Почему я стала коммунисткой?», видели в Ленине «наиболее яростного врага капитала» и, по ассоциации с этим, – войны[2].

На основании доступных источников, которые вполне могут ввести и в заблуждение, можно сделать вывод, что деятельность меньшевиков в Петрограде по привлечению на свою сторону работниц была незначительной. Всерьез их пресса затрагивала лишь экономические проблемы, избегая говорить о трудных организационных вопросах, а их экономическая программа, касавшаяся женщин, была идентична большевистской. Свою роль сыграло также и отсутствие единства, поскольку некоторые меньшевички очевидно согласились работать с феминистками, а другие отказались. Пропаганда меньшевиков и эсеров среди работниц превзошла агитационную работу большевиков только во время реакции, наступившей после июльских событий. На фабрике «Новый Прометей» анти-

---

[1] Правда. 1917. Март 26. С. 1–2; Июнь 8. С. 2–3; Июнь 30. С. 3–4; *Коллонтай А.М.* Работница и Учредительное Собрание. Петербург [sic], 1917. О различных описаниях агитационной работы среди женщин см.: Женщины в революции. М., 1959. С. 142; *Иткина А.М.* Революционер, трибун, дипломат: Очерк жизни Александры Михайловны Коллонтай. С. 75–76; Работница. 1917. Май 20. С. 3–4; *Крупская Н.К.* Женщина, равноправный гражданин СССР. М., 1937. С. 21–22; *Дридзо В.* Надежда Константиновна. М., 1966. С. 88–100.

[2] Оценка роли Ленина в революции содержится в яркой статье молодой большевички, которой в начале революции было 17 лет. См.: Почему я стала коммунисткой? М., 1919.

большевистские настроения были настолько сильны, что большевистских агитаторов там попросту закидали всем, что попалось под руку. Объединенная группа меньшевиков, имевшая своего рода женский отдел, возглавляемый Евой Бройдо, первой призвала к созыву конференции петроградских работниц в октябре 1917 г. Эта конференция приняла резолюцию о создании специальных комиссий по агитации и организации женщин, однако впоследствии эти намерения не были подкреплены соответствующими действиями[1].

Иллюстрацией к способностям большевиков устанавливать связи с городскими массами путем увязывания политических лозунгов с экономическими является развернутая большевичками кампания в интересах двух наиболее отсталых, заброшенных и даже презираемых элементов женского населения: прачек и солдаток. В Петрограде тысячи прачек работали за тридцать копеек до изнеможения по 13–14 часов в день в насыщенных паром подвальных прачечных, которые носили такие динамичные названия, как «Рекорд», «Прогресс» и «Ниагара». Безнадежная тяжесть их работы была точно схвачена Архиповым в его знаменитой картине «Прачки». В 1913 г. большевики попытались организовать их, но когда делегация прачек попросила у полиции разрешения создать библиотеку, то вместе с отказом услышала иронический вопрос: «И какую же литературу собираетесь вы читать над своими лоханями?». После Февральской революции прачки стали более организованными и направили Временному правительству свои требования об улучшении условий работы и создании на базе всего города общественных прачечных. Когда их требования были отвергнуты как несвоевременные, прачки начали забастовку. Коллонтай склонила Ленина на сторону прачек, и большевики оказали им всестороннюю помощь. В ответ забастовщицы добавили лозунги большевиков в отношении войны и Советов к своим экономическим требованиям. В конечном итоге собственники прачечных были вынуждены пойти на уступки и удовлетворить основные требования бастовавших[2].

---

[1] Примеры деятельности меньшевиков в отношении женского движения в 1917 г. см.: Чего хотят социал-демократы. Одесса, 1917. С. 10; Рабочая газета. 1917. Март 7. 21; Женщины в революции. М., 1959. С. 131–132, 136; Новая жизнь. 1917. Окт. 14. С. 3; «Moscauer Organization; Petersburger Organization; Menscheviki-Oboronzy; Menscheviki-Internat.», «Parteitage u. Konferenzen der Menschewiki, 1917–1918» находятся в Международном Институте Социальной Истории в Амстердаме.

[2] *Новик-Кондратьева В.Р.* Слово о прачках // Ленинградки: Воспоминания, очерки, документы. С. 61–69; *Коллонтай А.М.* Работница за год революции. С. 11; *Она же.* Автобиографический очерк С. 296; *Бреслав Е.И.* А.М.Коллонтай в «Правде» 1917 года // Журналистика и жизнь. Л., 1967. С. 106–107.

До войны солдатка стояла на социальной лестнице лишь на несколько миллиметров выше проститутки, с которой ее зачастую ставили на одну доску. Когда же война превратила в солдаток миллионы крестьянок и работниц, это социальное клеймо было стерто. Солдатки ежемесячно получали по семь–девять рублей. Однако к весне 1917 г. инфляция фактически обесценила эти деньги, и группа петроградских солдаток обратилась к правительству за помощью. Не встретив никакого отклика, они устроили шествие к Таврическому дворцу, но в отличие от феминистской демонстрации прошлого месяца они обратились не к Временному правительству, а к Советам. В исполнительном комитете Совета эта проблема вызвала взрыв разногласий. Меньшевик Дан, выступая от лица большинства, назвал просьбу солдаток об увеличении пособия до 20 рублей пустой и наивной; Коллонтай резко выразила свое несогласие и посоветовала раздраженным солдаткам самим завладеть аппаратом по распределению средств. Впоследствии был создан соответствующий неофициальный комитет, в который вошли Коллонтай, около 35 солдаток и несколько членов исполкома Совета. Подобные объединения были созданы и в других городах, например харьковский Союз солдаток. Эти группы были естественным источником для вербовки сторонниц и агитационными базами для большевичек в их нападках на правительство и феминисток[1].

Большевики, как и большинство других социалистов, враждебно относились к Женским батальонам, которые они называли «позорными батальонами», и противились их созданию. Однако их враждебность была направлена не против участия женщин в сражениях, а против того дела, которое эти батальоны защищали. Между тем сами большевики, как и все левые революционные группы, начиная с 1870-х гг., весьма охотно пользовались услугами женщин в проведении вооруженных акций. Большевички, равно как анархистки и эсерки, уже давно доказали свою ценность в качестве бойцов, террористок, организаторов мятежей и помощниц в уличных боях. В более широком масштабе свои подвиги 1905–1907 гг. они повторили в сентябре 1917 г., при подавлении мятежа Корнилова[2], и в во время Октябрьского восстания. Вскоре

[1] Рабочая газета. 1917. Март. 19. С. 3; *Коллонтай А.М.* Положение женщины в эволюции хозяйства. С. 135; *Она же.* Работница за год революции. С. 10–11; *Бреслав Е.И.* Указ. соч. С. 109; *Дворецкая М.П.* Союз солдаток // Женщины города Ленина. С. 77–86; *Дридзо В.* Указ. соч. С. 92. Женщины в революции. С. 146–150, 172–177.

[2] Необходимо учитывать, что в авторском тексте все даты даны по новому стилю; в отечественной же историографии принято указывать дореволюционные

после Февральской революции к созданным группам рабочей милиции (позднее названным Красной гвардией) были присоединены медицинские подразделения, состоявшие из работниц, обученных студентками-большевичками. В октябрьские дни наспех обученные петроградские медсестры и санитарки заняли позиции вокруг осажденного Зимнего дворца, чтобы оказывать помощь штурмовавшим его красногвардейцам. После захвата власти эти объединения были соединены в Пролетарский Красный Крест, а позднее вошли в состав Красной Армии. В войсках, окруживших Зимний, было и несколько женщин. Количество жертв с каждой стороны было незначительным, однако, следует отметить, что вооруженных большевичек, принимавших участие в событиях 25 октября, было больше, чем участниц Женского батальона[1].

Более активную роль женщины играли во время Московского восстания 1917 г., когда шли уже настоящие бои. Ряд работниц и интеллигенток занимали важные административные позиции в Совете, в партийной организации, в Военно-революционном комитете и в так называемом Боевом партийном центре. Среди них были старые подпольщицы Землячка и Яковлева, а также будущие лидеры Женотдела Смидович и Варенцова. Когда начались столкновения, работницы трамвайного депо готовили санитарные, разведывательные, броневые вагоны и, используя преимущества своей профессии, производили разведку вражеских позиций вблизи Кремля. Большинство принявших участие в восстании женщин работали в медицинских пунктах, в пунктах по раздаче пищи, по оказанию технической поддержки и связи. Во время работы в одном из таких пунктов была убита студентка-большевичка Люсик Люсинова – первая жертва революции. Подобные вещи происходили и в других, охваченных восстанием индустриальных центрах, особенно в городах Московской губернии, принадлежавших к текстильному поясу[2]. Все это было не только кульминацией деятельности большевичек в 1917 г., равно как и традиции женского

даты по старому стилю. В соответствии с этим, следует помнить, что мятеж Корнилова имел место 25–30 августа 1917 г. Кроме того, вряд ли приходится говорить о каких-либо «подвигах», так как мятеж был подавлен без кровопролития. – *Прим. ред.*

[1] Пролетарский Красный Крест // Женщины города Ленина. С. 106–112; *Спецова-Васильева М.Ф.* Враги боялись нас // Ленинградки: Воспоминания, очерки, документы. С. 170– 76; *Коллонтай А.М.* Работница за год революции. С. 14; *Карпецкая Н.Д.* Работницы и Великий Октябрь. С. 114.

[2] Октябрем рожденные. М., 1967. С. 61, 63, 67; Женщины в революции. С. 143–144, 158–163; *Петропавловская Л.* Люсик Люсинова. М., 1968; *Игумнова З.* Женщины Москвы в годы гражданской войны. М., 1958. С. 18–19.

14 Заказ 5510

воинственного духа в революционном движении, который первыми продемонстрировали еще Засулич и Перовская, но также и прелюдией к великой эпической поэме о милитаризме, жестокости и доблести русских женщин на полях Гражданской войны.

3. Побежденные

«Женщины везде подчинены; везде они борются за свои права. Женщины из Америки и Англии приехали сюда и полностью с нами солидарны, желают нам добра в нашей борьбе. *Мужчины не могут защитить наши права*; они нас не понимают». В этом одном из последних официальных заявлений русской феминистки содержится резюме тех взглядов, которые отделили феминисток от большевичек. Произошло это через несколько недель после смены власти – 12 ноября 1917 г. на первой конференции работниц петроградского региона. Цель собрания, организованного сотрудницами «Работницы», – склонить собравшихся женщин проголосовать на выборах в Учредительное собрание за список большевиков, а не Лиги равноправия женщин. Выступавшая от Лиги врач Дорошевская начала свою речь с утверждения, что она не тунеядка, а работающая мать, которую бросил муж. Здесь хорошо видна тесная связь между личными проблемами и социально-политическим взглядами, связь, которая была более широко распространена в истории, чем это иногда представляется. Однако пафос Дорошевской вряд ли был достаточен для того, чтобы прислуга и работницы, с неохотой слушавшие ее, поддержали предложенную ею программу эмансипации женщин. Торжествующая Коллонтай убедила собравшихся выслушать феминистку до конца, чтобы узнать «нашего врага». В сущности, данная речь обозначила конец русского феминизма[1].

Мало что известно и о последующей судьбе других руководительниц феминистского движения. Ольга Волькенштейн осталась жить в Советской России и умерла в блокадном Ленинграде в 1941 или 1942 г. В России также осталась и самая старая и консервативная феминистка Анна Шабанова. По-видимому, она вновь вернулась к педиатрии, а в 1926 г. вышла ее последняя работа по женскому вопросу. В эмиграции положение сохранили лишь незначительные фигуры феминистского движения, то есть те феминистки, чья основная деятельность лежала в какой-нибудь другой сфере. Кускова эмигрировала в 1922 и умерла в 1958 г. Милюкова некоторое время возглавляла лондонский комитет Российского Красного Креста и умерла в Париже в 1935 г. Покинувшая Россию в марте 1918 г. Тыркова сотрудничала с Русским освободитель-

[1] Работница. 1917. 13. С. 11.

ным комитетом в Лондоне и написала язвительное исследование большевизма «От свободы к Брест-Литовску». Впоследствии она была корреспондентом «*Times*»[1] и умерла в 1962 г. О судьбе Покровской ничего не известно. Шишкина-Явейн эмигрировала в Болгарию во время Гражданской войны. Во время эпидемии тифа с мужем и двумя детьми она переехала в Эстонию, где у ее семьи (или семьи мужа) было поместье. Найдя его разоренным, она пыталась устроиться на работу в карантинную зону, но, как русской беженке, ей в новом Эстонском государстве не позволили заниматься медициной. В 1921 году умер ее муж, и она оказалась с детьми в крайне тяжелом материальном положении. В 1920 г. от имени своей Лиги она написала последнее официальное приветствие Женевскому съезду Международной женской суфражистской ассоциации, на котором не было ни одной представительницы от России. После этого никаких упоминаний о Шишкиной-Явейн, о Лиге, либо какой другой феминистской группе мы не встречали[2].

Скудность и малочисленность источников не позволяют сравнить количество эмигрировавших феминисток и тех, кто подобно Шабановой остался жить и работать при советском режиме. По-видимому, большинство эмигрировавших женщин были замужем. Сотни из них перенесли лишения, особенно в первые годы жизни за границей. Улицы Стамбула видели утонченных и образованных русских женщин (некоторые, возможно, боролись с проституцией в дореволюционной России), продававших себя, чтобы накормить ребенка или нетрудоспособного мужа. Впоследствии многие русские эмигрантки смогли обогатить культуру приютивших их стран более приемлемыми способами. Из свидетельств о жизни эмигранток на Западе в ту эпоху становится совершенно ясно, что многие из них сумели сохранить чувство гордости, достоинства и независимости, которое на протяжении множества поколений служило отличительным знаком русских

---

[1] Тыркова не была корреспондентом «Times». Корреспондентом и редактором иностранного отдела газеты был ее муж Гарольд Вильсон. – *Прим. ред.*

[2] Данные о Волькенштейн и Шабановой были предоставлены мне консультантом читального зала Социально-экономической литературы в Государственной публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. О Милюковой см. лондонский эмигрантский еженедельник: The New Russia. 1920. Nov. 11. P. iii. О Тырковой и ее сыне Аркадии Бормане см: *Tyrkova-Vilyams A.V.* Louvain, 1964. Chs. 11–20. О Шишкиной-Явейн и последнем отзвуке русского феминизма: Jus Suffragi, monthly organ of IWSA. 1921. June, P. 134; *Harper I.H.* The History of Woman Suffrage: In 6 vols. N.Y., 1922. Vol. 6. P. 862, 789; Report of the Eight Congress of the International Woman Suffrage Association... Stockholm. Manchester, 1920; Ibid. Dresden, 1923 (о девятом конгрессе в Риме); Ibid. London, 1926 (о десятом конгрессе в Париже).

образованных женщин. Ф.Нансен и его коллеги, определявшие юридический статус русских эмигранток, достойны признательности за то, что сохранили им их имущественные права, которыми они традиционно пользовались по российскому законодательству, даже если они жили в таких странах, как Франция, чей свод законов в значительной степени отличался от русского[1].

История эсерок и других старых народниц более разнообразна. Засулич, которая остаток жизни провела в основном в эмиграции, от 1870-х гг. унаследовала непогрешимую честность народников, но при этом полностью разочаровалась в народничестве в целом и терроре в частности. Под влиянием Плеханова она постепенно обратилась к марксизму и вплоть до революции оставалась его верным союзником. Из-за твердой приверженности нигилистскому этическому кодексу, своей скромности и принципиальному подходу в оценке товарищей Засулич получила прозвище «Сократ русской социал-демократии». Эти черты определили ее резкое неприятие декаданса и любых форм сексуальной распущенности, а также идеализм и презрение к «буржуазному» материальному благосостоянию. Ирония судьбы заключалась в том, что пиком пропагандистской деятельности Засулич стала статья, написанная для «Искры» в 1901 г., в которой легендарная террористка прошлого решительно осудила индивидуальный террор как оружие политической борьбы. Всегда следовавшая за Плехановым Засулич была настолько далека от большевизма, насколько это вообще возможно для социалистки. Она умерла в Петрограде 8 мая 1919 г. и была похоронена рядом со своим наставником на Волковом кладбище. Извещая о смерти революционерки, которая 40 лет своей жизни посвятила рабочему классу, «Правда» писала: «В последние годы В.И.Засулич порвала с революционным пролетариатом. Но пролетариат ценит ее великие заслуги в прошлом. Рабочие никогда не забудут ее имя». В итоге в историю Засулич вошла как террористка, а не как ученый-марксист[2].

Вера Фигнер попала в Шлиссельбургскую крепость, когда ей было 32 года; спустя 20 лет, в 1904 г., она вновь появилась на поли-

---

[1] Лондонский эмигрантский еженедельник: Russian Life. 1921. Sept.–Oct. P. 105; Russian Life. 1922. Jan. P. 178; *Huntington W.C.* The Homesick Million: Russia-out-of-Russia. Boston, 1933. P. 25–26, 83, 272. Советский фильм «Бег» (1971).

[2] О репутации Засулич среди русских марксистов всех направлений: *Захарова-Цедербаум К.И., Цедербаум С.О.* Из эпохи «Искры» (1900–1905 гг.). М., 1926. С. 10–11; *Broido E.* Memoirs of a Revolutionary. P. 65; *Krupskaya N.K.* Memories of Lenin. London, 1930. P. 53; *Аксельрод Л.* Этюды и воспоминания. Л., 1925. С. 37–46; Группа «Освобождение Труда»: Из архивов Г.В.Плеханова, В.И.Засулич, Л.Г.Дейча: В 6 т. М., 1923–1928. Т. 2. С. 160–167; Т. 3. С. 68–81; Некролог // Правда. 1919. Май 10. С. 18.

тической арене уже пожилой женщиной, желавшей начать «третью жизнь». Продолжительное тюремное заключение нанесло серьезный ущерб ее психике. Она уныло скиталась под надзором полиции по просторам России с одного места ссылки к другому. По иронии судьбы в 1905 г. восставшие крестьяне сожгли дотла ее родовой дом под Казанью. Во время краткого визита Фигнер в Москву ее чествовали интеллигентки, толпы «бестужевок» и Союз равноправия женщин. Как и Засулич, она была дезориентирована и одинока. В конечном итоге она покинула Россию, а в 1908 г. присоединилась к социал-революционерам. Опытная подпольщица Фигнер была разочарована дилетантством своих соратников в деле Азефа и покинула партию. В 1917 г. Фигнер попыталась привлечь внимание к себе, к проблемам старой революционерки, потерявшейся в урагане революции, сделанной другими: «Переворот 25 октября, с которого началась наша великая социальная революция, был шоком для меня. Я не была готова к ней. Читать в 19 или 20 лет рассказы о борьбе революционных партий во Французской революции – это одно дело, а самой жить в революционных событиях – совершенно другое». Несмотря на то что новый режим пытался склонить ее на свою сторону, Фигнер отказалась стать коммунисткой. Однако она осталась в России, занималась литературной работой в Обществе политкаторжан и даже пробовала убедить других народников вернуться обратно в Россию. Когда в 1941 г. немецкие войска подошли к Москве, власти решили эвакуировать уже немощную героиню. «Позаботьтесь лучше о себе», – ответила она им. Она умерла на следующий год в возрасте 90 лет и была с почестями похоронена на Новодевичьем кладбище[1].

Единственной из трех известных народниц верной прошлой традиции осталась только Брешковская. После 20 лет, проведенных в сибирских поселениях, она вернулась в Центральную Россию, сохранившая железную волю и переполненная революционной энергией, накопленной во время ссылки. Присоединившись к радикалам вдвое младше себя, она приняла участие в создании одного из тех кружков, которые впоследствии составили ядро партии эсеров. Затем Брешковская отправилась в Америку для проведения агита-

[1] Основной источник «После Шлиссельбурга» детально описывает лишь первые несколько лет жизни Фигнер после освобождения. Мной был использован немецкий перевод: *Figner M.N.* Nach Schlüsselburg. Berlin, 1928. Он должен быть дополнен русской версией: *Фигнер М.Н.* После Шлиссельбурга // *Фигнер М.Н.* В борьбе. Л., 1966. С. 212; *Дан Л.* Из встречи с Верой Николаевной Фигнер. Н.-Й., 1961; *Figner V. N.* Les prisons russes. Lausanne, 1911. Данными о последних годах жизни Фигнер я обязан ее племяннице Маргарите Николаевне Фигнер, которая рассказала мне о них в январе 1968 г. в Ленинграде.

ционной кампании и поисков денег для освобождения своей страны. В своей деятельности она не делала различий между рабочими, либералами или «буржуазными» феминистками. По возвращении в Россию она увлекла «максималистское» крыло эсеров идеей аграрного террора, при этом не признавая индивидуальный террор и политическое убийство. В ответ на это ее предложение лидер террористов Евно Азеф сказал, что «старуха выжила из ума». С нежностью вспоминая «бакунинские» дни своей молодости, Брешковская страстно желала сделать что-нибудь дерзкое и выбрала себя девиз «К оружию! К народу!». Однако лидер партии Чернов был прав, когда писал, что все это в действительности говорит об отсутствии у Брешковской веры в саму организацию. Не пригодная к руководству организацией, она, по словам Чернова, была «чужда теории, стратегии, тактики». «Скорее она была очевидцем, апостолом, обращавшим людей своими словами и, более того, своим жизненным примером». Но и эта роль была утрачена Брешковской, когда ее в 1908 г. вновь арестовали и устранили с политической арены за «чрезвычайное революционное рвение» по словам Вальдо Зилли.

Загадку Брешковской еще предстоит разгадать. Она зиждется на противоречии между ее ультрарадикальными идеями молодости и консервативным национализмом последующих лет. С одной стороны, страстная любовь к крестьянству, с другой – одобрение войны, которая была для крестьян настоящей бойней. Ранний анархизм и антилиберализм Брешковской в 1917 г. уступили место культу государства и преклонению перед Антантой с ее либеральной демократией, а дополнением к этому выступила морализаторская ненависть к Петрограду и его западничеству. За популярным в западной литературе образом ласковой старой бабушки («запатентованной бабушки революции» – по злому выражению одного большевика) стоит язвительная женщина, которая открыто противостояла Чернову и другим интернационалистам ее партии и которая вполне была готова служить поставщиком денег союзников для поддержания в России провоенной политики. Подобная смена ценностей вряд ли была чем-то необычным для Брешковской в 1917 г. Между тем она, возможно, была самым тревожным примером идеологического разброда охватившего последнюю русскую партию народников[1].

---

[1] A Message to the American People. N.Y., 1919 (1920?) P. 5; For Russia's Freedom. Chicago, 1905; *Чернов В.М.* Перед бурей: воспоминания. Н.-Й., 1953. С. 204–205, 215, 316. Замечание Азефа: Женское дело. 1914. Янв. 15. С. 20. Брешковская покинула Россию в декабре 1918 г. и умерла 16 лет спустя в Чехословакии в возрасте 90 лет. О ее последних днях см.: *Архангельский В.Г.* Екатерина Брешковская. Прага, 1938. С. 99–213. См. также: *Sisson E.* One Hundred Red Days. New Haven, 1931; *Radkey O.* Agrarian Foes of Bolshevism. N.Y., 1958. P. 189, 193, 378–379, 396, 399. Ра-

Последовательность и прямота Марии Спиридоновой не проявлялись так явно в ее политической деятельности. Ее личность даже по русским стандартам была чересчур театральной. Эмоциональное перенапряжение, вызванное долгими годами, проведенными в сибирской женской тюрьме, привело к тому, что когда Февральская революция 1917 г. освободила ее, Спиридонова приказала взорвать читинскую тюрьму, а впоследствии она умоляла своего друга Штейнберга (левого эсера и наркома юстиции при большевиках) сделать то же самое и с Петропавловской крепостью в Петрограде. Глядя на мир глазами «маленькой старой девы и учительницы прошлого поколения» (Эдгар Сиссон), она будет открывать собрания, стуча по трибуне серебряным револьвером, подаренным в память о ее подвиге в 1905 г., а затем обращаться к собравшимся глубоко взволнованным, а иногда просто истеричным голосом. Взгляды Спиридоновой – незамысловатые, идеалистические, иногда утопические – сочетались с ее характером, яркие черты которого являлись квинтэссенцией русского радикализма – искренность, неподкупность, любовь к «народу» и твердость воли. Как и Брешковская, Спиридонова делала упор на роль личности в истории; но в отличие от первой сумела сохранить целостность своего характера и идеалов в водовороте событий, закружившем обеих женщин[1].

Фактически являясь лидером партии, Спиридонова в конце 1917 г. основала фракцию левых эсеров и признавала, что цели ее партии и партии большевиков тождественны. Выступив с этим утверждением на первом съезде левых социалистов-революционеров, она, тем не менее, оговорилась. «Мы вступили в новую фазу истории..., – сказала она, – в фазу мучительной классовой борьбы. Но именно поэтому наш долг в том, чтобы очистить воздух, вновь наполнить наши души идеализмом того сокровища, что оставили нам пострадавшие бойцы прошлого. Наша конечная цель – *человеческая личность.* Мы боремся не только за то, чтобы все люди могли есть; наша цель стоит значительно выше: мы боремся, чтобы в этой экономической борьбе человек мог восторжествовать и

боты 1917 г. самой Брешковской: *Брешковская К.* О войне. Симферополь, 1917; *Она же.* Обязанности свободных граждан. Симферополь, 1917. В последней работе она предлагает обязательное государственное воспитание гражданской ответственности во всех женских университетах и высших школах.

[1] *Sisson E.* One Hundred Red Days. P. 43; *Radkey O.* Agrarian Foes of Bolshevism. P. 348, 472; *Sorokin P.* Leaves from a Russian Diary. Boston, 1950. P. 51; *Steinberg I.* Maria Spiridonova. London, 1935. P. 158–221; Idem. In the Workshop of the Revolution. London, 1955. P. 66, 196–214. Речь Спиридоновой и ее мнение о роли личности в истории: Протоколы первого съезда партии Левых Социалистов-Революционеров (Интернационалистов). Пг., 1918. С. 35.

возвыситься как нравственное существо...» Оправдывая союз с большевиками, которых многие эсеры считали жестокими и материалистичными, она заявила: «Сегодня большевиков поддерживают народные массы, но это временно – временно, потому что все у них [большевиков] полно ненависти и злобы. Такие чувства, вытекающие из эгоистических интересов, могут быть полезны лишь в боях на баррикадах. Однако на второй стадии борьбы, когда начинается конституционное строительство, когда на основаниях любви и альтруизма должна быть построена новая жизнь, большевики обанкротятся. Но мы, кто хочет сохранить верность идеям основателей нашего движения, должны всегда думать о второй стадии»[1].

Разрыв с большевиками наступил по вопросу о терроре ЧК и немецкой оккупации Украины, последовавшей за Брестским миром. Индивидуальный террор традиционно был оружием эсеров – все три кандидатки от эсеров на выборах в Учредительное собрание были ранее осуждены за убийства; и убийства немецких чиновников на оккупированных территориях, где, по словам Спиридоновой, «не было ни одного крестьянина, чья спина не была бы в шрамах», проходили либо по ее приказу, либо с ее одобрения[2]. Все это было похоже на 1905 г. Подвергнутая критике со стороны большевиков, Спиридонова пишет хорошо известное письмо, в котором излагает свой взгляд на террор и его нравственные императивы «Вы называете это террором. Однако в истории русской революции данное слово никогда не употреблялось для обозначения мести или запугивания (это была наименее важная его цель). Он не означал всего лишь ликвидацию одного из палачей. Нет. Наиболее важным элементом террора был протест против деспотического угнетения, попытка вызвать в душах униженных мужчин и женщин чувство негодования, воспламенить сознание тех, кто молчал перед лицом унижения. Вот как террористы наступали на врага. И практически всегда поступки террориста сочетались с его добровольным самопожертвованием своей жизнью и свободой. Я считаю, что только так возможно оправдать террористический акт революционера»[3].

Отход Спиридоновой от большевизма и оправдание террора наиболее ярко проявились 30 августа 1918 г. в день покушения Фанни Каплан на жизнь Ленина. О Каплан, которую иностранные

---

[1] *Steinberg I.* In the Workshop of the Revolution. London, 1955. P. 122–123.

[2] Этими тремя женщинами были: Спиридонова, Измайлович и Биценко. Коллонтай и Николаева шли по списку большевиков, а от кадетов шла Панина. Реакция Спиридоновой на немецкую оккупацию: Intervention, Civil War, and Communism in Russia / Ed. by James Bunyan. Baltimore, 1936. P. 201–202, 208–209, 219.

[3] *Steinberg I.* In the Workshop of the Revolution. P. 132.

источники зачастую неверно называют Дорой Каплан, известно очень мало. Фейга Ефимовна Ройдман родилась в Волыни в 1890 г. в семье учителя-еврея[1]. Несмотря на то, что ее причисляли и к анархистам, и к эсерам, она никогда не входила ни в одну из этих партий. Как для большинства молодых и экзальтированных террористов, политика для нее, по-видимому, заключалась в борьбе с деспотизмом при помощи динамита и револьвера. По ее собственному признанию, она выстрелила в Ленина, потому что он заключил мир с немцами и предал революцию. Есть свидетельства, что у нее была неустойчивая психика, а ее поступок был одиночным рискованным предприятием. Каплан, так же как и эсеры, отрицала свою связь с ними, хотя большевики всегда настаивали на существовании между ними сговора. Если, как утверждают официальные источники, Каплан была расстреляна, то она была первой революционеркой, погибшей при новом режиме, – мысль, которая заставила Крупскую воскликнуть: «Революционер, казненный в революционной стране! Никогда!». Спиридонова, Ленин выступили против казни, а первая даже предположила, что акт милосердия в отношении старой заслуженной революционерки должен быть присущ «времени всеобщего безумия и сумасшествия». Однако акта милосердия как такового не было, но вполне могло случиться так, что Каплан не была расстреляна, а еще долгое время после всех этих событий находилась в заключении[2].

Похожая судьба ожидала многих левых эсерок. Так, с 1920 г. Спиридонова постоянно находилась в тюрьме, после нескольких коротких промежутков на свободе в годы Гражданской войны.

---

[1] Настоящая фамилия Каплан – Ройтблат Фейга Хаимовна (1888–1918), принадлежала к группе анархо-коммунистов. – *Прим. ред.*

[2] Официальная позиция большевиков см.: *Волковичер И.* К истории покушения на Ленина // Пролетарская революция. 1923. 6–7, С. 275–285. «Фани Каплан», видимо, стало ее революционным псевдонимом после 1905 г., хотя ряд журналистов того времени называли ее «Дора» – имя, которое могли ей дать во время ареста. Крупская цит. по: *Balabanova A.* Impressions of Lenin. Ann Arbor, 1964. P. 13. Слова Спиридоновой: *Steinberg I.* In the Workshop of the Revolution. P. 151. Павел Мальков, бывший комендант Кремля, утверждает, что лично казнил Каплан в кремлевском дворе за грузовиком, чей работавший мотор, заглушил звук выстрела. Когда он спросил у Свердлова, где ее похоронить, тот ответил: «Мы не будем ее хоронить. Мы уничтожим ее останки без следа». См. Записки коменданта Московского кремля. М., 1959. С. 159–161. Письменных свидетельств того, что Каплан не была казнена, обнаружено не было. Однако ряд, заслуживающих доверия советских чиновников и обычных граждан, утверждали, что она не была расстреляна. Один мой знакомый утверждал, что видел ее работавшей библиотекаршей в рабочем поселке сразу же после Второй мировой войны. Каплан была расстреляна 3 сентября 1918 г.; все остальные предположения – не более чем легенда. – *Прим. ред.*

Американская анархистка Эмма Голдман попросила Цеткин вступиться за Спиридонову, но Троцкий посчитал последнюю слишком опасной, чтобы выпустить ее на свободу. Она так и умерла в заключении где-то между 1937 и 1941 г[1]. Ее подруга Ирина Каховская – убийца генерала Эйхорна, во время Гражданской войны сражалась против белогвардейцев и даже планировала убийство Деникина. Как и большинство эсеров и анархистов, она считала белых еще большим злом, нежели большевиков, но в конце войны также очутилась в застенках ЧК[2]. Еще задолго до того как власть перешла к Сталину, революционные тюрьмы и лагеря были переполнены революционерками, которые сохранили свои взгляды и пытались формировать тайные организации и во времена сталинского террора[3]. Они были истинными наследницами женской радикальной традиции, равно как и большевички, некоторые из которых в 1930-х гг. разделят тюремные камеры с эсерками[4].

---

[1] На сегодняшний день историки располагают более точными официальными данными: Спиридонова была расстреляна 11 сентября 1941 г. в Орловской тюрьме. – *Прим. ред.*

[2] И.П.Каховская была реабилитирована в 1958 г. и умерла два года спустя в 1960 г. – *Прим. ред.*

[3] Сообщения о тайных организациях времен сталинского террора вызывают сомнение. – *Прим. ред.*

[4] *Goldman E.* Living My Life: In 2 vols. London, 1932. Vol. 2. P. 915. Хороший приятель Спиридоновой, Штейнберг, последний раз слышал о ней в 1931 г. Гусев считает, что она умерла в 1941 г. См.: *Гусев К.* Крах левых эсеров. М., 1963. С. 248. Роберт Конквест на основании воспоминаний польского заключенного, предполагал, что ее устранили в 1937 г. за отказ признать свое участие в бухаринском заговоре, целью которого было связать Бухарина с эсерами и планами покушения на Ленина. (*Conquest R.* The Great Terror. Harmondsworth, 1971. P. 399.). О Каховской см.: *Steinberg I.* In the Workshop of the Revolution. P. 177–179. Свидетельства об арестах и жестоком обращении с эсерками: *Kolbasina-Chernova O.* Les prisons soviétiques. Paris, 1922. P. 26–28; Partei der Linken Soziale-Revolutionäre. Berlin, 1933. P. 3. Наиболее полные воспоминания о той эпохе: *Олицкая Е.* Мои воспоминания: В 2 т. Париж, 1971. Описание эсерок в сталинских тюрьмах: *Ginsburg E.* Into the Whirlwind. Harmondsworth, 1968. P. 87, 93, 227.

Часть четвертая

ОСВОБОЖДЕНИЕ ЖЕНЩИН

Глава X
БОЛЬШЕВИСТСКОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ

Не делайте из моей женственности проблему.

Ниночка (американский фильм, 1939)

1. Границы равноправия

«Будущий историк, – писала после Гражданской войны Коллонтай, – несомненно отметит, что одной из характерных особенностей нашей революции было то, что женщины-работницы и крестьянки играли в ней не подсобную, как во времена Великой Французской революции, а активную действенную роль». Все нижеизложенное может служить лишь иллюстрацией этого замечания. Хотя для деятельности женщин, поддерживавших красных, была характерна изрядная доля стихийности, большевики, и в первую очередь Коллонтай, старались не пускать ее на самотек. В пропагандистском памфлете 1920 г., адресованном женщинам, Коллонтай призывала работниц и крестьянок всеми силами поддержать Красный фронт, включая и участие в военных действия. Однако, памятуя о своей предшествующей антивоенной пропаганде, Коллонтай постаралась разграничить эксплуататорский характер Первой мировой войны и освободительный и оборонительный характер Гражданской, связав воедино тезисы о способности женщин сражаться и необходимости защищать равенство, которое им дала революция. Советский публицист В.Быстрянский начал свою работу «Революция и женщина» (1920) со ссылки на утверждение Фурье, что уровень развития общества определяется степенью женской свободы в этом обществе, а также с лестных замечаний о военном потенциале женщин. Различные вариации этих доводов использовались такими пропагандистками, как Крупская, Балабанова и другими большевичками,

которые во время Гражданской войны занимали важные пропагандистские посты[1].

Что больше всего поражает в участии русских женщин в этой войне, так это разнообразие и новизна ролей, которые они играли. Как и раньше, женщины выполняли все возможные задачи в тылу, начиная от организации продовольственных и санитарных пунктов и заканчивая возведением укреплений и рытьем траншей в осажденных городах. Как и во время Первой мировой войны, женщины находились на медицинской и строевой службе, но в большем количестве и более организованно. Пропаганда, психологическая война, шпионаж и охрана порядка, знакомые раньше лишь немногим женщинам, отныне стали сферой их деятельности. В первый год войны участие в ней женщин было спонтанным и неорганизованным. В октябре 1919 г. Женотдел более точно определил функции женщин в армии и создал механизм широкомасштабного и регулярного набора женщин для участия в военных действиях. К концу войны (1920) начался призыв молодых женщин на нестроевую службу и женщины заняли высокие посты в военно-революционных комитетах и политотделах Красной Армии.

От царских времен и правления Керенского в армии еще оставалось некоторое количество женского медицинского персонала, однако, как свидетельствует историк Игумнова, эти женщины были враждебно настроены в отношении красногвардейцев и зачастую бросали их на поле боя. В 1919 г. были созданы специальные ускоренные медицинские курсы для работниц по основам санитарии и оказанию первой медицинской помощи. Их закончили около 6000 женщин, главным образом москвичек, в возрасте от 17 до 40 лет, партийных и беспартийных. Этих женщин также учили обращаться с винтовкой и проводили для них политзанятия, поэтому после выпуска некоторые из них были назначены комиссарами госпиталей. Эти еще неопытные добровольки слились со студентками-медичками и медсестрами Красной Гвардии, чтобы создать эффективную медицинскую военную службу. Попавшие в плен медсестры зачастую подвергались зверским пыткам со стороны белых. В 1919 г. возле Петрограда трех медсестер повесили на перекладинах полевого госпиталя, приколов к языкам комсомольские значки. Из тех, кто выжил, часть остались в медицине, другие стали культработниками и сотрудницами женотделов в 1920-х гг. Так традиция, способствовавшая возникновению женского вопроса во времена Крымской войны, стала одной из

---

[1] *Коллонтай А.М.* Положение женщины в эволюции хозяйства. М., 1922. С. 200; *Она же.* Работницы, крестьянки и красный фронт. М., 1920; *Быстрянский В.* Революция и женщина. Пг., 1920.

первых, несосознанно воспринятых большевиками, которые приспособили ее к своим политическим целям[1].

В военных действиях женщины также проявили себя. У нас есть примеры женщин, которые, как Бочкарева, проникли на фронт, переодевшись мужичинами, причем большинство из них и воспринимались как мужчины. Они воевали на всех участках фронта и любым оружием; они были стрелками, командирами бронепоездов, пулеметчицами. Именно образ пулеметчицы Красной Армии стал популярен в ранней советской литературе. Хотя общее число женщин, воевавших на стороне красных, было значительно больше, чем в армии Керенского, идеи о создании крупных, исключительно женских подразделений, как например женских батальонов, не возникло. Более распространенными были отряды численностью около трехсот человек, носившие такие названия, как «Коммунистический женский боевой отряд» или «Коммунистический женский отряд специального назначения». Они охраняли порядок в городах и держали оборону во время вражеской осады. Однако существовавли еще и передовые подразделения, чья деятельность вполне может сравниться с женскими батальонами. Когда во время польской кампании один из полков дрогнул, ситуацию спасла бешеная атака роты женщин, из которых все, за исключением одной, погибли[2].

Естественно, женщины были и в нерегулярных воинских частях – деятельность, которая была им знакома еще с 1812 г., когда богатырша Василиса Кожина (крестьянка, бывшая замужем за деревенским старостой) и ее товарищи поднимали на вилах, убивали косами и заживо сжигали отставших солдат наполеоновской армии. По воспоминаниям участников Гражданской войны, суровый и дружеский дух партизанской жизни оказался близок женщинам. Когда они попадали в плен, то дорого платили за свою службу – женщин из якутской группы, к примеру, заживо заморозили во льду. Так как разведчиков было очень трудно завербовать на вражеской стороне и легко потерять, революционные организации, действовавшие нелегально на белогвардейской территории, привлекали в качестве тайных агентов женщин, которые собирали информацию

---

[1] Данные о 6 000 выпускниках курсов: *Коллонтай А.М.* Работница и крестьянка в Советской России. Пг., 1921. С. 10–11. Игумнова утверждает, что в 1919–1920 гг. было обучено 50 000 медсестер (*Игумнова З.* Женщины Москвы в годы гражданской войны. М., 1958. С. 46–64). *Кощеев Н.А.* Н.К.Крупская в Прикамье. Ижевск, 1966. С. 55; Ленинградки: Воспоминания, очерки, документы. Л., 1968. С. 173–175; Коммунистка. 1921. 8–9. С. 40–41; Женщины города Ленина. Л., 1963. С. 156.

[2] *Halle F.* Woman in Soviet Russia. N.Y., 1933. P. 99. Женщины в революции. М., 1959. С. 261–263; Дочери революции: Сборник. М., 1923; Женщины города Ленина. С. 127–130, 153, 155; Коммунистка. 1921. 8–9. С. 41.

и вели подрывную деятельность. В Чите большевички общались с казаками и японскими офицерами; в Одессе и Баку образованные женщины вели пропаганду среди французских и английских солдат, причем на их родном языке. Эта работа имела настолько важное, значение, что Ленин приказал учредить специальную школу для женщин по обучению шпионажу и подрывной работе, чтобы затем вести ее в тылу Деникина. Школа, тайно действовавшая в одном из московских домов, возглавлялась грузинским революционером Камо, который обучал кавказских девушек искусству притворства, саботажа и тому, как себя держать на допросе. Выпускницы стали членами первого партизанского отряда специального назначения и выполняли различные разведывательные задания[1].

Наиболее колоритной фигурой из числа партизанок была Лариса Рейснер, ставшая прототипом героини пьесы Вишневского «Оптимистическая трагедия». Она родилась в Люблине, в семье профессора права, получила европейское и русское образование и была активным членом социал-демократических журналистских кружков. По общим отзывам, это была женщина поразительной красоты, которой, когда началась революция, только что исполнилось 22 года. Она принимала участие в подготовке Декрета об отделении церкви от государства, работала над проектом конституции 1918 г. и реформой русского алфавита вместе с Блоком и Маяковским. Неугомонная, опьяненная властью, она, надев портупею с маузером, возглавила разведывательный отдел волжской флотилии, организовывала и осуществляла шпионаж в тылу врага. Она была замужем за командующим этой флотилии, большевиком Раскольниковым. По окончании Гражданской войны Рейснер не смогла приспособиться к нэпу, который она ненавидела, как и многие из тех, у кого за плечами было партизанское рошлое. Остаток жизни она провела, путешествуя с Карлом Радеком, ставшим ее любовником. Лариса Рейснер умерла в 1926 г., а оба ее мужчины пострадали (так или иначе) во время политических чисток[2].

Впечатляет участие русских женщин в политработе среди красноармейцев во время войны, что, вероятно, повлияло на ис-

---

[1] Женское дело. 1912. Авг. 15. С. 5. Случаи участия женщин в нерегулярных соединениях: *Крупская Н.К.* женщина, равноправный гражданин СССР. М., 1937. С. 9; Октябрем рожденные. М., 1967. С. 89–95, 118, 122–127, 155–160; Правда, ставшая легендой. М., 1969. С. 113–124, 132–142, 186–190, 199; Женщины в революции. М., 1959. С. 226–233.

[2] Ленинградки: Воспоминания, очерки, документы. С. 162–169; Правда, ставшая легендой. М., 1969. С. 78–88. Воспоминания о Надежде Константиновне Крупской. С. 473; *Madelstam N.* Hope Against Hope: A Memoir. Harmondsworth, 1975. P. 28–32.

ход военных действий. Белые мучительно страдали от отсутствия отработанного пропагандистского механизма; большевики же, чьим хлебом насущным в предыдущие годы была именно агитация, сразу же осознали ее военное значение. К этой работе незамедлительно были привлечены женщины, которые еще задолго до войны доказали свою эффективность в агитационной деятельности. Коллонтай, после краткого пребывания на посту министра, полностью погрузилась в эту работу. Под разными личинами и званиями она странствовала по фронту вместе со своим мужем – моряком Дыбенко в специально оборудованном агитпоезде, отдавая политические указания и ведя большевистскую пропаганду. Ее памфлет «Будь стойким борцом!» (1919), адресованный потенциальным дезертирам, был в той же мере классическим примером патриотической пропаганды, в какой памфлет «Кому нужна война?» (1916) – образцом антивоенной. При сравнении этих двух работ видно, что Коллонтай, как и ее предшественницы-феминистки, считала одни войны лучше других. Соратницы Коллонтай по работе во время Первой мировой войны, Балабанова и Крупская, решали те же задачи в идеологической работе среди красноармейцев. Последняя путешествовала по огромному камскому бассейну на агитпароходе[1].

Политическая работа в Красной Армии велась через «полиотделы», существовавшие в каждом подразделении. Их деятельность координировалась агитационным отделом бюро Реввоенсовета в Москве, во главе которого стояла Варвара Каспарова – главный организатор политотделов. Обучавшиеся здесь или в школе агитаторов и инструкторов при ЦИК (также возглавляемой женщиной) женщины направлялись для руководства или укомплектования политотделов фронтов, армий или более мелких подразделений. Типичный политотдел представлял собой мобильную группу примерно из 20 человек, руководимую начальником или заведующим, за которой следовал фургон с политической литературой, подобранной в соответствии с солдатскими интересами. Команды агитаторов или отдельные инструкторы посещали фронтовые подразделения с лекциями, краткими беседами или наглядными материалами, рассказывающими о том, во имя чего сражаются мужчины и женщины Красной Армии. Политотделы использовались также с целью обсуждения политических вопросов с местным населением для его

---

[1] *Коллонтай А.М.* Будь стойким борцом! М., 1919; *Иткина А.М.* Революционер, трибун, дипломат: Очерк жизни Александры Михайловны Коллонтай. М., 1964. С. 94–97; *Balabanova A.* Impressions of Lenin. Ann Arbor, 1964. P. 77; *Дридзо В.* Надежда Константиновна. М., 1966. С. 102–104.

нейтрализации. Женщины, достигшие высоких постов в структуре политотделов, как правило, были давними участницами революционного движения и искусными агитаторами. В этом, как и во многих других отношениях, Гражданская война представлялась простым продолжением, только в более напряженном варианте, революционного движения. Традиция этой социально-политической борьбы сохранилась, когда в 1920-х гг. многие комиссары Гражданской войны заняли посты в женотделах. Так, война, которую исследователи, как ни странно, до сих пор не рассматривают как решающую стадию революционного процесса, явилась новым полем битвы для поколения подпольных борцов и школой для будущих социальных реформаторов[1].

Наиболее выдающейся женщино-«комиссаром» (понятие, которое использовалось достаточно вольно; но здесь имеется в виду глава политотдела) была бывшая «искровка» и участница московского восстания 1905 г. Землячка. Во время Гражданской войны ей было уже 40 лет. Единственным напоминанием о ее буржуазном происхождении было пенсне, которое гротескно смотрелось в сочетании с короткой стрижкой, сапогами, брюками и кожаным пальто. Беспощадная к врагам Землячка, не моргнув глазом, приказала расстрелять одну из своих соратниц, уличенную в измене, а после освобождения Крыма вместе с Белой Куном и другими большевиками руководила казнью тысяч белогвардейских офицеров и представителей «буржуазии». Будучи комиссаром 8-й, а затем 9-й армий, она беспощадно относилась к некомпетентности, брани, коррупции, «узкопартийным» тенденциям и требовала, чтобы мужчины относились к ней как к равной. «За кого вы меня принимаете? За институтку: Кисейную барышню?» – спросила она однажды одного командира, который в ироничной манере продемонстрировал уничижительное отношение к ней. Землячка и такие, как она, были вынуждены бороться с двойной враждебностью: некоторые офицеры, еще со времен Керенского ненавидевшие «комиссаров», отныне стали испытывать ненависть и к женщинам, которые, по их мнению, лезли не в свое дело[2].

Некоторые женщины во время Гражданской войны работали в ЧК, хотя данные об этом весьма малочисленны и ненадежны. Имеется большое количество сведений о женщинах-чекистках в

---

[1] Правда, ставшая легендой. М., 1969. С. 34–47, 71, 114–115; Женщины в революции. М., 1959. С. 43–51; *Коллонтай А.М.* Работница и крестьянка в Советской России. Пг., 1921. С. 10.

[2] Правда, ставшая легендой. С. 7–27. О терроре в Крыму см.: *Chamderlin W.H.* The Russian Revolution, 1917–1921: In 2 vols. N.Y., 1965. Vol. 2. P. 74.

антикоммунистических публикациях того времени, но в большинстве своем они не соответствуют действительности. К примеру Валишевский сообщает, что некая Гребенникова, «с сигаретой во рту и огромным револьвером за поясом», заставляла красногвардейцев насиловать женщин и детей, прежде чем их казнить. Антибольшевистский (и антисемитский) английский журналист Ходгсон рассказывает историю о «молодой еврейской девушке, известной как Роза», которая стреляла своим жертвам поочередно в каждый сустав или же варила кожу, снятую с их рук (хорошо известная техника изготовления перчаток). Из статей, объективно освещающих события, можно сделать вывод что в советской историографии сохранилась память лишь об одной чекистке – Ксении Ге, повешенной в 1919 г. В конце 1918 г. петроградское отделение ЧК возглавляла соратница Землячки по восстанию 1905 г. – Варвара Яковлева. Хотя доказательства о ее зверствах отсутствуют, нет никакой причины не верить тому факту, что Яковлева (будущая жертва партийных чисток) непосредственно ответственна за огромное количество казней, осуществеленных петроградским ЧК. Большевики не отрицали необходимость террора, вне зависимости от того, кто его осуществлял – мужчины или женщины[1].

Как много женщин сражалось в Гражданской войне? И кто они были? Цифры, если они верны, впечатляют, какими бы незначительными они не казались на фоне количества участвовавших в войне мужчин. По безусловно заниженным данным А.П.Богата на 1920 г., их было 73858, из них в списках погибших значилось 1854 (по подсчетам Коллонтай), и 55 – награжденных орденом Красного Знамени. Малочисленность сведений о набранных на военную службу женщинах, их социальном составе, осуществляемых функциях и происхождении, вновь указывают на то, что Гражданская война была той же революцией только в военном обличье. Женщины, находившиеся на высоких ответственных постах, в большинстве своем, были того же происхождения, что и игравшие ведущую роль в рабочем революционном движении: студентки, интеллигентки и политически подготовленные работницы, причем в первых двух группах было довольно много евреек. Рядовой женский состав состоял из работниц, прислуги, солдаток или вдов погибших. По сравнению с мужчинами женщины большей частью

---

[1] *Waliszewski K.* La femme russe. Paris, 1926. P. 205; *Hodgson J.L.* With Denikin's Army. London, 1932. P. 73; *Дидрикул Е.* Ксения Ге // Коммунистка. 1921. 8–9, С. 38–40. О Яковлевой см.: Большая Советская Энциклопедия. 1-е изд. Т. LXV. С. 464. Женщины, служившие в подразделениях «специального назначения», иногда использовались для казни бандитов (Правда, ставшая легендой).

находились на среднем уровне армейской иерархии, осуществляли скорее материально-технические и политические функции, нежели боевые, а в качестве офицеров находились чаще при штабе, чем на передовой. В общих чертах это было характерно и для всего революционного движения с момента его существования. Легкость продвижения по службе, а также частые переводы в отдаленные места сделали русских женщин той эпохи более мобильными (как в социальном отношении, так и географическом смысле), нежели женщин всего остального мира[1].

В суровых испытаниях этой кровавой войны сохранился и еще более усилился образ революционерки с несгибаемой волей, которая ни в чем не уступает мужчине. «В те годы под счастьем, – вспоминала бывшая медсестра Уральского фронта, – понималось не хорошее платье, удачный брак или уютная квартира с граммофоном; счастьем была работа на фронте среди раненых и умирающих». Как мы заметим позже, сексуальная жизнь всецело не игнорировалась, однако элемент дефеминизации среди революционерок, берущий начало со времен нигилистов, отразился в стиле одежды и следовании воинским добродетелям. Когда боевые товарищи назвали молодую женщину, одетую в огромную папаху, кожаный плащ и вооруженную браунингом, «дивчиной», она с достоинством ответила: «Сейчас я не девчина; я солдат Революции». Этих женщин возмущали разговоры об их женственности, и они решительно и успешно опровергали мужскую точку зрения о том, что военная служба – не женское дело. Личность большевистской «комиссарши», любопытно, но совершенно неверно представленная западными журналистами и режиссерами первых советских фильмов, была сформирована не столько Гражданской войной, сколько полувековым участием женщин в революционном движении[2].

---

[1] Данные Богата: Октябрем рожденные. М., 1967. С. 112. Данные Коллонтай: *Коллонтай А.М.* Работница и крестьянка в Советской России. С. 11.

[2] Правда, ставшая легендой. С. 204; Октябрем рожденные. М., 1967. С. 134. Нелепые костюмы амазонок, наподобие того, что описан в книге Лавренева «Ветер» (1926) – «штаны галифе нежно-розового цвета с серебряным галуном гусарским, сапоги лакированные со шпорами; сбоку шашка висит в серебре, на другой стороне парабеллум в чехле, на голове папаха черная с красным бантом» – вряд ли были правилом среди реальных женщин, воевавших в Гражданскую войну. См.: *Gasiorowska X.* Woman in the Soviet Fiction, 1917–1964. Madison, 1968. P. 144. Еще даже до начала большевистской революции товарищ министра социального призрения Временного правительства, кадетка графиня Панина, предпочитала носить «рабочую блузу и кожаную юбку». См.: *Stavrakis B.* Women and the Communist Party in the Soviet Union, 1918–1935. Western Reserve University, 1961. P. 25. Иконография данного периода свидетельствует о том, что большинство женщин носили простые солдатские кители или кожаные пиджаки, а также брюки, сапоги и шинели.

Участие женщин в политической жизни страны в послереволюционные годы можно разделить на два этапа. В течение первого (приблизительно 1917–1923 гг.) небольшая, но заметная группа женщин занимала ответственное положение во время Гражданской войны и сразу же после нее. Второй этап начался после 1923–1925 гг., когда среди большевичек не осталось хотя бы сколько-нибудь выдающихся личностей. С того времени женщины лишились властных позиций, престижа и общественной значимости, однако именно тогда женщины из самых низких социальных страт начали, хотя и ограниченно, участвовать в политической жизни. А умеренное количество женщин надолго вошло в среднее звено политической и административной власти. «Главные» большевички несомненно были менее заметны в любом списке ведущих представителей партии большевиков, нежели мужчины. Однако среди них были те, кто выделялся среди остальных большевичек своей политической работой, известностью или тем и другим – Стасова, Арманд, Балабанова, Коллонтай и Крупская. Все они родились в период с 1869 по 1878 г., и все с конца века имели партийные билеты, хотя на звание старых большевичек могли претендовать только Крупская и Стасова.

В 1917 г. Елена Стасова находилась в самом центре событий, выполняя функции партийного секретаря как во время революции, так и сразу же после нее. Она получила эту работу благодаря своей репутации хранительницы партийных традиций. Но после переезда правительства в Москву Стасова осталась в стороне – в лице Якова Свердлова Ленин нашел более эффективного администратора, который к тому же имел способности к занятиям политикой. Когда в 1919 г. Свердлов умер, Стасова возобновила работу в Секретариате под тройным руководством со стороны Крестинского, Преображенского и Серебрякова. В 1920 г., когда проходила реорганизация кадров, Стасова оставила этот пост и стала претендовать на руководство партийной канцелярией. Вместо этого Крестинский предложил ей работу в женотделе, которую она сразу же отвергла. Стасова, вероятно, была возмущена переводом ее на второстепенную работу, после того как она столько лет выполняла самую ответственную партийную работу. В конце концов она нашла приемлемый пост главы Международной красной помощи (МОПР), являвшейся Коминтерновским вариантом старого Красного Креста. С 1920 года, Стасова больше не оказывала влияния на советскую политическую жизнь. По сути дела, она была примером женщины, которая имела определенные административные таланты, но всегда была далека от теоретических проблем (по ее собственному признанию), и поэтому оказалась непригодной для

высшего эшелона партийного руководства, по-прежнему состоявшего в основном из теоретиков[1].

Инесса Арманд умерла от холеры в 1920 г. После Коллонтай она была второй женщиной на политическом небосклоне страны. Помимо руководства созданного ею женотдела Инесса занимала важные посты в партийных и советских органах, а также экономических учреждениях Московской губернии. Кроме того, она помогла создать международное коммунистическое движение, объединив сторонников большевиков на западе в III Интернационале. Ее известность как политической деятельницы безусловно усилилась благодаря исключительно близким отношениям с Лениным (и Крупской). Представление о том, что Инесса была любовницей Ленина, разделяемое многими западными учеными, не имеет никакого отношения к вопросу о ее политической значимости, а доказательства, которые приводят в поддержку этого мнения, неубедительны[2].

Анжелика Балабанова, которую мы иногда упоминали в связи с Первой мировой войной, являлась образцом русской радикалки. Несмотря на детство, проведенное в роскоши огромной украинской помещичьей усадьбы, у нее рано стало формироваться революционное сознание, после того как она поняла «разницу между теми, кто мог *дать*, и теми, кто вынужден *получать* ». «Моим страстным желанием, – вспоминала она, – было убежать из традиционной и эгоистичной обстановки, чтобы посвятить всю себя делу, которым я смогла бы жить и умереть. Это было не самоотречение, а желание прожить жизнь, которая сделала бы меня *полезной* страдающим массам». «Побег» привел ее сначала в Брюссель, а затем в Италию, где она стала ключевой фигурой социалистического движения, работая одно время секретарем Муссолини. После 1917 г. она вернулась в Россию, где занимала такие посты, как министр иностранных дел Украины и секретарь Коминтерна. Однако ее ревностное служение режиму большевиков не помешало ей отречься от него, когда он не оправдал ее ожиданий. «Деформация Октябрьской революции, – писала она, – прогрессирует в тех же пропорциях, в которых личность приходит на смену массам. Эта замена, в начале осуществляемая из добрых побуждений, со временем неизбежно приводит к деградации». В

[1] *Стасова Е.Д.* Страницы жизни и борьбы. М., 1960. С. 87–127; *Левидова С.М., Салита Е.Г.* Елена Дмитриевна Стасова. Л., 1969. С. 223–332.

[2] Связь Ленина с Арманд со ссылками на литературу рассматривается в моей статье «Коллонтай, Инесса, Крупская». См.: *Stites R.* Kollontai, Inessa, Krupskaya // Canadian-American Slavic Studies. 1975. Spring. IX. 1.

1921 г. Балабанова сложила с себя все полномочия и навсегда покинула Советскую Россию[1].

Из всех большевичек той эпохи Коллонтай была самой активной и разносторонней. Будучи в момент свержения Временного правительства членом Центрального Комитета большевиков, она вскоре была назначена наркомом государственного призрения. Во время краткого пребывания на этом посту Коллонтай проявила некоторые административные колебания. Вначале она неохотно применяла силу в отношении оставшихся непокорными чиновников царской России. Ленин с упреком спрашивал ее: неужели она думает, что революцию можно сделать в белых перчатках. Однако, когда Коллонтай предприняла несколько решительных действий против православной церкви, он предупредил ее, что в отношении религиозных чувств нужно проявлять больше такта. Между тем ее брак с молодым революционным матросом Павлом Дыбенко (романтические аспекты которого мы рассмотрим позднее) подорвал доверие к ней лидеров партии. Связь с ним, его непредсказуемое и сумасбродное поведение подрывали политическую репутацию Коллонтай. «Я не поручусь за надежность и стойкость в борьбе тех женщин, – сказал несколько лет спустя Ленин, – у которых личный роман переплетается с политикой». Однако это ни в коем случае не означало, что революционная карьера Коллонтай на этом завершилась. Она работала комиссаром по пропаганде на Украине, путешествовала вместе с Дыбенко по фронту на агитпоезде и возглавляла женотдел[2].

Уход Коллонтай с политической арены состоялся в 1922 г. в связи с ее деятельностью в Рабочей оппозиции, которую возглавлял ее бывший возлюбленный Шляпников. В 1921 г. Коллонтай собственноручно написала проект программы этой группы и распространила его среди членов партии. Программа была результатом ее веры в созидательную силу пролетариата, впервые сформулированной в работе «Социальные основы женского вопроса в России». Для борьбы с центризмом, авторитаризмом и бюрократизмом, завладевшими партией во время Гражданской войны, она предложила «коллективные, созидательные усилия самих рабочих». Ее основная идея заключалась в том, что коллективистские, межличностные отношения между производителями в

---

[1] *Balabanova A.* Note autobiografiche // I buoni artieri. Rome, 1957. P. 13; *Idem.* Impressions of Lenin. Ann Arbor, 1964. P. 120.

[2] *Иткина А.М.* Революционер, трибун, дипломат: Очерк жизни Александры Михайловны Коллонтай. М., 1964. С. 85–91; *Коллонтай А.М.* Воспоминания об Ильиче. М., 1959. С. 3–6; Первые пособия из Соцобеса // Москва. 1957. № 9. С. 156–158.

значительной степени повысят производительность труда, которая снизилась из-за появления чиновников – «начальников и бюрократов». Предложенная Коллонтай форма синдикализма, которую разделяли многие участники русского рабочего движения, была воспринята Лениным и другими как угроза единству и дисциплине партии. Со всей яростью, на какую он был только способен, Ленин отстоял свое мнение на судьбоносном десятом съезде партии, а так как Коллонтай упорно продолжала распространять свои идеи, ее сняли со всех постов и отправили с малозначительной дипломатической миссией в Норвегию. В конце концов, она дослужилась до поста советского посла в Швеции, однако ее карьера политического лидера большевистской партии закончилась[1].

Крупская была ключевой фигурой в организации большевистского движения в эмиграции не только как жена Ленина, но благодаря созданной ею сети переписки с агентами в России. Однако после возвращения Ленина и Крупской в революционную Россию не она, а Стасова была назначена руководительницей партийного секретариата, располагавшегося во дворце Кшесинской. Основными и постоянными заботами Крупской до и после смерти Ленина были агитация и образование. По собственному признанию, высокая политика не представляла большого интереса для нее, и Центральный Комитет часто делал ей замечания за систематические пропуски партийных заседаний. С другой стороны, она несомненно была намного больше, чем просто «первая дама великого Российского государства» (по благочестивому выражению Цеткин). Ее педагогическая и журналистская деятельность внесла немалый вклад в дело обучения и освобождения женщин. После ее хорошо известного конфликта со Сталиным во время болезни Ленина она превратилась в потенциальный центр объединения оппозиционных элементов, однако к 1925 г. все было решено, и Крупская стала понимать, насколько далека она от того, чтобы стать достойным противником коварному Сталину[2].

---

[1] *Коллонтай А.М.* Рабочая оппозиция. М., 1921. О значении этой группы в истории партии см.: *Daniels R.V.* Conscience of the Revolution. Cambridge, 1960. P. 128–163; *Avrich P.* The Russian Anarchists. Princeton, 1967. Ch. 8. О реакции партии на Коллонтай см.: *Иткина А.М.* Революционер, трибун, дипломат: очерк жизни Александры Михайловны Коллонтай. С. 106–107; *Balabanova A.* Impressions of Lenin. Ann Arbor, 1964. P. 98; Десятый Съезд РКП(б). Март 1921 г. М., 1933. С. 115–127; КПСС в резолюциях и документах. Т. 1. С. 650– 653; *Clements B.* Kollontai's Contribution to the Worker's Opposition // Russian History. 1975. II. 2. P. 191–206.

[2] *McNeal R.* Bribe of the Revolution: Krupskaya and Lenin. Ann Arbor, 1972; *Fitzpatrick S.* The Commissariat of Enlightenment. Cambridge, 1970; *Balabanova A.* Impressions of Lenin. P. 4, 65; *Цеткин К.* Воспоминания о Ленине. М., 1966. С. 8.

В 1924 г. английский журналист Ланцелот Лоутон отметил, что в Советском Союзе больше нет великих женщин-руководительниц[1]. Традиция, отводившая женщинам в революционном движении второе место, оказалась более сильной нежели стремление ввести полное равенство полов[2]. Советам никогда не удавалось соединить образовательное и экономическое равенство полов с политическим равноправием на каком бы то ни было уровне. Прекрасный пример тому – роль женщин в коммунистической партии. До Октябрьской революции в высшие партийные структуры входили лишь три женщины. В 1912 г. Стасова стала кандидатом в члены Центрального Комитета. В августе 1917 г. она была переизбрана вместе с Яковлевой. В это же время Коллонтай становится первой женщиной – полноправным членом ЦК, однако в начале следующего года она выходит из Комитета. С 1918 г. и до смерти Ленина в 1924 г. в центральных органах власти (ЦК, Оргбюро, Политбюро, Секретариат) не было ни одной женщины, за исключением Стасовой, которая в 1918–1919 гг. заседала в Центральном Комитете. В 1924–1939 гг. членами ЦК были всего лишь четыре женщины: руководительницы Женотдела Николаева (три раза) и Артюхина (дважды), Крупская (три раза) и бывшая ткачиха Анна Калугина (один раз). Типичные соотношения мужчин и женщин в ЦК – 1:50, 1:63, 1:70 и 1:71. Артюхина также несколько раз заседала в Оргбюро и была кандидатом в секретари. До 1956 г. в высших политических органах власти – Политбюро и Президиуме – не было ни одной женщины[3].

На низших партийных уровнях ситуация отличалась незначительно. К 1930-м гг. женщины занимали около 1/6 административных постов; некоторые поднимались и выше. До 1939 г. количество делегаток партийных съездов никогда не превышало 10% от общего числа. В 1930-е гг. наблюдался даже некоторый спад числа женщин на ответственных партийных постах. Рядовой состав партии также оставался преимущественно мужским. В 1924 г., после семи лет советской власти, в партии было всего лишь 8,2% женщин. К 1932 г. эта цифра удвоилась, но последующий прирост был уже незначительным. Даже после кровавых событий 1936–1945 гг., сокративших мужское население на 10%, женщин в партии было 17% – на один процент больше, чем в

---

[1] *Lawton L.* The Russian Revolution (1917–1926). London, 1927. P. 236.

[2] *McNeal R.* Women in the Russian Revolutionary Movement // Journal of Social History. 1971–1972. Winter. Vol. 2.

[3] Данные взяты из: *Daniels R.V.* Conscience of the Revolution. Cambridge, 1960. P. 422–433.

1932 г. Примечательной чертой женского элемента в партии в первые годы существования советской власти было то, что женщины в большей мере, нежели мужчины, представляли городское население (85% женщин и 75% мужчин), хотя в последующие годы это различие постепенно ослабло. В этническом отношении разницы практически не было: доминировали русские женщины и представительницы западных приграничных районов (полячки, прибалтки и еврейки). 60% коммунисток в других республиках (в особенности на Советском Востоке) не играли в партии заметной роли[1].

В большей степени, нежели в партии женщины были заметны в управлении. Никто никогда не подвергал сомнению, что в новом государстве женщинам будет предоставлено полное гражданское, юридическое и избирательное равноправие. Это нашло отражение в декрете, изданном в январе 1918 г., а затем закреплено в конституции. Однако на деле в управлении государственным механизмом было мало равноправия. Ни одна женщина никогда не занимала пост председателя Верховного Совета (чисто декоративная должность) или председателя Совнаркома, хотя Землячка одно время являлась заместителем председателя. Первым наркомом из женщин была Коллонтай, потерявшая этот пост через несколько месяцев; и вплоть до 1956 г. больше ни одна женщина не занимала похожее положение. Ряд женщин были комиссарами в Совете Республик. Но в целом, кабинетные должности оставались за мужчинами. В советской жизни имело место определенное кумовство, однако жены таких хорошо известных руководителей, как Ленин, Троцкий, Зиновьев и Каменев, занимались больше образованием, социальной и культурно-просветительской работой, нежели политикой. Иностранные наблюдатели отмечали, что в 1920-х гг. женщины были более заметны в ЧК, чем в других государственных органах, хотя и здесь они зачастую являлись рядовыми сотрудниками. Так как Гражданская война окончилась, то армия избавилась от женщин-командиров, солдат и комиссаров. Как отметила Коллонтай в 1922 г., Советское государство управлялось мужчинами, а женщины находились лишь на второстепенных позициях. По большей части такая ситуация сохранилась вплоть до настоящего дня[2].

---

[1] *Batsell W.* Soviet Rule in Russia. N.Y., 1929. P. 662; *Pierre A.* Les Femmes en Union soviétique. Paris, 1960. P. 126–127; *Fainsod M.* How Russia is Ruled. Cambridge, 1953. P. 21–231;. *Stavrakis B.* Women and the Communist Party in the Soviet Union, 1918–1935. Western Reserve University, 1961. P. 206, 210, 219, 238.

[2] L'égalité de la femme en U.R.S.S. Moscow, 1957. P. 17, 29; Октябрем рожденные. С. 152; *Monkhouse A.* Moscow: 1911–1933. London, 1933. P. 274; *Коллонтай А.М.* Положение женщины в эволюции хозяйства. М., 1922. С. 200, 205.

Попытки правящего режима привлечь женщин к политической работе зачастую носили символический характер, например включение несгибаемой эсерки-террористки Анастасии Биценко в состав советской делегации в Брест-Литовске. В Советской России появился символ освобожденных социальных групп в образе народной «тройки» – рабочего, матроса и женщины. Однако в реальной жизни это проявлялось так, как например во Владивостокском совете, которым руководил мужчина при помощи трех образованных женщин[1]; или как в случае с Троцким, который диктовал свою «Историю русской революции» стенографисткам; или же в других бесчисленных случаях, описанных в ранней советской литературе, когда женщины были подругами большевистских комиссаров и офицеров. Никто в действительности и не ожидал от русских женщин, более отсталых, чем мужчины в культурном и политическом отношении, что они смогут руководить советской политикой. Однако ясно и то, что выдающиеся женские способности не были использованы в должной мере правящим режимом, «слишком занятым», чтобы на каждом этапе гарантировать равноправие женщин.

Рост числа женщин в местных и региональных Советах (не говоря уже о высших уровнях) шел чрезвычайно медленно. К 1926 г. в городских Советах женщины составляли 18% от общего числа депутатов, а в сельских – 9%. Пройдет много времени прежде чем этот показатель поднимется до 40% в 1950-х гг. Тому были свои препятствия. Джессика Смит рассказывает, как женщины на местах обычно выбирали народную «бабу», вне зависимости от ее пригодности к политике, и как мужчины в Совете не оказывали ей никакой поддержки, говоря, что женщина хороша лишь для одного дела. Длительное время огромное количество женщин были исключены из политического процесса, а когда их избирали в органы власти, то они оставались пассивными. Тем не менее режим продолжал упорствовать в своих попытках вовлечь женщин в политику. Из года в год эта тема повторялась в резолюциях съездов Советов и Совнаркома, а также в ленинских выступлениях. В 1930-х гг. партия вновь обратились к завету Чернышевского о том, что «палку должно много перегнуть на другую сторону», применив его к государственным делам. В это же время была принята политика быстрого и намеренного продвижения женщин в систему управления. В новом советском лексиконе появилось понятие «выдвиженка» – современно мыслящая,

---

[1] *Williams A.Rhys.* Through the Russian Revolution. Moscow, 1967. P. 200.

деловая адмистраторша, выдвинувшаяся из безвестной части рабочего класса[1].

Однако неравенство сохранялось не только в государственном аппарате, но и в других структурах власти. В профсоюзах количество женщин в 1913 г. колебалось от 5 до 17%, а к 1922 г. их число возросло лишь до 22,2%. Для того чтобы сформировалось более естественное соотношение (50:50) потребовалось 40 лет. В руководящих профсоюзных органах количество женщин было и осталось значительно меньшим. Похожая ситуация наблюдалась в промышленности, образовании и других общественных институтах. Модель, созданная в первые пятнадцать лет советской власти, – мужчина на руководящих ролях, женщина на подчиненных – сохранилась вплоть до сегодняшних дней, несмотря на то, что постоянно наблюдался устойчивый рост численности женщин в органах власти[2].

Когда в XIX в. радикалки решили связать свою судьбу с «общим делом» – делом, инициированным, теоретически обоснованным и руководимым радикалами, они с готовностью отдали ему все свои силы, не требуя взамен полного и немедленного равноправия и участия в процессе принятия решений. Несомненно радикалки ожидали, что абсолютное политическое равноправие предоставит им революция. Однако об этой проблеме задумывались лишь немногие из них. Тотальная справедливость есть тотальная справедливость. Тем, кто стремился к полному равноправию в сфере власти, было крайне трудно реализовать свою программу в послереволюционной обстановке, поэтому большевички направили свои усилия на ликвидацию преград, стоявших на пути российских женщин к достижению равенства в социальной сфере и в области образования.

2. Женотделы

Всякий раз, когда революции предшествует длительный период подпольного движения, его структура (равно как руководство и идеология) накладывает отпечаток на политическую жизнь нового государства. Именно поэтому Россия большевиков стала страной комитетов, комиссий, съездов и тюрем. До 1917 г. большевистская

---

[1] *Pierre A.* Les Femmes en Union soviétique. Paris, 1960. P. 131–132; *Stavrakis B.* Women and the Communist Party in the Soviet Union, 1918–1935. Western Reserve University, 1961. P. 228–232; *Smith J.* Women in the Soviet Russia. N.Y., 1920. P. 35; *Толкунова В.М.* Право женщин на труд и его гарантии. М., 1967. С. 45. О «выдвиженках» см.: *Halle F.* Woman in the Soviet Russia. N.Y., 1933. P. 285–288.

[2] Женское дело. 1913. Март 15. С. 21; *Stavrakis B.* Women and the Communist Party in the Soviet Union, 1918–1935. P. 234–237; *Dodge N.* Women in the Soviet Economy. Baltimore, 1966.

партия представляла собой сеть местных комитетов, управляемых из центра небольшой группой людей при помощи газеты (для изложения основных идей) и внештатных агентов (для особых инструкций); обратная связь с центром осуществлялась через корреспонденцию, а также редко проходившие съезды и конференции. После 1917 г. большевики использовали те же средства политической организации и коммуникации (отныне усиленные железной дорогой, телеграфом и радио) для социальной мобилизации страны, точно так же как раньше использовали их для уничтожения предыдущего строя. Все «новые» способы социальной коммуникации имели предшествующие им образцы в истории революционного подполья. Не были исключением и методы работы Женотдела – послереволюционного органа Советской России, ответственного за освобождение женщин. Все они были сформулированы еще задолго до возникновения Женотдела в перечне инструкций, данных работницам Клавдией Николаевой в мае 1917 г.: создавать на своих фабриках социал-демократические группы; устанавливать связи с журналом «Работница»; проводить собрания[1]. В этом заключались все основные черты будущей организации – выбор руководителей, ответственность перед центром (редакторским советом), обратная связь с рядовыми членами через газету, выработка решений на местных собраниях.

Но как следует этот механизм использовать? И с какой целью? Для лидеров большевиков было само собой разумеющимся, что «пролетарское женское движение» продолжится и после революции; кроме того, это было необходимо и самому революционному движению. В 1921 г. Коллонтай, оглядываясь назад, говорила о взлелеянной в душах огромной массы женщин враждебности по отношению к новому режиму, об их опасениях, что он полностью уничтожит семью, провозгласит «бессердечное» отчуждение детей от родителей и разрушит церковь. Уже в 1918 г. она осознавала опасность разочарования женщин в новом строе, а также необходимость проведения среди них терпеливой, с расчетом на будущее, работы.

Хотя у Ленина в первые годы советской власти было мало времени, чтобы сформулировать свое мнение по данному вопросу, он тем не менее полностью соглашался с Коллонтай, Арманд и другими, говорившими о необходимости активного освобождения русских женщин, как в правовой сфере, так и в самой жизни. Таким образом, официальная, законодательная эмансипация (единственная, обычно отмечаемая историками) получила значе-

[1] Работница. 1917. Май 20. С. 3–4. См. Главу IX, 2.

ние социальной революции снизу. Таков был истинный исторический контекст возникновения Женотдела[1].

После Октябрьского переворота по вполне понятным причинам последовал год неудачных начинаний и бессистемной работы. Первым пробным шагом стала конференция работниц петроградского региона, проведенная в середине ноября 1917 г. Председательствовала на ней ветеранка антифеминистской пропаганды 1905–1908 гг. Николаева, помогали ей Коллонтай и другие интеллигентки. Некоторые из принятых на конференции самостоятельных резолюций (например, о защите материнства) послужили черновыми набросками для последовавших вскоре советских декретов, касавшихся женщин. Однако попытки создать внутри партийных комитетов женские группы ни к чему не привели. Национальный съезд, запланированный на Женский день в 1918 г., не состоялся. К некоторым результатам привели местные собрания, прошедшие весной 1918 г. По свидетельству Коллонтай, идея о новом проведении Всероссийского женского съезда была предложена ей старой ткачихой во время агитационного визита в Иваново. Ленин выразил свое согласие, но с обычной оговоркой, что этот съезд не должен вылиться в отдельное феминистское движение вне партии. Подготовкой съезда занималась комиссия, включавшая Арманд, Коллонтай, Свердлова и Николаеву, которые направляли в губернии агитаторов и – одновременно в бессистемной манере тех дней – готовились к местным выборам делегаток. Программа, представленная съезду, была весьма впечатляющей: продвижение женщин в структуры советской власти; борьба с домашним рабством и двойным стандартом морали; создание централизованных и коллективных жилищ, дабы освободить женщин от тяжелой домашней работы; охрана женского труда и материнства; ликвидация проституции; перевоспитание женщин для того, чтобы «дать коммунистическому обществу нового члена»[2].

---

[1] *Коллонтай А.М.* Работница и крестьянка в Советской России. Пг., 1921. С. 4–5; *Она же.* Работница за год революции. М., 1918. С. 18–19.

[2] О скудной истории первого года Советской власти см.: *Коллонтай А.М.* Работница за год революции. С. 22–28; *Она же.* Три года диктатуры пролетариата. М., 1921. С. 15–16; *Она же.* Работница и крестьянка в Советской России. С. 3–4; *Игумнова З.* Женщины Москвы в годы гражданской войны. М., 1958. С. 21–22; *Иткина А.М.* Революционер, трибун, дипломат: Очерк жизни Александры Михайловны Коллонтай. М., 1964. С. 84–96; *Левидова С.М., Павлоцкая С.А.* Надежда Константиновна Крупская. Л., 1962. С. 147; *Подляшук П.* Товарищ Инесса: Документальная повесть. М., 1965. С. 217–219; *Арбузова А.Е.* Вместе с партией // Женщины города Ленина. Л., 1963. С. 113–121.

Хотя организаторы рассчитывали на присутствие лишь 300 делегаток, съезд собрал более 1000 женщин в ярких красных косынках (преимущественно работниц), одетых в тулупы, живописные национальные костюмы или же в армейские шинели. Все они заполнили Кремлевский дворец, задрапированный красными полотнищами, и в первые минуты съезда создали шумный беспорядок. Председательствовала Николаева, а с приветственной речью выступил Свердлов. Коллонтай произнесла речь «Семья и коммунистическое государство», впоследствии часто цитируемую (и неправильно понятую). В ответ на нападки Арманд на котелки, кастрюли и индивидуальное домашнее хозяйство, а также на ее горячую поддержку коммунальных служб и яслей некоторые женщины стали выкрикивать «Не отдадим своих детей!». Появление Ленина стало сенсацией. Улыбаясь, он показал на свои часы, когда понял, что буря аплодисментов не утихнет. Его речь была не более чем кратким и общим выступлением в поддержку эмансипации и призывом к женщинам содействовать новому режиму. До сих пор в истории женского движения еще ни один глава государства не говорил что-либо подобное. Хотя большинство делегаток были мало обеспокоены идеологическими вопросами, и поэтому были склонны концентрироваться на более конкретных проблемах, они с удовольствием спели «Интернационал» и одобрительно зашумели, когда кто-то предложил убрать из словаря слово «баба». Для большинства делегаток это было первым знакомством с политикой и первым путешествием из мира своей деревни. Для организаторов же съезд был трудным упражнением в агитации, равно как и наглядным свидетельством того, что вся работа у них еще впереди. Этот съезд состоялся десять лет спустя после проведения первого Всероссийского женского съезда. Дамы с лорнетами и в меховых манто 1908 г. уступили место суровым работницам и комиссаршам 1918 г. (Коллонтай из уважения к присутствующим была скромно одета в черное). Однако основное различие заключалось в том обстоятельстве, что съезд 1908 г. ознаменовал собой кульминацию феминистского движения – прекрасного и искреннего движения, которое было значительно ослаблено и подорвано неприятием правительством даже его ограниченных целей. Съезд же 1918 г. был открытой демонстрацией того факта, что некоторые лидеры большевиков активно поддерживали дело освобождения женщин в той степени, в какой они его понимали. Прежде чем работа съезда была завершена, участники

приняли решение о разработке механизма для реализации его целей[1].

Первоначально этот механизм принял вид «комиссий по агитации и пропаганде среди работниц». Понятие «комиссия» означает *ad hoc* организацию, прикрепленную к постоянным партийным органам, а слово «работница» стало стилизованным обозначением всех работавших женщин, вне зависимости от их общественного положения. Возглавляемая Арманд, Коллонтай и Мойровой Центральная комиссия создала свои отделения на низших партийных уровнях. Материалы, собранные Емельяновой в провинциальных архивах партии, указывают, что медленному и утомительному процессу учреждения женских комиссий зачастую препятствовало сопротивление этой идее со стороны местного населения. Однако этот проект получил одобрение на VIII съезде партии (1919). Позднее комиссия была реорганизована в отдел по работе среди женщин (Женотдел) ЦК, повысив тем самым ее статус. Первой заведующей Женотдела стала Инесса Арманд, сохранявшая этот пост вплоть до своей смерти в 1920 г. Используя методы, разработанные в ходе революции, Арманд со своим московским штатом создала сеть местных женотделов, в которые вошли члены партии и добровольцы, известные как «женорганизаторы». Вся система женских отделов в совокупности называлась Женотдел[2].

Во время Гражданской войны Арманд использовала Женотдел для мобилизации женщин в помощь Красной Армии и новой власти. Группы пропагандистов, наподобие тех, что возглавля-

---

[1] О съезде см.: *Емельянова Е.Д.* Революция, партия, женщина: Опыт работы среди трудящихся женщин (октябрь 1917–1925 гг.). Смоленск, 1971. С. 74–87; *Halle F.* Woman in the Soviet Russia. N.Y., 1933. P. 94–95; *Stavrakis B.* Women and the Communist Party in the Soviet Union, 1918–1935. Western Reserve University, 1961. P. 97; *Коллонтай А.М.* О Владимире Ильиче Ленине: Воспоминания, 1900–1922 годы. М., 1963. С. 221–223; *Подляшук П.* Товарищ Инесса. С. 223; Женщины в революции. М., 1959. С. 187–200.

[2] Об истории Женотдела существует диссертация Ставракис (на английском языке), однако она страдает повторами и слабым анализом. Более ценной представляется доклад Кэрол Юбэнк, прочитанный на конференции, посвященной женщинам России в Стенфорде в июне 1975 г., и опубликованный в журнале «Russian History» (*Eubank C.* The Bolshevik Party and Work Among Women, 1917–1925). Краткую хронологию Женотдела см.: Большая Советская Энциклопедия. 2-е изд. Т. XVI. С. 62. Кроме того, были использованы биографии и работы коммунистических лидеров той эпохи (в особенности Коллонтай и Арманд), воспоминания лиц, занимавших низшие посты, которые были написаны гораздо позднее, материалы прессы, опубликованные документы Женотдела, архивные материалы.

лись Крупской и Коллонтай, в агитпоездах и на агитпароходах добирались до областей, занятых красными, останавливались в отдаленных деревнях, чтобы «попотчевать» местное население плакатами, песнями и плясками, а также своими выступлениями. Знаменитая «Наташа» (К.И.Самойлова), которую русские женщины с любовью называли «наша мама», плавала вверх-вниз по Волге, выступая с палубы «Красной Звезды» с просьбой о поддержке советской власти и обещаниями освобождения. В одной из таких поездок она умерла от холеры. На местном уровне проводились «субботники» и «дни раненых красноармейцев» с целью вовлечения прежде пассивных женщин в такие виды работ, как шитье нижнего белья, уход за солдатами. Однако процесс этот шел весьма медленно. Иногда партия использовала работниц Женотдела для таких мероприятий, как распределение пищи, забота о детях и сиротах, борьба с безграмотностью и суевериями – то есть в тех сферах деятельности, которые по сути являлись советскими эквивалентами *Küche, Kinder, Kirche*[1]. Арманд работала до изнеможения по 14–16 часов в день. Партия отправила ее для отдыха на Кавказ, но там осенью 1920 г. она заболела холерой и умерла[2].

На ее место была назначена Коллонтай. В 1918 г. ее обошли, не предложив ей этот пост, вероятно, только из-за уверенности со стороны руководства партии, и особенно Ленина в надежности и преданности Арманд. Отдельно друг от друга до революции и вместе после нее, Коллонтай и Арманд помогали женскому движению оформляться; кроме того, они придерживались одинаковых взглядов и на проблему женского освобождения[3]. Коллонтай никогда не выступала в защиту самостоятельного «феминистского» движения в рамках партии или вне ее, она даже надеялась искоренить некоторые чисто «женские» черты работы Женотдела

---

[1] Küche, Kinder, Kirche (*нем.*) – кухня, дети, церковь. – *Прим. пер.*

[2] О работе Женотдела во время Гражданской войны см.: *Коллонтай А.М.* Работница и крестьянка в Советской России. С. 6–7, 31–32; *Она же.* Положение женщины в эволюции хозяйства. М., 1922. С. 183; *Она же.* Три года диктатуры пролетариата. М., 1921. С. 19–22; КПСС в резолюциях и решениях. Часть 1, 1898–1924. С. 503; *Игумнова З.* Женщины Москвы в годы гражданской войны. С. 31–49. О последних годах жизни Инессы Арманд см.: *Fréville J.* Une grande figure de la Révolution russe: Inessa Armand. Paris, 1957. P. 121–179; *Подляшук П.* Товарищ Инесса. С. 187–230; *Balabanova A.* Impressions of Lenin. Ann Arbor, 1964. P. 14. О Самойловой см.: *Морозова В.* Рассказы о Землячке; Клавдичке; Конкордии. М., 1970. С. 514–524.

[3] При явном совпадение их взглядов они не очень-то ладили друг с другом и открыто спорили по ряду вопросов (*Виноградская П.* Памятные встречи. М., 1972. С. 196–198).

15 Заказ 5510

(например «женские страницы» в партийных газетах). Однако она в равной степени сопротивлялась любым предложениям о ликвидации самого Женотдела. Отличительными чертами русских женщин, считала Коллонтай, были пассивность и отсутствие самосознания. Она говорила Эмме Голдман (отклонившей ее приглашение работать в Женотделе), что женщины «невежественны в отношении простейших жизненных принципов, физических или каких-либо иных, а также в отношении своих собственных функций в качестве матерей и граждан». Поэтому необходимо было настойчиво повышать уровень сознания этих женщин и по-особому решать специфические женские проблемы, например защиты материнства. Но это, говорила она, не был феминизм[1].

Коллонтай была права. Это не был феминизм, по крайней мере, не в том смысле, в котором это слово тогда понималось. С 1848 по 1920 г. феминистское движение Западной Европы и Америки краеугольным камнем эмансипации считало право голоса. После его достижения ни одно феминистское движение на Западе, вплоть до недавних лет, не предпринимало каких-либо дальнейших шагов по реализации программы экономического или сексуального освобождения, и в еще меньшей степени оно принимало участие в массовом движении за освобождение работниц или национальных меньшинств. «Феминизм» большевиков пересмотрел повестку дня западного феминизма. Для последнего политическая эмансипация являлась конечной целью, а для первого – это было лишь началом.

Во время своих многочисленных назначений в годы Гражданской войны Коллонтай всегда (за исключением периода серьезной болезни) была в курсе работы Женотдела. Коллонтай руководила Женотделом с неиссякаемым оптимизмом, энергией и талантом, который она уже продемонстрировала в иных сферах революционной деятельности. Два года ее пребывания в этой должности (1920–1922) явились для Коллонтай периодом эмоциональных и политических решений. Самым важным практическим достижением Коллонтай было то, что она переориентировала Женотдел со вспомогательной провоенной деятельности (война окончилась в 1920 г.) в русло психологической и социальной демобилизации. Наиболее впечатляющим мероприятием было начавшееся освобождение так называемых женщин Востока – мусульманок, христианок, евреек, буддисток из окраинных районов Кавказа, Волги и Центральной Азии, где господствовали

---

[1] *Коллонтай А.М.* Работница и крестьянка в Советской России. С. 3, 23–27; *Goldman E.* Living My Life: In 2 vols. London, 1932. Vol. 2. P. 756–757.

кодексы сексуального поведения, неизвестные в остальной части России. Самым суровым из них был мусульманский шариат, по которому женщина практически не имела своего статуса[1] и рассматривалась лишь как средство для доставления наслаждений, прислуга, домохозяйка и воспитательница детей. Символом женской изоляции и неприкосновенности была «чадра» во всех ее видах, самым строгим из которых была паранджа – тяжелое, сделанное из конских волос одеяние, ниспадавшее до пола. Проведя серьезную организационную работу среди этих женщин, Коллонтай привезла некоторых из них на съезд в Москву, где экзотические гостьи перед удивленной публикой сорвали со своих лиц покрывала. Критикуемая некоторыми соратниками за исключительную театральность Коллонтай сказала Луизе Брайант, что «любая новаторская работа театральна»[2]. Не в первый и не в последний раз женская одежда рассматривалась как порабощающий, сексистский фетиш, а снятие с лица покрова стало излюбленным жестом при вступлении в общество свободных женщин советского Востока.

Деятельность Коллонтай в рабочей оппозиции положила конец ее политической карьере в России и благосклонности вышестоящих соратников по партии. Ее направили за границу, где она с незначительного дипломатического поста в Норвегии сумела проделать путь до первой в новой истории женщины-посла в Швеции. Она возобновила теоретическую разработку проблемы освобождения женщин и написала ряд работ, которые сыграют судьбоносную роль в развитии революции морали 1920-х гг. Между тем снятие Коллонтай с поста главы Женотдела нанесло удар не только по женскому движению в России, но и по самому все еще неустойчивому Женотделу. Партийные власти хотели заменить Коллонтай какой-нибудь сравнимой с ней по значимости фигурой. По свидетельству Балабановой ей предлагали занять эту должность, но она отказалась на том основании, что у нее самой нет ни той заинтересованности, ни того таланта, который продемонстрировала Коллонтай. Еще раньше такое же отношение высказала и Стасова, когда ей предложили заняться «женской» политической работой[3]. Тот факт, что от поста отказалась и последняя из ряда крупных политических фигур – Крупская,

[1] В данном контексте понятие статус используется как синоним понятий чести и престижа. – *Прим. ред.*

[2] *Bryant L.* Mirrors of Moscow. N.Y., 1923. P. 121–122. Паранджа и другие традиционные одеяния мусульманок выставлены в ленинградском Музее этнографии.

[3] *Balabanova A.* Minnen och upplevelsen. Stockholm, 1967. P. 207; *Стасова Е.Д.* Страницы жизни и борьбы. М., 1960. С. 110.

означало, что этот пост должен перейти к менее значимой личности. Это было первым признаком начинавшегося упадка Женотдела как политической силы. Преемницы Арманд и Коллонтай, хотя и являлись знающими свое дело революционерками, определенно были менее выдающимися личностями.

Первой из них была Софья Николаевна Смидович – ровесница Коллонтай, родившаяся в Туле, так же социал-демократка с 1898 г. Однако Смидович окончила лишь среднюю школу, а ее интересы были значительно уже, чем у Арманд или Коллонтай. В 1905–1917 гг. она и ее муж были хорошо известной большевистской парой. После 1917 г. Смидович вместе с Инессой Арманд работала в московских комитетах и Женотделе, ведя агитацию среди зачастую враждебно настроенных работниц. В 1919–1922 гг. она возглавляла Московский региональный женотдел. Всегда аккуратная, со стянутыми в узел темно-рыжими волосами, в длинной юбке и темной блузке, Смидович приходила в отчаяние от циничного отношения людей к детям-беспризорникам. Однажды она нечаянно стала свидетельницей того, как один житель Москвы подстрекал облить керосином и подожечь пару юных огрызавшихся хулиганов. Как жена и мать троих детей, 50-летняя Смидович, казалось, больше заботилась о защите одиноких матерей и брошенных детей, нежели о теоретизировании по поводу сексуальных прав. После ее временного пребывания в должности главы Женотдела (1922–1924) Смидович стала откровенным противником распространившихся в то время идей сексуальной свободы[1].

На смену ей пришла Клавдия Николаева, долгое время бывшая одной из центральных фигур большевистского женского движения. Ветеранка съезда феминисток 1908 г., редактор «Работницы» образца 1914 и 1917 гг., она была первой женщиной-рабочей, возглавившей Женотдел. Подобно своей наставнице и подруге Коллонтай, Николаева некоторое время (после XIV съезда партии 1925 г.) находилась в оппозиции, но вскоре вернулась в лоно единомышленников и так же как и Коллонтай, выжила во время чисток и смогла достичь высоких партийных постов. В 1927 г. Николаеву сменила Александра Васильевна Артюхина, которая принадлежала к тому же поколению (родилась в 1889 г.) и той же социальной группе (она была петербургской ткачихой). Награжденная множеством знаков отличия и весьма чтимая в последние годы своей жизни за производственную деятельность

[1] *Аренштейн А.* Ранним московским утром. М., 1967; Женщины русской революции. С. 425–433, 568.

и профсоюзную работу Артюхина была последней руководительницей Женотдела, который в 1930 г. был неожиданно распущен[1].

Как работал Женотдел? Его штаб-квартира, называвшаяся некоторыми остряками «ЦентроБаба», находилась в доме № 5 на Воздвиженке, рядом с Кремлем. Штат, по крайней мере согласно штатному расписанию, состоял из 22 сотрудниц на жаловании – заведующей, ее заместительницы, помощниц и секретарши. Ответственная перед Секретариатом партии заведующая контролировала не только внутренние дела Женотдела, но и распространяла свое влияние на любую сферу жизни, затрагивавшую интересы женщин. К примеру, она поддерживала тесные и постоянные связи с такими органами, как Отдел охраны материнства и младенчества при комиссариате государственного призрения, Комиссия по борьбе с проституцией, комсомол, Центральная телефонная станция партии, а также с огромным количеством бюрократических структур, связанных с продовольствием, страхованием, образованием, благосостоянием, Советами, профсоюзами и даже с литературными кругами. Женщины – партийные лидеры, со своими собственными сферами ответственности – В.П.Лебедева (материнство), Крупская (просвещение) и Мария Ульянова (журналистика) – координировали свою деятельность с работой Женотдела. Таким образом, механизм большевистского женского движения достиг национального масштаба – по всей стране раскинулась сеть женотделов[2].

Руководительницы более низкого уровня имели то же революционное прошлое, что и заведующие Женотделом. Людмила Менжинская, заместительница заведующей при Коллонтай и Смидович, работала журналисткой и сотрудничала в первой «Работнице» образца 1914 г. Ее преемница В.А.Мойрова была дочерью одесской прачки. Мойрова посещала московские Высшие женские курсы, а в 1917 г. стала членом партии. Как протеже Коллонтай, она была назначена главой украинского Женотдела, а позднее стала заместительницей в центральном Женотделе. На провинциальном уровне типичной энергичной руководительницей женотдела была Ольга Варенцова, революционерка со стажем из Иванова, которая еще задолго до революции смогла создать большевистскую женскую цитадель. С прямыми

---

[1] Ленинградки: Воспоминания, очерки, документы. Л., 1968. С. 139–149; Женщины русской революции. С. 290–303, 566. Октябрем рожденные. М., 1967. С. 12– 33; Женщины города Ленина. Л., 1963. С. 394.

[2] *Иткина А.М.* Революционер, трибун, дипломат: Очерк жизни Александры Михайловны Коллонтай. С. 103–104; Доклад отдела по работе среди женщин ЦКРКП. М., 1922.

волосами, в серой вязаной кофте и изношенных ботинках Варенцова являла собой настоящий образец «женотделовки». Другой провинциальной руководительницей, на этот раз в Одессе, была Анна Панкратова (1897–1957) – впоследствии известный историк. В своей основе «женотделовки», как правило, были работницами-коммунистками, профессиональными революционерками и участницами Гражданской войны. Непривычным был лишь их молодой возраст[1].

Из московского центра исходили импульсы пропаганды, агитации и мобилизации, передаваемые местными отделениями в женские массы. В дореволюционные времена пропаганда означала сообщение большого количества идей нескольким людям, а агитация – донесение одной основной идеи до многих. В Женотделе средством пропаганды было печатное слово, так как оно передавало теорию, новости и инструкции относительно небольшому количеству грамотных женщин. Широкое хождение имели работы классиков марксизма о женском вопросе, издававшиеся небольшими брошюрами. Центральным печатным органом оставалась «Работница», а журналом, посвященным в основном теоретическим вопросам, была «Коммунистка» Крупской. Внутренние бюллетени и такие местные женские журналы, как «Крестьянка», «Делегатка», «Красная сибирячка» – всего восемнадцать изданий – к 1930 г. увеличили свой общий тираж до 670 000 экземпляров. Когда же руководительницы обнаружили, что женщины по-прежнему читают журналы мод, они стали добавлять в свои издания модные страницы. Официальные партийные органы печати ввели свои «страницы для женщин», сделанные по образцу «странички работницы» Ульяновой в «Правде». Ульянова и Крупская поощряли женщин рабкоров и селькоров к участию в общей дискуссии[2].

---

[1] Женщины русской революции. С. 564–567; Ленинградки: Воспоминания, очерки, документы. С. 59, 409; Октябрем рожденные. М., 1967. С. 141–142; Правда, ставшая легендой. М., 1969. С. 157–158; *Большевиков П., Горбунов Г.* Ольга Афанасьевна Варенцова. М., 1964. С. 48–61.

[2] *Коллонтай А.М.* Работница и крестьянка в Советской России. С. 15–16; *Chamberlin W.* Soviet Russia. N.Y., 1931. P. 374; *Smith J.* Women in Soviet Russia. N.Y., 1928. P. 59; *Ершов Д.А.* Мария Ильинична Ульянова. Саратов, 1965. С. 83–84; М.И.Ульянова, секретарь «Правды». М., 1965. С. 68–69, 235. Рекомендуемая литература для чтение работавшим в Женотделе женщинам включала небольшие работы Цеткин, Бебеля, Коллонтай и Лилианы Зиновьевой (Коммунистка. 1921. Янв.–февр. С. 59). Точные данные о методах работы Женотдела см.: Сборник истории отдела ЦКРКП по работе среди женщин. М., 1920; Спутник организатора крестьянок. М., 1927; Программы для курсов переподготовки работников среди женщин, 1928 г. М., 1928; К перевыборам делегатских собраний, 1929–1930 года. М., 1929.

Однако печатной пропаганды было недостаточно для страны, в которой большинство женщин не умели читать. Было решено «пойти в народ». Методы варьировались в зависимости от географии и обстоятельств. Куда только пролегали железнодорожные пути, туда и шли агитпоезда; еще эффективнее были агитпароходы в обширных бассейнах Камы и Волги. В Центральной Азии передвижными штабами активисток Женотдела, выискивавшими изолированные сообщества угнетенных женщин, стали «красные юрты». В произнесенной в 1920 г. речи глава парторганизации Петрограда Зиновьев заявил, что поскольку большинство работниц не умеют читать и не приходят на собрания, партия сама должна пойти к ним, направив команды пропагандисток в бани, в которых женщины всегда собираются, чтобы посплетничать. В городах одетые в кожаные пальто и сапоги комсомолки собирались в штаб-квартирах местных женотделов (представлявших собой, как правило, одну комнату), получали там инструкции и отправлялись на фабрики и в жилые районы, чтобы организовывать женщин, проводить собрания или создавать читальни. Тот же процесс, но с гораздо большими трудностями, шел и в деревнях. В конце агитационного пути стояли крестьянка или работница, которые и были целью этого широкомасштабного упражнения в социальной коммуникации. Работница табачной фабрики, бывшая эсерка, участница Гражданской войны, глава местного женотдела Вера Алексеева – достойная преемница Веры Павловны Чернышевского – приглашала женщин в швейный кружок, где читала им лекции о политике, кооперации и гигиене[1].

Однако, как это еще раньше поняла героиня Чернышевского, бесед с женщинами лицом к лицу недостаточно[2] . Ключом к завоеванию русской женщины оказалось непосредственное вовлечение ее в освободительную работу, превращение ее из объекта в субъект. Первым испытанным методом явились «секции работниц», организованные волонтерками для активной партийной работы. Однако они потерпели неудачу, так как привлекли к себе женщин, давно интересовавшихся политикой и потому не смогли оказать никакого влияния на массы. Впоследствии

---

[1] *Chamberlin W.* Soviet Russia. P. 374; *Зиновьев Г.* Новые задачи нашей партии от войны к хозяйству. М., 1920. С. 19–20; *Аренштейн А.* Ранним московским утром. С. 176–177; *Smith J.* Women in Soviet Russia. P. 57. Модель агитпоезда времен Гражданской войны можно увидеть в Государственном историческом музее Ленинграда.

[2] *Чернышевский Н.Г.* Что делать? М., 1963. С. 196; *Арманд И.* Статьи, речи, письма. М., 1975. С. 114–123.

Арманд со своими соратницами разработала новую технологию – «делегатские собрания», задуманную как постоянную школу политики и освобождения. Суть ее заключалась в том, что организаторы проводили выборы среди женщин, скажем фабрики. Работницы выбирали из своих рядов делегатку в Женотдел сроком на 3–6 месяцев. Сами по себе выборы были шагом к развитию самосознания. «Когда серая, отсталая, беспартийная работница выбирает свою представительницу, она чувствует, что совершает политический поступок», – писала Коллонтай[1]. Затем делегатка, с красной косынкой на голове в качестве символа занимаемой ею должности, работала практиканткой-наблюдателем в различных сферах общественной деятельности: на фабрике, в Советах, в профсоюзах, коммунальных учреждениях (особенно школах, больницах и центрах общественного питания). После ее пребывания в мире практической политики она возвращалась в Женотдел и свой избирательный округ и докладывала о том, что видела. Таким образом, в одно и то же время она была избранным политиком, администратором, пропагандистом и критиком. Затем ее место занимали избирательницы, захваченные игрой в политику.

Организация выборов делегаток была трудной работой, особенно в провинции. Одна крестьянка в Рязанской губернии попыталась привлечь женщин на собрание, но безрезультатно; тогда она стала ходить по домам и читать книги, чтобы пробудить любопытство деревенских женщин. Общим тормозящим фактором была нерешительность. «Я не справлюсь с этим, – заявляла работница обувной фабрики Мария Суворова, которую избрали делегаткой, – я плохо образованна». Однако товарищи убедили ее, и она провела следующие месяцы, посещая суд, кооператив, отдел здравоохранения (в Совете) и школы, узнавая и докладывая о каких-либо недостатках. Подобные отчеты делегаток предназначались для того, чтобы контролировать и улучшать систему управления, равно как и прививать женщинам чувство социальной ответственности[2].

Вполне понятно, что иногда возникали трения между перегруженными работой и измотанными администраторами (в основном мужчинами) и временными делегатками. И зачастую деле-

---

[1] *Коллонтай А.М.* Работница и крестьянка в Советской России. С. 29–30.

[2] *Левидова С.М., Павлоцкая С.А.* Надежда Константиновна Крупская. Л., 1962. С. 256; *Арманд И.* Отчет о первой международной конференции коммунисток (1920). М., 1921. С. 83–85; Женщины в революции. М., 1959. С. 279–282, 330–334; Женщины города Ленина. С. 166–176.

гаткам давали тривиальную рутинную работу, чтобы они не мешали выполнению повседневных задач. Но, как правило, делегатка многое видела и честно об этом докладывала. И не вызывает сомнений, что система выбора делегаток сыграла важную роль в повышении уровня сознания многих «отсталых» женщин, непосредственно познакомив их с реалиями управленческой жизни, бывшей до тех пор тайным миром за пределами ее понимания. По словам одной из руководительниц Женотдела, делегатка стала «угрозой бюрократам, пьяницам, кулакам и всем тем, кто выступал против советских законов». В советском словаре 1920-х гг. слово «женделегатка» заняло почетное место после «комсомолки». Иногда общественная работа настолько поглощала делегатку, что она начинала пренебрегать семьей и домашними делами. Первые советские романы и рассказы отразили случаи домашних раздоров между активисткой женотдела и ее сбитого с толку мужа[1].

Окончанием обучения делегатки и завершением очередного этапа социальной мобилизации была периодически проводимая конференция или съезд, где женщины из различных регионов страны (как это делали старые феминистки) могли познакомиться с новыми людьми и поделиться опытом. «Женщина, которая приехала в Москву из какой-нибудь отдаленной деревни, – говорила Коллонтай Луизе Брайант, – по возвращении является уже более или менее важной персоной, и вы можете быть уверены, что эта поездка – событие для всей деревни». Было проведено огромное количество разнообразных конференций. Во времена Гражданской войны разного рода непартийные конференции использовались большевичками для того, чтобы отбить еще не определившихся с политическим выбором женщин у своих конкурентов – эсеров и меньшевиков. Одесская меньшевичка Юлия Гринфельд вспоминала одну из таких конференций, проведенных в Одессе в 1920 г., на которой группа большевичек-клакеров расселась по всему залу и заглушала криками выступления меньшевиков. Когда слово взяла Гринфельд, председательствовавшая большевичка так настойчиво дергала выступавшую за юбку, что в конце концов разорвала ее. Таким образом, съезды женщин в Советской России были скорее демонстрацией солидарности и торжества коммунистиче-

[1] *Chamberlin W.* Soviet Russia. P. 373; *Астахова Н., Целиариус Е.* Товарищ Ольга. М., 1969. С. 130. Образ делегатки прославлен Маяковским в его хорошо известной поэме «Владимир Ильич Ленин». О литературе, описывавшей семейные раздоры, смотри следующую главу.

ского сознания, чем свободными дискуссиями в их западном понимании. Последним важным собранием рассматриваемого периода был съезд женщин-депутаток Советов (1927) – впечатляющий результат проделанной в последние десять лет работы. И хотя в ходе его проявились и давнишние недостатки женского движения и мужские предрассудки, тем не менее, по словам присутствовавшего там Уильяма Чемберлена, съезду были присущи «ощущение власти и определенные достижения», а также «нотка почти трогательной веры в новое советское Евангелие»[1].

Прекрасный пример работы на низших уровнях показал Женотдел Украины, руководимый Ольгой Пилацкой (1926–1930), большевичкой с 1904 г. и одним из организаторов захвата власти в Москве в 1917 г. Еще до революции во время поездки в Англию она пропиталась отвращением к «буржуазному» феминизму. Это была проницательная и прямолинейная женщина, избегавшая шаблонов и поощрявшая своих соратниц к принятию на себя ответственности. Она была лояльна по отношению к своим сотрудницам, охраняя их от клеветы, но никогда не противоречила вышестоящим партийным лидерам в Харькове и Москве, когда возникала потребность в бичевании оппозиционных элементов. Две помощницы Пилацкой хранили картотеку с досье на всех сотрудниц, которая использовалась при назначениях на должности, перемещениях и продвижениях по службе (и, конечно же, для проведения, в случае необходимости, чисток). В обязанности помощниц входила также разработка учебных планов образовательной программы Женотдела. Двухкомнатная штаб-квартира служила местом сбора для сельских визитеров, растерявшихся в харьковской суматохе. Здесь же издавались и две газеты – «Селянка» и «Коммунарка», а также формировались команды агитаторов, направлявшихся затем в деревни[2].

В соответствии с организационной структурой, провинциальные женотделы состояли из восьми человек, работавших полную неделю. Поскольку же пятеро из них заседали в центре, это означало, что на три провинциальных округа приходился один «женорг». Более того, исследование Б.Ставракис показывает, что Женотдел, как и большинство аналогичных партийных организаций, страдал от нехватки кадров, денежных средств, пересечения сфер полномочий и поверхностного отношения к ра-

---

[1] *Bryant L.* Mirrors of Moscow. N.Y., 1923. P. 121; *Гринфельд Ю.* Из воспоминаний о борьбе за свободу и народовластие в Одессе, 1918–1920 гг. Н.-Й., 1962. С. 42–44; *Chamberlin W.* Soviet Russia. P. 378.

[2] *Астахова Н.; Целиариус Е.* Товарищ Ольга. С. 115–117.

боте на низшем уровне. Наиболее сильное сопротивление деятельности Женотдела оказывалось в деревнях и неславянских пограничных районах. Украинская активистка Киселева прошла несколько километров от райкомовской штаб-квартиры до маленькой деревушки Срипаи, чтобы собрать женщин в избе-читальне и попытаться их организовать. Мужское население деревни окружило избу, выкрикивая: «Мы вас убьем, если вы будете трогать наших женщин». В Чигиринском районе за один год «бандитами» были убиты три сотрудницы Женотдела. С началом коллективизации украинским активисткам пришлось опровергать слухи о том, что в колхозах мужчины будут «распределять» между собой молодых женщин, а из старых варить мыло. Повсеместно мужчины (неизменно называемые в литературе «кулаками») сопротивлялись попыткам Женотдела втянуть их жен в политику[1].

Огромные трудности заключала в себе работа Женотдела среди «восточных» женщин. Съезды Коллонтай были всего лишь началом. Эти женщины могли едва лишь намекнуть (да и то, только после настойчивых просьб) на жизнь, которой они жили при традиционном порядке. «Мы были молчаливыми рабынями, – говорила одна из них, – мы были вынуждены прятаться в своих комнатах и раболепствовать перед нашими мужьями, которые были нашими господами». Другая рассказывала Кларе Цеткин, которая в начале 1920-х гг. инспектировала деятельность Женотдела на Кавказе, находясь там на лечении: «Наши отцы продавали нас в десятилетнем возрасте, и даже еще раньше. Наш муж бил нас палкой и стегал кнутом, когда ему этого хотелось. И если он хотел, чтобы мы замерли, мы замирали. Наших дочерей, нашу радость и помощниц по дому, он продавал также, как в свое время продали нас самих». Испытывая недостаток в местных большевистских кадрах, Женотдел направил для работы в этом регионе русских революционерок и педагогов. Типичной женотделовкой была Надежда Колесникова – опытная пропагандистка и дочь одного из легендарных

[1] Бюллетень № 15 отдела ЦКРКП по работе среди женщин. М., 1922. С. 12–13; *Stavrakis B.* Women and the Communist Party in the Soviet Union, 1918–1935. Western Reserve University, 1961; *Астахова Н., Целиариус Е.* Товарищ Ольга. С. 122, 140; Женщины в революции. С. 263. Больше информации о деятельности местных женотделов см.: Бюллетень № 5/6 отдела ЦКРКП по работе среди женщин. М., 1922; Женщины в революции. С. 272–276, 283–287, 296–301; а также документы Женотдела (1922–1934), находящиеся в Смоленском архиве, указанные на 17 странице архивного справочника. *Арманд И.* Статьи, речи, письма. С. 94–98, 123–139.

26 Бакинских комиссаров. Другой была Ольга Чулкова – бестужевка, библиотекарь и учительница, которая работала в Женотделе Сухуми и пыталась организовать женщин Абхазии. Женотделовские активистки отправились в горные аулы и агитировали никогда не покидавших своих родных селений женщин приехать в Сухуми. Некоторые из них были отправлены в Москву для учебы, остальные вернулись в горы и стали создавать там дневные ясли[1].

Как отмечала Ставракис, отсутствие местных большевичек, языковые проблемы, размеры территории, преобладание неграмотных женщин, конфессиональное многообразие, незначительное влияние коммунистов в некоторых областях и, главное, крайняя враждебность со стороны мужчин заставили руководительниц женотделов приспосабливать методы работы к местной ситуации. Эти методы были весьма разнообразны: тайные посещения женщин, встречи в банях, создание артелей и «женских клубов» – то есть общественных организаций для повышения уровня политического сознания. В Батуми в женском клубе сперва выступали мужчины, пока не встала первая женщина и не сорвала с себя чадру; в Баку клуб насчитывал несколько тысяч членов и стал для женщин школой, церковью, центром общения, заменив собой базар. Активистки Женотдела появлялись в таких местах, где никогда прежде не видели горожан. В Центральной Азии они кочевали по степи на импровизированных транспортных средствах, останавливались в аулах, читая лекции с использованием движущихся картинок «волшебного фонаря» (как это делали в 1890-х гг. в Петербурге учительницы воскресных школ), изображавших мусульманку, которая отказалась выйти замуж за купившего ее старика[2].

Мужчины реагировали на это жестоким насилием. Так, выходивших из Бакинского клуба женщин мужчины облили кипятком и натравили на них собак. Двадцатилетнюю мусульманскую девушку, открыто продемонстрировавшую свою свободу, появившись в закрытом купальнике, отец и братья, не вынеся позора, разрезали на куски. Восемнадцатилетняя узбекская активистка была изуродована и брошена в колодец. Всего лишь за один квартал 1929 г. в Центральной Азии произошло 300 подобных

---

[1] *Илберг Г.* Клара Цеткин. М., 1958. С. 184–185; Женщины русской революции С. 181–196; *Suny R. G.* The Baku Commune, 1917–1918. Princeton, 1972. P. 210, 231, 252–256; Бестужевки в рядах строителей социализма. М., 1969. С. 14–18.

[2] *Stavrakis B.* Women and the Communist Party in the Soviet Union, 1918–1935. P. 172–187; *Илберг Г.* Клара Цеткин. С. 182–186; Правда, ставшая легендой. М., 1969. С. 125–131; *Chamberlin W.* Soviet Russia. P. 378–380.

убийств. Посовещавшись с Женотделом, Президиум ЦИК решил классифицировать эти преступления как «контрреволюционные». Все же, несмотря на грозившую опасность, сотни местных женщин добровольно работали переводчицами и помощницами и в конечном итоге заняли административные должности в женотделах. И каждый раз в первомайский праздник или Международный женский день тысячи женщин собирались на рынках «восточных» советских республик и публично и демонстративно срывали с себя чадры, паранджи и другие покровы. Это было заслугой Женотдела и ему принадлежит заслуженное место в социальной истории страны[1].

Деятельность Женотделов была крайне разнообразной – попечительство над детьми и сиротами, школьная служба и инспекция, распределение продуктов питания, надзор за жилищным строительством, профилактическое лечение и общественное здравоохранение, кампании по борьбе с проституцией, военная служба, образование, законодательство, рекомендация на вакантные должности, создание службы быта, а также массовая пропаганда в поддержку любого начинания партии. Некоторые из этих видов работ повторяют методы деятельности либеральных феминисток. Однако Женотдел обладал лучшими ресурсами как партийное подразделение и способствовал высвобождению женского потенциала в наиболее отсталых и удаленных сообществах советских женщин. Осуществляя эту функцию, женотделы служили не только делу освобождения женщин, но и режиму в целом, так как помогали создавать резервы обученных и политически сознательных трудящихся. Но почему же тогда в 1930 г. женотделы были распущены?

Можно легко составить внушительный ряд цитат из Ленина, показывающих, что он безоговорочно поддерживал Женотдел, на чьих собраниях он часто выступал. Однако достаточно будет привести его решительное заявление, высказанное Цеткин в 1920 г.: «Мы берем наши организаторские идеи из наших идеологических концепций. Мы не желаем никаких отдельных организаций коммунисток! Коммунистка так же принадлежит партии,

---

[1] *Schlesinger R.* The Family in the USSR. London, 1949. P. 196–198; *Reich W.* The Sexual Revolution. 4th ed. N.Y., 1969. P. 213–214; *Dillon E.J.* Russia Today and Yesterdau. London, 1929. P. 220–223. Дополнительная информация: *Halle F.* Women in the Soviet East. N.Y., 1933; Великий Октябрь и раскрепощение женщин Средней Азии и Казахстана (1917–1936 гг.): Сборник документов и материалов. М., 1971. Крайне интересная и стимулирующая интерпретация политики Женотдела и партии в отношении женщин Востока: *Massell G.* The Surrogate Proletariat. Princeton, 1974.

как и тот, кто является коммунистом. У них те же права и обязанности. И на этот счет не может быть никаких разногласий. Однако мы не должны закрывать глаза на факты. Партия должна иметь свои органы – рабочие группы, комиссии, комитеты, отделы или как бы они еще не назывались – со своими особыми целями по пробуждению широких слоев женщин, установлению их связей с партией и сохранению их под ее контролем. Естественно, требуется, чтобы мы проводили среди женщин систематическую работу. Мы должны учить пробудившихся женщин, склонить их на сторону пролетарской классовой борьбы под руководством Коммунистической партии и подготовить их для нее... Было бы глупо игнорировать их, совершенно глупо. У нас должны быть свои собственные группы для работы среди них, специальные методы агитации и специальные формы организации. Это не "буржуазный" феминизм; это практическая революционная целесообразность»[1]. Взгляды Ленина, явно показывающие его прагматичное отношение к женщинам, напрямую уходят корнями в русскую революционную традицию и разделялись всеми основательницами и руководительницами Женотдела.

Однако «антифеминистское» течение, появившееся среди социал-демократов еще в 1905 г., продолжало существовать среди некоторых советских лидеров и после революции. К примеру, Зиновьев и Рыков выступали против созыва Съезда женщин 1918 г. Более серьезной была оппозиция со стороны профсоюзов: под знаменем антифеминизма их лидеры призывали к упразднению Женотдела. Частично это раздражение было вызвано переплетением сфер юрисдикции – обычная причина межорганизационных трений тех лет, однако на более опасном уровне, так как это отражало враждебное отношение рядовых рабочих к женской конкуренции на рынке труда. Антагонизм партии и Женотдела принимал различные формы. Например, некоторые большевики противились празднованию Международного женского дня, называя его пустой тратой сил и забывая, как отметила одна большевичка, что это был праздник пробуждения самосознания, как мужчин, так и женщин. Другие же, по свидетельству Давида Рязанова, «предпочитали полное разделение труда между мужчинами и женщинами» и считали, что Женотдел должен заниматься женским вопросом, а «Мужотдел» (то есть вся остальная партия) – мужскими проблемами (означавшими самые важные). Сопротивление коммунистов на местном уровне проведению спе-

[1] *Lenin V.I.* On the Emancipation of Women. Moscow, n.d. P. 106.

циальной работы среди женщин достаточно полно отражено в работах Кэрол Юбэнк и других[1].

В целом, партия поддерживала (правда, порой, на словах и в расплывчатых фразах) созданный ею специальный механизм для политической работы среди женщин. Однако, начиная с XI съезда партии (1922), речи о необходимости Женотдела стали дополняться жалобами на его недостатки. На XII съезде (1923) была принята резолюция, которая указывала на то, что определенные условия поощряют рост «феминистских тенденций». «Эти тенденции, – говорилось в ней, – дают возможность создавать специальные общества, которые под знаменем улучшения женского образа жизни в действительности могут привести к тому, что женский трудовой контингент порвет с общей классовой борьбой». Резолюция заканчивалась фразой о том, что средством борьбы с этим является сохранение Женотдела и создание крепких связей между женщинами, профсоюзами, кооперативами и Советами. В циркулярном письме 1927 г. от ЦК к местным парторганизациям отмечалась неудача последних в надлежащем использовании «делегатских собраний» для мобилизации женщин вокруг неотложных задач партии. По сути эти обтекаемые резолюции, допускающие двойное толкование, и вечные жалобы отражали разногласия среди лидеров по вопросу о том, сохранять ли эту часть политического механизма или же демонтировать ее. Каким образом партийные лидеры разделились по данной проблеме, общество так и не узнало[2].

Прелюдией к ликвидации в 1930 г. Женотдела, стало упразднение в 1926 г. Международного женского секретариата. Произошло это на международных съездах коммунисток, организованных Женотделом и приуроченных к съездам Коминтерна. Первый из них состоялся в 1920 г. в Москве. Арманд, имевшая огромное влияние на нем, вызвала беспокойство немецкой

---

[1] Оппозиция Зиновьева и Рыкова отражена в написанных гораздо позднее воспоминаниях Коллонтай: *Коллонтай А.М.* О Владимире Ильиче Ленине: Воспоминания, 1900–1922 годы. М., 1963. С. 221–223. Годом раньше петроградская конференция женщин осудила Зиновьева, Рыкова и Каменева за то, что они не поддержали ленинские решения. Враждебное отношение к Женотделу некоторых партийных лидеров несомненно может исходить из личных побуждений. *Иткина А.М.* Революционер, трибун, дипломат: Очерк жизни Александры Михайловны Коллонтай. С. 102; Коммунистка. 1921. Янв.–февр., С. 1–3; *Самойлова К.В.* В объединении – залог победы. М., 1921. С. 5; *Рязанов Д.* Маркс и Энгельс о браке и семье // Летопись марксизма. 1927. III. С. 26; *Eubank C.* The Bolshevik Party and Work Among Women, 1917–1925. P. 3, 4, 10.

[2] КПСС в резолюциях и документах. Т. 1. С. 648, 754–755; *Stavrakis B.* Women and the Communist Party in the Soviet Union, 1918–1935.

делегации тем, что решительно осудила II Интернационал (кинув, таким образом, камень и в сторону его главной силы – немецкой социал-демократической партии). Однако немецкие товарищи сумели внести поправку, отводящую от Клары Цеткин и ее работы среди женщин эти огульные обвинения. После смерти Арманд постоянный секретариат, учрежденный съездом и одобренный Коминтерном, чьим органом он являлся, возглавила Цеткин – ревностная сторонница советской власти и постоянная гостья России. Заместителем Цеткин стала Коллонтай, руководительница российского Женотдела. Э.Карр упоминает о «борьбе», проходившей в 1920– 1921 гг. между ними, но не приводит доказательств и ничего не говорит о причинах и сути этих разногласий. Единственной существенной проблемой, разделившей их, было отношение к тактике сотрудничества с буржуазными феминистскими группами. Цеткин – первоначально само воплощение антифеминизма – выступала сейчас за сотрудничество и единый фронт; Коллонтай – ее бывшая ученица – была категорически против. Если и была борьба, то Коллонтай ее проиграла, опять же из-за участия в оппозиционном движении. Но в любом случае победа Цеткин была незначительной. Через два года Международный женский секретариат вновь оказался в руках Женотдела (то есть его руководительницы Николаевой), а в 1926 г. он преобразовался в женский отдел ЦК Коммунистического Интернационала[1].

К концу 1920-х гг. Женотдел потерял значительную часть своей первоначальной силы и власти. Еще в 1922 г. Смидович заявляла, что его было бы «лучше ликвидировать», чем подарить ему половинчатую жизнь. Действительно в начале 1920-х гг. среди партийных органов на местах широко распространилось движение за упразднение женотделов и ограничение их работы исключительно пропагандой и агитацией. Высокие темпы начавшейся в 1928 г. индустриализации и коллективизации поставили перед Женотделом задачу массовой мобилизации, которая в представлении многих была слишком грандиозна и поэтому непосильна для Женотдела. По свидетельству Кагановича, кое-кто из партийных лидеров считал, что «Женотдел является не центром прогресса, а скорее его тормозом». В конце 1929 г. был реорганизован Секретариат ЦК, который с 1924 г. включал в себя орготдел, Агитпроп, отделы по прессе, селу, учету, статистике, инфор-

---

[1] *Арманд И.* Отчет о первой международной конференции коммунисток (1920). М., 1921; *Коллонтай А.М.* Работница и крестьянка в Советской России. С. 25; *Carr E.H.* Socialism in One Country: In 3 vols. London, 1958–1964. Vol. 3. P. 976–986.

мации, управлению и женским вопросам. Агитпроп был разделен на два новых отдела – агитационно-массовых кампаний и культурной пропаганды; старые отделы по проблемам женщин и вопросам села были упразднены и их функции перешли к отделу агитационно-массовых кампаний. Сообщая об этом решении, Каганович упомянул, что некоторые товарищи одобрили ликвидацию Женотдела как давно назревшую необходимость, в то время как другие сокрушались по этому поводу. И те и другие, сказал Каганович, были неправы: Женотдел был необходим, и в свое время он делал крайне важную работу, однако сейчас большинство женщин уже освобождены, и поэтому необходимости в специальном органе больше нет, так как эту работу возьмет на себя партия. Последняя руководительница Женотдела Артюхина поддержала это мнение, утверждая, что Женотдел не был ликвидирован раньше, потому, что тогда эта мера во всех отношениях была бы пагубной. Однако для большинства работниц Женотдела этот шаг означал окончание политической работы среди российских женщин и, таким образом, конец всего, что имело для них ценность. Для историка же это просто означает завершение пролетарского женского движения, которое зародилось в 1906 г. среди петербургских ткачих и интеллигенток[1].

Строго говоря, с упразднением Женотдела политическая работа среди женщин не прекратилась. Она продолжала осуществляться женсекторами, слабыми подобиями местных женотделов, а также «делегатскими собраниями», сохранившимися в сельской местности до 1934 г. В ряде регионов, населенных нерусскими национальностями, женские отделы сохранились до 1950-х гг. Политическая работа среди женщин продолжалась и продолжается, но только в иных формах. В большом количестве создавались культурные, политические и профессиональные организации, проводились массовые кампании и продолжали существовать женские издания. Международный женский день (8 марта) оставался одним из трех главных советских политических праздников. Однако все больше и больше эта деятельность привязывалась скорее к общим задачам государства и партии, нежели к конкретным женским интересам. Например, в марте 1930 г. девиз

[1] О стремлениях к ликвидации Женотдела в 1921 г. смотри критические комментарии Молотова, находящиеся в Смоленском архиве. *Eubank C.* The Bolshevik Party and Work Among Women, 1917–1925. P. 14; *Емельянова Е.Д.* Революция, партия, женщина: Опыт работы среди трудящихся женщин (октябрь 1917–1925 гг.). Смоленск, 1971. С. 108–110; *Stavrakis B.* Women and the Communist Party in the Soviet Union, 1918–1935. P. 85, 107, 109, 110, 115, 121; Коммунистка. 1930. 2. 3. С. 3–7; В едином строю. М., 1960. С. 174–175.

Женского дня был: «сплошная коллективизация»[1]. Это не означало, что все юридические, экономические и образовательные права, предоставленные женщинам революцией и реализованные в жизни Женотделом, были вновь ликвидированы после 1930 г. Данный шаг свидетельствовал о том, что новые правители Советской России больше не верили, мягко выражаясь, в *любую* независимую политическую работу среди женщин, даже внутри партии, и боялись возникновения потенциальной базы для оппозиции в той безумной политике, к которой они собирались прибегнуть. Упразднение Женотдела было чисто политическим актом, имевшим небольшое отношение к тому уровню освобождения, которого русские женщины достигли к 1930 г. А после 1930 г. женщины получат определенные образовательные, профессиональные и экономические права. Однако это не противоречит тому, что впредь большая часть дарованных советским женщинам прав будет исходить от партии, состоявшей в основном из мужчин и управлявшейся исключительно мужчинами.

Итак нет никаких сомнений в том, что Женотдел оказал огромное воздействие на советское общество, особенно на городское население. Частое упоминание о нем в советской литературе свидетельствует о видном месте, которое он занимал в обыденном сознании. Трактовки Женотдела в художественной литературе различны. Иногда он использовался лишь как фон, нередко изображался причиной домашних ссор и был объектом насмешек, но часто рассматривался как способ решения проблемы и подходящая сфера деятельности для сознательной советской женщины. В любом случае Женотдел являл собой символ новизны в социальном ландшафте Советской России[2]. Такая трактовка Женотдела не была далека от реальности. Он действительно являлся мобилизующей силой в условиях крайней социальной отсталости. Приобретенный опыт в организации и коммуникации позволил ему решать не только специфические общественные задачи («малые дела» интеллигенции XIX в.), но влиять на процесс социализации масс. Как у партийного подразделения у Женотдела не было независимости и, возможно, творческой инициативности довоенного российского феминизма, но, несмотря на все слабости, Женотдел превзошел феминисток по своей мощи и престижу. Женотдел представлял собой орган, сочетающий классовую борьбу и борьбу за сексуальное освобождение, являясь, таким образом, не только

---

[1] *Левидова С.М., Павлоцкая С.А.* Надежда Константиновна Крупская. Л., 1962. С. 262.

[2] *Gasiorowska X.* Woman in Soviet Fiction, 1917–1964. Madison, 1968.

воплощением марксистских представлений о женщинах в рабочем движении или воплощением революционной народнической традиции «общего дела», но также в некоторых отношениях и феминистского убеждения в том, что «эмансипация работниц – дело самих работниц» (по выражению Ленина)[1]. Успех Женотдела в деле повышения уровня сознания бедных и отсталых женщин послужил достаточным доказательством того, что для дела женского освобождения необходимо было нечто большее, нежели просто право голоса. В то же время упразднение Женотдела доказало, что без политического обеспечения равноправия «общее дело», за которое боролись женщины трех поколений, всегда будет определяться мужчинами.

Основные черты послереволюционного освобождения прояснились в первое десятилетие существования нового режима. Не сбиваясь с ритма истории, большевички, помогавшие устанавливать Советскую власть, во время Гражданской войны отправились на ее защиту. В период войны и несколько лет после нее некоторые из этих женщин принимали участие в высших партийных советах и имели при новом строе определенное влияние, в то время как другие посвятили себя делу освобождения и мобилизации своих менее сознательных сестер в среде работниц и крестьянок. К 1930 г. управлявшийся женщинами механизм освобождения – Женотдел – был ликвидирован, и женский вопрос официально стал считаться «решенным». Еще задолго до 1930 г. женщины, хотя и продолжали занимать видные посты в партии и правительстве, в большинстве были отстранены от реальной власти. Впредь все основные изменения в статусе женщин производились исключительно мужчинами, в соответствии с тем, что они понимали под «широкими» государственными задачами – в индустриализации, обороне и реконструкции. Эти изменения, итог которым будет подведен в заключительной главе данной книги, были весьма существенными и долговременными, хотя и не всегда удачными по способу их внедрения. Они больше не являлись результатом сознательного и независимого женского движения. Данные изменения были результатом политики масштабных изменений в советском экономическом, военном и политическом курсе, который определялся мужчинами. Между тем взлеты и падения независимого женского движения в первые годы Советской власти сопровождала сексуальная революция, оказавшая глубочайшее воздействие на решение женского вопроса в России.

---

[1] *Lenin V.I.* On the Emancipation of Women. P. 68.

Глава XI
СЕКСУАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Мы думаем, что грядущий век будет эрой глубоких столкновений между религиозной, священной сутью брака и нашей цивилизацией, которая является типично атеистической и бесполой.

В.В.Розанов

1. Коллонтай и новая мораль

Поскольку крайности в сексуальном морали в 1920-х гг. зачастую восходили к личному примеру Коллонтай и ее теориям, то их необходимо рассмотреть более подробно. В этом отношении западные авторы (за редким исключением), повторяющие лишь расхожие заблуждения, не окажут нам никакой помощи. Одним из первых, кто охарактеризовал Александру Коллонтай, был Питирим Сорокин (в 1917 г. он был еще русским гражданином). «Без сомнения, – писал он в дневнике, – ее революционный энтузиазм является не чем иным, как стремлением удовлетворить свои сексуальные потребности. И, несмотря на своих многочисленных "мужей", Коллонтай, первоначально жена офицера, а затем любовница дюжины мужчин, все еще не насытилась. Она ищет новые формы сексуального садизма». Современные авторы, хотя и не в таких жестких выражениях, мало что сделали для изменения этого ошибочного представления о Коллонтай. К примеру, Андре Пьер утверждает, что Коллонтай проповедовала идею о том, что «отношения между полами должны быть чисто биологическими». Теодор фон Лауэ совмещает все ее убеждения в одном слове «распущенность», добавляя, что «для нее материнский инстинкт был просто буржуазным пережитком». Георг фон Рауш просто называет ее «великой проповедницей свободной любви», а Роберт Дэниелс представляет ее как «любовницу Шляпникова (помимо других, так как она практиковала свободную любовь, которую и проповедовала)». Старейшина среди бри-

танских историков, изучавших Россию, Э.Карр едва скрывает свою враждебность по отношению к Коллонтай, когда пишет, что она «проповедовала ничем не сдерживаемое удовлетворение сексуальных импульсов, предполагая, что о последствиях должно заботиться государство». Это всего лишь несколько примеров, дающих возможность почувствовать сладострастное удовольствие обнаружения в революции элемента сексуальности или же праведного осуждения женщины, которая «практиковала то, что проповедовала»[1].

Так что же Коллонтай *практиковала*? Ее работы по вопросам секса нельзя понять в полной мере вне контекста ее личной жизни как до, так и после революции. Многие авторы с иронией, прибереженной специально для женщин, намекали на ее многочисленных любовников. Но даже самые пристрастные свидетельства в совокупности с собственными воспоминаниями Коллонтай говорят о том, что в жизни у Коллонтай было не больше четырех мужчин: два мужа и два любовника. Мужьями были Коллонтай и Дыбенко, любовниками – Шляпников и не установленный мужчина, бывший с ней в эмиграции. О последнем упоминает сама Коллонтай, не называя однако его имени. По-видимому, им был меньшевик и экономист П.П.Маслов (хотя это не доказано), который фигурирует в полуавтобиографическом рассказе Коллонтай «Большая любовь» (1923) в качестве Сени или С.С. Но более важной, нежели его личность, представляется реакция автора на отношения с ним, сложившиеся около 1910–1911 гг. Героиня рассказа Наташа (Коллонтай) всю себя отдала своему возлюбленному, желая при этом, чтобы ее уважали как интеллектуалку, товарища и партийную работницу; Сеня же, слабовольный и эгоистичный женатый мужчина, относился к ней главным образом как к сексуальному объекту. Она разрывает с ним отношения и возвращается к политической работе. Реакцией именно на эту связь и стали самые значительные довоенные статьи Коллонтай по вопросам секса[2].

В отношениях Коллонтай со Шляпниковым нет никакой тайны: они жили вместе в Норвегии во время Первой мировой

---

[1] *Sorokin P.* Leaves from a Russian Diary. Boston, 1950. P. 59; *Pierre A.* Les Femmes en Union soviétique. Paris, 1960. P. 23; *Laue T.Von.* Why Lenin? Why Stalin? N.Y., 1964. P. 217, 158; *Rauch G.* History of Soviet Russia. N.Y., 1957. P. 140; *Daniels R.* Conscience of the Revolution. N.Y., 1969. P. 127; *Carr E.H.* Socialism in One Country. Vol. 1. P. 31.

[2] Об этих отношениях, «Большой любви» и неверном толковании отношений Ленина и Инессы Арманд см.: *Stites R.* Kollontai, Inessa, Krupskaya // Canadian-American Slavic Studies. 1975. IX. 1. Spring.

войны и вновь стали близки в 1920–1922 гг., годы деятельности в рабочей оппозиции[1]. В бурные годы революции и Гражданской войны, которые служат рубежом между этими двумя периодами, расцвел знаменитый роман Коллонтай и матроса Павла Дыбенко. Будучи старше его на 17 лет, она была зачарована его былинной силой и революционной энергией, а он, по-видимому, ее женственностью и политической грамотностью. Первоначально они отказались от официальной регистрации брака, но затем под давлением общественного мнения поженились. Лидеры партии не были в восторге от романа Коллонтай во время революции, и они еще больше разочаровались, когда Коллонтай попыталась воспрепятствовать приговору партийного трибунала, осудившего Дыбенко за различные нарушения дисциплины и неверно принимаемые им решения на посту комиссара по военно-морским делам. И Коллонтай, и Дыбенко оба резко выступали против Брест-Литовского мира, и оба покинули свои правительственные должности. Позже они были направлены на Украину для ведения военной пропаганды: Коллонтай выступала в роли идеологической наставницы Дыбенко, а также его жены. Они колесили по Украине на агитпоезде, но в конце концов война их разлучила. После Гражданской войны до Коллонтай стали доходить слухи о пирушках Дыбенко с молоденькими девушками. Это причиняло ей сильную боль, совпав по времени с наиболее серьезным политическим кризисом в ее жизни – разгромом рабочей оппозиции, приближающимся разрывом с Лениным и ее последующим отходом от оппозиции. Так к 1923 г. закончилось ее второе замужество. Коллонтай было 50 лет. Ее любовь осталась позади, а основные идеи по этому поводу были ею уже высказаны[2].

Подростковая любовь, ранний неудачный брак, серьезный любовный роман в тридцать и еще один в сорок лет, второе замужество в 46 лет – такова любовная карьера Александры Коллонтай.

---

[1] Данная информация, основанная на личных беседах, была любезно предоставлена автору Кааре Хауге из Осло.

[2] Данная краткая оценка, далекая от окончательной, была составлена из следующих источников: *Коллонтай А.М.* Автобиографический очерк // Пролетарская революция. 1921. № 3. С. 299–302; *Palencia I.* Alexandra Kollontay. N.Y., 1947. P. 160–165, 176–177; *Миндлин Е.Л.* Не дом, но мир: Повесть об Александре Коллонтай. М., 1970. С. 288–317; *Иткина А.М.* Революционер, трибун, дипломат: Очерк жизни Александры Михайловны Коллонтай. С. 98–100. Дополнительную и несколько противоречивую информацию см.: *Bryant L.* Mirrors of Moscow. N.Y., 1923. P. 115; *A. Rhys Williams.* Through the Russian Revolution. Moscow, 1967. P. 29; *Anet C.* La Révolution russe: In 4 vols. Paris, 1917–1919. Vol. 4. P. 51–52. А также газетные вырезки: Голос русской колонии. Хельсинки, 1918(?), находящиеся в Национальном Архиве Финляндии.

Развратная? Ненормальная? В сравнении с другими европейскими женщинами (и не только континентальными) такого же происхождения, образования и мировоззрения, поведение Коллонтай вряд ли можно назвать скандальным, хотя, возможно, оно было в большей степени на виду у всех. По отзывам современников, она была привлекательной и чувственной женщиной, полной жизни, которая нуждалась в любви, но не держалась за нее, если та ее угнетала. В конечном счете ее противников ужасал не тот факт, что она практиковала то, что проповедовала, а скорее, что она проповедовала то, что практиковала.

Точная датировка работ Коллонтай необходима для понимания ее высказываний и того, что под ними подразумевалось. Взгляды, которые высказывала Коллонтай в довоенных работах на будущее сексуальных взаимоотношений, были сформулированы ею еще ранее. Однако поскольку Коллонтай посчитала возможным вновь опубликовать их вместе после революции под вводящим в заблуждение общим названием «Новая мораль», и поскольку эта работа имела широкое хождение и часто цитировалась, то вполне целесообразно рассматривать входившие в нее три статьи как основную часть сексуальной доктрины Коллонтай на момент их повторного опубликования, помня при этом, что первая из статей была написана семью годами раньше. Впоследствии «Новая мораль» вызвала широкую дискуссию, в том числе и из-за того, что психологический образ одной из самых известных работ Коллонтай по вопросам секса советского периода «Дорогу крылатому Эросу!» в значительной степени позаимствован из ее ранних работ. Новаторские элементы, присутствующие в этих статьях, раскрывают психологию эротической техники и являются решительным призывом к женской независимости от рабских любовных отношений.

Первая идея была разработана в рецензии на работу Греты Мейзел-Хесс «Сексуальный кризис» (1910). Родившаяся в Вене, но проживавшая в Берлине, Мейзел-Хесс до Первой мировой войны и во время ее писала небольшие брошюрки, в которых нападала на буржуазное лицемерие в браке и двойной стандарт в морали. Ее работы были вполне серьезны и на то время оригинальны; она была одной из первых в длинной череде мыслителей, попытавшихся связать венский психоанализ с социалистическими учениями. Коллонтай, туманно упоминая о необходимых исправлениях и изменениях теории Мейзел-Хесс, в общем приняла ее основные идеи, назвав книгу «нитью Ариадны» в лабиринте современных сексуальных проблем. По мнению Мейзел-Хесс, нерасторжимый брак не может учесть все случаи супружеской

совместимости или несовместимости и, заманивая людей в ловушку постоянной близости, уничтожает существовавшую в начале нежность между партнерами. Проституция же еще более бесчеловечна. Комментируя это мнение, Коллонтай использует образ «крылатого Эроса»: «Проституция, – писала она, – тушит любовь в сердцах; от нее в страхе отлетает Эрос, боясь запачкать о забрызганное грязью ложе свои золотые крылышки». Кроме того, Коллонтай отмечала, что в акте продажной любви мужчина неизменно лишает свою партнершу оргазма, так как оценивает ее как свою вещь. Третья альтернатива, «свободный союз», так же рассматривалась Мейзел-Хесс (и Коллонтай) как непригодный выход для любви и Эроса в современном мире – главным образом из-за того, что он был всепоглощающим.

Мейзел-Хесс делала акцент на перестройку человеческой души, а Коллонтай – на экономическую и социальную трансформацию. Женщины, отказавшиеся от лишенной эротики жизни проститутки или жены и не желающие жить в состоянии сексуального голода, могли бы познать радости секса и реализовать свой «любовный потенциал» при помощи того, что Мейзел-Хесс называла «любовной игрой». Как объясняла Коллонтай, это не страдающая и не трагическая «большая любовь» (понятие, использованное ею для названия одной из последних своих работ), не всепоглощающие взаимоотношения любовник–любовница, обычно понимаемые под «свободным союзом», – отношения, которые истощают силы любовников и разрушают личность женщины. Это также не просто грубый, физический секс – вымышленный герой Санин, отмечала Коллонтай, оказался бы плохим партнером в «любовной игре». Скорее это «эротическая дружба», доведенная до искусства любви, которая «требует внимательности, чувственности, чуткого понимания и глубинного проникновения в душу партнера, нежели вечных улыбок и роз». «Любовная игра» допускает интенсивную и нежную страсть без порабощения и уничтожения души своего партнера.

В будущем, писала Коллонтай, «любовь, несомненно, станет человеческим культом». Не будет никакой страдающей любви, а только яркая, радостная, обогащающая жизнь любовь. Формы любви (говорила Мейзел-Хесс, а Коллонтай ее поддерживала) будут различны и ограничены лишь двумя соображениями: никакого насилия над человечеством посредством кровнородственных браков и никаких соглашений, основанных на деньгах. Идеалом будет моногамный союз, основанный на «большой любви», но поскольку человеческая душа станет более сложной, то неизбежно возникнут различные вариации этого союза, включая «по-

следовательную моногамию» и весь спектр сексуальных союзов и взаимоотношений. Все они предполагают «святость материнства», а также моральную и материальную заботу о матери и ребенке со стороны общества[1].

Второй, тесно связанной с первой, основной темой работ Коллонтай тех лет по вопросам секса, была тема «новой женщины», содержащаяся в одноименном обзорном очерке 1913 г. Проанализировав более двадцати рассказов и романов начала XX в., Коллонтай увидела появившийся в них новый женский тип – незамужняя женщина. Любой, писала она, может встретить его реальных прототипов – женщин, одетых во все серое, днем находящихся в конторах и на фабриках больших городов, а ночью – в своих крошечных комнатах; живущих одиноко, но работающих и свободных. Это были уверенные в себе «холостые девушки», жившие бок о бок с женщинами старого типа – слабовольными, зависимыми, обманутыми, брошенными, преданными. Это героини Жорж Санд, живущие среди Эмм Бовари. Коллонтай восхваляла повесть Татьяны Щепкиной-Куперник «Одна из них», потому что ее героиня (как и сама Коллонтай) оставила мужа, когда его присутствие стало мешать ее работе. Это была победа личности над любовью, победа, к которой Коллонтай стремилась большую часть своей взрослой жизни. Новая Женщина должна была восторжествовать над чувствами, продемонстрировать гибкость, силу и твердость ума и при этом сохранить свою личность.

Если же женщина вступала в романтические отношения, то они должны были быть равноправными и сохранить личность женщины нетронутой. Отказываясь принять мнение мадам де Сталь о том, что «для мужчины любовь – всего лишь эпизод, в то время как для женщины – целая история», Коллонтай любовь и *секс* отодвинула на второй план. «Влюбленность, страсть, любовь – это лишь полосы жизни. Истинное содержание ее составляет то "святое", чему служит новая женщина: социальная идея, наука, призвание, творчество... И это свое дело, своя цель – для нее, для новой женщины, зачастую важнее, священнее всех радостей сердца, всех наслаждений страсти». Дабы обеспечить свое равноправие, независимость и священную миссию новая

---

[1] *Коллонтай А.М.* Любовь и новая мораль // Новая мораль и рабочий класс. М., 1918. С. 40, 44, 45, 47. Первоначально работа была опубликована в 1911 г. в восьмом номере «Новой жизни» под названием «На старую тему». Перевод на английский язык с некоторыми ошибками см.: *Holt A.* Sexual Relations and the Class Struggle: Love and the New Morality. Montpelier, 1972. P. 15–26. Английский перевод книги Мейзел-Хесс: The Sexual Crisis / Tr. E. and C. Paul. N.Y., 1917. См. также ее работы: Sexuelle Recht. Berlin, 1912; Krieg und Ehe. Berlin, 1915.

женщина должна продемонстрировать «самодисциплину вместо эмоциональности, умение дорожить своей свободой и независимостью вместо покорности и безличности, утверждение своей индивидуальности вместо наивного старания вобрать и отразить чужой облик "любимого"»; предъявление своих прав на земные радости вместо лицемерного ношения маски непорочности, наконец, отведение любовным переживаниям подчиненного места в жизни. Перед нами не самка и тень мужчины, перед нами – личность, "Человек-Женщина"»[1].

Прошло пять лет, прежде чем Коллонтай вернулась к данной проблеме в своей хорошо известной речи 1918 г. о «Семье и коммунистическом государстве» – первой работе, которая после 1908 г. имела широкое хождение в России, и первым произведением такого популярного характера. Помимо замечаний о социалистической заботе о детях, основной акцент был сделан не на секс в широком его понимании, а на социалистическую форму брака. «Старый тип семьи» или «прежняя семья» (но не семья в целом) был описан как крошечное государство, в котором муж управляет женой и детьми, а также как общественный инкубатор будущих граждан. Такая семья должна быть упразднена, ее традиционную функцию воспитания детей должно будет заменить общественное воспитание, а равенство полов приведет к свержению ига мужа. Сохранившиеся отношения, по-прежнему определяемые Коллонтай как «брак», будут «товарищеским и теплым союзом двух свободных, независимых, трудящихся и равноправных членов коммунистического общества». «На месте нерасторжимого брака, основанного на рабстве женщины, мы увидим свободный союз, подкрепленный любовью и взаимным уважением двух членов Государства Рабочих, равных в своих правах и обязанностях. На месте единичной и эгоистичной семьи возникнет великая всеобщая семья рабочих, в которой все рабочие, мужчины и женщины, помимо всего прочего, будут тружениками, товарищами». Видение Коллонтай брака при социализме (этот свободный союз не пригоден для капитализма) приобретало свою

---

[1] *Коллонтай А.М.* Новая женщина // Новая мораль и рабочий класс. М., 1918. С. 24, 29. Впервые эта работа появилась под тем же названием в журнале «Современный мир», № 9, 1913 г. и была переведена с немецкого языка на английский: *Kollontai A.M.* Autobiography of a Sexually Emancipated Communist Woman. N.Y., 1971. P. 51–103. Третий очерк, содержащийся в «Новой морали» менее важен; впервые он появился в «Новой жизни», № 9, 1911 г. под названием «Половая мораль и социальная борьба» и был переведен на английский: *Holt A.* Sexual Relations and the Class Struggle: Love and the New Morality. Montpelier, 1972. P. 1–13. Критические комментарии см.: *Stites R.* Kollontai, Inessa, Krupskaya.

форму, однако по-прежнему отсутствовало точное определение характера сексуальных отношений, длительности брака, прав и обязанностей его членов[1].

В течение следующих двух лет Коллонтай ничего не написала по сексуальному вопросу. Но Полине Виноградской она сказала, что при коммунизме брак не будет длительным союзом; в интервью М.Харрисон из *«Baltimore Sun»* она выразила неприятие «семьи» и заявила, что секс служит лишь для продолжения рода и не должен быть ничем ограничен. В печати же Коллонтай высказывалась более скромно и осторожно. В книге о проституции (1921) она вновь описывает коммунистический брак. «В основу брачного общения ляжет здоровый инстинкт воспроизводства, окрашенный в чарующие краски юной влюбленности, в пылкие тона страсти, в мягкий цвет душевной гармонии и созвучности духа, или в ярко вспыхивающий, но за то и скоро гаснущий огонек физиологического влечения». В лекционном курсе этого же года Коллонтай более подробно определила образ нового брака: допускался секс до брака, но отсутствовал статус незаконнорожденного, алименты и регулирование сексуальной жизни. Импровизированные комментарии к ее книге «Проституция и меры борьбы с ней» не оставляют сомнений в том, что с жизнью настоящего коммуниста совместимы другие, отличные от супружеских, отношения. «Интересы коллектива трудового не затрагиваются тем, что брак носит краткосрочный или длительный характер, что в основу положены любовь, страсть или даже преходящее физическое влечение»[2].

Ключ к пониманию взглядов Коллонтай на данную проблему дает ее последняя работа по вопросам сексуальной морали – «Дорогу крылатому Эросу» (1923), которая ярко описывает контраст между плотской любовью (бескрылым Эросом) и величественной пролетарской любовью (крылатым Эросом). Вместе с тем эта работа является синтезом ранних представлений Коллонтай и итогом ее многолетних поисков подлинной коммунистической морали. По иронии судьбы эта статья, хотя и стала одной из основных мишеней для нападок на Коллонтай, вполне определенно снимает с нее обвинения в пропаганде порочного

---

[1] Семья и коммунистическое государство. М., 1918. С. 21; *Schlesinger R.* Family in the U.S.S.R. London, 1949. P. 68, 69. Полное, но весьма плохое английское издание: Communism and the Family. London, n.d.

[2] *Виноградская П.* Памятные встречи. М., 1972. С. 53; *Harrison M.* Marooned in Moscow. N.Y., 1921. P. 79; *Коллонтай А.М.* Положение женщины в эволюции хозяйства. С. 188, 191–192; *Коллонтай А.М.* Проституция и меры борьбы с ней. М., 1921. С. 18, 22.

сексуального поведения и цинизма и оказании пагубного влияния на нравственную жизнь советской молодежи 1920-х гг. На протяжении всей работы Коллонтай беспощадно критикует вульгарную сексуальность, захватившую в свое время поколение Санина, а теперь вновь появившуюся в жизненной философии уже новой советской молодежи. Грубый, бездушный секс, писала Коллонтай, случайный, бесчувственный половой акт (то есть «бескрылый Эрос») являлся пережитком буржуазного общества. Однако в России, посреди жестокости революционного насилия, грохота битв и лихорадки Гражданской войны, он вновь возник среди тех воевавших героев и героинь, у которых не было времени насладиться нежной любовью. Коллонтай не жалела слов для перечисления различных проявлений «бескрылого Эроса»; он был «инстинктом воспроизводства, неприкрашенным чарами любви», нездоровым удовлетворением сексуальной потребности ради нее самой, грубой похотью, быстрым удовольствием, «простым обладанием» чьим-либо телом, просто развратом. И она недвусмысленно обвиняет его в пустой растрате сил, унижении души и враждебности к принципу сексуального равноправия.

Антиподом является «крылатый Эрос». Концептуальная неопределенность понятия не позволяет точно проанализировать его смысл, но на фоне его прозрачного определения некоторые очертания приобретают две формы. Первая – нежный эротизм «любовной игры». Вторая, которая практически вытесняет первую, – «любовь – товарищество», являвшееся высшей целью коммунистических рабочих. «Любовь в ее теперешнем виде, – писала Коллонтай, – это очень сложное состояние души, давно оторвавшееся от своего первоисточника – биологического инстинкта воспроизводства и нередко ему противоречащая. Любовь – это конгломерат, сложное соединение из дружбы, страсти, материнской нежности, влюбленности, созвучности духа, жалости, преклонения, привычки и многих других оттенков чувств и переживаний». Люди конфликтуют между собой, продолжала она, из-за того, что все они стремятся иметь работу, любимого, ребенка, быть членами коллектива, но самым бурным из всех конфликтов является стремление к взаимной любви двух людей противоположного пола. Это не означает дешевой измены или многочисленных интрижек буржуазной жизни; это подлинная и неизбежная черта жизни в эпоху растущего сближения людей и усложнения их психологии. «Должен ли рабочий опасаться и подавлять такие естественные чувства?» – спрашивала Коллонтай. Нет. В коллективе, «чем больше таких нитей протянуты от души к душе, от сердца к сердцу, от ума к уму, тем прочнее внедряется

дух солидарности и легче осуществляется идеал рабочего класса – товарищество и единство». Эгоизм и собственность, добавляет Коллонтай, не могут служить основами для любви рабочих. В объятиях «любви – товарищества» (окончательной формы человеческой любви) они увидят красоту «многосторонности и многострунности крылатого Эроса», вне зависимости от того будет ли их любовь продолжительным союзом или же краткой связью. «В новом коллективистском по духу и эмоциям обществе, – начинается восторженная заключительная часть, – на фоне радостного единения и товарищеского общения всех членов трудового творческого коллектива Эрос займет почетное место, как переживание приумножающее человеческую радость. Каков будет этот новый преображенный Эрос? Самая смелая фантазия бессильна охватить его облик. Но ясно одно: чем крепче будет спаяно новое человечество прочными узами солидарности, тем выше будет его духовно-душевная связь во всех областях жизни, творчества, общения, тем меньше места останется для любви в современном смысле слова. Современная любовь, которая всегда грешит тем, что поглощая мысли и чувства "любящих сердец", вместе с тем изолирует, выделяет любящую пару из коллектива, в котором интересы, задачи переплетены в густую сеть, станет не только излишней, но психологически неосуществимой. В этом новом мире признанная, нормальная и желательная форма общения полов будет, вероятно, покоится на здоровом, свободном, естественном (без извращений и излишеств) влечении полов, на преображенном Эросе»[1].

Окончательное представление Коллонтай о любви свело воедино все ее ранние идеи. Пролетариат разработает свою собственную мораль и не потерпит никакого вмешательства в нее или ее регулирования. Независимость женщин подтолкнет представителей обоих полов к тому, чтобы поставить секс на надлежащее ему, второстепенное место в жизни. Грубый, физиологический подход к сексу уступит место «крылатому Эросу» – обогащающему и захватывающему опыту эмоционального и физического эротизма. Сексуальный кодекс коммунизма будет учитывать все многообразие супружеских и несупружеских любовных и сексуальных комбинаций, а все «любящие сердца» будут

---

[1] *Коллонтай А.М.* Дорогу крылатому Эросу // Молодая гвардия. 1923. Май. С. 120, 121, 123. Эта работа является третьей в серии «Писем к трудящейся молодежи», из которых первые два касаются общих принципов нравственности (Письма к трудящейся молодежи) // Молодая гвардия. 1922. Апр.–май. С. 136–144; Окт.–дек. С. 128–136).

взлелеяны и духовно поддержаны в «любви-товариществе». Работа Коллонтай была поразительным сочетанием идей, выраженных ранее Бебелем, Мейзел-Хесс, Анфантеном, Фурье и Чернышевским. «Первосвященническая пара» Анфантена и «царица» Чернышевского были лишены власти благословлять, регулировать и управлять любовью так же, как раньше это делали Бог, Церковь и Государство. Это должно было стать исключительной прерогативой рабочих в рамках их «любовных товариществ». Но все это было, конечно же, образом будущего, в котором была воплощена потребность в свободе и честности в любви, а также идея полного равенства мужчин и женщин. Расценить этот образ как призыв к некоему мизантропическому плотскому авантюризму, вновь возникшему в российском обществе после революции, могли разве что только хитрые лицемеры или глупые пуритане, так как в нем не было ни малейшего следа доктрины, проповедовавшей принудительный промискуитет биологических интерпретаций любви, ни циничной «революционной» апологии подобного истолкования.

Последнее и весьма краткое высказывание Коллонтай по вопросам секса представляет собой модернизированную версию предисловия, написанного ею в 1913 г. к работе Бебеля «Женщина и социализм». Наиболее страстные места этого предисловия посвящены борьбе Бебеля против двойного стандарта морали, а также неприкосновенности и свободе в сексуальных отношениях. В исправленном издании 1923 г. Коллонтай выписала и подчеркнула следующие слова из его книги: «Удовлетворение половой потребности такое же частное, личное дело, как и удовлетворение каждой другой естественной потребности организма»[1].

Более подробно нравственную позицию Коллонтай объясняют ее суждения о материнстве и семье, несмотря на то что они весьма специфичны и находятся в различных контекстах, с большим количеством ее замечаний о сексе как таковом. Несмотря на некоторые оговорки, относительно сексуальной любви, поглощавшей большое количество энергии, Коллонтай, казалось, разделяла мнение некоторых русских религиозных мыслителей, в особенности Соловьева и Розанова, о том, что сексуальная любовь, говоря теологическим языком, гораздо возвышеннее, неже-

[1] *Коллонтай А.М.* Великий борец за право и свободу женщины // Бебель А. Женщина и социализм. М., 1923. С. 15–16. Данный отрывок не включен в последний, отредактированный вариант предисловия (взятый из пражского издания Бебеля 1918 г.). См.: *Коллонтай А.М.* Избранные статьи и речи. М., 1972. С. 113–124.

ли материнская. «Хотя лично я воспитывала своего ребенка с величайшей заботой, – говорит она в своих воспоминаниях, – материнство никогда не было сутью моего существования»[1]. В этом отношении Коллонтай в значительной степени отличается от множества реформаторов движения за «право на материнство» довоенной Европы, которые рассматривали материнскую любовь как замену секса. Коллонтай обвинили как в игнорировании или же вообще полном отрицании материнского инстинкта женщин, так и в поддержке законов, требовавших, чтобы «маленькие девочки двенадцати лет были матерями»[2]. Однако и то, и другое было из области фантазии.

Коллонтай истово верила в естественное и священное предназначение материнства и неоднократно об этом заявляла. Ее крупнейшая теоретическая работа и значительная часть политических усилий после Октябрьской революции были направлены на то, чтобы обеспечить надлежащее медицинское обслуживание работавшим матерям. Кроме того, Коллонтай считала, что общество должно помогать матерям воспитывать детей. Однако в ее утверждении была оговорка, редко когда упоминавшаяся исследователями: государство *не будет* отрывать детей от их родителей, и общественное воспитание детей будет осуществляться лишь при добровольном согласии родителей. Главная идея Коллонтай заключалась в том, что каждая женщина должна иметь право и возможность иметь детей и быть уверенной в том, что о них позаботятся. «Каждая мать должна быть убеждена, что раз она выполняет свое естественное назначение и дарит коммунистическому обществу нового члена, то есть нового рабочего, коллектив любовно и внимательно позаботиться о ней и о ребенке». Брак и секс – это личное дело каждого, но материнство, говорила она, практически повторяя слова Ленина, представляет общественный интерес[3].

---

[1] *Kollontai A.M.* Autobiography of a Sexually Emancipated Communist Woman. N.Y., 1971. P. 11. Соловьев о двух формах человеческой любви: *Хвостов В.М.* Женщина и человеческое достоинство. М., 1914. С. 286–287.

[2] Упоминание см.: *Kollontai A.M.* Autobiography of a Sexually Emancipated Communist Woman. P. 38.

[3] Communism and the Family. London, n.d. *Коллонтай А.М.* Работница за год революции. С. 28. Именно это убеждение побудило Коллонтай развернуть в 1926 г. свою последнюю общественную кампанию в интересах женщин. Во время проходивших в этом году дискуссий по брачному законодательству она предложила идею о создании общественного фонда по страхованию материнства, который финансировался бы доходами от налогов. Фонд освободил бы *всех* беременных женщин от зависимости от алиментов и на их место поставил бы государственную поддержку. См.: *Farnsworth B.* Bolshevik Alternatives and the Soviet Family: the 1926 Marriage Law Debate // Women in Russia / Ed. by D.Atkinson. Stanford, 1977.

Как дело принципа Коллонтай поддержала закон 1920 г. о разрешении абортов, но, подобно многим большевикам, рассматривала его как необходимое и временное зло. Рождение детей, влекущее за собой определенные обязанности, она считала естественным правом и долгом женщины. Этот долг заключался в том, чтобы заботиться о себе в период беременности, «помня, что в эти месяцы она перестает принадлежать себе – она на службе у коллектива – она "производит" из собственной плоти и крови новую единицу труда, нового члена трудреспублики». После рождения ребенка мать-коммунистка должна окружить ребенка нежной материнской заботой, и только тогда она сможет сказать, что ее общественная обязанность по отношению к *этому* ребенку выполнена. Впоследствии естественный и стойкий инстинкт заботы о детях и любви к ним должен быть обобщен и направлен на всех детей сообщества. По окончании дела продолжения рода и возвращении к экономическому производству мать должна иметь возможность работать неполный рабочий день в качестве помощницы в школах, яслях и детских домах, к тому же она могла бы поддерживать (если сама того желала) особые отношения со своим «собственным» ребенком. Уклонение от материнства (например при помощи аборта) или от каких-либо других обязанностей, связанных с ним, рассматривалось Коллонтай как эгоизм и недостаток чувства ответственности[1].

В своих последних высказываниях по поводу домашней жизни Коллонтай называет женской тюрьмой не столько детскую комнату, сколько кухню. «Пусть мужчины научатся ценить и любить женщину не за то, что она хорошо месит тесто, – обращалась она к своей аудитории, – а за то, что в ней есть привлекательного, за ее личные качества, за ее человеческое "я"... Отделение кухни от брака великая реформа, не менее важная, чем отделение церкви от государства, по крайней мере в исторической судьбе женщины». В этом Коллонтай вторит Ленину, который был практически одержим ненавистью к индивидуальным кухням. Коллективизация кухни была первым шагом к облегчению бремени работавшей женщины и матери. Следующим шагом была коммуна, иногда называемая как «общежитие», иногда как «домкоммуна». В ней ведение домашнего хозяйства предполагалось возложить на специалисток, говоря другими словами, на профессиональных хозяек. Коллонтай рассматривала ведение домашнего хозяйства как такую же специальность, как и все остальные профессии. По-настоящему унизительной была

---

[1] *Коллонтай А.М.* Положение женщины в эволюции хозяйства. С. 173.

каждодневная утомительная домашняя работа, тяжелым бременем ложащаяся на работницу. Коллонтай, по-видимому, представляла себе, что трудовой коллектив и жилищная коммуна будут иметь общие точки соприкосновения: «Семья коллектива трудящихся, где не кровное родство, а общность работы, единство интересов, стремлений и задач будут крепко связывать людей, будут воспитывать из них истинных братьев по духу»[1].

Шесть повестей Коллонтай (все были опубликованы в 1923 г.) в действительности являются лишь простыми иллюстрациями к идеям, описанным выше. Рассказ «Тридцать две страницы» служил иллюстрацией тому, как любовная связь могла помешать независимой работе женщины и тем самым нанести ущерб ее чувству собственного достоинства. Героиня рассказа, молодая советская студентка, пойманная в романтическую ловушку, не позволявшую ей учиться, порывает со своим возлюбленным и возвращается за парту. «Подслушанный разговор» описывал проблему женщины, которая выбирала между прочными отношениями со своим давнишним товарищем и мимолетным страстным увлечением другим человеком. В конце концов, она выбирает новую романтическую связь, понимая, что она будет мимолетной. «Большая любовь» – это автобиографическая новелла, описывающая роман Коллонтай с Масловым до революции. «Сестры», опубликованные в другом сборнике, представляли собой рассказ о двух жертвах (одна – жена, вторая – проститутка) бывшего революционера, развращенного тлетворным влиянием полукапиталистического нэпа[2].

В повести «Василиса Малыгина» (последняя крупная попытка решить проблему новой морали повседневной советской жизни) Коллонтай вновь обратилась к извечной теме независимости. Ее героиня была работницей, женщиной нового коммунистического образца, с возвышенными идеалами и искренней любовью к другу-революционеру, за которого она «вышла замуж». Однако этот мужчина, подобно всем остальным героям Коллонтай, оказался безвольным, испорченным типом. После накала Гражданской войны, в морально разлагающей

---

[1] Там же. С. 167–168, 185–189. См. также ее статью 1918 года «Крест материнства» и Советская республика»: *Коллонтай А.М.* Избранные статьи и речи. С. 237–242.

[2] Первые три рассказа включены см.: Женщина на переломе (психологические этюды). М., 1923. С. 3–96. Переизданная впоследствии отдельной книгой, «Большая любовь» с незначительными изменениями вышла в 1927 г. в Москве. Английский вариант: *Lore L.* A Great Love. N.Y., 1929. «Сестры» появились в сборнике, упомянутом в следующем примечании.

16 Заказ 5510

атмосфере нэпа он устроился на спокойную работу и стал изменять своей жене и своим прежним идеалам. Соперница Василисы была презрительно описана как «нэпманка» – хорошо одетая, тщательно накрашенная и достаточно соблазнительная – в противоположность Василисе, огрубевшей за годы работы и борьбы. Василиса покинула своего мужа и нашла свое призвание в создании коммуны. Забеременев, она решила сохранить ребенка и воспитать его своими силами при помощи товарищей по коммуне, в отличие от «нэпманки», беременной от того же мужчины, но выбравшей аборт. Василиса боролась с мелким эгоизмом для того, чтобы обеспечить коммуне успех и научить других женщин тому, как достичь свободы. Она заняла свое место в русской художественной литературе в качестве новой Веры Павловны[1].

Самым известным и зачастую неверно понимаемым художественным произведением Коллонтай был рассказ «Любовь трех поколений», выражавший ее идею об отсутствии в период Гражданской войны «крылатого Эроса», а также утверждавший терпимое отношение Коллонтай к более радикальному сексуальному этосу нового поколения. Представленные в рассказе три поколения являлись яркой иллюстрацией к менявшемуся с 1860-х до 1920-х гг. революционному отношению к сексу. Мать героини, бывшая народница, разделяла сугубо деловую мораль нигилистов 1860-х гг. и фактически жила семьей с женатым мужчиной, пока тот ей не изменил. Героиня рассказа Ольга (олицетворявшая среднее поколение и, несомненно, бывшая частичным портретом автора) вступила в революционный брак, но затем завязала любовные отношения с женатым мужчиной (психологически напоминавшим антигероя из «Большой любви») за спиной его жены. Однако после революции дочь Ольги Женя шокировала их обеих как новизной своих идей относительно секса, так и смелостью своего поведения (первое определенно вытекало из последнего). В период Гражданской войны у нее было несколько кратковременных романов, так как на нечто большее, говорила она, нет времени. Находясь в отпуске, она умудрилась переспать с любовником своей матери (рабочим, чьи отношения с Ольгой напоминают отношения Дыбенко и Коллонтай), имея в то же время связь со своим сверстником. Она забеременела и решилась на аборт, поклявшись в следующий раз «принять меры». Все это причинило боль Ольге и повергло ее в смятение, однако помня,

[1] *Коллонтай А.М.* Василиса Малыгиа // Любовь пчел трудовых. М., 1923. С. 67–303. Переводы: Free Love. London, 1932; Red Love. N.Y., 1927.

что однажды она сама шокировала свою мать, «передовую женщину» прошлых времен, Ольга попыталась терпимо и с пониманием отнестись к морали Жени и ее поколения – морали, которая если и не была новой, то несомненно находилась «впереди» ее собственной в плане более легкого отношения к сексу. Внимательного прочтения рассказа в контексте других произведений Коллонтай будет вполне достаточно, чтобы развеять двойной миф о том, что в рассказе содержатся зачатки теории «стакана воды» и что Женя просто-напросто повторяет взгляды автора[1].

Цель изложения взглядов Коллонтай на новую мораль заключается не в том, чтобы проанализировать их или оценить в свете сексуальных теорий, которые существовали в ее время и существуют сейчас, хотя несомненно они того заслуживают[2]. Скорее, это было сделано для того, чтобы развенчать некоторые мифы и неверные толкования фактов биографии и убеждений Коллонтай, которые появились сразу же после революции, и в особенности миф о том, что Коллонтай ответственна за перегибы сексуальной революцией в России и что ее учение, долгое время существовавшее в Советском Союзе и на Западе, вело к нравственной деградации и полной потере человеческого достоинства. Верно и то, что ее работы, даже если они прочитаны внимательно, беспристрастно и целиком, переполнены двусмысленностями и скрытыми противоречиями. Каждый (а это означает практически всю дореволюционную интеллигенцию), кто проповедует честность, нежность и серьезность в сексуальном поведении, а также отстаивает свою абсолютную независимость от общественных суждений или контроля со стороны общества, неизбежно вступит в конфликт с реалиями жизни, особенно если это происходит в атмосфере революционной реконструкции общества. Такая ситуация вполне объяснима, когда революция вынуждена сталкиваться с прозаическими, а зачастую и грязными подробностями повседневной сексуальной и супружеской жизни. Но также верно и то, что Коллонтай в одиночку попыталась привить нравственное и обогащающее восприятие Эроса образцовому, но

---

[1] *Коллонтай А.М.* Любовь трех поколений // Любовь пчел трудовых. С. 3–51. Похожий пример сексуального поведения в период Гражданской войны Веры и Лидии Фигнер в реальной жизни см.: *Дан Л.* Из встреч с Верой Николаевной Фигнер. Н.-Й., 1961. С. 5–6.

[2] О подобных попытках см.: *Bailes K.* Alexandra Kollontai et la Nouvelle Morale // Cahiers du Monde rasse et soviétique. 1965. VI. 4. Oct.–Dec. P. 472–496; *Clements B.* Emancipation through Communism: the Ideology of A.M.Kollontai // Slavic Review. 1973. June. P. 323–338.

узкому этосу социалистов, вышедшему из русских традиций и марксизма, и также в одиночку старалась предсказать, хотя смутно и неуверенно, новые пути воплощения в сексуальных отношениях честности, эротической радости и личной независимости. Но как это часто бывает с проповедниками, ее идеи остались невостребованными, искаженными или непонятыми[1].

2. Жизнь без контроля

Какое влияние революция оказала на сексуальную жизнь? Революции требуют огромных временных и энергетических затрат и почти полную мобилизацию личности. Во время Гражданской войны секс либо отходил на второй план, либо им занимались время от времени в самой примитивной манере. Коллонтай и Ленин имели все основания сетовать на возникшую после военных действий распущеность в сексуальных отношениях. Существует общепринятое мнение, популяризованное в литературе, что «фронт уничтожил сексуальность». В этом была доля правды: 53% опрошенных мужчин признавали, что «революция» ослабила их сексуальное влечение. Участница революционных событий много лет спустя вспоминала свой собственный опыт. «Как-то, – писала она, – мне довелось прочитать рассказ. Автор иронизировал по поводу комиссара, который отвергал любовь, считая, что она мешает целиком отдаться делу революции. Возможно, в то время мы хватили лишку в этом вопросе. Но теперь мне особенно ясно: мы победили в тех невероятно трудных условиях, еще и потому, что умели переступить через личные привязанности»[2].

---

[1] Сама Коллонтай свои попытки объединить любовь и революцию по существу оценивала негативно. «Любовь, – писала она в 1926 г., – со всеми ее разочарованиями, трагедиями и вечными требованиями совершенного счастья по- прежнему играла в моей жизни значительную роль. Слишком значительную роль! Она была тратой драгоценного времени и сил, бесплодной, и в конечном итоге, крайне бесполезной». (*Kollontai A.M.* Autobiography of a Sexually Emancipated Communist Woman. P. 7.) См. также: *Palencia I.* Alexandra Kollontay. N.Y., 1947. P. 137. Суждение Коллонтай уместно, искренне и понятно, в особенности на данном этапе ее жизни и карьеры. Но было бы неразумно рассматривать его как основу для критики сути ее учения.

[2] *Фридланд Л.* С разных сторон: Проституция в СССР. Берлин, 1933. С. 148; *Прохорова А.* Дорога длиною в жизнь // Правда, ставшая легендой. С. 89–90. Данные опроса см: *Гельман И.* Половая жизнь современной молодежи. М., 1923. С. 79. Литературные иллюстрации смотри в популярной пьесе Вишневского «Оптимистическая трагедия»; анализ других работ см.: *Van der Eng-Liedmeier A.M.* Soviet Literary Characters. The Hague, 1959. C. 30–32.

Переход к нэпу изменил социопсихологический уклад жизни. Драматические дни закончились. Ленин рекомендовал своей партии заняться «прозаическими вещами» и «малыми делами». Многие члены партии так и не смогли отвыкнуть от бодрящего воздуха поля битвы и привыкнуть к душной атмосфере советского кабинета. Молодежь переживала тягостное состояние, названное социологом Вольфсоном «демобилизацией воли и нервов». Отягощенное разочарованием и цинизмом, оно напоминало то отчаяние, которое охватило русскую молодежь после революции 1905 г. Даже забытый «Санин» вновь стал появляться на московских книжных прилавках; а рост самоубийств в середине 20-х гг. добавил заметную деталь в живописную картину, раздражающие краски которой напоминали предвоенные дни декаданса[1]. Отныне к грубым и поспешным любовным связям времен Гражданской войны добавилась изрядная доля бессердечности.

В отличие от санинистов прошлого, советские секс-герои оправдывали свои грубые желания социалистической идеологией. Подчиняясь сильному иконоборческому наследию русской радикальной традиции, новое поколение проявило суровую враждебность к старым ценностям, особенно к тем, которые были связанны с чем-то прекрасным, эстетически выверенным и романтическим. Галстуки, расчески и чистая одежда были отброшены, и неонигилистическое отвращение ко всему изысканному и возвышенному распространилось на вопросы любви и секса. «Молодежь, вероятно, думает, что самый примитивный взгляд на вопросы половой жизни как раз и является коммунистическим, – жаловалась София Смидович в 1925 г. – А что все, что выходит за рамки их примитивного понимания, которое, возможно, соответствует какому-нибудь готтентоту или еще более примитивному представителю первобытного общества, означает только мелкобуржуазность и буржуазную установку в отношении проблемы сексуальности». «Мы не признаем никакой любви! – говорится в “Собачьем переулке” Гумилевского (1927), – все это буржуазные штучки, мешающие делу! Развлечение для сытых!». Опрос 1920 г. показал, что 48% респондентов считают, что любви нет. Типичными ответами опроса 1929 г. были: «Любовь – инстинкт сексуального удовлетворе-

[1] Ленин цит. по: *Carr E.H.* Socialism in One Country. Vol. 1. P. 21; *Вольфсон С.Я.* Социология брака и семьи. Минск, 1929. С. 418. О «Санине» см.: *Lawton L.* The Russian Revolution (1917–1926). London, 1927. P. 237; *Carr E. H.* Socialism in One Country. Vol. 1. P. 25, Vol. II. P. 218; *Serge V.* Vignettes of NEP // Verdict of Three Decades / Ed. by J.Steinberg. N.Y., 1950. P. 138 –143.

ния», «Любви нет – есть физиологическое явление природы», «Только физиология – ничего больше»[1].

В работе Веры Кетлинской «Натка Мичурина» мы читаем следующее: «Послушай, Наташа дорогая, ты мыслишь просто как женщина и ты не можешь понять, что мыслить так уже не модно и глупо. Почему мы должны быть привязаны друг к другу? Тебе нравится Силантьев – хорошо, это твое дело. Прошлой ночью я доставил удовольствие Ивановой и себе – что в этом плохого?» Комсомольский поэт Кузнецов представлял это так:

Когда в твоих объятиях погаснет
Огонь моих страстей и пыла,
Останемся товарищами, как и раньше,
Как будто ничего и не было.

«Я хочу быть свободным, – говорил один студент в 1929 г., – я хочу работать и учиться. У меня есть девушка – и мы близки. Но я не хочу жениться, так как для меня слишком рано к кому-то привязываться. Сексуальная жизнь для меня – второстепенный вопрос». Приведем слова рабочего-комсомольца: «Мне жениться? Зачем! Я хочу жить свободно и принимать активное участие в общественной жизни. Я нуждаюсь в обществе. Это важно для меня. Я не могу обходиться без секса, без любви, но они не должны меня связывать». Лучшим решением проблемы с точки зрения 22-летнего студента, является создание «специальных домов для половых отношений», – не борделей, а мест, сходных с домами материнства, где люди смогут зарегистрироваться, пройти медицинскую проверку и получить удовольствие[2].

Хотя слова не всегда совпадали с делом, произошло резкое снижение возраста вступления в половую жизнь, а студенты, комсомольцы, молодые рабочие часто осуждались за сексуальные излишества. Как отмечал иностранный журналист, студенты в общежитиях не только вместе готовились к занятиям, но и занимались

[1] Смдович цит. по: *Halle F.* Woman in Soviet Russia. P. 115; *Гумилевский Л.* Собачий переулок. Л., 1927. С. 14; цифры из опроса см.: *Вольфсон С.Я.* Социология брака и семьи. С. 420. Результаты опроса 1929 г. см.: Жизнь без контроля (половая жизнь и семья рабочей молодежи) / Под ред. В.Кетлинской. М., 1929. Необычайно богатый источник представляют материалы комсомольской конференции 1929 г. по нравственности, проходившей в Выборгском районе Ленинграда и из которых я заимствовал название этого раздела.

[2] Кетлинская цит. по: *Фридланд Л.* С разных сторон: Проституция в СССР. С. 142; *Кузнецов Н.* Комсомольская любовь // На пути к новому М., 1925. С. 208. Студент и рабочий цит. по: Жизнь без контроля (половая жизнь и семья рабочей молодежи). С. 44, 57; *Winter E.* Red Virtue. N.Y., 1933. P. 127.

сексом. Результатом стали «свобода, равенство, материнство» – равенство для обоих полов, свобода для мужчины и материнство для женщины. Общежития являлись рассадниками нищеты, беспорядочных половых связей и пьянства. «Я работала по 16 часов на фабрике, – жаловалась молодая женщина на жизнь в общежитии, – так что домой не ездила. На крыльце парни обычно болтали и хватали девушек. Многие уже опустились. Я была бы рада уехать из общежития. Но комендант, отказывавшийся что-либо менять, говорил зло: "Мы повесили красный фонарь на крыльце для вас". Грубость по отношению к женщине стала нормой. Один мужчина соблазнил шестнадцатилетнюю девушку обещаниями жениться, заявив ей после этого: «Ты маленькая шлюха, которая отдалась без сопротивления»; другой совратил девочку 12 лет при помощи вина и тех же обещаний. Молодые девушки, участвовавшие в совещании по вопросам морали в 1929 г., отмечали, что большинство мужчин испорчены, «бегают за юбками» и от девушки хотят «только одного». На этом совещании упоминалось об одном молодом партийном активисте, который занимался сводничеством, а также говорилось о том, что сами члены партии часто оказывались замешанными в сексуальных скандалах. В советской прессе всплыла даже старая история о Лиге свободной любви[1].

Свою долю осуждения получили и женщины, но неясный и общий характер обвинений, выдвинутых против них, не позволяет точно сказать какое количество женщин и каким образом разделяло новый сексуальный этос. Во всей этой критической неразберихе можно выделить два типа женщин. Первый, характеризовавшийся как вредный пережиток прошлого, обычно назывался «советской барышней», – тип, который в начале 1920-х гг. Анжелика Балабанова определила как «девица из бывшей мелкобуржуазной или буржуазной семьи», привыкшая к праздности и находившаяся на содержании у богатых и влиятельных мужчин. Разновидность второго типа – вездесущая «кабинетная подруга», которая выколачивает деньги и привилегии у своего босса, называлась «барышня-машинистка», или писбарышня. Для описания аналогичных типов Коллон-

---

[1] Жизнь без контроля (половая жизнь и семья рабочей молодежи). С. 15–17, 21, 24–25, 34, 37; *Гельман И.* Половая жизнь современной молодежи. М., 1923. С. 49, 56, 59. О совместной жизни см.: *Lawton L.* The Russian revolution (1917–1926). London, 1927. P. 326; *Serge V.* Vignettes of NEP // Verdict of Three Decades / Ed. by. J.Steinberg. N.Y., 1950. P. 149–51. О чрезвычайных происшествиях с членами партии и комсомольцами, см.: *Fisher R.* Pattern for Soviet Youth. N.Y., 1959. P. 156; *Fainsod M.* Smolensk under Soviet Rule. Cambridge, 1958. P. 206–207; *Виноградская П.* Вопросы морали, пола, быта и тов. Коллонтай // Красная новь. 1923. Окт.–ноябрь. 6. 16. С. 187.

тай использовала термины «нэпманка» и «карьерная проститутка». Воплощенные Коллонтай в романе «Василиса Малыгина» в образе Нины, эти представительницы прошлой морали продавали себя за французские духи, высокие ботинки, шелковые чулки и другие атрибуты высокого потребительского уровня эпохи нэпа. Они были девушками фокстрота, советскими распутницами и наследницами веселящихся и флиртующих любительниц танго предвоенных дней. Между ними и обыкновенными проститутками грань была очень тонкой, и потому для коммунистической критики несущественной[1].

К иной категории относились большевички и работницы, которые соперничали с мужчинами в подчеркнутом отрицании старомодных представлений о любви. Женские характеры в романах Пантелеймона Романова часто воспринимались как образец для подражания. «Я далека от всяких сантиментов, – заявляет одна из них, – далека от сожаления о потерянной невинности, а тем более – от угрызений совести за свое первое “падение”». Далее она говорит, что среди ее знакомых «нет любви, – есть только половые отношения, потому что любовь презрительно относится у нас к области “психологии”, а право на существование у нас имеет только одна физиология». «Девушки легко сходятся с нашими товарищами-мужчинами на неделю, на месяц или случайно – на одну ночь. И на всех, кто стремится найти в любви чего-то большего, чем физиология, смотрят с насмешкой как на убогих и умственно поврежденных субъектов». Другой персонаж из известной книги Романова «Товарищ Кисляков» (1930) говорит, что женщины «смотрят на все с циничной простотой. Спать с мужчинами ничего для них не стоит. Они считают это легким удовольствием». В реальной жизни, по некоторым свидетельствам, существовало такое «распущенное» сексуальное поведение среди женщин, часто ими оправдываемое. Даже комсомолки рассматривали семью как камень на шее и предпочитали сохранять свободу и независимость – с детьми или без детей. Девушка-работница заявляла, что ей нужно сексуальное разнообразие, которое она называла «игрой в любовь» (в психологическом смысле это было также далеко от коллонтаевской любви-игры, как и близко к ней по звучанию)[2].

---

[1] *Балабанова А.* От рабства к свободе. М., 1920. С. 19; Г.Григоров и С.Шкотов упоминают термин «осоветившаяся барышня». См.: *Григоров Г., Шкотов С.* Старый и новый быт. М., 1927. С. 173.

[2] *Романов П.* Без черемухи: Сборник рассказов. М., 1927. С. 5, 9–10; *Он же.* Товарищ Кисляков. Берлин, 1931. С. 109. См. также: *Григоров Г., Шкотов С.* Старый и новый быт. С. 165–166; *Бобрышев И.* Мелкобуржуазные влияния среди молодежи. М., 1928. С. 101–103; Жизнь без контроля (половая жизнь и семья рабочей молодежи). С. 14, 61, 75–76.

Но чисто физиологическое отношение к сексу, из-за которого мужчина всегда предпочитал короткие отношения без обязательств, не разделялось горожанками, не говоря уже о крестьянках и представительницах старшего поколения. Опрос, проведенный среди молодежи в 1922 г., показал, что треть женщин не одобряли брака без любви (по сравнению с 12,3% респондентов-мужчин) и что 81% предпочитали брак, либо длительные отношения коротким любовным связям (по сравнению с 72% мужчин). В 1925 г. отчаявшийся комсомолец написал Крупской письмо, в поисках поддержки его разрушающейся веры в то, что любовь это действительно нечто большее, чем обычный секс. Даже героиня рассказа «Без черемухи», являющаяся выразительницей физиологической любовной этики, признала позднее, что в мужчине она ищет не только физическую привлекательность, но и «ум, талант, душу, нежность». К концу 1920-х гг. стало ясно, что короткие любовные связи не отвечают психологическому настрою большинства женщин и что брак в той или иной форме сохранился в сексуальной культуре советского общества[1].

Какие изменения претерпел брак в результате революции? Исторические прецеденты европейских революций показывали, что брак становился светским, процедура развода упрощалась, а юридическая категория незаконнорожденности упразднялась. Это отвечало настроениям русского общества. Коллонтай приняла участие в создании новых законов, когда большевики занялись решением этих вопросов. Однако главным автором декретов был А.Г.Гойбарх, бывший меньшевик, профессор права, который в 1917 г. работал юристом в левоэсеровском комиссариате юстиции. В предвоенной лекции по семейному праву Гойбарх сетовал на подчиненное положение женщины в царском Своде законов и заявлял о необходимости дать жене право быть самостоятельной личностью. Таким образом, новые советские законы, объединившие взгляды большевички Коллонтай и меньшевика Гойбарха и принятые при поддержке левого эсера комиссара юстиции Штейнберга, похоже, были точным отражением мнения русских левых на проблемы брака[2].

---

[1] *Левидова С.М., Павлоцкая С.А.* Надежда Константиновна Крупская. Л., 1962. С. 276; *Гельман И.* Половая жизнь современной молодежи. М., 1923. С. 67, 84, 95, 124; *Фридланд Л.* С разных сторон: Проституция в СССР. С. 142–144. Романов цит. по: *Романов П.* Без черемухи. С. 20.

[2] О роли Коллонтай см.: *Иткина А.М.* Революционер, трибун, дипломат: Очерк жизни Александры Михайловны Коллонтай. С. 92; *Гойбарх А.Г.* Новое семейное право. М., 1918. С. 40–41; *Он же.* Брачное, семейное и опекунское право Советской республики М., 1920. С. 7–16. *Бонч-Бруевич В.* На боевых постах. М., 1930. С. 165–166; *Lawton L.* The Russian Revolution (1917–1926). London, 1927. P. 223.

Декрет от 20 декабря 1917 г., позднее вошедший в Семейный кодекс 1918 г., был прорывом к новому. Признав исключительное право ЗАГСов регистрировать браки, он лишил церковь ее исторического монопольного права их освящения. С этого времени церковные церемонии стали необязательными, и церковный брак не имел законной силы, если не был зарегистрирован в ЗАГСе. Аннулировав старый семейный кодекс с его категориями господства и подчинения, новый декрет предоставил супругам свободу в выборе фамилии, запретил любому из супругов вмешиваться в дела, дружеские связи, переписку другого, а также определять место жительства, законодательно закрепив таким образом идею сексуального равенства в браке, впервые выдвинутую за 60 лет до этого. Другие положения этого закона не были столь революционными: возраст вступления в брак, запрещение двоебрачия и кровнородственных браков, требование обоюдного согласия и положения о раздельной собственности супругов были заимствованы – с минимальными поправками – из старого царского кодекса. Даже право жены на свободу передвижения, работу и раздельное проживание было взято из последнего законодательства царской Думы. В целом новый кодекс являлся рациональным и прогрессивным синтезом старых законов и идеалов и был, как с триумфом объявил Гойбарх, «почти полностью лишен мужского эгоизма», устанавливая такие супружеские отношения, при которых «супруги не умаляют, не уменьшают своей самостоятельности, как равноправных и независимых личностей»[1].

Свадебная церемония в ЗАГСе, длившаяся около 20 минут, подчеркивала простоту, частный характер и низкий уровень гражданской значимости этой процедуры. Скорость проведения церемонии также указывала на ее революционное происхождение; даже Сорокин женился в перерыве между политическими митингами в те беспокойные дни, когда у власти находилось Временное правительство. В 1920-х гг. комсомол и женотделы предприняли вялую попытку внедрить так называемую «Красную свадьбу» – тщательно разработанную праздничную церемонию, проходившую на фабрике или в советском учреждении, украшенном красными флагами и заполненном толпами коллег, а клятва супругов скорее была связана с общественными целя-

[1] Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. М., 1919. № 11. Ст. 60, 161–163; *Гойбарх А.Г.* Новое семейное право. М., 1918. С. 51; *Он же.* Брачное, семейное и опекунское право Советской республики. М., 1920. С. 151.

ми, нежели с обещанием взаимной верности. Подобную клятву воспроизводит в романе «Собачья свадьба» (1925) Брыкин. «Обещаете ли вы, – спрашивал проводящий церемонию, – следовать по пути коммунизма так же смело, как сейчас вы выступаете против церкви и старых традиций? Будете ли вы воспитывать детей пионерами, дадите ли им образование, познакомите ли с научными методами ведения сельского хозяйства и научите ли бороться за мировую революцию? Тогда во имя нашего руководителя, товарища Владимира Ильича Ленина, я объявляю Ваш красный брак заключенным». Однако красная свадьба не прижилась нигде, кроме как среди комсомольцев, а церемония, проходившая в ЗАГСе, стала нормой в последующие десятилетия. Супружеским парам не запрещалось совмещать ее с церковным венчанием, но с годами эта практика сошла на нет[1].

Довольно трудно найти свидетельства об «успешных» коммунистических браках. Существует достаточное количество подтверждений того, что давнишняя мечта Веры Павловны и Коллонтай о «собственной комнате» стала реальностью, благодаря революции. Так же как и революционные пары до 1917 г., некоторые супруги жили раздельно в одном городе или – реже – в разных городах: один в Москве, другой в Ташкенте или Хабаровске, что не всегда было обусловлено их выбором, а чаще диктовалось силой обстоятельств (учеба, работа, отсутствие жилья). Некоторых женщин такое положение дел вполне устраивало. Одна из работниц, с которыми беседовала Элла Винтер, хотела иметь свою комнату, работу и свободу, а также сохранить свою фамилию; когда же ее муж воспротивился этому, она его оставила. Другая объяснила свою позицию так: «Я не хочу, чтобы Юра жил со мной в моей комнате. У меня только одна комната, и я не хочу стирать, готовить и штопать для него. Конечно, я не против того, чтобы он пришел вечером и вымыл свою тарелку и чашку, но я не хочу, чтобы он все время здесь находился. Я хочу, чтобы каждый раз это была новая победа». Супруги, которые жили вместе, иногда делили между собой домашние обязанности. «Когда я прихожу домой, – говорил некий исключительный муж-коммунист, – я не боюсь женской работы. Я мою посуду и пол». Одна, идеалистически настроенная пара организовала свою семейную жизнь по образцу «научной

---

[1] *Sorokin P.* Leaves from a Russian Diary. Boston, 1950. P. 52. О Красной Свадьбе см.: *Pierre A.* Les Femmes en Union soviétique. Paris, 1960. P. 58; Женщины в революции. С. 276; *Smith J.* Women in Soviet Russia. P. 93. Брыкин цит. по: *Gasiorowska X.* Woman in Soviet Fiction, 1917–1964. Madison, 1968. P. 24.

организации труда» – американской системы эффективного распределения времени, ставшей затем популярной в советских промышленных районах[1].

Но гораздо больше информации мы можем найти о неудачных браках. Традиционными «причинами» развода были мужской алкоголизм и измена. Опрос 1929 г. показал, что водка была причиной 53% несчастных браков. По свидетельству одного иностранного наблюдателя, ленинградские домохозяйки, жившие в Краснопутиловском районе, просили партию отчислять им часть зарплаты их мужей, дабы те ее окончательно не пропили, а одна комсомолка призналась, что в день получки ей приходится покупать бутылку своему мужу, чтобы удержать его дома. Внебрачные связи после революции участились, особенно среди мужчин. По данным статистики, те мужья, которые рано начали половую жизнь, были склонны к тому, чтобы вести беспорядочный образ жизни и после женитьбы. Однако это не было новостью: еще Толстой в «Крейцеровой сонате» сокрушался по поводу этого очевидного явления, присущего предыдущему поколению. Более серьезные опасения вызывал тот факт, что после революции резко снизился возраст вступления в половую жизнь[2].

Значительно больший интерес вызывают те супружеские проблемы, которые непосредственно были связаны с эмансипацией женщин. Социолог Вольфсон говорил о «брачных ножницах» – ситуации, в которой муж был более политически развит, нежели его жена, хотя в действительности это была старая проблема в новой форме. Гораздо серьезней представлялась обратная ситуация или даже та, в которой жена просто стремилась к гражданскому равноправию с мужем. В работе «Работница и крестьянка в Советской России» Коллонтай упоминает о мужчине, который жаловался на то, что его жена, «новая женщина», игнорировала дом и детей ради общественной деятельности, и о другом, который был настолько разгневан работой своей жены в женотделе, что сжег все ее служебные бумаги. Множество жалоб высказывалось мужьями и на конференции по нравственности, проходившей в Выборгском районе. «Зачем я женился?» – вопрошал один из них, потому что по возвращении домой его не ждал ужин. Дру-

[1] *Коллонтай А.М.* Положение женщины в эволюции хозяйства. С. 90; *Winter E.* Red Virtue. P. 136; Жизнь без контроля (половая жизнь и семья рабочей молодежи). С. 77.

[2] Жизнь без контроля (половая жизнь и семья рабочей молодежи). С. 17, 43, 73–74; *Serge V.* Vignettes of NEP. P. 144; *Фридланд Л.* Указ. соч. С. 169. О роли алкоголя в «отсталых» семьях рабочих см.: *Кабо Е.О.* Очерки рабочего быта. М., 1928. С. 29–34.

гие же, когда их спросили, какой вид брака они предпочитают, ответили: «когда жена готовит» или когда «жена менее развита, чем муж». Для многих мужчин, с прискорбием отмечали организаторы конференции, «чистая пара носков значит больше, нежели духовный рост жены». Когда же жены восстают против такого к ним отношения, их зачастую бьют и заставляют бросить общественную работу[1].

Однако были случаи и успешного сопротивления со стороны женщин. Еще до революции большевики стремились защитить работниц от оскорблений и побоев. Эта работа с еще большим рвением и последовательностью была продолжена Женотделом, который оказывал юридическую помощь в судебных делах, связанных с семейными спорами. «Бабу не колоти, бабу работать не заставляй и, упаси Боже, бабе перечить; – вздыхал герой книги Кочина "Девки" (1929), – об этом особый закон в Москве вышел». Некоторые жены рассматривали эти «специальные законы» (на деле лишь рабочие постановления Женотдела) как их величайшее достижение после революции. «Мы больше не боимся, – говорила одна из них. – И это главное. Мы не боимся своих мужей. Нам не приходится каждый раз спрашивать разрешения для того, чтобы что-то сделать»[2].

В деревнях революция в браке совпала со старыми традициями «бабьего» сопротивления. Первая взбунтовавшаяся крестьянка в Советской литературе – это «Мария большевичка» из одноименного рассказа Неверова (1921), которая прежде была смиренной женой, затем выучилась читать, стала активисткой женотдела и восстала против своего мужа. Исследования деревенской жизни в 1920-х гг. свидетельствуют о борьбе поколений, расколе семей и бунте жен и дочерей. «Сейчас у нас Советская власть / И мужа своего я не боюсь» – звучали слова популярной деревенской песни. Джессика Смит слышала о случаях избиения крестьянками своих мужей, которые потом шли в женотделы жаловаться на жестокое с ними обращение. Самым известным примером организованного сопротивления жен грубости мужей

---

[1] *Вольфсон С. Я.* Указ. соч. С. 393–394; *Коллонтай А.М.* Работница и крестьянка в Советской России. С. 34; *Коллонтай А.М.* Положение женщины в эволюции хозяйства; Жизнь без контроля (половая жизнь и семья рабочей молодежи). С. 65–66.

[2] *Шишкин В.Н.* Так складывалась революционная мораль: Исторический очерк. М., 1967. С. 271–273. О деятельности Женотдела см.: *Schlesinger R.* The Family in the USSR. London, 1949. P. 97. Кочин цит. по: *Gasiorowska X.* Woman in Soviet Fiction, 1917–1964. Madison, 1968. P. 79. Делегатка цит. по: *Smith J.* Women in Soviet Russia. N.Y., 1920. P. 39.

была состоявшаяся в середине 1920-х гг. в Брянской области сексуальная стачка. В традициях Лисистрата и Мирабо измученные женщины предложили своим мужьям следующий ультиматум. «Мы согласны работать дома и помогать мужьям, но требуем взамен, чтобы нас не подчиняли желаниям наших мужей, требуем, чтобы они не распускали руки и не называли нас "старая карга", "сука", "шлюха" и другими нецензурными словами. И еще мы хотим добавить, что мы не разойдемся и не вернемся к нашим мужьям, пока они все не подпишутся под этим документом»[1].

К сожалению, в большинстве случаев женщины оказывались в проигрыше. Общественное внимание было привлечено не к качеству брака, а к последствиям его расторжения, к супружеским проблемам, жертвами которых становились дети. Тревогу вселяли так называемые беспризорники – осиротевшие, заброшенные, бездомные и отвергнутые дети. Это явление не было новым порождением революции. Его основные черты, как например места обитания беспризорников, были хорошо известны в дореволюционной России. В значительной степени количество довоенных беспризорников увеличилось из-за разрушительной войны, социальной борьбы и голода, а в 1921 г. их численность возросла до 7 000 000. К середине 1920-х гг. эта проблема приобрела характер первостепенной важности: шайки озлобленных и одичавших бездомных детей, вооруженные оставшимся с войны оружием, бродили по стране в поисках пропитания; другие же населяли грязные городские трущобы как, например, Хитровский рынок в Москве[2].

Бездомные дети были непосредственными жертвами тех жестоких социальных переворотов, которые начиная с 1914 г., сотрясали Россию. Однако ряды беспризорников постоянно пополнялись за счет детей, брошенных матерями или обоими родителями, которые были не способны или просто не желали о них заботиться. На рост численности беспризорников не оказали заметного влияния ни контрацепция, ни закон, разрешавший аборты. Когда в семье рождался ребенок, отец бывало выгонял

---

[1] *Gasiorowska X.* Woman in Soviet Fiction, 1917–1964. P. 35. О деталях деревенской жизни см.: *Вольфсон С.Я.* Указ. соч. С. 398–401; *Smith J.* Women in Soviet Russia. P. 34, 45–46. О других примерах см.: *Астахова Н., Целариус Е.* Товарищ Ольга. С. 127–128, 130.

[2] Труды первого Всероссийского съезда по борьбе с торгом женщинами и его причинами 1910 года: В 2 т. СПб., 1911–1912. Т. 2. С. 612; Женское дело. 1913. Дек. 15. С. 29; 1914. Дек. 1. С. 10–12; *Белых Г., Пантелеев Л.* Республика ШКИД. М., 1932. Данные цит по.: *Madison A.* Social Welfare in the Soviet Union. Stanford, 1968. P. 39.

свою жену, отказывая в помощи ей и ребенку. Те женщины, которые не могли самостоятельно заботиться о своих детях, часто бросали их или отдавали в приюты, многие из которых были переполнены. Поскольку семейный кодекс 1918 г. исключил положение об усыновлении, то тысячам детей ничего не оставалось, кроме как идти на улицу. Для юристов и социальных работников, которые занимались делами семьи, отказом от детей и их содержания, связь между семейной нестабильностью и ростом числа беспризорников была вполне очевидной[1].

Для реформаторов законодательства основная проблема заключалась в неопределенном и уязвимом статусе жены, находившейся в так называемом «фактическом браке». Заключение подобных союзов было широко распространено среди представителей революционной интеллигенции, которые предпочитали их церковным бракам или же состояли в них из соображений конспирации. В кодексе 1918 г. об этих союзах не упоминалось; однако они получили распространение среди городского населения, так как в моральном (если не экономическом или юридическом) плане имели для него ту же ценность, что и те, которые регистрировались в ЗАГСе. Несмотря на то что брак было достаточно легко зарегистрировать, многие (в особенности мужчины) предпочитали обходиться без регистрации. Закон можно было легко обойти. Хотя отец и был ответствен за материальное содержание ребенка, но в незарегистрированном браке было весьма трудно доказать отцовство, и поэтому объем помощи был меньше. В начале 1920-х гг. жертвами семейного кодекса стали также и те женщины, которые находились в зарегистрированном браке (частично из-за закона о разделе имущества), однако импульсом к реформированию в 1926 г. института брака послужило недостаточное юридическое признание фактического брака и защита со стороны закона женщин, состоявших в нем.

Группу реформаторов возглавил сам комиссар юстиции Дмитрий Курский, его целью был пересмотр семейного кодекса 1918 г. и расширение юридической базы для фактических браков посредством признания их равными зарегистрированным по признаку ведения совместного хозяйства. Предполагалось, что в случае развода супруги, находившиеся в фактическом браке, будут иметь те же права на алименты и раздел имущества, что и законные, дабы работающий муж не мог уйти от зависимой от него

---

[1] *Соколов Б.* Спасите детей! (о детях Советской России). Прага, 1921. С. 67–69; *Carr E. H.* Socialism in One Country. Vol. 1. P. 35; Женщины в революции. С. 219–225; *Гинсбург Б.С.* Суд над матерью, подкинувшей своего ребенка. М., 1924.

жены, оставив ее ни с чем. Для поощрения зарегистрированных браков (которым юристы отдавали предпочтение) была упрощена процедура развода. Проект реформы в октябре 1925 г. был представлен в ЦИК Советов и вызвал оживленные дебаты. Некоторые депутаты и председатель ЦИКа Калинин считали, что данный вопрос должен обсуждаться в масштабе всей страны; что и было сделано. После года широких общественных дискуссий на собраниях и в прессе Центральный Исполнительный Комитет собрался вновь, чтобы пересмотреть проект, частично измененный в СНК. Мнения, появившиеся в ходе этих дискуссий, были разнообразны[1].

Курский неоднократно и недвусмысленно заявлял, что данный проект является средством «защиты более слабой группы» (женщин и детей) и что законы 1918 г. на практике работали «против интересов женщин». Он напоминал своим слушателям, что незарегистрированный брак – это уже существующий в российской жизни факт (в то время около четверти миллиона супругов жили в фактическом браке), и отказать в юридических и экономических правах женщинам, которые во всем, кроме официального статуса, являлись женами, было бы ужасной несправедливостью. Коллега Курского – Бранденбургский, отстаивая ту же позицию, отвечал в совершенно несвойственной юристу манере, что «создание продолжительных и стабильных браков не может быть функцией закона». Городское население, по свидетельству Курского, преимущественно выступало за новый кодекс. Из других же источников становится ясно, что в отличие от женщин-горожанок, жившие в городах мужчины были от него не в восторге[2].

На отрицательное отношение к этому кодексу крестьянского населения повлияла распущенность городских нравов и высокий уровень разводов, а также финансовая уязвимость крестьянского хозяйства в случаях распада брачного союза. Земельный кодекс 1922 г., с целью сохранения экономической и юридической сплоченности крестьянского двора, предусмотрел ответственность последнего за оказание помощи и выплату алиментов любому из его членов в случае расторжения законно зарегистрированного брака. Кодекс 1926 г. распространил эту ответственность и на фактический брак. Что случилось бы с хозяйством и собственностью, если бы какая-нибудь старая «баба» вступила бы в факти-

[1] *Schlesinger R.* The Family in the USSR. London, 1949. P. 81–153; *Halle F.* Woman in Soviet Russia. N.Y., 1933. P. 116–117; Брак и семья. М., 1926.

[2] *Schlesinger R.* The Family in the USSR. P. 84–87, 114, 119, 126, 104.

ческий брак? Крестьянки рисовали в своем воображении яркие картины дележа коровы на три части или же раздела семейного имущества во имя удовлетворения этого желания. Консервативные настроения крестьянских депутатов были весьма показательны. Украина, оплот крестьянства, вообще отказалась принять этот кодекс, сохранив разделение между зарегистрированными и фактическими браками[1].

Другая точка зрения на кодекс 1926 г. состояла в том, что кодекс недостаточно обеспечивал юридическую защиту незамужних женщин. В соответствии с законопроектом, фактический брак признавался властями состоявшимся по следующим показателям – совместное проживание и ведение хозяйства и свидетельские и документальные подтверждения этого. Короче говоря требовалось открытое внешнему миру «семейное лицо». Некоторые же считали, что данный список показателей должен быть больше. Юрий Ларин напомнил всем, что множество пар, живущих врозь из принципа или по необходимости, не могут таким образом подпадать под определение фактических супругов. Одна женщина из Вятки возражала против того, что в новое законодательство не были включены «случайные» браки, и настаивала на том, что подобные союзы в случае их распада являются источником роста количества беспризорников. В ряде своих статей Коллонтай убеждала, что необходимо узаконить все сексуальные отношения и что общество должно отвечать за детей, которые являются их продуктом. Одна из представительниц женотделов, выразившая общее мнение по этому вопросу, была не удовлетворена узким определением фактического брака. Ведь такая форма брака была более распространена среди городских женщин – «белых воротничков» – основных жертв безответственности и неверности мужа. Несмотря, однако, на эту жалобу, Женотдел официально поддержал новые законы[2]. Изменение процедуры развода вызвало такой же интерес, как и вопрос о фактическом браке. Декрет Гойхбарха 1917 г. был разработан с целью упразднения старой системы, при которой, по его словам, «чужие люди были привязаны друг к другу, как пленники к тачке». Новая процедура стала проще: по обоюдному согласию развод совершался на месте; по желанию одного из супругов могло быть проведено короткое судебное слушание. Не было ни разбирательств причин

[1] *Schlesinger R.* The Family in the USSR. P. 105–106, 121–126; *Матвеев Г.К.* История семейно-брачного законодательства Украинской ССР. Киев, 1960. С. 20–40.

[2] *Schlesinger R.* Op. cit. P. 131–133, 135–136, 139–140, 143–144; *Smith J.* Women in Soviet Russia. P. 105–110, 119.

развода, ни споров, ни доказательств, ни свидетелей, а также горечи и взаимных обвинений, по крайней мере на виду у всех. Вопрос опеки и помощи детям решался через суд в индивидуальном порядке. Отменив понятие вины, унизительные проволочки и огласку, а также разрешив включать пункт о передаче имущества в завещание одного или обоих супругов, Советская Россия стала единственной страной в мире с полной свободой развода. Лишь мексиканский штат Юкатан в 1923–1926 гг. мог сравниться с Россией по степени либеральности. Эта мера вызвала всеобщее одобрение у российской городской интеллигенции и тех, кто презирал лицемерие царских и западных буржуазных законов о браке[1]. Когда разрабатывался кодекс 1926 г., было решено еще больше упростить процедуру развода. Поскольку фактический брак имел полулегальный статус, то его началом считалось совместное проживание, сексуальные отношения, совместное ведение хозяйства и помощь друг другу, поэтому логично было узаконить и разрыв таких отношений. Таким образом, «зарегистрированный развод» стал доступен для фактических супругов. Так как разработчики Кодекса хотели сделать зарегистрированные браки столь же привлекательными для потенциальных супругов, что и свободные отношения, с этого времени семейные пары (по обоюдному согласию) могли официально развестись в ЗАГСе. Если на расторжении брака настаивал один из супругов, а другой не являлся в ЗАГС, его извещали о разводе по почте – так называемый «развод по почте».

Когда Кодекс за это был подвергнут критике, Бранденбургский заявил: «Если вы возражаете против частой смены супруга, предложите, как с этим бороться. Если бы сегодня мы создали закон с теми нормами, которые вам нравятся, и с тем порядком развода, который вы выбираете, они были бы не новыми, а очень старыми». Известный юрист Стучка поддержал полную свободу развода, ссылаясь на недавно опубликованное заявление Ленина по этому поводу (впервые сделанное в 1916 г.), однако Стучку не обеспокоила двусмысленность этого заявления[2].

Новые законы были обнародованы в январе 1927 г. По сравнению с римскими и англосаксонскими законодательными традициями этот Кодекс был действительно радикальным. Западное

---

[1] *Гойбарх А.Г.* Новое семейное право. М., 1918. С. 4; Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. М., 1919. № 10. Ст. 150–152; *Folsom J.K.* The Family. N.Y., 1934. P. 365; *Lawton L.* The Russian Revolution (1917–1926). London, 1927. P. 225.

[2] Мнение Бранденбургского см.: *Schlesinger R.* The Family in the USSR. P. 103–104; мнение Стучки см.: Брак и семья. М., 1926. С. 20.

семейное право создавалось с целью поставить в невыгодное положение внебрачные союзы посредством законов о собственности, наследстве, законнорожденных детях, а также через законы о внебрачных связях. Советы же, наоборот, признали их как укоренившийся, хотя без сомнения негативный факт, и жена – потенциальная жертва несовершенства закона о внебрачных связях, получила большие права. Создатели Кодекса считали, что так будет значительно легче взимать алименты. По требованию одной женщины-депутата в Кодекс было добавлено положение о разделе семейной собственности. Отныне было узаконено усыновление детей-сирот. Но, как отмечали некоторые депутаты, новый Кодекс был полон неясными и двусмысленными положениями, вследствие чего работа по вынесению судебных решений по семейным вопросам была возложена на неопытных работников ЗАГСов и судов. Введение большей свободы в сферу личных отношений породило также и злоупотребления ею. Когда одна депутатка выразила надежду, что суды защитят женщин от щеголей и бездельников, которые пользуются лазейками в судебной системе, раздались разгневанные женские голоса из зала: «Они все равно будут пользоваться этим»[1].

Главной проблемой до и после вступления в силу Кодекса 1926 г. стало большое количество разводов, уходов из семьи, измен женам и как результат экономический и эмоциональный кризис последних. За реформой процедуры разводов 1917 г. последовал рост их числа, освободивший огромное количество «заключенных», которые долгое время провели в «тюремных» оковах брачных уз. К 1922 г., первому году политической и экономической стабилизации, число разводов составляло 122 479, распределившихся (весьма условно) примерно так: 70 000 приходилось на столицы, 30 000 – на другие города и 20 000 – на деревни. Но в период с 1924 по 1927 гг. их число утроилось. В смысле эффекта, произведенного новым законодательством, показательны данные по Ленинграду, в котором число разводов увеличилось с 5 536 в 1926 г. до 16 006 в 1927 г. В этом отношении впереди всех был рабочий класс. В двух пролетарских районах Ленинграда (Московском и Нарвском) только лишь в декабре 1927 г. 50 браков длились один или два дня, а другие 50 – одну или две недели. В следующем году соотношение разводов и браков составляло 4:5! Один критик отмечал, что супруг мог уйти на работу женатым, а вернуться разведенным. Американский журналист написал

[1] *Schlesinger R.* The Family in the USSR. P. 96. О проходивших дискуссиях см: *Smith J.* Women in Soviet Russia. P. 119.

заметку о человеке, которого арестовали за то, что он женился и разводился пять раз в течение нескольких месяцев. Эти внушавшие беспокойство цифры были характерны и для других районов[1].

В начале 1920-х гг. множество покинутых и нуждающихся женщин проживали в советских городах. К концу десятилетия ситуация потребовала вмешательства. Легализация фактических браков не способствовала их укреплению, и мужчины не стали более ответственными; наоборот, легализация поощряла безответственность женатых мужчин. 500 анкет распавшихся семей, обсуждавшихся на конференции в Выборгском районе, показали, что 70% таких разводов были инициированы мужчинами, и только 7% – по обоюдному согласию супругов. Из известных причин (приблизительно 66%), 22% были традиционными (алкоголь и другая женщина), 17% – трения с родственниками жены и 27% – беременность. «Если будет ребенок, – жаловались молодые мужья, – это будет конец свободе». Ожидания в отношении возрастания помощи и алиментов не оправдались. На практике пособие было трудно получить: мужья были слишком бедны, слишком больны, слишком неуловимы или слишком безответственны. Некоторых мужчин, которые извлекли чрезмерные преимущества из нового кодекса, принудили разделить скудные доходы с бывшими супругами. С горечью проанализировав нравственный кризис, организаторы конференции пришли к выводу, что он явился результатом чрезмерной свободы любви как на практике, так и в теории[2].

Возникшая вновь проблема проституции стала неприятным сюрпризом для советской интеллигенции, так как считалось, что с проституцией покончено еще во времена революции и Гражданской войны. Хотя Временное правительство и отменило ненавистную систему врачебно-полицейского надзора и желтых билетов, на практике ликвидировать саму проституцию не удалось, что и предсказывалось защитниками этой системы. Примерно в это время к возмущенному Сорокину на улице в Петрограде пристала размалеванная девица со словами: «Товарищ! Пролетарии всех стран, соединяйтесь. Пошли ко мне до-

---

[1] *Быстрянский В.* Коммунизм, брак и семья. Пг., 1921. С. 64–65; *Carr E.H.* Socialism in One Country. Vol. 1. P. 37; *Коллонтай А.М.* Положение женщины в эволюции хозяйства. С. 198; *Lawton L.* Op. cit. P . 234; *Вольфсон С.Я.* Указ. соч. С. 410; *Фридланд Л.* Указ. соч. С. 131–132; Жизнь без контроля (половая жизнь и семья рабочей молодежи). С. 78, 99; *Gunther J.* Russian Children All Have Fathers // North American Review. 1930. Jan. CCXXIX. P. 45–48.

[2] Жизнь без контроля (половая жизнь и семья рабочей молодежи). С. 101; *Halle F.* Op. cit. P. 278; *Lawton L.* Op. cit. P. 237.

мой». Джон Рид утверждает, что в канун Октябрьской революции «проститутки в драгоценностях и мехах разгуливали по городу, наводняя кафе». Прасковья Куделли видела «женщин и девочек, почти детей, с размалеванными лицами, полупьяными глазами и сигаретами в руке». Однако во время Гражданской войны проститутки, кажется, исчезли с улиц советских городов, в то время как в белых центрах – Омске, Ростове, Владивостоке – открыто расцветали публичные дома. Этот порок не исчез, как считала Коллонтай и другие, но определенно пошел на спад. Когда «произошла Октябрьская революция, – писала одна проститутка на страницах "Правды", – заработки наши пали. Чем это объяснить – свободой ли браков или закрытием разных мест встреч, я не могу сказать». Этот спад был результатом ряда обстоятельств, позднее проанализированных советскими врачами – нехватка денег, устройство некоторых проституток на работу, бегство богачей, национализация и закрытие гостиниц, кафе и других мест свиданий. Лишенная необходимых компонентов – денег, клиентов, сутенеров и мест свиданий – проституция утратила былой размах[1].

С установлением нэпа вновь появились предпосылки для возникновения проституции, и торговля телом стала процветать, как и раньше. Согласно советской статистике, к 1921 г. в Петрограде насчитывалось 17 000 проституток, а в Москве – 10 000. В следующем году в Петрограде эта цифра выросла до 32 000, подтверждая тот факт, что проблема опять обрела дореволюционные размеры. Хотя публичные дома и были объявлены вне закона, неофициальные дома свидания все равно существовали. Вольфсон насчитал 446 таких заведений в 8 белорусских городах и 80 в Омске. Если не позволяли условия, свидания происходили в комнатах девушек, внутренних двориках, садах и лесах. «Одиночки», которых до революции презирали работавшие в публичных домах проститутки, теперь стали основным контингентом старых притонов, находившихся на Трубной площади и Тверском бульваре в Москве и на Лиговском и Невском проспектах в Ленинграде. В Ленинграде существовали описанные в художественной литературе казино, клубы и бары, которые часто посещали иностранцы и нэпманы. Развлечения, которые они предлагали – наркотики, азартные игры, дешевая любовь. Виктор Серж ярко

---

[1] *Palencia I.* Alexandra Kollontay. N.Y., 1947. P. 27; *Sorokin P.* Leaves from a Russian Diary. Boston, 1950. P. 33; *Reed J.* Ten Days That Shook the World (1919). N.Y., 1935. P. 41; Работница. 1917. Окт. 18. С. 10–12; *Быстрянский В.* Коммунизм, брак и семья. Пг., 1921. С. 60; *Фридланд Л.* Указ. соч. С. 146–148; *Lawton L.* Op. cit. P. 235.

описывал бар в гостинице «Европейской» с грязными скатертями, пыльными лампами и официантками с непроницаемыми лицами. «30 размалеванных девушек бродили около бара «Европейской», – писал Серж. Дочери Рязани и Волги, дочери голода и революции, которые могут продать только свою молодость, они слишком хотят жить, чтобы попасть в список самоубийц». Демонстрируемая в этом случае гордость была пародией на себя прежних[1].

Кем же были советские проститутки? По оценке Вольфсона 43% московских проституток происходили из крестьян, 14% – из рабочего класса и 42% – из так называемых «бывших», из которых 21% представлял буржуазию, 14% – мещанство и 7% – дворянство. Эти цифры являются ярким свидетельством того, насколько сильно социальный переворот потряс традиционные устои имущих классов. Оставшуюся недифференцированную часть проституток составляли безработные, незамужние, необразованные, беспартийные крестьянки и работницы в возрасте от 18 до 25 лет (в соотношении 3:1 соответственно). Как и раньше, железнодорожные станции и ночлежки были источником пополнения рядов проституток из числа новых иммигрантов из провинции[2]. Детская проституция, побочный продукт проблемы сиротства, вновь появилась в еще большем количестве, чем раньше до революции, когда она составляла только 2% от общей проституции. В соответствии с данными исследования, посвященного бездомным детям, приблизительно от 60 до 80% всех девочек-правонарушителей были в 1920 г. проститутками, а 88% были проститутками к моменту образования комиссии по делам несовершеннолетних. К началу 1920-х гг. тысячи детей ежемесячно вливались в криминальную среду Хитровского рынка, где мальчиков обучали мелкой краже и хулиганству, а девочки изучали «науку улиц»[3]. Клиенты проституток принадлежали к двум основным категориям. К первой группе относились люди, вписавшиеся в условия нэпа «рыцари частного капитала», высокооплачиваемые чиновники и специалисты,

[1] *Быстрянский В.* Указ. соч. С. 60; *Фридланд Л.* Указ. соч. С. 149, 160, 179; *Вольфсон С.Я.* Указ. соч. С. 433–440; *Sarolea C.* Impressions of Soviet Russia. London, 1924. P. 26; *Громов Н.* Перед рассветом: Путевые очерки современной Советской России. Берлин, 1927. С. 11, 23, 25–26, 33; *Serge V.* Vignettes of NEP. P. 142.

[2] *Вольфсон С.Я.* Указ. соч. С. 438; *Halle F.* Op. cit. P. 234–235; *Громов Н.* Указ. соч. С. 25–26; *Фридланд Л.* Указ. соч. С. 77–90, 110, 139; Жизнь без контроля (половая жизнь и семья рабочей молодежи). С. 19–20.

[3] *Соколов Б.* Спасите детей! (о детях Советской России). С. 18–56; *Фридланд Л.* Указ. соч. С. 126.

содержавшие девушку «в шелковых чулках» или «совдаму», воссоздавая таким образом дореволюционные нормы социополовых отношений. Вторая категория не была новой – студенты и рабочие, которые пользовались дешевыми проститутками из-за нехватки времени, денег или сил. Когда одного комсомольского активиста спросили, что он думает о визитах к проституткам, он ответил: «Что вы имеете в виду? Это социальное зло, вызванное экономической нестабильностью. Когда она приглашает меня, почему я не должен идти? Она зарабатывает деньги, а я удовлетворяю нужду. Я слишком занят, чтобы заниматься соблазнением или любить»[1].

Возможно, как считают некоторые наблюдатели, на душу населения в России было меньше проституток, чем в любой другой стране Европы[2], тем не менее в 1920-х гг. попытки большевиков снизить их количество оказались тщетными. Одна из причин этого – неоднозначное отношение к самой проститутке. Кто она: паразит или жертва? Правоохранительные органы склонялись к первому. Они преследовали проституток во время Гражданской войны и позже предложили создать «милицию нравов», хотя, что именно под этим понималось – простой милицейский патруль или создание врачебно-полицейского надзора, не ясно. По крайней мере, один доктор (Залкинд) считал, что проститутки относятся к так называемому «клиторному типу» и поэтому неизлечимы. Однако государственная политика отвергала эти консервативные подходы и руководствовалась указанием Ленина: «Возвратите проститутку на работу и найдите ей место в общественном производстве», хотя опыт трех поколений феминисток, социальных и медицинских работников показал, что сделать это труднее, чем сказать[3].

Поскольку проституция была непосредственно связана с венерическими заболеваниями, Советы решили покончить с ней прежде всего как с медицинской проблемой – традиционный путь, который избирали все правительства, озабоченные данным вопросом. Таким образом, комиссариат здравоохранения создал Центральный совет по борьбе с проституцией. Профилактическая часть его работы состояла в обеспечении возможности для

---

[1] *Вольфсон С.Я.* Указ. соч. С. 433; *Фридланд Л.* Указ. соч. С. 63–65; Жизнь без контроля (половая жизнь и семья рабочей молодежи). С. 20. Общение с проститутками было основанием для исключения из партии (*Carr E.H.* Socialism in One Country. Vol. 2. P. 216).

[2] *Lawton L.* Op. cit. P. 238.

[3] Об отношении правоохранительных органов см.: *Bryant L.* Mirrors of Moscow. P. 124–126; *Вольфсон С.Я.* Указ. соч. С. 435; *Lenin V.I.* Emancipation of Women. P. 96.

женщин работать и учиться, в проведении пропагандистских кампаний против этого порока и прямом заимствовании старых филантропических методов вроде встречи приезжающих крестьянок на городских железнодорожных вокзалах. Предполагалось, что проститутка должна быть защищена от насилия и плохого обращения. Официально она рассматривалась как жертва обстоятельств, равно как и ее клиенты, однако вопрос о последних оставался открытым. Сводники и владельцы борделей и домов свиданий должны были приговариваться к тюремному заключению. В 1924–1925 гг. были совершены облавы более чем на две тысячи злачных мест, которые были в результате закрыты. Главная заслуга Советов состояла в создании сети профилакториев, сочетавших в себе черты вендиспансеров, мастерских и приютов. В них инфицированные проститутки могли получить медицинскую помощь, профессиональную подготовку и в конце концов направление на работу[1].

Эти меры, отличавшиеся по духу от бессердечной системы царского государственного регулирования, без сомнения имели успех. Но их масштаб был слишком мал для полного решения проблемы. Число профилакториев было незначительным, местные советы – медлительными, а бюджет – таким маленьким, что доктор Фридланд сравнивал эти меры с «вычерпыванием моря ложкой» – излюбленной метафорой дореволюционных социалистов по поводу филантропии. Кроме того, сами общежития и профилактории часто вызывали насмешки и неприятие со стороны их обитательниц. «Позвольте мне жить там, где я буду свободной, так как я люблю гулять по улицам, – говорила одна из них, – кому нужны ваши швейные машины?»[2]. Это был болезненный удар по утопическим прожектам Чернышевского со стороны реалий советской жизни. Большевики, являясь наследниками той интеллигенции, которая на протяжении трех поколений высмеивала благотворительные подходы к проституции и видела выход в создании утопий и артелей, обнаружили, что ими же созданный синтез этих двух традиций, поддерживаемый государством, недостаточен для выхода из жестокого социального кризиса, решить который можно, лишь ликвидировав его более глубокие причины: женскую безработицу, отказ от детей, супружескую измену, бедность, квартирный вопрос, перенаселенность городов и наличие среди всего этого социального убожества мужчин с деньгами и женщин без них.

---

[1] *Halle F.* Op. cit. P. 223–267.

[2] *Фридланд Л.* Указ. соч. С. 60–61; *Вольфсон С.Я.* Указ. соч. С. 438.

«Любопытный факт: в каждом крупном революционном движении вопрос о “свободной любви” выступает на передний план. Для одних это – революционный прогресс, освобождение от старых традиционных уз, переставших быть необходимыми; для других – охотно принимаемое учение, удобно прикрывающее всякого рода свободные и легкие отношения между мужчиной и женщиной»[1]. Эти слова Энгельса свели воедино три силы, порождаемые европейскими социальными революциями: 1) естественное и здоровое высвобождение подспудной человеческой энергии; 2) экстремистское стремление превзойти этот уровень освобождения и двигаться по направлению к утопическим или анархическим крайностям; 3) уравновешивающая сила, часто называемая «термидором», которая возникала из дореволюционного социального контекста, эта сила, возникающая первоначально для борьбы с крайностями, постепенно превращает свой оборонительный потенциал в наступательный и затем идет против освобождения в целом. В российской революции Коллонтай, Женотдел, основная масса горожанок и большое число мужчин-большевиков считали, что «свободная любовь» – часть «революционного прогресса» по Энгельсу. Однако огромным количеством мужчин – студентов, рабочих, молодых большевиков – «охотно принимаемое учение» использовалось, чтобы оправдать и защитить низменные и эгоистичные формы сексуального голода.

Нельзя отрицать влияния этого учения на сексуальное поведение в первые годы экспериментирования. В начале 1923 г. Л.Троцкий писал, что «коммунистическая теория опережает нашу каждодневную жизнь на десять лет, в некоторых отношениях на век». Теории, которые нельзя было применить в условиях нищеты и разрухи, искажались и неправильно трактовались. Через год Ланселот Лоутон писал: «Никто не считал, что лидеры большевиков одобряют безнравственность, но некоторые учения их последователей были такими безрассудными, что их неверное понимание приводило к плачевным результатам»[2].

С другой стороны, историк Э.Карр отрицает важность теории. Он считает, что нравственный беспорядок и разруха были в значительной степени результатами войны и революции и что они были «оправданы «социалистической доктриной» с оглядкой на прошлое»[3]. Эта личная точка зрения Карра не выдерживает хро-

---

[1] К.Маркс, Ф.Энгельс и В.И.Ленин о женском вопросе. С. 129.

[2] *Trotsky L.D.* Problems of Life. London, 1924. P. 25; *Lawton L.* Op. cit. P. 230.

[3] *Carr E.H.* Socialism in One Country. Vol. 1. P. 31.

нологической проверки, так как работы Коллонтай, которые он называет «социалистической доктриной», были изданы позднее, чем начался процесс нравственного распада. Сексуальная революция, какие бы формы она не принимала, была хорошо подготовлена теоретически и психологически предшествующими поколениями представителей российской мысли и литературы, а не «оправдана с оглядкой на прошлое». Сказав это, было бы глупо, однако, отрицать точность замечания Карра по вопросу о более глубоких причинах сексуального переворота. Именно атмосфера героического безрассудства и насилия последних лет породила авантюризм в сфере любви и секса; и именно результаты насилия, рассматривавшиеся как созидательные и значительные, возвестили приход эпохи, когда «освобождение от старых традиционных уз» было низведено до примитивных форм сексуальной жизни и мышления.

Смешивал ли термидорианский импульс эти учения и крайности или боролся против них обоих? Морис Хиндус – проницательный исследователь советской повседневной жизни, размышлял над этой проблемой в 1929 г., в особенно критический момент русской истории. Если бы, считал он, сексуальная революция привела к меньшей беспорядочности в связях, то есть, если бы «в российских условиях свободы уменьшилась распущенность», то результатом стало бы появление новой, более возвышенной формы моногамии и нравственности. Однако, если сексуальная революция будет развиваться в направлении полигамии, то «тогда, без сомнения, русские будут обуздывать свободу личности в вопросах секса» и будут вводить «дисциплинированность», «социальную цензуру» и «общественный контроль»[1]. Именно так и произошло, однако элементы термидора появились задолго до их предсказания Хиндусом.

3. Сексуальный Термидор

В советской историографии, касающейся вопроса сексуальной революции в советской истории, обычно говорится о впечатлении, которое произвела внезапность установившегося периода «термидора» или реакции (в середине 1930-х гг.). Это была исключительно сталинская инициатива, навязанная против воли людей, и поэтому оценивавшаяся как негативное явление. Все эти предположения безусловно требуют доказательства. Настроения термидора родились вместе с революцией, и впервые о нем заговорил сам лидер революции. Точка зрения Ленина, ухо-

[1] *Hindus M.* Humanity Uprooted. N.Y., 1929. P. 100.

дившая корнями в традиции революционной интеллигенции, нашла отклик среди большого числа его влиятельных последователей в 1920–1930-х гг. Несмотря на то что Сталин принимал и проводил в жизнь свои решения достаточно жестко, он действовал с согласия широкого круга большевистской интеллигенции обоих полов. Более того, хотя его меры, возможно, и обуздали сексуальную энергию многих людей, они способствовали ограничению сексуального насилия и сексуальной эксплуатации, распространившихся в российском обществе с установлением советской власти.

Впервые против крайностей сексуальной революции Ленин высказался в часто цитируемой беседе с Кларой Цеткин, которая состоялась в 1920 г.[1] Хотя ее содержание было опубликовано лишь пять лет спустя, когда ее тепло приняли те, кто придерживался консервативных взглядов в вопросах секса, ленинская точка зрения была высказана еще в конце Гражданской войны, за три года до того, как коллонтаевская Женя («Любовь трех поколений») выдвинула свое пресловутое оправдание сексуальной свободы. Эту работу Ленин, очевидно, никогда не читал и, конечно же, никогда не комментировал. Свою критику Ленин направил на свободное сексуальное поведение в годы Гражданской войны – того «бескрылого Эроса», который так возмущал Коллонтай. Несмотря на некую неясность и двусмысленность, взгляды Ленина на сексуальный вопрос (первые высказанные в его письмах военной поры к Инессе Арманд) демонстрируют его негативное отношение к «ненормальной» и «чрезмерной сексуальной жизни» и откровенно враждебный взгляд на «озабоченность» сексуальной проблемой даже в целях ее обсуждения. «Я не доверяю тем, кто постоянно размышляет над сексуальным вопросом, как индийский святой над своим пупком», – говорил он Цеткин, признавая, что «копаться во всем, что касается секса», для него отвратительно. Отношение молодежи к сексу он охарактеризовал как «болезнь современности». «Беспорядочность в вопросах секса – это буржуазное явление, – заявил он, – это признак вырождения». И, предвосхищая главный тезис предстоящих дебатов, он предупредил, что секс «растрачивает здоровье и силу» молодых людей.

Но основные нападки Ленин направил на теоретическое обоснование такого поведения – так называемую теорию «стакана воды». «Вы должны знать из известной теории, – говорил он Цеткин, – что в коммунистическом обществе удовлетворение

[1] *Zetkin C.* Lenin on the Woman Question. N.Y., 1934.

сексуальных желаний, любви будет таким же простым и незначительным делом, как выпить стакан воды. Эта теория "стакана воды" свела нашу молодежь с ума. Она оказалась пагубной для многих молодых людей и девушек. Ее приверженцы утверждают, что она марксистская». Поскольку Ленин не указал происхождение этой «известной теории», и поскольку ее часто и неправильно приписывают Коллонтай, то в этом вопросе необходимо разобраться. Описания этой теории нигде не найдено, кроме как в беседе Ленина с Цеткин, но ее основная идея прослеживается в русской интеллектуальной традиции по поводу секса и любви. Примером тому может служить как взгляд с психологической точки зрения на данную проблему Гиероглифова времен нигилизма, так и разнообразные сравнения сексуального наслаждения с дегустацией, поглощением обеда, смакованием десерта, питьем, дыханием, принятые в декадентской литературе 1905–1914 гг. (см. Гл. VI, 2). Образ утоления жажды не был новым в утопических теориях о сексуальных правах. «У меня нет права владеть фонтаном, который лежит на моем пути, – писал маркиз де Сад в начале 1795 г., – у меня есть безусловно право пользоваться им; у меня есть право наслаждаться прозрачной водой, чтобы утолить жажду; точно так же я не претендую на то, чтобы обладать той или иной женщиной, но у меня есть неоспоримое право наслаждаться ею»[1]. В своей широко известной работе «Женщина и социализм» Бебель писал, что «из всех естественных потребностей человека половая потребность после потребности есть и пить самая сильная»[2]. Вероятно, теория «стакана воды» была вовсе не теорией и, конечно же, она не была новой, скорее это была довольно-таки вульгаризованная идея со ссылкой на Бебеля и естественные потребности. Возможно, она была когда-то сформулирована настолько неудачно, что вызвала возмущенный протест Ленина.

«Я считаю, что теория "стакана воды" совершенно не марксистская», – недовольно говорил Ленин. «Конечно! Жажду необходимо удовлетворить. Но разве нормальный человек при нормальных условиях ляжет в уличную грязь и будет пить из лужи? Или из стакана, края которого засалены множеством губ? Но важнее всего социальная сторона. Питье воды – это дело действительно индивидуальное. Любовь же – дело двоих, и может возникнуть третья жизнь. В этих фактах есть общественный интерес, обязан-

---

[1] *Marquis de Sade*. Bedroom Discourses, 1795.

[2] *Бебель А*. Женщина и социализм. М., 1959. С. 142; Коммунистка. 1921. Май–июнь. 12–13. С. 31.

ность по отношению к обществу»[1]. Ленин не прослеживал происхождение этой идеи, но с иронией высказался об эпохе «эмансипации сердца» и «эмансипации тела» (то есть эпохе Жорж Санд и Анфантена), добавив, что это учение тогда было «более талантливым, чем сегодня». Здесь и ранее цитируемые замечания Ленина о недоверии «к женщинам, которые смешивают любовные дела с политикой», возможно, были всего лишь намеком на Коллонтай (которую он никогда не упоминает). В любом случае, он совершенно определенно говорил, что откуда бы не происходила идея коммунистического промискуитета и кто бы не проповедовал ее, «ей не место в партии, в классовом сознании борющегося пролетариата».

Ленин допускал, что революционный переворот заставил молодых людей и девушек «восстать со всей пылкостью их лет». Он признавал, что «поощрять монашеский аскетизм и святость грязной буржуазной морали» было бы неправильно. Как же тогда предотвратить опасность сексуальной распущенности среди молодежи? Как сохранить то огромное количество энергии, которое растрачивалось в необузданном удовлетворении сексуальных желаний? Выход, конечно же, был в том, чтобы направить эту энергию на что-либо другое – на самосовершенствование или на революцию. «Молодежи, – говорил Ленин, – особенно нужны жизнерадостность и бодрость. Здоровый спорт – гимнастика, плавание, экскурсии, физические упражнения всякого рода, разносторонность духовных интересов». Эта теория породила другую – знаменитую теорию революционной сублимации. Между тем Ленин не устанавливал каких-либо критериев оценки сексуального поведения мужчин и женщин. В беседе с Цеткин он выступал за «чистоту, чистоту и еще раз чистоту» в сексуальном вопросе. Недостаточность чистоты обусловила его краткое негативное высказывание по поводу сексуальной добродетели: «не монах, не Дон Жуан, но и не германский филистер как нечто среднее».

Ленин также критиковал «распад, гниение, грязь буржуазного брака с его трудной расторжимостью, свободой для мужа и рабством для жены, с гнусной лживостью половой морали и отношений». Однако он практически ничего не говорил о продолжительности брака, частоте разводов, ограничиваясь лишь критическими замечаниями по поводу мужей, которые не разделяют со своими женами домашние обязанности. «Очень немногие мужья, – отмечал Ленин, – даже из пролетариев, думают о том, как

[1] *Омельченко А.* Свободная любовь и семья. СПб., 1908. С. 25.

сильно они могут облегчить тяготы и заботы жены или даже совсем снять их с нее, если бы захотели помочь в "женской работе". И как результат, «домашняя жизнь женщины – это ежедневное принесение себя в жертву в тысяче ничтожных мелочей». Язвительных, хотя и повторяющихся замечаний Ленина по поводу домашней работы, высказанных в большинстве своем в течение двух лет, было множество. «Мелкое домашнее хозяйство, – говорил он в 1919 г., – давит, душит, отупляет, принижает [жену], приковывая к кухне и к детской, расхищая ее труд до дикости непроизводительною, мелочною, изнервливающею, отупляющею, забивающею работою»[1]. Согласно Давиду Рязанову, решение Лениным данной проблемы основывалось на работе Каутского 1903 г. по аграрному вопросу. Каутский предлагал «возложить функции содержания дома и образования с индивидуального ведения хозяйства на общество», посредством общих кухонь, столовых, прачечных, мастерских, детских яслей, садов и других дошкольных учреждений. Кроме того, Рязанов отмечал, что для Ленина исчезновение домашней рутины не означало исчезновения индивидуального домашнего хозяйства и семьи[2].

В контексте взглядов на секс, существовавших в Советской России этого периода, Ленин оказался консерватором. Однако он не был ханжой в западном смысле этого слова. Его озабоченность проблемой сексуальной распущенности молодежи не только разделялась широким кругом большевиков, но также имела глубокие корни в европейской социалистической культуре. С момента первого крупного раскола по сексуальному вопросу в истории социализма между Анфантеном и Базаром в 1831 г. это движение выработало две точки зрения на невероятно трудный вопрос взаимоотношений мужчин и женщин. Первая точка зрения, принадлежавшая Анфантену, предусматривала большую свободу в этих взаимоотношениях. А вторая, которой придерживались Ленин и Базар, предпочитала моногамию, постоянство, добровольный и равноправный союз, длительные браки и развод в исключительных случаях. Стоит вспомнить, что два выдающихся представителя ранней русской интеллигенции – Герцен и Белинский начали с открытого осуждения Анфантена и Жорж Санд, хотя позднее и смягчили свое отношение к ним. Провозвестник женского вопроса в России Михайлов выступал за свободную любовь и одновременно считал моногамию идеалом взаимо-

---

[1] *Lenin V.I.* Emancipation of Women. P. 61.

[2] *Рязанов Д.* Маркс и Энгельс о браке и семье // Летописи марксизма. 1927. III. С. 32.

отношений. Чернышевский высказывался об этой же проблеме в художественной форме. Среди германских марксистов стандарты сексуальной морали были еще более традиционными. Нужно признать, что Ленин и в теории (если не принимать гипотезу, что Ленин и Арманд были любовниками), и в жизни придерживался этой же традиции, которая, как бы ее ни называли, основывалась скорее на рациональном самоконтроле, чем на категоричном утверждении личной свободы.

Взгляды Ленина, опубликованные в 1925 г., подтолкнули писателей и чиновников к критике не только «жизни без контроля», но также и «новой морали» Коллонтай. Но голос сексуального Термидора, тогда еще слабый и неясный, раздавался и раньше. В выражениях, напоминавших антисанинистские настроения прошлого, Быстрянский в 1921 г. сравнивал сексуальное возбуждение с «миазмами разлагающегося капитализма», которые «продолжают отравлять общественную атмосферу». «Свободная любовь, – жаловалась одна журналистка-женотделовка, – воспринимается лучшими людьми как порок». Будучи ярым врагом традиционной семьи, Бухарин поддержал комсомольскую резолюцию 1922 г., осуждавшую сексуальную распущенность, а впоследствии выступил против «вульгарного материализма» тех теорий, которые рассматривали секс с чисто физиологической точки зрения[1]. К 1923 г. критика сфокусировались на Коллонтай, чьи «эротические» статьи и рассказы, посвященные «Эросу», известные любовные связи и приближающаяся политическая опала сделали ее удобной мишенью. Сама Коллонтай признавала, что ее «взгляды жестко критиковались многими товарищами по партии», даже когда она была за границей. Публикация ее работ была затруднена и, по свидетельству ее друга Марселя Боди, появилась в прессе серия статей, подписанная А.М.К., не принадлежавших перу Коллонтай, в которой содержались наиболее радикальные взгляды на сексуальное поведение. Коллонтай сделали партийный выговор, и только после ее разговора со Сталиным публикация фальшивых статей прекратилась. Однако нападки на ее идеи только начинались[2].

Самые серьезные из них были предприняты осенью 1923 г. Полиной Виноградской, бывшей коллегой Коллонтай по Женот-

---

[1] *Быстрянский В.* Коммунизм, брак и семья. Пг., 1921. С. 59–62; О Бухарине см.: *Carr E.H.* Socialism in One Country. Vol. 1. P. 30–32; *Вольфсон С.Я.* Указ. соч. С. 422.

[2] *Kollontai A.M.* Autobiography of a Sexually Emancipated Communist Woman. P. 43; *Body M.* Alexandra Kollontai // Preuves. 1952. Apr. II. 14. P. 14.

делу. В недавно опубликованных мемуарах Виноградская заявляет, что она и Крупская были потрясены идеями Коллонтай, выраженными на встречах редакторского совета «Коммунистки», в который входили они и Инесса Арманд. После появления статей об Эросе Виноградская решила ответить на них в печати. По ее словам, это намерение было одобрено Крупской. В своей работе Виноградская называла Коллонтай «Жорж Санд XX в. и Вербицкой [дореволюционная романистка на темы сексуальности] нашей коммунистической журналистики». Идеи Коллонтай она называла смесью коммунизма и феминизма. Вся критика, содержащаяся в статье Виноградской, находится на этом же уровне. Она писала, что главная вина Коллонтай – в ее переоценке эроса и «культа любви» и в ее недостаточном внимании к «настоящим проблемам»: разводу, уходу из семьи и аборту. Виноградская просто не заметила, что Коллонтай подробно рассматривала эти проблемы. Виноградская не предложила своих альтернатив, которыми можно было бы руководствоваться в вопросах любви и секса, предпочитая вместо этого подробно остановиться на сексуальной анархии, которая, как она высказалась, бушевала за фасадом «идеалистических постулатов коммунистической программы», намекая на то, что они были сформулированы и поддержаны Коллонтай. Нападки Виноградской на Коллонтай породили тот миф, что в основе идей Коллонтай лежат «биологические» сексуальные теории, и именно ее идеи вызвали крайности, проистекавшие из этих теорий[1].

Признавая недостаточность критики Коллонтай, ее героини Жени и теории «стакана воды» (часто смешиваемых без разбора), писатели начали строить альтернативную философию сексуальной жизни. «После долгих раздумий, – писал молодой коммунист в 1922 г. – я пришел к выводу, что энергия, затраченная во время удовлетворения сексуального аппетита, может быть направлена куда-либо еще и распространяться на более важные вопросы». Эта идея была развита в теорию «революционной сублимации» группой врачей под руководством Арона Борисовича Залкинда, фрейдиста, большевика, основателя Общества марксистов-психоневрологов. Залкинд обвинял современную сексуальную культуру в воровстве энергии у работы и любви у коллектива. Он обвинял Коллонтай и всех тех, кто ошибочно делал акцент в вопросах секса. «Коллективистское тускнеет, когда

[1] *Виноградская П.* Памятные встречи. М., 1972. С. 53; *Она же.* Вопросы морали, пола, быта и тов. Коллонтай // Красная новь. 1923. Окт.–ноябрь. 6. 16. С. 213, 186, 214.

слишком расцветает любовь». Это диаметрально противоречит точке зрения Коллонтай о том, что любовь в разных видах и неограниченных количествах реализуется в рамках рабочей коммуны. Для Залкинда любовь и секс были своего рода основным капиталом, который нужно было инвестировать в классово-ориентированные предприятия и не растрачивать на другие цели. От этого пикантного вывода Залкинд легко перешел к традиционным идеям сохранения сексуальной энергии: нужно предотвратить преждевременное развитие сексуальности, секс должен использоваться по своему «главному предназначению» – воспроизводству потомства. А сэкономленная энергия должна быть использована на благо революции[1].

Идеи Залкинда, возможно, претендовавшего на роль Моисея, обуздывающего советскую сексуальную распущенность, стали известны как «12 заповедей Залкинда». Его кодекс запрещал сексуальные отношения до замужества в возрасте 20 или 25 лет. Ссылаясь на «Крейцерову сонату» Толстого, заповеди запрещали секс без любви и вне брака. «Чисто физическое половое желание недопустимо с революционно-пролетарской точки зрения». Сексуальная привязанность к классовому врагу рассматривалась как грех и сравнивалась с привязанностью между крокодилом и орангутангом. Даже в браке половой акт не должен быть слишком частым и никогда – с «извращениями». Залкинд считал моногамию единственной для женщины, а героиня Коллонтай Женя была определена им как нимфоманка. Родители должны содержать своих детей, так как государство не могло этого делать. Последней заповедью было жесткое неприятие Бебеля и учения о невмешательстве в личную жизнь: класс имел право вмешиваться в сексуальную жизнь своих членов[2]. Несмотря на реверансы в сторону либерализма, в громоздких построениях Залкинда отсутствует требование полного равенства в браке. Единственной уступкой современности является изгнание ревности из недр семьи, но при этом семья, изображенная Залкиндом в идеализированной форме, состоит из двух полудевственников, которые борются с похотью с таким же рвением, с каким они борются с грязью, медлительностью и рутинностью повседневной жизни. Идеи, о которых писал Залкинд, уже витали в

---

[1] *Гельман И.* Половая жизнь современной молодежи. М., 1923. С. 78. О философских и психологических основах его сексуальной теории см.: *Залкинд А.Б.* Очерки культуры революционного времени. М., 1924. С. 51–56; *Он же.* Половой вопрос с коммунистической точки зрения // Половой вопрос / Под ред. С.М.Кальмансон. М., 1924. С. 13.

[2] *Залкинд А.Б.* Революция и молодежь. М., 1925. С. 77–90.

17 Заказ 5510

воздухе. «Сексуальный инстинкт сдерживается, – сказал директор московской школы о личной жизни своих учеников, – и в соответствии с известным законом Фрейда он сублимируется социальным и политическим инстинктом». Руководствуясь «12 заповедями», некоторые пермские комсомольцы-пуритане отправлялись ночью группами вылавливать обнимающиеся парочки. На них набрасывали мешки и приводили в милицию[1].

Исконно враждебными к сексуальной распущенности были российские деревни, где для сельских женщин каждодневные хозяйственные дела были важнее, чем размышления о независимости, современности и равенстве. В дебатах 1926 г. юрист Красиков выразил мнение крестьян: «Брак создает семью и трудовой союз и требует, чтобы его основы укреплялись и сам он провозглашался публично, чтобы все знали, что эти два человека – супружеская пара». Женщина-депутат заявила, что в деревне нет места любовным похождениям и что все женщины должны единодушно отказывать во внимании деревенским Ромео. Развод, говорила она, в крайнем случае можно допустить, если супружеская несовместимость обнаружится после года совместной жизни. Но как быть, если супруги прожили вместе 20 лет и имеют пятерых детей? Другая женщина-крестьянка высказывалась так: «Да, хорошо говорить о разводе, но как я смогу кормить своих детей? Два кормильца лучше, чем один, если уж на то пошло. Алименты? Да, я знаю о них, – но что мне с того, если я знаю, что у мужа ничего нет, чтобы платить мне. Если мой муж уйдет и я получу где-нибудь землю, как я смогу ее обрабатывать одна? Вместе мы как-нибудь справились бы». Похожие настроения зависимости и сотрудничества присутствовали в работе А.Яковлева «Участь крестьянки» (1926). «Крестьянская семья похожа на повозку: ты в упряжке и должен тянуть ее пока есть силы, и никакого удовольствия. Это не похоже на жизнь на фабрике, мы должны думать о земле»[2].

Ко времени выхода нового семейного кодекса высшее партийное руководство уделяло много внимания вопросам семьи, хотя и не всегда учитывало все нюансы. Например, старый большевик Лядов, ректор Коммунистической академии, заявил своим студентам, что коллонтаевская теория любви об Эросе является лишь апологией эгоистического желания, хотя он и признавал,

---

[1] *Sarolea C.* Impressions of Soviet Russia. London, 1924. P. 98; *Smith J.* Op. cit. P. 131.

[2] *Schlesinger R.* The Family in the USSR. P. 95, 109; *Smith J.* Op. cit. P. 31–32; *Gasiorowska X.* Woman in Soviet Fiction, 1917–1964. P. 28. См. также: *Вольфсон С.Я.* Указ. соч. С. 403–408.

что не знает, какого эроса она восхваляла – «крылатого» или «бескрылого». Рязанов, знаменитый ученый-марксист, был справедливее к Коллонтай, но все же его ответы на ее вопросы не оставили сомнения в том, на чьей стороне он стоял. «Мы должны учить наших молодых комсомольцев, что брак – это не личное дело, – говорил Рязанов, выступая против нового семейного кодекса, – а акт огромного социального значения, требующий вмешательства и регулирования со стороны общества»[1]. Интересно, что именно нарком просвещения Луначарский был инициатором строжайшего соблюдения моногамии в те годы. Говоря о необходимости восстановить демографический уровень 1913 г., он настаивал на том, что государство не сможет заботиться о новом поколении детей, так как оно не справляется с сотнями тысяч уже живущих беспризорников. Это не смогут делать и одни матери без постоянной помощи мужей. Он писал: «В нашем обществе единственно правильной формой семьи является прочная парная семья. Такой союз во имя жизни рождает и воспитывает детей, это единственная форма, которая нам нужна, и тот, кто хочет полностью выполнить свой долг политический, трудовой и человеческий, должен строить только такую семью». Развод возможен только в исключительных случаях, к нему следует прибегать лишь раз или два. А тот, кто злоупотребляет им, является "контрой" наших дней»[2].

Во многом благодаря своим рядовым членам комсомол часто критиковался за распущенное поведение, поэтому комсомольские лидеры приложили все усилия, чтобы отделить себя от них. Два комсомольских писателя присоединились к кампании против «аномалий» сексуальной жизни, против «крылатого Эроса», безответственности, цинизма, промискуитета, предсказывая их последствия. Они писали: «Советской власти нужны техники и инженеры, чтобы построить социалистическую промышленность, нужны хорошие и культурные кооператоры, педагоги, чтобы ликвидировать безграмотность и невежество, нужны общественные работники, нужна смена, чтобы продвигать революцию дальше, к социализму. Можем ли мы все это создать, если молодежь – этот культурный резерв социализма – будет много внимания уделять вопросам любви, брака и т.д.?»[3]. На Выборгской районной конференции 1929 г. широко использовались устаревшие

[1] *Лядов М.Н.* Вопросы быта. М., 1925, 16–18, 34–36; *Рязанов Д.* Маркс и Энгельс о браке и семье // Летописи марксизма. 1927. III; *Smith J.* Op. cit. P. 92, 116–117.
[2] *Луначарский А.* О быте. М., 1927. С. 21–22, 37.
[3] *Григоров Г., Шкотов С.* Старый и новый быт. С. 157.

дореволюционные клише: «отвратительные вопросы», «обломовщина». На конференции был сделан вывод, что «жизнь без контроля» должна быть возвращена в русло социального регулирования. «Свободная любовь», которую склонны восхвалять многие мужчины и женщины, часто трансформируется в свободную развращенность» – сделали заключительный вывод организаторы конференции. «У человека физически и духовно здорового, строящего новую полноценную, интересную общественную и личную жизнь, нет времени для низменных желаний»[1].

К 1929 г. фанфары возмущенного протеста трубили в коридорах Коммунистической академии, комиссариатов и университетов. Когда в том же году Вильгельм Райх посетил Россию, он обнаружил здесь среди медицинских и социальных работников то, что назвал «буржуазным морализаторством». Самую консервативную позицию занимала бывшая руководитель Женотдела Смидович. «Каждая молодая комсомолка... – выражала она свое недовольство, – каждая рабфаковка или другая студентка, на которую пал выбор того или иного парня или мужчины – откуда эти африканские страсти берутся среди нас на севере, я не знаю, – должна исполнять все его желания, иначе ее будут считать "мелкобуржуазной!"» Райх сообщал, что статья Смидович была расклеена на афишных тумбах в Германии как пример официальной коммунистической сексуальной идеологии. По другому поводу Смидович предложила свое понимание яркой революционной любви, которую она противопоставляла современной моде на «революционный секс». «Конечно, мы, старшие коммунисты, считаем, что лучше любить одного человека и оставаться с ним. Нам труднее, чем другим, измениться полностью, потому что наши узы крепче. Нелегко разрушить союз, который всю жизнь основывается на совместной борьбе за единую цель. В первую очередь мы ищем товарища, чьи мысли и чувства мы сможем разделить. Если чувство взаимной любви уходит, то брачные отношения нужно прекратить»[2].

Накануне индустриализации общественное мнение было встревожено проблемами сексуальной революции, однако единодушия в вопросе об исправлении очевидных злоупотребле-

---

[1] Жизнь без контроля (половая жизнь и семья рабочей молодежи). С. 58.

[2] *Reich W.* The Sexual Revolution. N.Y., 1969. P. 186, 187, 189; *Reich I.O.* Wilhelm Reich: A Personal Biography. N.Y., 1970, 41–42. Смидович цит. по: *Halle F.* Op. cit. P. 115; *Smith J.* Op. cit. P. 102–103.; *Farnsworth B.* Bolshevik Alternatives and the Soviet Family: the 1926 Marriage Law Debate // Women in Russia / Ed. by D.Atkinson. Stanford, 1977. См. также: *Тихонова З.* Народный комиссар здоровья (о Н.А.Семашко). М., 1960.

ний не было. Все чаще опросы общественного мнения показывали, что женщины предпочитают любовь физиологии, длительные отношения – краткосрочным, одного мужчину – множеству любовников, и брак – всему остальному. В то время как поведение мужчин показывало, что они предпочитали обратное. Официальная позиция властей склонялась к женской точке зрения, но точных директив, направленных на улучшение ситуации не было. Некоторые, как например доктор Фридланд, настаивали на тюремном заключении мужчин, эксплуатирующих женщин. Но были и другие, как например Бухарин, которые считали, что вмешательство партии в семейные дела было «мещанской накипью». Многие общественные деятели видели нравственную анархию везде, но их предложения по улучшению ситуации были вполне традиционными – половое воспитание, физическая культура, молодежные клубы и здоровая нравственная атмосфера в семье. Несмотря на обеспокоенность, советское общество было не готово расстаться с сексуальной и семейной свободой, завоеванной в ходе революции. Этот неустойчивый баланс сил ярко демонстрирует статья в «Правде» от 23 июня 1923 г. Она призывала к борьбе на двух фронтах: против неограниченной полигамии и свободной любви «магометан» и против пуританской моногамии «католиков»[1].

Неудивительно, что власти в конце концов стали предпринимать какие-то меры по поводу сексуальной невоздержанности и вытекающих из нее проблем. Удивительно, что сексуальный термидор принял достаточно сдержанные и косвенные юридические формы – был принят закон, отменяющий свободу аборта и ужесточающий процедуру развода. После этого некоторые наблюдатели пришли к циничному выводу, что режим был заинтересован в повышении только рождаемости, а не нравственности. Но учет лишь демографической ситуации не объясняет резкой кампании в прессе против безответственности в сексуальной жизни. Эта кампания предшествовала принятию законов и сопровождала их. Одной демографической ситуацией нельзя объяснить и теоретическое переосмысление семьи, которое дало идеологическое обоснование принимаемым законам. В начале 1930-х гг. вопросы пола, брака и семьи выкристаллизовались в умах партийной верхушки, хотя на базе имеющихся источников нельзя сказать, как и при каких обстоятельствах.

---

[1] *Фридланд Л.* Указ. соч. С. 134–175. Бухарин и статья из «Правды» цит. по: *Вольфсон С.Я.* Указ. соч. С. 382. См. также: Жизнь без контроля (половая жизнь и семья рабочей молодежи). С. 61, 105–110.

Отношение Сталина – неоспоримого лидера государства и партии – к женщинам, сексу и семье не дает полного представления о том, какими были эти представления у партийной элиты. Он был воспитан на грузинском мужском добродушном презрении к женскому полу. Он цинично смотрел на тех женщин, которые, подобно Коллонтай, смешивали любовь с революцией. Он был грубым человеком и убежденным антифеминистом. С другой стороны, Сталин был большевиком и разделял партийные взгляды на женщину как на рабочую единицу и на потенциального соратника мужчины в производственной жизни страны, идущей по пути индустриализации, и он без сомнения продемонстрировал свое отношение к ним как к равным в жестоких репрессиях, развязанных в середине 1930-х гг. Сталин был сверхпрактичным мужчиной, и для него женщины, как и другие советские граждане, были всего лишь человеческим материалом, которому он придавал форму согласно своим целям – строительству экономической базы социализма и авторитарной политической системы под его руководством. В одном из редких замечаний по поводу женщин и социализма, сделанных в 1923 г., он сказал, что женщины смогли бы помочь продвинуть промышленность вперед или помешать этому, могли бы помочь развить сельское хозяйство или затормозить его развитие. При наличии достаточного уровня сознательности они могли бы способствовать функционированию советской политической жизни, а при его отсутствии помешать ему. Как мать женщина смогла бы воспитывать достойных советских граждан или, наоборот, калечить их дух. Этот двойственный взгляд на женщину как на активное экономическое и политическое действующее лицо общества и как на мать и воспитателя новых коммунистов остался неизменным. Этот взгляд был основой политики Сталина, направленной на сдерживание сексуальной энергии революционного поколения[1].

В царские времена семья была основным ядром общества, государством в миниатюре со своим самодержцем, подданными и своим уставом. Развод, неподчинение жены, адюльтер не одобрялись, так как могли стать примером раскола, мятежа и предательства для общества. Когда советская семья проявила признаки исчезновения, власть начала осознавать решающее значение, которое имеет семья в любом обществе, как микрокосм общественного порядка. Никто так не боролся с анархией, как большевики. Анархия в каждодневной жизни была полностью несовместима с

[1] Woman and Communism: Selections from the Writings of Marx, Engels, Lenin, and Stalin. London, 1950. P. 63–65.

порядком и организацией, необходимыми в индустриальном обществе. Многочисленные разводы, полчища беспризорных детей и обманутые жены – все эти результаты кризиса семейной системы, разрушили общественные связи, что привело к нестабильности и беспорядку. Прочная семья, с другой стороны, могла регулярно воспроизводить новых граждан, таким образом поддерживая и даже увеличивая уровень рождаемости, и могла бы служить своего рода инкубатором, в котором эти дети могли расти при минимуме государственных затрат. Это обещало положить конец проблеме беспризорников. Семья также предполагала самодисциплину и прикрепление к одному месту работы, ответственность и хорошие «буржуазные» жизненные привычки. И, возможно, самым важным было то, что семья создавала ту обстановку, внутри которой сексуальная энергия мужчины и женщины могла быть направлена на воспроизводство, а не на бесконечный флирт, розыск покинувших семью супругов с бесполезной тратой на это времени и сил. Эти размышления наряду с неподдельной озабоченностью по поводу того, что женщинам в семье часто отводилась роль жертв, и что эту ситуацию не смог ликвидировать Кодекс 1926 г., создали основу для реформы брака в середине 1930-х годов.

Аборт и развод были двумя составляющими этой реформы. Изданный в ноябре 1920 г. по инициативе комиссаров здравоохранения и юстиции декрет «О защите женского здоровья» считал главной целью борьбу с нелегальными абортами посредством безопасных и законных абортов. Он рассматривался как временная мера, которую будут избегать в ближайшем будущем благодаря массовой защите материнства. Контроль за рождаемостью был бы в те годы более подходящим способом борьбы с тяжелыми условиями появления ребенка на свет. Но старые коммунисты в целом негативно отнеслись к этому, и продажа контрацептивов не получила распространения. Аборт мог быть сделан по необходимости. Были случаи, когда женщины делали 20 или более абортов. В одной Москве в 1930 г. их было сделано 175 000. Эта цифра упала до 155 000 к 1935 г., последнему году разрешенных абортов. Цифра для всей деревенской России составила только 324 194. Большинство женщин в качестве причины решения избавиться от ребенка указывали «материальные условия». Остальные женщины говорили о стыде, свободе, «эстетике» и необходимости уделять время и силы своим уже имеющимся детям. Мужчины также часто заставляли женщин делать аборт. Из-за неопределенности в половых отношениях мужчина не всегда был уверен, что это его ребенок – похожая ситуация грустно и комично изображена в

замечательном советском фильме «Третья мещанская» (1927), в котором представлен типичный любовный треугольник[1].

До середины 1930-х гг. общественное мнение об абортах было противоречивым. На украинской конференции гинекологов, проходившей в 1927 г., все выступающие были враждебно настроены к аборту с медицинской точки зрения. Но некоторые настаивали на том, что запрещение их по закону будет только способствовать процветанию нелегального аборта и ухудшит экономическое положение женщин. «Никто бы из нас, мужчин, – говорил один оратор, – не вынес, если бы вопрос о его женитьбе решался некой комиссией, которая его женила или не женила в соответствии со своими представлениями. Поэтому не мешайте женщинам распоряжаться собой и самостоятельно решать кардинальный вопрос их жизни». Участники конференции выступили против «беспечного подхода» к аборту, но все-таки не рискнули рекомендовать принятие антиабортных законов[2]. Такая двуличная позиция превалировала до 27 апреля 1936 г., когда в газете «Труд» были опубликованы слова Сталина: «Нам нужны люди. Аборт прерывает жизнь, и поэтому ему не место в нашей стране. Советская женщина имеет те же права, что и мужчина, но это не освобождает ее от великой и почетной обязанности, которой наделила ее природа: она – мать, она дает жизнь. Это, конечно же, не личное дело, а дело государственной важности». 26 мая ЦИК опубликовал проект нового Семейного кодекса, составленного в ответ на многочисленные просьбы женщин защитить здоровье работниц. Они просили отменить аборт по требованию, разрешить его только по серьезным медицинским показаниям, предоставить матери поддержку в виде материальных и социальных гарантий. Возражения все еще разрешались и публиковались, но они не оказывали никакого влияния на принятие закона[3].

---

[1] *Соколов Б.* Спасите детей! (о детях Советской России). С. 26; Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. М., 1919. № 10. Ст. 90, 471, 475; *Smith J.* Op. cit. P. 186–187; *Winter E.* Red Virtue. N.Y., 1933. P. 146–147; *Reich W.* The Sexual Revolution. N.Y., 1969. P. 187; *Halle F.* Op. cit. P. 139–143; *Pierre A.* Les Femmes en Union soviétique. P. 27; *Гельман И.* Половая жизнь современной молодежи. М., 1923. С. 106; *Schlesinger R.* The Family in the USSR. London, 1949. P. 175–176, 184; Жизнь без контроля (половая жизнь и семья рабочей молодежи). С. 47–50.

[2] *Schlesinger R.* Op. cit. P. 172–187; *Smith J.* Op. cit. P. 183.

[3] *Reich W.* The Sexual Revolution. N.Y., 1969. P. 176; La femme et le communisme: anthologie des grands textes du marxisme. Paris, 1950. P. 57; *Pierre A.* Les Femmes en Union soviétique. Paris, 1960. P. 28–31; *Schlesinger R.* The Family in the USSR. London, 1949. P. 255–257, 265.

Годы принятия нового кодекса – годы растущей напряженности в отношениях с Японией и Германией, и обращение Сталина к демографическим аргументам подтолкнули некоторых исследователей к мысли, что антиабортные законы объяснялись лишь стремлением увеличить население. Но благоприятные официальные отзывы о законе показали большую заинтересованность общества в уничтожении сексуального авантюризма и установлении вновь господства семьи. Передовая статья в «Правде» начиналась со слов: «Без сомнения он будет служить делу усиления советской семьи, он будет отбивать охоту к “свободной любви” и “беспорядочной половой жизни”». «Более того, – делалось заключение в статье, – женщина без детей заслуживает нашего сожаления, ибо не познала всей радости жизни. Нашим советским женщинам – полноправным гражданам самой свободной страны в мире, дано счастье материнства. Мы должны защищать нашу семью и растить и воспитывать здоровых советских героев!» Аналогичные статьи в других газетах, письма читателей, серия заметок Крупской подробно останавливались на этой теме и подчеркивали тот факт, что отмена права на аборт была лишь первым шагом в борьбе с распущенностью, случайными беременностями, выкидышами и с неуважением к женщинам, любви, материнству и семье[1].

Ужесточение процедуры развода было другой основной чертой закона 1936 г. «Известия» в 1935 г. писали: «Пора объявить легкомыслие в семейных делах преступлением, а неверность – преступлением против морали советского строя». Ленинградская «Красная газета» осуждала безответственный развод и отказ семье в материальной поддержке. А также она предупреждала, что «отец, оставляющий свою жену, детей и чувствующий себя свободным как птица – преступник»[2]. С точки зрения этой угрожающей кампании в прессе, реформа 1936 г. была довольно умеренной. Ее цель можно определить так: стимулировать женщин иметь «естественное» число детей; облегчить их материальное положение и душевное состояние, во-первых, вселив в них большую уверенность в настоящем, обеспечив им помощь мужа, предусмотренную законом о разводе, во-вторых, учреждением расширенной системы социального обеспечения матерей, заботы о детях и финансовой поддержки со стороны государства и в конечном итоге при помощи этих мер укрепить семью. Закон об

[1] О заметках в прессе см.: *Schlesinger R.* Op. cit. P. 254–255. Мнение Крупской см.: *Крупская Н.К.* Женщина-работница. С. 22–23.
[2] О «Красной газете» и выдержках из нее см.: *Pierre A.* Op. cit. P. 25–26.

абортах решил первую задачу. Статья семейного кодекса, направленная на «борьбу с легкомысленным отношением к семье и семейным обязанностям» поддерживала жен-матерей и служила опорой браку. Присутствие обоих супругов при рассмотрении развода в суде и запись в паспорте были обязательны. Также законом устанавливалась градуированная шкала сборов от 50 рублей за первый развод и до 300 рублей за третий развод. Ужесточались меры за неуплату алиментов. Поддержка со стороны государства состояла из денежных выплат и пособий семье, а также развития сети детских и дошкольных учреждений. Если материнство впредь расценивалось как производительный труд, то оно должно было быть защищено и оплачено[1].

В новой официальной концепции семьи акцент делался скорее на стабильность и рождаемость, а не на свободу, равенство и независимость. В 1936 г. Крупская писала, что брак основывается не столько на удовлетворении естественных сексуальных инстинктов, сколько на сходстве идеологических взглядов и общей цели – участии в производстве. В 1929 г. социолог Вольфсон выдвинул концепцию «сексуальных ножниц», согласно которой быстрый распад семьи опережал медленные темпы экономического роста, поэтому на определенном этапе государство нуждается в услугах семьи по воспитанию детей. Но «в социалистическом обществе» эту ««естественную функцию» постигнет та же участь, которую Энгельс предсказал государству: она будет отправлена в музей древностей». К 1937 г. Вольфсон пришел к необходимости не только исправить техническую ошибку в цитате, приведенной выше (предсказание Энгельса относилось к стадии коммунизма, а не социализма), но и совсем отказаться от своей теории ножниц. При помощи оскорбительных замечаний по поводу «грубо-животных антимарксистских взглядов» Коллонтай и других, Вольфсон возносил моногамию и напоминал своим читателям, что хотя и развод, и аборт должны быть правом каждого гражданина, их не нужно пропагандировать. Другой теоретик обвинял Коллонтай в том, что она защищала отделение детей от родителей и перекладывала функции заботы о детях с матери на государство, а также порочила супружескую любовь. Все эти обвинения были ложными. Представление о неразрывной связи между материнством, долговременным браком и сильной моногамной семьей стало утвердившейся нормой. Количество абортов резко упало после декрета, но не исчезло совсем. Пресса славила матерей и большие семьи. Новая семейная идеология расцвела в

[1] *Schlesinger R.* Op. cit. P. 271–279.

романах, героини которых мечтали о материнстве. Нерушимая советская семья, нуклеарная, но вместе с тем многочисленная, уютная и гордая собой, пришла на смену революционным представлениям о семье[1].

Закон 1936 г. не привел ни к изменению статуса фактических браков, ни к усложнению процедуры первого развода. Ситуация изменилась с началом Второй мировой войны. После трех лет опустошительной войны, человеческих потерь и катастрофических демографических изменений власти решили, что пришло время еще сильнее укрепить узы брака, поощрять и защищать многодетных матерей. Потери во время войны должны были восполняться за счет воспроизводства в рамках новой советской семьи. Этот процесс был инициирован Никитой Хрущевым, ключевой фигурой в руководстве военного времени, и в 1944 г., когда принимался этот указ, уже не было никаких предварительных дебатов по этому вопросу. По этому указу матерям предоставлялись денежные выплаты за каждого рожденного ребенка, матери-героини награждались орденами, создавалась широкая сеть роддомов, яслей и других дошкольных учреждений. С другой стороны, холостяки и бездетные облагались налогом. После отмены всех юридических и экономических прав, которыми пользовался фактический брак с 1926 г., и создания препятствий для развода, невиданных с дореволюционного времени, моногамии был придан особый статус[2].

Этот финальный всплеск сексуального Термидора требует двух замечаний. Статьи о разводе ограничивались советскими стандартами. Обе стороны должны были впредь обращаться в суд, а не в ЗАГС и доказывать необходимость развода. Могли быть вызваны свидетели и потребованы доказательства. Сам бракоразводный процесс освещался в прессе. Судебное разбирательство могло растянуться на два этапа, если была подана апелляция или оспаривалось решение суда. При благоприятном исходе плата за судебные издержки составляла около 100 рублей, но она могла возрастать до 500–2000 рублей для самых богатых и настойчивых. Юрист Свердлов сказал своему американскому коллеге, что это было преднамеренным шагом по дискредитации

---

[1] *Крупская Н.К.* Женщина-работница. С. 21; *Вольфсон С.Я.* Социология брака и семьи. С. 442, 450; *Он же.* Семья и брак в их историческом развитии. М., 1937. С. 214, 219–223; *Schlesinger R.* Op. cit. P. 280–347; *Gasiorowska X.* Woman in Soviet Fiction, 1917–1964. P. 191.

[2] *Schlesinger R.* Op. cit. P. 348–362, 367–377. Разъясняющие комментарии см.: *Juviler P.* Family Reforms on the Road to Communism // Soviet Policy – Making / Ed. by P.Juviler, H.W.Morton. London, 1967. P. 29–60.

развода. Такой подход действительно принес результаты. Многие пары просто расходились и создавали новые семьи, не регистрируясь, чтобы избежать мучений и временных и материальных затрат на развод. С другой стороны, этот закон не был возвращением к царским временам и не был менее либеральным, чем аналогичные законы в большинстве других стран. В 1946 г. Свердлов объяснил, что эти меры имели целью покончить с легкомысленным поведением. Бездетных супругов разводили по обоюдному согласию, хотя часто развод осуществлялся и в случае несогласия одного из супругов, однако если в семье был несовершеннолетний ребенок, суд мог отказать в разводе. После вынесения судебного решения срок на размышление не предоставлялся[1].

Другим серьезным новшеством было непризнание фактического брака, что тоже было проявлением реакции. Отменив легальность таких союзов, этот закон закреплял за ними понятие «нарушение супружеской верности», а дети в таком браке считались незаконнорожденными. И хотя этот термин никогда в законе не употреблялся, но в отношении детей в незарегистрированных браках не предусматривалось установление отцовства и претензии на алименты. Ребенок, рожденный вне брака после 8 июля 1944 г., не мог рассчитывать на фамилию, отчество, помощь или наследство своего биологического отца. Это был несомненный поворот к «буржуазным» юридическим традициям. Две статьи предусматривали денежную компенсацию незамужней матери, что не было характерно для законодательства других стран. Она имела право не только на те же выплаты, что и «законная» мать, но также получала дополнительные пособия на всех своих детей как мать-одиночка. Таким был юридический статус советской семьи вплоть до смерти Сталина. Термидор достиг своего апогея.

Советский сексуальный Термидор, как и другие исторические явления, носящие это поэтическое название, был реакционным по своей природе. Он был ответом на слишком радикальные толкования лозунгов предоставления широких граж-

---

[1] *Hazard J.* Communists and Their Law. Chicago, 1969. P. 277. Статью Свердлова см.: *Schlesinger R.* Op. cit. P. 377–390. Советский брак соответствовал одной знаменитой и пресловутой формуле судьи Линдси «товарищеский брак», за которую того называли «распутником и большевиком» – «законный брак с легализованным контролем рождаемости и с правом развода по обоюдному согласию для бездетных пар, обычно без уплаты алиментов». См.: *Lindsey B.B.* The Compationate Marriage. N.Y., 1927.

данских прав, написанных на знаменах Октябрьской революции, и поиском способа обуздания изменчивой и неконтролируемой социальной энергии, высвобожденной революцией. Как и все, что касается сталинского времени, это явление было элитарным и авторитарным, возникшим скорее из экономических и государственных потребностей, нежели из осознанных желаний общества, по отношению к которому оно применялось. Это не было ни простой прихотью Сталина, ни сплоченной атакой на телесные наслаждения отрядом революционных аскетов, копирующих подвиги Рахметова. Это был довольно двусмысленный, болезненный и зачастую злой ответ большой и представительной части интеллигенции XIX в., которая была также потрясена псевдо-принципиальной похотью, распространившейся вокруг, как были бы потрясены Перовская, Плеханов или Кропоткин, если бы дожили до тех дней. Вот почему после 18 лет освобожденного «революционного» секса, русские люди – особенно мужчины – были подвергнуты еще 18 годам «революционного» нравственного регулирования.

Главный вопрос в том, как удалось женщинам пережить этот период Термидора, сопровождавшегося мужским сексуальным шовинизмом с его передвижениями от одного любовного гнездышка к другому, с его бессердечным использованием женского тела, с его надменным отвержением возвышенных чувств и беспечным невниманием к плодам и источникам своего удовольствия. Этот шовинизм был если не полностью изгнан из царства социализма, то публично и официально дискредитирован, ограничен законом и финансово поставлен в невыгодное положение. Но по любым стандартам, включая постсталинские советские, эффект термидора был таков, что он отнял у советских женщин больше, чем дал. Различными насильственными способами Термидор проводил черту между полами и их обычными ролями, и пропасть между полами стала значительно шире и заметнее, чем когда-либо в известных ранее революционных представлениях о положении женщины.

Первым предзнаменованием этого стала конференция жен инженеров тяжелой промышленности, проходившая в Москве в 1936 г. Она прославляла маленькие подвиги «цветника» – неработающих жен привилегированных членов советского общества. Теперь трудолюбивым ткачихам внушали, что «содержанки» если они развешивают занавески на предприятиях своих мужей, – заслуживают такого же одобрения, как и работницы. Другой мерой, углубившей пропасть между полами, стал военный указ о разделении детей в школе по признаку пола, с обязательной военной

подготовкой для мальчиков и основами домоводства для девочек. Хотя такой порядок продержался 10 лет, он находился в полном противоречии принципу равного обучения, присущему теории и практике социализма и полового равенства. Советские иконографы того времени, конечно же, не собирались низводить образ советской женщины до рожающей машины – надежно защищенной, но зависимой, точно также как не собирались этого делать и те, кто в XIX в. развенчивали тот женский образ, который сами и создали[1].

Но когда вас бьет маятник истории, как дважды он бил советских женщин, то уже не так важно, в какую сторону он качнулся – влево или вправо – все равно больно. Надо сказать, что лучшая черта Термидора – это его непродолжительность, когда в 1953 г. умер Сталин, начался медленный откат назад и пока еще слабые призывы к реформам. Последний сталинский эксперимент очередной раз доказал, что законы о разводе и аборте никогда не смогут быть действительно эффективными при наличии большого числа инакомыслящих людей, которые все равно уклонялись от них. Начались реформы, которые восстановили некоторые свободы 1920-х гг. Компромисс между коммунистической идеологией, русскими традициями и потребностями современной городской индустриальной жизни был сохранен.

---

[1] *Schlesinger R.* Op. cit. P. 235–250, 363–366. Лучшее социологическое исследование: *Geiger K.* The Family in Soviet Russia. Cambridge, 1968.

Глава XII
ЖЕНЩИНЫ И РЕВОЛЮЦИЯ

«Любовь, труд и знание есть источники нашего существования – они должны править жизнью».

Вильгельм Райх

1. Революционное переустройство

После революции, потрясшей общество до основания, мужчины (реже женщины), полные страха перед экстремизмом и насилием, уставшие от господства террора, постоянных чисток или культурных революций, принимались за создание умеренных режимов. Русская революция не была исключением, хотя она обычно описывается как такой взрыв политического террора и репрессий, каких не знала человеческая история. Немногие исследователи будут отрицать, что смерть диктатора в 1953 г. была решающим поворотным моментом в советской истории. Еще задолго до настоящего времени были заметны признаки того, что советское общество приобретает более-менее устойчивую форму, и что завоевания революции опробованы и изучены, причем некоторые из них отвергнуты как безнадежно утопические. Что касается женского равенства, то оно было максимально ограничено в период Второй мировой войны. Но основные принципы освобождения всерьез никогда не ставились под угрозу, и после 1953 г. было восстановлено многое из утраченного. Теперь, когда легендарные женщины-комиссары сошли со сцены, героини двух войн умерли или вернулись к своим мирным занятиям, мрачный тиран пал, пронзительные вопли сексуальной революции превратились в отдаленный гул, напрашивался вопрос: «Что, собственно, русская женщина получила от революции?».

Первые советские пророки и пропагандисты женского освобождения воспринимали его как процесс уничтожения социальных, психологических и политических препятствий, мешающих

свободе и равенству женщин – препятствий, которые возникли задолго до революции в России и которые занимают твердые позиции во всем мире. Вкратце это означало следующее: полное равенство с мужчинами, понимаемое как возможность трудиться и развиваться как полноценная человеческая личность, за исключением только тех различий, которые связаны с биологическими ролями полов. Большевистские лидеры, как мужчины, так и женщины, редко высказывались по поводу отдельных аспектов женского вопроса – работы, образования, власти и секса – так как они рассматривались как неотъемлемые составляющие диалектики эксплуатации и освобождения. Согласно раннекоммунистическим представлениям появление освобожденной женщины невозможно до тех пор, пока не появятся такие социальные факторы, присущие социализму, как кооперативные домохозяйства, государственная забота о детях (чтобы освободить ее для любой работы в соответствии с ее квалификацией), выполнение оставшихся семейных обязанностей обоими супругами в равной степени, образовательная политика (позволяющая женщине достичь вершины своих возможностей и использовать их с максимальной отдачей) и привлечение ее до этого скованных сил на благо социалистического строительства. Дух этой программы можно в сжатом виде представить в трёх изречениях ее основных пророков: «Счастье невозможно без труда» (Бебель); «от каждого по способностям, каждому – по труду» (Маркс), «сейчас палку должно много перегнуть на другую сторону» (Чернышевский). Степень ее реализации, однако, определялась не только основными принципами освобождения, но и требованиями модернизирующегося режима.

Сразу же следует заметить, что многие советские женщины ничего не получили от русской революции – кроме горя, боли и ужасной смерти. Кроме выживших представительниц старого режима, которые подвергались дискриминации, остракизму и преследованиям со стороны социалистического общества[1], миллионы женщин-работниц арестовывались, допрашивались, их мучили нравственно и физически, разлучали с детьми, бросали в тюрьмы, в жуткие условия лагерей, морили голодом, избивали, насиловали и даже казнили – и все это делалось коммунистическими властями в эпоху Великого террора. Среди них мы можем встретить не только эсерок, меньшевичек, аристократок и анархисток, но и коммунисток – стойких членов партии, руководительниц женотделов и ветеранок Гражданской войны; не только

[1] *Chernyavina T.* We Soviet Women. N.Y., 1936.

русских, но и татарок, евреек, полек, грузинок и узбечек; не только жен оппозиционеров, но и работниц, крестьянок, врачей, историков, географов, агрономов, парашютисток и балерин. Каждая женская тюрьма или отделение в лагере, с одной стороны, представляли собой впечатляющий срез степени и разнообразия женского участия в экономической, политической и культурной жизни нации, с другой – страшное напоминание о том, что революция способна пожирать своих детей с такой же готовностью, как и освобождать их[1].

Основные принципы освобождения женщин, пережив эти и другие кошмары советской истории, стали постоянным компонентом системы, и уже ничья личная прихоть и никакие административные кампании не могли серьезно изменить то, что стало такой же неотъемлемой частью советской жизни, как и отсутствие капитализма. Их основой является законодательно закрепленное равенство женщин и мужчин в сферах экономики и образования, идеологически подкрепляемое всеобщим убеждением, что женщина наравне с мужчиной способна к любым видам деятельности, доступным в наше время человечеству. Этим убеждениям соответствовала официальная теория, гласящая, что советские граждане обоих полов лучше, чем кто-либо в мире, подготовлены к выполнению тех задач, которые могут выдвинуть наука и техника в ближайшем будущем. Эта глубокая уверенность, особенно характерная для образованных женщин, уходит корнями в непоколебимый оптимизм радикальной интеллигенции XIX в. И если говорить о главном результате этапа женского освобождения, то следует признать, что этим результатом было преобразование в национальный миф представлений о том, что женщины способны на великие трудовые свершения и что они должны иметь возможность полностью без какого-либо препятствия со стороны мужчин реализовывать свои способности.

При рассмотрении вопроса об участии советских женщин в экономике, следует прежде всего обратить внимание на соотношение между уровнем их занятости и степенью распространенности защитного законодательства. Идеальным всегда считались полная и без каких-либо ограничений женская занятость и развернутая обязательная программа льгот и норм для работающих женщин. В 20–30-х годах эти две цели плохо согласовывались. Во времена нэпа высокий уровень женской безработицы

---

[1] *Ginzburg E.* Into the Whirlwind. Harmondworth, 1968; *Олицкая Е.* Мои воспоминания: В 2 т. Париж, 1971; Женщины города Ленина. С. 165; *Аллилуева С.* Только один год. Н.-Й., 1970, С. 148–149.

18 Заказ 5510

держался как за счет якобы капиталистической системы экономики, так и благодаря противодействию мужчин, рассматривающих женщин как конкуренток в борьбе за рабочие места. Эта ситуация, усугубившаяся после принятия закона о разводе 1926 г., заставила многих разведенных безработных женщин оставить детей или стать проститутками, а иногда сделать и то и другое. И ни законы, запрещающие увольнение женщин, ни усилия по их проведению в жизнь со стороны женотделов, какими бы новаторскими и достойными восхищения они ни были, не дали большого результата. *De facto* неравенство в оплате за равный труд, будучи незаконным после революции, все равно сохранялось до 30-х годов. Власти открывали специальные школы повышения квалификации для женщин и периодически осуждали отношение мужчин к женщинам как отсталое, но это было бесполезно. Позитивные действия женотделов и других организаций также были бессильны преодолеть сопротивление производственной системы того времени[1].

Женщины, которым удавалось получить работу в период нэпа (менее трети всех занятых в 1928 г.), получали дополнительные преимущества за счет социального обеспечения и защитного законодательства, предоставленных им революцией. Первое трудовое законодательство 1918 г. ввело восьмичасовой рабочий день и должность женщин-инспекторов на фабриках, запретило ночные и сверхурочные работы, а также труд на производствах, вредных для женского здоровья. Но применение этого закона было нерегулярным даже после того, как исчезла возможность оправдывать это ссылками на чрезвычайное положение военных лет (1918–1920). Чиновники в Наркомате труда и профсоюзы были против «чрезмерной» защиты женщин, да и сами женщины-работницы перед лицом безработицы часто предпочитали иметь хотя бы какую-нибудь работу. Вершиной законодательных достижений в отношении женщин была программа по охране материнства, разработанная А.Коллонтай еще до революции и претворенная в закон вскоре после Женского

---

[1] *Lenin V. I.* Emancipation of Women. P. 79; *Коллонтай А.М.* Положение женщины в эволюции хозяйства. С. 112, 145; *Коллонтай А.М.* Работница и крестьянка в Советской России. С. 16–18; *Carr E.H.* Socialism in One Country Vol. 1. P. 363, 367; *Dodge N.* Women in the Soviet Economy. Baltimore, 1966. P. 44, 55, 60–63; *Schlesinger R.* Op. cit. P. 133; *Ершов Д.А.* Мария Ильинична Ульянова. Саратов, 1965. С. 125; *Астахова Н., Целлиариус Е.* Товарищ Ольга. С. 118, 126; *Gordon M.* Workers Before and After Lenin. N.Y., 1941, P. 168; *Smith J.* Op. cit. P. 15–16; *Dewar M.* Labour Policy in the USSR, 1917–1928. London, 1956. P. 139, 165, 219, 232; *Толкунова В.Н.* Право женщин на труд и его гарантии. М., 1967. С. 10, 47, 94.

конгресса 1918 г. Закон об охране материнства гарантировал полностью оплачиваемый декретный отпуск продолжительностью восемь недель, перерывы на кормление в течение рабочего дня, оборудованные места для отдыха на фабрике, бесплатное дородовое и послеродовое медицинское обслуживание и денежные выплаты. Его выполнение контролировалось Комиссией по охране материнства и детства (Матмлад), созданной при Комиссариате здравоохранения под руководством врача Веры Лебедевой, большевички и революционерки. Широкая сеть роддомов, консультаций, молочных кухонь, яслей и домов матери-и-ребенка, созданная Матмлад, была, наверное, единственным действительно популярным среди российских женщин нововведением советской власти[1] .

В 30-е годы в связи с бурным началом индустриализации происходит увеличение женской занятости и сокращение защитного законодательства. Начиная с первого пятилетнего плана партия развернула широкую кампанию по вовлечению женщин в производство, таким образом отвергнув старую русскую поговорку «Бабе дорога – от печи до порога». Основными способами достижения этой цели были пропаганда, ценовой механизм и создание новых рабочих мест, часто на основе специальных квот для женщин, с предварительной профессиональной подготовкой. Комиссариат труда, Совнарком, Совет Труда и Обороны – все издавали декреты, устанавливающие минимальный процент обязательного участия женщин в производстве, в учебе, в профессиональной подготовке. К концу второго пятилетнего плана количество работающих женщин утроилось по сравнению с 1927 г. Снова вспомнили о боевом воодушевлении периода Гражданской войны, что привело к появлению на производственном фронте ударных женских батальонов, иногда более многочисленных и более производительных, чем мужские. Но горячка индустриализации и растущий авторитаризм ВКП(б) в 30-е годы также вели к сокращению женских прав в сфере охраны труда. В период с 1936 г. до окончания Великой

---

[1] Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства, 1917–1918. М., 1919 С. 1, ст. 10, параграфы 7–10; *Dewar M.* Labour Policy in the USSR, 1917–1928. London, 1956. P. 115, 160, 164–165, 177, 184, 189, 199–200; *Dodge N.* Women in the Soviet Economy. Baltimore, 1966. P. 57–59; *Carr E.H.* Socialism in One Country. Vol . 1. P. 369; О создании и работе Матмлада см.: L'Egalite de la femme en URSS, M., 1957, P. 211; *Коллонтай А.М.* Работница и крестьянка в Советской России. С. 14; *Толкунова В.Н.* Право женщин на труд и его гарантии. М., 1967. С. 148–149; *Halle F.* Woman in Soviet Russia. N.Y., 1933. P. 149–167; *Smith J.* Op. cit. P. 174–177.

Отечественной войны была сокращена продолжительность отпуска по беременности и родам, так же как и другие меры, ограничивающие использование женского труда. И хотя защитное законодательство было постепенно восстановлено после войны, не следует забывать, что российские женщины, помимо прочих страданий, что выпали на их долю, были страшно перегружены работой и совершенно незащищены в эти годы[1].

Накануне Второй мировой войны женщины составляли 45% всех занятых, в настоящее время[2] этот показатель превысил 50%. Данные начиная с 1957 г., показывают, что женщины, составляя 53,8% от общей численности населения, занимают соответствующие позиции в экономике: 51% рабочих и служащих и 53% от занятых в сельском хозяйстве. Занято около 80% трудоспособных женщин. Десять лет назад этот показатель в два раза превышал соответствующий показатель в Соединенных Штатах. Преобладание женщин особенно заметно в здравоохранении, образовании и социальной работе. С другой стороны, значительное число женщин вовлечено в «материальное производство», в том числе в сельскохозяйственный и низко квалифицированный тяжелый труд, и определенная часть высококвалифицированных женщин выполняют монотонную и малозначительную работу, которую едва ли можно назвать перспективной. Также справедливо и то, что женщины чаще, чем мужчины, выполняют работу, которая по западным стандартам является достаточно непроизводительной. Тем не менее, если мы признаем, что право на труд и возможность трудиться и зарабатывать себе на жизнь являются основным принципом женской эмансипации, мы можем согласиться с заключением Нортона Доджа о том, что едва ли где-нибудь еще, кроме как в советском обществе, сделано больше в этом направлении[3].

Широкий спектр профессий, открытых для советских женщин впечатляет. Они не только играют на скрипке, издают газеты, делают операции и преподают в школе; они также работают с отбойным молотком, водят большегрузные машины, передают новости по радио и летают вокруг Земли на космическом кораб-

---

[1] *Dodge N.* Women in the Soviet Economy. P. 64–67, 175–176; *Толкунова В.Н.* Право женщин на труд и его гарантии. С. 87–90; La femme et le communisme: Anthologie des grands textes du marxisme. Paris, 1950. P. 59; *Halle F.* Woman in Soviet Russia. P. 324–327.

[2] 1970-е гг. – *Прим. ред.*

[3] *Dodge N.* Women in the Soviet Economy. P. 44–45, 183, 198, 238–243; Женщины и дети СССР: Статистический сборник. М., 1969. С. 82–83; Soviet Life. 1974. March. P. 7; *Стародуб В.И.* Женщина и общественный труд. Л., 1975.

ле. Если Валентина Николаева-Терешкова, знаменитая своим только что упомянутым подвигом, является символом образованной советской женщины, то это не благодаря ее героизму, чем едва ли удивишь советских женщин, а благодаря ее техническому образованию и научной любознательности, которая с ранних лет воспитывается в советских девочках. Именно огромное разнообразие женских профессий и большое количество женщин-инженеров создают тот социальный контекст, который делает карьеру Терешковой не курьезом, а настоящим социальным феноменом.

Труд не является обязательным для женщин в Советском Союзе. Трудовые договоры заключаются непосредственно на предприятиях и трудоустройство в соответствии с квалификацией гарантируется государством. Заработная плата и покупательная способность советских женщин несопоставимы с западными, но тем не менее она сопоставима с мужской. Законодательство и конституция провозглашают принцип «равной оплаты за равный труд», и этот принцип соблюдается[1]. Даже среди развитых стран этот принцип редко является преобладающим как *de jure*, так и *de facto*. Советские женщины пользуются некоторыми преимуществами по трудовому законодательству, наиболее важными из которых являются льготы матерям. Последняя версия коллонтаевского закона, принятая в августе 1973 г. гарантирует всем работающим женщинам оплачиваемый шестнадцатинедельный декретный отпуск, право на легкий труд по возвращении на работу, бесплатное медицинское обслуживание во время беременности и родов и либо бесплатные ясли, либо право оставаться с ребенком дома без заработной платы, но с сохранением рабочего места и должности. Незамужние, разведенные и вдовы обеспечиваются еще больше[2]. Эти меры дают советским матерям чувство определенной защищенности и самоуважения.

Равное образование для мужчин и женщин было ключевым моментом у теоретиков женского вопроса начиная с 60-х годов XIX в., и то, что советский режим сумел осуществить его в полной мере – достижение, которым он вполной мере может гордиться. Накануне революции в деревне были неграмотными

[1] Фактически заработная плата женщин, как правило, составляла около 68% от зарплаты мужчин для занятых в промышленности и 75% – для занятых в сельском хозяйстве, как утверждает официальная статистика, вследствие различия в образовании, профессии, квалификации и тяжести работы: Труд в СССР. Справочник 1926–1929. С. 44–45, 83; Женщины в СССР. 1989. Статистические матералы. М., 1989. – *Прим. ред.*

[2] *Толкунова В.Н.* Право женщин на труд и его гарантии. М., 1967. С. 19, 24–25, 107–108; Soviet Life. 1974. March. P. 48–49.

19 Заказ 5510

17 млн человек, из них – 14 млн женщин[1]. Неграмотность была в основном женской проблемой, и поэтому на ее решение именно женщины направили свои таланты и свою энергию. Закаленная революционерка Анна Курская руководила Всероссийской чрезвычайной комиссией по ликвидации безграмотности (Ликбезом)[2], созданной при Народном комиссариате просвещения в 1920 г. В 1923 г. для поддержки деятельности Ликбеза по всей стране стали возникать добровольные общества Долой неграмотность», в которых также работали в основном женщины. Женотделы также направили часть своих сотрудниц на борьбу с неграмотностью. Эта кампания, самая значительная из всех государственных кампаний подобного рода, дала поразительные результаты: к 1926 г. читать и писать могло 42,7% российских женщин, к 1939 г. их число увеличилось до 83,4%. Таким образом, неграмотность была почти ликвидирована, а затем были претворены в жизнь все принципы светского образования, сформулированные еще в XIX в. Оно стало всеобщим, бесплатным, обязательным и совместным. Образовательная политика носила массовый характер, хотя и спустя пятьдесят лет половина женщин не имели семилетнего образования, и в некоторых районах восточных республик можно было встретить малограмотных или неграмотных женщин[3].

Первые декреты советской власти провозглашали совместное обучение в школах, равный доступ к образованию для обоих полов, запрет телесных наказаний, одинаковые учебные программы для мальчиков и девочек. Учеников теперь не разделяли по признаку пола на будущих домохозяек и будущих деятелей общественной сферы. Для всех были в одинаковой мере доступны все предметы, включая естественнонаучные и технические дисциплины. Девушек, чьи скрытые таланты в естественных и точных науках были разбужены таким подходом, убеждали, что для них, как и для юношей, карьера в этой области является приемлемой.

---

[1] В 1917 г. в Европейской России грамотность крестьянок равнялась 23%, а крестьян – 53%, обоих полов 43%; всего в российской деревне проживало около 134 млн чел., чледовательно, число неграмотных превышало 57 млн: *Миронов Б.Н.* История в цифрах: Математика в исторических исследованиях. Л., 1991. С. 82, 132. – *Прим. ред.*

[2] В данном случае автор не совсем точен. Дело в том, что ликбезами назывались общества по борьбе с неграмотностью, возникавшие на местном уровне. – *Прим. ред.*

[3] *Толкунова В.Н.* Право женщин на труд и его гарантии. М., 1967. С. 84–85; Женщины города Ленина. Л., 1963. С. 186–192; *Dodge N.* Women in the Soviet Economy. Baltimore, 1966. P. 140–159.

Как отметила в 1921 г. Н.К.Крупская, равенство полов в жизни должно строиться уже в начальной школе и начинаться с равенства в образовании. Так вера в разнообразные способности женщин, долгое время вынашиваемая женщинами-интеллигентками XIX в., стала частью советской системы образования. Даже отмена Сталиным в 1943 г. совместного обучения, не смогла серьезно изменить принцип равенства в образовании: даже во время десятилетнего периода раздельного обучения программы для мальчиков и девочек по основным предметам оставались одинаковыми и с начальных классов девочки также обучались широкому кругу дисциплин[1].

Важным направлением в достижении равенства в образовании была попытка внедрения женщин в так называемые специализированные средние учебные заведения[2], бывшие промежуточными центрами подготовки ученых и инженеров. К 1927 г., во многом благодаря усилиям женотделов, женщины составляли 40% учащихся этих школ. С началом индустриализации правительство провозгласило, что женщин должно быть не менее 30% во всех школах подобного рода, а к началу Второй мировой войны их доля составляла половину учащихся. Квоты и поощрительные методы с такими же впечатляющими результатами использовались и для увеличения количества женщин в университетах и институтах. Данные середины 1960-х гг. показывают, что женщины составляли 53% студентов-медиков, от 75 до 80% биологов, 25% – агрономов, около 2/3 студентов-химиков, почти половину всех обучающихся на математических факультетах и от 25% до 40% – на физических и геологических. Эти цифры особенно впечатляют при сравнении с аналогичными показателями в других странах. Результатом этого является необычайно большое число женщин-ученых и инженеров. Согласно данным Доджа, женщины составляли 63% всех специалистов со средним специальным образованием, 92% среднего медицинского персонала, 75% плановиков, статистиков и бухгалтеров. Действительно более половины работников умственного труда в Советской России – женщины, и это в

---

1 Декрет об образовании см.: КПСС в резолюциях и решениях. Т. I, С. 419; по совместному обучению: *Dodge N.* Women in the Soviet Economy. Baltimore, 1966. P. 100–122, 241–242; Коммунистка. 1921. Янв.–февр. С. 8–9, 22–26. Однако существуют очевидные свидетельства того, что в советской детской литературе мальчики представлены как ориентированные на активные действия, а девочки – на материнство и заботу (*Rosenham M.* Images of Male and Female in Children's Readers // Women in Russia / Ed. by D. Atkinson, A. Dallin, Gail Lapidus. Stanford, 1977).

2 Вероятно, имеются в виду техникумы. – *Прим. ред.*

стране, где за два десятилетия до революции озадаченный крестьянин мог спросить женщину-аптекаршу: «А скажите, барышня, можно ли женским умом вникнуть в такие вопросы?»[1].

Перед выпускниками советских школ открывался широкий спектр профессий и занятий. Наиболее показательна разница в советском и западном подходе к использованию женских талантов в медицине и технике. Традиции женского движения XIX в. и массовые эпидемии, которые пережила Россия после революции, привели к активному привлечению женщин в медицинскую профессию. Уже в 1926 г. женщины составляли половину всех студентов-медиков, а к 1935 г. – половину всех врачей. Этот показатель с тех пор неуклонно повышался, и сейчас[2] медицина считается в основном женской профессией. Многие первые советские женщины-доктора были революционерками и ветеранками Гражданской войны, прошедшими через работу в подполье, санитарных поездах и в мирное время посвятившими себя медицинской профессии. Женщины-инженеры, техники и ученые встретили больше препятствий, чем женщины-медики, но враждебное отношение к ним, существовавшее вначале, не продлилось долго. Во время Гражданской войны они проектировали и строили мосты и железные дороги, в 1920-е годы они участвовали в электрификации Ферганской долины в Туркестане, а в 1930-е годы стали обычным явлением в экономической жизни страны[3]. Однако последние исследования показывают, что безоблачные картины полного равенства в праве на труд и образование, представляемые официальной советской идеологией, не соответствуют действительности. «Двойной подход» и «политика пола» продолжают создавать препятствия тем женщинам, которые стремятся добиться большего и сделать карьеру в избранной профессии. Существуют даже официальные, хотя и не предающиеся огласке, директивы, нарушающие

---

[1] *Dodge N.* Women in the Soviet Economy. P. 123–139, 184–199, 244; *Halle F.* Op. cit. P. 319; *Лесневская А.* По непроторенной дороге. СПб., 1914. См. также: *Астахова Н., Целллиариус Е.* Товарищ Ольга. С. 119–131; Женщины города Ленина. С. 204–206. Последний материал по женской карьере см.: 100 интервью с советскими женщинами. М., 1975.

[2] 1970-е гг. – *Прим. ред.*

[3] Советская литература о профессиональной деятельности женщин очень велика. См., напр.: Бестужевки в рядах строителей социализма. М., 1969; Женщины русской революцииС. 158–168, 562; Сквозь годы и бури. М., 1969; Октябрем рожденные. С. 329–360; Ленинградки: Воспоминания, очерки, документы. С. 269–291; Женщины города Ленина. С. 275; *Dodge N.* Women in the Soviet Economy; *Крупская Н.К.* Женщина-работница. С. 10; Первые женщины-инженеры. Л., 1967. С. 24, 25, 27, 87, 93, 134, 178.

принятую доктрину равенства, как например существующая сознательная практика предпочтения мужчин в некоторых высших учебных заведениях, опирающаяся, как считает один исследователь, на убеждение, что женщины после завершения образования менее перспективны, чем мужчины. Как бы ни мотивировалась эта позиция, по сути она является отходом от эгалитарной концепции женского образования, вынашиваемой русской интеллигенцией с 60-х годов XIX в. Это является свидетельством существования, хотя и в меньшей степени, чем на Западе, системы профессиональной сегрегации женщин, вследствие которой женщины направляются в основном в относительно низкооплачиваемые и низкостатусные виды деятельности, некоторые из которых (торговля, медицина, преподавание) оказались успешно «феминизированными». Это одна из причин, почему вопреки законодательно установленному принципу равной оплаты за равный труд, в Советском Союзе до сих пор сохраняется заметный разрыв в доходах мужчин и женщин[1].

Советская модель решения женского вопроса выглядит еще более впечатляющей в сравнении с другими странами и другими эпохами[2]. Несмотря на успехи русских феминисток, количество женщин, допущенных к получению высшего или специального образования до 1917 г. оставалось незначительным. В настоящее время во всех развитых демократиях Запада (после столетия борьбы феминисток за права женщин) сохраняются огромное неравенство и мужская монополия в тех сферах человеческой деятельности, которые в Советском Союзе открыты для женщин, и вследствие этого происходят непростительные потери таланта, энергии и образования. Некоторые могут возразить, что американские и европейские женщины удовлетворены своим высоким жизненным уровнем и совсем не стремятся оказаться в положении советских женщин, которые обязаны работать. Это могло быть справедливым несколько лет назад, но это уже совсем не так для все возрастающего количества женщин на Западе. Эта проблема

---

[1] *Dodge N.* Women in the Soviet Economy. P. 112–117; См. также: *Dobson R.* Educational Policies and Occupational Achievements: the Performance of Girls and Women in Soviet Educational System // Women in Russia / Ed. by D.Atkinson, A.Dallin, Gail Lapidus. Stanford, 1977; *Lapidus G.* Occupational Segregation and Public Policy: a Comparative Analyses of American and Soviet Patterns // Signs: Journal of Women in Culture and Society. 1976. Spring. I. 3. P. 119–136.

[2] Здесь и далее в данном разделе автор идеализирует положение советских женщин и драматизирует положение амеркинских. Более адекватную картину успехов эмансипации российских женщин см.: *Вишневский А.Г.* Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С. 134–157; *Кон И.С.* Сексуальная культура в России: Кубничка на березке. М., 1997. – *Прим. ред.*

слишком хорошо известна в Соединенных Штатах для того, чтобы останавливаться на ней здесь подробно. По данным исследования Европейского экономического сообщества, три четверти женщин вообще не заняты, хотя многие из них бесплатно работают на ферме или в другом семейном бизнесе. Для оплачиваемых работниц положение 119 статьи Римского договора о равной плате за равный труд остается пустым звуком. Эвелин Суллеро, автор отчета, убеждена, что многие европейские женщины желают «избавиться от скуки домашнего очага и достигнуть благодаря работе относительной экономической и психологической независимости»[1]. В Советском Союзе для женщины, когда она решает проблему работать ей или нет, это означает свободу в выборе работы, на Западе этот выбор, как правило, означает свободу остаться дома. Возникают еще два вопроса. Может ли женщина быть независимой психологически, если она не является экономически независимой? Может ли она быть действительно экономически независимой, если деньги, которые она тратит, зарабатывает кто-то другой?

«Народы, чьи женщины вынуждены выполнять более тяжелый труд, чем это принято у нас, – писал Энгельс, – часто испытывают значительно больше уважения к своим женщинам, чем мы, европейцы, к своим»[2]. И хотя было бы глупо утверждать, что это утверждение Энгельса универсально, к российскому обществу оно применимо. В культурах, где мужчины захватили все наиболее важные виды деятельности и имеют монополию на власть, женщины вынуждены, часто не осознавая этого, определять себя, ориентируясь на представления другого – деятеля, производителя, кормильца, другими словами, мужчины. Женщины, которые в таких обществах выполняют высококвалифицированную работу, под давлением существующей в них системы ценностей ощущают себя аномалией. Только в обществах, где женский труд и женские достижения являются общепринятой нормой, женщина обладает тем непринужденным чувством собственного достоинства, которое веками считалось прерогативой мужчины. Американские и английские жены, также как и большинство европейских замужних женщин, представляются как миссис такая-то или жена доктора такого-то. Подтекст здесь таков: вы должны знать моего мужа, он тот-то; а я всего лишь его жена. Русские замужние женщины редко представляют себя, ссылаясь на своих мужей. Советская женщина имеет своих собствен-

---

[1] Times. 1972. May. 8.

[2] *Engels F.* The Origin of the Family, Private Property, and the State. Moscow, 1952. P. 82.

ных друзей, как женского, так и мужского пола, свой круг общения, в который муж не обязательно входит, не потому что он «выше» этого, а потому, что он имеет свой собственный. В основе всего этого лежит то обстоятельство, что жена в большинстве случаев имеет свою собственную работу и свою идентичность.

Эта традиция в целом разделяется мужчинами, так как в противном случае у нее было бы мало шансов на существование. Конечно, в советском обществе существуют мужчины, которые открыто демонстрируют свое грубое и пренебрежительное отношение к женщине, так же как и те, которые скрывают его под маской показного уважения. Но в сравнении с другими обществами их удивительно мало. Недавно снятый фильм о Гражданской войне под названием «Белое солнце пустыни» (1972) представляет героя-большевика, который, будучи назначен опекать гарем из десяти[1] жен местного бая, сразу же помещает их в «Первое общежитие освобожденных женщин Востока», над входом которого висит плакат «Женщина тоже человек»[2]. Нетрудно представить, какой фильм сняли бы на этом сюжете западные кинематографисты, ориентирующиеся на вкусы своей зрительской аудитории. Без сомнения, этот фильм благоговейно воспроизводит официальный имидж большевика, но он также отражает широко распространенное отношение советских мужчин, унаследованное от русской интеллигенции и тиражированное средствами массовой информации. Уважение к личности женщины, возможно, частично объясняется сохраняющейся памятью о той роли, которую женщины играли в революции и двух великих войнах. Но это уважение не сохранилось бы надолго (как показал западный опыт отношения к женской службе во время войны и после нее), если бы женщины не стали играть существенную роль в национальной экономике и управлении. Галантность американского или английского генерала по отношению к женщине заметно отличается от того сдержанного уважения, которое генерал Красной Армии проявляет по отношению к острой на язык сотруднице высокой квалификации.

Некоторые обозреватели и критики, ссылаясь на эту психологическую связь между мужской и женской индивидуальностью, пишут о пуританстве советского общества. В действительности же советское отношение к сексу не является ни пуританским (то есть негативным по отношению к сексу), ни викторианским (то есть невежественным или притворяющимся невежественным в отношении него). Современные советские взгляды на любовь и секс достаточно

[1] Двенадцать. – *Прим. ред.*

[2] Белое солнце пустыни. Ленфильм, 1972.

полнокровны, хотя это можно сказать скорее о частной жизни, чем о публичных высказываниях. Для них, тем не менее, характерна открытая враждебность к порнографии, и выразителей этих взглядов можно считать духовными наследниками тех поразительных представителей русской интеллигенции, которые яростно боролись против распространения санинизма за много десятилетий до этого. Антипорнографическая традиция интеллигенции восходит даже к еще более ранним временам. «Порнографические книги, – писал А.Н.Радищев в 1790 г., – полные двусмысленных описаний, выставляющие порок, каждая страница и строка которых зияют неприкрытой наготой, наносят вред юношеству и неокрепшим душам. Поощряя уже и без того воспаленное любопытство, возбуждая тайные чувства и пробуждая мирно спящее сердце, они ведут к преждевременному половому созреванию, обманывают юношеские чувства по поводу их кажущейся выносливости и приводят их к преждевременному истощению»[1]. Искусственная стимуляция чувственности при помощи женской наготы с советской точки зрения одинаково вредна как для наблюдателя, так и для объекта наблюдения и способствует возбуждению страстей, которые не так легко удовлетворить.

Официальная позиция в отношении секса гласит, что воздержание не наносит ущерба здоровью, что в сексуальные отношения лучше вступать по достижении психологической и физиологической зрелости, и что беспорядочные и добрачные половые связи одинаково вредны как для мальчиков, так и для девочек. Некоторые даже склонны вспоминать Домострой, когда «попирается самое святое в жизни женщины»[2]. Но сохранение девственности до брака не является таким же важным моментом для советской супружеской пары, каким это было еще несколько лет назад в странах с жесткими пуританскими и викторианскими традициями. Секс до брака не одобряется, но не прямо. Например, Юрий Гагарин, вторя Ленину, дает наказ подрастающему поколению готовить себя к строительству коммунизма, успевая в учебе, занимаясь спортом и помогая по дому[3].

Жизнь в Советском Союзе, точно так же как и в других странах, не соответствует официальному этосу. Добрачные связи – достаточно обычная вещь среди молодых советских женщин, причем они

---

[1] *Radishev A.* Journey from St. Petrsburg to Moscow. London, 1966. P. 170.

[2] Current Digest of Soviet Press. 1968. Dec. 4. P. 11.

[3] Гагарин цит. по: Чистый источник: Твой моральный кодекс. М., 1962. С. 28. Представления о советских взглядах на сексуальную мораль и о более широкой этической системе см.: *Лаптенек С.Д.* Мораль и семья. Минск, 1967; *Нестерев В.Г.* Труд и мораль в советском обществе. М., 1969.

не окружаются такой секретностью и не сопровождаются чувствами вины и стыда, как это было еще совсем недавно у американских девушек. Многие пары живут вместе, не регистрируя брак; трудности у них возникают скорее из-за юридических проблем, нежели из-за общественного мнения. Термидорианское бичевание беспорядочных и безответственных сексуальных связей никогда серьезно не покушалось в России на свободу поведения. Вероятно, режиссер Лариса Шепитько выразила в 1969 г. отношение молодого поколения к этому вопросу, сказав: «Всякое вмешательство общества в личную жизнь взрослых людей крайне опасно до тех пор, пока само общество не станет идеальным. Но в идеальном обществе не будет необходимости вмешательства в личную жизнь». Хотя, с другой стороны, найдется мало российских граждан, которых бы не шокировали западные радикальные идеи в области сексуальных отношения, как например предложение датской феминистки-философа Ирен ван дер Витеринг о том, что все девочки должны приобретать сексуальный опыт сразу после достижения половой зрелости, и что они не должны выходить замуж, не приобретя сексуального опыта. Девушкам-комсомолкам подобные вещи, так же как и рассказы о сборищах нудистов, групповом сексе, шведских семьях и обмене женами кажутся не только отвратительными, но и невероятными[1].

Семья и брак по-прежнему остаются нормами советской жизни и целью, хотя и не единственной, для большинства женщин. Такое отношение к этим институтам, по-видимому, сохраняется повсюду, несмотря на волны сексуального бунта, которые, впрочем, не раз разбивались о них в течение этого века. Социологи, как на Западе, так и на Востоке, до сих пор едины во мнении о том, что семья – один из наиболее стабильных общественных институтов. Один из них, М.Янг, предсказывал, что в 1984 г. произойдет очень много изменений в нашем образе жизни, «все мелкие инструменты будут визгливо исполнять новые мелодии, но в басовой партии семьи мы услышим ту же тему, что и теперь»[2]. Оглядываясь на прошлое, можно сказать, что сексуальная и семейная революции в Советской России 1920-х гг. не была просто следствием Октябрьской революции или утопическим экспериментированием. Они скорее были частью более широкого феномена подгонки социальных и сексуальных отношений под требования индустриализации, которая достигла своего пика в 1920-х гг. в Германии, Англии,

[1] О Шепитько см.: Current Digest of Soviet Press. 1968. Dec. 4. P. 15; *Weetering V. de*. Delta: A Review of Arts, Life and Thoughts in the Netherlands. Amsterdam, 1967.

[2] *Young M.* Changing Patterns of Family Life // World in 1984: In 2 vols. / Ed. by N.Calder. Harmondsworh, 1965. Vol. 1. P. 42–45.

США и других странах. Последующие компаративные исследования без сомнения обнаружат большее, чем это принято думать сейчас, сходство между западным и советским опытом. Во всех странах мира семья и брак подвергались нападкам, хотя эти атаки в англо-саксонских странах не носили такой идеологической окраски, как на континенте. Во всех случаях, впрочем, включая и наиболее опасный советский вариант, жертва этих нападок – семья, выжила, хотя и в несколько измененном виде.

Новое семейно-брачное законодательство 1968 г., принятое пятьдесят лет спустя после первого семейного кодекса, разрушило баланс между радикальными преобразованиями 1916–1926 гг. и контр-преобразованиями 1936–1941 гг. Развод и аборты снова стали доступными, но de facto брак охранялся неюридическими методами. Заключению брака теперь предшествует месячное ожидание, или «помолвка», для предотвращения поспешных браков. Эта мера многими молодыми людьми воспринимается как оскорбительная, но при определенных обстоятельствах ее можно обойти. Если бракосочетание происходит в ЗАГСе, то достаточно простого предъявления документов и номинальной платы. Власть, однако, поощряет более сложную церемонию во Дворце бракосочетаний, что подразумевает предварительную запись, свадебное платье, свидетелей со стороны жениха и невесты, цветы, свадебный кортеж, марш Мендельсона и семейный банкет в завершение. В советском браке личные и имущественные права женщины сохранились без изменений. Раздельное проживание не поощряется, но и не запрещается, и некоторые пары, следуя старой традиции, полагают, что жить отдельно и встречаться только во время праздников и отпусков более романтично и соответствует их интересам. Советский брак разнообразен, так же как и всюду и было бы глупо рассуждать о специфичности советского семейного образа жизни или о взглядах на брак типичной советской женщины. И еще одна короткая иллюстрация, подводящая итог многому из того, что я слышал на этот предмет. Молодая женщина объясняет читателям, что и она, и муж имеют одинаковое образование и одинаковую заработную плату, хотя она много читает, а ее муж проводит свое время на футболе и хоккее. «Почему, – спрашивает она, – он должен заслуживать больше уважения, чем я?»[1].

[1] Детальные комментарии по законодательству см.: Новое законодательство о браке и семье / Под ред. Н.А.Иванова. М., 1970. Комментарии о периоде «помолвки» см.: Current Digest of Soviet Press. 1968. Dec. 4. P. 12–14. Интересные примеры представлений советских супружеских пар см.: *Stiernlöf S.* Kvinner i Soviet: Yrkesliv och Könstroller i forsta Socialiststaten. Stockholm, 1970. P. 113–114. Описание свадебной церемонии основано на личных наблюдениях в 1969 году.

Ни советское, ни любое другое общество не смогли решить древние, как и сам брак, проблемы, связанные с несовместимостью супругов, скукой размеренной жизни и прочими неизбежными явлениями, которые становятся проклятьями семейной жизни, продолжающими подстерегать супружеские пары. Ликвидировать эти проблемы не в состоянии ни работа для женщин, ни полное равенство полов. Поэтому в Советском Союзе принята гуманная и разумная процедура развода как законный и либеральный способ разрыва неудавшихся союзов. Фактически она является возвращением закона 1917 года. Некоторые современные советские авторы полагают, что закон 1944 г. привел к росту незарегистрированных браков и искусственному сохранению фактически распавшихся семей. Движение за реформу началось сразу после смерти Сталина с апеллирования к ленинским идеям о свободном браке и разводе со стороны ее поборников, которым противостояли консерваторы, отвечающие безразличием, молчанием и бюрократическими проволочками. Указ 1965 г. существенно упростил процедуру развода, заменив двукратные слушания однократными и убрав такие неприятные моменты, как обязательная огласка процесса. Впоследствии как судебная практика, так и общественное мнение привели к его дальнейшему упрощению, и в семейное законодательство 1968 г. были включены новые статьи о разводе. По взаимному соглашению бездетные супружеские пары могли быстро и безболезненно оформить развод в ЗАГСе уже через три месяца после свадьбы. Остальные должны пройти через формальную процедуру примирения; при его невозможности каждый случай рассматривается в местном суде, который принимает во внимание как экономические и психологические факторы, так и интересы детей. Заявления о разводе отклоняются очень редко и по решению суда можно подавать апелляцию в вышестоящие инстанции[1].

В результате если в 1965 г. разводимость в СССР (1,6 на 1000 человек) была ниже, чем в США (2,4 на 1000 человек), хотя и вдвое выше, чем в Англии и Франции, то к 1967 г. она возросла до 2,7, превысив показатель Соединенных Штатов[2]. Разводимость выше в западных республиках и ниже в восточных, значи-

[1] *Juviler P.* Family Reforms on the Road to Communism // Soviet Policy-Making / Ed. by P.Juviler, H.W.Morton, London, 1967. P. 33–53; Current Digest of Soviet Press. 1969. Nov. 13. P. 25–26; Новое законодательство о браке и семье / Под ред. Н.А.Иванова. М., 1970. С. 42–44.

[2] 1967 г. был исключительным для СССР. Как до, так и после 1967 г. разводимость в США была намного выше, чем в СССР и постсоветской России. См.: Семья на пороге третьего тысячелетия. М., 1965. С. 69. – *Прим. ред.*

тельно выше в городах, чем в сельской местности. Так, уровень разводов в Москве за три года (с 1964 по 1967) подскочил с 3,6 до 6,0. Ленинград отстает ненамного. Согласно последним данным во многих случаях инициаторами разводов становятся женщины, и супружеские пары практически обречены на развод, если образовательный уровень жены выше уровня мужа. Сетования прессы подтверждают это. Но если обратиться к причинам распада браков, то в них нет ничего неожиданного: в их основе в различных комбинациях лежат несходство характеров и жизненных целей, перегрузки на работе и в учебе, соблазны городской жизни, стесненные жилищные условия, проживание под одной крышей с родственниками, – все это зачастую сдобренное изрядными дозами алкоголя[1].

Право на аборт было возвращено советским женщинам даже еще ранее права на развод. Двадцатилетний период, в течение которого он был запрещен, убедил советские власти, что такая политика ведет к нелегальным абортам, вследствие чего наносится серьезный ущерб безопасности и здоровью женщин; и после 1953 г. они смогли, не опасаясь подвергнуться резким нападкам, это признать. Закон 1955 г. восстановил право женщины на аборт по ряду медицинских показаний, а в случае ее требования и по социальным показаниям. И хотя Б.Мэдисон отмечает наличие бюрократических препятствий в начале 1960-х гг., сейчас они практически исчезли; и положение о том, что «женщины имеют право сами решать иметь или не иметь ребенка, и какое количество детей они хотят иметь» соответствует реальному положению вещей. Советские женщины независимо от их личных взглядов на брак и материнство одобряют такую позицию и не понимают, почему «богатые» страны с прекрасным медицинским обслуживанием не могут предоставить право аналогичного выбора своим женщинам[2]. Аборты – обычная вещь в России и не только в многодетных семьях. И хотя к незамужним матерям здесь редко относятся свысока,

---

[1] *Juviler P.* Family Reforms on the Road to Communism // Soviet Policy-Making / Ed. by P.Juviler, H.W.Morton. London, 1967. P. 44; *Madison B.* Social Welfare in the Soviet Union. Stanford, 1968. P. 71–72; *Stiernlöf S.* Kvinner i Soviet: Yrkesliv och Könstroller i forsta Socialiststaten. Stockholm, 1970. P. 110–111; Новое законодательство о браке и семье / Под ред. Н.А.Иванова. М., 1970. С. 10; Soviet Life. 1974. № 3. P. 13.

[2] Россия держит печальный рекорд – первое место в мире по числу абортов. В настоящее время в России на 100 родов приходится 200 абортов. В западных странах число абортов намного меньше главным образом потому, что женщины давно пользуются контрацепцией: Демоскоп Weekly. № 81–82. – *Прим. ред.*

многие молодые женщины предпочитают при помощи аборта избежать этой участи[1].

И еще несколько заключительных слов о женщинах и сексе. Советскому режиму, несмотря на все его попытки, не удалось искоренить проституцию. В 1930-х гг. она заметно и быстро сократилась за счет политики реабилитации проституток, устройства их на работу и тюремного заключения для так называемых «неисправимых». Но последние десятилетия проститутки снова появились в столице, развлекая туристов и богачей. И хотя группы проституток теперь не дефилируют по своим дореволюционным маршрутам, Невскому или Лиговке, их можно встретить в валютных барах, в такси, курсирующих по улице Горького в Москве или у входа в гостиницы. Конечно, во всем Советском Союзе нет ничего подобного Репербан, Пигаль, Кюрфюстендам или амстердамской Канал-стрит. Нет публичных домов, хотя есть определенные места, где вы можете заняться сексом с девушкой, готовой продать себя за валюту, подарки или одежду. Есть и сутенеры. Но преобладающее большинство советских женщин не продает себя ни в качестве проститутки, ни в каком-либо другом – жены на содержании мужа, секс-символа, живого товара, экскорт-герл, модели или гейши, и не позволяют другим продавать себя. Хотя по западным стандартам они обладают немногим – у них есть работа, собственный заработок, и они пользуются уважением со стороны мужчин и общества.

Главным пунктом обвинения в господстве и доминировании, предъявляемого мужчинам американскими феминистками в последние годы, является чрезмерная феминизация женщин путем привязывания их к дому и обеспечения их различными электробытовыми приборами и приспособлениями, которые отупляют ум и душу и фетишизируются, стимулируя жажду их приобретения и заставляя забыть о реализации своих способностей. В отличие от американской домохозяйки советская жена не наслаждается элегантной праздностью, различными бытовыми приспособлениями, предметами роскоши и самым высоким в мире уровнем жизни. Но, с другой стороны, она пользуется официальным признанием ее достоинств

[1] *Heer D.* Abortion, Contraception and Population Policy in the Soviet Union // Soviet Studies. 1965. July. XVII. 1. P. 76–83; *Madison B.* Russia's Illegitimate Children Before and After the Revolution // Slavic Review. 1963. March. XXII. 1. P. 91–93; об абортах в целом см: *Smith D.* Abortion and the Law. Cleveland, 1967; о советской позиции по контролю за рождаемостью см: Current Digest of Soviet Press. 1968. Dec. 25. P. 11–12.

как человеческой личности, правом на работу, возможностью продвигаться до определенного уровня по служебной лестнице и благодаря предоставленным ей экономическим возможностям ощущает себя равной своему мужу или возлюбленному. Конечно, в обоих обществах имеются исключения из правил. Иногда и в Советской России можно увидеть праздных женщин, сплетничающих и лузгающих семечки во дворах, несмотря на то что они вполне способны зарабатывать себе на жизнь. Американские женщины, особенно молодые, также все менее стремятся выйти замуж за загородный дом, гараж на две машины и страховой полис. Они намерены учиться, работать, жить и любить в соответствии со своими собственными представлениями о жизни, без помощи церкви или рекламы. Американки с таким уровнем развития сознания имеют значительно больше общего с вчерашними и сегодняшними советскими женщинами, чем им это кажется.

2. Нерешенные вопросы

Выше мы рассмотрели положительные стороны статуса советской женщины. Теперь необходимо взглянуть на невыполненные обещания и противоречия между советской доктриной равенства полов и действительным положением вещей. Большинство из них в большей или меньшей степени подпадают под следующие категории: деревенская жизнь, где сохраняется приниженное положение женщины и так называемая двойная нагрузка, которая осложняет жизнь городской женщины, взваливая на нее бремя и работы, и домашнего хозяйства, а также сексистские взгляды, присущие всем социальным и экономическим группам.

В крестьянской среде особенно заметен замедленный процесс освобождения женщины. Даже через шесть месяцев после свершения революции крестьянская женщина еще испытывала дискриминацию даже в способе наказания. Например, одна крестьянка вместе с любовником была обвинена в убийстве мужа, и если любовника просто расстреляли, то ее, привязав к телу казненного, закопали живьем. Через десять лет после революции, спустя годы упорной работы Женотделов и других организаций Н.К.Крупская сетовала на то, что русские крестьянки, несмотря на многие свои замечательные качества, «очень отстали в своем развитии». Неграмотность, недостаток возможностей в получении образования и отсутствие каких-либо альтернативных ролей для женщины в деревенской жизни исключали развитие по

вертикали, в то время как развитие по горизонтали блокировалось существовавшим на селе отношением к разводу и оставлению семьи. Мужчины в российской деревне не поддерживали своих женщин в их стремлении к эмансипации. Эта идея не вписывалась в представления русских крестьян о «бабе». Их враждебность к феминизму часто проявлялась в реакции на относительно безобидные вещи, как например в отношении участия их жен в Международном женском дне. Как решил муж одной из них: «Они обойдутся и без тебя. Ты слишком грязная и глупая, ты годишься только для того, чтобы ходить за коровой». Литература того времени пестрит описанием подобных эпизодов. Бесконечные резолюции и декреты принесли мало пользы и к 30-м годам большинство российских крестьянок оставались вне сферы партийного влияния[1].

Массовой коллективизации в Советской России предшествовал такой интересный феномен как «женские коммуны», созданию которых способствовало большое количество женщин, оставшихся одинокими из-за войн 1914–1920 гг. Например, есть свидетельства о существовании в 1919 г. такой коммуны в Харьковской области. Вдовы, незамужние девушки и другие крестьянки, оставшиеся по разным причинам одинокими, жили вместе и сообща ухаживали за детьми, готовили еду и стирали. К подобного рода объединениям относились Свободная трудовая артель и Товарищество одиноких вдов имени Розы Люксембург; в конце 1920-х гг. наиболее известной была Женская коммуна Артюхиной, созданная в 1929 г. женщиной-работницей в Сальской степи и состоящая из поденщиц. Одно из последних подобных предприятий, с общей кухней, пекарней и прачечной, объединившее 424 женщины и 254 мужчины как семейных, так и одиноких, существовало в 1931–1932 гг. Но огромное большинство российских крестьянок сохраняло враждебное отношение к коммуне как к форме социальной и производственной организации. В их представлении она ассоциировалась с чуждой цивилизацией, где присутствовали атеизм, многоженство или отрицание брака, групповой секс на огромных кроватях, конфискация детей и сатанинская атмосфера разврата. Таким образом, коммуна как социальный институт, на который возлагали

---

[1] О казни см.: The Bolshevik Revolution, 1917–1918: Documents and Materials / Ed. by J.Bunyan, H.Fisher. Stanford, 1934. P. 290–291; Воспоминания о Надежде Константиновне Крупской / Под ред. А.М.Арсенева. М., 1966. С. 85; *Halle F.* Woman in Soviet Russia. P. 272; Женщины в революции. С. 277; *Толкунова В.Н.* Право женщин на труд и его гарантии. М., 1967. С. 53; *Stavrakis B.* Women and the Communist Party in the Soviet Union, 1918–1935. P. 145.

надежды не одно поколение социалистов от Чернышевского до Коллонтай, как на средство полной эмансипации женщин, не смогла прижиться в российской деревне[1].

Коллективизация не испытывала недостатка в женских кадрах. Полмиллиона подготовленных женотделами уполномоченных, женщины-председатели сельсоветов, около 5000 женщин, работавших заместителями начальника политотделов МТС, женсектор агитмассотделовских женских бригад ударниц, включая женщин-участниц движения пятисот, получавших по пятьсот центнеров сахарной свеклы с гектара, и, наконец, женщины-трактористки, чей прототип Паша Ангелина символизировала союз отсталого человечества с самодвижущимся металлом – все они принимали в ней активное участие в стремительном и тщательно организованном движении к экономической модернизации[2]. Как крестьянки воспринимали коллективизацию? Если не считать миллионов тех, кто вместе с мужьями и детьми был раскулачен во время насильственной коллективизации или умер от голода, который был непременным ее спутником, русские женщины в целом, кажется, без особой враждебности приняли новый порядок. Деревенские женщины теперь по закону получили равные права на имущество и свободу распоряжаться своим заработком. Эти изменения в законодательстве наряду с льготами матерям предоставили крестьянке до некоторой степени экономическую независимость, не прибегая при этом к ненавистным коммунам, которые, как она боялась, могли лишить ее семьи, огорода и добродетели. Но в целом о крестьянке заботились мало, перегружая ее непосильным трудом, а та роль, которая когда-то предназначалась ей в общественной жизни, постепенно поблекла, хотя и не была совсем забыта[3].

После того как во время коллективизации крестьянки получили право на самостоятельный заработок, полное равноправие перед лицом закона, систему социального обеспечения и возможность получения профессионального образования, мало что изменилось в их статусе. В середине 1960-х гг. 83% сельских

---

[1] Октябрем рожденные. М., 1967. С. 262–269; *Halle F.* Op. cit. P 378–385; *Wesson R.* Soviet Communes. New Branswick, 1963. P. 214–217.

[2] Женщины в революции. С. 270–271; Октябрем рожденные. С. 189–196; *Толкунова В.Н.* Право женщин на труд и его гарантии. С. 90; очерк о Паше Ангелиной, первой советской женщине-трактористке см.: Сквозь годы и бури. М., 1969. С. 80–95.

[3] *Maynard J.* The Russian Peasant and Other Studies. N.Y., 1962. P. 388–389, 413, 415; *Dodge N.* Op. cit. P. 65–66; о негативной точке зрения на жизнь женщин в колхозе см.: *Belov F.* The History of Soviet Collective Farm. N.Y., 1955. Лучшее исследование о коллективизации: *Lewin M.* Russian Peasants and Soviet Power. N.Y., 1975.

женщин занимались низкоквалифицированным трудом в полях и на фермах, выполняя при этом всю домашнюю работу. Занятия лишь немногих из них были связаны с техникой. После Второй мировой войны легендарная трактористка Паша Ангелина перестала символизировать женский труд в деревне. В деревне нет такой специализации труда как в городе, и здесь по-прежнему доминирует мужская точка зрения, что именно мужчины должны занимать наиболее ответственные посты. Это особенно заметно в колхозной администрации. В 1961 г. газета «Известия» отмечала, что, «как оказалось, мужчины управляют, а женщины работают»[1].

Несбалансированные экономические отношения порождают неравенство в частной сфере и наоборот. Сельские девушки даже до замужества значительно менее свободны в своем поведении, чем городские, и деревенские ревнительницы нравственности до сих пор готовы вымазать дегтем ворота дома, дающего приют «бесстыднице». С трудом отмирающие традиции приводят к стремлению возродить прежнее отношение к ухаживанию и браку. Так, например, молодежный клуб безуспешно старается вытеснить «улицу» – милый, но слегка сексистский вариант ярмарки невест, а пары молодоженов после посещения унылого деревенского ЗАГСа обязательно совершают прогулку вокруг местной церкви. В доме муж продолжает быть «хозяином», даже по официальному определению, выступая, как в свое время всемогущий «большак», в качестве ответственного представителя семьи. Известное советское этнографическое исследование «Деревня Вирятино» правдиво описывает жену как «хозяйку, воспитательницу детей и организатора повседневной жизни». Вряд ли можно ожидать в ближайшем будущем серьёзных изменений в данной ситуации, учитывая циклический и стабильный характер сельской жизни, низкий уровень капиталовложений в сельскохозяйственный сектор и недостаток рабочей силы в сельском хозяйстве[2].

У городских женщин, которые получили значительно больше преимуществ от коммунистической программы эмансипации, проблемы другого плана. Обладая большей мобильностью, лучшим образованием и более широкими возможностями для выбора профессии, чем их сельские сестры, они, по иронии судьбы,

---

[1] Цит. по: *Dodge N.* Op. cit. P. 170. См. также: *Толкунова В.Н.* Право женщин на труд и его гарантии. С. 22–23, 181.

[2] The Village of Viryatino / Ed. by P. I. Kushner. N.Y., 1970. P. 253. См. также: The Soviet Rural Community / Ed. by J.Millar. Urbana, 1971. III; Работница. 1973. Май. 5. С. 8–11, 29.

практически не имеют времени для использования этих возможностей настолько, чтобы превратить в реальность декларированное равенство. Для огромного количества так называемых «семейных женщин», тех, у кого есть мужья, дети и родственники, о которых нужно заботиться, самым главным препятствием для достижения равенства является так называемая «двойная нагрузка», подразумевающая, что средняя советская женщина отработав полный рабочий день в учреждении или на фабрике, сразу после его окончания должна выполнять свои домашние обязанности, связанные с хождением по магазинам, работой по дому, уходом за детьми, в результате чего количество ее рабочих часов по сравнению с теми, кто не обременен этими обязанностями, удваивается. По этому поводу несколько лет назад Бетт Ставракис написала: «Советы не просто опровергли теорию о том, что место женщины в доме, они трансформировали ее в другую теорию, утверждающую, что место женщины и на работе, и дома»[1].

Эта двойная нагрузка не фиксируется в социалистической теории, которая всегда учила, что в домашней работе и воспитании детей жене частично будут помогать коммунальные службы и частично муж. Идеи Бебеля, Энгельса и Коллонтай повторялись в советских декларациях по этому вопросу вплоть до середины 1930-х гг. Вторая партийная программа предлагала уничтожить «ярмо домашней экономики путем учреждения жилищных коммун». «Азбука коммунизма» (1920) вопрошала, как женщина-труженица «сможет осуществлять свои права, когда она должна вести дом, хозяйство, ходить на рынок, стоять в очередях, стирать, смотреть за детьми, нести тяжелый крест этого домашнего хозяйства»? Во время первой пятилетки жалобы и воззвания достигли наивысшей точки. «Долой кухню!» – восклицал педагог периода индустриализации Ильин. «Мы уничтожим эту тюрьму! Мы освободим миллионы женщин от домашнего хозяйства. Они, так же как и все мы, хотят работать. На фабрике-кухне один человек сможет приготовить от пятидесяти до ста обедов в день. Мы заставим машины чистить картошку, мыть посуду, резать хлеб, мешать суп, делать мороженое». Лозунги типа «Кастрюля – враг партийной ячейки» или «Долой горшки и сковородки» стали ключевыми в экономической и политической агитации[2].

---

[1] *Толкунова В.Н.* Право женщин на труд и его гарантии. С. 168; *Stavrakis B.* Women and the Communist Party in the Soviet Union, 1918–1935. P. 254.

[2] *Бухарин Н., Преображенский Е.* Азбука коммунизма. Пг., 1920. С.140; *Ilin M.* New Russia's Primer. Boston, 1931. P. 150; *Halle F.* Op. cit. P. 366; *Winter E.* Red Virtue. N.Y., 1933. P. 110.

Эти лозунги не были просто декларацией. И во время, и после Гражданской войны организовывались широкие кампании и затрачивались большие усилия на то, чтобы по соседству с каждой открывающейся фабрикой находилась столовая. Но общественные кухни и столовые в жилых домах так и не прижились, и в 1936 г. редакционная статья «Правды» осуждала проект жилого дома без индивидуальных кухонь как «левый уклон» и попытку «искусственного насаждения коммунального образа жизни». Дома-коммуны так никогда и не появились в городах, а в период коллективизации и сельские коммуны были заменены более индивидуалистическими колхозами. Несмотря на то, что полное общественное обеспечение сохранилось как идеал, общая тенденция развития общества уводила все дальше от того, чтобы сообща питаться, жить и вести хозяйство. В последнее время наблюдается необратимая тенденция замены коммунальных квартир, или «коммуналок», являвшихся удобным сочетанием социалистических принципов с решением проблемы дефицита жилья, отдельными квартирами. Тихое и постепенное отмирание коммунального образа жизни частично связано с партийным решением укрепить нуклеарную семью, частично – с недостатком энтузиазма со стороны большинства россиян в отношении этой специфической черты классического социализма[1].

Аналогичной была участь идеи коллективного воспитания детей. Мечта Коллонтай, которую сейчас разделяет известный экономист академик С.Г.Струмилин, о воспитании всех детей в круглосуточных яслях, никогда не была претворена в жизнь. Также никогда не был законодательно оформлен вопрос о том, какую часть обязанностей по воспитанию детей возьмет на себя государство, хотя оно всегда лелеяло задачу создания полной сети дошкольных учреждений, дающих женщинам возможность работать. Эта сеть стала создаваться сразу после революции, когда ясли еще были редким явлением, и стала постепенно разрастаться в 1920-е годы, совершив резкий скачок в развитии во время первой пятилетки. Она сократилась в середине 30-х и продолжала уменьшаться в соответствии с реальными нуждами во время и после Второй мировой войны. В настоящее время только около 10% детей до двух и около 20% от трех до семи лет, причем в основном городские, посещают ясли и детские сады. И хотя плата

[1] См.: *Соколов Б.* Спасите детей! (о детях Советской России). С. 23; Петрокоммуна. Пг., 1920; Коммунистка. 1921. Янв.–февр. 8–9. С. 26–30; *Крупская Н.К.* Заветы Ленина о раскрепощении женщины. М., 1933. С. 39–40. «Правда» цит. по: *Stavrakis B.* Women and the Communist Party in the Soviet Union, 1918– 1935. P. 70.

за пребывание ребенка в этих учреждениях невысока и по карману семье, многие женщины предпочитают не отдавать туда маленьких детей и более склонны доверить уход за ними бабушке, если таковая имеется. Тем не менее спрос на ясли и детские сады превышает предложение, что приводит к тому, что многие женщины, которые не могут пользоваться этими службами, выпадают из экономической жизни или вынуждены выполнять работу, не соответствующую их профессиональному уровню[1].

Женщина продолжает нести основную ответственность за воспитание детей и за выполнение домашней работы, независимо от того пользуется ли она услугами детского сада или нет. Официальная идеология провозглашает, что для мужчины помогать в выполнении домашних обязанностей и воспитании детей является его социалистическим долгом в укреплении равенства полов. Согласно недавнему опросу 75% молодых мужчин и женщин считает, что муж должен принимать участие в домашней работе. С другой стороны, исследование, проведенное в Ленинграде, показало, что 81,5% опрошенных замужних женщин сами выполняют всю работу по дому. В книге 1962 г. издания помещена карикатура, изображающая жену, занятую уборкой, в то время как муж спрашивает ее: «Неужели ты не читала Ремарка? Боже, как ты отстала!». Официальный статус советской женщины открыто подытоживается в недавно изданной работе о положении женщин в мире. «Работающая женщина выполняет несколько социальных функций. Как трудящаяся она участвует в производстве материальных ценностей, необходимых для существования общества, как гражданка принимает участие в государственной и общественной жизни, как мать дает жизнь новому поколению и воспитывает его. Кроме того, она ведет домашнее хозяйство, что тоже имеет общественное значение, ибо этим самым она обеспечивает нормальные условия быта и отдыха для членов семьи, которые работают или учатся»[2]. Но кто тогда наслаждается отдыхом? Хотя количество часов, затрачиваемых ежедневно на домашнюю работу сократилось с 6 часов в

[1] *Бильшай В.* Советская демократия и равноправие женщин в СССР. М., 1948. С. 49; *Stavrakis B.* Women and the Communist Party in the Soviet Union, 1918–1935. P. 249; *Dodge N.* Op. cit. P. 76–83, 241; Saturday Review. 1971. August. 21. P. 41–43, 53; *Стародуб В.И.* Женщина-труженица и мать. Л., 1967. С. 80; О позиции Струмилина см.: *Лаптенок С.Д.* Мораль и семья. Минск, 1967. С. 232–235; *Стародуб В.И.* Женщина и общественный труд. Л., 1975. С. 90.

[2] Данные см.: *Stiernlöf S.* Kvinner i Soviet: Yrkesliv och Könstroller i forsta Socialiststaten. P. 119; Карикатуру см.: Чистый источник: Твой моральный кодекс. М., 1962. С. 32; Женщины мира в борьбе за социальный прогресс. М., 1972. С. 65.

1923 г. до 3,2 часа и уменьшился разрыв между рабочим временем жены и мужа, женщина все еще больше работает и меньше отдыхает, нежели другие члены семьи. Женщина затрачивает в два раза больше времени, чем мужчина на непроизводительную работу. Хождение по магазинам занимает у нее приблизительно 40% всего времени, затрачиваемого на домашние дела, и положение усугубляется явной нехваткой бытовых электроприборов и вспомогательных служб, таких как кулинарии, прачечные, химчистки и тому подобное. Для многих замужних женщин это приводит к отказу от работы, либо к перегрузкам, либо к поиску работы недалеко от дома, что не всегда соответствует их квалификации[1].

Как женщины относятся к этому? С одной стороны, есть такие, кто, придерживается позиции, сходной с точкой зрения Веры, которая в интервью с Сьюзен Джакоби отрицательно характеризовала систему государственного воспитания детей. Она заявила: «Они [старые большевики] не являются реалистами, в чем бы то ни было. Эта идея [построения коммунизма] достаточно дискредитирована в нашей стране и не соответствует человеческой природе. Я считаю себя хорошей коммунисткой, но это не дело партии воспитывать моего сына». Другая респондентка Джакоби выразила желание оставаться дома и получать зарплату как профессиональная мать[2], идея получившая академическую поддержку со стороны демографа Переведенцева. Но это точка зрения меньшинства. Предложения Переведенцева были названы юристом Березовской «ничем не лучше рабства»[3]. Другая женщина-автор утверждает, что превращение инженеров, врачей и ученых в «кухонные комбайны» нанесет ущерб не только производству, но и положению женщин[4]. Это утверждение, учитывая западный опыт, довольно трудно опровергнуть. Недавний опрос, проведенный без сомнения среди тщательно отобранной группы респонденток, показал, что 90% опрошенных женщин выразили желание выполнять все три роли идеальной советской женщины: в экономике, в общественной жизни и в семье[5]. Но фактически только у немно-

---

[1] *Dodge N.* Op. cit. P. 91–99; *Madison B.* Social Welfare in the Soviet Union. P. 70; *Stiernlöf S.* Kvinner i Soviet: Yrkesliv och Könstroller i forsta Socialiststaten. P. 76–80; *Стародуб В.И.* Женщина-труженица и мать. С. 74–77.

[2] *Jacoby S.* Women's Lib-Russian Style // Sunday Times. London, 1972. August. 20. P. 25–26.

[3] *Stiernlöf S.* Kvinner i Soviet: Yrkesliv och Könstroller i forsta Socialiststaten. P. 102–103.

[4] *Толкунова В.Н.* Право женщин на труд и его гарантии. С. 170.

[5] Soviet Life. 1974. March.

20 Заказ 5510

гих женщин остается время для общественной деятельности. Большинство советских женщин убеждены, что хотя работа не ведет автоматически к освобождению, истинное освобождение без нее невозможно, и эта точка зрения получает все большее распространение во многих странах.

Какие бы меры не предприняла власть в ближайшем будущем, безуспешно пытаясь заставить мужчин на равных делить со своими женами домашнюю работу и воспитание детей, она вряд ли сможет решить проблему. Усилия по развитию службы быта и воспитательных учреждений уменьшат проблему, но не устранят ее полностью. Пока существует двойная нагрузка, она будет приводить к меньшей занятости женщин на работе, а это в свою очередь означает для них меньшие возможности в продвижении по службе и меньше доступа к власти. Вот каков итог политики в отношении полов в советском обществе. Главной причиной такого подхода может быть просто стремление мужчин сохранить ведущую роль, но его институциональной основой является решение семейного вопроса, предпринятое в 1930-х гг. и модифицированное и усовершенствованное в послесталинскую эпоху. Ставшее результатом этого неравенство лежит на поверхности советской системы властных отношений.

Если поставить перед собой задачу выстроить основные советские общественные институты в соответствии с задействованностью в них женщин на руководящих постах, то обнаруживается, что в армии, партии и бюрократии очень мало женщин-руководителей, в то время как структуры экономики, науки, здравоохранения и образования постепенно заполняются женщинами. Профессиональная армия – практически полностью мужская сфера, так же как и в большинстве других обществ в прошлом и настоящем. Со времен Гражданской войны ни одна женщина не училась в Академии Генерального штаба и не командовала крупным воинским подразделением. После войны женщины были демобилизованы, и воинская служба снова стала традиционно мужским занятием. Амазонство было такой же случайностью, как и другие воинские нововведения, появившихся в эйфории бурных революционных лет, и оно прекратило свое существование вместе с военной демократией и эгалитаризмом.

Необходимость – лучший разрушитель предрассудков, поэтому во время Второй мировой войны партия снова вспомнила о военных талантах своих женщин, и студентки, работницы, школьницы и снайперы-добровольки снова стали востребованы Красной Армией, где они были артиллеристками, танкистками,

партизанками, летчицами и штурманами. Они также были связистками, врачами и политработниками. Особенно впечатляют женщины-партизанки, подвиги которых заставляют вспомнить их революционное прошлое. Одна партизанка уничтожила расположение немцев, подорвав гранатой и их, и себя, другая под видом горничной убила Вильгельма Кубе, гауляйтера Белоруссии прямо в его постели. Зоя Рухадзе, стоя перед немецкой расстрельной командой, выкрикнула имя Веры Фигнер. Самая известная из них, восемнадцатилетняя комсомолка Зоя Космодемьянская, заставляла вспомнить Бардину, Перовскую и других, когда она с достойным их мужеством, стоя под виселицей в декабре 1941 г. выкрикнула: «Вы можете повесить меня, но я не одна. Нас двести миллионов и всех нас вам не перевешать»[1]. Но постоянное присутствие женщин в армии, особенно на руководящих постах, все же не воспринималось в обществе как нормальное явление, и после войны женщины вернулись к мирному труду, и армия снова стала практически недоступной для женщин[2].

Женское участие в партийных и правительственных структурах в плане количества, процентного соотношения и степени влияния не претерпело значительных изменений с 30-х гг., когда были установлены его нормы. Членство женщин в партии составляет приблизительно одну пятую от общего числа. Только немногие женщины достигают вершин партийной карьеры, ни одна женщина никогда не занимала ни один их трех основных руководящих постов в советском государстве. В святую святых КПСС – Политбюро или Президиум ЦК КПСС – женщина (Фурцева) была допущена только во времена Хрущева. В это же время женщины стали впервые после Коллонтай назначаться министрами. Но хотя советские женщины, без сомнения, лучше представлены в различных законодательных органах, чем в других странах, их присутствие на вершине власти очень незначительно. Та же самая ситуация наблюдается в любой другой советской структуре: на фабрике, в колхозе, профсоюзе, партийной организации, в социальной, культурной и образовательной сферах. Управляющие, директора, главврачи, ректоры,

---

[1] В настоящее время высказывается мнение, что героическая история Зои Космодемьянской была создана журналистами для подъема чувства патриотизма. – *Прим. ред.*

[2] *Фигнер В.Н.* В борьбе. Л., 1966. С. 226; Героини: В 2 т. М., 1969. Т. 1. С. 286; Женщины города Ленина. С. 207–275; *Логунова Т.* О днях партизанских. М., 1969; *Гордеева В.* Людмила Донская. М., 1973; *Stiernlöf* S. Kvinner i Soviet: Yrkesliv och Könstroller i forsta Socialiststaten. P. 9–19; The Diary of Nina Kostrina. N.Y., 1968.

председатели практически всегда мужчины. Как справедливо отмечают Н.Додж и другие авторы, хотя советские женщины и имеют доступ к служебной карьере, закрытый для женщин практически повсюду в мире, вершина этой карьеры остается для них недоступной[1].

Таким образом, получается, что мужчины-лидеры в советском обществе разделяют аристотелевскую точку зрения о том, что «хотя могут быть исключения из законов природы, мужчина по своей природе так же более женщины способен командовать, как взрослый превосходит более молодого и незрелого»[2]. Способны или нет советские женщины «командовать» и управлять механизмами принятия решений на самых высоких уровнях, до сих пор остается открытым вопросом. Однако факт остается фактом: по решению прошлого и настоящего мужского руководства женщины были лишены возможности бороться на равных за высшие административные посты в силу их основной роли в семье. Никто не будет отрицать, что у женщин достаточно сил и энергии для выполнения самых трудных задач в деле строительства социализма в Советском Союзе, но их осуществление требует самоотверженности, долгих часов непрерывного сосредоточенного труда, которые не должны прерываться стоянием в очередях за колбасой и огурцами. В результате советские женщины лишены, опять же по решению мужчин, необходимых для такой интенсивной деятельности времени и возможности полностью посвятить себя работе, чтобы выполнять те социальные функции, которые государство предпочло не перекладывать на свои плечи.

Кроме того, советские мужчины в действительности не готовы предоставить женщинам полное равенство. На эту мысль наводят действия лидеров советского государства, и она подтверждается разговорами с советскими мужчинами. Мужчины, и не только в России, до сих пор боятся власти женщин – гинекократии. Идеалом советской женщины является женщина, состоявшаяся в профессиональном плане (при этом она может быть инженером, врачом, космонавтом, деятелем культуры, но не управляющим, премьер-министром или командующим), имеющая мужа и благополучную семью. Этот идеал соответствует

---

[1] *Толкунова В.Н.* Право женщин на труд и его гарантии. С. 102; *Dodge N.* Op. cit. P. 213–214; *Gasiorowska X.* Woman in Soviet Fiction, 1917–1964. P. 12, 169, 210; *Moses J.* Indoctrination as a Female Political Role in the Soviet Union // Comparative Politics. 1976. July. P. 525–547; *Hough J.* The Soviet Union and Social Science Theory. Cambridge, 1977.

[2] *Aristotle.* The Politics. Oxford, 1921. P. 1259.

реальности и определяет границы возможностей советской женщины. Таким образом, хотя женщины в Советском Союзе достигли большего равенства, чем в других странах, это равенство не является полным.

Как же советские женщины отвечают на вечный вопрос «Что делать?». Наиболее частый ответ применительно к вопросу женского равенства звучит так: «Вы о чем?». Некоторые из отвечающих подобным образом относятся к категории скептиков, которые искренне верят, что женский вопрос будет существовать до тех пор, пока существует разделение на два пола, и что имеется неразрешимое противоречие между женской потребностью в семье и детях и революционной традицией по вовлечению женщин в производство и общественную деятельность. Если женщина работает – ее удел переутомление, если нет – скука. Но большинство настаивает на том, что в Советском Союзе больше нет женского вопроса, так как он был решен в ходе революции. И американцы, и русские должны знать, что успешные революции склонны положительно оценивать собственные усилия по усовершенствованию общества. Вспомним, например, как Кэрол Клэпсэдл описала отход израильских женщин от феминизма, объясняя это тем, что «дымовая завеса прошлых достижений» рассеялась[1]. Израильское освобождение женщин, ставшее по воле случая в значительной степени результатом деятельности еврейско-русской интеллигенции, в последние годы так же деградировало, как и в Советском Союзе, хотя я не ставлю здесь своей целью проводить их сравнительный анализ. Обычная российская горожанка так занята повседневными проблемами, связанными с учебой, работой, ценами, детскими учреждениями, что она также, как и мужчины, склонна воспринимать с иронической улыбкой упоминание о женском вопросе, как о чем-то странном и относящемся к далекому прошлому.

В начале 60-х на фабриках, в школах и в других учреждениях сначала спонтанно и неофициально появились так называемые «женсоветы», целью которых было «улучшение условий жизни» посредством инспектирования, выработки оценок и рекомендаций по исправлению того или иного аспекта жизни женщин. В 1976 г. при Центральном совете ВЦПС была создана «женская комиссия». Оба эти факта можно рассматривать как частичное возрождение старой системы делегирования в рамках

---

[1] *Clapsaddle C.* Flight From Feminism: the Case of the Israeli Women // Response. 1973. Summer. P. 157–175.

женотделов. Однако основной национальный орган – Комитет советских женщин – является далеко не продолжением женотделов. Основанный в 1941 г. как Антифашистский комитет советских женщин он способствовал созданию в Париже четырьмя годами спустя Международной демократической федерации женщин, и с этих пор был больше задействован в международных кампаниях – борьбе с фашизмом, поддержке освободительной борьбы в странах Третьего мира и движении за мир, чем в решении внутренних проблем советских женщин. Его президент Терешкова в 1970 г. в статье, посвященной Международному женскому дню, подтвердила обязанности советских женщин, настаивая при этом на необходимости «глубокого научного исследования» проблемы сочетания этих ролей с «максимальным освобождением женщины от непроизводительного домашнего хозяйства и решительной перестройкой нашего быта». Но кроме организации конференций и провозглашения деклараций комитет не проявляет признаков независимой феминистской деятельности[1].

Это не означает, что в Советском Союзе нет женского активизма или программы реформ, просто они имеют распыленный характер и часто принимают форму журналистской агитации. Один из наиболее сильных аргументов в этой агитации был выдвинут специалисткой по женскому вопросу Толкуновой: «В сравнении с числом женщин, которые задействованы в экономике, и количеством женщин-специалистов очень немногие из них выдвигаются на ответственные административные посты на региональном, территориальном, республиканском или союзном уровнях». Для устранения этого и других недостатков в жизни женщин она рекомендует перестройку общественной морали и изменение взглядов на женщину, развитие общественного питания и службы быта, а также соотнесение рабочего графика мужей и жен[2].

Все это очень мало похоже на то, что на Западе называется «женское освободительное движение», и совсем не имеет ничего общего с радикальным феминизмом, который в соответствии с американской точкой зрения «направлен на искоренение всех форм доминирования и элитизма в человеческих отноше-

---

[1] *Любимова С.Т.* Октябрьская революция и положение женщин в СССР. М., 1967. С. 25; Женщины мира в борьбе за социальный прогресс. М., 1972. С. 71–82; замечания Терешковой см.: Правда. 1970. Март. 8. С. 3; о деятельности женской комиссии см.: *Стародуб В.И.* Женщина и общественный труд. С. 51.

[2] *Толкунова В.Н.* Право женщин на труд и его гарантии. С. 184–185.

ниях»[1]. Если бы советский режим действительно захотел добиться полного равенства, он бы либо способствовал продвижению женщин на вершину власти наравне с мужчинами, таким образом лишив карьеры и отправив к домашнему очагу многих мужчин, либо ему бы пришлось обобществить всю домашнюю работу и освободить женщин, чтобы они смогли проявить себя в полной мере. Ничего этого не случилось. И похоже, что большинство советских женщин, даже самые сознательные и талантливые из них, не скоро получат доступ к вершинам власти и выйдут на уровень принятия решений, к тому же, кажется, они сами не слишком стремятся взвалить на себя бремя ответственности. Они вполне мирятся с ситуацией, когда те немногие, кто стремятся пробиться, могут это сделать, в то время как все остальные могут иметь больше возможностей для отдыха, учебы и профессионального роста, насколько это им позволяет сейчас несправедливость двойной нагрузки. Это максимум, на что способно «феминистское» женское сознание в Советском Союзе.

Если бы, однако, по каким-либо причинам, за исключением военной опасности, коммунистическая партия отказалась от своих сегодняшних обещаний предоставить женщинам больше удобств, больше свободного времени и больше возможностей для карьеры, природа неудовлетворенности могла бы измениться. «Я верю, – писала Елизавета Дьяконова в 90-е годы XIX в., – что в будущем в России роль женщины будет интересна: в стране утвердится мысль о высшем образовании для женщин и явится целый ряд женщин, способных к участию в управлении страною. Но вдруг, после будущих исторических событий мы будем вновь уничтожены отнятием у нас этого драгоценного права, неужели мы сдадимся без борьбы? Нет! Нет, товарищи! Если мне жизнь поставит veto на работу, пусть останется этот дневник и послужит памятником моего самосознания»[2].

3. Природа освобождения

Чем же большевистское освобождение женщин отличалось от того, что обычно на Западе называется «эмансипацией» женщин? Во-первых, необходимые компоненты освобождения включают: высвобождение и мобилизацию энергии, талантов и

[1] Ware. Woman Power. P. 1.

[2] *Дьяконова Е.* Дневник Елизаветы Дьяконовой на высших женских курсах (1895–1899 г.). СПб., 1905. С. 289.

умений женской части населения отсталого общества, неиспользуемых и невостребованных до этого; использование сил женщин на общее благо, развитие у них чувства востребованности и институализация этого процесса путем законодательного закрепления сексуального, образовательного, экономического и политического равенства. Для реализации всех этих компонентов равенства, для полного использования женской рабочей силы и женского интеллектуального потенциала наиболее необходимы образовательное и экономическое равенство. Через ворота фабрик, школ и институтов женщины проходят бесконечным потоком, многое получая, но и много отдавая взамен; двери, ведущие в коридоры власти теоретически открыты для все женщин, но практически открываются только для их незначительного меньшинства. В основе этого порядка лежит миф о советской жизни, который учит: женщины равны мужчинам по способностям и возможностям.

Высвобождение сил, обычно называемое историками «карьера, открытая для таланта», была центральной идеей европейского феминизма, который появился на свет в то время, когда лишь немногие были убеждены, что конституционализм, представительное правление и демократия станут возможны в недалеком будущем. В таких странах, как Россия, феминизм, борющийся за образование и равные возможности (сначала для некоторых, но в итоге – для всех), десятилетиями развивался в атмосфере, где легальная политическая деятельность была не более чем мечтой. Было вполне естественно, что ранние феминистки в окружении огромного количества лишенных права голоса граждан мужского и женского пола вначале стремились устранить препятствия для профессиональной карьеры и полной реализации женщин как человеческих личностей. Медицинские и юридические реформы были средством для достижения этой основной цели. С развитием суфражизма в конце XIX в., поскольку мужчины продолжали создавать препятствия на пути равенства в профессиональной сфере, женщины естественным образом сконцентрировали свои усилия на завоевании права голоса, хотя это и рассматривалось многими как обходной метод для решения их основных задач. На рубеже веков очарование суфражизма затмило все остальные цели, и основная масса феминистской энергии была направлена в суфражистское движение. Движение превратилось в настоящий крестовый поход, который, как горячо верили в то время, наконец-то даст женщине человеческие права. Завоевание западными феминистками права голоса оказалось эфемерной победой. Оно не принесло замет-

ных выгод для женщин в профессиональной сфере или в получении образования и даже не имело большого значения для достижения законодательного и сексуального равенства. И так как повсюду на Западе женское движение было расколото на сильное буржуазное феминистское движение и более слабое пролетарское женское движение, что впоследствии еще более усугубилось появлением в его рамках этнических и религиозных групп, продолжающиеся усилия по продвижению женщин в публичную сферу на основе равноправия зачастую были растрачены впустую в топтании на одном месте и взаимных перетензиях. Таким образом, лишенный единства, власти, поддержки мужчин, находящихся во власти, исключенный из политических программ, западный феминизм не смог достичь даже основной своей цели: открыть путь для реализации женских возможностей. Ни прямые действия, ни косвенное воздействие через избирательную систему не смогли привести к этому. Великобритания и Соединенные Штаты, безусловно, самые худшие примеры в этом отношении, оставались таким же миром мужчин в 1960-х гг. XIX в., как и в те времена, когда протестующие суфражистки подвергались насильственному кормлению.

В основном большевистское освобождение отличалось от западного опыта по двум позициям – оно происходило в отсталом обществе, и оно осуществлялось революционными силами. Кроме того, ему предшествовали теоретические размышления и социальные движения нескольких поколений. Идея преемственности между дореволюционными движениями и большевистским освобождением до сих пор не находит достаточного признания в скудной литературе по истории русского женского движения, намеренно игнорирующей деятельность феминисток вплоть до недавнего времени. Советские ученые прослеживают историю развития событий только до начала в 1913–1914 гг. женского пролетарского движения, в то время как просоветские западные исследователи, например Хэлл и Мэндел[1], предваряют свои исследования о советских женщинах ссылками на великих героинь народнического движения 70-х годов XIX в. Феминистки же едва упоминаются как часть этого процесса.

Однако именно феминисткам поколения 1860-х гг. и 1905 г., в большей степени, чем интеллигенции, принадлежит заслуга превращения женского вопроса в проблему огромной общественной значимости путем привлечения внимания к ее сложности, агитации в поддержку женского высшего образования и в конечном

[1] См. Главу XII, 1.

счете завоевания этого и других прав для женщин. Именно российские феминистки, а не Бебель, обозначили проблему, включив в нее такие явления, как например проституция, которые марксисты отказывались серьезно изучать до тех пор, пока послереволюционная ситуация не заставила их это сделать. В дореволюционном женском движении существовало три направления: либеральное феминистское движение, пролетарское женское движение и традиционное участие женщин в более широких революционных движениях. Каждое из них, время от времени сталкиваясь и конфликтуя друг с другом, внесло большой вклад в развитие женского сознания накануне революции и именно благодаря им сразу после ее свершения женское движение имело программу, зачатки организаций и популярность[1].

Большевистское освободительное движение также шло тремя иногда перекрывающими друг друга волнами, каждая из которых характеризовалась различным соотношением полов его участников. Первой была волна основных законодательных актов в 1917–1920 гг., которая раз и навсегда дала женщинам все гражданские, юридические и политические права. Эти декреты были подписаны в основном мужчинами, но их вдохновительницами были женщины, и эти отношения были символичными благодаря очень значимому и плодотворному сотрудничеству Гойхбарх–Коллонтай, Семашко–Лебедевой и Луначарского–Крупской. Вторая волна, исторически совпадающая со временем существования женотделов, является, пожалуй, самой интересной и важной в плане женского самоосвобождения и абсолютно отличной от западного опыта. Это были целенаправленные усилия сотен уже «освобожденных» женщин по включению их надежд и целей в основные цели пролетарского и крестьянского движений. Это была классическая социальная революция – процесс, а не событие; он не мог быть приведен в действие простой сменой власти, сфера деятельности которой ограничивалась центром и чьи усилия сводились к принятию декретов и законов, провозглашавших принципы равенства. Подлинная социальная революция в неразвитом обществе не заканчивается с перераспределением собственности и министерских портфелей; она является результатом мобилизации масс. Проще говоря, это означает формирование органов управления из числа людей с

---

[1] Поучительно сравнить здесь преемственность женского движения в России с 1860 по 1930 г. с характером женского революционного брожения во Франции в 1789, 1848 и 1871 гг. Истоки проблемы см.: *Abray J.* Feminism in the French Revolution // American Historical Review. 1975. LXXX. 1. P. 43–62.

четкими планами, навыками, охваченных революционной эйфорией; это означает обучение, раскачивание, привлечение на сторону революции неграмотных отсталых масс посредством основной составляющей любой радикальной пропаганды – убеждения в том, что революция должна свершаться ежедневно.

Массовое движение большевиков и большевичек в русскую деревню в первые годы революции, агитпоезда, организация изб-читален, литературных и оздоровительных кампаний не могут не напомнить тем, кто изучает русскую историю, предшествующее «хождение в народ» революционеров-народников. Но в XX в. безыскусные чаяния народников были подкреплены хорошо организованной партийной структурой, а на смену субъективной индивидуальности первых романтиков пришла жесткая объективность политической власти. Женотделы, сочетая свой революционный мессианский пыл с современными механизмами политической и социальной мобилизации, смог заложить основы для первого в истории подлинного социального освобождения женщин. «Процесс эмансипации, происходящий в настоящее время в России, – писала в 1932 г. Фанина Хэлл, – отличается от всех предшествующих в обозримой истории человечества тем, что он осуществляется в соответствии с планом и в беспрецедентных масштабах. И хотя в ходе исторического развития этот процесс может быть свернут, один результат уже достигнут: гуманизация женщины»[1].

Первой волной этого движения, зачастую без поддержки мужчин, руководили сами женщины. Однако следующая волна женского движения в значительной степени утратила импульс самостоятельности, и практически все решения в отношении женщин уже принимались мужчинами. В конце 1920-х гг. начался процесс индустриализации, продолжавшийся в течение последующего десятилетия. При знакомстве с источниками и свидетельствами того периода трудно не прийти к выводу, что несмотря на достижения женотделов, самые большие победы в обретении новых возможностей – полная занятость и позитивные действия были достигнуты во время первой пятилетки и особенно – после ликвидации женотделов на подъеме индустриализации. Борьба женщин за равные возможности в профессиональной деятельности соответствовала потребностям режима – потребностям в физическом и интеллектуальном труде всего населения. Это обстоятельство позволяет говорить о том, что советскому режиму было присуще манипулирование масса-

[1] *Halle F.* Woman in Soviet Russia. P. ix.

ми, что привело к осуществлению целого ряда регрессивных мероприятий в последнее десятилетие сталинской эпохи. В целом направление освобождения женщин в советской России определялось совпадением некоторых женских интересов с интересами мужской правящей элиты, иначе говоря, совпадением принципов гуманистической идеологии с требованиями быстро развивающейся экономики[1].

Если рассматривать советский опыт как историческую или социальную модель женского освобождения, пригодную для других стран, ее методология и ее результаты следует рассматривать как два отдельных, хотя и не всегда разделимых, компонента этой модели. В развитых обществах, в которых не наблюдается никаких серьезных признаков марксистско-ленинского или маоистского движений, иначе говоря, на Западе, больше интереса проявляется не к процессу освобождения или его революционному характеру, а к его результатам. Эти общества склонны находить больше точек соприкосновения с первой (законодательной) волной, чем со второй (мобилизационной) или третьей (индустриализационной). Западные феминистки стремятся оценить советский опыт, как позитивный, так и негативный, по его результатам в сферах работы и учебы; в обеспечении равенства в получении образования и, доступа к профессиям, в последовательном культивированном уважении к женщине; по его программам охраны материнства работающих женщин, по его широкими мероприятиям в здравоохранении и социальном обслуживании, в создании сети яслей и детских садов, по участию мужчин в домашней работе и по следствию этих реформ – изменению сексуальных отношений; наконец, в контексте своих собственных обществ, они захотят проверить, как все эти нововведения обеспечивают постепенное продвижение женщин на ответственные и властные посты сначала в частных структурах общества, а затем – в государственных.

Национальные освободительные движения в развивающихся странах, возможно, проявят больше интереса к роли женщин в революционных действиях, к их организаторским и боевым способностям, к использованию женских кадров для мобилизации масс женщин в поддержку программ национального и социального освобождения, к их роли после революции в вовлечении отсталых элементов общества (женщин и крестьян) в процесс модернизации и, наконец, к профессиональной ценности женщин,

---

[1] Самую удачную трактовку этой проблемы см.: *Lapidus G.* Women in Soviet Society. Berkeley, 1977.

когда придет время индустриализации. И действительно примеры такого привлечения женщин, независимо от того осознанно или неосознанно они заимствуются из так называемой марксистско-ленинской модели, в изобилии встречаются у развивающихся и освобождающихся наций в последние десятилетия даже там, где примитивная экономика и религиозная специфика не позволяют этой модели эффективно себя проявить[1].

Будем надеяться, что мужчины и женщины, перестраивающие отношения между полами, чтобы обеспечить женщинам более содержательное существование и в результате более здоровые условия жизни для обоих полов, найдут много поучительного в истории борьбы русских женщин за место в обществе, достойное их огромного созидательного потенциала. Заимствование стилей, методов борьбы и лозунгов, разработанных в столь специфическом культурном пространстве, как Россия, весьма рискованное дело. Вместе с тем вполне очевидно, что местные Фигнер, Коллонтай или женотделовки необходимы для успешного освободительного движения, революционного или иного в любом обществе. Тем не менее в богатой и яркой истории российских женских движений и в их конечной судьбе содержится колоссальный опыт, который многое может рассказать о природе общественных движений, причем существовавших не только в прошлом России, но и в современном мире в других странах. Однако подобные аналогии следует проводить весьма осторожно. Более важно, что революционная роль женщин в российской жизни с ее недостатками и блестящими достижениями может послужить уроком для женщин и мужчин грядущих времен.

---

[1] Исследований, посвященных сравнительному анализу роли женщин в революциях XX в., очень мало. Отдельные аспекты этой проблемы см.: Women in Chinese Society / Ed. by M.Wolf, R.Wilke. Stanford, 1975; Women in China. Ann Arbor, 1973; *Yang C.K.* Chinese Communist Society: the Family and the Village. Cambridge, Mass., 1959; *Sidel R.* Women and Child Care in China. Baltimore, 1973; *Marr D.* The 1920's Women's Rights Debate in Vietnam // Journal of Asian Studies. 1976. XXV. 3. P. 371–389; Women of Vietnam. Hanoi, 1966; *Bergman A.* Women of Vietnam. San Francisco, 1974; *Randall M.* Cuban Women Now. Toronto, 1974; *Castro F., Jeness L.* Women and the Cuban Revolution. N.Y., 1970; *Pursell S.* Modernizing Women for Modern Society: the Cuban Case // Female and Male in Latin America / Ed. by Pescatello. Pittsburg, 1973; *Tomasevich J.* Yugoslavia During the Second World War // Contemporary Yugoslavia / Ed. by W.Vucinich. Berkeley, 1969. P. 59–118; *Denich B.S.* Urbanization and Women's Roles in Yugoslavia // Anthropological Quarterly. 1976. 49. P. 11–19; *Idem.* Sex and Power in the Balkans // Women, Culture, and Society. Stanford, 1974. P. 243–262.

Послесловие к изданию 1990 г.

После публикации монографии в 1978 г. в свет вышло около тридцати книг, касавшихся различных аспектов жизни российских женщин, на английском языке, шесть – на русском и примерно столько же – на других европейских языках, не считая научных статей и диссертаций. История русских женщин является активно развивающейся областью историографии. Бум начался еще до выхода в свет первого издания этой книги. Но мой интерес к данной теме, хотя по счастью и совпал с возрождением женского движения на Западе, возник раньше бума. В конце 50-х годов, занимаясь изучением истории Европы, меня увлекла проблема сексуального равноправия в трудах французских социалистов-утопистов начала XIX в. В Гарварде, где я обратился к русской истории, тема русского феминизма возникла как бы сама собой, и я избрал ее предметом для своей диссертации. Большинство моих коллег, занимавшихся историей русских женщин, пришли к этой теме через своего рода феминистское сознание, что придавало гендерному анализу, содержащемуся в их работах (в отличие от моих), некоторую утонченность. Однако, если я не ошибаюсь, все мы горели желанием посредством социальных и культурологических исследований наделить российскую историю человечностью и сделать ее понятной. В послесловии я бы хотел остановиться на недавних исследованиях, а затем обсудить нынешнее состояние дел.

Уже беглый взгляд на появившуюся после 1978 г. научную литературу говорит, как широко женская проблематика стала разрабатываться. Большинство новейших работ написаны американцами. Советские исследователи не столь оперативно откликнулись на злобу дня, однако в настоящее время и в России наблюдается заметный рост интереса к женской истории. Коллектив американских историков готовит публикацию сборника статей по русской истории со времен Киевской Руси до советского

времени[1]. Среди его многочисленных достоинств отметим то, что несколько статей посвящено жизни женщин в допетровской России – в период, до сих пор совершенно игнорировавшийся историками. Для воссоздания полной картины семейной жизни, сексуальности и обрядов в древней Руси Наталья Пушкарева – единственный советский автор – смогла объединить отрывочные свидетельства летописей и законодательных актов с данными этнографии и фольклора[2]. В исследовании Евы Левин, посвященном проблемам деторождения в средневековой Руси, показывается, как медицина и религия, объединив свои усилия, создали систему, которая, несмотря на все свои недостатки, действительно защищала женщин. Кроме того, Левин вновь убедительно подтвердила патологическую враждебность православного духовенства в отношении сексуальности и самой прокреации– враждебность, которая на протяжении всей российской истории постоянно всплывала на поверхность, принимая самые причудливые формы[3] . Традиционная картина повседневной жизни в средневековой Руси, основанная на анализе «Домостроя», трансформируется в статьях Дэниела Кайзера и Нэнси Коллман, благодаря тому, что они исследуют проблему подавления женской личности в Московском государстве на данных новых источников о праве наследования и владения имуществом, о юридическом статусе женщин и об общем отношении к женской добродетели[4].

---

[1] Выражаю благодарность Линде Эдмондсон за предоставленные для написания данного очерка источники. Russia's Women: Accommodation, Resistance, Transformation / Ed. by B.Clements, B.Engel, C.Worobec. Berkley, 1991. Книга явилась результатом проведенной в 1988 г. в Эйкроне (штат Огайо) конференции «Женщины в истории Российской империи», организованной редакторами сборника. Я также благодарен Барбаре Энгел за предоставленные мне доклады данной конференции. Последнее научное издание по данной теме касается главным образом советского периода: Women in Russia / Ed. by D.Atkinson, A.Dallin, G.Lapidus. Stanford, 1977.

[2] Women in the Medieval Russian Family of the Tenth through the Fifteenth Centuries // Russia's Women: Accommodation, Resistance, Transformation. В последней монографии Н.Пушкаревой рассматриваются и многие другие вопросы, а также содержатся первые аналитические портреты «выдающихся женщин» от святой Ольги до Марфы Борецкой из Новгорода См.: *Пушкарева Н.* Женщины древней Руси. М., 1989.

[3] *Levin E.* Childbirth in Pre-Petrine Russia: Canon Law and Popular Traditions // Russia's Women: Accommodation, Resistance, Transformation; *Levin E.* Sex and Society in the World of the Orthodox Slavs. Ithaca, 1989. См. также: *Hubbs J.* Mother Russia. Bloomington, 1988.

[4] *Kollman N.* Women's Honor in Early Modern Russia // Russia's Women: Accommodation, Resistance, Transformation. Дэниел Кайзер в настоящее время завершает написание монографии, посвященной русской семье в Новое время.

Несмотря на то, что в XVIII в. происходила радикальная трансформация культуры высших сословий, этот период все еще недостаточно изучен. По-прежнему больше внимания привлекает эпоха, предшествовавшая краху империи, – 1801–1917 гг. В 1988 г. на английском языке вышли сразу два перевода книги Надежды Дуровой (1783–1866) «Записки кавалерист-девицы», которые познакомили нас с жизнью известной женщины первой половины XIX в., до сегодняшнего дня фактически неизвестной в Советском Союзе и за его пределами, и чьи приключения в русской армии проливают свет на гендерные отношения той эпохи[1]. В ряде новых работ предприняты попытки рассмотреть зарождение в России женского вопроса. Первой за последние 50 лет серьезной советской работой по данной проблеме явилась монография Григория Тишкина. Привлекая широкий круг источников, включая архивные, он добавляет новые штрихи к юридическому статусу русских женщин и истории их борьбы за образование в период Великих реформ. В отличие от американских авторов Тишкин мало симпатизирует феминисткам, не принадлежавшим к радикальному течению, однако он объективно оценивает западную литературу по этой теме. Его тщательно выполненное исследование представляет весь спектр проблем, существовавших в феминизме тех лет[2].

Проблема женского высшего образования была рассмотрена в небольших работах, посвященных университетам и медицине[3]. В работе А.Коблиц о Софье Ковалевской с большим искусством описывается, как сочетание любви к науке, личной свободы и стремления к социальной справедливости приводили женщин в классную комнату, освободительное движение или и в то, и другое[4]. Проблема выбора между «дипломом и революцией» исследуется в книге Элеоноры Павлюченко[5]. Автор впервые в советской историографии попыталась охватить в рамках одной книги всю историю участия женщин в общественной борьбе (за права, образование и переустройство государства) от восстания декабристов до конца 1880-х гг. и краха народничества. В целом это серьезное, богатое конкретными наблюдениями, прекрасно

---

[1] Cavalry Maiden: Journals of a Russian Officer in the Napoleonic Wars. Bloomington, 1988; Cavalry Maid: The Memoirs of a Woman Soldier of 1812. Ann Arbor, 1988.

[2] *Тишкин Г.А.* Женский вопрос в России в 50–60-е годы XIX века. Л., 1984.

[3] *Johanson C.* Women's Struggle for Higher Education in Russia, 1855–1900. Montreal, 1987; *Tuve J.* The First Russian Women Physicians. Newtonville, 1984.

[4] *Koblitz A.* A Convergence of Lives: Sofia Kovalevskaia. Boston, 1983.

[5] *Павлюченко Э.* Женщины в русском освободительном движении: от Марии Волконской до Веры Фигнер. М., 1988.

иллюстрированное исследование, хотя оно и страдает некоторой узостью в постановке проблемы и не учитывает западные исследования. В отличие от предыдущих советских историков Павлюченко большее внимание уделяет традиционным феминисткам, но ее основной интерес – радикальная традиция, что отражено в самом названии книги: «Женщины в русском освободительном движении: от Марии Волконской до Веры Фигнер». Новаторство книги состоит в том, что автор чаще цитирует семиотика Юрия Лотмана, чем Ленина.

Из четырех западных работ по той же проблематике наиболее серьезным и оригинальным представляется исследование Барбары Энгел «Матери и дочери»[1]. Значительно лучше, чем другие (включая и исследование Павлюченко), оно очерчивает связь между «личным и политическим», проливая свет на гендерное измерение женского радикализма с необычной точки зрения. Советские историки, если они хотят избежать провинциализма, по-прежнему присутствующего в их работах, должны будут считаться с книгой Б.Энгел или по крайней мере спорить с ней. Историография этого и более позднего периода истории женского освободительного движения обогатилась биографиями Веры Засулич и Александры Коллонтай (кроме того, планируется переиздать воспоминания Веры Фигнер). Не так давно появился и ряд новых изданий романаЧернышевского «Что делать?», который является основополагающим документом по истории женского вопроса в России[2].

Исключительный интерес для истории борьбы за женское равноправие представляет анализ Уильяма Вагнера реформы семейного законодательства, особенно по облегчению процедуры развода и наделению женщин правом владения собственностью, за которую боролись юристы XIX в.[3] Автор убедительно доказы-

[1] *Engel B.* Mothers and Daughters. Cambridge, 1983; *Broido V.* Apostles into Terrorists: Women and the Revolutionary Movement in the Russia of Alexander II. N.Y., 1977; *Porter C.* Fathers and Daughters. London, 1980; *Schmieding W.* Aufstand der Töchter: russische Revolutionärinnen in 19. Jahrhundert. Frankfurt, 1981.

[2] *Bergman J.* Vera Zasulich: A Biography. Stanford, 1983; *Clements B.* Bolshevik Feminist: The Life of Alexandra Kollontai. Bloomington, 1979; *Farnsworth B.* Aleksandra Kollontai: Socialism, Feminism, and the Bolshevik Revolution. Stanford, 1980; *Porte C.* Alexandra Kollontai. London, 1980. Воспоминания Веры Фигнер были переизданы в издательстве Иллинойского университета. Рецензии на перевод «Что делать?» см.: Slavic Review. 1987. Spring 46. № 1. Великолепный анализ романа см.: *Andrew J.* Women in Russian Literature, 1780–1863. London, 1988.

[3] *Wagner W.* The Trojan Mare: Women's Rights and Civil Rights in Late Imperial Russia // Civil Rights in Imperial Russia / Ed. by O.Crisp, L.Edmondson. Oxford, 1989. P. 65–84.

вает, что юристами руководили не только профеминистские настроения, но и желание пробить дорогу к дальнейшей реформе законодательства, расширить сферу влияния закона за счет патримониального государства, а также желание разработать проект «гуманной семьи» в качестве модели для всех общественных слоев. Понятие эгалитарной семьи, возникшее среди интеллигенции, было полностью отторгнуто государственными деятелями в 1930-х годах. Возрождение этого понятия является одной из основных целей вновь возникшего феминистского движения.

Нельзя сказать, что историки игнорировали художественную литературу как источник по реконструкции эмоционального и духовного мира, однако они (в том числе и я сам) больше основывались на образах мужской литературы (например, на образе «сильной женщины»), чем на тех, которые содержались в произведениях писательниц. Это упущение пытается исправить новая волна феминистской критики, которая дешифрует художественные и нехудожественные произведения женщин XIX в., чтобы выяснить, что эти женщины, по крайней мере образованные, думали о гендере, политике и своей повседневной жизни. Пионером в этой области исследований является Барбара Хелдт; ее работы предлагают проникновенный взгляд на женскую психологию сквозь призму художественной литературы и мемуаров[1]. Такой подход существенно обновляет наши представления о женской личности XIX в., создает картину бесконечного разнообразия общественной и частной жизни женщин, принадлежавших к различным классам и находившихся в различных обстоятельствах.

Изучение последних лет существования Российской империи сопровождается бурным развитием городской и социальной истории, за которым последовало повышение интереса к культурной истории. В 1978 г. увидел свет сборник «Семья в имперской России» под редакцией Дэвида Рансела. Его авторы рассматривают российскую семью под разным углом зрения. В главе «Женщины России» Рансел, уделяя повышенное внимание сравнительному анализу, показывает причины высокого уровня смертности детей в русских семьях, живших в Поволжье. Тщательную подборку документов, касающихся крестьянской семьи, можно найти в работе Кристины Воробек. Автор изменяет традиционное представление о крестьянской бабе как исключительно домо-

---

[1] *Heldt B.* Terrible Perfection: Women and Russian Literature. Bloomington, 1987. См. также: *Rosenholm A.* Auf den Spuren des Vergessens: zur Rezeptionsgeschichte der russischen Schriftstellerin N. D. Chvoščinskaja // Studia slavica finlandensia. Helsinki, 1989; *Bjerkeng M.* Kvinnen i russisk litteratur. Oslo, 1979.

хозяйке и работнице, показывая вместо этого широкий спектр ролей, которые играла крестьянка в семье, сельском хозяйстве, деревенском ремесле, домохозяйстве, на фабрике, в деревенской медицине и даже в проституции[1]. Образец изучения трудящейся женщины дает исследование Розы Гликман, посвященное женскому пролетариату[2] . Книга освещает каждодневную жизнь работниц на фабрике и дома, разрушает миф о равноправии «женской половины пролетариата» в социалистической борьбе, а также вскрывает некоторые недочеты в процессе освобождения женщины с самого начала советской власти.

Первый полноценный анализ дореволюционной российской проституции принадлежит Лоре Бернштейн, которая рассматривает в тесной связи проблемы публичных домов, здоровья общества, низкой эффективности бюрократии, государственного контроля и инспектирования проституток, а также усилия общества (в том числе феминисток), направленные на упразднение врачебно-полицейского надзора и запрет проституции[3]. В настоящее время Лора Энгельштейн осуществляет новаторское исследование сексуальности в дореволюционной России[4]. Энгельштейн расширила словарь российской социальной истории, включив в него понятие «гендер», которое она проанализировала в свете профессионализации, модернизации, элитарности, санитарного контроля, юриспруденции, культурных настроений и особенно в свете тех сексуально-культурно-классовых недомоганий, которые завладели либеральной и радикальной интеллигенцией России после революции 1905 г. Краткое перечисление проблем, поднятых в ее работе – аборты, изнасилования, проституция, гомосексуализм, мастурбация, девиантность, не может отразить той степени исторического воображения, богатства и строгости

[1] The Family in Imperial Russia: New Lines of Historical Research / Ed. by D.Ransel. Urbana, 1978; *Ransel D.* Infant – Care Cultures in the Russian Empire // Russia's Women: Accommodation, Resistance, Transformation.

[2] *Glickman R.* The Russian Factory Woman: Workplace and Society, 1880–1914. Berkeley, 1984.

[3] *Bernstein L.* Sonia's Daughters: Prostitution and Society in Russia. Berkeley, 1987. См. также: *Stites R.* Prostitute and Society in Pre-Revolutionary Russia // Jahrbcher für Geschichte Osteuropas. 1984. Spring. 1. P. 348–364.

[4] *Engelstein L.* Morality and the Wooden Spoon: Russian Doctors View Syphilis, Social Class, and Sexual Behavior, 1890–1905 // The Making of the Modern Body: Sexuality and Society in the Nineteenth Century / Ed. by C.Gallagher, T.Laqueur. Berkeley, 1987. Gender and the Juridical Subject: Prostitution and Rape in Nineteenth-Century Russian Criminal Codes // Journal of Modern History. 1988. Sept. № 3. Abortion and the Civic Order: The Legal and Medical Debates // Russia's Women: Accommodation, Resistance, Transformation.

анализа, которые она привнесла в свое исследование. Она разрушает стереотипы, показывая, что многие женщины, как например жертвы изнасилований, нарушители сексуальной морали и проститутки, находились под строгим контролем полиции и были юридически отчуждены от остального общества, а другие, например крестьянки, были мифологизированы как образцы добродетели. Столь же важным представляется и анализ мужчин. Работа Энгельштейн изменяет наши представления о классах, законах и обществе старой России.

Картину участия женщин в организациях и движениях в последние два десятилетия существования монархии, дополнили три автора. Классической работой считается исследование феминистского движения Линды Эдмондсон. Она в деталях показала, как в действительности работали женские организации, чем они отличались от европейских и американских, как женское движение относилось к более широкой постановке вопроса о гражданских правах. Ее объяснение того, почему мужчины столь долго поддерживали женщин и их требования равноправия – мужская солидарность была обусловлена недостатком гражданских прав у мужчин – помогает объяснить отношения между советскими мужчинами и женщинами в общественной сфере, но недостаточно для понимания их взаимоотношения в частной жизни[1].

Обстоятельное исследование Б.Фиселер, посвященное социал-демократкам – радикалкам и марксисткам (как большевичкам, так и меньшевичкам), является здоровым противоядием против недавней волны разнузданной враждебности советских людей по отношению к революционному движению. Автор убедительно показывает стремление этих женщин к высоким идеалам и их искреннюю преданность революционному делу. Они не являлись ни лидерами, ни теоретиками, но именно они поддерживали дух товарищества и сохранили освободительное движение в подпольных условиях его существования. Их страстное стремление к личному освобождению и социальной справедливости связывает их с радикалками 1860–1870-х гг. Подобно последним они также зачитывались романом Н.Чернышевского «Что делать?», считая его не просто феминистским трактатом, но свидетельством их силы воли, освобождения и утопического видения. С другой стороны, разделение труда по половому признаку в марксистских партиях несомненно предопределило второстепенное положение большевичек после революции 1917 г., а снижение числа женщин в движении после 1905 г., когда оно в большей степени стало пропролетар-

[1] *Edmondson L.* Feminism in Russia, 1900–1917. London, 1984.

ским, явилось предвестником того, что призошло в советском обществе в 1930-е годы[1].

Работа Бренды Михэн-Уотерс, посвященная женским религиозным обществам, представляет малоизученное направление в женской истории[2]. Вполне понятно, что этот аспект женской деятельности появился на волне общего возрождения интереса к русской религиозной истории. Ее исследование способствует расширению слишком политизированного (что значит прежде всего радикального) взгляда в нашей литературе на рассматриваемый период; оно поможет также объяснить многим удивленным наблюдателям современной российской жизни, почему произошло столь необычайное возрождение религиозной и благочестивой жизни среди женщин во второй половине 1980-х гг. Михэн-Уотерс ясно показывает, что религиозно настроенные женщины, так же как и революционерки не только поддерживались в своей благочестивой деятельности священниками, но имели собственных героинь и свои возвышенные идеалы.

Что касается истории советского периода, то мы не встречаем здесь такого же всплеска научной активности, которая наблюдалась в историографии дореволюционной России. По-прежнему лучшим образом женской истории 1917–1978 гг. остается работа Г.Лапидуса[3]. Из недавних многочисленных исследований, посвященных революции 1917 г., работа С.А.Смита о Петрограде содержит наиболее глубокий анализ как роли женщин в революционных событиях, так и условий их жизни. Барбара Клементс изучает большевистских революционеров, а Беатрис Фарнсворт – крестьянок в ранний период Советского государства[4]. Самой обширной работой, которую я читал, была диссертация Уэнди Голдмана о российской семье в первые два десятилетия советской власти [5]. Глава диссертации об аборте

---

1 *Fieseler B.* The Making of Russian Female Social Democrats, 1890–1917 // International Review of Social History. 1989. № 2. P. 193–226.

2 *Meehan-Waters B.* Popular Piety, Local Initiative, and the Founding of Women's Religious Communities in Russia, 1764–1917 // St. Vladimir Theological Quarterly. 1986. № 2. P. 117–141.

3 *Lapidus G.* Women and Soviet Society. Berkeley, 1979. См. также сборник статей: Women, Work, and Family in the Soviet Union / Ed. by G.Lapidus. Armonk, 1982.

4 *Smith S.A.* Red Petrograd: Revolution in the Factories, 1917–1918. Cambridge, 1983. Bolshevik Culture: Experiment and Order in the Russian Revolution / Ed. by A.Gleason. Bloomington, 1985.

5 *Goldman W.* The «Withering-Away» and the Resurrection of the Soviet Family, 1917–1936. Ph. D. diss. University of Pennsylvania, 1986. См. также: Women, abortion, and the State, 1917–1936 // Russia's Women: Accommodation, Resistance, Transformation.

вошла как статья в упомянутой выше сборник «Женщины России». Из ее многочисленных достоинств отметим описание самой операции аборта, анализ значения абортов и той роли, которая приписывалась разводу, фактическому браку, подкидыванию детей, политике, в области усыновления, бездомным детям в явном «кризисе» семьи, наблюдавшемся в конце 1920 – начале 1930-х гг.; раскрытие сути той войны, которую вели между собой врачи, стремившиеся и противодействовавшие установлению контроля над абортами; объяснение поведения крестьянки, которая сопротивлялась вторжению современной медицины и государства в ее жизнь; анализ и функции «удовольствия» в семье, разработанной в сталинские времена (1930-е гг.), – теме, имеющей много культурных аспектов. Следует также отметить и статью Элизабет Уотерс, посвященную иконографии женщин в революции[1].

Едва ли стоит удивляться, что роль, сыгранная советскими женщинами во Второй мировой войне, была проигнорирована, так как серьезное всестороннее исследование социального, экономического и культурного опыта этой войны, только началось. Это один из тех многочисленных случаев, когда массовая культура затмевает реальность. Тысячи советских женщин сражались на фронте, но этот факт лишь слегка освещен в драматическом искусстве, кинематографе, музыке, литературе или искусстве плаката[2]. Хотя и верно то, что женщины не играли на фронте главную роль и в большинстве своем оставались в тылу, все произведения искусства перерабатывали именно эту тему (стоит вспомнить, к примеру, популярное стихотворение Константина Симонова, ставшее песней, «Жди меня»). Читая первые исследования о русских женщинах в Первую мировую войну Альфреда Мейера, я открыл для себя, что война в огромной степени изменила их жизнь и что именно в это время происходили значительные изменения в гендерных ролях[3]. Думаю, что то же самое, но только в еще больших масштабах, произошло и во Вторую мировую войну. Это именно тот случай, когда сочетание гендерного анализа, социальной истории и культурологического подхода может показать, что война принесла в жизнь и благодаря этому выйти за рамки ностальгического пиетета.

---

[1] *Waters E.* The Female Form in Soviet Political Iconography, 1917–1932 // Russia's Women: Accommodation, Resistance, Transformation.

[2] *Griesse A., Stites R.* Russia: War and Revolution // Female Soldiers / Ed. by N.Goldman. Westport, 1982. P. 61–84.

[3] *Meyer A.G.* The Impact of World War I on Russian Women's Lives // Russia's Women: Accommodation, Resistance, Transformation.

Российские историки мало сделали в изучении советской истории второй половины XX в., отдав этот период на откуп политологам и социологам. В области женской истории пока тоже не появилось никаких крупных работ, за исключением политологических анализов[1] и журналистских очерков[2]. Имеющиеся работы, рассматривающие период с 1945 или 1953 г. до настоящего времени, рисуют картину неполного равенства полов или несостоявшейся революции – ялений, хорошо известных. Несмотря на существовавшее в революционные годы (1917–1930) неравенство, часть интеллигенции продолжала верить и действовать в направлении будущего освобождения женщин. Однако и сама интеллигенция, и ее идеи были разрушены в результате сталинского переустройства государства и общества, которое к тому же привело в административные и политические структуры в массовом количестве представителей низших классов. Они принесли с собой патриархальные ценности и жесткую систему гендерных ролей, что, усугубленное трудовой мобилизацией, вытолкнуло женщин в сферу наемного труда. С тех пор советские женщины стали страдать от двойной нагрузки (работа и семья), от вертикальной и горизонтальной сегрегации и от целого комплекса социальных болезней, которые сильно по ним ударили. Ни одно новое направление в историографии, появившееся в последние 30–40 лет, не в состоянии изменить картину прошлого, но оно может раскрыть некоторые новые аспекты женской жизни и творчества, до сих пор в литературе не освещенные[3].

Что же происходит в эпоху М.Горбачева? Любой ответ на этот вопрос несомненно вскоре устареет. Превосходный анализ основных политических изменений, имевших место с 1985 г., содержится в работе Мери Бакли[4]. Во-первых, происходило беспрецедентное общественное обсуждение таких щекотливых вопросов, как контрацепция, аборты, проституция, детская смертность и секс. Горбачев, хотя и не был феминистом (в 1987 г. он высказал мнение о семье как естественном месте для женщины), способствовал продолжению дискуссий, провозгласив эпоху

---

[1] *Buckley M.* Women and Ideology in the Soviet Union. N.Y., 1989.

[2] Moscow Women / Ed. by C.Hansson, K.Liden. N.Y., 1983.

[3] О женщинах накануне перестройки см.: Soviet Sisterhood / Ed. by B.Holland. Bloomington, 1985. Новый аспект женской истории открыт в работе: *Bridger S.* Women in the Soviet Countryside: Women's Roles in Rural Development in the Soviet Union. Cambridge, 1988. О положении женщин в странах Восточной Европы, или Советского блока, см.: Women, State, and Party in Eastern Europe / Ed. by Charon Wolchik, Alfred G.Meger. Durham, 1985.

[4] *Buckley M.* Women and Ideology in the Soviet Union. N.Y., 1989.

гласности. Он развенчал старый коммунистический миф, заявив на одном из партийных собраний в 1988 г., что «женский вопрос» еще *не решен* и что женщинам не предоставлено полное равноправие с мужчинами. Он также стремился к тому, чтобы хоть немного повысить уровень представительства женщин в политическом руководстве. При всех своих недостатках Горбачев в большей степени, чем другие советские лидеры начиная с Ленина, повлиял на решение этого вопроса.

Появились некоторые признаки политического пробуждения женщин. В январе 1987 г. (почти через 80 лет после Первого женского съезда в 1908 г. и почти через 60 лет после последнего крупного заседания женотдела в конце 1920-х гг.) была созвана Всесоюзная конференция женщин. Конференция не привела к возникновению независимого феминистского движения; она скорее предоставила трибуну для жалоб и дискуссий, но это является важным шагом на пути к любому переустройству. Хотя некоторые женщины и говорили о необходимости «перевоспитания» мужчин (что в советских условиях зачастую означало просто их воспитание, а не обращение их в феминистов), основными темами на конференции были реформы в отношении женщин. Наиболее решительным было выступление Зои Пуховой (1936 г.р.) – бывшей ткачихи и директора фабрики. Она ратовала за то, чтобы оставить женщин в сфере экономики и общественного производства, а не отправлять их назад в семьи, так как это, по ее мнению, снизит их ценность как личности. Предложенное ею решение женского вопроса было банальным и невыразительным – предоставить мужчинам возможность играть в домашнем хозяйстве и семье более значительную роль. Сразу же после конференции Пухова сменила Валентину Терешкову на посту руководительницы Комитета советских женщин и продемонстрировала яркие способности лидера. В 1986 г. Горбачевым были возрождены женсоветы, находившиеся подобно Комитету женщин в многолетней спячке, которые стали проводить организационные собрания, агитационные и информационные встречи. Несмотря на слабость и неполноценность женсоветы проявляли признаки жизни и деятельности. Так, одна из руководительниц Ленинградского женсовета отметила, что уровень женского политического представительства снизился, хотя большинство трудоспособного населения страны составляют женщины[1].

---

[1] *Browning G.* Women and Politics in the USSR: Consciousness Raising and Soviet Women's Groups. N.Y., 1987.

Все эти проблемы, поставленные на конференции, не были новыми, однако проявившееся там столкновение интересов, отразило происходящее во всем обществе. Многие мужчины и женщины просто отвергали идею политизации гендерной проблемы, не сознавая, что она всегда была проблемой политической. Некоторые женщины явно хотели иметь возможность уволиться с работы и находиться дома, покупая модную одежду, быть или оставаться «женственными» (в их понимании). Это стремление не соответствовало не только марксистским установкам, но и феминистским, которые рассматривали дом как тюрьму. Русские православные женщины являются социальной опорой мощного религиозного подъема, происходящего в настоящее время в стране; однако некоторые активистки, желающие помочь своим сестрам в Средней Азии, считают, что атеизм – это лучший способ борьбы с мусульманской «отсталостью». Недавнее проведение «конкурсов красоты» ужаснуло русских консервативных националистов, неосталинистов, либералов и радикальных реформаторов; однако они не в ладах друг с другом и по всем другим вопросам. Перечень конфликтующих интересов и настроений бесконечен, так как это характерно для любого гражданского общества.

Во времена существования «старой» Государственной думы (1906– 1914) одной из проблем, которая возбудила общественный интерес и помогла привлечь внимание к женскому вопросу, была проституция. То же самое, кажется, происходит и сейчас. Как никакая другая гендерная проблема, проституция освещается в средствах массовой информации и попкультуре. Ни домашняя жизнь, ни одиночество незамужних женщин, ни профессиональные конфликты не стали столь скандальными при их общественном обсуждении, как проституция. Конечно, в этой профессии, в особенности, если речь идет об иностранных клиентах в гостиницах или иностранных рабочих и туристах, нет ничего нового, однако эта проблема скрывалась от общества. Резкий подъем социологических исследований о женщинах привел к появлению множества статей, свидетельствовавших о том, что ряды проституток пополняются не за счет девушек из низших и беднейших слоев общества, а за счет представительниц среднего слоя, студенток, старшеклассниц и даже дочерей привилегированных чиновников[1]. В основе этой «социальной патологии» лежат неразвитые трудовые отношения, относительная нестабиль-

---

[1] Например, см.: *Габиани А.А., Мануильский М.А.* Цена «любви» (обследование проституток в Грузии) // Социологические исследования. 1987. Ноябрь–дек. С. 61–68.

ность экономики, а также появление дорогих товаров и модно одетых людей (в особенности иностранцев) на улицах городов и по телевидению. В 1988 г. по телевидению был показан документальный фильм «Группа риска» с потенциальной аудиторией зрителей в 90 миллионов[1]. Во время беспрецедентного интервью с проститутками одна из них сказала, что ей нет нужды работать на фабрике за 150 рублей в месяц, когда за один день она сможет заработать больше.

Затем появилась книга В.Кунина «Интердевочка», которая 80 лет спустя после написания «Ямы» А.Куприна, произвела тот же самый шоковый эффект. Героиня книги, продававшая себя клиентам ленинградского «Интуриста», оправдывала свою профессию практически в тех же самых словах, что и героиня упоминавшегося документального фильма, однако эффект, произведенный книгой, был намного глубже, вследствие ее намеренно сенсационированной художественной формы, грубого реального сленга и эротических сцен[2]. Фильм, снятый в 1989 г. по книге, хотя и был разгромлен критиками, тем не менее имел кассовый успех[3]. Роман и фильм произвели настоящую сенсацию, хотя в действительности они рассказали о хорошо известной и вполне оформившейся среде «интердевочек», «ночных бабочек» или «путан» с их собственными обычаями, нарядами (меховыми пальто, высокими сапогами, мини-юбками) и жаргоном. Их окружали, обслуживали и обманывали таксисты, милиционеры, швейцары, горничные, спекулянты и сутенеры. Это шокирующее откровение, как и многие другие в эпоху гласности, выявило почти циничное равнодушие общества к данному явлению или даже его приятие, что хорошо прослеживалось на примере попкультуры, когда зимой 1989–1990 гг. самой популярной песней, исполнявшейся в московских и ленинградских ресторанах, была «Путана» – история парня, которого его школьная возлюбленная променяла на деньги, дорогие наряды и шампанское в гостиницах для интуристов.

Пока еще в бывшем советском обществе не возникло никакого организованного независимого движения по «спасению» проституток, каким зарекомендовали себя феминистки или ранние большевички. Общественное мнение вылилось в форму жалоб и сетований по поводу упадка нравственности. Вместе с тем появилось и новое течение. В ответ на документальный фильм о

---

[1] Группа риска (1988, реж. А.Никишин).

[2] *Кунин В.* Интердевочка. М., 1988.

[3] Интердевочка (Ленфильм, 1989, реж. П.Тодоровский).

проститутках и венерических заболеваниях 16 студентов-медиков опубликовали письмо, в котором высказались против борьбы со СПИДом, утверждая, что необходимо позволить этому заболеванию распространяться в «естественных» группах риска, с тем чтобы оно могло уничтожить всех проституток, гомосексуалистов и наркоманов[1]. Угроза СПИДа случайно вскрыла иной пример гендерной политики – из-за опасения заразиться СПИДом мужчины стали высказываться в пользу увеличения производства презервативов – требование, которое они редко прежде выдвигали, не задумываясь о предохранении женщин от многочисленных абортов[2]. Сексуальность становится одним из главных политических и культурных вопросов, но вместе с тем она вызывает и отрицательную реакцию. Так, в 1986 г. один из критиков в консервативном «Нашем современнике» напомнил о «санинщине» – явлении, существовавшем в начале XX в.[3] (см. Гл. VI). Впервые после революции были открыто выражены страхи перед ужасной смесью урбанистических процессов, секса, торговли, попкультуры и космополитизма (космополитизм – часто кодовое слово для евреев). Авторы последних статей, появившихся в консервативной «Молодой гвардии», умудрились на первых же двух страницах увязать похоть и наготу с эсперанто, Израилем, НАТО, Биллом Хейли, Элвисом Пресли, темными силами хаоса и «разрушением души и разума»[4].

Сам феномен гласности и перестройки напоминает 1861, 1905 и 1917 гг., когда во всем обществе царил дух всеобщего обновления, сопровождавшийся подъемом женской активности, которая, правда, заканчивалась откатами назад. В настоящий момент еще особо нечему откатываться назад. Однако параллели с прошлым очевидны, особенно это касается женщин, объединивших свои усилия в достижении реформ и требующих, чтобы их при этом не забыли. Размышления о будущем – трудное дело, хотя часто имеет место в средствах массовой информации, но редко приносит плоды. Тем не менее в настоящее время в России вполне определенно появляется феминистское сознание. Десять лет назад участницы диссидентского феминистского движения в Ленинграде опубликовали подпольный документ,

---

[1] См. предисловие к: *Кунин В.* Интердевочка. М., 1988.

[2] *Buckley M.* Women and Ideology in the Soviet Union. N.Y., 1989.

[3] *Olcott A.* Glasnost and Soviet Culture // Soviet Society under Gorbachev / Ed. by M.Friedberg, H.Isham. Armonk, 1987. P. 106.

[4] *Ованесьян Е.* Секс-революция эпохи перестройки // Молодая гвардия. 1990. № 2. С. 217–232.

что привело к репрессиям против них и изгнанию некоторых из СССР[1]. Само движение было равнодушно к истории женского освобождения, но оно предложило широкий спектр решений «женских» проблем, включая и обращение к Богу, – идея, которая до сих пор жива. Некоторые из высланных активисток сейчас возвращаются назад.

В последние годы некоторые женщины открыто выступили против «патриархальности» российского общества и призвали к созданию независимого женского движения. За день до Международного женского дня, 7 марта 1990 г., в Москве была организована выставка-семинар «Женщина как субъект и объект в искусстве», скрывавшая под своим названием широкую феминистскую акцию. Одна из ее организаторов, Наталья Филиппова (ученый-химик из Московского университета), заявила, что мужская «империя» провозгласила равенство полов точно так же, как государство провозгласило этническое равенство, – без понимания самой идеи и без проведения ее в жизнь. «Командно-тоталитарная» система не смогла примириться с истинным феминистским движением, так как она рассматривала людей как «винтики». Вторя Барбаре Хелдт, Филиппова сказала, что образ страдающей и готовой к самопожертвованию женщины, распространенный в русской литературе, был создан мужчинами, которые их не понимали, равно как никогда не понимало их и советское государство. Женщины нуждались в своей отдельной сфере – не в Берлинской стене или гендерной войне, но в духовном пространстве, в котором смогло бы развиться их самосознание. Как и многие советские интеллигенты, Филиппова смотрела на 1920-е гг. как на время, когда женщины могли с чувством собственного достоинства самоутверждаться в своей женской идентичности и когда к ним не относились лишь как к особой группе рабочего класса. Этот аргумент – реминисценция из гендерных дискуссий, проходивших в среде феминисток накануне революции[2].

На упомянутом выше московском семинаре председательствовала Ольга Липовская. Участницами семинара были главным образом представительницы местных женских клубов и организаций, которые начиная с 1895 г. спонтанно возникли по всей стране. Целью собравшихся было создание настоящего независи-

---

[1] Women and Russia: First Feminist Samizdat. London, 1980.

[2] Мужчина и женщина // Комсомольская правда. 1990. Март 7. Также см.: *Edmondson L.* Women's Emancipation and Concepts of Sexual Difference: The Debate among Feminists in Russia Before 1917.

мого феминистского движения – впервые в России после 1917 г. По свидетельству американской наблюдательницы, участницы с грустью отметили, что им придется начинать все заново и решать те же проблемы, которые были поставлены еще их прабабушками в XIX в.[1] С другой стороны, они по крайней мере, без догматизма берутся за решение этих проблем, задавая вечные вопросы всех русских интеллигентов во времена исканий – с чего начать и что делать. Возможно, они так и не сумеют найти все ответы, но будем надеяться, что они смогут сформулировать свои вопросы и предъявить их обществу в условиях демократии и свободы[2].

Москва, Ленинград, Хельсинки 1989–1990

---

[1] Я благодарен Р.Гликман, которая присутствовала на данном семинаре и поделилась со мной своими впечатлениями.

[2] См. рецензию Татьяны Толстой на кн.: *Gray P.F.* Soviet Women: Walking the Tightrope. N.Y., 1990 // New York Review of Books. 1990. May 31. P. 3–7.

«Социальные основы женского вопроса» (1909) А.М.Коллонтай

«Социальные основы женского вопроса» А.М.Коллонтай являются крупнейшей из когда-либо написанных русскими работ по данной проблематике. Предполагалось, что данное произведение станет теоретической платформой для делегации работниц на Всероссийском женском съезде 1908 г., а также, возможно, настольной книгой для их руководительниц (но не для самих работниц) и приманкой для социально сознательных феминисток. Между тем, Коллонтай было весьма трудно найти издателя, а когда в конце концов она его нашла, то решила отправить рукопись для рецензирования М.Горькому, жившему в то время на Капри. Горький одобрительно отозвался о работе. Но из-за перерыва в работе над рукописью на несколько месяцев книга вышла в свет лишь в начале 1909 г. К этому времени завершился съезд, феминистки и социалистки находились в некоторой растерянности, а вопрос о женской эмансипации временно вышел из моды. Поскольку основной акцент в книге делался на анализ российского феминистского движения в период его развития в 1908 г., то это обстоятельство в определенной степени лишило работу Коллонтай исторического значения. Поскольку книга была слишком объемной для того, чтобы использовать ее в агитационных целях, слишком заумной для рядовых работниц и в значительной степени узкотематической, чтобы оставаться актуальной для более поздней стадии женского социалистического движения, то она очутилась в своеобразном историческом забвении и редко когда использовалась активистами этого движения. Но, поскольку «Социальные основы...» продолжают оставаться крупнейшей работой, написанной представительницей русского марксизма по данному вопросу, и широко используются историками женского движения, то здесь требуются некоторые комментарии[1].

Исторический и экономический анализ, содержащийся в книге, дан в русле идей Бебеля, Энгельса и других немецких авторов и страдает от высокой степени абстрактности. Когда Коллонтай пытается проследить возникновение женского движения в России, она либо преувеличивает значение первых женских забасто-

[1] Об обстоятельствах выхода в свет книги см.: *Коллонтай А.М.* Автобиографический очерк // Пролетарская революция. 1921. № 3. С. 277.

вок на фабриках, либо впадает в пространные рассуждения о том, что «эмансипационные стремления русских буржуазок совпадают с оживлением экономической и государственной жизни России в 1860-х годах». Более обоснованным является ее утверждение о том, что женский вопрос значительно шире и глубже, чем проблемы образования и работы. «Женский вопрос, – пишет она, используя свой излюбленный образ, – это, в конечном счете, вопрос куска хлеба. Корни его глубоко зарыты в экономике. Чтобы решиться потребовать равноправия с мужчиной, женщина должна была стать, прежде всего, экономически самостоятельной». Итог вышеизложенного содержится в следующем отрывке, который в значительной мере восходит к Бебелю, но в еще большей степени – к Цеткин: «Последователи исторического материализма отрицают существование особого женского вопроса отдельно от общесоциального вопроса наших дней. Определенные экономические причины вызвали в свое время подчиненное положение женщины; природные свойства ее играли при этом лишь роль *вторичного* фактора. Только полное исчезновение этих причин, только эволюция тех самых хозяйственных форм, которые породили когда-то порабощение женщин, смогут коренным образом повлиять на изменение ее социального положения. Другими словами, действительно свободной и равноправной женщина сможет стать только в преобразованном на новых общественных и производственных началах мире»[1].

Во всем этом было мало новизны - еще в начале 1860-х годов то же самое говорил Ткачев[2]. Основным врагом для Коллонтай был феминизм, нападки на который занимают большую часть книги. Цитируя Цеткин, Коллонтай характеризует европейское феминистское движение как «последний отзвук борьбы третьего сословия за свою эмансипацию». Это определение отнюдь не было комплиментом, так как его основная суть, подкрепленная цитатами из резолюций международных феминистских съездов, заключалась в том, что «буржуазные» женские движения (страницы книги буквально пестрят такими понятиями, как «буржуазки» и «равноправки») стремятся лишь к наделению правом голоса женщин, принадлежащих к их же классу, с тем, чтобы либо остановить распространение всеобщего избирательного права, либо с тем, чтобы открыть имущим женщинам доступ к работе. Частично данное утверждение было верным, и многие

---

[1] *Коллонтай А.М.* Социальные основы женского вопроса. СПб., 1909. С. 4, 34, 49. См. также: *Коллонтай А.М.* Избранные статьи и речи. М., 1972. С. 61–81.
[2] См. Главу II, 3.

феминистки сами это признавали. Однако оно *не было* верным для всех феминисток, как европейских, так и русских.

Коллонтай не осуждала тех женщин, которые желали права голоса «в рамках существующей структуры социальных классов», за эти их «невольные грезы», которые неизбежно вытекали из их классовой позиции. В ярость же ее приводили те феминистки, которые выходили за рамки своего класса, чтобы заманить к себе «бедных младших сестер» из пролетариата, чьи силы таким образом растрачивались впустую и отклонялись от выполнения их «классовой» миссии. «Должны ли женщины рабочего класса откликнуться на призыв феминисток и принять живое, непосредственное участие в борьбе за женское равноправие или же, оставаясь верными традициям своего класса, они должны идти своим путем и бороться иными средствами за избавление не только одних женщин, но и всего человечества от гнета и порабощения современными капиталистическими формами общежития?» Недвусмысленным ответом на данный вопрос явилась цитата из Готской программы: «Эмансипация пролетарской женщины не может быть делом женщин всех классов. Эта цель может быть достигнута лишь общими усилиями всего пролетариата, вне зависимости от пола»[1].

Главный удар Коллонтай был направлен на русских феминисток. К женщинам, занимавшимся благотворительностью, она относилась не иначе как с презрением. «Не вычерпать им, – писала она, используя в марксистских целях старое клише интеллигенции, – чайной ложкой благотворительности моря страданий и нищеты, порождаемых капиталистической эксплуатацией наемного труда». Однако, признавая тот факт, что Взаимноблаготворительное общество со временем стало заниматься политикой, Коллонтай практически не уделяла его деятельности внимания и только лишь высмеивала его бессмысленную мечту о едином женском движении. Большим нападкам подверглась Прогрессивная женская партия, причем не только за ее отчуждение от масс, но и за ее претенциозность. Но основное внимание Коллонтай было приковано к Союзу равноправия женщин – наиболее демократической, наиболее социально ориентированной организации, и поэтому менее всего уязвимой для критики. Поскольку все левое крыло Союза выступало за всеобщее избирательное право и реформу трудового законодательства, то Коллонтай была вынуждена сконцентрироваться на расколе Союза и его последующем отказе признать партию социал-демократов «своею». Альянс

[1] *Коллонтай А.М.* Социальные основы женского вопроса. С. 3, 27, 235.

трудовиков и кадетов Коллонтай рассматривала как результат «инстинктивного осознания классового антагонизма, розни, основных экономических интересов»[1].

Антифеминистская полемика, содержащаяся в «Социальных основах женского вопроса», в значительной степени носит утрированный характер. Автор не верит тому, что феминистское движение в какой-либо стране способствует получению женщинами права голоса, что оно поддерживает всеобщее избирательное право или же демонстрирует озабоченность социальными проблемами в России. Когда Коллонтай признавала за феминистскими объединениями социальную направленность, она видела в ней лишь средство достижения их скрытых целей. При внимательном рассмотрении может показаться, что основной проступок феминисток, который Коллонтай им прощала, заключался в том, что они не были социалистками. Определенная слабость книги в том, что Коллонтай практически не уделяет внимания насущным проблемам внутри самого пролетарского движения. Утверждая, что рабочие и работницы (а также социалисты) объединены общей борьбой, она, тем не менее, ничего не пишет о враждебной настроенности пролетариев по отношению к работницам и социалисткам, выступавшим за освобождение женщин. Справедливости ради необходимо отметить, что в последующих работах Коллонтай исправила этот недостаток. Кроме того, утверждая, что «образованные» представительницы буржуазии отвернулись от фабричных работниц, она ничего не говорит о тех проблемах, с которыми столкнулись сами социалистки, пытавшиеся установить контакты с работницами. Помимо всего прочего, изложение материала весьма запутанное, скучное, а сама книга – наскоро написана и, конечно же, не оправдывает своего названия.

Однако, несмотря на все эти недостатки, у книги есть и достоинства. Если не по ясности изложения, то по своему охвату, она может сравниться с «Женщиной и социализмом» Бебеля. Цеткин так и не нашла времени, чтобы написать исследование такого объема. Появись работа Коллонтай раньше, она могла бы занять более видное место в литературе по женскому вопросу той эпохи. Тем не менее она представляет значительную ценность в качестве хроники феминизма 1905–1908 гг. Такое подробное описание истории феминизма тех лет редко встречается в подобного рода произведениях. Благодаря обильному цитированию феминистских работ, которые сейчас было бы трудно найти, исследование

[1] *Коллонтай А.М.* Социальные основы женского вопроса. С. 109, 311. Замечания Коллонтай об отдельных феминистских группах разбросаны по всей книге.

21 Заказ 5510

Коллонтай, несмотря на сознательное искажение фактов, является ценнейшим источником по истории российского феминизма. Более того, общие выводы Коллонтай о феминистском движении в России и за границей, хотя зачастую и страдают от крайней резкости выражений, были на слуху. В подобного рода литературе лишь критика Коллонтай проливает свет на существенные недостатки феминистского подхода к проблеме общей эмансипации, которая к 1908 г. стала очевидной. И тот факт, что Коллонтай осознала это задолго до того, как данная проблема стала очевидной для всех и четче обозначились подходы к ней (после 1910 г.), свидетельствует о том, что, несмотря на склонность к демагогии, Коллонтай все же действительно смогла проникнуть вглубь социального проблемы.

Библиография

Для того, чтобы сделать приведенный ниже список архивных источников и литературы как можно более полезным для исследователей, я ограничил его теми работами, которые непосредственно касаются данной проблемы. К сожалению, вследствие этого мне пришлось исключить многие общие работы по русской истории, которые были необходимы мне для понимания российской культуры, а также и по смежным вопросам, даже те, что цитировались в тексте, множество работ по европейскому феминизму, художественные произведения и переводные книги. Я следовал этому правилу с некоторыми исключениями. Комментарии ко многим работам, включенным в Библиографию, можно найти в сносках. В исследовании подобного рода не всегда легко провести четкую границу между источниками и исследовательской литературой, однако подобная попытка была предпринята для каждого хронологического периода. Некоторое дублирование при этом неизбежно. Так множество работ, помещенных в пятом разделе, могут быть перечислены и в четвертом, в особенности это касается биографических материалов. Основные периодические издания не были выделены отдельно, однако их можно найти в соответствующих разделах библиографического списка. Тем же, кто хотел бы разобраться в лабиринте дореволюционной периодической литературы, я посоветовал бы иметь перед собой следующие издания:

Попов В.А. Систематический указатель статей, помещенных в нижепоименованных периодических изданиях с 1830 по 1884 год. СПб., 1885;

Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых: В 3 т. Пг., 1915;

Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей: В 4 т. М., 1956–1960.

I. Архивные источники

А. Ленинград

Центральный государственный исторический архив Ленинграда

1. I Всероссийский съезд по образованию женщин 1912 г. Ф. 751. Оп. 1. Д. 1.

2. Бумаги Анны Философовой и документы Российского Взаимноблаготворительного общества в Санкт-Петербурге. Ф. 1075.

3. Документы Российского общества защиты женщин. Ф. 1335. Оп. 1.

4. По законодательному предположению 40 членов Гос. Думы об избирательных правах женщин, 1912 г. Ф. 1405. Оп. 532. Д. 321.

B. Амстердам

International Institute of Social History

1. Brupbacher Archive. Folder «Wera Figner».
2. Archive «Menљeviki, 1917–1918».
3. Archive Robert Grimm. Zimmerwald Bewegung, H-19, I-30 (1915).

C. Cambridge

Harvard University, Widener Library. Smolensk Archive, Zhenotdel documents, 1922–1934.

II. Работы общего и библиографического характера

А. Источники

Америго Н. Женщина в русских пословицах. М., 1908.

Женское право. СПб., 1973.

Михайлова В. Русские законы о женщине. М., 1913.

Миловидова Е. Женский вопрос и женское движение. М., 1929.

Свод законов Российской империи: В 16 т. СПб., 1912.

Щепкина Е.Н. Из истории женской личности в России. СПб., 1914.

В. Научная и научно-популярная литература

Амфитеатров А.В. Женщина в общественных движениях России. Женева, 1905.

Высшие женские (бестужевские) курсы: Библиографический указатель. М., 1966.

Давыдов Н.В. Женщина перед уголовным судом. М., 1906.

√ *Канторович* [Орович] *Я.* Женщина в праве. СПб., 1895.

Ковалева К.Н. Историческое развитие быта женщины, брака и семьи. М., 1931.

Лихачева Е. Материалы для истории женского образования в России: В 2 т. СПб., 1890–1893.

Синайский В.И. Личное и имущественное положение замужней женщины. Дерпт, 1910.

Atkinson D. Society and the Sexes in the Russian Past // Women in Russia / Ed. by D.Atkinson. Stanford, 1977.

Dudgeon R. Women Students in Russia, 1860–1905. Ph. D. thesis, George Washington University, 1975.

Melnikow N.M. Die gesellschaftliche Stellung des russischen Frau. Berlin, 1901.

Neumark N. The Consciousness of Women in the Russian Women's Movement, 1860–1914. Ph. D. thesis, University of Sydney, 1976.

Satina S. Education of Women in Pre-Revolutionary Russia. N.Y., 1966.

Stern B. Geschichte der uffentlichen Sittlichkeit in Russland: In 2 vols. n.p., 1907– 1920

Women in the Nineteenth Century Russia / Ed. by R.Glickman, Stites R. (не опубликована).

III. Части I и II

А. Источники

Анненков П.В. Литературные воспоминания. М., 1960.

Анненская А. Из прошлых лет (воспоминания о Н.Ф.Анненском) // Русское богатство. 1913. Янв; 1913. Февр.

Бабиков К.И. Продажные женщины (проституция). М., 1870.

Бакунина Е. Воспоминания сестры милосердия Крестовоздвиженской общины (1854–1860 гг.) // Вестник Европы. 1898. Март; 1898. Май.

Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. М., 1953–1959.

Биография, письма и заметки из записной книжки Ф.М.Достоевского / Под ред. О.Миллера, Н.Н.Страхова. СПб., 1883.

Брешко-Брешковская Е. Из воспоминаний (С.А.Лешерн, Н.А.Армфельд, Т.И.Лебедева, М.К.Крылова, Г.М.Гелфман) // Голос минувшего. 1918. Окт.–дек.

Васильев И. (Илларион Васильевич) Фемида, или Начертание прав, преимуществ и обязанностей женского пола в России на основании существующих законов. М., 1827.

Вернадская М.Н. Собрание сочинений. СПб., 1862.

Водовозова Е.Н. На заре жизни и другие воспоминания: В 2 т. М., 1934.

Волькенштейн Л. 13 лет в Шлиссельбургской крепости. СПб., 1905.

Вормс Н. Белый террор // Колокол. 1867. Янв. 1.

Ган Е.А. Полное собрание сочинений. СПб., 1905.

Герье В. Теория и практика женского образования // Вестник Европы. 1877. Март.

Герцен А.И. Собрание сочинений: В 30 т. М., 1954.

Герцен А.И. Сочинения: В 9 т. М., 1955–1958.

Гончаров И.А. Полное собрание сочинений: В 12 т. СПб., 1899.

Григорович Д.В. Литературные воспоминания. Л., 1961.

Дауль А. Женский труд. СПб., 1869.

Дейч Л. Южные бунтари // Голос минувшего. 1920–1921. Окт.

Дерикер В.В. Физиология женщины. СПб., 1854.

Дестунис Н. Чему мы, женщины учились? // Русская беседа. 1859. Март.

Добролюбов Н.А. Собрание сочинений: В 9 т. М., 1961–1964.

Достоевский Ф.М. Пушкин (очерк). Речь, произнесенная Ф.М.Достоевским 8 июля 1880 г. СПб., 1899.

Джабадари И. Процесс 50-ти (Всероссийская социально-революционная организация) 1874–1877 гг. // Былое. 1907. Авг., сент., окт.

За женщин! СПб., 1886.

Засулич В.И. Воспоминания. М., 1931.

Женский вестник. СПб., 1867–1868.

Златковский М.Л. Женское специальное образование в Петербурге. СПб., 1875.

Жуковская Е. Записки. Л., 1930.

Илинский П.А. Русская женщина в войну 1877–1878 г.: Очерк деятельности сестер милосердия, фельдшериц и женщин-врачей. СПб., 1879.

Карнович Е. О развитии женского труда в Петербурге. СПб., 1865.

Кони А.Ф. На жизненном пути: В 5 т. Ревель, 1914–1929.

Ковалевская С.Н. Воспоминания детства и автобиографические очерки. М., 1945.

Ковалевская С.Н. Воспоминания детства; Нигилистка. М., 1960.

Ковальская Е.Н. Мои встречи с С.Л.Перовской // Былое. 1921. XVI.

Крупская А. Воспоминания сестры Крестовоздвиженской общины, 1854, 1855 и 1856 гг. // Военный сборник. 1861. Авг.

Кузнецов М. Проституция и сифилис в России: Историко-статистические исследования. СПб., 1871.

Кушева Е. От русского революционного общества к женщинам // Литературное наследие. 1921. XLI–XLII.

Лавров П.Л. Избранные сочинения: В 4 т. М., 1934–1935.

Лавров П.Л. Народники-пропагандисты 1873–1878 годов. СПб., 1907.

Луканина А.Л. Год в Америке: Из воспоминаний женщины-медика // Вестник Европы. 1882. Апр.
Любатович О. Далекое и недавнее // Былое. 1906. Май–Июнь.
Милль Д.С. О подчинении женщин. СПб., 1869.
Михайлов М.Л. Сочинения: В 3 т. М., 1958.
Михайлов М.Л. Женщины: Их воспитание и значение в семье и обществе. СПб., 1903.
Михайловский Н.К. Сочинения: В 6 т. СПб., 1896–1897.
Мордовцев Д. Русские женщины нового времени: Биографические очерки из русской истории: В 3 т. СПб., 1874.
Морозов Н.М. Повести моей жизни: В 3 т. Л., 1947.
Мужчина и женщина врозь и вместе в разные эпохи их жизни. СПб., 1859.
Некрасова Е. Женские врачебные курсы в Петербурге: Из воспоминаний и переписки первых студенток // Вестник Европы. 1882. Дек.
Одоевский В.Ф. Дневник В.Ф. Одоевского, 1859–1869 гг. // Литературное наследие. 1935. XXII–XXIV.
Ошанина М. К истории партии Народной воли // Былое. 1907. Июнь.
Панаева А.Я. Воспоминания. М., 1956.
Пантелеев Л. Из воспоминаний прошлого. СПб., 1905.
Перовский А.Л. Из воспоминаний брата С.Л.Перовской // На чужой стороне. 1925. X.
Пирогов Н.И. Севастопольские письма и воспоминания. М., 1950.
Пирогов Н.И. Собрание сочинений: В 8 т. М., 1957–1960.
Пирогов Н.И. Сочинения: В 2 т. СПб, 1900.
Писарев Д.И. Избранные педагогические сочинения. М., 1951.
Писарев Д.И. Сочинения: В 6 т. СПб, 1894.
Писарев Д.И. Сочинения: В 4 т. М., 1955–1956.
Помяловский Н. Мещанское счастье; Молотов. М., 1957.
Призвание женщины. СПб., 1840.
Рассвет. СПб., 1859–1862.
Сеченов И.М. Автобиографические записки. М., 1907.
Скабичевский А.М. Литературные воспоминания. М., 1928.
Скальковский К. Жорж Санд // Рассвет. 1861. XI.
Слепцов В. Сочинения: В 2 т. М., 1957.
Соколов Д.П. Назначение женщины по учению слова Божия. СПб., 1884.
Страхов Н.Н. Из истории литературного нигилизма. СПб., 1890.
Страхов Н.Н. Женский вопрос: Разбор сочинения Джона Стюарта Милля «О подчинении женщины». СПб., 1871.
Ткачев П.Н. Избранные сочинения: В 7 т. М., 1932–1937.
Тургенев И.С. Накануне. М., Б.д.
Устав общества для пособия бедным женщинам в С.-Петербурге. СПб., 1865.
Фигнер В. В борьбе. Л., 1966.
Фигнер В. Запечатленный труд: Воспоминания: В 2 т. М., 1964.
Фигнер В. Студенческие годы (1872–1873) // Голос минувшего. 1922. Окт.
Цитович П. Что делали в романе «Что делать?». Одесса, 1879.
Шабанова А.Н. Женские врачебные курсы // Вестник Европы. 1886. Янв.
Шашков С.С. Исторические судьбы женщины: Детоубийство и проституция. СПб., 1871.
Шашков С.С. История русской женщины. СПб., 1879.
Шашков С.С. Собрание сочинений: В 2 т. СПб., 1898.

Шашков С.С. Женское дело в Америке. СПб., 1875.
Шелгунов Н.В. Избранные педагогические сочинения. М., 1954.
Шелгунов Н.В. Сочинения: В 3 т. СПб., 1904.
Шелгунов Н.В., Шелгунова Л.П., Михайлов М.Л. Воспоминания: В 2 т. М., 1967.
Шелгунова Л.П. Из далекого прошлого. СПб., 1901.
Шестидесятые годы: Материалы по истории литературы и общественному движению / Под ред. Н.К.Пиксанова. М., 1940.
Штакеншнейдер Е. Дневник и записки. М., 1934.
Щапов А.П. Сочинения: В 3 т. СПб., 1906–1908.
Чернышевский Н.Г. Что делать? М., 1963.
Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений: В 15 т. М., 1939–1950.
Чудинов А.Н. Очерки истории русской женщины. СПб., 1873.
Юнге Е. Из моих воспоминаний, 1843–1860 гг. // Вестник Европы. 1905. Май.

Breshko-Breshkovskaya E. Hidden Springs of the Russian Revolution: Personal Memoirs. Stanford, 1931.
Breshko-Breshkovskaya E. The Little Grandmother of the Russian Revolution. Boston, 1930.
Cabet E. La femme. Paris, 1848.
Dostoevsky F.M. The Diary of a Writer: In 2 vols. N.Y., 1949.
Drouginine A. Polinka Saxe. Brussels, 1872.
Enfantin B.P., count de Saint-Simon C.H. Oeuvres: In 47 vols. Paris, 1865–1878.
Figner V. Memoirs of a Revolutionist. London, n.d.
Five Sisters: Women Against the Tsar / Ed. by B.Engel, C.Rosenthal N.Y., 1974.
Fourier C. Oeuvres complètes: In 6 vols. Paris, 1846–1848.
Héricourt J. A woman's Philosophy of Woman: An Answer to Michelet, Proudhon, Girardin, Legoué, Comte and other Modern Innovators. N.Y., 1864.
Koltsova-Masalska E. Les femmes en orient: In 2 vols. Zurich, 1860.
Kovalevskaya S.N. Sonya Kovalevsky: Her Recollections of Childhood. N.Y., 1895.
Kravchinsky S.M. A Female Nihilist. Boston, 1886.
Kravchinsky S.M. Sofia Perovskaya. Berlin, 1903.
Kropotkin P.A. Memoirs of a Revolutionist. New York, 1962.
Michelet J. Oeuvres complètes: In 40 vols. Paris, 1893–1899.
Mill J.S. Dissertations and Discussions: In 4 vols. Boston, 1865–1868.
Moser C. Antinihilism in the ussian Novel of the 1860's. The Hague, 1964.
Proudhon P.-J. Oeuvres complètes: In 12 vols. Paris, 1923–1946.

В. Научная и научно-популярная литература

Абрамов Я. Женские врачебные курсы // Северный вестник. 1886. Февр.
Архангельский В.Г. Катерина Брешковская. Прага, 1938.
Ашевский С. Русское студенчество в эпоху шестидесятых годов (1855–1863) // Современный мир. 1907. Авг.
Ашешов Н. Софья Перовская: Материалы для биографии и характеристики. СПб. [sic], 1920.
Базанов В. Из литературной полемики 60-х годов. Петрозаводск, 1941.
Богданович Т.А. Любовь людей шестидесятых годов. Л., 1929.
Венкитерн Н. Жорж Санд. М., 1923.
Веселовский А. Западное влияние в новой русской литературе. М., 1916.
Виленская Э.С. Революционное подполье в России (60-е годы XIX в.). М., 1965.

Всесоюзное общество политических каторжан и ссыльнопоселенцев // Деятели революционного движения в России: Биобиблиографический словарь / Под ред. Ф.Кона. М., 1927.

Гершензон М.О. История молодой России. М., 1923.

Дейч Л. Роль евреев в русском революционном движении. М., 1926.

Джаншиев Г.А. Эпоха великих реформ: Исторические справки. М., 1896.

Евгеньев-Максимов В. Гончаров и его отношение к нигилизму // Книга и революция. 1921. Янв.

Иванов-Разумник Р.В. История русской общественной мысли: В 2 т. СПб., 1909–1911.

Йохелсон В., Кантор Р.М. Геся Мироновна Гелфман. Пг., 1922.

Кан С.Б. История социалистических идей. М., 1967.

Кара-Мурза С. Герои и героини романа «Что делать?» // Красная нива. 1928. Июль.

Каренин [Комарова] В. Жорж Санд: В 2 т. СПб., 1899–1916.

Книжник-Ветров И.С. Русские деятельницы Первого Интернационала и Парижской Коммуны. М., 1964.

Костомаров Н. И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. СПб., 1860.

Котляревский Н.А. Канун освобождения, 1855–1861. Пг., 1916.

Купреянова Н. «Шелгунов» // История русской критики: В 2 т. / Под ред. Б.П.Городецкого. М., 1958.

Либрович З. Петр Великий и женщины: Исторический очерк. СПб., 1904.

Лядов В.Н. Исторический очерк столетней жизни Императорского Воспитательного Общества Благородных Девиц и санкт-петербургского Александровского училища. СПб., 1864.

Нечкина М.В. Движение декабристов: В 2 т. М., 1955.

Острогорский В.П. Двадцатипятилетие женских гимназий: Историческая заметка // Вестник Европы. 1883. Апр.

Овсянико-Куликовский Д.Н. История русской интеллигенции: В 2 т. М., 1907–1908.

Овцин В. Развитие женского образования. СПб., 1887.

Песковский М. Очерк истории высшего женского образования в России (за 20 лет) // Наблюдатель. 1882. Апр.–июнь.

Пеунова М.Н. Общественно-политические и философские взгляды Н.В.Шелгунова. М., 1954.

Пинаев М.Т. Комментарии к роману «Что делать?». М., 1963.

Плоткин Л.А. Писарев и литературно-общественное движение шестидесятых годов. М., 1964.

Пустовойт П.Г. Роман И.С.Тургенева «Отцы и дети» и идейная борьба 60-х годов XIX века. М., 1964.

Санкт-Петербургские высшие женские (бестужевские) курсы (1878–1918 гг.): Сборник статей / Под ред. С.Н.Валка. Л., 1965.

Седал Е. Софья Перовская. М., 1962.

Семенов Д. Столетие Смольного монастыря // Отечественные записки. 1864. Май.

Семевский В. Н.Д.Хвощинская-Зайончковская // Русская мысль. 1890. Окт.–дек.

Скафтумов А. Статьи о русской литературе. Саратов, 1958.

Слепцова Ж. Василий Алексеевич слепцов в воспоминаниях его матери, 1836–1878 // Русская старина. 1890. Янв.

Смирнов А. Первая русская женщина-врач. М., 1960.
Способин А Д. О разводе в России. М., 1881.
Стасов В.В. Надежда Васильевна Стасова: Воспоминания и очерки. СПб., 1899.
Чемена О.М. И.А.Гончаров и семейная драма Майковых // Вопросы изучения русской литературы / Под ред. Б.П.Городецкого. М., 1958.
Чуковский К.И. Люди и книги шестидесятых годов: Статьи и материалы. Л., 1934.
Шульгин В. О состоянии женщин в России до Петра Великого. Киев, 1850.
Щеголев В.Н. Женщина-телеграфист в России и за границей. СПб., 1894.
Фатеев С. Михаил Михайлов. М., 1969.
Фигнер В.Н. Шлиссельбургская узница Людмила Алесандровна Волькенштейн. М., 1906.
Филиппова Л.Д. Из истории женского образования в России // Вопросы истории. 1963. Февр.
Хмелевская Е.М. А.Н.Луканиони // Литературный архив. 1953. IV.

Chanson P. Le droit à l'amour selon George Sand. Paris, 1943.
Claus C. Die Stellung der russischen Frau von der Einführung des Christentums bei den Russen bis zu den Reformen Peter des Grossen. Munich, 1959.
Curtiss J. S. Russian Sisters of Mercy in the Crimea, 1854–1855 // Slavic Review. 1966. March.
Dolléans E. Féminisme et mouvement ouvrier: George Sand. Paris, 1951.
Footman D. Red Prelude: The Life of the Russian Terrorist, Zhelyabov. New Haven, 1947.
Geschichte der Frauenbewegung in den Kulturländern / Ed. by H.Lange, G.Bäumer. Berlin, 1901.
Istoire mondiale de la femme: In 4 vols. / Ed. by P.Grimal. Paris, 1965–1967.
Knight A. The Fritschi: A Study of Female Radicals in the Russian Populist Movement // Canadian-American Slavic Studies. 1975. Spring. IX.
Lipinska M. Les femmes et le progrès des sciences médicales. Paris, 1930.
Malia M. Alexander Herzen and the Birth of Russian Socialism, 1812–1855. Cambridge, 1961.
Mazour A. Women in Exile. Talahassee, 1975.
Meijer J.M. Knowledge and Revolution: the Russian Colony in Zuerich (1870–1873); a Contribution to the Study of Russian Populism. Assen, 1955.
Riasanovsky N.V. Fourierism in Russia: An Estimate of the Petraševcy // American Slavic and East European Review. 1953, XII.
Sourine G. Le fourierisme en Russie. Paris, 1936.
Stanton T. The Woman Question in Europe: A Series of Original Essays. N.Y., 1884.
Stillman B. Sofya Kovalevskaya: Growing up in the Sixties // Russian Literary Triquarterly. 1974. Spring. 9.
Stites R. All-Russian Socialist-Revolutionary Organization // Modern Encyclopedia of Russian and Soviet History. 1975. I.
Stites R. Bardina Sofya Ilarionovna // Modern Encyclopedia of Russian and Soviet History. 1977. III.
Stites R. M.L.Mikhailov and the Emergence of the Woman Question in Russia // Canadian Slavic Studies. 1969. Summer. 3.
Venturi F. Anna Kuliscioff e la sua attivita rivoluzionaria in Russia // Movimento operaio. 1952. Mar.–Apr.

Whitaker C. The Women's Movement During the Reign of Alexander II // Journal of Modern History. 1976. June. XLVIII.

Zelnik R.E. The Sunday-School Movement in Russia, 1859–1862 // Journal of Modern History. 1965. June. XXXVII.

IV. Часть III

А. Источники

Абрамович Н.Я. Женщина и мир мужской культуры. М., 1913.

Александрова В. Пережитое (1917–1921 гг.) Н.-Й., 1962.

Альбитцкий П. Христианство и социализм. Н. Новгород, 1907.

Амфитеатров А.В. Женское нестроение. СПб., 1908.

Анзимирова М.Н. Причины нравственной физиономии женщины. СПб., 1901.

Ардашев Н. Великая война и женщины русские. М., 1915.

Аргамакова С. К вопросам этики в современном браке. Полоцк, 1895.

Арманд И.Ф. Статьи, речи, письма. М., 1975.

Арцыбашев М. Санин. Берлин, 1911.

Балабанова А. Из личных воспоминаний циммервальдца. М., 1925.

Баранов А. В защиту несчастных женщин. М., 1902.

Бебель А. Государство будущего. Ростов-на-Дону, 1906.

Бебель А. Женщина и социализм. Одесса, 1905.

Бебель А. Женщина и социализм. М., 1959.

Беликов Б.Д. Женщина в промышленной инспекции запада. Тверь, 1914.

Бентович Б. Торгующие телом. СПб., 1909.

Безобразов П.В. О современном разврате. М., 1900.

Бобровская Ц. Записки подпольщика, 1894–1917. М., 1957.

Болквадзе М.Г. Не развращайте женщин! или «враги человечества». СПб., 1908.

Брандт Б.Ф. Современная женщина. СПб., 1896.

Бройдо Е. В рядах РСДРП. М., 1928.

Ваховская В.И. Жизнь революционерки. М., 1928.

Владимиров В. Мария Спиридонова. М., 1905.

Волькенштейн О. Кому и зачем нужно всеобщее избирательное право? СПб., 1906.

Волькенштейн О. Освобождение женщины. Пг., 1917.

Врачебно-полицейский надзор за городской проституцией. СПб., 1910.

Гвоздев С. Записки фабричного инспектора. М., 1911.

Герман Б. Биология и социализм. Женева, 1904.

Гиппиус З. Синяя книга: Петербургский дневник, 1914–1918. Белград, 1929.

Глебов П. Политические права женщин в местном самоуправлении. М., 1906.

Голдберг Г. Женский труд в русской промышленности // Русские ведомости. 1910. Ноябрь. 17.

Гордон Г. Брак и проституция в суждениях современной молодежи // Новая жизнь. 1913. Февр.

Говоров А.В. Женский вопрос. Казань, 1907.

Громозова Л. Речь. Женева, 1904.

Грязнов К. Проституция как общественный недуг. М., 1901.

Гумилович В. Брак и свободная любовь. М., 1907.

Гуревич Л. Почему нужно дать женщинам все права и свободы. СПб., 1906.

Дан Л. Из встреч с Верой Николаевной Фигнер. Н.-Й., 1961.

Днепров П. Жестокий город. СПб., 1907.

Дрекслер К. Как предупредить беременность у больных и слабых женщин. СПб., 1910.

Дубнова-Эрлих С. Общественный облик журнала «Летопись». Н.-Й., 1963.

Дубовская П. Женская доля в разрешении социальных задач. М., 1906.

Дьяконова Е. Дневник Елизаветы Дьяконовой на высших женских курсах (1895–1899 г.) СПб., 1905.

Елец Ю.Л. Повальное безумие. СПб., 1914.

Елецкий М. Свободная любовь. СПб., 1908.

Елисеев В. Программы и правила женских гимназий. М., 1913.

Е.М. Голос русской женщины по поводу государственного и духовно-религиозно-нравственного возрождения России. СПб., 1906.

Ерманский А. Всероссийский женский съезд // Современный мир. 1909. Янв.

Женщина и война. М., 1915.

Женщина в семейной и социальной жизни / Под ред. И. П. Голдберга. СПб., 1901.

Женская доля. Женева, 1905.

Женская мысль. Киев, 1909–1910.

Женский альманах. Одесса, 1901.

Женский вестник. СПб., 1904–1917.

Женский вопрос в Государственной думе. СПб., 1906.

Женское дело. СПб., 1899–?.

Женское дело. М., 1909–1917.

Женское движение последних дней. Одесса, 1905.

Засулич В. О войне // Самозащита: Марксистский сборник. Пг., 1916.

Исаев А.А. Чего ожидать женщине от социализма? Штутгарт, 1903.

Иванов П. Студенты в Москве. М., 1903.

Каблуков К.А. Студенческий квартирный вопрос в Москве. М., 1908.

Кальманович А.А. Женское движение и его задачи. СПб., 1908.

Кальманович А.А. Женское движение и отношение партий к нему. СПб., 1911.

Кальманович А.А. Отчет о женском международном конгрессе 1904 г. Саратов, 1905.

Кальманович А.А. Претензии к женскому движению вообще и к 1 Всероссийскому женскому съезду в частности. Несколько слов о книге г-жи Коллонтай «Социальные основы женского вопроса». СПб., 1910.

Кальманович А.А. Суфражистки и суфражетки. СПб., 1911.

Кейдж А. Сведения для женщин, получивших среднее образование о высших и профессиональных учебных заведениях и курсах. СПб., 1905.

Кечеджи-Шаповалов М.В. К свободе: Этюд по женскому вопросу. СПб., 1905

Клинген И. Роль женщин как образованной сельской хозяйки в обновлении русской деревни. СПб., 1903.

К.Маркс, Ф.Энгельс, В.И.Ленин о женском вопросе / Под ред. В.Л.Бильшай. М., 1971.

Коллонтай А М. Кому нужна война? Хельсинки, 1917.

Коллонтай А.М. К вопросу о классовой борьбе. СПб., 1905.

Коллонтай А.М. О совещательном представительстве. СПб., 1906.

Коллонтай А.М. По рабочей Европе. СПб., 1912.

Коллонтай А.М. Работницы и Учредительное собрание. Пг., 1917.

Коллонтай А М. Социальные основы женского вопроса. СПб., 1909.

Крупская Н.К. Пять лет работы в вечерних смоленских классах // Ленинские установки в области культуры. М., 1934.

Крупская Н.К. Женщина-работница. Б.м., 1901.

Крыжановская-Тучапская В.Г. Из моих воспоминаний // Каторга и ссылка. 1930. VI.

Кудашева Е. Умственные способности женщины. Екатеринославль, 1897.

Кудрин Н. О равноправности женщин. СПб., 1905.

Кузьмин С. Женщина в освещении социал-демократов. СПб., 1907.

Кускова Е. Женский вопрос и женский съезд // Образование. 1909. Янв.–февр.

Лесневская А. По непроторенной дороге. СПб., 1914.

Лозинский Е. О настоящем и будущем женского движения в связи с проблемой целомудрия и задачами материнства. Б.м., 1903.

Лухманова Н.А. Недочеты жизни современной женщины. М., 1904.

Маврицкий В. Правила и программы женских учебных заведений на 1909–1910 г. М., 1909

Маргулис М.С. Регламентация и свободная проституция. СПб., 1903.

Матюшенский А.И. Половой рынок и половые отношения. СПб., 1908.

Мижуев П.Г. Женский вопрос и женское движение. СПб., 1906.

Михаил (архимандрит). Законный брак. СПб., 1908.

Михаил (архимандрит). Женщина-работница. СПб., 1906.

Михневич В. Язвы Петербурга. СПб., 1886.

Михнов С.Д. О женщине с биологической точки зрения. Юрьев, 1904.

Мирович Н. Из истории женского движения в России. М., 1908.

Мирович Н. Женское движение в Европе и Америке. М., 1907.

Мирович Н. Победа женского движения в Финляндии. М., 1904.

Мукалов М.К. Дети улицы: Малолетние проститутки. СПб., 1906.

Недешева В. Невский проспект. СПб., 1906.

Новик И.Д. Борьба за политические права женщин. М., 1906.

Новополин Г.С. Порнографический элемент в русской литературе. СПб., 1909.

Обозненко П.Е. Поднадзорная проституция С.-Петербурга. СПб., 1896.

Омельченко А.П. Свободная любовь и семья. СПб., 1908.

Орловская М.В. О женском движении в России. СПб., 1911.

Отчет о деятельности Российской лиги равноправия женщин за 1913 год. СПб., 1914.

Первые женщины-инженеры. Л., 1967.

Первый женский календарь. 1899–1916.

Петражицкий Л.И. Речь. СПб., 1907.

Покровская М.И. Врачебно-полицейский надзор за проституцией способствует вырождению народа. СПб., 1902.

Покровская М.И. Защитники и противники равноправия женщин в период Государственной думы. СПб., 1907.

Половое воспитание. М., 1913.

Продажа девушек в дома разврата. М., 1901.

Работница. 1914.

Розанов В.В. Семейный вопрос в России: В 2 т. СПб., 1903.

Российское общество защиты женщин в 1913 г. Пг., 1914.

Русская женщина на государственной и общественной службе. М., 1901.

Сабинин А.Х. Проституция. СПб., 1905.

Самойлова К.И. В объединении–залог победы. М., 1921.

Семейная жизнь в ее радостях и печалях. СПб., 1888.

Силов В. Женщина замужем. М., 1897.

Слушательницы С.-Петербургских высших женских (бестужевских) курсов. СПб., 1912.
Союз женщин. СПб., 1907–1909.
Спрудина Т. Русская женщина нашего времени. СПб., 1908.
Студенческая жизнь. М., 1910–1911.
Труды Первого Всероссийского женского съезда 1908 г. СПб., 1909.
Труды первого Всероссийского съезда по борьбе с торгом женщинами и его причинами 1910 г.: В 2 т. СПб., 1911–1912.
Труды первого Всероссийского съезда по образованию женщин. СПб., 1914.
Тыркова-Вильямс А.В. На путях к свободе. Н.-Й., 1952.
Тыркова-Вильямс А.В. Освобождение женщины. Пг., 1917.
Тыркова-Вильямс А.В. Страшный вопрос // Запросы жизни. 1910. Апр., 17.
Тыркова-Вильямс А.В. То, чего больше не будет. Париж, 1954.
Устав Общества охранения здоровья женщины в г. Санкт-Петербурге. СПб., 1898.
Устав общества под названием «Российская лига равноправия женщин». СПб., 1911.
Устав Санкт-Петербургского женского клуба. СПб., 1908.
Устав Санкт-Петербургского общества изыскания средств технического образования женщин. СПб., 1905.
Хвостов В.М. Женщина и человеческое достоинство. М., 1914.
Хвостов В.М. Женщина накануне новой эпохи. М., 1905.
Цебрикова М.К. Каторга и ссылка. СПб., 1906.
Цебрикова М.К. Письмо к Александру III. СПб., 1906.
Чебышева-Дмитриева Е.А. Роль женщин в борьбе с алкоголизмом. СПб., 1901.
Чего хотят социал-демократы. Одесса, 1917.
Шабанова А.Н. Очерк женского движения в России. СПб., 1912.
Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1952.
Южаков С. Женщина-избирательница. М., 1906.

Beatty B. The Red Heart of Russia. N.Y., 1919.
Bobrovskaya Z. Bolschewiki im zaristischen Russland. Hamburg, 1932.
Bochkareva M. Yashka: My Life as Peasant, Officer, and Exile. N.Y., 1919.
Breshko-Breshkovskaya E. A Message for the American People. N.Y., 1919.
Breshko-Breshkovskaya E. For Russia's Freedom. Chicago, 1905.
Broido E. Memoirs of a Revolutionary. London, 1967.
Broido E. Wetterleuchten der Revolution. Berlin, 1931.
Bryant L. Six Red Months in Russia. London, 1918.
Dolgorukaya S. La Russie avant la débacle. Paris, 1926.
Droit de suffrage pour les femmes // La revue socialiste. 1906. Aug. XLIV.
Ius Suffragi. Monthly, Organ of the IWSA. 1904.
Kollontai A.M. Den första etappen. Stockholm, 1945.
Krupskaya N.K. Memories of Lenin. London, 1930.
Mariya, Princess of the House of Romanov. Education of a Princess. N.Y., 1931.
M.L. Une utopie rare: l'utopie du Ruvarebohni // Bulletin of the International Institute of Social History. Amsterdam, 1937.
Paley, Princess. Memoirs of Russia: 1916–1919. London, 1924.
Tyrkova-Williams A.V. From Liberty to Brest-Litovsk. London, 1919.
Woman Question: Selections from the Writings of Karl Marx, Frederick Engels, V.I.Lenin, Joseph Stalin. N.Y., 1951.
Zetkin C. Arbeiterinnen-und Frauenfrage der Gegenwart. Berlin, 1889.
Zetkin C. Woman Suffrage. London, 1906.

В. Научная и научно-популярная литература

Борман А. А.В.Тыркова-Вильямс. Л., 1964.

Заблудовская Е.Д. Одна из первых женщин врачей-педиатров в России: А. Н. Шабанова // Педиатрия. 1957. № 6.

Зиновьева З. Солдаты тыла: Женский труд до и после войны. Пг., 1918.

Жихарева А. Анна Сергеевна Милюкова // Последние новости. 1935. Апр. 5.

Ильберг Г. Клара Цеткин. М., 1958.

Карпецкая Н.Д. Работницы и Великий Октябрь. Л., 1974.

Коллонтай А.М. Международные социалистические совещания работниц. М., 1918.

Крупская Н.К. Клара Цеткин. М., 1933.

М.И.Ульянова. М., 1965.

Петропавловская Л. Люсик Лизинова. М., 1968.

Пик В. Клара Цеткин. М., 1957.

Подляшук П. Товарищ Инесса. М., 1965.

Сборник памяти Анны Павловны Философовой: В 2 т. Пг., 1915.

Сердитова С. Большевики в борьбе за женские пролетарские массы (1903 – февраль 1917 г.) М., 1959.

Соболев М. Женский труд в народном хозяйстве XIX века. СПб., 1901.

Шишкин В.Ф. Так складывалась революционная мораль. М., 1967.

Bobroff A. The Bolsheviks and Working Women, 1905–1920 // Soviet Studies. 1974. Oct., XXVI.

Edmondson L. Russian Feminists and the Women's Congress of 1908 // Russian History. 1977.

Fréville J. Une grande figure de la Révolution russe: Inessa Armand. Paris, 1957.

Giffin F.G. The Prohibition of Night Work for Women and Young Persons: The Russian Factory Law of June 3, 1885 // Canadian Slavic Studies. 1968. Summer. II.

Glickman R. The Russian Factory Woman, 1880–1914 // Women in Russia / Ed. by D.Atkinson. Stanford, 1977.

Knight A. Women in the Russian Revolutionary Movement, 1881–1917 // Women in the Nineteenth Century Russia / Ed. by R.Glickman, R.Stites (не опубликована).

Madison B. Russia's Illegitimate Children Before and After the Revolution // Slavic Review. 1963. March. XXII.

Meyer A.G. Marxism and the Women's Movement // Women in Russia / Ed. by D.Atkinson. Stanford, 1977.

Pachmuss T. Zinaida Hippius. Carbondale, 1971.

Ruthchild R. Russian Feminists, 1905–1917. Ph. D. thesis. University of Rochester, 1976.

Shinn W.T. The Law of the Russian Peasant Household // Slavic Review. 1961. Dec., XX.

Stites R. Women's Liberation Movements in Russia, 1900–1930 // Canadian-American Slavic Studies. 1973. Winter. VII.

V. Часть IV

А. Источники

Арборе-Ралли Е. Мать и дитя в Советской России. М., 1920.

Балабанова А. От рабства к свободе. М., 1920.

Берюшин А. Почему я стала коммунисткой. М., 1919.

Без них мы не победили бы. М., 1975.
Бильшай В.Л. Советская демократия и равноправие женщин в СССР. М., 1948.
Бобрышев И. Мелкобуржуазные влияния среди молодежи. М., 1928.
Брак и семья. М., 1926.
Быстрянский В. Коммунизм, брак, семья. Пг., 1921.
Быстрянский В. Революция и женщина. Пг., 1920.
Бюллетень отдела ЦК РКП по работе среди женщин. М., 1919–1930.
Великий октябрь и раскрепощение Средней Азии и Казахстана (1917–1936 гг.), М., 1971.
Виноградская П. Вопросы морали, пола, быта и товарищ Коллонтай // Красная новь. 1923. Окт.–ноябрь.
Вольфсон С.Я. Семья и брак в их историческом развитии. М., 1937.
Вольфсон С.Я. Социология брака и семьи. Минск, 1929.
Воспоминания о Надежде Константиновне Крупской. М., 1966.
Гелман И. Половая жизнь современной молодежи. М., 1923.
Гинзбург В.С. Суд над матерью, подкинувшей своего ребенка. М., 1924.
Гойхбарх А.Г. Брачное, семейное и опекунское право советской республики. М., 1920.
Гойхбарх А.Г. Новое семейное право. М., 1918.
Григоров Г., Шкотов С. Старый и новый быт. М., 1927.
Гринфельд Ю. Из воспоминаний о борьбе за свободу и народовластие в Одессе, 1918–1920 гг. Н.-Й., 1962.
Доклад Отдела по работе среди женщин ЦК РКП. М., 1922.
Дочери революции. М., 1923.
Жизнь без контроля (половая жизнь и семья рабочей молодежи) / Под ред. В. Кетлинской, В.Слепкова. М., 1929.
Женщины города Ленина. Л., 1963.
Женщины и дети СССР. М., 1969.
Женщины в революции. М., 1959.
Женщины русской революции. М., 1968.
Залкинд А.Б. Революция и молодежь. М., 1925.
Зиновьева З. От коммунистической семьи к коммунистическому обществу. Пг., 1920.
Кабо Е.О. Очерки рабочего быта. М., 1928.
Коллонтай А.М. Автобиографический очерк // Пролетарская революция. 1921. №3.
Коллонтай А.М. Большая любовь. М., 1927.
Коллонтай А.М. Будь стойким борцом! М., 1919.
Коллонтай А.М. Воспоминания об Ильиче. М., 1959.
Коллонтай А.М. Гигант духа и воли: Голос Ленина // Октябрь. 1963. № 1.
Коллонтай А.М. Декрет на стене // Немеркнущие годы. Л., 1957.
Коллонтай А.М. Женщина на переломе. М., 1923.
Коллонтай А.М. Избранные статьи и речи. М., 1972.
Коллонтай А.М. Из моей жизни и работы. М., 1974.
Коллонтай А.М. К истории движения работниц в России. Харьков, 1920.
Коллонтай А.М. Любовь пчел трудовых. М., 1923.
Коллонтай А.М. Новая мораль и рабочий класс. М., 1918.
Коллонтай А.М. Общество и материнство. Пг., 1916.
Коллонтай А.М. Письма к трудящейся молодежи // Молодая гвардия. 1922. Апр.–май; Окт.–дек.; 1923. Май.

Коллонтай А М. Положение женщины в эволюции хозяйства. М., 1922.
Коллонтай А.М. Проституция и меры борьбы с ней. М., 1921.
Коллонтай А.М. Работница за год революции. М., 1918.
Коллонтай А.М. Работница и крестьянка в Советской России. Пг., 1921.
Коллонтай А.М. Работница-мать. М., 1918.
Коллонтай А.М. Рука истории: Воспоминания А.Коллонтай // Красноармеец. 1919. № 10–15.
Коллонтай А.М. Семья и коммунистическое государство. М., 1918.
Коллонтай А.М. Скорее в Россию! // Советские архивы. 1967. № 2.
Коммунистка. 1920–1930.
К перевыборам делегатских собраний 1929–1930 года. М., 1929.
Крупская Н.К. Женщина, равноправный гражданин СССР. М., 1937.
Крупская Н.К. Избранные педагогические произведения. М., 1965.
Лаптенок С.Д. Мораль и семья. Минск, 1967.
Ленин В.И. Полное собрание сочинений: В 55 т. М., 1960–1965.
Ленинградки: Воспоминания, очерки, документы. Л., 1968.
Луначарский А. О быте. М., 1927.
Лядов М.Н. Вопросы быта. М., 1925.
На пути к новому. М., 1925.
Нестерев В.Г. Труд и мораль в Советском обществе. М., 1969.
Октябрем рожденные. М., 1967.
Олицкая Е. Мои воспоминания: В 2 т. Париж, 1971.
Отчет о первой международной конференции коммунисток. М., 1921.
Правда, ставшая легендой. М., 1969.
Программы для курсов переподготовки работников среди женщин, 1928. М., 1928.
Рязанов Д. Маркс и Энгельс о браке и семье // Летопись марксизма. 1927. № 3.
Сборник инструкций отдела ЦК РКП по работе среди женщин. М., 1920.
Сквозь годы и бури. М., 1969.
Соколов Б. Спасите детей! Прага, 1921.
Спутник организатора крестьянок. М., 1927.
Стасова Е.Д. Воспоминания. М., 1969.
Стасова Е.Д. Страницы жизни и борьбы. М., 1960.
Три года диктатуры пролетариата: Итоги работы среди женщин Московской организации РКП. М., 1921.
Половой вопрос / Под ред. С.М.Кальмансона. М., 1924.
Фридланд Л. С разных сторон: Проституция в СССР. Берлин, 1931.
Цеткин К. Воспоминания о Ленине. М., 1968.
Чистый источник. М., 1962.

Balabanova A. Impressions of Lenin. Ann Arbor, 1964.
Balabanova A. Note autobiografiche // I buoni artieri. Rome, 1957.
Balabanova A. Minnen och upplevelsen. Stockholm, 1927.
Bryant L. Mirrors of Moscow. N.Y., 1923.
Chernyavina T. We are Soviet Women. N.Y., 1936.
Femme et le communisme, La: anthologie des grands textes du marxisme. Paris, 1950.
Ginzburg E. Into the Whirlwind. Harmondsworth, 1968.
Halle F. Woman in Soviet Russia. N.Y., 1933.
Kolbasina-Chernova O. Les prisons soviétiques. Paris, 1922.
Kollontai A.M. The Autobiography of a Sexually Emancipated Communist Woman. London, 1972.

Kollontai A.M. Communism and the Family. London, n.d.
Kollontai A.M. Free Love. London, 1932.
Kollontai A.M. Red Love. N.Y., 1927.
Kollontai A.M. Workers Opposition in Russia. Chicago, 1921.
Kostërina N. The Diary of Nina Kostërina. N.Y., 1968.
Lenin V.I. On the Emancipation of Women. Moscow, n.d.
Lenin V.I. Women and Society. N.Y., 1938.
Reich W. The Sexual Revolution. N.Y., 1969.
Schlesinger R. The Family in the U.S.S.R. London, 1949.
Smith J. Women in Soviet Russia. N.Y., 1920.
Trotsky L.D. Problems of Life. London, 1924.
Winter E. Red Virtue. N.Y., 1933.
Woman and Communism: Selections from the Writings of Marx, Engels, Lenin, and Stalin. London, 1950
Zetkin C. Lenin on the Woman Question. N.Y., 1934.

В. Научная и научно-популярная литература

Аренштейн А. Ранним московским утром. М., 1967.
Астахова Н. Товарищ Ольга. М., 1969.
Барулина А.Т. Работа петроградской и московской парторганизации среди женщин-работниц (март–октябрь 1917 г.) // В борьбе за победу Октября. М., 1957.
Бестужевки в рядах строителей социализма. М., 1969.
Бочкарева Е., Любимова С. Светлый путь. М., 1967.
Большевиков П., Горбунов Г. Ольга Афанасьевна Варенцова. М., 1964.
Бреслав Е.И. А.М.Коллонтай в «Правде» 1917 года // Журналистика и жизнь. Л., 1967.
Горева Е., Суменкова М. Женотделы // В едином строю. М., 1960.
Дридзо В. Надежда Константиновна. М., 1966.
Емельянова Е.Д. Революция, партия, женщина. Смоленск, 1971.
Ершов Д.А. Мария Ильинична Ульянова. Саратов, 1965.
Женщины мира в борьбе за социальный прогресс. М., 1972.
Игумнова З. Женщины Москвы в годы Гражданской войны. М., 1958.
Исбах А.А. Товарищ Абсолют (Елена Дмитриевна Стасова). М., 1958.
Иткина А. Революционер, трибун, дипломат: Очерк жизни Александры Михайловны Коллонтай. М., 1964.
Кровицкий Г.А. Путь старого большевика: К шестидесятилетию Е.М.Стасовой. М., 1933.
Крупская Н.К. Заветы Ленина о раскрепощении женщины. М., 1933.
Кунецкая Л., Маштакова К. Страницы прекрасной жизни. М., 1969.
Курганов И.А. Женщины и коммунизм. Н.-Й., 1968.
Левидова С.М., Павлоцкая С.А. Надежда Константиновна Крупская. Л., 1962.
Левидова С.М., Салита Е.Г. Елена Дмитриевна Стасова. Л., 1969.
Любимова С.Т. Октябрьская революция и положение женщин в СССР. М., 1967.
Миндлин Е.Л. Не дом, но мир: Повесть об Александре Коллонтай. М., 1969.
Морозова В. Рассказы о Землячке; Клавдичка; Конкордия. М., 1970.
Стародуб В.И. Женщина и общественный труд. Л., 1975.
Стародуб В.И. Женщина-труженица и мать. Л., 1967.
Толкунова В.Н. Право женщин на труд и его гарантии. М., 1967.
Харчев А.Г. Брак и семья. М., 1964.
Цеткин К. Заветы Ленина женщинам всего мира. М., 1958.

Bailes K. Alexandra Kollontai et la Nouvelle Morale // Cahiers du monde russe et soviėtique. 1965. № 4.

Bronner V.M. La lutte contre la prostitution en URSS. Moscow, 1936.

Clements B. Emancipation through Communism: The Ideology of A.M.Kollontai // Slavic Review. 1973. June. XXXII. № 2.

Clements B. Kollontai's Contribution to the Workers Opposition Movement // Russian History. 1975. № 2.

Dodge N. Women in the Soviet Economy. Baltimore, 1966.

Dunham V. Sex: From Free Love to Puritanism // Soviet Society / Ed. by A. Inkeles, K.Geiger. Boston, 1961.

Egalitė de la femme en U.S.S.R. Moscow, 1957.

Eubank C. The Bolshevik Party and Work Among Women // Russian History. 1977.

Farnsworth B. Bolshevik Alternatives and the Soviet Family // Women in Russia / Ed. by D.Atkinson. Stanford, 1977.

Farnsworth B. Bolshevism, the Woman Question, and Alexandra Kollontai // American Historical Review. 1976. Summer.

Frauen der Revolution. Berlin, 1960.

Gasiorowska X. Women in Soviet Fiction, 1917–1964. Madison, 1968.

Geiger H. The Family in Soviet Russia. Cambridge, 1968.

Halvorsen C. Revolutionens Ambassadør: Alexandra Kollontays Liv og Gerning (1872–1917 aarene). Copenhagen, 1946.

Juviler P. Family Reforms on the Road to Communism // Soviet Policy-Making / Ed. by P. Juviler, H.W.Morton. London, 1967.

Lapidus G. Occupational Segregation and Public Policy: A Comparative Analysis of American and Soviet Patterns // Signs: Journal of Women in Culture and Society. 1976. Spring. I.

Lapidus G. Women in Soviet Society. Berkeley, 1977.

Lenczyc H. Alexandra Kollontai: essai bibliographique // Cahiers du monde russe et soviйtique. 1973. № 1–2.

Madison B. Social Welfare in the Soviet Union. Stanford, 1968.

Mandel W. Soviet Women. N.Y., 1975.

Massell G. The Surrogate Proletariat. Princeton, 1974.

McNeal R. Bride of the Revolution: Krupskaya and Lenin. Ann Arbor, 1972.

Palencia I. de. Alexandra Kollontay. N.Y., 1947.

Pierre A. Les femmes en Union soviėtique. Paris, 1960.

Stavrakis B. Women and the Communist Party in the Soviet Union, 1918–1935. Ph. D. thesis, Western Reserve University, 1961.

Stiernlöf S. Kvinnor i Sovjet: Yrkesliv och könsroller i första socialiststaten. Stockholm, 1970

Stites R. Balabanova Anzhelika // Modern Encyclopedia of Russian and Soviet History. 1977. III.

Stites R. Bobrovskaya Tsetsiliya // Modern Encyclopedia of Russian and Soviet History. 1977. III.

Stites R. Kollontai, Inessa, Krupskaia // Canadian-American Slavic Studies. 1975. Spring. IX.

The Role and Status of Women in the Soviet Union / Ed. by D.Brown. N.Y., 1968.

Wolfe B. Lenin and Inessa Armand // Slavic Review. 1963. March. XXII.

Women in Russia / Ed. by D.Atkinson. Stanford, 1977.

Указатель имен*

* В указатель включены имена только из основного текста книги

Указатель организаций и учреждений[1]

[1] В указатель не вошли государственные учреждения, революционные кружки и организации, а также недолговременные женские объединения и предприятия

СОДЕРЖАНИЕ

Ричард Стайтс

ЖЕНСКОЕ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ
Феминизм, нигилизм и большевизм
1860—1930

Художественное оформление *А.Сорокин*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 28.11.2003
Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная
Усл. печ. л. 38,5. Уч.-изд. л. 42,3. Тираж 2000 экз. Заказ № 5510

Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)
117393, Москва, Профсоюзная ул., д. 82
Тел. 334-81-87 (дирекция);
Тел/факс 334-82-42 (отдел реализации)

Отпечатано с готовых диапозитивов во ФГУП ИПК
«Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14